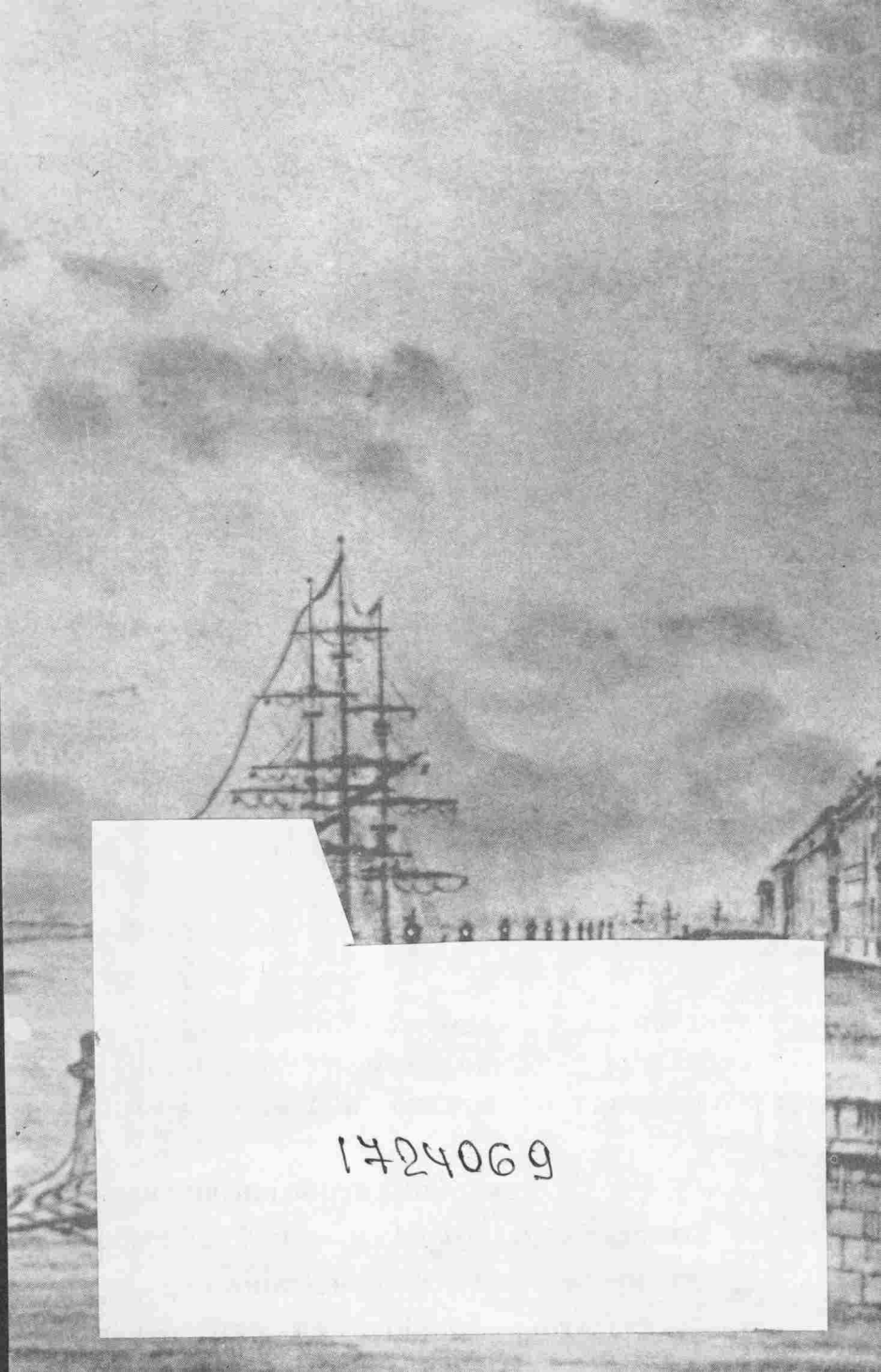

63.3 (2) 472

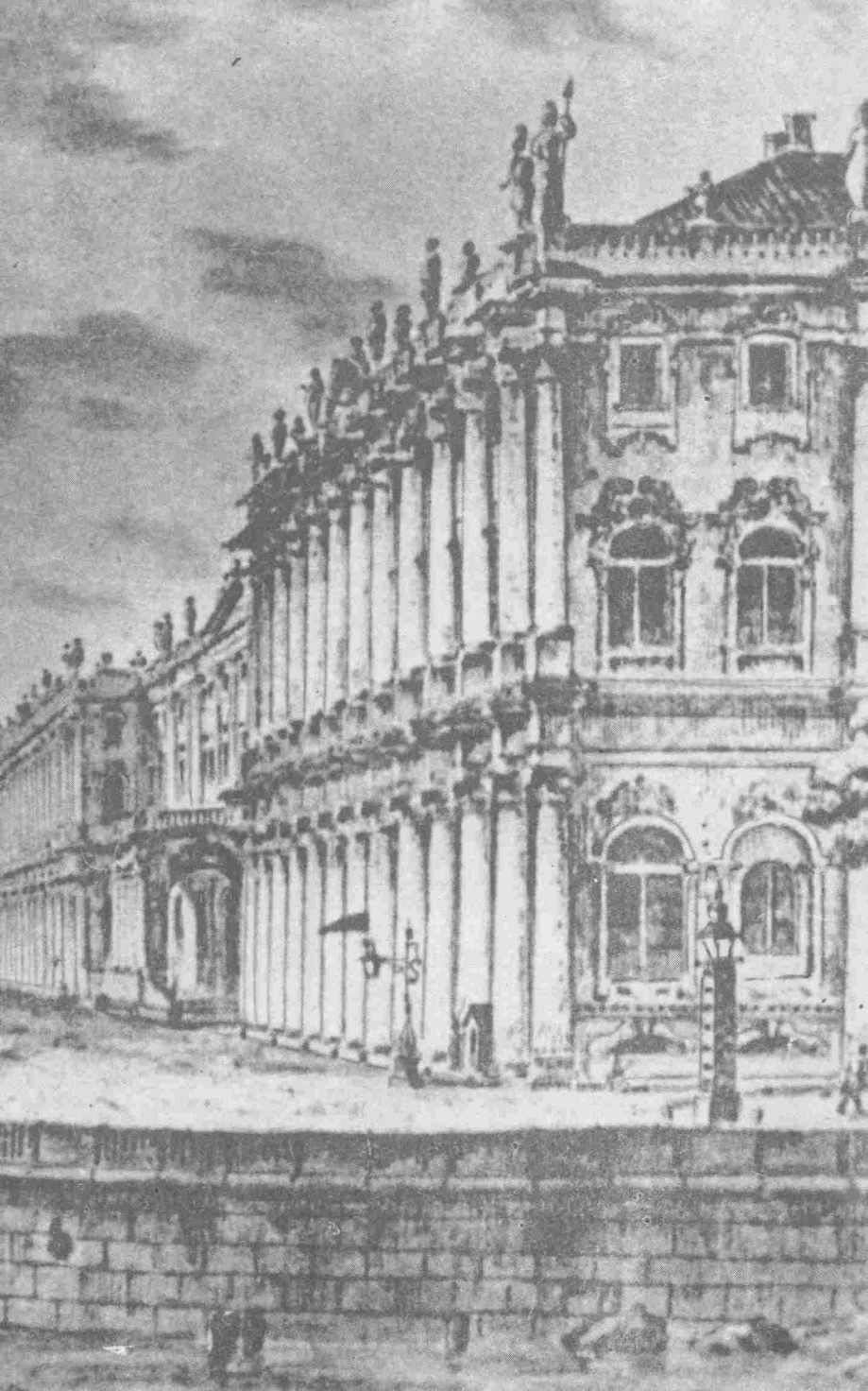
B 67 P

Handwritten initials in gold ink, possibly 'C.B.' or 'C.B.T.', with elaborate flourishes.

1724069

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

*Документы
и материалы*

63.3(2)472

В 67

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ

ЗАПИСКИ

14224069

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского

Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991

Ф 682

Издание подготовлено
А. З. ТИХАНТОВСКОЙ, Н. Ф. КАРАШ, Б. Н. КАПЕЛЮШ

Ответственный редактор
Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Рецензент *Ю. Д. Марголис*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Главный редактор
акад. **И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО**

Ю. И. Бурыкин, С. В. Житомирская (зам. главного редактора), *Б. И. Каптелов, С. Ф. Коваль* (зам. главного редактора), *С. В. МIRONENKO, Т. А. Перцева, М. Д. Сергеев* (отв. секретарь), *В. П. Шахеров, Н. Я. Эйдельман*

ДЕКАБРИСТ СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОНСКИЙ И ЕГО «ЗАПИСКИ»

В исторической литературе, посвященной декабризму, как в дореволюционной, так и советской, нет почти ни одной работы, где бы не упоминалось имя С. Г. Волконского. Однако часть этих работ носит общий характер и потому удовлетворяется весьма краткой характеристикой декабриста, другая, имеющая непосредственное отношение к нему, касается лишь отдельных моментов его биографии. Личность же Волконского в целом еще не стала предметом тщательного и всестороннего изучения, еще не определено в полной мере его место и роль как участника первого этапа революционного движения в России¹.

С. Г. Волконский — видный член Южного общества,

¹ Довнар-Запольский М. В. Новые записки декабриста // Из истории общественных течений в России. Киев, 1900; *Его же*. Тайное общество декабристов. М., 1906; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб. 1909; Штрайх С. Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925; Модзалевский Б. Л. Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике // Бунт декабристов. 1825—1925. Л., 1926; Гессен С., Коган М. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926; Попова О. История жизни М. Н. Волконской // Звенья. М.; Л., 1934. Кн. 3—4 (далее: Попова); Файерштейн С. М. Южное общество декабристов: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1948; Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, 2; Порох И. В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; *Его же*. О так называемом кризисе Южного общества декабристов // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1956. Т. 47; Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959; Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973; Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988; Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1988; Караш Н. Ф. Декабрист С. Г. Волконский и крестьянский вопрос (1836—1865) // Вестник ЛГУ. 1964. № 8. Вып. 2; *Ее же*. К изучению деятельности Каменской управы Южного общества накануне ее ликвидации // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та. 1964. Вып. 72; *Ее же*. Декабрист С. Г. Волконский: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1965; *Ее же*. Декабрист С. Г. Волконский на вольном поселении // Прометей. 1972. № 9.

глава его Каменской управы — был верным соратником и единомышленником идеолога декабризма П. И. Пестеля, он был связан с важнейшими направлениями деятельности общества. Им осуществлялась связь с северянами, которой Пестель придавал особое значение в подготовке революционного выступления, контакты с Польским патриотическим обществом.

Из четырех генералов, участников декабристского движения, может быть, именно он на протяжении всей долгой жизни оказался наиболее последовательным в своих убеждениях и верным своим идеалам.

Волконский оставил после себя ценнейший источник изучения декабристского движения с самых ранних этапов его зарождения и до поражения — свои «Записки», которые и публикуются в настоящем издании.

Предпосланный «Запискам» биографический очерк ни в коей мере не претендует на исчерпывающее исследование жизни и деятельности С. Г. Волконского. Цель его — познакомить читателя с основными вехами жизни автора «Записок», показать, как постепенно происходило формирование его взглядов, которые привели представителя высшей аристократии в ряды тайного общества и далее на каторгу в Сибирь, и этим, хотя бы частично, заполнить пробел, существующий в изучении деятельности одного из активных участников декабристского движения.

Сергей Григорьевич Волконский родился 8 декабря 1788 г. Он принадлежал к старинному княжескому роду, генеалогическое древо которого своими корнями уходило в глубь веков². Его отец, Григорий Семенович, генерал от кавалерии, военный губернатор Оренбурга, член Государственного совета, свою молодость провел под знаменами А. В. Суворова и Н. В. Репнина. За отвагу и выносливость Суворов называл его «неутомимый» и «трудолюбивый». Всю свою жизнь Г. С. Волконский сохранял о великом полководце благоговейную память, невольно подражал ему в манере поведения, что современникам казалось чудачеством.

Мать декабриста, Александра Николаевна, дочь знаменитого полководца и дипломата фельдмаршала

² Род Волконских ведет свое начало от Рюрика; С. Г. Волконский принадлежал к XXV колену этого рода (см.: Волконская Е. Г. Род князей Волконских. Спб., 1900. С. 328).

Н. В. Репнина, была статс-дамой и обер-гофмейстериной высочайшего двора, близким другом императрицы Марии Федоровны. Несколько суховатая по натуре, свято следовавшая нормам дворцового этикета, она не утратила своего положения при дворе и после ареста и ссылки младшего сына.

До 14 лет Сергей Волконский воспитывался дома, где его наставниками были, как указывал он на следствии, «первоначально иностранец Фриз, а по смерти его отставной российской службы подполковник барон Каленберг»³. Дальнейшее образование он получил сначала в пансионе П. И. Жакино, затем в петербургском пансионе аббата Николая, самом привилегированном учебном заведении той поры. Среди воспитанников Николая были Алексей и Михаил Орловы, Константин и Александр Бенкендорфы, Михаил Воронцов, князя Гагарины и др. Система образования считалась настолько совершенной, что к советам аббата Николая в вопросах воспитания юношества прибегали такие просвещенные люди, как, например, княгиня З. А. Волконская, для сына которой он создал специальную программу обучения⁴.

В формулярном списке С. Г. Волконского в графе «Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли» записано: «По-русски, французски и немецки читать и писать, математики, фортификации и географии»⁵.

Однако сам Сергей Григорьевич всегда сознавал, что его образование далеко не совершенное, и в дальнейшем, особенно в годы ссылки, восполнял его пробелы.

Военная биография Волконского началась рано. Зачисленный еще восьмилетним мальчиком сержантом в Херсонский гренадерский полк, он продвигался по службе, считаясь в ней лишь номинально. В июле 1796 г. — штабс-фурьер в штабе ген.-фельдмаршала А. В. Суворова, в августе — адъютант в Алексопольском пехотном полку, полковой квартирмейстер в Староингерманландском мушкетерском, флигель-адъютант, а затем ротмистр в Екатеринославском кирасирском, затем Ростовском драгунском и вновь в Екатеринославском полку. Всюду он

³ ВД. Т. 10. С. 108.

⁴ Рус. архив. 1895. Кн. 1. С. 413—495.

⁵ ВД. Т. 10. С. 99.

числился «в отпуске до окончания наук». И только 28 декабря 1805 г. он вступает в действительную военную службу в Кавалергардский полк в чине поручика. «Записки» подробно рассказывают о войнах и сражениях, в которых принимал участие их автор. Волконский не пытается дать общую картину событий, он строго придерживается принципа писать лишь о том, что видел собственными глазами. Однако многочисленные авторские отступления, в которых анализируются взаимоотношения различных военачальников и даются оценки многим из них, где раскрываются подлинные мотивы тех или иных поступков отдельных высокопоставленных лиц, расширяют рамки повествования, придавая ему масштабность и выразительность.

Упоминая о своем участии во многих боевых эпизодах, Волконский почти всегда воздерживается от оценки личного поведения в бою. В этом смысле «Записки» дополняет формулярный список. Стремительное продвижение по служебной лестнице, многочисленные награды красноречиво свидетельствуют о храбрости, которую проявлял будущий декабрист на полях сражений. Во время антинаполеоновской кампании 1806—1807 гг., будучи адъютантом генерал-фельдмаршала графа М. Ф. Каменского, а позднее — генерал-лейтенанта А. И. Остермана-Толстого, он за участие в сражении под Пултуском получает орден Владимира IV степени с бантом; золотым знаком отличия награжден за Прейсиш-Эйлауское сражение, золотой шпагой — за храбрость, проявленную в битве под Фридландом.

В войне со Швецией, в ходе которой к России была присоединена Финляндия, Волконский не участвует. Он пишет в своих мемуарах: «По независимости моих мнений и почитая эту войну несправедливою, я отказался от предложенного мне служения»⁶. Эта неожиданная оценка Волконским русско-шведской кампании связана с тем, что он видел в ней лишь территориальные притязания. Подлинные же причины ее возникновения лежали гораздо глубже: России необходимо было упрочить свое положение на Балтийском море и обезопасить Петербург от нападений, Швеция, со своей стороны, стремилась взять

⁶ Наст. изд. С. 138. Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте с указанием страницы в скобках.

реванш за все поражения в предшествующих войнах с Россией.

Во время турецкой кампании он сражается под Шумлою и Рущуком, участвует в покорении крепости Силистрии. В 1811 г., уже в звании флигель-адъютанта, отличаетя в боях при деревне Малой Слободзее и при занятии лагеря визиря.

Участие в «летучих отрядах» во время Отечественной войны 1812 г. принесло ему звание полковника, два года спустя 24-летний Волконский за боевые действия под Калишем, Люцею и Денневицем получает чин генерал-майора, ордена Георгия IV степени, Анны II степени, а после генерального сражения при Лейпциге награждается орденом св. Анны I степени. Закончил свои боевые действия Волконский Лаонским сражением, и хотя в 1815 г. он принимал участие в наступлении союзных войск, непосредственно в военных операциях ему быть не довелось.

Отечественная война 1812 г. сыграла переломную роль в жизни Волконского. До этого времени он, как и вся военная молодежь его круга, вел жизнь довольно бурную. Об этой поре в «Записках» сказано: «Моральности никакой не было в них, весьма ложными понятия о чести, весьма мало дельной образованности и почти во всех преобладание глупого молодечества, которое теперь я назову чисто порочным» (с. 95). Война заставила лучшую часть дворянской молодежи по-новому взглянуть на себя, на свою роль в защите родины, глубже почувствовать ответственность за ее судьбу. И не случайно, что в эти годы она ищет выхода из бездуховности своего прежнего существования, житейской пустоты, стремясь к нравственному совершенствованию, к жизни деятельной, вдохновляемой высокими идеалами.

Поиски такой жизни приводят Волконского на первых порах к масонству. Как известно, тайные масонские организации в XVIII в. возникли как в Западной Европе, так и в России. Масоны провозгласили своей целью мирное объединение человечества на основах братства. Расплывчатость программы приводила к тому, что среди масонов нередко оказывались как консервативно, так и прогрессивно мыслящие деятели. В России, например, в первые масонские ложи входили видные просветители (Н. И. Новиков и др.), питавшие иллюзорные надежды с помощью масонства содействовать распространению

знаний, воспитанию молодого поколения в духе гражданских добродетелей и неприятия крепостничества. Подобные иллюзии разделяли и многие будущие декабристы. Достаточно сказать, что среди членов ложи «Соединенных друзей» встречаются имена П. Я. Чаадаева, А. С. Грибоедова, П. И. Пестеля, С. Г. Волконского, принятого в нее в 1812 г.; в ложе «Пламенеющие звезды» — К. Ф. Рылеева; в ложе «Избранного Михаила» — братьев Кюхельбекеров, А. А. Дельвига, Г. С. Батенькова и т. д. Вероятно, вступая в ложу и принимая провозглашенную масонами «идею братства», молодое поколение верило, что оно «служит нравственным и общественным целям»⁷ и может принести этим пользу обществу.

Однако, не увидев в ложе «Соединенных друзей» серьезной направленности, Волконский в 1815 г. становится одним из учредителей новой ложи — «Трех добродетелей» (ее инсталляция — 11 января 1816 г.). Как писал Н. М. Дружинин, здесь уже «перед нами — рационалистическая среда передовых офицеров, которые ищут опоры для тесного дружеского объединения»⁸.

На одном из первых заседаний Волконский произнес речь, в которой призывал активизировать деятельность ложи и ратовал за строгий отбор новых достойных членов. Скоро таковые появились: на ближайшем заседании ложи «в «ученики» был посвящен князь Ф. Ф. Гагарин, будущий член тайного Военного общества, принят был и Александр Ипсиланти, впоследствии возглавивший греческое восстание против турецкого ига. В ложу вступают также члены Союза спасения кн. С. П. Трубецкой, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, Н. М. Муравьев, П. И. Пестель.

В это время Волконский еще не входил в преддекабристские организации, членом Союза спасения он не состоял, но в ложе был очень деятелен, занимал должности 2-го и 1-го «надзирателя», а временно исполнял даже обязанности мастера, одного из высших чинов ложи. Из протоколов ложи «Сфинкс» явствует, что Волконский был и ее членом, входя в число рыцарей Верховного Капи-

⁷ Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Спб., 1908. С. 325.

⁸ Дружинин Н. М. Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды. М., 1985. С. 309.

тула⁹. Был он также «почетным» членом организованной в Киеве ложи «Соединенных славян»¹⁰.

Однако вскоре Волконский, как и многие другие будущие декабристы, разочаровался в масонстве, так как деятельность масонов не приобретала политического направления, на которое они рассчитывали. И хотя он продолжал числиться членом ложи «Трех добродетелей» до самого ее закрытия в 1822 г., задолго до этого его поиски пошли по иному пути.

В эти годы политическое самосознание только начинает в нем формироваться. Заложенные изначально чувства справедливости, совести, чести пробуждали стремление проникнуть в смысл событий, происходящих вокруг, определить свое отношение к ним. Не только жажда новых впечатлений, желание увидеть мир своими глазами, но и возможность присмотреться к жизни, текущей за пределами России, сравнить и осмыслить ее — вот что побудило Волконского совершить путешествие за границу. Позднее в своих «Записках» он напишет: «<...> все, что мы хоть мельком видели в 13-м и 14-м годах в Европе, вообще вразило во всей молодежи чувство, что Россия в общественном и внутренне политическом быте весьма отстала, и во многих вродило мысль поближе познакомиться с ней» (с. 305).

Вскоре такой случай представился. В 1814 г. после Лаонского сражения Волконский был отозван из корпуса барона Винценгероде в Петербург, где пробыл в свите императора до его отъезда на Венский конгресс. В число сопровождавших государя лиц он не вошел, и это позволило ему взять отпуск для поездки за границу. Через Вену он едет во Францию, затем посещает Англию, Бельгию, Голландию и даже предполагает отправиться в Америку. В путешествии его меньше всего привлекают красоты природы; он изучает, по собственному выражению, «народности и людей».

Европа в эти годы все еще жила воспоминаниями о революции, которая выплеснула на улицы дремавшую доколе энергию народа, заставившую пошатнуться троны

⁹ Соколовская Т. К биографии декабриста С. Г. Волконского // Рус. старина. 1907. № 6. С. 480—481.

¹⁰ Д. М. О масонской ложе «Соединенных славян» // Рус. старина. 1878. Т. 21. С. 187—189.

и приведшую к господству новые общественные силы. Посещение Франции, где вновь воцарились Бурбоны, которые вернулись на французский престол после четвертьвекового перерыва, «ничему не научившись и ничего не забыв», позволило Волконскому убедиться, что разбуженное революцией народное самосознание не может быть подавлено. В качестве примера он приводит в «Записках» как «обстоятельство общественное той эпохи» рассказ о похоронах знаменитой трагической актрисы Рокур, известной своей благотворительностью. Ей было отказано в церковной панихиде. Но возмущенный народ, чтивший покойную, сломал железные ворота, внес гроб в церковь и сам совершил богослужение. Узнав о происходящем, король, как добавляет Волконский, «понимая всю силу народной власти, поспешил дать приказание, чтоб и церковное отслужение присоединилось к народной почести» (с. 318).

Узнав о бегстве Наполеона с о. Эльбы, Волконский, находившийся в этот момент в Англии, спешит снова во Францию, где присутствует при триумфальном въезде бывшего императора в Париж.

Интерес к личности Наполеона Волконский, как и другие декабристы, пронес через всю жизнь. Как и у них, его отношение к Наполеону претерпело существенные изменения. В период кампании 1806—1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. охваченные патриотическим чувством молодые русские офицеры видели во французском императоре лишь узурпатора и тирана, мечтали об освобождении европейских народов от наполеоновского ига. 20 ноября 1812 г. Волконский писал сестре с Березины: «Вот мы и победили непобедимых, и я надеюсь, что наши прошлые несчастья будут оплачены с лихвой проклятому Наполеону»¹¹.

Поражение Наполеона, его низложение и ссылка изменили представление об «императоре-тиране». В условиях торжества консервативных общественных сил, когда победитель — Священный союз — вместо обещанной народам свободы начинает наступление на их гражданские права, Наполеон, взнесенный к власти на гребне революции, в какой-то мере становится воплощением самой идеи революции. С другой стороны, как справедливо пишет

¹¹ ЦГИА, ф. 844, оп. 2, № 42, л. 2 (фр.).

Ю. М. Лотман, «судьба Бонапарта сделалась как бы символом безграничной власти человека над своей собственной судьбой»¹². Человек без роду и племени, безвестный корсиканец, поднявшийся на вершину славы не благодаря рангу или чину, а благодаря личным качествам — достоинству, уму, силе характера, дарованию, — такой Наполеон все чаще вызывает восторженное поклонение. Достаточно напомнить, например, рассказ декабриста Н. И. Лорера «Из воспоминаний русского офицера» и его же стихотворение «Наполеон»¹³.

Волконский, «восторженный наполеоновским бытом истории», увозит с собой из Вены целое собрание портретов Бонапарта, за что получает порицание от Александра I. Позднее, уже в 1841 г., когда останки Наполеона были перевезены с о. Святой Елены во Францию, он писал другу семьи Жозефине Тюрненже в Париж: «Вы недавно были свидетелями большого национального исторического события — возвращения останков великого человека под нежно любимое им небо отечества. Последующее поколение восстанавливает справедливость. Я присутствовал при его возвращении с острова Эльбы. Он был грандиозен в ту эпоху»¹⁴.

Возвращение Волконского из путешествия в Россию было возвращением во вчерашний день Европы, которая, по мысли будущего декабриста, обогнала Россию на целую эпоху. Рубежом этой эпохи он считает Французскую революцию. «К отечеству любовь, — говорит он еще на первых страницах своих воспоминаний, — не в одной военной славе, а должна бы иметь целью поставить Россию в гражданственности на уровень с Европой и содействовать к перерождению ее сходно с великими истинами, выказанными в начале Французской революции, но без увлечений, ввергнувших Францию в бездну безначалия» (с. 98). Полностью принимая идеи свободы, равенства и братства, провозглашенные «Декларацией прав человека и гражданина», он отвергает революционный террор, к которому прибегли якобинцы в борьбе против сил, враж-

¹² Лотман Ю. М. О Хлестакове // Труды по русской и славянской филологии. Т. 26. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 28 (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та; Вып. 369).

¹³ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 289—337, 342.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 17, л. 6 (фр.).

дебных революции. «Великие истины» — это тот новый масштаб, с которым постоянно, прямо или косвенно, соотносит Волконский все происходящее вокруг.

А перед глазами вернувшегося на родину офицера все та же крепостническая Россия, то же бесправие крестьян, которые еще совсем недавно проявляли чудеса храбрости на полях сражений. Вспоминая картины удивительной доблести и героизма народа в Отечественной войне, Волконский, как честный человек, не может не признать его нравственное превосходство над многими из дворян, пытавшимися извлечь из войны лишь выгоду.

Не лучше было и положение в армии: муштра, палочный режим продолжали калечить душу и тело солдата, недавнего защитника Отчизны. Тягостное впечатление произвел на Волконского смотр русских войск в Париже 1815 г., когда, чтобы не ударить лицом в грязь перед иностранными державами, срочно были отпущены специальные средства на то, чтобы обути дотопе босых солдат. Докладывали свои деньги и командиры, замечает Волконский, верно наверставшие их потом из полковой кассы «в обиду нижним чинам» (с. 346).

Высокий душевный настрой народа был для Волконского точкой отсчета нравственной оценки своего круга: армейской молодежи, дворянской элиты, царедворцев, военачальников. Перед молодым генералом вставали вопросы, которые требовали разрешения. Зрелость, пришедшая на полях брани, призывала к размышлениям. «Зародыш обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях, чувствах,— писал Волконский в мемуарах,— и на место слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности в оных вродилось неволью от того, чему я был свидетелем в народных событиях в 1814 и 15 годах, что гражданину есть обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, наряду с верноподданническими» (с. 348).

Эта мысль была высказана им и Следственной комиссии 23 апреля 1826 г. в ответе на вопрос, «с которого времени откуда заимствовали первые вольнодумческие и либеральные мысли»: «Считаю, что с 1813 года первоначально заимствовался вольнодумческими и либеральными мыслями, находясь с войсками по разным местам Германии и по сношениям моим с разными частными лицами тех мест, где находился. Более же всего получил наклон-

ность к такому образу мыслей во время моего пребывания в конце 1814 и в начале 1815 года в Париже и Лондоне, как господствующее тогда мнение. Как в чужих краях, так и по возвращении в Россию вкоренился сей образ мыслей книгами, к тому клонящимися»¹⁵.

Нет сомнения, что, упоминая о частных лицах, с коими он встречался в Германии, Волконский имел в виду прежде всего Юстуса Грунера, активного участника немецкого патриотического движения, стремившегося способствовать освобождению германских земель от диктаторства Наполеона. Вспоминая о нем в «Записках», Волконский признается: «<...> в этих разговорах получил я более познания о обязанностях гражданина к отечеству» (с. 280).

Последующие два года после возвращения из-за границы связаны со службой Волконского в 1-й бригаде 2-й уланской дивизии, в которую он был назначен командиром. Местом службы был поначалу Новгород Волынский, затем г. Сумы.

К этому времени относится участие будущего декабриста в выкупе из крепостной зависимости актера М. С. Щепкина. Это происходило в Полтаве, где в то время играл Щепкин. По почину брата Сергея Григорьевича, Николая Григорьевича Репнина-Волконского, 26 июля 1818 г. там был организован сбор средств¹⁶. Одну из самых крупных сумм — 500 рублей — внес С. Г. Волконский. Почему-то в своих мемуарах этот эпизод он обходит молчанием.

Что касается военной карьеры Волконского, то возникает ощущение, будто ее развитие со временем несколько затормозилось, а благосклонность императора уменьшилась. Этому, конечно, были причины. Волконскому, естественно, не простили пребывания во Франции во время возвращения Наполеона с о. Эльбы, а главное, истории с судом над полковником Лабедуайером, который первым перешел со своим полком на сторону Наполеона в период «Ста дней». Суд происходил в Париже в 1815 г. в момент пребывания там союзных войск. Волконский присутствовал на суде и после объявления приговора — смертной казни — пытался через многочисленных знакомых ходатайствовать о помиловании. Об этом стало известно

¹⁵ ВД. Т. 10. С. 108.

¹⁶ Записки актера Щепкина. М., 1988. С. 337—338.

Александрю I, и он, как пишет сам Волконский в «Записках», «поручил князю П[етру] М[ихайловичу] Волконскому (мужу сестры.— Н. К. и А. Т.) выразить его негодование, сказав <...>, чтоб я перестал бы вмешиваться в дела Франции, а [обратился бы] к России» (с. 343).

Потеря благосклонности императора сказалась не сразу. Но вот в 1818 г. по армии распространяется приказ государя о создании Отдельного Литовского корпуса, в который должны были войти все полки, носящие имена литовских и других губерний, присоединенных к России от Польши. Уланская бригада, которой командовал Волконский, состояла из двух полков: Польского и Владимирского. Польский отходил к Литовскому корпусу, а Владимирский присоединился к 1-й уланской дивизии, состоявшей при Гвардейском корпусе. Волконского же не переводят ни в одну из этих дивизий, а назначают состоять при дивизионном начальнике той же 2-й уланской дивизии, в которой он служил ранее. Сочтя подобный шаг в отношении себя проявлением неуважения к своему званию, он, хоть и не упоминает об этом в мемуарах, обращается за помощью к своему влиятельному родственнику П. М. Волконскому, о чем свидетельствует переписка П. Д. Киселева с А. А. Закревским.

18 ноября 1819 г. Закревский сообщает Киселеву из Петербурга: «Бюхну (прозвище С. Г. Волконского.— Н. К. и А. Т.) князь Петр хочет сделать шефом Кирасирского полка на место Будберга и просил о сем Васильчикова, который, долго не соглашаясь, доложил государю и получил решительный отказ. Теперь Бюхна собирается ехать за границу»¹⁷. Действительно, не приступая к своим обязанностям, Волконский подает прошение об отпуске без срока и, получив разрешение, намеревается вновь уехать за границу. Желая привести в порядок свои дела, он отправляется сперва в Одессу, поблизости от которой он недавно приобрел хутор, а затем в Петербург. До отъезда за границу он решает побывать на киевских контрактах, «шумевших и делами денежными и общественным съездом». Это, казалось бы, случайное решение резко изменило всю его жизнь.

Остановившись в доме своего старого товарища и по

¹⁷ Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского // Сб. имп. русского ист. о-ва. Спб., 1891. Т. 78. С. 210.

пансиону аббата Николая, и по Кавалергардскому полку М. Ф. Орлова, он попадает в кружок людей, близких ему по духу. «Сожитие со столь замечательным лицом, как Михайло Орлов, круг людей, с которыми имел я ежедневные сношения, вытеснил меня к новому кругу убеждений и действий, развил чувство гражданина, и я вступил в новую колею действий и убеждений» (с. 359).

Волконский тогда не знал, что неожиданно для себя оказался в самой гуще тайного общества Союза благоденствия, возникшего в 1818 г. на основе реорганизации предшествовавшего ему Союза спасения, или Общества истинных и верных сынов отечества.

Ставя перед собой те же цели, что и Союз спасения, — уничтожение крепостной зависимости и создание конституционной монархии, новое общество действовало более широко, привлекая под свои знамена единомышленников, создавая многочисленные управы. Одной из самых деятельных управ, которая стала впоследствии основой Южного общества декабристов, была Тульчинская, расположенная в небольшом местечке Тульчине, где находилась Главная квартира 2-й армии.

Именно сюда на обратном пути из Киева попадает Волконский. О Тульчинской управе этого периода декабрист Басаргин рассказывает: «Направление этого молодого общества было более серьезное, чем светское, или беззаботно-веселое. Не избегая развлечений, столь естественных в летах юности, каждый старался употребить свободное от службы время на умственное свое образование. Лучшим развлечением для нас были вечера, когда мы собирались вместе и отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали. Тут обыкновенно толковали о современных событиях и вопросах»¹⁸.

Во главе управы стояли П. И. Пестель и И. Г. Бурцов. Встреча с П. И. Пестелем имела для Волконского особое значение. «Общие мечты, — пишет он в «Записках», — общие убеждения скоро сблизили меня с этим человеком и вродили между нами тесную дружескую связь, которая имела исходом вступление мое в основанное еще за несколько лет перед этим тайное общество под названием Союз благоденствия, более известное под названием

¹⁸ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 51.

«Зеленой книжки» — по цвету обертки устава этого общества» (с. 364). На следствии на вопрос, кем и когда он был принят в общество, Волконский отвечал: «сколько могу припомнить, в 1819 или 1820 году; предложение о вступлении и приобщении к обществу сделано было ген[ерал]-май[ором] Михайлом Фонвизиним в Тульчине»¹⁹. Если довериться его показаниям: «<...> в первом присутствии, сколько могу припомнить, видел я в числе членов Фонвизина, Бурцова, Пестеля, Юшневского, Абрамова, Ивашева, Комарова»²⁰, — то дата вступления в общество, как нам кажется, может быть уточнена — до ноября 1819 г., так как с ноября 1819 г. по май — июнь 1820 г. Пестель отсутствует в Тульчине.

При вступлении в Союз благоденствия Волконский был ознакомлен с целями общества, которые полностью соответствовали его убеждениям. В своих показаниях он перечисляет их: «<...> главная цель общества принятие мер к прекращению рабства крестьян в России, произведенное без всякого потрясения и с соблюдением обоюдных выгод помещиков и крестьян, к чему я готов был участвовать. <...> приготавливать сочленов в служении по гражданской службе искоренять вкравшиеся злоупотребления, в военной же введением не жестокого обращения с нижними чинами и охранения собственности их от расхищения; также учреждением искренней дружбы между сочленами. Вот, могу сказать с чистосердечием, что побудило меня вступить в Союз благоденствия»²⁰.

В первый год после вступления деятельность Волконского ограничивалась практически лишь участием в заседаниях управы — «не более четырех раз»²¹, принятием в члены Союза Меера, адъютанта Одесского генерал-губернатора Ланжерона, и офицера путей сообщения Бухновского (с. 365), имена которых на следствии не фигурировали, так как, видимо, их участие в обществе ограничилось лишь вступлением в него. Некоторая пассивность Волконского как члена общества этого периода объясняется, скорее всего, тем, что, вступив в Союз, он отказался от мысли уехать за границу и занялся устройством своих служебных дел, а потому в Тульчине мог бывать лишь наездами.

¹⁹ ВД. Т. 10. С. 114—115.

²⁰ Там же. С. 115.

²¹ Там же. С. 158.

Но для формирования его политических взглядов год 1820-й имел чрезвычайное значение, как, впрочем, и для других декабристов. Начался он революцией в Испании под руководством Рафаэля дель Риго, а два месяца спустя король Фердинанд VII вынужден был восстановить Конституцию 1812 г., одну из самых демократических конституций того времени. Развернувшиеся затем революционные события в Неаполе и Португалии привели также к установлению конституционного правления в этих странах. «Происшествия в Неаполе, Гвипании и Португалии имели тогда большое на меня влияние», — признавался на следствии Пестель²². Эти слова с полным основанием мог повторить и Волконский. Не меньшее воздействие на декабристов оказали дела российские: Чугуевское восстание военных поселений 1819 г., многочисленные крестьянские волнения и, наконец, восстание в лейб-гвардии Семеновском полку.

В Союзе благоденствия в этот период обстановка становится все более напряженной, все сильнее проявляются разногласия между его членами, что особенно ощущалось в Тульчинской управе, членом которой стал Волконский. С. Б. Окунь справедливо замечает, что именно в этой управе борьба приняла наиболее ожесточенный характер, «поскольку радикальная позиция Пестеля естественно активизировала и умеренные элементы, всячески ей противившиеся»²³. Сам Пестель в показаниях на следствии конкретизировал причину разногласий, которая «относится преимущественно до средств, коими произвести перемену в России, и до порядка вещей и образа правления, коими бы заменить существовавшее правительство»²⁴.

В начале 1820 г. Коренная управа созвала в Петербурге совещание, на котором Пестель сделал доклад о формах государственного правления. В нем он изложил свои взгляды на монархическое и республиканское правления. Вывод самого Пестеля однозначен — необходима республиканская программа. После длительного обсуждения, в котором сталкивались разные точки зрения, собравшиеся присоединились к мнению Пестеля. Однако

²² Там же. Т. 4. С. 91.

²³ Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825. Л., 1948. С. 390.

²⁴ ВД. Т. 4. С. 84.

сообщение об этом на местах, в частности в Тульчинской управе, углубило уже возникшие ранее противоречия. Сложившаяся обстановка требовала не только четкого решения программных вопросов, но и ясного определения тактических действий.

Решено было в январе 1821 г. созвать в Москве съезд. Активную роль взяли на себя приверженцы конституционно-монархического правления — братья Фон-визины и Якушкин. Как рассказывает последний в «Записках», возникла негласная договоренность не допустить избрания на съезд П. И. Пестеля, как сторонника радикальных взглядов, под предлогом того, что его просьба об отпуске может возбудить подозрения²⁵. В Москву были посланы два делегата — И. Г. Бурцов и Н. И. Комаров. Правда, в своих мемуарах С. Г. Волконский пишет, что и он был посланцем Тульчина, но с этим утверждением вряд ли можно согласиться. Волконский не был полноправным участником съезда. Его права были ограничены решением, что «правом голоса могут пользоваться только коренные члены общества, к числу коих он не принадлежал»²⁶. И потому он присутствовал лишь на неофициальных совещаниях, где собирались все члены, находившиеся в то время в Москве. Возможно, за давностью лет это и стало причиной ошибки в его воспоминаниях.

На следствии свое пребывание в Москве Волконский объяснял случайным совпадением²⁷, но в письме к отцу от 15 февраля 1821 г. писал: «Я был в течение января месяца по приватному поручению в Москве, пробыл несколько дней в столице, прибыл обратно в Тульчин»²⁸. Можно предполагать, что это «приватное поручение» было дано ему Пестелем, который хотел быть в курсе происходящего.

В результате бурных столкновений на съезде было принято решение реорганизовать общество, придав новому строго конспиративный характер; главной его целью объявлялось приготовление государства к принятию

²⁵ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 37 (далее: Якушкин).

²⁶ Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 51.

²⁷ ВД. Т. 10. С. 115.

²⁸ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 55, л. 2.

представительного правления. Союз же благоденствия предлагалось фиктивно распустить и оповестить об этом все управы. Это не только должно было избавить общество от «ненадежных» членов, но и давало возможность освободиться от сторонников радикальных действий.

О том, что «Союз благоденствия прекращает свои действия навсегда»²⁹, было сразу же объявлено всем его членам, находившимся в Москве. На этом совещании, на котором присутствовал Волконский, решение мотивировалось тем, что съезду стало известно о подозрениях, возникших в правительственных кругах.

В декабристской литературе принято считать, что известие о роспуске Союза первым на Юг в конце февраля привез Комаров, а в марте подтвердил его Бурцов. Но в своих «Записках» Волконский замечает: «Я с этой вестью прибыл в Киев и сообщил оную Южной думе» (с. 366). И вполне вероятно, что именно он стал первым гонимым из Москвы. Ведь как раз в это время продолжавшиеся хлопоты П. М. Волконского увенчались успехом, и 14 января 1821 г. его шурин, С. Г. Волконский, был назначен командиром 1-й бригады 19-й дивизии 2-й армии, расположенной на Юге³⁰. 15 февраля, как явствует из приведенного выше письма к отцу, С. Г. Волконский находился уже в Тульчине. Следовательно, он действительно оказался первым, кто мог сообщить южанам о роспуске Союза. Это позволяет предположить, что Пестель был подготовлен к приезду Комарова и Бурцова и имел время для оценки обстановки.

Решение съезда о прекращении деятельности общества не было принято Тульчинской управой. С. Г. Волконский не присутствовал на заседании, на котором было решено «продолжать общество» и подтверждена его цель, принятая еще на Петербургском совещании, — республиканское правление и революционный способ его достижения. Не было Волконского и на втором заседании, где состоялось избрание Директории Южного общества в лице Пестеля

²⁹ Якушкин. С. 44.

³⁰ Об этом назначении свидетельствует письмо отца декабриста П. М. Волконскому от 15 февраля 1821 г. (*ИРЛИ*, ф. 57, оп. 1, № 69, л. 37) и переписка А. А. Закревского с начальником штаба 2-й армии П. Д. Киселевым (*Заблудский-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время*. Спб., 1882. Т. 1. С. 97).

и Юшневского. Так как никаких сведений о его отъезде из местоположения бригады — города Умани — не имеется, то вернее всего будет предположить, что служебные дела при начале его деятельности на новом месте не позволяли ему отлучаться. Тем более, что почти одновременно с сообщением о роспуске Московским съездом Союза благоденствия пришло и другое известие — о начале греческого восстания под руководством хорошо известного на юге князя Александра Ипсиланти. 22 февраля 1821 г. Ипсиланти переправился через Дунай и вторгся в Дунайские княжества. Вся передовая Россия ждала, что русские поддержат греков. С. Г. Волконский писал отцу: «Я хотел бы вместе с моим письмом уведомить вас, что мы идем за Дунай вступить за единоверцев и избавить греков от жестокостей мусульманов. Лыстались мы сею надеждою целое лето, но и донныне остаемся в своих кантонир-квартирах. Что бог позволит на будущее время, неизвестно, дай бог, чтоб политика Европы не воспрепятствовала нам вступить за столь святое дело, как предстояло нам в этом году»³¹.

Несмотря на то, что Волконский отсутствовал на первых заседаниях нового общества, он полностью присоединился к их решениям. Сам он показывал на следствии: «Я при сих заседаниях не был, но по приезде моем и мне было объявлено — и я объявил согласие остаться членом»³².

Наступает самый значительный этап в жизни Волконского, повлиявший на всю его дальнейшую судьбу.

О деятельности Волконского как члена Южного общества не сохранилось никаких личных документов. Собранная в обширном архиве переписка за этот период крайне малозначительна и касается в основном хозяйственных дел, так как все, что имело отношение к его декабристским связям, взглядам, действиям, было уничтожено перед арестом, о чем свидетельствуют и сам декабрист и его жена Мария Николаевна в своих «Записках». В распоряжении исследователей остались лишь последняя глава его незавершенных воспоминаний, конспективно излагающая события этого периода, показания его и других декабристов на допросах Следственной комиссии, а также

³¹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 55, л. 5.

³² ВД. Т. 10. С. 115.

их мемуары. Только собрав воедино все эти материалы, можно попытаться очертить круг деятельности Волконского в Южном обществе, «ревностным членом» которого он стал (с. 365).

В январе 1822 г., в разгар контрактной ярмарки, в Киеве было созвано совещание членов Южного общества. Город в эти дни наполнялся большим количеством приезжих, можно было без опасения собираться для обсуждения назревших проблем, не рискуя привлечь к себе внимание. На этот раз здесь присутствовал и Волконский. Главный вопрос съезда — о необходимости иметь готовую конституцию — ни у кого из участников не вызвал сомнения. Пестель кратко ознакомил присутствующих с основными положениями своего конституционного проекта, над которым он тщательно работал и который позже, в 1824 г., получил название «Русская правда». Съезд постановил «предоставить каждому члену целый год на обдумывание мнения о «Русской правде», так и о образе введения ее»³³. Совещание 1822 г. положило начало ежегодным январским съездам членов Южного общества, проводившимся под прикрытием контрактных ярмарок.

В течение весны и лета 1822 г. С. Волконский почти безотлучно находился при своей бригаде, занимаясь подготовкой к все еще ожидаемому походу против турок. Однако слухи о походе, долго и упорно ходившие во 2-й армии, не подтвердились: верность идеям Священного союза для Александра оказалась сильнее, нежели стремление оказать поддержку грекам. Волконский, оставаясь при всех обстоятельствах прежде всего военным, хотя и тяготился своей повседневной мирной жизнью, тем не менее добросовестно выполнял обязанности командира. «Служба мирная мало дает способа отличия, — делится он с отцом в письме от 8 октября 1822 г., — но исполнение воли начальства без отягощения почтенного русского воина и приобретение любви солдата для пользы службы на ратном поле — вот утешение и занятия мои»³⁴. Последние слова ярко характеризуют отношение Волконского к солдатам. Глубокое уважение к заслугам русского солдата-героя, свидетелем бесчисленных подвигов которого не раз бывал он, стремление облегчить его тяжкую жизнь,

³³ Там же. Т. 4. С. 349.

³⁴ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 55, л. 3.

отсутствие сословной спеси — все это отличало Волконского на протяжении всей его жизни. Много лет спустя, находясь уже в Сибири, декабрист, высказывая свое мнение о необходимости освобождения крестьян от крепостной зависимости, напишет И. И. Пущину: «Кто в 12-м году был в рядах русской рати и следил подвиги коренного русского народа, добрых мужичков-бородачей, тот знает, что они были достойны признательности отечества»³⁵.

О практической деятельности Волконского как члена тайного общества, да и других южан, в течение 1822 г. известно немного. Сами декабристы на следствии ограничивались более или менее подробным описанием киевских контрактов. Да и следствие фиксировало основное внимание на последующих годах. Однако недостаток сведений вовсе не означает, что этот год был наименее плодотворным в деятельности южан. Шел процесс дальнейшего идейного и организационного развития Южного общества, его численного роста, радикализации взглядов его членов. В этом смысле заслуживает внимания свидетельство самого С. Волконского: «В течение же сего года в бывших между членами сообщений более и более наши совещания принимали вид действия возмутительных сообщников»³⁶.

В этом же году определилась одна из обязанностей С. Г. Волконского. Ему вместе с В. Л. Давыдовым было поручено поддерживать связь южан с Северным обществом. Если учесть, что глава общества Пестель был безоговорочным сторонником неукоснительной координации действий с северянами, то можно представить, насколько важной была эта миссия.

Первая поездка Волконского как члена Южного общества в Петербург состоялась в конце 1822 г. «После трехлетнего отсутствия моего из столицы <...> я в сем году принял намерение исполнить сыновний долг и прибыть в ваши объятия. <...> В первых числах декабря буду в Петербурге»³⁷, — пишет в начале октября декабрист отцу. Об этой первой поездке в Петербург можно

³⁵ Письма декабриста С. Г. Волконского / Публ. М. П. Волконского // Записки ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 378 (далее: *Записки ОР ГБЛ. Вып. 24*).

³⁶ *ВД. Т. 10. С. 116.*

³⁷ *ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 55, л. 4.*

судить лишь по показаниям Пестеля, так как сам Волконский на следствии о ней умалчивает. Пестель сообщает, что с Волконским в Петербург было отправлено письмо к Никите Муравьеву с просьбой посвятить посланца в дела общества. Вместе с ответным письмом Волконский привез проект конституции Н. Муравьева, с которой предстояло ознакомиться южанам³⁸.

Два положения конституции Никиты Муравьева никак не могли вызвать одобрения радикально настроенных южан: сохранение монархии (хотя и ограниченное конституцией) и наличие имущественного ценза для избирательных прав будущих граждан России.

Какова же была программа самих южан? Для ее окончательного принятия по возвращении С. Волконского из Петербурга во время контрактов 1823 г. к нему на киевскую квартиру съехались П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол, В. Л. Давыдов, впервые приведенный С. Муравьевым и тут же принятый в члены Южного общества двадцатидвухлетний подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Бестужев-Рюмин. Им предстояло высказать свое окончательное решение о «Русской правде», для детального изучения которой был дан год. Так как все присутствовавшие в те январские дни на совещании у Волконского более или менее подробно рассказывали о нем на следствии, то сейчас можно восстановить картину проходившего очередного съезда южан.

Сам автор «Русской правды» был более всех краток на следствии: «Как в 1822, так и в 1823 году было рассуждаемо о республиканском правлении, и я при том объяснял свои мысли и свой план конституции»³⁹. С. Муравьев-Апостол высказался более определенно: «<...> в начале 1823-го года все вышереченные члены <...> собрались опять в Киеве, где единодушно приняты были всеми членами «Русская правда» и образ введения оной в Россию»⁴⁰. В другом показании С. Муравьев отмечает, что «Русская правда», изложенная в тот вечер еще раз Пестелем, «была признана всеми членами с некоторыми возражениями»⁴¹. По-видимому, каждый из участников

³⁸ ВД. Т. 4. С. 162.

³⁹ Там же. С. 158.

⁴⁰ Там же. С. 349.

⁴¹ Там же. С. 275.

пришел к вторичному обсуждению этого документа со своими замечаниями.

Таким образом, «Русская правда» с января 1823 г. стала политической программой Южного общества. То, что в будущем в России должна утвердиться республика, было принято всеми и безоговорочно. Но в процессе обсуждения возник вопрос, который вызвал долгие дебаты и в разрешении которого не было достигнуто единства взглядов. Речь шла об убийстве императора и его семьи — мера, с точки зрения Пестеля, необходимая, дабы гарантировать от реставрации монархии. Несомненно, при этом учитывался также опыт европейских революций, в частности испанской. К этому времени обнаружилась неспособность пришедших к власти передовых сил Испании осуществить сколько-нибудь серьезные преобразования в обществе; одной из причин этого было сохранение королевской власти и ее активное противодействие прогрессивным реформам. Конечно, не было забыто и то, что в соседней Франции (это-то происходило на глазах русских офицеров, участников заграничных походов) Людовик XVIII Бурбон, брат казненного революцией Людовика XVI, привел снова к власти крайних реакционеров, тех самых, кто «ничего не забыл и ничему не научился». В итоге жарких споров, как рассказывал С. Муравьев: «Мнения членов были: Пестеля, Юшневского, В. Давыдова, кн[язя] Волконского: истребление всех. Бестужева: одного государя. Мое: никого»⁴². Из-за отсутствия полного согласия окончательное решение этого вопроса было временно отложено.

Разные точки зрения столкнулись и в другом вопросе — о способе осуществления революции. То, что это будет революция военная, без участия народных масс, — ясно было и южанам, и северянам. Но в те январские дни на киевских контрактах определились две точки зрения, которые так и останутся различными до конца существования Южного общества. Одна — ее выразителем был П. Пестель: революция должна быть тщательно подготовлена, начаться в Петербурге и быть поддержанной на Юге. Оппонентом Пестеля выступал С. Муравьев (поддерживаемый М. Бестужевым-Рюминым), стремившийся к решительным и активным действиям, который, как сви-

⁴² Там же. С. 278.

детельствовал Волконский, предложил «оставить приня- тую систему медленности и ускорить ход действий, приняв даже насильственные меры»⁴³. Постановили не решать столь важную проблему простым большинством голосов, а отложить «до другого времени»⁴⁴. Зато вопрос об осво- бождении крестьян с земельным наделом был решен при полном единодушии. «С этого времени Южная и Северная думы поставили себе программы различные: Южная — чисто демократическую, а Северная — монархическую, конституционную» (с. 366), — вспоминает С. Волконский.

Поскольку Южное общество пополнилось новыми чле- нами, на съезде была установлена и новая его структура. Суть ее мы находим в показаниях Пестеля от 13 января 1826 г.: «В 1823 году разделился Южный округ на три управы: Тульчинская осталась в прежнем составе. Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин с их членами составили Ва- сильковскую управу, которая называлась левою; а Давы- дов и князь Волконский составили Каменскую управу, которая называлась правою. Все три находились под ве- дением Тульчинской директории»⁴⁵.

Таким образом, С. Волконский вместе с В. Давыдо- вым становился руководителем одной из управ. Примерно с этого же времени определился и характер деятель- ности всех трех управ. Если Тульчинская управа во главе с Пестелем являлась руководящим центром, а также цент- ром теоретической разработки заговора, если Васильков- ская с ее нетерпеливым руководителем занималась непо- средственной практической подготовкой переворота, то деятельность наиболее малочисленной из всех Каменской управы сводилась в основном к поддержанию связей (или поискам таковых) с другими тайными обществами: Северным, Польским патриотическим и Малороссий- ским.

В начале декабря 1823 г. С. Волконский снова отпра- вляется в Петербург. Этой поездке предшествовало весьма важное совещание, состоявшееся в Каменке, в доме Да- выдова, приуроченное из конспиративных соображений к 24 ноября, Екатерининскому дню, когда праздновались, широко и шумно, именины матери В. Давыдова. На нем

⁴³ Там же. Т. 10. С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 4. С. 278.

⁴⁵ Там же. С. 109.

верный себе С. Муравьев вновь, как и на съездах 1822 и 1823 гг., пытался убедить всех в необходимости форсировать выступление. И снова, защищая свою тактику, Пестель настаивал на решающей роли в предстоящем выступлении Петербурга. Как свидетельствовал Волконский, «было определено о необходимости учредить тесную связь с Северной управой, и по сему случаю Пестель предложил объяснить те главные статьи, которые должны быть предметом рассуждения обеих управ, чтоб составить по рассмотрению в Петербурге и в Тульчинской директории общее положение, к чему клонятся действия тайного общества»⁴⁶.

Помня о практически безрезультатных своих встречах с Н. Муравьевым в прошлом году, С. Волконский считал, что только сам автор «Русской правды» способен доказать северянам необходимость ее принятия. Поэтому на протяжении всего 1823 г. «убеждал Пестеля ехать в Петербург»⁴⁷. Наконец, договорившись с Пестелем о встрече в столице, Волконский и Давыдов отправились в путь. О том, как протекало пребывание в Петербурге, мы читаем в показаниях Волконского от 30 января. Прибыв в столицу, Волконский поспешил увидеться с Никитой Муравьевым. В ходе беседы с ним он еще раз изложил основные положения «Русской правды» и, по-видимому, предложил Н. Муравьеву принять какие-то конкретные меры для скорейшего объединения обоих обществ на основе общей программы. Однако все его предложения наткнулись на стену упорного сопротивления Н. Муравьева. «<...> многие ответы Муравьева дав мне понять, что соединения обществ не в его намерениях, что он во многом имеет противные мысли Пестелю»⁴⁸, — свидетельствует Волконский. Неудовлетворенный итогом встречи с Н. Муравьевым, Волконский, получивший к тому же сообщение о том, что в назначенный срок Пестель не может прибыть в Петербург, покидает столицу.

В начале 1824 г. в Петербург поедет уже сам Пестель. И хотя и ему не удастся договориться об объединении двух обществ на основе единой программы, итоги его поездки, во многом подготовленные усилиями предшествую-

⁴⁶ Там же. Т. 10. С. 155.

⁴⁷ Там же. С. 165.

⁴⁸ Там же. С. 120.

щих поездок Волконского и Давыдова, уже более значительны: будет достигнута договоренность о координации действий между Севером и Югом в случае выступления, наметится сближение двух конституций по крестьянскому вопросу и по вопросу будущего государственного устройства России. Окончательное объединение обществ с общей программой будет отложено до 1826 г.

Начиная с весны 1823 г. 2-я армия, в которую входила бригада Волконского, жила в ожидании царского смотра. «Я теперь в Умани, и предстоящий царский смотр дает нам много забот»⁴⁹, — сообщает Волконский отцу в начале марта. Смотр состоялся в октябре. После смотра Волконский писал в Петербург своему поверенному в делах С. И. Корину: «Уведомляю вас, что по службе для меня все идет хорошо, государь был очень доволен моею бригадой и особенно был ко мне милостив»⁵⁰. Однако Волконского насторожила фраза императора, брошенная им как бы вскользь на смотре. Похвалив молодого генерала за труды, он посоветовал ему «продолжать оные и не заниматься управлением моей империи» (с. 383). В этих словах Волконский усмотрел намек на то, что царю что-то известно о его тайной деятельности.

В интересах дела требовалась еще более строгая конспирация. Не потому ли так медленно и осторожно шел прием новых членов в Каменскую управу? В течение 1823 г. управа пополнилась практически только двумя членами: майором Днепровского пехотного полка А. В. Поджио и подпоручиком квартирмейстерской части Украинского пехотного полка В. Н. Лихаревым.

1824 г., как обычно, для членов Южного общества начался контрактным съездом. В центре работы съезда стоял отчет Волконского и Давыдова о результатах поездки в Москву и Петербург и вопрос об отношениях с Польским патриотическим обществом.

Еще на контрактах 1823 г. было решено попытаться установить связь с Польским патриотическим обществом. В течение года С. Муравьевым-Апостолом и М. Бестужевым-Рюминым велись переговоры с членами Польского общества — Гродецким, Чарковским, Ходкевичем. Было достигнуто предварительное соглашение. Контакты осложнялись тем, что отсутствовала общая политическая про-

⁴⁹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 55, л. 11.

⁵⁰ Там же, № 76, л. 18.

грамма. У поляков она еще не была окончательно оформлена: создание конституции они откладывали до решения первоначальной задачи — восстановления независимости Польши. Позиция же декабристов по польскому вопросу была сформулирована в той статье «Русской правды», которая предусматривала предоставление полякам независимости и возвращение части земель. По мнению Пестеля, эта статья должна была способствовать объединению с поляками, так как только после свержения царизма и установления демократических форм правления в России Польша могла получить независимость⁵¹.

В определении будущих границ с Польшей среди декабристов единодушия не было. «Русская правда» предполагала возвращение Гродненской губернии, части Виленской, Минской и Волынской — этими уступками Пестель думал склонить поляков к союзу. Однако против передачи этих земель выступили северяне. После Петербургского совещания 1824 г., как видно, Пестель собирался пересмотреть свою позицию. И хотя это нигде не зафиксировано, по свидетельству С. Г. Волконского на встрече с польскими представителями в январе 1825 г., Пестель на вопрос о будущих территориальных границах отвечал уклончиво, что будет возвращено, «что справедливо и возможно будет»⁵².

Пока же до осуществления переворота члены русского тайного общества обещали «оказывать покровительство полякам, имеющим дела в России», а также «всеми мерами <...> стараться искоренять ненависть, существующую между обоими народами». Со своей стороны, поляки обязывались поддержать восстание в России, в случае выступления против восставших Литовского корпуса обезвредить его и быть посредниками при установлении связи с европейскими тайными обществами, в ходе же революции подчиниться русскому тайному обществу и после победы принять республиканское правление⁵³.

⁵¹ Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение; Ланда С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов: (Из истории русско-польских общественных и литературных связей) // Литература славянских народов. М., 1959. Вып. 4. С. 91—187.

⁵² ВД. Т. 10. С. 130.

⁵³ Там же. Т. 9. С. 64—65 (показания М. П. Бестужева-Рюмина).

Таковы были результаты предварительных переговоров с поляками, которые предстояло по решению Пестеля продолжить С. Волконскому.

Что же заставило Пестеля фактически отстранить от дальнейшего ведения переговоров С. Муравьева и Бестужева-Рюмина и взять эту область деятельности под свой контроль, подключив к ней и Волконского? Вероятно, прав П. Ольшанский, предполагающий, что Пестель «надеялся своим личным участием добиться успешного завершения переговоров — заключить прочный союз обоих обществ и окончательно условиться о совместном выступлении»⁵⁴.

Возможно, насторожила руководителя южан история с письмом Бестужева-Рюмина к полякам. В начале декабря 1824 г. Бестужев-Рюмин вручил С. Волконскому для передачи представителю Польского патриотического общества Гродецкому письмо, содержание которого изложил на следствии: «В 1824-м году я писал от нашего общества к обществу Варшавскому, адресовав письмо мое Гродецкому, упрекая бездействием оногo. <...> Советовал не медля овладеть или истребить Константина Павловича, но дожидаться наших действий для прочего»⁵⁵. Не говоря уже о том, что требование «истребить Константина» было несвоевременно и в случае его исполнения поляками могло поставить под удар всю деятельность тайных обществ, Бестужев-Рюмин нарушил условие, поставленное Пестелем: избегать всяких письменных сношений. О дальнейшей судьбе этого письма мы узнаем из показания Пестеля: «Князь Волконский, прочитав сию бумагу и посоветовавшись с Василием Давыдовым, на место того, чтобы отдать сию бумагу Гродецкому, представил оную Директории Южного края. Директория истребила сию бумагу, прекратила сношения Бестужева с поляками и передала таковые мне и князю Волконскому»⁵⁶.

Итак, опасаясь за дальнейшую судьбу переговоров с Польским обществом, Пестель берет их на себя и называет своим помощником верного и испытанного единомышленника С. Г. Волконского. «Безусловная моя преданность делам тайного общества была поводом, что дове-

⁵⁴ Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. С. 115.

⁵⁵ ВД. Т. 9. С. 39.

⁵⁶ Там же. Т. 4. С. 116.

рили мне переговоры с назначенными для совещания депутатами от Польского тайного общества» (с. 367), — так объясняет свою новую миссию сам Волконский.

Знакомство и начало более или менее регулярных встреч с находившимся в Киеве представителем Польского общества А. С. Гродецким относятся к осени 1824 г. Эти встречи носили подготовительный характер; основные переговоры были намечены на январь 1825 г.

1824 г. был, пожалуй, одним из наиболее насыщенных и деятельных в жизни С. Г. Волконского как члена тайного общества. К началу этого года относится его попытка установить связь с Малороссийским тайным обществом. О существовании этого общества, а скорее всего, просто кружка, и одном из его руководителей В. Л. Лукашевиче Волконский узнал от бывшего члена Союза благоденствия И. Н. Хотяинцева. Сообщение заинтересовало Волконского, и он, попросив Хотяинцева познакомиться его с Лукашевичем, сообщил об этом Пестелю. Пестель, стремившийся расширить ряды тайного общества, поручил Волконскому вместе с Давыдовым установить связь с Малороссийским обществом. Встреча Волконского с Лукашевичем состоялась в Киеве, на квартире брата Волконского — Н. Г. Репнина. В ту зиму Волконский не раз встречался с Лукашевичем. Однако достичь какой бы то ни было конкретной договоренности о дальнейшей согласованной деятельности не удалось. Настораживало Волконского двуличное поведение Лукашевича: с одной стороны, он отговаривал южан от контактов с Польским обществом, с другой — пытался восстановить поляков против русских. Это стало известно Волконскому. Неприемлема была и основная цель Малороссийского общества: отделение Украины от России, — ради достижения которой члены общества готовы были «отдаться в покровительство Польши», — как свидетельствовал Пестель. Для русских же членов тайного общества сама мысль об отделении Украины от России была абсурдом, и они предостерегали и поляков от излишней доверчивости к Лукашевичу, доказывая, что «Малороссийское общество никогда не успеет в своей цели, ибо Малороссия навеки с Россиею пребудет неразрывною, и никакая сила не отторгнет Малороссии от России»⁵⁷. Сомневались южане и

⁵⁷ Там же. С. 117.

в потенциальных возможностях этого немногочисленного общества, не без оснований полагая, что оно сводится «исключительно к кружку Лукашевича»⁵⁸. Эти обстоятельства в значительной степени охлаждали энтузиазм южан в дальнейших переговорах с обществом, ценность союза с которым была весьма сомнительна, а двуличная политика руководителя просто опасна. Вот почему Волконский вскоре прекращает все переговоры.

В том же году среди южан распространились слухи о существовании тайного общества на Кавказе. Очевидной была выгода, которую дал бы союз с тайным обществом в Кавказском корпусе, во главе которого стоял генерал А. П. Ермолов, человек передовых взглядов, близкий многим декабристам. Представлялось целесообразным проверить достоверность слухов и, если они подтвердятся, договориться о совместных действиях. Поездка на Кавказ поручается С. Г. Волконскому.

Накануне поездки в жизни декабриста происходит важное событие: он решает просить руки дочери генерала Н. Н. Раевского Марии Николаевны, в которую давно был тайно влюблен. Хлопоты сватовства он поручает давнему своему другу Михаилу Орлову, женатому на сестре Марии Николаевны. Доверив свою судьбу Орлову, Волконский под предлогом болезни берет официальный отпуск и отправляется якобы для лечения в Минеральные воды. Пробыв около трех недель в «Кислых водах», Волконский ко второй половине июля добрался до Тифлиса, где состоялось его знакомство с сосланным на Кавказ за участие в дуэли будущим участником восстания на Сенатской площади А. И. Якубовичем. Якубович показался Волконскому человеком прогрессивных убеждений, и он решил открыть ему цель своего приезда. Тот, в свою очередь, дал понять, что на Кавказе действительно существует многочисленное тайное общество, которому покровительствует сам Ермолов. Общество это, как рассказывал на следствии со слов Волконского Пестель, «ожидает революции в России, дабы содействовать оной или, смотря на обстоятельства, служить убежищем при неудаче, или отделить Грузию от России, дабы основать особое государство»⁵⁹. Вернувшись с Кав-

⁵⁸ Там же. С. 263 (показания С. Муравьева).

⁵⁹ Там же. С. 117.

каза, Волконский передал Директории отчет о результатах своей поездки. Однако в дальнейшем никаких сведений от Якубовича не последовало. Вопрос о тайном обществе на Кавказе не удалось прояснить и Следственному комитету. Много лет спустя после сближения с Якубовичем в сибирской ссылке Волконский оценит его рассказ о кавказском тайном обществе как чистый вымысел. «Рассказ Якубовича был ли оттиском действительности или вымышленная эпопея, тогда мне мудрено было решить,— напишет он в «Записках»,— но теперь, по совместному тюремному заключению с ним, где каждое лицо высказывается без чуждой оболочки, я полагаю, что его рассказ был не основан на фактах, а просто, как я уже называл, эпопея сродни его умственному направлению» (с. 370). И по сегодняшний день не обнаружено никаких доказательств существования в те годы тайного общества на Кавказе.

Наступал 1825 г. Он начался традиционным контрактным съездом, состоявшимся в январские дни в Киеве. Съезд был весьма многочисленным. Участвовал в нем и Волконский, хотя, получив от Раевских согласие на брак с Марией Николаевной, был занят предсвадебной суетой и не мог бывать на всех заседаниях.

Свадьба Сергея Григорьевича и Марии Николаевны состоялась 11 января 1825 г. Шафером на свадьбе был П. И. Пестель, среди гостей — будущий начальник штаба корпуса жандармов Леонтий Дубельт, в то время один из друзей дома Раевских. Было возможно и такое. Как пишет Ю. М. Лотман, «родственно-приятельские отношения — клубные, бальные, светские или же полковые походные знакомства — связывали декабристов не только с друзьями, но и с противниками, причем это противоречие не уничтожало ни тех, ни других связей»⁶⁰.

Вокруг брака Волконских существует множество разноречивых суждений. Некоторые исследователи, да и современники Волконских, склонны считать, что юная Мария Николаевна не любила мужа, а вышла замуж, покорная воле родителей⁶¹. Из всего того, что известно о Марии

⁶⁰ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 66.

⁶¹ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. Л., 1926; Из воспоминаний Л. Ф. Львова // Рус. архив. 1885. Кн. 1. Вып. 3—4; Неизданные материалы и статьи. М., 1925; Попова.

Николаевне, о ее сильном, решительном характере, который помог ей позже преодолеть все препятствия, поставленные на ее пути семьей Раевских, и последовать за мужем в Сибирь, о ее мужестве в ссылке, о никогда не покидавшем ее чувстве собственного достоинства в самых сложных жизненных ситуациях, можно ли допустить, что она даже в юные годы только из любви и уважения к родителям покорно согласилась на брак с нелюбимым человеком? Это та Мария Николаевна, которая меньше чем через два года после свадьбы напишет отцу: «Я летаю на собственных крыльях и чувствую себя прекрасно»⁶². А может быть, стоит взглянуть на этот брак по-иному? Разве не мог блестящий генерал, герой тех же сражений, в которых участвовал горячо любимый ею отец, пробудить в ней интерес и симпатию, позднее переросшие в привязанность и любовь? Именно такое ощущение возникает после внимательного прочтения писем Марии Николаевны мужу и родным после свадьбы и в трагический 1826 г. «Я не перестану благословлять небо за то, что оно даровало мне друга столь достойного, столь исполненного доброты», — строки из письма от 1 марта 1825 г., адресованного А. Н. Волконской⁶³. «Не могу тебе передать, как мысль о том, что тебя нет здесь со мной, делает меня печальной и несчастной. <...> Мой дорогой, мой обожаемый, мой кумир Серж», — пишет она мужу накануне его ареста⁶⁴. «Он лучший из мужей и будет лучшим из отцов, и я его сейчас люблю более, чем когда-либо, ведь он несчастен», — из письма к брату⁶⁵. «Если она по-прежнему любит своего мужа, как, кажется, она его любила»⁶⁶ — свидетельство ее старшей сестры Екатерины Орловой.

Откуда же возникла эта версия о якобы вынужденном замужестве? В некоторых письмах и воспоминаниях товарищей по ссылке проскальзывает мысль о том, что между супругами в Сибири возникло некоторое отчуждение.

⁶² ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 341, л. 10 (фр.). В другом переводе опубл.: Попова, С. 59.

⁶³ Там же, № 268, л. 1 (фр.).

⁶⁴ Там же, № 163, л. 1 (фр.). Этот же текст, как и цитируемый в следующем примечании, приводится в другом переводе: Попова, С. 32.

⁶⁵ Там же, № 337, л. 14 об. (фр.).

⁶⁶ Там же, ф. 253, № 53, л. 5—5 об. (фр.).

Вероятно, эти сложные отношения сибирского периода позволили отдельным авторам, без всяких на то оснований, подвергнуть сомнению чувства Марии Николаевны в преддверии замужества.

В связи с бракосочетанием Волконских бытует в литературе легенда о том, что будто бы перед свадьбой Волконский по настоянию генерала Раевского подписал бумагу, в которой обязался выйти из тайного общества, и нарушил свое слово⁶⁷. Нет никаких фактов, подтверждающих эту легенду. Напротив, известно, что Волконский был настолько предан избранному им пути, что даже, обращаясь к Орлову по поводу сватовства к М. Н. Раевской, предупреждает друга, что если его участие в тайном обществе окажется помехой, то «я лучше откажусь от этого счастья, нежели изменю политическим моим убеждениям и долгу моему к пользе отечества» (с. 368).

Сохранился черновой вариант письма старшего брата декабриста Н. Г. Репнина, по-видимому адресованного им в Следственный комитет, а возможно, и самому императору. Письмо начинается словами: «По слухам, до меня дошедшим, несчастный брат мой учинил подписку, наиболее его обвиняющую, 11-го генваря, в день его свадьбы». В первоначальном варианте, указывает автор публикации, вместо слов «наиболее его обвиняющую» стоят слова «вступил в шайку Южного союза». Репнин пытается доказать, что вступление в общество С. Г. Волконского состоялось лишь в день его свадьбы, и объяснить этот поступок состоянием аффекта. В письме он рассказывает, что за два часа до свадьбы брат «внезапно приказал подать ему дрожки, я спросил его: Куда? — Он: надобно съездить к Пестелю. — Я: что за вздор, я пошлю за ним... Он: нет, братец, непременно должно съездить; сейчас буду назад — и по несчастию поехал»⁶⁸. Вернулся Волконский довольно быстро, вслед за ним приехал и Пестель.

Вероятно, письмо Репнина следует расценить как попытку смягчить вину брата и переложить ее тяжесть на плечи Пестеля. С другой стороны, отъезд Волконского перед венчанием мог действительно иметь место и свиде-

⁶⁷ Попова. С. 30.

⁶⁸ Муллин В. Неизвестный документ о свадьбе С. Г. Волконского // Рус. филология. Тарту, 1971. С. 87—90.

тельствует о той напряженной обстановке, в которой оно проходило: шли контрактные совещания, продолжались переговоры с поляками, и все это в любой момент могло потребовать его присутствия. Не об этом ли эпизоде вспоминает и сам декабрист: «Хоть именно в это время была моя свадьба, но не отклонился я от участия в оных (переговорах с поляками.— Н. К., А. Т.), и это новый знак моей преданности к делу тайного общества» (с. 370).

Сразу же после свадьбы, в январе 1825 г., на киевской квартире Волконского («на Печерске») состоялось очередное совещание с поляками, в котором участвовал и Пестель. Польскую сторону представляли два члена Патриотического общества — Яблоновский и Гродецкий, Южное общество — Пестель и Волконский. Было достигнуто соглашение по вопросам о совместном вооруженном выступлении и об установлении после революции годовичного республиканского правления в Польше, после которого она будет вправе сама выбирать себе форму государственного устройства. С польской стороны было дано обещание поступить с вел. кн. Константином так же, как поступят в России с другими членами царской семьи. Что же касается территориального вопроса, то, как показывал на следствии В. Давыдов со слов Пестеля, «положено было избегать говорить о границах, но польстить только надеждою, что будет сделана уступка, не могущая обессилить Россию»⁶⁹. Окончательный союз должен был быть оформлен на следующих контрактах в январе 1826 г. А пока связь между обществами поручено осуществлять Волконскому и Гродецкому.

Свидетельством того, какое значение придавали поляки переговорам именно с Пестелем и Волконским, являются следующие строки из показаний Пестеля: «К[нязь] Яблоновский и Гродецкий мне и к[нязю] Волконскому говорили, что со дня нашего свидания считают они сношения действительно начавшими[ся]»⁷⁰.

В феврале 1825 г. окончился отпуск, полученный С. Г. Волконским по случаю женитьбы, и он отправился из Киева к себе в Умань, где в течение весны и лета в основном был занят служебными делами.

⁶⁹ ВД. Т. 10. С. 204.

⁷⁰ Там же. Т. 4. С. 164.

Наступала осень, а вместе с ней и последние трагические дни существования Южного общества.

Сложившаяся к концу ноября крайне напряженная ситуация не могла не отразиться на планах южан. Два существенных обстоятельства — ставшие известными доносы на членов тайного общества, а также неожиданная смерть Александра I — заставили Пестеля изменить намеченный ранее на лето 1826 г. срок восстания. По новому плану предполагалось начать восстание в январе 1826 г. Именно об этом совещался Волконский с приехавшими к нему в первых числах декабря Пестелем и Давыдовым. Принятый окончательно план мы находим в показаниях Пестеля от 6 апреля 1826 г. Он свидетельствует, что 4 декабря у Волконского договорились, что если обстоятельства заставят немедленно выступить, «то надобно бы было уже действовать теми способами, коими бы овладеть могли. На сей конец долженствовал Ентальцев быть о том извещен, к[нязь] Волконский двинуться с теми войсками, которые он бы успел поднять, Давыдов пристать к к[нязю] Волконскому или, ежели Бошняк не обманывал, броситься в поселения, а тульчинские члены пристать к Вятскому полку»⁷¹.

Однако правительство опередило заговорщиков: начавшиеся в середине декабря аресты членов Южного общества разрушили все намеченные планы.

Первый донос на членов Южного общества относится к маю 1825 г. Автором его, как известно, был унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка Шервуд. Среди имен, названных Шервудом (Пестель, М. Орлов, Юшневский, Свистунов и др.), мы еще не встречаем имени Волконского⁷². Не названо оно и в более позднем — августовском — доносе начальника Южных военных поселений И. О. Витта, еще в 1819 г. получившего особое поручение царя сообщать сведения о «настроениях и толках» на юге: в Киеве, Одессе, Подольской, Волынской и других губерниях⁷³. Ведя вполне профессиональный тайный сыск, Витт создал целую сеть засекреченных агентов. Один из них — отставной коллежский советник Бош-

⁷¹ Там же. С. 172.

⁷² Тройкий И. М. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества // Былое. 1925. № 5/33. С. 49.

⁷³ Записка А. К. Бошняка / Публ. Б. Е. Сыроечковского // Красный архив. М.; Л., 1925. № 2 (9). С. 196.

няк — человек, довольно близко стоявший к либеральным кругам офицеров и помещиков Киева, особенно преуспел в своей провокаторской деятельности. Сумев обманом завоевать доверие южан («человека умного и ловкого и принявшего вид передового лица по политическим мнениям» (с. 375) увидит в нем Волконский), он оказался в центре Южного общества, где и сумел собрать обширную информацию о его планах.

Получив 3 августа от Бошняка подробный отчет, Витт отправил свое донесение начальнику Главного штаба Дибичу, находившемуся в Таганроге. Может показаться странным, что в представленных Дибичу материалах отсутствовали сведения о Волконском как члене тайного общества, хотя нет сомнений, что Бошняку было также известно о нем. Ведь в записке Бошняка о его связях с «некоторыми из заговорщиков <...> в исполнение настоятельных требований генерал-лейтенанта гр. Витта», представленной 25 марта 1826 г. в Следственный комитет, мы читаем о том, что Лихарев, с которым он особенно был близок, говорил ему, что «дивизионный генерал кн. Волконский служил для сообщения с вентой Кавказской»⁷³. Однако в доносе Витта Дибичу об этом не упомянуто. По всей видимости, прав И. Троицкий, высказавший предположение, что Витт не все сведения и имена сообщил Дибичу. «Сопоставляя имена декабристов, упоминаемых Дибичем,— пишет И. Троицкий,— с запиской Бошняка, можно думать, что Витт не хотел раскрывать все свои карты и не назвал всех известных ему лиц: так, в записке Бошняка не упомянуты Канчиялов, Ентальцев, Муравьев-Апостол, Волконский, Поджио»⁷⁴.

Следующий донос, полученный Дибичем, датирован 25 ноября 1825 г. Автор его — член Южного общества, человек достаточно близкий к Пестелю, капитан Вятского полка Майборода. Но и в этом доносе имя Волконского отсутствует⁷⁵. Оно появится позднее, лишь в списке, представленном Майбородой уже после того, как были произведены первые аресты⁷⁶. А пока Дибич, находившийся в Таганроге, отправляет в Тульчин генерала Черны-

⁷⁴ Троицкий И. М. Ликвидация Тульчинской управы Южного общества. С. 52.

⁷⁵ ВД. Т. 4. С. 8—9.

⁷⁶ Там же. С. 38.

шева, чтобы уточнить все сведения, сообщенные Майбородой, и принять соответствующие меры. Путь в Тульчин проходил через Умань, где по долгу службы его встретил и проводил далее Волконский. 11 декабря Чернышев прибывает в Тульчин.

В тот же день Юшневский получает от неизвестного лица записку с предупреждением о предательстве Майбороды (в записке он назван Чернобородовым) и о том, что «Чернышев привез от начальника Главного штаба барона Дибича к главнокомандующему 2-ю армиею список о именах 80 членов сего общества, потому и должно ожидать дальнейших арестований»⁷⁷.

Предупредить Пестеля он не успевает. Волконский тоже узнает об этом несколькими днями позже. А пока, ничего не подозревая, он пишет письмо Пестелю, в котором сообщает о своих намерениях расширить ряды членов Каменской управы в связи с подготовкой к намеченному выступлению. На следствии он попытается придать этому письму иной смысл, объяснив его желанием избежать упреков Пестеля в пассивности. Письмо он отправил с капитаном Фохтом в Линцы, где располагалась штаб-квартира Вятского полка. Фохт застал Пестеля взволнованным неожиданным вызовом в Главную квартиру в Тульчин. Едва ознакомившись с письмом Волконского, Пестель сжигает его⁷⁸.

Три дня спустя после проезда Чернышева через Умань отправился в Тульчин и Волконский, чтобы передать главнокомандующему присяжные листы шести полков своей дивизии. По пути, на станции Крапивная, он столкнулся с находившимся под конвоем денщиком Пестеля, от которого узнал о срочном отъезде Пестеля в Тульчин. Это известие насторожило Волконского, и он по дороге уничтожает новое, предназначавшееся Пестелю письмо.

Когда 14 декабря рано утром он прибыл в Тульчин, Пестель был уже арестован. Здесь от Юшневского он узнает о предательстве Майбороды. Не оставалось никаких сомнений в том, что аресты будут продолжаться. Необходимо было уладить некоторые личные дела, уничтожить компрометирующие бумаги и прежде всего увидеть-

⁷⁷ Там же. Т. 10. С. 72.

⁷⁸ Там же. Т. 4. С. 172.

ся с Пестелем, чтобы получить последние его распоряжения. Заручившись разрешением графа Витгенштейна отвезти жену для родов к ее родителям в имение Болтышку, Волконский, прежде чем покинуть Тульчин, нашел возможность повидать Пестеля, который содержался на квартире дежурного генерала Байкова.

Волконский так описывал на следствии состоявшийся между ними разговор: «Я сперва ему сказал: «*ne perdez pas courage*», а он мне отвечал: «*ne craignez pas, vous autres, ne faiblissez pas, et surtout dites qu'on brûle la «Русская правда»⁷⁹*. Это же предупреждение Пестеля о «Русской правде» мы находим и в «Записках» Волконского: «Одно только чтоб сделали, это «Русскую правду» чтоб уничтожили, одна она может нас погубить» (с. 386).

В тот же день Волконский покинул Тульчин. Возвращение его в Умань описывает М. Н. Волконская в своих «Записках»: «Он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: «Вставай скорей», я встаю, дрожа от страха. <...> Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогла, как умела, спрашивая, в чем дело? «Пестель арестован». — «За что?» — Нет ответа»⁸⁰. Уничтожив все бумаги, имевшие отношение к делам общества, а заодно, вероятно, и личную переписку (от этого периода остались лишь единичные письма), Волконский выехал с женой в Болтышку.

Различной была реакция членов Каменской управы на начавшиеся аресты. Особую активность проявил А. Поджио, вдохновившийся идеей объединить имевшиеся в распоряжении всех управ общества силы, освободить Пестеля и начать восстание. Его поддержал Ентальцев. Остальные — В. Лихарев, И. Поджио и В. Давыдов — не разделяли энтузиазма А. Поджио. Тем не менее решили (на этом настоял А. Поджио) послать письмо Волконскому, дабы узнать, как тот относится к идее выступления.

Ентальцев, посланный курьером в Болтышку, вернулся 26 декабря и сообщил, что Волконский сказал ему,

⁷⁹ ВД. Т. 10. С. 141. «Не теряйте мужества»... «не бойтесь и вы, не падайте духом и, самое главное, скажите, чтобы сожгли «Русскую правду» (фр.).

⁸⁰ Записки княгини М. Н. Волконской // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973. С. 303 (далее: Волконская).

«что он с одним Фохтом может сделать и что он ничего не станет делать»⁸¹.

Что же заставило С. Волконского в столь критический момент, когда решалась судьба общества, отказаться от попытки выступления? Сам декабрист ответил на этот вопрос на следствии достаточно четко: «<...> я именно ему (Ентальцеву.— Н. К., А. Т.) сказал, что я не согласен на предложенное мне действие; и сказал ему, что ни собственного желания, ни способов на то не имею»⁸² (курсив наш.— Н. К., А. Т.).

Располагаем мы также показаниями Лихарева, который писал в Следственный комитет: «После я слышал в доме полковника Ентальцева (Лихарев ошибочно называет подполковника Ентальцева полковником. — Н. К., А. Т.), что князь Волконский действительно отказался участвовать в возмущении 19 дивизии, говоря, что у него нет ни «единого человека, к сему делу приготовленного», и далее мы читаем: «Поджио же утверждал, что он достоверно знает, что в Азовском полку есть люди, совершенно к[нязю] Волконскому преданные, и что достаточно бы было ему в полном мундире показаться солдатам, чтобы вести, куда пожелает»⁸³. О каких же людях, «совершенно преданных» Волконскому, говорил Поджио? Следствием был обнаружен только один офицер 19-й пехотной дивизии, бывший членом Южного общества, — штабс-капитан Азовского пехотного полка И. Ф. Фохт. У нас нет никаких сведений о существовании других членов общества среди офицеров дивизии.

Сам Волконский писал в Комитет: «Ему (А. Поджио.— Н. К., А. Т.) очень известно, что в 1824 году я не имел другого соучастника, как его, а в 1825 году заметил его Фохт, вот вся опора моя в дивизии в пользу общества»⁸⁴. В данном случае не одно только характерное для Волконского-подследственного стремление не выдать лишнего члена общества руководит им. Среди подчиненных ему офицеров Азовского и Днепровского полков, входивших в его бригаду, у Волконского, кроме Фохта, видимо, действительно не было ни одного единомышлен-

⁸¹ ВД. Т. 11. С. 61 (показания А. В. Поджио).

⁸² Там же. Т. 10. С. 141.

⁸³ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 412, л. 19.

⁸⁴ ВД. Т. 10. С. 153.

ника, который мог бы служить связующим звеном между ним и солдатами. Во всяком случае, следствие их не выявило.

Тем временем в Тульчине события развивались следующим образом. Устно допрошенному Майбороду было велено ответить на вопросы письменно. 22 декабря «труд» Майбороды был окончен, и в руки Чернышева попали сведения о деятельности Южного общества, подкрепленные списком 46 членов общества. В этом списке на втором месте стоит имя С. Г. Волконского⁸⁵.

В своих пространных показаниях Майборода неоднократно возвращается к деятельности С. Волконского, которого называет одним из «старейших» членов Южного общества. Так, он вспоминает о том, что, когда Поджио начал отходить от общества, именно Волконский настоял на том, чтобы Поджио познакомился с Пестелем, надеясь, что Пестель своим энтузиазмом сумеет зажечь его. «Пестель весьма удачно исполнил поручение князя Волконского, ибо Поджио выехал от него таким ревностнейшим его последователем»⁸⁶, — сообщал Майборода. Рассказал он и о поручении Пестеля Волконскому встретиться с приехавшим для переговоров в Бердичев польским генералом, так как сам Пестель не имел возможности оставить полк.

Пока протокол допроса Майбороды добирался от Тульчина до Петербурга, в учрежденном в столице Комитете «для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества» 23 декабря впервые было названо имя С. Волконского. В этот день допрашивался один из первых представших перед Комитетом декабристов — Сергей Трубецкой. Он сообщил Комитету, что вскоре после Московского совещания 1821 г. он узнал, «что Пестель своего отделения не закрыл, напротив, распространяет свое общество. Давал поручения генерал-майору князю Сергию Григорьевичу Волконскому»⁸⁷. Тогда же Трубецкой рассказал, что, будучи в Киеве, встречался с Волконским, который сообщил ему, что «есть или должно быть, по его предположению, какое-то общество в Грузинском корпусе, что он об этом узнал на Кавказе, но он

⁸⁵ Там же. Т. 4. С. 10—27, 38.

⁸⁶ Там же. С. 19.

⁸⁷ Там же. Т. 1. С. 15.

неудовлетворительно о том говорил и, кажется, располагал на одних догадках»⁸⁸. Пометка «NB. О Волконском внесено в особый список», сделанная рукой Чернышева на полях протокола против строк «какое-то общество в Грузинском корпусе», свидетельствует о том, что это сообщение Трубецкого особенно заинтересовало Комитет. Упоминает Трубецкой также и о знакомстве Волконского с членом Польского патриотического общества Мошинским. В заключение своих показаний, перечисляя всех членов тайных обществ, он называет С. Г. Волконского членом общества Пестеля. В этот же день, вероятно после ознакомления с протоколом допроса Трубецкого, Николай I писал Константину: «Мне особенно важно иметь Пестеля и Сергея Волконского»⁸⁹.

30 декабря военный министр А. И. Татищев сообщал П. Х. Витгенштейну: «По воле государя императора имею честь препроводить к вашему сиятельству список чиновников, служащих в вверенной армии, принимавших участие в цели зловредного тайного общества, покорнейше прося учинить зависящее от вас распоряжение об арестовании их со всеми бумагами так, чтобы они не могли оных истребить, и отправить за благонадежным присмотром в С[анкт-]П[етер]бург прямо к государю императору, присовокупить показания, если с кого из них взяты были по производимому следствию генерал-адъютантами Чернышевым и Киселевым»⁹⁰. В приложенном к письму списке членов Южного общества, состоящем из 19 человек, первым значится С. Г. Волконский.

6 января Витгенштейн докладывал Дибичу о том, что начальнику 19-й пехотной дивизии Корнилову уже приказано «лично самому опечатать бумаги у командира 1-й бригады генерал-майора князя Волконского» и отправить его с опечатанными бумагами в Петербург, прямо к Дибичу⁹¹.

В эти дни, понимая, что вопрос его ареста — это вопрос нескольких дней, а возможно и часов, Волконский совершает свою последнюю, прощальную поездку в Бол-

⁸⁸ Там же. С. 20—21.

⁸⁹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 168.

⁹⁰ ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 30, л. 241.

⁹¹ Там же, л. 243.

тышку к жене и новорожденному сыну. 7 января по возвращении в Умань его арестовывают и на следующий день под надзором фельдъегеря отправляют в Петербург.

Поздно вечером 14 января повозка с арестованным остановилась у Зимнего дворца, и он был введен в приемный зал, где велись допросы прибывающих один за другим декабристов. К этому времени Следственному комитету было уже немало известно о Волконском. Н. Муравьев рассказал о приездах Волконского в Петербург, Майборода донес о его переговорах с поляками, кое-что сообщил и сам Пестель. Поэтому в «вопросных пунктах», предложенных Волконскому, был использован значительный материал как о Южном обществе, так и о его личной деятельности, полученный из показаний допрошенных ранее декабристов.

В ту же ночь Волконский был доставлен в Петропавловскую крепость с сопроводительной запиской, написанной собственноручно Николаем I коменданту крепости генерал-адъютанту А. Л. Сукину: «Присылаемого кн. Сергея Волконского посадить или в Алексеевском рavelине или где удобно; но так, чтобы о привозе его не было известно»⁹².

Час спустя Сукин докладывал Николаю I, а также Татищеву о Волконском «на случай требования сего арестанта в Комитет»: «Мною принят и посажен в Алексеевском рavelине под именем арестанта номера четвертого в арестантский покой № 4, где и смотрителю рavelина имя его не объявлено»⁹³. Так появился в крепости таинственный «арестант № 4», как в дальнейшем будет именоваться Волконский в следственных материалах. Подобная таинственность могла быть продиктована опасениями, как бы не проникло за стены Петропавловской крепости, а главное, не докатилось бы до армии, что заслуженный генерал, принадлежащий к одной из влиятельнейших фамилий России, — на стороне бунтовщиков. К тому же нельзя было забывать, что его мать — ближайший друг вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а зять — П. М. Волконский — доверенное лицо царя.

⁹² Щеголев П. Е. Николай I и декабристы. Пг., 1919. С. 12.

⁹³ ЦГИА, ф. 1280, оп. 5, 1826 г., № 13, л. 7—7 об.

25 января Волконскому вручается для письменного ответа 21 вопрос. По содержанию их можно распределить на три группы: первая — о целях и намерениях тайного общества (здесь особо следует выделить вопрос о знакомстве с «Русской правдой»); вторая касается практической деятельности членов общества; в третью входят вопросы, относящиеся к деятельности самого Волконского. 30 января ответы готовы и переданы в Комитет. По характеру они довольно сдержанные, когда дело касается других членов, и достаточно пространные, когда речь идет лично о нем. Так, декабрист безоговорочно называет себя участником совещания южан, принявших идею республики и царубийства, тем самым признавая наиболее серьезное с точки зрения Комитета обвинение в согласии на царубийство.

Лично себя он не щадил, признавался во всем, в чем считал себя виновным перед данной им присягой. Нельзя не согласиться с Ю. М. Лотманом, который пишет, что «в этих условиях резко выступали другие, прежде отодвигавшиеся, но прекрасно известные всем декабристам нормы и стереотипы поведения: долг офицера перед старшими по званию и чину, обязанности присяги, честь дворянина»⁹⁴. В тех же случаях, когда он вынужден был давать показания о товарищах, он старался убедить следствие, что полностью разделяет вину с ними, не пытаясь выгородить себя.

Но тот же нравственный кодекс приказывал Волконскому спасать невинных. Так, он настоятельно убеждает Комитет, что, хотя и обещал Пестелю в своем последнем письме, о котором следствию стало известно, принять своего адъютанта Житкова в общество, ничего для этого не предпринял. Когда же на следствии в показаниях Лихарева и Давыдова прозвучит фраза, якобы сказанная по-дружески Киселевым Волконскому: «Напрасно ты запутался в худое дело, советую тебе вынуть булавку из игры», — Волконский будет ее категорически отрицать, не желая бросить тень на имя Киселева. То, что подобное предупреждение имело место на самом деле, он признает только много лет спустя в «Записках» (с. 376—377).

Характерно в этом смысле его поведение относительно Пестеля. Следственному комитету о руководителе южан

⁹⁴ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. С. 51.

уже многое известно. Это ясно и Волконскому. Но на протяжении всего следствия он упорно настаивает на своей полной неосведомленности касательно «Русской правды». И даже когда в середине февраля ему откроют, что комитету известно о просьбе Пестеля при последней встрече с ним на квартире Байкова уничтожить «Русскую правду», он, вынужденный признать сам этот факт, по-прежнему откажется от знакомства с содержанием документа: «<...> не имею сведения ни о смысле сочинения Русской правды, ни кто сочинитель оной»⁹⁵. Это упорство можно объяснить тем, что Волконский опасался, как бы его признание не осложнило еще более положение Пестеля.

Первые допросы, которым был подвергнут Волконский, вызвали явное недовольство членов Комитета. Его поведение раздражало и императора. 27 января на Докладной записке Следственного комитета появилась высочайшая резолюция: «Требовать, чтоб непременно все ныне же показал, иначе будет закован»⁹⁶. В конце января генерал Раевский после аудиенции у царя писал своей дочери Е. Н. Орловой: «Волконскому будет весьма худо, он делает глупости, запирается, когда все известно. <...> Он срамится. Государь сказал мне: «в первый раз, как я буду ими доволен (т. е. Давыдовым и Волконским. — Н. К., А. Т.), в награждение им позволю тебя видеть»»⁹⁷.

От чувства раздражения не мог отделаться Николай и много лет спустя, работая над своими «Записками». Вспоминая следствие по делу декабристов, он писал о С. Г. Волконском: «Не отвечая ни на что, стоя как одурелый, он собой представлял самый отвратительный образец неблагоприятного злодея и глупейшего человека»⁹⁸.

Между тем современники свидетельствовали о сдержанности и достоинстве, с каким вел себя на допросах Волконский. Так, П. В. Долгоруков в некрологе, посвященном его памяти, со слов других декабристов писал: «На допросах Волконский вел себя с большим достоинством. Дибич, по своему пылкому характеру прозванный «самовар-

⁹⁵ ВД. Т. 10. С. 142.

⁹⁶ Там же. Т. 16. С. 251.

⁹⁷ Гершензон М. О. История молодой России. Москва-Петроград, 1923. С. 60.

⁹⁸ Сыроечковский Б. Е. Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. // Красный архив. 1924. Т. 4. С. 230—231.

пашой», на одном допросе имел неприличие назвать его изменником; князь ему отвечал: «Я никогда не был изменником моему отечеству, которому желал добра, которому служил не из-за денег, не из-за чинов, а по долгу гражданина»⁹⁹. Этот долг гражданина помог Волконскому противостоять не только угрозам со стороны членов Следственного комитета и самого царя, но и психологическому давлению, которое оказывала на него многочисленная родня. В отличие от многих других заключенных Волконскому было разрешено переписываться с родными. Это разрешение, данное самим царем, было одним из способов морального воздействия на подсудимого. Категорично звучит письмо свекра, полученное Волконским 27 января, в день, когда он занят составлением ответов на новые вопросы: «Ты называешь меня отцом — то повинуйся отцу! Благородным, полным признанием ты окажешь чувство вины своей, им одним уменьшишь оную! Не срамись! Жены своей ты знаешь ум, чувства и привязанность к тебе: несчастного — она разделит участь, посрамленного... она умрет. Не будь ее убийца!»¹⁰⁰ Вслед за ним — умоляющее письмо матери: «Милый мой Сережа... откровенно признайся во всем государю и твоим чистым раскаянием перед ним возврати мне, твоей несчастной матери, в тебе сына утешительного»¹⁰¹. Полным раскаянием восстановить пошатнувшуюся честь семьи требует и письмо его брата Н. Г. Репнина. Взывая к памяти деда, фельдмаршала Н. В. Репнина, напоминая о лучших традициях семьи, Н. Г. Репнин пишет: «Уверен я, что обо всем, собственно до тебя касающемся, ты уже решительно отвечал и открыл всю жизнь свою не скрывая, но боюсь, чтобы не завлекся ты понятием о дружбе и чести в ложную стезю... ты должен позабыть все связи дружбы и помнить, что ты обязан верностью к государю»¹⁰².

В хоре голосов родных и близких, согласно требовавших покаяния и признания, не было только голоса жены. В течение двух месяцев тяжко болевшая после родов, она была окружена родными заговором молчания, даже не

⁹⁹ Колокол. 1866. 15 янв. № 212. С. 1734.

¹⁰⁰ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 234, л. 1.

¹⁰¹ Там же, № 142, л. 1.

¹⁰² Там же, № 237, л. 1.

подозревая об участии мужа. Только 3 марта она узнала об аресте Сергея Григорьевича. И вот первое ее письмо к нему: «Какова бы ни была твоя судьба, я ее разделю с тобой, я последую за тобой в Сибирь, на край света, если это понадобится, — не сомневайся в этом ни минуты, мой любимый Серж. Я разделю с тобой и тюрьму, если по приговору ты останешься в ней»¹⁰³.

Проявив максимум энергии и настойчивости, преодолев сопротивление родных, забыв о собственном нездоровье, Мария Николаевна в конце марта устремляется в Петербург. А в Петербурге близкие ей люди — старший брат и поспешившая за ней мать — принимают решительные меры, чтобы не дать возможности молодой женщине встретиться с мужем. И тем не менее Мария Николаевна добивается свидания. Оно состоялось 22 апреля в доме коменданта крепости и в его присутствии. «Это свидание при посторонних было очень тягостно, — вспоминает Мария Николаевна. — Мы старались обнадежить друг друга, но делали это без убеждения. Я не смела его расспрашивать: все взоры были обращены на нас; мы обменялись платками. Вернувшись домой, я поспешила узнать, что он мне передал, но нашла лишь несколько слов утешения, написанных на одном углу платка и которые едва можно было разобрать»¹⁰⁴.

Дорогой ценой заплатил Волконский за счастье увидеть жену: по требованию Александра Раевского с него было взято слово скрыть от нее всю тяжесть ожидаемого наказания и уговорить немедленно покинуть Петербург. Слово было сдержано. 23 апреля, на следующий день после свидания, ничего не подозревавшая Мария Николаевна напишет мужу: «Я уезжаю завтра — раз ты этого желаешь»¹⁰⁵.

И вновь — полная неизвестность, разделит ли жена его будущую судьбу.

Работа Следственной комиссии (так стал называться с мая 1826 г. Следственный комитет) заканчивалась. Приступил к составлению заключения по делам декабристов ее делопроизводитель. Эта роль волею судьбы выпала

¹⁰³ Там же, № 163, л. 3 (фр.).

¹⁰⁴ Волконская. С. 304.

¹⁰⁵ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 163, л. 6 (фр.). В другом переводе этот текст опубл.: Попова. С. 36.

на долю А. Д. Боровкова, бывшего участника Вольного общества любителей российской словесности, близко при-мыкавшего к обществу «Зеленая лампа», доброго знакомого декабристов. Составляемое им заключение должно было дать Верховному уголовному суду и царю основания для установления «силы вины» обвиняемых при вынесении приговора.

Где только представлялась возможность, Боровков пытался подчеркнуть те моменты, которые, с его точки зрения, могли бы стать смягчающими обстоятельствами. Так, в деле Волконского он отметил, что хотя он был руководителем Каменской управы, «но в общество никого не принял и по делам Комитета не видно, чтобы он действовал на привлечение в оное или на приготовление к цели его кого-либо из членов подчиненных»¹⁰⁶. Однако обойти то, что было решающим в определении вины каждого декабриста,— отношение к цареубийству, Боровков не мог. Он признает факт присутствия Волконского «на совещании, бывшем в конце 1823 г. в Каменке у Давыдова, где как введение в государстве республиканского правления, так и покушение на жизнь всех особ императорской фамилии принято было единогласно и с равною готовностью к исполнению»¹⁰⁷.

В основу работы Верховного уголовного суда кроме заключения Боровкова должно было лечь и Донесение Следственной комиссии, где об участии Волконского в принятии решения о цареубийстве сказано более определенно: когда на контрактных совещаниях 1823 г. был поставлен вопрос: «при введении наших новых законов как быть с императорскою фамилиею? Истребить ее,— сказал Пестель, с ним согласились Юшневский, Давыдов, Волконский»¹⁰⁸.

Верховный уголовный суд, манифест об учреждении которого был подписан императором 1 июня 1826 г., нужен был только для соблюдения видимости законности. Судьба декабристов уже заранее была решена царем.

Во «Всеподданнейшем докладе», представленном 8 июля царю, о Волконском значилось: «Участвовал согласием в умысле на цареубийство и истребление всей император-

¹⁰⁶ ВД. Т. 10. С. 180.

¹⁰⁷ Там же. С. 175.

¹⁰⁸ Там же. Т. 17. С. 36.

ской фамилии, имел умысел на заточение императорской фамилии, участвовал в управлении Южным обществом и старался о соединении оною с Северным, действовал в умысле на отторжение областей от империи и употреблял поддельную печать полевого аудитората»¹⁰⁹.

С. Г. Волконский оказался в числе «преступников», осужденных по I разряду, о которых в «Докладе» было определено: «Всем преступникам, к первому разряду принадлежащим, положить смертную казнь отсечением головы»¹¹⁰.

По указу императора Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г. меры наказания по некоторым разрядам были изменены. Смертный приговор остался в силе только по отношению к пяти лицам: Пестелю, Рылееву, Бестужеву-Рюмину, Сергею Муравьеву и Каховскому. Для осужденных по I разряду смертная казнь заменялась вечной каторгой. Особые изменения касались входивших в этот разряд М. И. Муравьева-Апостола, А. А. Бестужева, Н. М. Муравьева, И. Д. Якушкина, С. Г. Волконского. Им смертная казнь заменялась 20-летней каторгой и последующим поселением. 22 августа высочайшим указом повелено было «оставить» Волконского «в работе 15 лет, а потом обратиться на поселение в Сибири»¹¹¹.

В фонде 109 ЦГАОР сохранились ценнейшие документы и материалы, отразившие различные события в жизни декабристов. По ним можно проследить и основные вехи жизненного пути Волконского после приговора. Впервые материалы архива были частично использованы в послесловии сына декабриста к «Запискам» отца¹¹². В настоящей статье приведены некоторые новые материалы архива, дополнены известные ранее лишь в извлечениях, либо в кратком изложении.

«Секретная переписка III Отделения собственной его императорского величества канцелярии по поводу Волконских» содержит все: от внешних примет декабриста до мельчайших житейских подробностей. «Сергей Волконский 38 лет, 2 аршина, 8¼ вершков (около 181 см.—

¹⁰⁹ Там же. С. 228.

¹¹⁰ Там же. С. 221.

¹¹¹ Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 240.

¹¹² Записки С. Г. Волконского. Спб., 1901. С. 447—511 (послесловие). Далее: Волконский.

Н. К., А. Т.), лицом чист, глаза — серые, лицо и нос продолговатые, волосы на голове и бровях темно-русые, на бороде светлые, имеет усы, корпусу среднего, на правой ноге на берце имеет рану от пули, зубы носит накладные при одном натуральном переднем верхнем зубе»¹¹³. Документы, содержащиеся в этом разделе архива, позволяют проследить хронику передвижения декабриста из Петербурга в Сибирь. Так, из отношения начальника Главного штаба его императорского величества барона Дибича военному министру от 17 июля 1826 г. мы узнаем порядок высылки: «<...> из числа приговоренных в каторжную работу 8-ми человек и именно: Сергея Трубецкого, Евгения Оболенского, Артамона Муравьева, Василия Давыдова, Якубовича, Сергея Волконского, Борисова 1-го и Борисова 2-го отправить немедленно закованными в двух партиях, имея при каждом преступнике одного жандарма и при каждом четырех одного фельдъегеря, в Иркутск, к гражданскому губернатору Цейдлеру, коему и сообщить высочайшую волю, дабы сии преступники были употребляемы как следует в работу и поступлено было с ними во всех отношениях по установленному для каторжников положению, чтобы он назначил для неослабного и строгого за ними смотрения надежного чиновника, за выбор коего он ответствен, и чтобы он о состоянии их ежемесячно доносил в собственные его величества руки через Главный штаб»¹¹⁴. Партия, к которой принадлежал Волконский, начала свой долгий и трудный путь из столицы 23 июля. Назвать эту дату позволяет письмо к министру внутренних дел военного министра Татищева, который сообщал, что отправление «преступников» сделано будет по ночам 21—31 июля и 1 августа не через Москву, а по Ярославскому тракту. Далее было указано, сколько понадобится лошадей для перевозки приговоренных. В том числе: «июля 21-го из Санкт-Петербурга до Иркутска — 16 лошадей, 23 июля в том же направлении то же количество лошадей». Так как в сохранившихся донесениях жандармов названы осужденные, следующие в первой партии до Иркутска (Оболенский, Артамон Муравьев, Якубович и Давыдов), то совершенно ясно, что Волконский

¹¹³ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 1, л. 7.

¹¹⁴ Волконский. С. 457.

был отправлен из Петербурга 23 июля второй партией¹¹⁵. Эту же дату, точнее, ночь с 23-го на 24-е, называет и Трубецкой, отправленный в одной партии с Волконским. В последних числах августа они добрались до Иркутска. Определенные первоначально в ближайшие Николаевский и Александровский винокуренные и Усольский солеваяренный (Волконский был направлен в Николаевский) заводы, уже в октябре они были переведены в Благодатский рудник Нерчинских горных заводов.

Благодатский рудник был выбран местом пребывания декабристов не случайно. Находящийся в стороне от проезжих дорог, он отвечал главному требованию правительства — достичь максимальной изоляции декабристов. 26 декабря 1826 г. маркшейдер рудника Черниговцев доложил о прибытии на рудник «вчерашнего числа» группы ссыльных, в том числе Волконского, Трубецкого, Муравьева, Оболенского. Особый надзор был возложен на верхнеудинского квартального Козлова, которому так же, как и начальству, было положено вести «дневниковые записи со всеми подробностями», а затем доставлять их к иркутскому генерал-губернатору.

Декабристы были определены на работы под землей. Норма выработки руды первоначально составляла три пуда на человека. Кандалы, сковывающие движения, и теснота шахт затрудняли и без того тяжелую работу. Нелегко было втянуться в новую жизнь; тяжелый труд, суровый климат, жизнь в бывшей казарме, наскоро переделанной под тюрьму, последовавший 30 декабря запрет писать домой, отсутствие книг — все это вызывало состояние подавленности, отзвуки которой проскальзывают и в письмах близким. В письме к жене от 12 ноября 1826 г. декабрист так описывает свое безрадостное житье: «Со времени моего прибытия в сие место я без изъятия подвержен работам, определенным в рудниках, провожу дни в тягостных упражнениях, а часы отдохновения проходят в тесном жилище, и всегда нахожусь под крепчайшим надзором, меры которого строже, нежели во время моего заточения в крепости, и по сему ты можешь пред-

¹¹⁵ В «Записках» М. Н. Волконской и в послесловии к «Запискам» С. Г. Волконского, сделанном сыном, приведена неправильная дата — 26 июля.

ставить себе, какие сношу нужды и в каком стесненном во всех отношениях нахожусь положении»¹¹⁶.

Скрашивала жизнь надежда на приезд жены. Но, несмотря на желание видеть ее рядом, он не скрывал в письмах тех трудностей, которые возникнут перед ней, если она решится отправиться в Сибирь. Однако молодую женщину, твердо решившую разделить участь мужа, ничто не могло остановить. Преодолев отчаянное сопротивление родных, выдержав многомесячную борьбу, чтобы добиться права поехать вслед за мужем, Мария Николаевна 26 ноября сообщает ему: «Все решилось сегодня утром: я еду, как только установится санный путь, и для большей верности буду ждать в Москве»¹¹⁷. 29 декабря Мария Николаевна покинула Москву. Путь был нелегок. Дважды по приказанию Николая I пытались вернуть ее с дороги: первый раз в Казани, второй — в Иркутске. Иркутский гражданский губернатор И. Б. Цейдлер делал все возможное, чтобы отговорить Марию Николаевну от дальнейшего следования. Однако старания его оказались тщетными: подписав все условия, определенные для жен ссыльнокаторжных, она отправилась дальше и 8 февраля 1827 г. прибыла в с. Нерчинский завод. 11 февраля начальник Нерчинских горных заводов Бурнашев сообщал назначенному на специально учрежденную должность коменданта по наблюдению за государственными преступниками генерал-майору С. Р. Лепарскому: «Прибывшая сюда 8 сего месяца жена государственного преступника С. Волконского княгиня Волконская при свидании со мною лично отозвалась мне, что, желая делить участь мужа своего, решила иметь жительство на Благодатском руднике»¹¹⁸. Еще три дня — и Мария Николаевна на месте. Долгожданная встреча состоялась 12 февраля в тюрьме, в присутствии Бурнашева.

Почти одновременно с Волконской сюда прибыли Е. И. Трубецкая и А. Г. Муравьева. Приезд жен сказался благотворно на душевном настрое декабристов. Тюремный надзиратель, составляя очередной рапорт об их здоровье и поведении, отметил, что С. Волконский и

¹¹⁶ Модзалевский Б. А. Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике. С. 346.

¹¹⁷ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 163, л. 41 (фр.). В другом переводе опубли.: Попова. С. 44.

¹¹⁸ ЦГАОР, ф. 109, I экзп., 1826 г., д. 61, ч. 1, л. 60.

С. Трубецкой «с приездом жен сделались приметно веселы», «работают охотно и стараются быть веселыми»¹¹⁹. Появилась возможность наладить связь с родными. Приехавшие женщины взяли на себя не только переписку со своими близкими, они регулярно писали письма и родственникам других осужденных. Улучшилось и материальное положение: хотя и ограничено, но все же женам удавалось переправлять в тюрьму продукты, табак, книги.

Во время нахождения декабристов в Благодатске произошло событие, которое не имело прецедента в истории сибирской каторги. Поставленный для надзора за заключенными новый надзиратель шихтмейстер Рик запретил осужденным выходить после работы из своих каморок и перестал давать им свечи. Лишенные единственной радости общения с товарищами, декабристы решили в знак протеста отказаться от еды. В своем донесении по начальству Рик сообщал, что «хотя в оном бунте участвовали все 8 человек государственных преступников, но первые начинщики были Сергей Трубецкой и Сергей Волконский»¹²⁰. Прибывший немедленно на рудник Бурнашев, проведя следствие и сделав соответствующее внушение «бунтовщикам», вынужден был во избежание неприятностей отменить решение Рика. Как писал в своих воспоминаниях Е. П. Оболенский: «К обеду <...> чуланы были отперты, и все пошло прежним порядком»¹²¹. А через некоторое время Рик был уволен и заменен другим надзирателем. Так завершилась первая в истории голодовка политических заключенных в Сибири.

Пребывание в Благодатском руднике продолжалось 11 месяцев. 9 сентября 1827 г. Лепарский сообщил Бурнашеву, что на основании распоряжения Петербурга восемь государственных преступников должны быть переведены в Читинский острог.

Весть о переезде в Читу вселила надежду на лучшие перемены: там ожидала встреча с друзьями (в Чите находились Розен, Кюхельбекер, Ентальцев, Басаргин, М. Бестужев и др.). Кроме того, декабристы освобож-

¹¹⁹ Там же, л. 71, 84—85.

¹²⁰ Чернов С. Декабристы в Благодатске // Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925. С. 111.

¹²¹ Воспоминания о 1826-м и 1827-м годах князя Евгения Петровича Оболенского // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 109.

дались от постоянного надзора Бурнашева, человека жестокого, «истого заплечного мастера»¹²² — как назвал его М. Бестужев. Существенным было и то, что климат Читы и окрестностей был значительно здоровее сырого климата рудников.

13 сентября все восемь «государственных преступников» пустились в путь. Дорогу Волконский перенес хорошо, и в течение зимы здоровье его значительно окрепло. Встреча с товарищами укрепила и моральное состояние. «На его здоровье я не могу жаловаться, — писала Мария Николаевна свекрови, — оно довольно хорошо, несмотря на суровую погоду; что же касается его настроения, то трудно, можно сказать — почти невозможно встретить в ком-либо такую ясность духа, как у него»¹²³. Иными были и работы, на которые назначались декабристы. Они носили временный характер, так как здесь не было ни заводов, ни рудников. Декабристов посылали засыпать рвы, ремонтировать дороги, чистить улицы, рыть канавы под фундаменты строящихся домов, молоть муку. Жены, которых в Чите было уже восемь человек, старались, как могли, наладить жизнь узников. Заключенные и сами пытались устроить свой быт и с этой целью создали артельную кассу, куда каждый из них должен был вносить сумму, которая была ему по силам. И хотя материальное положение было у всех различное, все делалось так деликатно, что «никто, — как пишет И. Д. Якушкин, — не чувствовал при том ничего для себя неловкого»¹²⁴. Средствами кассы распоряжался староста, избираемый на три месяца. Деньги тратились на еду, на стирку белья. Появилась и добровольная «артель мастеровых» — одни стали портными, другие сапожниками, третьи столярами. Подспорьем был и небольшой огород, который декабристы разбили во дворе острога, весьма неплохо снабжавший их овощами.

К этому периоду относится и начало увлечения С. Г. Волконского «натуралистическими» занятиями и сельскими работами. В письмах Марии Николаевны к родным частыми становятся просьбы о присылке специальной литературы, семян. Так, она просит свекровь

¹²² Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 146.

¹²³ Гершензон М. О. Письма М. Н. Волконской из Сибири // Рус. пропилей. М., 1915. Т. 1. С. 44.

¹²⁴ Якушкин. С. 113.

прислать для сына «Альманах опытного садовника» Туэна с атласом и сочинение Левшина «Огородник».

«Устроив мало-помалу свое материальное довольствие, мы не забыли и умственного», — пишет об этом времени Н. И. Лорер¹²⁵. Благодаря заботам жен декабристов стали приходить русские и иностранные журналы. Из книг, привезенных с собой, и тех, что присылали им родные, составились хорошие библиотеки у С. Г. Волконского, С. П. Трубецкого, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, которые стали общим достоянием. Вечерами шел обмен мнениями о прочитанном. Занимались переводами. Среди читинских узников было немало получивших блестящее образование. Читались лекции по философии, русской словесности, математике, географии и другим наукам. Здесь, в Чите, было положено начало той каторжной «академии», которая в дальнейшем через декабристов понесла свои знания в разные уголки Сибири. «Каземат дал нам политическое существование за пределами политической смерти», — лаконично, но точно сказал М. Бестужев¹²⁶.

Очевидно, именно в Чите между декабристами стала складываться особая нравственная норма поведения, которую они свято соблюдали всю жизнь: избегать взаимных упреков по поводу прошлого. Декабрист П. И. Фаленберг, делясь своими воспоминаниями с сыном И. Д. Якушкина Евгением, писал: «В Чите <...> сначала поместили нас более 60 человек в трех крестьянских избах. Здесь начались споры, упреки друг другу в неправдивых и вздорных показаниях на очных ставках, в комитете Следственной комиссии и пр. и пр. Чтоб прекратить раздоры, всем обществом — единогласно — принято условие ни под каким видом не упоминать о прошедшем, относительно вопросов и ответов <...> и название «комитет» предать забвению. Эта благая мера не только водворила мир и тишину, но и связала тесной дружбой страдальцев за одно и то же дело»¹²⁷.

В августе 1828 г. пришло разрешение снять кандалы. Это было несказанным облегчением, хотя, как вспоми-

¹²⁵ Лорер Н. И. Записки декабриста. С. 144.

¹²⁶ Воспоминания Бестужевых. С. 146.

¹²⁷ Богданова М. М. К истории пребывания декабристов в Забайкалье // Памяти декабристов: К 150-летию со дня восстания. Иркутск, 1975. С. 47.

нала Мария Николаевна, за три года к ним так привыкли, что первое время странным казалось их отсутствие. «Мы так привыкли к звуку цепей, что я даже с некоторым удовольствием прислушивалась к нему: он меня уведомлял о приближении Сергея при наших встречах»¹²⁸. 1 июня 1829 г., наконец, были разрешены декабристам ежедневные свидания с женами, которые до той поры были лишь дважды в неделю.

В Чите Волконских настигло и первое горе: в январе 1828 г. умер их первенец Николино, которого Мария Николаевна оставила в Петербурге, а осенью 1829 г. ей сообщили о смерти отца. С чувством глубокой благодарности, как знак дружеского участия, восприняли Волконские присланную им стихотворную эпитафию на смерть их сына, написанную А. С. Пушкиным. Декабриста с Пушкиным связывало давнее знакомство. О дружеском характере отношений, возникших между ними, свидетельствует то, что Волконский спешит поделиться с А. С. Пушкиным своей радостью — предстоящим бракосочетанием с Марией Николаевной Раевской, которую тот знал еще подростком. Стремясь поддержать опального поэта, в том же письме от 18 октября 1824 г., адресованном в Михайловское, Волконский писал ему: «Соседство и воспоминание о великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будет для вас предметом пиитических занятий, а соотечественникам вашим труд ваш — памятником славы предков современника»¹²⁹. Уже после смерти декабриста его сын М. С. Волконский писал Л. Н. Майкову о семейной легенде, будто бы С. Г. Волконскому поручено было Директорией подготовить прием Пушкина в члены Южного общества, но тот, не желая подвергать поэта опасности, не выполнил этого поручения¹³⁰.

Пребывание в Чите продолжалось три года. За это время при железоделательном Петровском заводе, неподалеку от Верхнеудинска, было окончено строительство специальной тюрьмы казарменного типа, которой суж-

¹²⁸ Волконская. С. 327.

¹²⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1937. Т. 13. С. 112.

¹³⁰ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах // ЛН. М., 1952. Т. 58. С. 163.

дено было стать последней сибирской тюрьмой для декабристов.

Предстояло преодолеть более 600 верст. Переход начался 7 августа 1830 г. Шли пешком, однако Сергею Григорьевичу, который был нездоров, разрешили ехать в телеге. Иногда, одетый в смешную женскую кацавейку, он слезал с телеги и шел вместе с товарищами. Об этом «комическом шествии», где каждый был одет во что попало, с юмором рассказывает Н. В. Басаргин. Говоря об интересных беседах в пути, он вспоминает и Волконского, который «говорил <...> прекрасно, с одушевлением, особенно когда дело шло о военных действиях»¹³¹.

Переход был окончен в последних числах сентября. (М. Н. Волконская указывает дату 22 сентября). В новом остроге почти каждый заключенный получил хоть и крошечное, но отдельное помещение, которое с энтузиазмом принялся благоустроить.

Здесь, в Петровском заводе, наконец было разрешено женам поселиться в казематах мужей. «...В нашем номере я обтянула стены шелковой материей (мои бывшие занавеси, присланные из Петербурга). У меня было пианино, шкаф с книгами, два диванчика, словом, было почти все нарядно», — вспоминает М. Н. Волконская¹³².

Работы, на которые были определены декабристы, так же, как и в Чите, не носили постоянного характера, менялись в зависимости от времени года. Работали, в общем, без особого напряжения, по пять часов в день. Та общая касса, которая была образована в Чите, здесь превратилась в большую артель со своим уставом, где обязанности были распределены между хозяином, закупщиком и казначеем. Женатые не пользовались ничем из артели, но делали ежегодные взносы. Волконский вносил от двух до трех тысяч рублей в год. Из большой артели выделилась малая, которая снабжала пособием декабристов, отъезжающих на поселение. Нужно заметить, что малая артель существовала и по возвращении декабристов из ссылки, а в дальнейшем ее судьба перешла в руки их детей. Известно, что с 1829 по 1837 г. М. Н. Волконская внесла в эту артель 15 519 рублей 57 копеек¹³³.

¹³¹ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 148.

¹³² Волконская. С. 330.

¹³³ Матханова Е. И. Декабристская Малая артель после амнистии // Ссылные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 182.

Многообразнее стал досуг декабристов. В казематную библиотеку поступало все больше и больше книг и журналов. И тогда Д. И. Завалишин, С. Г. Волконский и М. Ф. Митьков организовали книжную артель, членами которой стали все декабристы. Правление артели занималось выпиской и учетом поступающей литературы, ведением каталога, оно регулировало пользование книгами. На год выбирался распорядитель, который составлял списки читателей и строго следил, чтобы каждый затрачивал на чтение определенное ему время: на газеты — не более двух часов, на журнал два-три дня. Благодаря получаемым книгам, журналам, газетам декабристы, заброшенные Верховным уголовным судом в далекую Сибирь, тем не менее были в курсе политической и культурной жизни России. «До сих пор наши чтения удерживаются в достаточной мере на уровне образованности нашего времени,— писала Мария Николаевна Э. А. Волконской 25 декабря 1831 г.— Историческая наука, доведенная до такой степени совершенства во Франции, произведения Гизо, Тьерри, имеющие доступ в Россию, находятся в нашем распоряжении»¹³⁴. Получаемые новинки литературы позволяют Марии Николаевне в письмах высказывать суждения и о «Борисе Годунове», вызвавшем «наше общее восхищение», и о прочитанных «Повестях Белкина»¹³⁵. Память о Пушкине была особенно жива среди декабристов. Так, И. И. Пущин в письме из Петровского завода бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту от 7 февраля 1836 г. рассказывает о том, как он и его товарищи по заключению исполняли «Прощальную песнь» лицейстов на слова А. А. Дельвига, отмечая этим день лицейской годовщины¹³⁶.

23 декабря 1834 г. умирает мать декабриста А. Н. Волконская. При вскрытии ее духовного завещания было обнаружено письмо к императору с просьбой «облегчить участь сына, принадлежащего к числу государственных преступников по происшествию 14 декабря 1825 г., и вывести его из Сибири, где он донныне нахо-

¹³⁴ Цит. по: Сулган-Шах М. П. М. Н. Волконская и А. С. Пушкин // А. С. Пушкин. Исследования и материалы. М., 1956. Т. 1. С. 259.

¹³⁵ Там же. С. 266—267.

¹³⁶ Эйдельман Н. Я. За Байкалом и близ Иркутска // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 154.

дится в каторжной работе, дозволив ему жить под надзором в имении»¹³⁷. 13 февраля 1835 г. военный министр А. И. Чернышев уведомляет Бенкендорфа, что царь не считал возможным полностью удовлетворить просьбу княгини Волконской, но из уважения к ее памяти повелел «государственного преступника Сергея Волконского освободить ныне же от каторжной работы, обратив в Сибири на поселение»¹³⁸.

В некоторых трудах, посвященных декабристам, отмечается тот факт, что поселение Волконского всячески оттягивалось по велению свыше. Но это не совсем соответствует действительности. Архивные материалы из фонда III отделения рассказывают следующее. Император приказал поселить Волконского там, где нет других государственных преступников, а если такое место в Сибири найти невозможно, то перевести откуда-либо других поселенцев, а Волконского оставить там в одиночестве. Срочно начинают подбирать места — Ялуторовск, Курган, Баргузин. 28 февраля 1835 г. Бенкендорф сообщает коменданту Лепарскому: «<...> его величество высочайше повелеть мне изволил отнестись к вашему превосходительству, дабы вы спросили Сергея Волконского, желает ли он остаться в Петровском заводе свободным от работ или переехать в Баргузин на поселение»¹³⁹. 15 июня он получает донесение Лепарского от 23 апреля 1835 г. о том, что Волконский высказал желание остаться в Петровском заводе.

24 июня следует всеподданнейший доклад и высочайшее соизволение «оставить государственного преступника Волконского, согласно его желанию, в Петровском заводе, дозволив ему жить в собственном его доме, но под строгим надзором»¹⁴⁰. 7 июля следующего года на имя Бенкендорфа доставлено письмо М. Н. Волконской. В нем она просит считать решение мужа остаться в Петровском заводе временным и перевести их в то место, где поселен государственный преступник доктор Вольф, в услугах которого нуждается вся их семья¹⁴¹. И хотя в Урике, где находился доктор Вольф, уже было трое де-

¹³⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 14.

¹³⁸ Там же, л. 14—15.

¹³⁹ Там же, л. 18.

¹⁴⁰ Там же, л. 24.

¹⁴¹ Там же, л. 28—28 об.

кабристов, Бенкендорфу, как видно, удалось найти доводы, позволившие получить на это монаршее согласие. Однако почти одновременно поступает донесение от генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского о том, что Волконский вновь подтвердил свое желание остаться в Петровском заводе. На сообщении Броневского карандашная помета, вероятно, рукой Бенкендорфа: «*вот опять новое?*»¹⁴². На этот раз никто не осмелился снова обратиться к царю, и Урик так и остался местом поселения Волконского.

Несмотря на присланное из Петербурга распоряжение о переезде, он всячески его оттягивает, ссылаясь то на болезнь детей, то на невозможность перебраться через Байкал, пока тот не покроется льдом. И только 31 марта 1837 г.¹⁴³, когда большинство его союзников, освобожденных царским указом от 14 декабря 1835 г., уже разъехалось по местам поселений, Волконский с семьей прибывает в Урик. Возникает вопрос: в чем причина такого явного противодействия? Не вызывала ли у него любая перемена, инициатива которой исходила от властей, сознательное сопротивление? Ведь не случайно, когда через два года брат Марии Николаевны генерал Н. Н. Раевский (младший) будет ходатайствовать через Бенкендорфа о все милостивейшем дозволении определить Волконского солдатом на Кавказ, а Бенкендорф согласится поддержать эту просьбу перед государем при условии, если сам Волконский напишет о своем желании, декабрист и на сей раз останется верен себе и не воспользуется предоставленной ему возможностью покинуть Сибирь¹⁴⁴. Не исключено и то, что он, подобно Лунину, осуждал тех, кто просился на Кавказ «замаливать грехи», и не хотел оказаться в их рядах¹⁴⁵.

Жизнь на поселении резко отличалась от жизни в Петровском заводе. Появилась, хотя и относительная, но все же большая свобода передвижения. Как пишет М. Н. Волконская, «свобода на поселении ограничивалась для мужчин — правом гулять и охотиться в окрестностях, а дамы могли ездить в город для своих покупок»¹⁴⁶.

¹⁴² Там же, л. 31—31 об.

¹⁴³ Там же, л. 37.

¹⁴⁴ Там же, л. 49—49 об.

¹⁴⁵ Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. С. 29.

¹⁴⁶ Волконская. С. 333.

Радовало и то, что можно было встречаться с товарищами, живущими неподалеку. В Урике жили Н. Муравьев, Вольф и Лунин, в 8 верстах в с. Усть-Куда поселились братья Поджио, в 30 верстах в с. Оёк Трубецкие и Вадковский.

Здесь, на поселении, естественным для Волконского становится общение с крестьянами. Сын декабриста пишет об этом периоде жизни отца: «С. Г. Волконский был ближе всех к рабочему люду: это была, можно сказать, его слабость; он входил в подробности занятий крестьян, их хозяйства и даже семейной жизни; они обращались к нему за советом, за медицинскими пособиями, за содействием»¹⁴⁷. Некоторых современников удивляло и даже шокировало, сколь легко и органично вошел Волконский-аристократ в крестьянскую среду. Однако ничего необычного в этом не было. Как справедливо отмечает Ю. М. Лотман, поведение декабристов в любой ситуации оставалось дворянским, определяемым полученным воспитанием, которое исключало какое бы то ни было проявление сословной спеси, скорее, наоборот, предполагало простоту в обращении с людьми иного социального слоя. Доктор Н. А. Белоголовый, ребенком часто бывавший в домах декабристов в Иркутске, вспоминает о Волконском: «Попав в Сибирь, он как-то резко порвал связь с своим блестящим и знатным прошедшим <...>. С товарищами своими он хотя и был дружен, но в их кругу бывал редко, а больше водил дружбу с крестьянами; летом пропадал по целым дням на работах в поле, а зимой любимым его времяпровождением в городе было посещение базара, где он встречал много приятелей среди подгородних крестьян и любил с ними потолковать по душе о их нуждах и ходе хозяйства <...>. Вообще в обществе он представлял оригинальное явление, хотя был очень образован, говорил по-французски как француз, сильно грассируя, был очень добр и с нами, детьми, всегда мил и ласков»¹⁴⁸. Именно эту особенность поведения декабриста имеет в виду Лотман, когда пишет: «Эта способность быть без наигранности, органически и естественно «своим» и в светском салоне, и с крестьяна-

¹⁴⁷ Волконский. С. 478.

¹⁴⁸ Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка // Знаменский М. С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 262—263 (далее: Белоголовый).

ми на базаре, и с детьми составляет культурную специфику бытового поведения декабриста, родственную поэзии Пушкина и составляющую одно из вершинных проявлений русской культуры»¹⁴⁹.

В Урике у Волконского появились более широкие возможности для занятий земледелием. Здесь у него был уже не маленький клочок земли, как, например, в Петровском заводе, а участок в 15 десятин, положенный по закону поселенцу. Более того, в 1840 г. Волконский обратился к губернатору Восточной Сибири с просьбой дать ему на расчистку под пашню на 40 лет еще 55 десятин пустопорожней земли. Это был совершенно беспрецедентный случай: государственный преступник просит землю! Вопрос рассматривался в Комитете министров по докладу Бенкендорфа, положительно отнесшегося к этой просьбе. Его поддержал министр государственных имуществ Киселев. Принятое постановление гласило: отныне поселенцы из государственных преступников получали право помимо обязательного надела пользоваться расчищенными ими землями. Однако дабы это не открыло путь к излишнему материальному благополучию ссыльных, несовместимому с их положением, постановление ограничивало размер дополнительной земли 15 десятинами¹⁵⁰.

«Волконский в гроб занимается хлебопашеством»¹⁵¹, — сообщает осенью 1842 г. сосед Вадковский Пушкину, с которым Волконского связывали крепкие дружеские узы. Имелась существенная причина, побуждавшая декабриста так энергично взяться за труд, — землепашество доставляло ему дополнительные средства к существованию. А забота о них становилась все более насущной, так как обострившиеся отношения с многочисленной родней весьма осложняли имущественное положение Волконских.

Еще в мае 1826 г., находясь в Петропавловской крепости, Сергей Григорьевич собственноручно пишет духовное завещание, которое было заверено Бенкендорфом. Основные распоряжения касались той доли из его наследства, которая предоставлялась «в вечное владение»

¹⁴⁹ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. С. 72.

¹⁵⁰ Кубалов Б. Крестьяне Восточной Сибири и декабристы // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 21—22.

¹⁵¹ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. Л., 1926. С. 84.

его жене и маленькому сыну. Как видно, кое-кто из родных не был безусловно честен в исполнении воли завещателя. Прямое указание на это мы встречаем в письме П. А. Муханова к И. И. Пущину от 7 января 1843 г. Сообщая об уриксских новостях, в том числе и о сельских занятиях Волконского, он пишет, что тот «убедился также, что вся сиятельная родня его прибрала к рукам его наследство, но пишет буллы к ним; жаль, что не плюнет на их сиятельства»¹⁵².

Не столь уж многочисленными были эти «буллы». природная деликатность и чувство благодарности за те крохи внимания и помощи, которые шли от родных, не позволяли ему открыто высказывать свои претензии. Но был момент, когда тревога за будущее детей оказалась сильнее присущей ему сдержанности. В мае 1827 г. А. Н. Волконская, тяжело заболев, составила завещание, в котором изъявила свою волю наследникам продать ее дом, «состоящий во 2-й Адмиралтейской части под № 3-м» (ныне Мойка, 12, где прожил последние месяцы своей жизни А. С. Пушкин), и проценты с вырученного капитала «доставлять установленным порядком на содержание несчастного сына моего Сергея»¹⁵³. Никаких изменений в этом вопросе не содержал и новый вариант завещания, составленный пять лет спустя¹⁵⁴. Но в январе 1834 г. мать декабриста составляет и подписывает третье, последнее завещание, в котором существенно изменяет свое распоряжение относительно дома на Мойке — он передается во владение ее дочери Софье Григорьевне. Все недвижимое имущество делится между сыновьями Николаем и Никитой и дочерью Софьей. Никакого завещательного акта относительно младшего сына, кроме прощального благословения, прощения и просьбы к наследникам «не отчуждать своих сердец и иметь братское попечение»¹⁵⁵ о сосланном, не следует. Отныне получит ли что-нибудь он из наследства матери, зависело целиком от доброй воли его родных.

Никто из близких не спешит уведомить Сергея Григорьевича об изменениях в завещании, да и вообще со смертью матери связь с Сибирью поддерживает одна

¹⁵² Муханов П. А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 371.

¹⁵³ ЦГИА, ф. 914, оп. 1, д. 96, л. 4.

¹⁵⁴ Там же, ф. 844, оп. 1, д. 21, л. 6—7.

¹⁵⁵ Там же, л. 5.

Жозефина Тюрненже, компаньонка покойной княгини. Ей адресованы весьма горькие строки, написанные рукою Волконского (черновик): «Долгие годы вы исполняли при ней обязанности секретаря. Вы передали мне ее последнее прости, ее последние благословения. До последнего дня вы оставались единственной нитью, которая связывала меня с моей семьей, благодаря тем вестям, которые вы мне о них сообщали, как полагаю, скорее по вашей доброй воле, чем по их поручению. Ведь они могли и могут сами взять в руки перо. Я хочу, чтобы это произошло, но не надеюсь»¹⁵⁶. Со смерти матери проходит год, но от родных по-прежнему ни слова.

Сколько мучительны ни были мысли Волконского о будущем его семьи, он продолжал живо откликаться на все происходящее вокруг. В Сибири, никогда не знавшей крепостного права, Волконский впервые встретился со свободным крестьянином. Когда-то именно глубокая ненависть к крепостничеству явилась едва ли не важнейшей причиной, объединившей будущих декабристов в тайное общество. Волконский был среди тех, кто в январе 1823 г. принимал «Русскую правду», которая требовала не просто уничтожения рабства в России («рабство должно быть решительно уничтожено»)¹⁵⁷, но непременно освобождения крестьян с наделом земли. Более близкое общение с крестьянами в годы ссылки утвердило его в этом. Однако когда до Сибири дошел далекий от радикального духа пестелевской «Русской правды» указ от 2 апреля 1842 г. «Об обязанных крестьянах», он приветствовал даже его. Из письма С. Г. Волконского И. И. Пушкину от 28 октября 1843 г. становятся ясны мотивы, побудившие его одобрить этот шаг правительства. Указ от 2 апреля Волконский рассматривал лишь как первый этап, который должен обеспечить юридическую самостоятельность крестьян, признание их прав «гражданства и человечества», «как способ перехода без потрясений из постыдного звания рабов в самостоятельные сочлены гражданского общества». Но, сомневаясь в том, что эта мера будет принята «закоснелым в феодальных предрассудках дворянством русским», он изла-

¹⁵⁶ Тихановская А. Э. Из архива декабриста Сергея Волконского // Сибирь. 1982. № 2. С. 121.

¹⁵⁷ ВД. Т. 7. С. 156.

гает в письме свои соображения, как сделать этот указ действенным. Для этого, с его точки зрения, нужно строго определить отношения между бывшим помещиком и обязанными крестьянами, которые «не должны <...> иметь с владельцем земли <...> других обязательств, как платные — деньгами ли или продуктами»¹⁵⁸. Таким образом, в целом принимая указ от 2 апреля, декабрист считал необходимым дополнить его положением об установлении повинностей в форме натурального или денежного оброка, что лишило бы помещиков юридической власти над крестьянами.

Лишенный своего состояния, С. Г. Волконский не мог воспользоваться законом от 2 апреля. Тем не менее он просит А. Н. Раевского на основании закона освободить крестьян его бывшего имения, но в просьбе ему было отказано.

Весной 1842 г. по случаю бракосочетания наследника император издал «Манифест о детях, рожденных в Сибири от сосланных туда государственных преступников, вступивших в брак в дворянском состоянии до постановления о них приговора». 16 апреля 1842 г. четверо декабристов, подходящих под эту категорию, — Волконский, Трубецкой, Н. Муравьев и Давыдов были вызваны к генерал-губернатору Руперту. Объявленная им высочайшая воля гласила, что дети их могут быть восстановлены в правах дворянства, если они, отказавшись от фамилии своих отцов, окончат казенные учебные заведения: мальчики — кадетские корпуса, девочки — институты. На размышление декабристам было дано 48 часов. Волконский, Трубецкой и Н. Муравьев ответили решительным отказом. Давыдов дал согласие. Письменный отказ Волконского Руперт получил 18 апреля: «Частые и сильные головные болезни сына моего совершенно расстроили его здоровье. В положении сем не только предназначение к поенной службе, но и само путешествие его из Сибири в Россию будет для него несомненно пагубным. Дочь моя еще ребенок, и что сможет ей заменить заботливое попечение матери? Существование жены моей так совершенно слитно с благополучием и жизнью ее детей, что одна лишь мысль о возможности разлуки уже сделалась для нее мучением! Должны ли дети вступить в свет с

¹⁵⁸ Записки ОР ГБЛ. Вып. 24. С. 378.

горькой уверенностью, что отец их купил им житейские выгоды новыми страданиями и самой жизнью их матери?» Волконский просил не лишать детей имени, переданного им святостью брака родителей, имени, которое изгладить в их памяти можно только с уничтожением сыновней в них любви»¹⁵⁹.

Проблема воспитания и образования сына глубоко волновала декабриста. На первых порах в домашнем обучении Миши роль педагогов с успехом исполняли товарищи по изгнанию. Так, М. С. Лунин, составивший для мальчика «План начальных занятий»¹⁶⁰, обучал его английскому языку, П. Муханов — математике, А. Поджио — истории, географии, русскому языку. Но с годами домашнее образование становилось недостаточным, и 15 августа 1844 г. М. Н. Волконская, ссылаясь на свое болезненное состояние, требующее постоянного лечения, обращается с просьбой к А. Ф. Орлову исходатайствовать ей разрешение переехать с семьей в Иркутск¹⁶¹. На эту просьбу высочайшего соизволения не последовало. И только тогда, когда было дано разрешение Е. И. Трубецкой проживать с детьми в Иркутске, решила с их участием Волконских. Марии Николаевне с детьми дозволялось жить в Иркутске, а Волконскому приезжать к ним. Когда же Волконский окончательно переехал в Иркутск, установить трудно. М. Н. Волконская пишет, что первоначально он мог навещать семью два раза в неделю, а «несколько месяцев спустя и совсем туда переехать»¹⁶².

Теперь начались новые хлопоты по поводу определения сына в Иркутскую гимназию, для чего опять-таки требовалось высочайшее согласие. Архив III отделения с. е. и. в. канцелярии хранит не одно письмо Марии Николаевны по этому поводу. Ее просьбу поддерживает генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт, который подчеркивает при этом, что «публичное воспитание есть лучшее средство дать юному уму направление, согласное с видами правительства»¹⁶³. Аттестат и заслу-

¹⁵⁹ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 67, ч. 17, л. 59—60.

¹⁶⁰ Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. С. 181—183.

¹⁶¹ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 70.

¹⁶² Волконская. С. 335.

¹⁶³ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 91.

женная Михаилом Волконским золотая медаль тоже достались не без труда.

Если в определении жизненного пути сына Сергей Григорьевич и Мария Николаевна единодушны, то судьбу дочери Мария Николаевна устраивает вопреки воле отца, и даже более — при активном его противодействии и молчаливом порицании ее действий его друзьями. Желая обеспечить дочери положение в обществе, в надежде вызволить ее из Сибири Мария Николаевна выдает Нелли замуж за чиновника канцелярии иркутского генерал-губернатора Дмитрия Молчанова, человека весьма сомнительной репутации. Через два года ей пришлось пожалеть о том, что она настояла на этом браке. Молчанов был обвинен во взяточничестве, отдан под суд, вскоре заболел и, сойдя с ума, умер.

Дальнейшая судьба сына складывалась благополучно. Устройство на службу было облегчено благодаря приходу в 1847 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева — человека «больших достоинств и прогрессивных взглядов, — как характеризовал его М. А. Фонвизин, — не безразличного к распространению просвещения в обширных управляемых им областях»¹⁶⁴. Когда к Муравьеву обратился А. Ф. Орлов с просьбой принять на службу в его канцелярию племянника своей свояченицы Е. Н. Орловой (старшей сестры Марии Николаевны) Михаила Волконского, тот с готовностью ответил: «Я исполняю с тем большим удовольствием, что Волконский вполне заслуживает особенного внимания как по поведению и прилежанию своему, так и по тому похвальному нравственному направлению, которое он получил в родительском доме»¹⁶⁵.

Н. Н. Муравьев многое изменил к лучшему в положении декабристов, избавив их от ряда ограничений и запрещений. Он и его жена открыли для семей декабристов двери своего дома, тем самым определив свое отношение к ним, как к «равноправным членам местного общества»¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 318.

¹⁶⁵ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 109—109 об. Опубл.: Волконский. С. 434.

¹⁶⁶ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири. 1848—1854. Спб., 1880. С. 25.

Вскоре и дома самих декабристов — Волконского и Трубецкого — усилиями их жен превратились в своеобразные центры духовной жизни Иркутска. Здесь собиралось все просвещенное общество губернского города, часто бывали декабристы — «иркутяне». Посещали дом и многие приезжавшие по делам из Петербурга и Москвы или просто совершавшие поездку по Сибири. Некоторые из них впоследствии испытывали «глубокую внутреннюю потребность» написать «о людях, память о которых не давала покоя и требовала рассказать потомкам все, что сохранилось в ней»¹⁶⁷. Благодаря этому мы узнаем немало интересных, хотя чаще всего сугубо бытовых подробностей и о жизни дома Волконских.

Гостями в этом доме были И. А. Гончаров, возвратившийся через Иркутск после плавания на фрегате «Паллада», морской офицер А. М. Линден, прибывший в Восточную Сибирь в составе эскадры адмирала Путятина для укрепления границ Дальнего Востока в период Крымской войны¹⁶⁸, шведский художник К.-П. Мазер, оставивший вместо воспоминаний галерею портретов декабристов и среди них удивительно психологически тонкие портреты Сергея Григорьевича и Марии Николаевны Волконских. Посетил Иркутск и владелец одного из петербургских «дагерротипных заведений» А. Давиньон. Он сделал целую серию дагерротипов, сохранив для потомков фотографические изображения многих декабристов и членов их семей, в том числе и Волконских. Правда, до властей дошли сведения об этом, и по возвращении в столицу Давиньон некоторое время находился под арестом, а часть дагерротипов была конфискована. В Сибирь же последовало строжайшее указание — запретить государственным преступникам снимать с себя портреты¹⁶⁹.

В доме Волконских всегда было много народу, устраивались балы, маскарады, домашние спектакли. Так,

¹⁶⁷ Коваль С. Ф. Воспоминания о декабристах в Сибири (вместо предисловия) // «...В потомках ваше племя оживет». Иркутск, 1986. С. 4—5.

¹⁶⁸ Гончаров И. А. По Восточной Сибири // Собр. соч. М., 1952. Т. 7. С. 367—369; Линден А. М. Записки // «...В потомках ваше племя оживет». С. 106—110.

¹⁶⁹ Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 522—528.

например, доктор Н. Белоголовый рассказывает о своем участии в репетициях детского спектакля по пьесе Д. И. Фонвизина «Недоросль», которые произвели на детей, никогда не видевших театра, неизгладимое впечатление¹⁷⁰.

Впрочем, светская жизнь, к которой тяготела Мария Николаевна, была чужда Волконскому; отдыхал он душою лишь в обществе друзей-декабристов. Он дорожил отношениями с ними, спаянными долгим союзничеством, общими идеалами и надеждами. В 1854—1855 гг. чаще всего он видится с лечащимися в Иркутске И. Д. Якушкиным и Е. П. Оболенским. Можно не сомневаться, что так же, как и в довольно регулярной переписке с И. И. Пушковым, он обсуждает с ними волнующие их всех вопросы политического быта России. «Перо и чувства — все о России»¹⁷¹ — эти слова Волконского подтверждают мысль, что и на этом этапе жизни его по-прежнему отличает неизменность гражданских позиций, а отсюда и вечная потребность в действиях.

Н. Я. Эйдельман говорит о разных вариантах «жизни в обороне» многих из декабристов, уходивших на поселение¹⁷². Для Волконского подобная позиция была неприемлема. Не случайно, когда его старый товарищ по Кавалергардскому полку, тайному обществу и ссылке М. С. Лунин начинает свои «действия наступательные» и создает ряд антиправительственных сочинений, именно Волконский становится одним из помощников в их распространении. У себя лично Волконские хранят несколько лунинских автографов, что было далеко небезопасно, и в их числе одну из редакций «Писем из Сибири», которую Н. Я. Эйдельман называет «самым полным и авторитетным текстом «Писем из Сибири», завершающим определенный период лунинских работ над этим сочинением»¹⁷³. Сохранилась также переписанная рукою Волконского другая работа Лунина — «Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 года».

Когда же в 1841 г. за все эти крамольные сочинения Лунина арестовали вторично и он был сослан в Акатуй, именно Волконские становятся его душеприказчиками.

¹⁷⁰ Белоголовый С. 267.

¹⁷¹ Записки ОР ГБЛ. Вып. 24. С. 382.

¹⁷² Лунин М. С. Письма из Сибири. С. 316.

¹⁷³ Там же. С. 364.

В сохранившихся 12 письмах акадуйского узника Волконским — слова благодарности за неизменное участие в его судьбе, за хлопоты по сохранению его имущества, за помощь семье его верного слуги Василича. «Ваши заботы о Василиче и его семье свидетельствуют одновременно и о вашем добрейшем сердце, и о постоянной ко мне дружбе. Кто пожелал бы взять на себя подобные тяготы?»¹⁷⁴ С тем же присущим ему чувством долга и товарищества занимается Волконский устройством дел ушедших из жизни друзей-декабристов П. Муханова, братьев Борисовых.

Товарищи по ссылке высоко ценили преданность и душевную теплоту Волконского. «Предобрый и способный к великодушным порывам человек», — писал о нем И. Д. Якушкин.

Жизнь в Сибири — это не только борьба за существование. Волконский — гражданин в любой ситуации, человек действия, это выражалось и в его живом отклике на все значительное, происходящее в России. Поэтому естественно, что все личное отходит на второй план перед событием, которое на долгое время становится едва ли не главным в жизни декабриста. Речь идет о Крымской войне, начавшейся, когда Волконскому исполнилось 66 лет. Старый солдат, участник 58 сражений, он всей душой стремился туда, где решалась судьба родины. «<...> я хоть сейчас готов к Севастополю, лишь бы взяли»¹⁷⁵, — пишет он Пушкину. Однако настоятельные просьбы жены и отказ Н. Н. Муравьева ходатайствовать перед правительством о том, чтобы декабристу разрешили солдатом принять участие в обороне Севастополя, вынудили Волконского отказаться от намерения отправиться на войну, и ему оставалось только следить за ходом военных действий по газетным сообщениям. Крымская война на долгий период становится главной темой его переписки с Пушкиным. Несмотря на безрадостные вести с европейского театра военных действий, декабрист не терял веры в победу русских войск. «Настала России година тяжелая, — читаем мы в письме его к Пушкину от 4 декабря 1854 г., — до сих пор события неутешительные, надо сожалеть о многих прорухах, надо стараться испра-

¹⁷⁴ Там же. С. 262.

¹⁷⁵ Записки ОР ГБЛ. Вып. 24. С. 383.

вить их,—но отчаиваться в возможности успешного исхода их — по-моему, непростительное преступление»¹⁷⁶.

Весной 1854 г. собралась посетить брата в ссылке княгиня С. Г. Волконская. Вопрос о поездке решал сам царь. Николай разрешил Софье Григорьевне отправиться в Сибирь при условии, «чтобы во время пребывания в Сибири не входить ни с кем в переписку, не соответствующую обстоятельствам, и при возвращении оттуда не брать ни от кого писем»¹⁷⁷.

Дав подписку о соблюдении всех условий, сопровождаемая строгим, но тайным наблюдением, С. Г. Волконская в конце июня выехала в Сибирь. Встречал сестру Сергей Григорьевич в расположенном под Иркутском Вознесенском монастыре и оттуда вместе с ней вернулся в город.

Софья Григорьевна пробыла в Сибири целый год. За это время, будучи натурой весьма подвижной, «прямой туристкой», как назвал ее брат, она успела объехать почти всю Восточную Сибирь. Во многих поездках ее сопровождал Сергей Григорьевич, что дало ему возможность посетить свои старые места заключения. Это путешествие хотя и было грустным, но принесло декабристу глубокое моральное удовлетворение. В письме от 17 июня 1855 г. он рассказывает И. И. Пушкину: «Много я объездил, был в Чите <...>; был в Благодатском, видел старое пепелище наше, назначенное в слом уже несколько лет, и рядом с ним не зимовой, но обширный европейского устройства со всеми удобствами для ссыльных рабочих. <...> Был в Акатуе и на могиле М[ихаила] С[ергеевича], на которую капнула слеза моя как дань дружбы и товарищества, был в Больш[ом] Нерч[инском] и в Алек[сандровском] заводе, где видел тому несколько лет туда прибывших, видел, что хотел видеть, что должен был видеть»¹⁷⁸.

«Прибывшие», о которых пишет Волконский,— это сосланные в Сибирь петрашевцы, судьбами которых, естественно, интересовались декабристы. В это время на нерчинской каторге отбывали наказание Ф. Н. Львов,

¹⁷⁶ Письма С. Г. Волконского // Декабристы. Летописи Гос. Литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 108 (далее: *Декабристы. Летописи. Кн. 3*).

¹⁷⁷ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 125.

¹⁷⁸ Записки ОР ГБЛ. Вып. 24. С. 390—391.

М. В. Буташевич-Петрашевский, Н. А. Момбелли, Н. А. Спешнев и Н. П. Григорьев.

Летом 1855 г. Волконский остается в Иркутске фактически в одиночестве. К этому времени здоровье Марии Николаевны ухудшилось, и дочери, уехавшей с мужем ранее, удалось через императрицу выхлопотать матери разрешение выехать для лечения в Москву. 6 августа 1855 г. Мария Николаевна покинула Иркутск. Сын находился в частых служебных командировках. Но декабрист не жалуется. «Я в своем одиночестве живу ладненько,— пишет он И. И. Пущину,— счастлив тем, что это одиночество обеспечит спокойствие, утешение моим»¹⁷⁹. Однако надежда на встречу с близкими не покидает его. Вот почему дошедший до Сибири манифест от 18 февраля 1855 г., сообщавший о смерти Николая I и восшествии на престол Александра II, в котором ничего не было сказано о декабристах, принес разочарование. «Манифест ясен, и о нас ни слова. Наша память похоронена будет в Сибири»¹⁸⁰. Но 26 августа 1856 г. по случаю коронации Александра II следует другой манифест, который даровал декабристам, в том числе и Волконскому, «все права потомственного дворянства, только без почетного титула, прежде им носимого, и без прав на прежние имущества, с дозволением возвратиться с семейством из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением С. Петербурга и Москвы, но под надзором»¹⁸¹. Этот манифест привез в Сибирь сын Волконского, находившийся во время коронации в Москве по служебным делам. За 17 дней домчался он с этой вестью в Иркутск. А через 4 дня после выхода манифеста — 30 августа — детям декабристов С. Г. Волконского и С. П. Трубецкого был возвращен и княжеский титул.

23 сентября 1856 г. Волконский выезжает из Иркутска в Москву¹⁸². Официально поселяется он в деревне Зыковой Московского уезда, но большую часть времени, пользуясь покровительством своего старого товарища по армии московского генерал-губернатора А. А. Закревского, проводит в Москве в доме дочери. В начале фев-

¹⁷⁹ Там же. С. 385.

¹⁸⁰ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 57, л. 38.

¹⁸¹ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 152. Оpubл. также: Волконский. С. 498.

¹⁸² ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 154.

раля 1857 г. слух о нарушении Волконским правительственного распоряжения доходит до III отделения, и начинается длительная переписка между Закревским и шефом III отделения В. А. Долгоруковым по поводу возможности узаконения пребывания декабриста в Москве. Ходатайство Закревского увенчалось успехом: периодические наезды в Москву были разрешены официально «до тех пор, пока он поведением своим и скромностью будет достоин даруемой ему милости»¹⁸³. Фактически с этих пор Москва становится почти постоянным местом его пребывания.

Разбросанные по всей России декабристы не прерывали дружеских связей, о чем свидетельствует и их переписка, которая велась не менее активно, чем в Сибири, и воспоминания родных. Внучка С. Н. Бибиковой (дочери Н. М. Муравьева) рассказывает, как в доме ее бабушки регулярно по пятницам собирались жившие в Москве декабристы, в том числе и Волконский¹⁸⁴. Внук декабриста С. М. Волконский находит в семейной переписке сведения о том, что Пушкин и Волконский, по крайней мере, дважды ездили в Тверь, где жил М. И. Муравьев-Апостол¹⁸⁵.

Если кто-нибудь из декабристов бывал наездом в Москве, Волконский непременно с ним встречался. Так было и во время краткого пребывания в Москве заболевшего Н. В. Басаргина, которого Сергей Григорьевич навещал вместе с С. П. Трубецким и С. Н. Бибиковой¹⁸⁶.

В 1858 г. у Волконского по его просьбе останавливался приехавший в Москву И. И. Пушкин. Вернувшись домой, он описал в письме к Е. П. Оболенскому встречу друзей: «Мне удалось в Москве уладить угощение в Новотроицком трактире, на котором присутствовал С. Г. [Волконский], Матвей [Муравьев-Апостол] и братья Якушкины. Раненых никого не было, и старый собутыльник Пушкина *et com* [и компания] был всем любезен без льдяного клико, как уверяли добрые его гости. С. Г. даже останавливал при некоторых выпадах,

¹⁸³ Там же, л. 164 об.

¹⁸⁴ Бибикова А. Из семейной хроники // Ист. вестник. 1916. № 11. С. 404.

¹⁸⁵ Волконский С. М. О декабристах: (По семейным воспоминаниям). Пг., 1922. С. 114.

¹⁸⁶ Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. С. 302.

всматриваясь в некоторые лица, сидевшие за другими столами с газетами в руках. Другие времена — другие нравы»¹⁸⁷. Можно представить себе, какие разговоры вели собравшиеся за общим столом. По-прежнему жив в них дух товарищества, по-прежнему дорожат они каждой встречей, для некоторых — последней.

Возвращенные из ссылки декабристы были встречены в обществе по-разному: одними (в высших сферах) настороженно, другими — сочувственно-удивленно. Удивление вызывало чувство собственного достоинства и живое восприятие жизни, которые сохранили эти люди после тридцати лет каторги и ссылки. Начальник 2-го округа московского корпуса жандармов генерал Перфильев, которого трудно заподозрить в расположении к декабристам, писал шефу жандармов в ответ на очередной запрос об их поведении: «Несмотря на столь продолжительное отчуждение от общества, при вступлении в него вновь — они не выказывают никаких странностей, ни унижения, ни застенчивости, свободно вступают в разговор, рассуждают об общих интересах, которые, как видно, никогда не были им чужды, невзирая на их положение»¹⁸⁸. Автор этих строк подметил, может быть, самое существенное: неизбывный интерес вернувшихся декабристов к окружающей их жизни. А в центре ее — разгар подготовки к крестьянской реформе. Мог ли Волконский, для которого крестьянский вопрос был наиважнейшим на всех этапах его жизни, остаться теперь в стороне от всего происходящего? Жена декабриста Ентальцева, сообщая в Петербург Пушкину о разговорах в Москве об освобождении крестьян, пишет: «Серг[ей] Гр[игорьевич] счастлив выше седьмого неба»¹⁸⁹. И сам Волконский тому же Пушкину: «Ты знаешь, что вопрос эмансипации есть коренной вопрос для России, а для меня самый близкий к сердцу»¹⁹⁰.

В канун исторического перелома в судьбе России взгляды Волконского на крестьянский вопрос получают дальнейшее развитие. Вынужденный из-за болезни дли-

¹⁸⁷ Цит. по: Эйдельман Н. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 229.

¹⁸⁸ Сиверс А. А. К истории декабристов после амнистии 1856 года // Дела и дни. 1920. № 1. С. 411.

¹⁸⁹ Декабристы. Летописи. Кн. 3. С. 144.

¹⁹⁰ Там же. С. 99.

тельное время находиться на излечении за границей (по высочайшему разрешению, но под надзором полиции), он тем не менее в курсе происходящего в России. Письма друзей, русские газеты и, наконец, герценовский «Колокол» — вот те источники, из которых он черпает сведения о ходе разработки в России реформы. Комментарии к полученным вестям, рассыпанные в письмах Волконского, дают представление о его позиции в этом вопросе. Они полны глубокого сочувствия крестьянам, резкой критики в адрес тех помещичьих проектов, которые пытались сохранить в той или иной форме зависимость крестьян от помещиков. «Получен ли в Неаполь «Колокол» от 29-го и 30-го дек[абря], вышедшие вместе, и от 1 янв[аря], — спрашивает он одного из своих постоянных корреспондентов Н. Д. Свербеева, — интересные подробностями о заседаниях Мос[ковского] комит[ета], просто протоколы многих мнений. Что за отсутствие чувства сердца, что за дерзость ума»¹⁹¹. «Уголовная болтовня» — так оценивает декабрист обмен мнениями членов наиболее реакционного Московского комитета.

Что же вызвало столь негативную реакцию декабриста и заставило так беспощадно заклеить решения этого комитета? Вполне вероятно, одна из статей, принятая единогласно в комитете, выдержки из протокола которой именно 1 января напечатал «Колокол»: «Крестьянские строения и усадебную землю предоставить в потомственное пользование крестьян за определенные повинности, самый же выкуп их допустить на основании добровольного согласия крестьян с помещиком». По существу этот пункт повторял закон от 2 апреля 1842 г., но ныне, в 1861 г., подобное решение вопроса, которое сохраняло систему феодальной эксплуатации в форме барщины или оброка, уже не может удовлетворить декабриста. Мог вызвать негодование и обсуждаемый комитетом пункт, который предоставлял помещику безоговорочное право «продавать, закладывать и вообще отчуждать все земли, как отведенные, так и не отведенные в пользование крестьян, без всякого ограничения»¹⁹². Декабрист отчетливо представлял себе, какие безгранич-

¹⁹¹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 111, л. 20.

¹⁹² Колокол. 1859. 1 янв. № 31. С. 265.

ные возможности открывает для помещичьего произвола эта статья в случае ее принятия.

Незадолго до опубликования «Положения 19 февраля 1861 года» Волконский заканчивает наброски, озаглавленные им «Свод некоторых замечаний из беглого чтения протоколов Редакционной комиссии», как бы подводящие итог его раздумьям о судьбе русского крестьянства.

По отношению к проблеме освобождения крестьян Волконский делит помещиков на три группы: первую — «упрямо отсталых от всякого прогресса», вторую — «принявших на себя личину либерализма, а по существу истинных плантаторов» и третью — «истинно либералов или просто людей с человеческими чувствами и убеждениями», причем эта последняя группа по своей малочисленности парализована союзом двух других.

Первая группа не представляет собой опасности «численностью и заветшалостью своих убеждений», зато «второй отдел весьма опасен и по численности, и по тому, что, высказывая себя прогрессивным, он имеет цель <...> заменить крепостное состояние безвыходной и еще тягчайшей кабалой». Эта самая консервативная часть помещиков представляет «какой-то нравственный тормоз; чуть где завертится колесо, хватить его скорее за спицу, и ко всему несчастью колесо останавливается»¹⁹³.

Критикуя систему выборов депутатов в губернские депутатские комитеты, Волконский пишет, что из «этих выборных передового сословия <...> треть чистых крепостников, явившихся на дело освобождения. <...> Бывают и Ноздревы и Собакевичи в дворянских мундирах»¹⁹⁴.

Решение двух главных вопросов реформы — правовое положение крестьян и их поземельные отношения с помещиками — для Волконского однозначно: полное юридическое освобождение с усадьбой и наделом земли за умеренный выкуп, установленный правительством. В отличие от тех декабристов, которые наивно полагали, что помещики сами к обоюдной выгоде договорятся с мужиками об условиях расплаты за землю. Волконский был категорически за решение этой проблемы «сверху», верховной властью. «Дозволь только помещикам самоуп-

¹⁹³ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 7, л. 7 об.

¹⁹⁴ Там же, л. 12.

равно решать освобождение крестьян,— говорит он в своих «Замечаниях»,— они пустят их голых и без средств пропитания по белому свету. Я довольно вслушался в их разговоры, знаю довольно чувства этих плантаторов сограждан, чтобы положительно это высказать»¹⁹⁵.

Недаром сын декабриста И. Д. Якушкина Евгений, посетивший Сибирь в 1853—1855 гг., пишет оттуда жене о С. Г. Волконском: «С такими понятиями, как у него, стариков почти совсем нет. К дворянству у него ненависть такая, ежели не на деле, так на словах (и это в его годы редкость), что сделало бы честь любому республиканцу 93 года. Впрочем, в искренности его убеждений сомневаться нельзя»¹⁹⁶.

В «Замечаниях» Волконский анализирует и другие важные вопросы готовящейся реформы, такие, как преобразование полиции, введение гласности суда, печатной гласности. «Необходимость печатной гласности,— замечает он,— доказывается громадным успехом литературы со времени ослабления цензуры»¹⁹⁷.

Знакомство с архивными материалами Волконского позволяет сделать заключение, что не было ни одного более или менее значительного вопроса общественного развития России, который не вызвал бы у него самого живого отклика. Не углубляясь в сложную проблему эволюции взглядов декабристов в разные периоды их жизни, заметим, что Волконский относился к той группе, позиции которой с годами не только не смягчились, но стали еще более радикальными.

В 1857 г. за границу для лечения уезжает Мария Николаевна с овдовевшей дочерью. В сентябре 1858 г. в связи с болезненным состоянием жены и Сергей Григорьевич получает высочайшее разрешение отправиться к ней на три месяца. Путешествие это, однако, затянулось, так как обострилась болезнь самого Волконского, и он несколько раз, приложив медицинские заключения, обращается к Александру II с просьбой о продлении срока. За время пребывания за границей Волконский посещает многие города Европы — Дрезден, Франкфурт, Париж, Рим. Здесь в марте 1859 г. его настигает печаль-

¹⁹⁵ Там же, л. 16 об.

¹⁹⁶ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. С. 54.

¹⁹⁷ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 7, л. 9 об.

ная весть о смерти И. И. Пущина. «Легка под ним будет земля могилы, но нелегко для живых его отсутствие среди нас»¹⁹⁸, — пишет он своему постоянному корреспонденту тех лет А. И. Бибикову, племяннику М. И. Муравьева-Апостола.

Летом этого же года в Виши, где продолжает свое лечение Сергей Григорьевич, знакомится он с И. С. Тургеневым, писавшим потом Герцену о декабристе, «очень милым и хорошем старике, который тебя тоже любит и ценит»¹⁹⁹.

1 августа 1859 г. Волконский возвращается в Россию, но ненадолго. Развившаяся болезнь вынудила его в 1860 г. вновь отправиться за границу. Пребывание там на этот раз знаменательно было для него двумя встречами: первая — с путешествующим по Италии Л. Н. Толстым, вторая — с А. И. Герценом, чей «Колокол» декабрист читал на протяжении нескольких лет.

Вероятно, именно встреча с Волконским навеяла Толстому замысел романа о декабристах. Позже он напишет по этому поводу Герцену: «Декабрист мой должен быть энтузиаст, мистик, христианин, возвращающийся в 56 году с женой, сыном и дочерью и примеряющий свой строгий и несколько идеальный взгляд к новой России»²⁰⁰. Много лет спустя, вновь вернувшись к идее романа, писатель сетовал, вспоминая встречу с Волконским: «Как жаль, что тогда так мало с ним говорил, как бы мне он теперь был нужен»²⁰¹.

Встреча с Герценом в Париже была единственной, но оба ее участника сохранили память о ней на всю жизнь. Личность Волконского давно интересовала Герцена, его имя часто встречается в работах писателя по истории революционного движения, в главах или разделах, посвященных декабристам. О встрече с Волконским Герцен вспоминает в «Письмах к будущему другу»: «Старик, величавый старик лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о своих, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым,

¹⁹⁸ Там же, № 41, л. 95.

¹⁹⁹ Герцен и Тургенев / Сообщение В. Б. // Вестник всемирной истории. 1901. № 3. С. 128.

²⁰⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 374.

²⁰¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1950. С. 146.

блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уж иным светом»²⁰².

Рассказы Герцена о Волконском побудили Н. П. Огарева написать декабристу письмо, которое раскрывает то главное, что связывало новое поколение русских революционеров с их предшественниками декабристами. Это — «чувство традиции русской свободы,— пишет Огарев,— принятое от вас и хранимое с религиозным благоговением. В этой традиции вы мне представляете ту сторону, которая мне всего ближе, которой летопись, к несчастью, наиболее утрачивается, сторону — «Русской правды»²⁰³.

В августе 1861 г. Волконский снова в России. Живет он то в имении Фалль под Ревелем у сына, то в Воронках, Черниговской губернии, у дочери. Полицейский надзор тяготеет над ним по-прежнему. В начале 1863 г. он обращается к императору с просьбой снять с него это бремя, которое,— пишет он,— лишает его «свободного передвижения, права въезда в столицы и выезда за границу без особых каждый раз монарших соизволений»²⁰⁴. Сочтя 75-летнего старика уже не опасным для трона, Александр II удовлетворяет его просьбу.

21 ноября 1863 г. Волконский в последний раз обращается с просьбой к Александру II. Не беспокоясь по поводу утраты княжеского титула, он хочет вернуть себе дорогие для него заслуженные награды «Знак отличия в память Прейсиш-Эйлауского сражения» и серебряную военную медаль 1812 г., а равно и бронзовую дворянскую медаль, в память той же войны установленную. «Эти знаки дороги мне,— пишет он,— как памятник сильного участия моего в этих великих событиях, как воспоминание о том, что некогда и я имел счастье проливать свою кровь за Россию»²⁰⁵. Сообщением кн. Долгорукова о последовавшем разрешении Волконскому вновь носить военные награды завершается «Секретная переписка по поводу Волконского».

Лето 1863 г. Сергей Григорьевич проводит в семье сына в Фалле. Здесь он, прикованный к постели жес-

²⁰² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 91.

²⁰³ Оксман Ю. Г. Огарев — Волконскому // ЛН. М., 1956.

Т. 63. С. 105.

²⁰⁴ ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 225 об.

²⁰⁵ Там же, л. 235—235 об.

точайшим приступом подагры, получает горестное известие о смерти в Воронках Марии Николаевны. Смерть жены так повлияла на Волконского, что вернувшийся после похорон сын был потрясен переменой, произошедшей с отцом: болезнь усугубилась, ноги почти перестали служить, пришлось прибегнуть к креслу на колесах. Только летом следующего года смог Волконский собраться с силами, чтобы съездить на могилу жены.

Еще одна попытка лечения в Виши, но резко ухудшившееся здоровье заставляет сына перевезти его срочно в Петербург, где он проводит свою последнюю зиму. К лету он перебирается в Воронки, к дочери. Однако здесь он прожил недолго. 28 ноября 1865 г. Елена сообщила брату: «Отец скончался в час пополудни без страданий, после причастия тихо заснул. Вчера сидел в галерее и писал»²⁰⁶.

Об этом последнем лете отца Михаил Сергеевич рассказывает: «Лето он провел в постоянных занятиях, в продолжении своих записок, в переписке с друзьями и мною <...>. Потеря физических сил нисколько не ослабила его умственных способностей: до последнего дня своей жизни он сохранил свою необыкновенную память, остроумную речь, горячее отношение к вопросам внутренней и внешней политики и участие ко всем, близким ему»²⁰⁷.

О своей работе над воспоминаниями сам декабрист нигде не упоминает. Но известно, что к написанию «Записок» он приступил в 1859 г., о чем свидетельствуют косвенные указания в самом тексте мемуаров. Что побудило его к этому? Возможно, толчком послужила вышедшая в 1857 г. книга М. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», преследующая цель развенчать декабристов, представить их кучкой «злодеев» и «убийц», и та ожесточенная борьба, которую развернули на страницах «Колокола» Герцен и Огарев против этой официальной версии. И хотя в основной своей части «Записки», которые остались незавершенными, посвящены военной жизни автора и лишь последние несколько десятков страниц имеют непосредственное отношение к его деятельности как члена тайного общества, они всем

²⁰⁶ ИРЛИ, ф. 57, оп. 4, № 36, л. 2.

²⁰⁷ Волконский. С. 510—511.

своим содержанием являются блистательным опровержением правительственной точки зрения на восстание декабристов как политический экспропт, не имеющий корней в русской действительности. Мемуары Волконского раскрывают широкую панораму жизни русского офицества, из рядов которого вышло большинство членов тайных обществ, прослеживают, как постепенно в недрах армии зреет протест против российских феодальных порядков, деспотизма самодержавия, беззакония и аракчеевщины, протест, который вскоре приведет лучших представителей дворянства к объединению в тайные общества и к борьбе за освобождение народа. «Записки» позволяют проследить, как, в каких условиях происходило постепенное становление и формирование личности самого автора, будущего декабриста, его нравственных и гражданских позиций, его мировоззрения и, наконец, его характера. Тем самым мемуары раскрывают как бы предысторию декабристского движения, показывают закономерность и органичность его зарождения, чистоту помыслов и целей его участников. Не случайно, когда они увидят свет, один из первых рецензентов напишет: «С. Волконский выяснил то, что не успели выяснить другие мемуаристы 14 декабря <...>, а именно: установил логику движения <...>. Читая его записки, вы начинаете понимать, что все эти Пестели, Волконские, Трубецкие были совсем не выразителями какого-то самоотверженно-либерального каприза, разгоревшегося в лучшей части русского барства. <...> Здесь вы страница за страницей чувствуете, как накапливается нравственное недовольство русского общества; как бессильны разрядить эту тучу страшные громы даже Бородина, Смоленска, Лейпцига; как чувство протеста делается господствующим, непременным, требовательным»²⁰⁸.

Биография Волконского — это биография эпохи: перед нами не просто свидетель — участник важнейших исторических событий первой трети XIX столетия. И поэтому его «Записки» являются как бы памятником этой эпохи. Отечественная война 1812 г., заграничные походы, сражения, в которых решались судьбы Европы, — все это не просто описано, но дополнено комментариями и размышлениями самого автора. И здесь несомненную

²⁰⁸ Россия. Пб., 1901. 20 окт. (2 нояб.). № 893.

ценность представляют не столько новые интересные сведения о том или ином событии или лице, сколько характеристика их автором, порою неожиданная, но несомненно данная человеком наблюдательным, способным и стремящимся заглянуть в суть явления или характера. Все это проявляется и в отношении автора к различным историческим событиям 1806—1826 гг. (периода, нашедшего свое отражение в «Записках»), и в характеристике целой галереи современников («Записки» чрезвычайно «многолюдны»), и в критическом подходе к собственным поступкам.

Как свидетельствует сын декабриста, Волконский, работая над воспоминаниями, не пользовался никакими источниками и материалами, писал по памяти, которая не изменяла ему до конца дней; писал в основном о событиях, которым был свидетелем, что не раз подчеркивается в тексте. Мемуары очень самобытны и не обнаруживают ни малейшего следа заимствований из тех или иных печатных источников. Это относится и к событиям военной истории первых десятилетий XIX в., которым уделил так много места в своих мемуарах их непосредственный участник. «Записки», написанные Волконским по воспоминаниям чуть ли не полувековой давности, в большинстве случаев очень точно воспроизводят ход многочисленных боевых операций, в которых участвовал их автор. Не случайно отдельные страницы «Записок» позднее стали одним из источников для уточнения боевого пути некоторых полков русской армии²⁰⁹.

Значение воспоминаний Волконского как военно-исторического документа не ограничивается детальным воспроизведением событий, автор «Записок» пытается раскрыть внутренние пружины их, объяснить, пусть не всегда достаточно убедительно, причины побед и поражений русской армии. «Записки» дают представление и о состоянии армии, о ее нравах, о действиях военачальников, о положении и быте русского солдата, где «снаружи казалось все гладко, глянцевито, чисто, а копни внутри — то все шероховато, подмазано, а часто и гадко, бессовестливо» (с. 346).

²⁰⁹ Памятка 11-го гусарского Изюмского его королевского высочества принца Генриха Прусского полка, составленная М. К. Соколовским и кн. А. С. Эристовым. Спб., 1912. С. 17—18.

Со страниц рукописи встает личность незаурядная, прочно связанная со своей бурной эпохой, мужественный воин, человек высокой нравственности в любой ипостаси, гражданской и житейской, пронесший через всю свою жизнь поразительную стойкость и верность идеалам.

«Записки» — лишь часть огромного массива архива Волконских, основой которого является богатейшее, хорошо сохранившееся эпистолярное наследие семьи Волконских. Основная его часть находится в *ИРЛИ* (ф. 57), часть материалов рассеяна по другим архивохранилищам: в *ЦГАОР* (ф. 1146), *ЦГИА* (ф. 844, 914, 1035 — ф. Репнинных), *ОПИ ГИМ* (ф. 18). Часть писем Волконских осела в фондах других декабристов. Ценнейшие документы, связанные с Волконским, находятся в *ЦГАОР* — ф. 48, д. 399 (следственное дело декабриста) и ф. 109.

Взятый в совокупности, весь богатый и временно-последовательный архив декабриста, охватывающий 60 лет XIX столетия, помогает глубже понять эпоху, прояснить и уточнить многие исторические факты, понять некоторые закономерности событий того времени. Костяк архива составили письма, найденные весной 1915 г. внуком декабриста Сергеем Михайловичем Волконским в своей петербургской квартире. Письма были завернуты в серую бумагу, запечатаны сургучом и перевязаны тесемками. Надписи на пакетах были сделаны рукой С. Г. Волконского. находка содержала значительную часть переписки семейства Волконских с 1803 и до 1865 г., т. е. до смерти декабриста. Все письма Марии Николаевны и Сергея Григорьевича были сшиты вместе; там же оказались и дереплетенные тетради с письмами матери декабриста, его сестры Софьи Григорьевны, письма к Марии Николаевне от ее родных, сибирские письма Лунина. «С полок старого шкапа глядело на меня 30 лет Сибири (1827—1856)», — писал позднее С. М. Волконский ²¹⁰.

Вместе с известным литературоведом и архивистом Б. Л. Модзалевским внук декабриста начал подготовку архива к изданию. По замыслу издателей оно должно было состоять из четырех томов: «До Сибири», «Заточение», «Поселение», «Возвращение». В июле 1918 г. вышла в свет первая часть первого тома «Архива декабри-

²¹⁰ Волконский С. М. О декабристах: (По семейным воспоминаниям). С. 9.

ста», которая вобрала в себя документальные материалы 1803—1816 гг. Книгу предваряло предисловие С. М. Волконского и статья редактора Б. Л. Модзалевского. Продолжения этого капитального труда не последовало, хотя в *ИРЛИ* хранятся частично подготовленные к изданию, но не переведенные с французского и не полностью откомментированные письма, которые должны были составить второй том²¹¹. В конце 1917 г. большая часть архива была отправлена С. М. Волконским в Академию наук, откуда в 1919 г. поступила в Пушкинский дом²¹², все изобразительные материалы он перевез в свое имение Павловка Борисоглебского уезда, где открыл «Выставку декабристов». Позднее почти вся изобразительная коллекция поступила в Румянцевский музей (ныне Государственная библиотека им. В. И. Ленина).

Рукопись «Записок» Волконского входит в состав архива С. Г. Волконского и М. Н. Волконской, хранящегося в *ИРЛИ*. Первые 35 листов рукописи написаны аккуратным, четким почерком, между тем как почерк самого декабриста крайне неразборчив, труден для чтения. Долгое время специалисты *ИРЛИ* считали, что они написаны под диктовку отца сыном Михаилом Сергеевичем. Однако нам удалось установить, что почерк этот принадлежит некоему Григорию Петровичу Шуваеву, которого Волконский называл «вольным человеком», а из сохранившейся переписки явствует, что он был доверенным лицом и самого Сергея Григорьевича и его семьи. У Шуваева был хороший почерк, но французского языка он не знал, поэтому французские слова были вставлены рукой Волконского. Его же рукой на полях рукописи расшифрованы все имена, обозначенные в самом тексте лишь буквами. Начиная с 36-го листа и до конца рукопись написана самим автором.

Впервые один сюжет, заимствованный из мемуаров, под названием «Три предателя» был напечатан в журнале «Листок» № 9 за июль 1863 г., который выпускал в Лондоне кн. П. В. Долгоруков²¹³. Этот рассказ появил-

²¹¹ *ИРЛИ*, ф. 57, оп. 5, № 2.

²¹² Архив С. Г. и М. Н. Волконских в *ИРЛИ* пополнялся в 1925 и 1928 гг. из архива светл. кн. П. М. Волконского, обнаруженного на чердаке его дома на Мойке; в 1927 г. — из архива гр. Г. И. Ностица (дар Б. Л. Модзалевского).

²¹³ Наст. изд. С. 395—411.

ся после его встречи с Волконским за границей в 1860 или 1861 г. Полное название этой публикации, данное в оглавлении журнала, выглядит так: «Три предателя: Бошняк, Майборода, Шервуд, записки декабриста (умершего)». Указание на то, что автора уже нет в живых, было, как писал об этом позднее П. В. Долгоруков в некрологе С. Г. Волконского, условием самого декабриста²¹⁴.

О публикации в «Листке» ранее писал Н. Я. Эйдельман. Он высказывал согласие с утверждением Долгорукова, что Волконский «продиктовал ему отрывок»; впрочем, он не исключал и того, что Волконский «дал скопировать рукопись»²¹⁵. Однако тщательное сопоставление публикации в «Листке» и оригинала воспоминаний убеждает, что рассказ о трех предателях, видимо, представляет собой обработанную Долгоруковым запись беседы с декабристом, а не фрагмент «Записок». В «Листке», например, рассказ о Шервуде более пространен, содержит некоторые подробности, отсутствующие в оригинале «Записок»; отрывок стилистически совершенно не соответствует рукописи. В текст рассказа, опубликованного в «Листке», вошел отсутствующий в «Записках» список членов Южного общества с краткими биографическими данными и с сообщением о постигшей их судьбе. В примечаниях же указываются места поселений и захоронений многих декабристов. Список членов Южного общества имелся и у самого Долгорукова, но дополнял и уточнял его несомненно человек, хорошо осведомленный, каковым являлся Волконский.

Рассказ «Три предателя» был позднее перепечатан в первом номере журнала «Вестник всеобщей истории» за 1900 г. Здесь, однако, были опущены некоторые особенно резкие оценки, данные в рассказе, например, изъята фраза: «Правительство, оклеветавшее декабристов, страшно боялось появления Русской Правды, которая бы проявила всему миру чистоту намерений заговорщиков на пользу и благо России». Отсутствует также концовка обоих отрывков: касающегося Майбороды («Так кончил жизнь этот гнусный предатель») и Шервуда («Кончина этого мерзавца покрыта мраком неизвестности»)²¹⁶.

²¹⁴ Наст. изд. С. 414.

²¹⁵ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. С. 318.

М. С. ВОЛКОНСКИЙ, СЫН ДЕКАБРИСТА,
ПЕРВЫЙ ИЗДАТЕЛЬ ЕГО «ЗАПИСОК».
Фотография Бергамаско с гравюры Шюблера

В апреле 1870 г. в журнале «Русская старина» появляется анонс о предстоящей публикации «Записок декабриста Волконского»²¹⁷. Сын декабриста так объясняет это в письме к Е. И. Якушкину от 22 апреля 1871 г.: «Семевский хотел поймать меня. Получив от меня отказ в напечатании рукописи, он пристал, чтоб я дал ему хоть один или два эпизода из нее, на что отвечал согласием,

²¹⁶ Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым. 1863. 6 июля. С. 66—71.

²¹⁷ Этот анонс появляется в журнале регулярно с апр. 1870 по дек. 1872 г.

«если найду, что можно будет сделать выдел какого-нибудь эпизода». Вслед за этим он напечатал свое объявление... Конечно, я не отдал ему записок. Напечатать их я хочу не в журнале, а отдельной книжкой, напечатать в России, а не за границей — так как последнее было бы неприятно отцу, и по возможности без пропусков в том, что касается фактов и лиц, о которых он говорит. Как только найду возможным привести в порядок рукопись, сообщу вам или копию с нее, или первый оттиск»²¹⁸.

Прошло еще 30 лет, прежде чем М. С. Волконский осуществил свое намерение и «Записки» появились в печати. Они вышли в свет двумя изданиями, почти одновременно, в 1901 и 1902 гг.; вышли намеренно приглаженными благодаря усилиям издателя и Цензурного комитета, со значительными купюрами, литературно «обработанными», а потому лишенными своеобразной формы и стили изложения их автора.

В чем же причина того, что мемуары С. Г. Волконского 36 лет пролежали под спудом у сына декабриста? Видимо, М. С. Волконский никоим образом не хотел подвергать риску свою вполне благополучную карьеру и уж вовсе не разделяя вольнолюбивые идеи отца. Недаром в 1917 г. в письме к Б. Л. Модзалевскому его сын, внук декабриста, писал: «Воспоминания декабристов предстоит отдать в музей. Какой? Музей революции? Мой отец бы ужаснулся»²¹⁹.

Трудно сказать, что же все-таки подтолкнуло Михаила Сергеевича к изданию. Можно лишь высказать гипотезу. 1825 г. уходил все дальше в историю, возникла осязательная временная дистанция, которая позволила М. С. Волконскому решиться на публикацию. Тем более, что уже были многочисленные прецеденты в журналах²²⁰. К этому можно добавить, что и блистательной карьере товарища министра просвещения, статс-секретаря М. С. Волконского, только что отметившего 50-летний юбилей беспорочной службы, уже ничто не могло угрожать.

²¹⁸ ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, д. 488, л. 4 об.—5.

²¹⁹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. С. 320.

²²⁰ См., напр.: Якушкин И. Д. Из записок декабриста // Рус. архив. 1870. № 8—9; Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном // Рус. старина. 1880. Т. 29; 1881. Т. 30; 1882. Т. 31. Бестужев М. А. Записки (1825—1840) // Рус. старина. 1870. Т. 1—2; 1881. Т. 32; и др.

У «Записок» есть своя цензурная история, которая нашла отражение в двух архивных фондах: Главного управления по делам печати и Петербургской синодальной типографии, где печаталась книга²²¹.

Однако к тому моменту, когда мемуары предстали перед цензурой, сам издатель М. С. Волконский внес в них довольно существенные изменения. Из рукописи были убраны те места, которые могли, хотя бы ретроспективно, бросить малейшую тень на поведение декабриста в юности, изъяты описания неблагоприятных поступков некоторых военачальников или аморального поведения членов царской фамилии, смягчены характеристики, иногда весьма не лестные, иных современников автора, купированы отдельные авторские рассуждения, «олитературен» язык «Записок», своеобразный, раскованный, непосредственный в изложении, не претендующий ни на какую высокую литературность, но сохранивший во многом языковую стилистику конца XVIII в. Все это, естественно, несколько изменило общую тональность повествования. Издатель также разделил рукопись на 49 глав, снабдив их многочисленными подзаголовками, хотя оригинал представлял собой сплошной текст, собранный самим автором в четырнадцать тетрадей, сшитых, видимо, из листов амбарной книги, бывших у него под рукой. Текст в одной тетради нередко обрывается на полуслове и получает продолжение в следующей.

Вероятно, М. С. Волконский отдал воспоминания своего отца в Петербургскую синодальную типографию без предварительной цензуры. Подобные заказы, как видно, были нередки, так как в фонде Синодальной типографии существует даже специальный раздел «О напечатании книг и брошюр по заказам частных лиц и учреждений»²²². Согласно правилам, по напечатании один экземпляр должен был быть представлен в Цензурный комитет, о чем можно судить по протоколам его заседаний. «Записки» С. Г. Волконского, однако, заинтересовали власти еще до их представления в Цензурный комитет²²³.

Дело в том, что во время работы над послесловием к

²²¹ ЦГИА, ф. 776, оп. 21, ч. 1, № 527; ф. 800, оп. 1, № 336, 356.

²²² Там же, ф. 800, оп. 1, № 8.

²²³ В Цензурный комитет книга была представлена 18 июня 1901 г. (ЦГИА, ф. 800, оп. 1, № 5, л. 131).

мемуарам отца М. С. Волконский с разрешения Министерства внутренних дел использовал некоторые архивные материалы III отделения с. е. и. в. канцелярии. Вероятно, под предлогом проверки правильности изложения материалов, заимствованных из дел III отделения, книга из типографии была затребована в департамент полиции и с соответствующим сопроводительным письмом передана в Главное управление канцелярии по делам печати. Так можно объяснить появление «Дела III отделения канцелярии Главного управления по делам печати «О бесцензурной книге под заглавием «Записки Сергия Григорьевича Волконского» (декабриста). Спб., 1901. Началось 22 мая 1901 г.»²²⁴. На первом листе этого дела читаем письмо, написанное на бланке директора департамента полиции и обращенное к начальнику Главного управления по делам печати кн. Н. В. Шаховскому: «Согласно приказанию г. министра препровождаю вам «Записки С. Г. Волконского» для просмотра их, хотя бы беглого, с общецензурной точки зрения, причем министр просит книгу сию с вашими замечаниями, если таковые будут, вернуть ему не позже вечера среды 23 мая, т[ак] к[ак] он хочет доложить о ней в четверг его величеству.

Я просмотрел книгу с точки зрения заимствования и ссылок на архив III отделения и с этой стороны *замечаний не имею*. С цензурной же точки зрения, по моему мнению, надо главным образом просмотреть главы XLV—XLIX (стр. 397—446), причем позволю себе обратить ваше внимание на указание (на стр. 444) и наставление, как держаться политическим преступникам на допросе — фраза эта как-то не вяжется с тоном остального изложения, и, быть может, ее следовало бы вычеркнуть.

Будьте добры, представляя министру книгу, присовокупите к своей записке, что по вопросу о ссылках на архив III отд. замечаний с моей стороны не имеется»²²⁵.

Далее следуют замечания начальника Главного управления по делам печати:

«В «Записках» Сергия Григорьевича Волконского», заключающих в себе (гл. 1—49) воспоминания автора преимущественно о его военно-походной жизни, с цензурной точки зрения останавливают на себе внимание главы 45—

²²⁴ ЦГИА, ф. 776, оп. 21, ч. 1, № 527.

²²⁵ Там же, л. 1—2.

49, в коих содержатся сведения о поступлении автора в члены тайного общества (Союз благоденствия), имевшего целью произвести в России государственный переворот, о некоторых участниках общества, о некоторых планах заговорщиков и, наконец, о правительственных мерах против декабристов.

Собственно о самом заговоре в «Записках» сообщают крайне скудные сведения, не представляющие ничего нового сравнительно с опубликованными в России данными о декабристах.

Однако же не самые факты, сообщаемые в книге, заслуживают в цензурном отношении внимания, а отношение автора к этим фактам. Из отчеркнутых и отмеченных *НВ* мест видно, что *С. Г. Волконский* и на склоне дней, когда им составлялись «Записки», то есть почти в наши дни, остался при убеждении, что деспотизм самодержавия вреден для русского народа и что освобождение от него является святым делом. Равным образом на стр. 444 совершенно неуместным является наставление, как держаться политическим преступникам на допросах. Эти места, по мнению моему, подлежали бы удалению из книги, к стати сказать, еще окончательно не отпечатанной. <...> Ввиду всего изложенного к выпуску в свет книги «Записки *С. Г. Волконского*» в цензурном отношении препятствий не встречается при условии исключения указанных выше отдельных мест. Во всяком случае книгу надлежало бы рассмотреть в общем порядке, установленном для всех изданий на основании ст. 167 Ценз[урного] устава (а также 142 и 143).

23 мая 1901

Кн. Шаховской».

Его же рукой на полях приписка: «Князь Волконский согласился на требуемые изменения и представит книгу в Цензурный комитет с произведенными исключениями и переменами, намеченными по соглашению со мною. К[нязь] Ш[аховской]. 26/V»²²⁶.

М. С. Волконскому в письменной форме были точно указаны строки, которые должны быть вычеркнуты, дан полный перечень страниц и указания, где должны быть произведены исключения²²⁷. Однако посылать этот список *М. С. Волконскому* не пришлось, так как на бланке есть

²²⁶ Там же, л. 3—4.

²²⁷ Там же, л. 5.

карандашное примечание. «Не надо. Ввиду того, что г. министр собственноручно изложил автору свои требования».

Управление Синодальной типографии 11 июня направило в Главное управление печати девять экземпляров мемуаров с просьбой от имени М. С. Волконского «не отказать в распоряжении о выдаче билета на выпуск сей книги»²²⁸.

Даже не сравнивая оригинала «Записок» с книгой, можно убедиться в том, что требуемые цензурой купюры были сделаны. Об этом свидетельствует счет, присланный типографией издателю. В перечне работ, составленном типографией, есть пункт «за набор и перепечатку 1¹/₄ л. (вследствие исправлений цензуры и особо автора)»²²⁹.

Выпущено в свет было 1200 экземпляров. Следующее издание 1902 г. тоже шло через Главное управление печати, на этот раз тиражом 2400 экземпляров, с теми же цензурными исключениями. Хотя на титульном листе этого издания указано, что оно «исправленное и дополненное», некоторые дополнения касались лишь подстрочных комментариев, а не текста.

Купюр, сделанных по требованию цензуры, немного, но они чрезвычайно существенны. Приводим их полностью. Здесь они выделены курсивом, в тексте на них будет указано под строкой.

1. «С этого времени началась для меня новая жизнь, я вступил в нее с гордым чувством убеждения и долга *уже не верноподданного, а гражданина* и с твердым намерением исполнить во что бы то ни стало мой долг исключительно по любви к отечеству. Избранный мною путь довел меня в Верховный уголовный суд, и в каторжную работу в Сибири, и к ссылочной жизни тридцатилетней, *но все это не изменило вновь принятых мною убеждений, и на совести моей не лежит никакого гнета упрека*»²³⁰.

2. «Случай же, которому радуюсь за Тургенева, выпихнул его лично из Верховного уголовного суда, но не было ли ему еще более к обязанности не порочить печатно своих собратьев, а выставить их хоть по чувствам,

²²⁸ Там же, ф. 800, оп. 1, № 336, л. 125.

²²⁹ Там же, № 336, л. 147.

²³⁰ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 1, л. 286 об.

двигающим их на святое дело освобождения от векового самодержавия»²³¹.

3. «Что же касается до моих действий в кругу общего направления оных, я не имею о себе что-либо сказать, что чистота моих убеждений о необходимости переворота в России никогда не ослабевала»²³².

4. «Все эти встречи, особенно последняя, произвели на меня впечатление невыгодное, и сознаюсь искренне в этом, как наставление для тех, которые замешаны в политических делах, что политическому лицу, попавшему уже в правительственные когти, не надо доносить о ходе дел событий и не только держать язык за зубами, но не проникать в завесу этих событий и будущности исхода оных»²³³.

История публикации «Записок» дает еще раз возможность убедиться в особой гражданской тональности этого труда, которая не осталась незамеченной цензурой, а для нас сделала мемуары неоценимым документом далекой, но памятной эпохи декабризма²³⁴.

В архиве С. Г. Волконского есть папка с вырезками из различных газет и журналов, содержанием своим отвечающих жизненному настрою их собирателя. Среди вырезок — речь Виктора Гюго в 1860 г. в честь Гарибальди, опубликованная в одной из французских газет. Она начинается так: «Всюду, где воздвигается трибуна в защиту свободы и меня призывают, я появляюсь. Это у меня инстинкт. И я говорю правду — это мой долг»²³⁵. Не случайно Волконский вырезал эту статью, она была созвучна его мыслям, чувствам, убеждениям.

В предлагаемый читателю том входят «Записки»

²³¹ Там же, л. 300 об.

²³² Там же, л. 308 об.

²³³ Там же, л. 317.

Последняя фраза первой купюры и четвертая купюра впервые опубликованы с некоторыми неточностями Н. Я. Эйдельманом в кн. «Герцен против самодержавия» (с. 276).

²³⁴ Наша статья была уже завершена, когда появилась работа Е. И. Матхановой, кратко излагающая историю публикации «Записок» С. Г. Волконского (Матханова Е. И. М. С. Волконский — публикатор семейного архива // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 73—88).

²³⁵ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 19, л. 45 (фр.).

С. Г. Волконского, публикуемые, как уже было сказано, по оригиналу, хранящемуся в *ИРЛИ*, приложения к ним и комментарий.

Текст «Записок» и приложений дается в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, сохраняются лишь наиболее характерные языковые особенности автора. Собственные имена и географические названия даны в современной транскрипции, в подстрочных примечаниях — их авторские написания. Иностранный текст в основном сохранен, его перевод дается под строкой. Пропущенные слова или недописанные части слов заключены в квадратные скобки. Подчеркнутые в подлиннике слова переданы курсивом.

Текст «Записок» подготовлен А. З. Тихантовской с участием на первоначальном этапе Н. И. Поповой. Авторы комментария — А. З. Тихантовская, Б. Н. Капелюш, Н. Ф. Караш. Настоящее издание является первым томом в публикации материалов из архива С. Г. Волконского. Содержание второго тома составит эпистолярное наследие декабриста.

Составители выражают глубокую признательность С. В. Житомирской, которая стояла у истоков этого издания и на протяжении всей работы над ним оказывала неизменную поддержку составителям; Ю. Д. Марголису и заведующему музеем декабристов в Иркутске Е. А. Ячменеву за ценные замечания, которые помогли углубить и уточнить ряд положений вступительной статьи; сотрудникам ЦГАОР, Рукописного отдела и Литературного музея *ИРЛИ* за предоставление архивных и изобразительных материалов; В. В. Барташевичу за консультации по вопросам военной истории, Н. П. Прожогину, любезно предоставившему в наше распоряжение репродукции с портретов, хранящихся в Италии.

С величайшей благодарностью вспоминаем о совместной работе с Н. Я. Эйдельманом, для которого редактирование этой книги стало одним из последних трудов. Считаем своим долгом посвятить этот том его светлой памяти.

Н. Ф. Караш, А. З. Тихантовская

ЗАПИСКИ

Принимаюсь по твоему желанию высказать тебе впечатления, которые остались в моей памяти по истечении 70-летней моей жизни. Я выскажу добросовестно тебе, мой добрый друг и сын, все, что до других лиц относится, чистосердечно во всем том, что касается до меня, и с точной истинностью о современных происшествиях, — без всякого какого-либо пристрастия.

Записки мои посвящаю тебе, мой друг, по оным ты будешь судить об отце своем в семейной и гражданской жизни. А если что-либо найдешь в них замечательного по отечественным и современным происшествиям, то представляю тебе право дать им, частью или вполне, гласность, — буде ты найдешь это полезным к обзору современных происшествий.

Если я начну рассказ моих впечатлений моей генеалогией¹ — далеко от меня мысль ею тщеславиться. Мои убеждения по этому предмету тебе известны; заслуги прадедов и отцов нисколько не дают вес быту сыновьям и правнукам, а более налагают на них трудную обязанность стать на уровень их. Если упоминаю я о предках моих, это единственно в том отношении, чтоб выказать, что мое воспитание и данные мне с детства коренные правила были внушены людьми, обладающими современной образованностью и полными заслуг отечественных.

Отец мой — князь Григорий Семенович Волконский². Дед мой — князь Николай Васильевич Репнин³. Мать моя — княгиня Александра Николаевна Волконская, урожденная Репнина⁴. Назвав отца и деда, я означая лиц, известных в отечественной истории. Жизнь матери моей полна добродетельных действий в семейной и обществен-

ной жизни. Память их священна в моем сердце, и желаю, чтобы таковая же была о мне в твоём, в чём теперешние ко мне твои чувства полным мне речательством.

Если мои последующие действия в гражданской жизни были не на уровне гражданственных убеждений *предков моих*, тому причиною великие истины, озарившие современную эпоху. Я в моих убеждениях, действиях руководствовался этими истинами без всякого эгоистического расчета, судьбы мои — современники, потомство, а если в чём ошибся и подлежу упреку — окончательный приговор всевышнего.

Начало моего воспитания было домашнее, и, хоть не жалели денежных средств на это, должен сознаться, было весьма неудовлетворительно. Я 14 лет возраста моего поступил в общественное частного лица заведение — в институт аббата Николая⁵ — заведение, славившееся тогда как лучшее. Но по совести должен опять высказать, хоть и уважаю память моего наставника, что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая. Вышел я из института на восемнадцатом году моей жизни и в начале 1806 года поступил в Кавалергардский полк поручиком. Тогда начался общественный и гражданский мой быт.

Натянув на себя мундир, я вообразил себе, что я уже человек, и по общим тогдашним понятиям весь погрузился в фрунтовое дело. Первым моим наставником по фрунтовой службе Александр Иванович Чернышев (умерший уже впоследствии князем и председателем Государственного совета)⁶. Часто мне придется говорить об нем и, к сожалению моему, всегда как о шарлатане, без всяких дельных способностей и часто в упречных эгоистических действиях.

Круги товарищей и начальников моих в этом полку, за исключением весьма немногих, состояли из лиц, выражающих современные понятия тогдашней молодежи. Моральности никакой не было в них, весьма ложными понятия о чести, весьма мало дельной образованности и почти во всех преобладание глупого молодечества, которое теперь я назову чисто порочным. В одном одобряю их — это тесная дружба товарищеская и хранение приличий общественных того времени.

Замечательным человеком был между нами ротмистр (впоследствии полковник) Карл Карлович Левенволь-

Г. С. ВОЛКОНСКИЙ, ОТЕЦ ДЕКАБРИСТА.
Худ. В. Л. Боровиковский

де^{1*7}, положивший свою жизнь в Бородинской битве. Он был замечательное лицо в полковом нашем круге образованностью и рыцарскими понятиями и имел такой вес в обществе офицеров, что *обсуждение* его во всяком возникшем деле между нами было для обеих сторон *неоспоримый приговор*. В числе других товарищей упомяну я о *Василии Васильевиче Левашове*⁸, к крайнему моему удивлению занимающему впоследствии места государственные и вовсе не приготовленному к оным. Был также *Михаил Федорович Орлов*. Лицо замечательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувством полезного,

^{1*} В оригинале: Левенвольд.

А. Н. ВОЛКОНСКАЯ, МАТЬ ДЕКАБРИСТА
Неизвестный художник

бывшему впоследствии светилом среди молодежи, но не оказавшему впоследствии того, что ожидали от него при грозных обстоятельствах 1826 года⁹. Был еще среди нас *Михаил Сергеевич Лунин*, весьма бойкого ума при большой образованности, но бойкой молодецкой жизни, к которой в то время общая была склонность. Это лицо впоследствии выказало, во время ссылки в Сибирь, замечательную последовательность в мыслях и энергию в действиях. Он умер в Сибири — память его для меня священна, тем более, что я пользовался его дружбой и доверием, а могила его должна быть близка к сердцу каждому доброму русскому¹⁰.

Во время первого года моего служения самая отличительная и похвальная сторона в убеждениях молодежи —

это всеобщее желание отомстить Франции за нашу военную неудачу в Аустерлице¹¹. Это чувство преобладало всех и каждого и было столь сильно, что в этом чувстве мы полагали единственно наш гражданский долг и не понимали, что к отечеству любовь не в одной военной славе, а должна бы иметь целью поставить Россию в гражданственности на уровень с Европой и содействовать к перерождению ее сходно с великими истинами, выказанными в начале французской революции, но без увлечений, ввергнувших Францию в бездну безначалий. Честь и слава многим падшим жертвам за святое дело свободы. Но строгий приговор тем, которые исказили великие истины той эпохи.

При конце 1806 года опять возгорелась война с Францией, и кто мог участвовать в оной из петербургской молодежи, спешили быть причислены к действующей армии. Я был в числе счастливых и был назначен адъютантом к графу Михаилу Федотовичу Каменскому, человеку с большой образованностью и военными достоинствами, но дряхлому, заносчивому и часто безрассудно вспыльчивому¹². Он выехал из Петербурга в ноябре месяце с уверениями, что армия, ему вверяемая, была снабжена всем тем, что необходимо для военных действий и продовольствия оной. Прибыв в Ригу, прибыв в Вильно, прибыв в Гродно — главные места выказанных ему мест запасов, он убедился, что все сказанное ему было ложь. Продолжил свой путь до Главной квартиры Беннигсенова корпуса¹³ в Остроленко и при первом обзоре войск нашел в армии загроможденные госпитали больными без средств лечения и продовольствия. Запасы для войск продовольственные истощенные, подвозы оных неустроенные, людей босых, парки недостаточно снабженные и без средств возобновления. Одним словом, армия в ужасном расстроенном положении. Эти впечатления при пылом его характере ввергли его в безрассудную отчаянность, и он при дряхлости своих лет, не выдержав двухсуточный объезд верхом аванпоста, не только морально, но и физически упал духом, отдал приказ по армии, чтоб все корпуса отступали бы без боя к гор[оду] Гродно, не жалея потери пушек и обозов, и старались довести людей, и что по прибытии в Гродно он займется сформированием на новых началах армии. И вследствие принятого им решения, в то время как звук пушечных выстрелов французской

армии раздавался на высотах Пултусской позиции^{2*14}, он, начальник армии, сел в перекладную с адъютантом его и моим товарищем Валуевым¹⁵ и оставил армию, вступающую в битву с неприятелями.

Прерываю здесь мой рассказ общих событий повествованием частного эпизода о чиновнике Степанове¹⁶. Передаю, что слышал, не ручаюсь, однако, в точной достоверности в подробности этого дела. Приготовления к военным действиям 1806 г[ода] имели в своем очерке заготовление для армий продовольственных средств. Подрядчиком приискался еврей Мейерович^{3*17}, переговоры эти шли в управлении военной походной канцелярии государя императора (сколько помню, так называлась эта канцелярия), ген[ерал]-ад[ъютант] граф Ливен¹⁸ был начальником этого отдельного управления, а директором этой канцелярии был Паглиновский^{4*19}. Степанов же был чиновником в этой канцелярии. Мейеровичу для распоряжения по поставке провианта нужно было иметь сведения о дислокации войск и предположения о движении оных. Он обозначил это г[рафу] Л[ивену], который приказал словесно П[аглиновскому] дать эти сведения, а этот передал же словесно это приказание Степанову. Неизвестно мне, каким образом дошло до государя императора, что эти сведения были взяты Мейеровичем и будто бы для передачи их неприятелю. Мейерович внезапно был схвачен, эти сведения найдены в его бумагах, и подвержен был допросу, от кого их получил, и показал, что от Степанова, которого также подвергли допросу, и он отвечал, что точно выдал по словесному приказанию, переданному П[аглиновским] от имени г[рафа] Л[ивена]. Обстоятельства, которые подтверждал и Мейерович, но г[раф] Л[ивен] и П[аглиновский] отозвались, что никогда этого приказа не давали Степанову, хотя тогда и впоследствии общее мнение укоряло их в лживом показании для избежания ответственности их *опрометчивости*. Какое было следствие и суд над Степановым, мне неизвестно, но потом при ссылке моей в Нерчинские заводы я узнал, что там в числе ссыльнокаторжных был этот Степанов и возвращен уже был на родину к отцу своему высочайшим

2* В оригинале здесь и далее: Пултуцкое, Пултуцк.

3* В рукописи ошибочно: Мейрович, далее: М.

4* В рукописи ошибочно: Павлиновский.

повелением по взятии Парижа из этого самого города. Бедный Степанов невинно, злоумышленно нес страдание 8 лет и прожил только при отце один год; изнуренный постигшей его горькой участью и усиленных каторжных работ, умер. Я во время моего пребывания на Благодатском руднике застал еще на высоте горы при тюрьме, где Степанов содержался, часовню, им собственным трудом воздвигнутую.

Вслед за этим эпизодом сообщу другой малоизвестный, но подробности которого сообщены мне современником этого происшествия и происшедшим в первых годах царствования Александра I.

В Семеновском полку государевой ротой командовал некий Шубин²⁰. Из видов приобретения значительности он вымыслил будто бы существующий заговор, чтоб свергнуть государя и возвести на престол Константина Павловича²¹. Вследствие его доноса, которого ложь еще не была известна, ему приказано было продолжать роль соучастника и тем разведать подробности заговора и число соучастников. Чтобы дать более вероятия о существовании заговора небывалого, он вымыслил, будто ему назначено было заговорщиками свидание в ночное время в Летнем саду, и когда он туда явился, он окружен был вооруженными лицами, которые упрекали его в измене, и сделан был по нему выстрел, который его ранил, а лица все, окружавшие его, разбежались, почитая его убитым. На выстрел явился соседний будочник, нашел Шубина раненого, кроме его никого не было. По этому происшествию сделан был обыск и найден оставленный пистолет, еще имеющий свежие следы выстрела. Этот пистолет для разыскания лица, им владевшего, был представлен на обзор оружейникам петербургским для узнания покупателя оногo. И что же оказалось? покупателем оногo был сам Шубин, сделавший сам на себя выстрел. Какое было следствие и суд, мне неизвестно, но во время моего быта в Иркутске указывали мне на деревню Кузьмиху, в которой Шубин был поселен, и также в 1814 году высочайшим повелением из Парижа был возвращен на родину. В этой деревне Кузьмихе на иждивении средств, присланных Шубиным из России, выстроена церковь. Невольно приходит мне на мысль потом орошенный труд Степанова и златом сооруженное здание Шубина. В одном я вижу порыв души, беседующей с богом и чистою молитвою,

покорясь его воле, прося помилование даже тем, которые ввергли его в незаслуженное наказание, а в другом — тщеславие, но золотом не прикроешь преступление.

Вот еще краткий очерк эпизода того же времени. Это смерть графини Орауж, изнасильничанной по приказанию вел. кн. Кон[стантина] Павл[овича] в угоду клеветы его Бауери за то, что не хотела быть любовницею последнего^{5*22}. Подробности этого происшествия так гадки, что не ложатся под мое перо, и, если я упоминаю об этом происшествии, это только, чтоб обратить внимание на последовавший по сему делу рескрипт государя²³ к бывшему С.-Петербургскому генерал-губернатору Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову²⁴, в котором было, сколько помню, сказано, «что обстоятельства этого дела должны быть строго обследованы и виновные открыты, несмотря на лица, звание и место их». Это царское слово дает очерк господствовавшего время в ту эпоху — благонамеренности царской. Но, несмотря на вызов его, ничего не открыто, и преступные лица остались без должного взыскания. Царедворцы во все времена одинакового покроя.

Прервав нить впечатлений моих о том, чему я был сам свидетель, я обращаюсь к постепенному *прямому* рассказу и этих происшествий и моих впечатлений.

Как я выше сказал, побег Каменского из армии и первые выстрелы французов по войскам нашим в Пултуской позиции были одновременны. Сражение это происходило 2-го декабря 1806 года²⁵; два дни до оногo французы атаковали раздробленные и безрассудно растянутые наши передовые войска под начальством графа Остермана²⁶ при местечке Чарнове^{6*27}, под начальством князя Дмитрия Владимировича Голицына²⁸ при местечке Голыmine²⁹ и генерала Дохтурова в Макове³⁰. Эти отряды без связи между ними, без опоры на резервы после жаркого боя начали изглаживать стыд Аустерлицкого сражения, удерживая целый день натиск неприятеля. Но к ночи благоразумно отступили, каждый в направлении к соединению тех войск, от которых отражены были. Но одному

^{5*} От слова «изнасильничанной» до конца фразы было исключено в первом издании.

^{6*} В оригинале здесь и далее ошибочно: Черново.

графу Остерману возможно было ретироваться на Пултук, а поименованные два другие отряда уже направились на Остроленку. Не имею полных сведений о битве при Гольмине и Макове, но при битве при Чарнове Остерман упорно выдерживал натиск французов, и тем началось блистательное впоследствии его поприще в военном деле. Бой при Чарнове был горяч, потеря с обеих сторон значительна, и в этом деле, кроме многих раненых штаб- и обер-офицеров, были тяжело ранены: шеф 20-го егерского полка генерал-майор князь Шаховской³¹ и 1-го егерского генерал-майор Давидовский³².

Сперва было предположено Каменским всю армию собрать под Насельском, но внезапный с разных сторон натиск французов и бессвязное раздробление отрядов понудило ретироваться на Пултук, где часть Беннигсенова корпуса заняла позиции. Отступление наше от Насельска до Пултуска неимоверно было затруднено необычайной грязью: пушки, зарядные ящики и сухарные фуры топили по оси в эту грязь, и, сколько помнится, брошено без бою пушек более 100.

Но роковой день Пултусского сражения настал. Я не могу по прошествии 53 лет подробно изложить и местность позиции и движение наших войск. Но оставшиеся в памяти моей частные подвиги расскажу. В военном отношении первые описаны и иностранными писателями и соотечественниками. Добросовестности мало и в тех и в других; авось когда-либо записки современников очистят хвастливость и хулу обоюдную. Жаль, что записки Беннигсеновы под спудом³³, он мне сам из оных читал. Прейсш-Эйлауское сражение^{7*}, накиданное довольно верно. Обстоятельства, которым я не судья, не позволяют гласности этим запискам. Но можно бы издать то, что касается до военного дела. У нас Бутурлин³⁴ взялся быть всеобщим историком русских войн, но из всего, что читано мною его творений, вот мое заключение: курил фамиам, кто еще жив и в силе, а падших не помнил и иногда чистые заслуги *других* порочил из вида лести к другим.

Позиция Пултуская была выгодно избрана: высоты, нами занятые, не имели другого доступа, как чистой полугорной равниной. Фланги не могли быть обойдены — левый упирался на город и на реку, правый — на лес,

^{7*} В оригинале здесь и далее: Прейш-Эйловское или Эйлоуское.

сильно занятый Барклай де Толлем³⁵. Неоднократные натиски французов на разные пункты нашей позиции были отбиты нашей артиллерией, отлично действовавшей. Атака лейб-Кирасирского полка под предводительством генерал-майора Кожина³⁶, атака Киевского драгунского полка под предводительством полковника Эммануэля³⁷ и атака двух эскадронов Каргопольского драгунс[кого] полка под предводительством майора Сталя³⁸ — были блистательные эпизоды этой битвы. Ключ позиции был наш левый фланг, и поэтому весь натиск устремлен был французами на оный. Полки пехотные, Наваринский и Тульский, прикрывающие этот фланг, по превосходстве атакующего неприятеля начали колебаться. Зоркий взгляд и правильное *обсуждение* Остермана обратили его внимание на этот пункт: он устроил сильную батарею при самой оконечности города и привел в охранение оной Павловский гренадерский полк и, поставя их в позицию, им сказал: «Вот вам место, где вы должны показать, что вы достойны носить имя бывшего вашего государя — до последнего человека *умрите*, защищая батарею. Привел вас на место бойкое, но вы здесь можете заслужить славу. Место бойкое, но я останусь с вами». Французы устремили на этот пункт сильный натиск: картечь с обеих сторон сыпалась на уровень с пулями ружейного огня, и место это удержано. Во время действия Остерман, увидев значительный урон в *рядах* гренадеров, которые стояли как стена, приказал им прилечь, а сам, как в средних веках витязи, не слезал с лошади. Шапки Павловского полка до сих пор носят пробоины, полученные в этом деле, и это огненное крещение прославило полк³⁹.

Но я забыл, увлеченный рассказом о Пултусском сражении, сказать, почему я в этом сражении состоял в должности адъютанта при графе Остермане. При побеге из армии Каменского я с прочими моими товарищами, приехавшими с фельдмаршалом из Петербурга, остался сиротой. Все прочие примкнули в штат Беннигсена, я еще не принял никакого решения и не желал даже состоять при Главной квартире. Когда в раздумье ехал туда, где начались пушечные и ружейные выстрелы, я встретил незнакомого даже мне Остермана, который спросил у меня: Кто ты? — Я ему отвечал: Волконский. — Какого ты Волконского сын? — Князя Григория Семеновича. — А при ком ты здесь? — При фельдмаршале. — Так ты без места

теперь? — Ищу его. — Так будь при мне. Я начал мою службу при твоём отце, ты начнешь при мне. Эту встречу и теперь оцению. Начать боевую жизнь при Остермане — это искус (*noviciat*)⁴⁰ не пустой.

Пултуское сражение была боевая моя новизна: состоя при Остермане в должности адъютанта, мое боевое крещение было полное, неограниченное. С первого дня приобик к запаху неприятельского пороха, к свисту ядер, картечи и пуль, к блеску атакующих штыков и лезвий белого оружия, приобик ко всему тому, что встречается в боевой жизни, так что впоследствии ни опасности, ни труды меня не тяготили. До сих пор храню в сердце чувство горячей признательности к памяти графа Остермана. Часто тяжела была взыскательность его, но попечительность и полное доверие его, когда заслужишь оное, примиряли с ним. Во всю жизнь свою он меня считал своим, теперь как он уже не в живых, по смерть мою буду его считать моим благодетелем.

Беннигсеном несомненно одержана победа под Пултуском. В тот же вечер он отправил гонца с просьбой к Буксгевдену⁴¹ присоединиться и общими силами начать наступательное действие на неприятеля пораженного. Но Буксгевден по зависти ли к Беннигсену или в силу приказания Каменского отступить отказался от соединения, и тем Беннигсен был принужден после выгодного сражения отступить сперва к Остроленко, а потом к Новомясто, где уже не преследуемый французами остановился. Армия не нашла в этой стоянке ни покоя, ни обеспечения средств пропитания, ей необходимого. Даже сама Главная квартира нуждалась 10 дней хлебным довольствием. Мясо и картофель, добытые фуражировкой, обеспечивали нужды всех и каждого, и я помню, что посланный мною денщик мой Василий Зверев привез из дальней фуражировки два куля приготовленных просвир к богослужению, но еще не освященных, и этим запасом я угащивал моих товарищей.

Во время дневки в Остроленко обратно явился в Главную квартиру Каменский и хотел было снова принять командование армией, но внезапный и ничем не оправдываемый отъезд его из Пултуска был причиною, что положено было генералитетом не допускать его, а дожидаться нового распоряжения из Петербурга от государя императора.

Стоянка армии без действий и движений продолжалась около двух недель с плохим обеспечением в отношении продовольствия, но некоторые подвозы, и в особенности богатство края и в оном фуражировка, давали средства к довольно сноскому прокормлению. Неизлишним здесь считаю выразить, что фуражировка есть гибельное средство: край она совершенно разоряет, а для войска — поводом к многообразным беспорядкам, и в особенности ослаблением всякой дисциплины.

Во время этой стоянки получено высочайшее назначение Беннигсена главнокомандующим. Буксгевден, за несодействие ему после победы в Пултуске, лишен командования корпусом и удален от исполнения всяких должностей. Кажется, велено ему жить в деревне⁴². Фельдмаршал граф Каменский лишен звания главнокомандующего, запрещен въезд в обе столицы, и приказано жить ему в его деревнях Орловской губернии под присмотром полиции. Как уже об нем мне не придется более говорить, помещу здесь трагический конец его жизни. Быв всегда строгим помещиком и весьма тяжелым для крепостных его крестьян и дворовых, при безвыездной своей жизни в деревне, он уже стал им несносен, и в то время, как он в дрожках объезжал свои поля, на него наскочил сзади крепостной его человек и, раскромсав топором ему голову, на месте его положил. Вот последствия безограниченных прав русского помещика, которые иными возвеличиваются отцовскою попечительностью. Убийство жестокое, но можно ли его назвать чистым преступлением!

Французы не преследовали нас после Пултуска далее Остроленко. Они, как и мы, поневоле должны были дожидаться лучшего состояния дорог, и с обеих сторон воспользовались этим временем для отдохновения и организации войск.

Эта стоянка продолжалась почти до конца декабря, и тогда русская армия, подкрепленная новыми прибывшими войсками и сосредоточенная вся под команду Беннигсена, сделала движение. План кампании изменился: прежде операционная линия имела основанием Белосток и Гродно, а теперь фланговым маршем армия перешла в старую Пруссию, край с неизнуренными средствами, и наше операционное основание было Кенигсберг, чем впоследствии подвоз провианта и снаряда мог делаться

морем. В прежние места, нашими войсками занятые, вступил новопришедший корпус генерала от инфантерии Ивана Николаевича Эссена⁴³, а между им и нами для связи был отряд, не упомяну, под чьей командой.

Передвижение главной армии произведено было без всякой встречи с неприятелем до половины января. Наступательным движением мы приблизились к Висле, хотя не совершенно достигли до ее берегов. Тут начались передовые стычки, и в памяти моей остались две из них. Не помню, в каком месте, одна из них была в передовом отряде князя Михаила Петровича Долгорукого⁴⁴, стычка удачная по отпору натиска французов, но как уже было приказано войскам сосредоточиться в главной позиции, Долгорукий на другой день отступил, слабо был преследуем неприятелем. В этом деле мы лишились молодого человека весьма образованного и полного желания быть полезным отечеству. Этот молодой человек был Нехлюдов, убитый в этом деле⁴⁵.

Сколько упомянется о событиях давних лет, в то же время или около одного было довольно жаркое строевое дело под Морунгеном. Начальник отряда был генерал-лейтенант Анреп, имеющий как в предшествовавшее царствование, так и в нынешнее военную репутацию⁴⁶. Дело было бесспорно в нашу пользу, и французы даже отступили, но Анреп при самом конце сражения был убит, потеря значительная, как о человеке, на которого имели большие надежды по военному поприщу. В этом деле была блистательная атака Сумского гусарского полка и штыковой бой между обеими пехотами. Я неправильно выразился, назвав штыковой бой. Очевидцы рассказывали мне, что Екатеринославский гренадерский полк так был удивлен, что французская колонна волтижеров⁴⁷ дерзала с ними вступить на штыковой бой, что в одно слово выразились: «эти недоростки недостойны наших штыков» и, повернув ружья, прогнали французскую колонну прикладами.

Малые стычки и все движения войск описаны военными историками, и я слишком малое имел служебное значение, чтоб знать все подробности оных, и как давно прошедшее из памяти изглажено. Помню только, что с половины января французская армия начала на нас общее наступательное движение; передовые наши отряды, по превосходству численности неприятельских войск и по

общему распоряжению ко средоточению, начали отступать. И обе армии, наконец, стали одна против другой на позиции при деревне Юнкендорф⁴⁸. Нашим авангардом не упомяну кто командовал, французским же Мюрат⁴⁹; с обеих сторон было авангардное дело, принесшее честь обоим начальствующим и войскам. Позиция наша была весьма выгодная, и все, от начальников до рядовых, пылало желанием общего сражения. Беннигсен был намерен принять бой. Остерман командовал левым флангом, этот фланг был прикрыт отдельным отрядом под начальством не помню генерала ли майора Левицкого⁵⁰ или генерал-майора Герцдорфа⁵¹, и дано было приказание стойко защищать плотину, прикрывающую наш фланг и бывшую для неприятеля ключ нашей позиции. Но это не было исполнено, и после незначительной защиты начальствующий отступил, что и заставило Беннигсена изменить свое прежнее предположение и оставить Юнкендорфскую позицию. Это отступление производилось довольно стройно, среди белого дня, в виду неприятеля, эшелонами с позиции на позицию. Но все-таки, особенно в хвостах колонн, возродилось мародерство, и невозможно было арьергарду повсюду прибирать этих мародеров, и большое количество из них попало в плен.

Это отступление без значительного боя продолжалось в течение нескольких дней, до гор[ода] Ландсберга, где наш арьергард, тесно преследуемый французами, не мог уже выдерживать их натиск и требовал подкрепления, и к оному высланы были значительная часть кавалерии и пехота. Дело возгорелось жаркое, особенно в оном отличился 2-й егерский полк под командою полковника Арсеньева (потом убитого на дуэли графом Хрептовичем)^{8*52} и Черниговский пехотный полк под начальством князя Василия Юрьевича Долгорукого⁵³. Между многими павшими в этом деле был командующий батальоном Черниговского полка князь Михаил Сергеевич Голицын, молодой человек, уважаемый своими товарищами и обещававший много в военном поприще⁵⁴. В этом деле я был свидетелем замечательного обстоятельства кавалерийской атаки. Изюмскому гусарскому полку было приказано атаковать французский гусарский полк, против него двинувшийся. Оба полка устремились друг на друга как две

^{8*} В оригинале ошибочно: Хрептович.

движущиеся стены, и, подскакав на пистолетный выстрел, оба внезапно остановились, и только были слышны возгласы начальствующих: «вперед», «*en avant*», но полки не двигались. Это продолжалось несколько минут, но когда Изюмского полка эскадронный командир Гунтерштуббе^{9*} отчаянно кинулся на французского командира и свалил его с лошади — это было сигналом изюмцам двинуться вперед, и французский полк был опрокинут и преследуем⁵⁵.

Хотя дело под Ландсбергом окончилось в нашу пользу, но позиция не была довольно выгодна для принятия общего сражения. Сколько мне помнится, под Ландсбергом присоединился к армии сильный отдельный отряд князя Багратиона, который и принял командование всего арьергарда⁵⁶. И как было решено Беннигсеном отступить и принять бой на Прейсиш-Эйлауской позиции^{10*}, армия начала отступать на эту позицию под прикрытием арьергарда и прибыла к Прейсиш-Эйлау, где и стала в боевой порядок сзади города, на избранную главнокомандующим позицию. Арьергард же занял весьма удобный к защите город *Прейсиш-Эйлау и прилегающее к оному кладбище*.

Итак, настали дни грозной битвы Прейсиш-Эйлауской⁵⁷, битвы, ознаменовавшей стойкость русских войск и пыл натиска французов, ознаменовавшей предприимчивость, военный взор, ученость, практичность Наполеона и хладнокровность, распорядительную деятельность, военный взгляд и подобную же ученость и практичность Беннигсена. Не моему перу описать общий обзор сражения: незначительность места моего служения, тогдашняя неопытность моя в военном деле и, наконец, полученная мною рана в половине дня, [заставившая] покинуть место сражения⁵⁸, — худые спутники в деле повествования; в военном деле общность движения и обоюдность распоряжений с обеих сторон — необходимые данные. Все это описано людьми сведущими, частью участниками в этом сражении, и разобрано военными историками с большею или меньшею правдою и часто с пристрастием к своим родичам. Здесь опять я повторяю, что уже раз сказал, что жаль, что хоть по военной части не дают гласности запискам Беннигсена.

^{9*} В оригинале ошибочно: Гундерштруб.

^{10*} В оригинале здесь и далее: Преш-Эйлов или Эйлоу.

В этой битве пало много из участвующих, и пали все с честью. Из участвующих малое число еще в живых, и вот этому доказательством: [в] честь этого сражения был установлен императ[ором] Александром знак отличия для более отличившихся обер-офицеров и роздано было около 300 этих знаков, именуемых Прейсиш-Эйлауский крестик⁵⁹. В настоящее время в живых, имеющих этот крест, четыре: Закревский⁶⁰, не упомяну, кто другой, Иракий Полиньяк, служащий теперь во Франции⁶¹, и я. Неправильно ставлю себя в числе носящих этот знак отличия; я его имел, но приговор Верховного уголовного суда 26 г[ода] лишил меня этой чести, но чистосердечно скажу, не из чванства, но из любви к истекшим событиям, что из всего того, чего лишен этим приговором, Прейсиш-Эйлауский крестик и медаль 1812 года⁶² — одно, о чем сожалею, ставя себе в великую честь быть соучастником в событиях, ознаменованных этими знаками отличия.

Хотя я выразил, что не буду описывать общность сражения Прейсиш-Эйлауского, но скажу несколько строк о частности оною.

Защита арьергарда в самом городе Прейсиш-Эйлау была стойкостью сверх всякой похвалы. Каждый квартал, каждое строение было упорно русскими защищаемо и не отдавалось в руки неприятеля, как в упорной борьбе и по превосходству его сил.

Кладбище города, стоящее между им и нашей позицией, было поприщем отчаянной защиты. Это место, бывшее несколько столетий последним убежищем постепенно туда приводимых, в несколько часов было покрыто кучами тел. Первые расставались с жизнью по определению природы, последние — как выразить причину их смерти? По общему мнению: честь! долг! Но я скажу, частью и предрассудки — странно, больно для человечества, что человек наносит смерть человеку. В этой защите арьергардной более всех участвовал и заслужил всеобщую похвалу командующий тогда 3-м егерским полком генерал-майор Барклай де Толли, который в этом сражении был и ранен. В тот же день арьергард отступил и стал в ряды войск в принятой позиции русской армии.

День главного сражения Прейсиш-Эйлауского был 26 января⁶³. Бой продолжался от раннего утра до наступления ночи. Сражение было принято войсками, на-

чальниками с радостью и с желанием быть достойными русского имени — и это они доказали. День был снежный, морозный и с вьюгой, веющей насупротив французской армии. На левом фланге, как опять ключе позиции, завязался первоначально бой, и весьма жаркий. Французы упорно, дружно атаковали этот фланг, состоящий под начальством Остермана. Он был достоин возложенного на него доверия, зоркий его глаз предугадывал всякий поиск неприятеля, а неустрашимость его ободряла^{11*} его подчиненных. Бой начался обоюдным огнем артиллерии, потом перестрелкой, обращающей[ся] впоследствии батальонным ружейным огнем, но окончивал[ся] часто штыковым боем, и всегда позиция оставалась за нами, а только передовые отряды входили в ряды оной. В числе особенностей этого боя было одно, едва ли прежде или впоследствии случавшееся. На левом нашем фланге, когда кавалерия наша со всех сторон общей нашей позиции утремилась на несколько эскадронов французской кавалерии, сделавших прорыв в центре нашей армии, французы, атакующие левый фланг, пустили на нашу пехоту левого фланга, лишенного охранения кавалериею, пустили две атаки, одну во фронт, а другую — угрожающую нашему тылу. Остерман, предугадывающий всю важность этой атаки и при удаче выгодные последствия для неприятеля, принял смелое решение — отбить эту атаку Павловским гренадерским полком (в стойкости которого он имел полное убеждение) следующим движением: полк был в составе 3 батальонов и стоял в линию, он приказал передним шеренгам приготовиться к ружейному оттиску, выдержав залп перед самым ближним натиском кавалерии и, исполнив это, стать на одно колено и, упря ружье в землю, — с рядом штыков выждать, если посмеет неприятель [продолжить] его атаку. А сам Остерман с средней и задней шеренгами, повернув налево кругом, и пошел насупротив французской кавалерии, атакующей с тылу. Распоряжение это полный имело успех: обе атаки французской кавалерии, удивленные стойкостью и смелостью Павловского гренад[ерского] полка, обратились вспять. Честь и хвала Павловскому гренад[ерскому] полку, но честь и хвала также и Остерману. Начальник и подчиненные были достойны друг друга.

^{11*} В оригинале ошибочно: одобряла.

Говоря о Прейсиш-Эйлау, как не упомянуть о Ермолове, с этого сражения началась его знаменитость в военном деле⁶⁴.

Я слегка упомянул о сделанном прорыве французскими несколькими эскадронами в центре общей нашей позиции. Эта отчаянная и успешная атака могла бы для нас иметь губительное последствие, но, не быв поддержанная, *cela n'a été qu'un beau fait d'arme, sans conséquences*^{12*}. Прорвавшись через наши линии, эти эскадроны блуждали без подкрепления сзади оной, и, как со всех сторон на них ринулась вся наша кавалерия, стоящая в резерве, они обратно устремились к сделанному ими прорыву и успели при всей этой суматохе, хотя с большою потерей, добраться до своих.

Как я выше сказал, я был ранен и поэтому выехал на перевязочное место, откуда по перевязке был положен на форшпан (подвода прусская) и отправлен в Кенигсберг. Прибыв в этот город, я узнал, что там находился одержимый болезнью ген[ерал]-май[ор] Сергей Алексеевич Кожин, и, по семейному свойству между нами, я остановился у него⁶⁵. Он, предполагав, что Кенигсберг будет в центре будущих военных действий, как больной, почел лучшим выехать и меня, как раненого, увез с собой в г. Тильзит. Быв вне круга действующей армии, о пребывании моем в Тильзите нечего мне сообщить, кроме попечительной обо мне заботы вышеозначенного Сергея Алексеевича и радушного обхождения со мною, обычного между бивачными сотоварищами, многих раненых штаб-и обер-офицеров, как и я там пользующихся от полученных ран. Получив совершенное излечение, я возвратился в действующую армию и по-прежнему находился при Остермане, которого корпусная квартира была на промежуточном положении между Бартенштейном, тогдашнею Главною квартирою армии, и местечком Лаунау, где находился тогда авангард.

Что происходило после Прейсиш-Эйлауского сражения, как отсутствующему, мне неизвестно и подробно описано военными историками, но в товарищеских разговорах, всегда искренних, я всегда слышал, что все усилия французской армии сбить нас с позиции Прейсиш-

^{12*} Она оказалась лишь прекрасным, но безрезультатным подвигом (фр.).

Эйлауского сражения были неудачны, что до конца оно наши войска стойко удерживали оную, что отступление наше на другой день не было вынуждено новым натиском неприятеля, но было вследствие военных соображений главнокомандующего, и французская армия преследовала нашу не как пораженную, но следила наше движение незначительными только отрядами. И в это время была между Прейсиш-Эйлау и Кенигсбергом стычка между французским авангардом и пришедшими с Дона новыми полками казачьего войска под начальством войскового атамана Платова⁶⁶, стычка, которая положила первую стезю славы этому неуподобимому воину ни в каких других народах, стезю, впоследствии далеко оным доведенную.

После этого авангардного дела обе армии приостановили свои военные действия, и отдых обеим был необходим после посильных трудов, оными понесенных в течение зимней кампании. Главная квартира русской армии была в Кенигсберге, французская — в Варшаве. В обеих армиях, сколько упомяну, отдых продолжался до апреля месяца. К обеим враждующим армиям пришли сильные подкрепления, и Беннигсен имел в виду при первой прохуе начать наступательное движение.

Еще, сколько упомяну, в марте месяце из довольно пространных зимних квартир наша армия перешла в тесные⁶⁷, и Главную квартирую оной был город Бартенштейн. Время бездействия было полезно для устройства как внутреннего войска, так и приготовления к новым движениям, но время этого бездействия для частного лица пустое, скучное, и в памяти моей только и осталось более тесное мое знакомство с Арсением Андреевичем Закревским, бывшим тогда адъютантом при графе Николае Михайловиче Каменском⁶⁸. Закревский и впоследствии таковым добрым знакомым для меня [был], и в честь его должен сказать, что во все время его служения, несмотря на приобретаемые им высшие степени значения, он оставался всегда равно радушным к старым знакомым и всегда готовым им к услугам — равенство действия, которое малое число людей сохраняют при возвышении в значительности. Я это испытал лично над собою не только в продолжение моей службы, в течение которой не раз случалось мне иметь до него дело, но и по возвращении моего из ссылки в 1856 году. Он был

тогда московским генерал-губернатором и, несмотря на различное значение наше в обществе, несмотря на прежнюю мою опалу, принял меня как прежнего товарища, давал мне чистосердечные советы, чтобы охранить меня от многих сплетен и нерасположения многих лиц, и, наконец, отставил меня на сделанные ложные на меня доносы⁶⁹. Я поставляю себе долгом высказать степень моей признательности за это, тем более, что многие другие мои современники этого не сделали.

Во время стоянки армии распоряжение по продовольствию и снабжение войск было довольно плохое, как для людей, так и лошадей, более всего фуражировкой с весьма малым подвозом, кроме авангарда, стоящего на биваке под Лаунау в шалашах, под начальством князя Багратиона, по необходимости обеспечить этот авангард, стоявший всегда наготове к отражению в случае натиска французов. Затруднения в продовольствии были столь велики для прочих войск, что транспорты, шедшие в авангард, всегда отправлялись под прикрытием конвоя, чтобы не были бы задержаны войсками других корпусов, расположенных по тракту, ведущему в Лаунау. Беспорядок о снабжении войск всем, оному нужным, был поводом, к стыду русской чести, всех тех незаконных денежных оборотов, которые шефы полков имели с провиантской и комиссариатской комиссией. Эти шефы по подрядной цене брали от комиссии денежные выдачи, клали оные себе в карман и снабжали войска насильственными способами от жителей. После замирения все эти счета поступили в учрежденную в Мемеле комиссию, которая ничего не распутала, деньги, незаконно приобретенные, остались в карманах тех, которые по сделке между собою выдавали и получали, а одним только последствием было, что провиантские комиссариатские чиновники, лишь носившие до того общий армейский мундир, были лишены оного и не считались более по рангам военным, а распределены были по классам гражданским⁷⁰. При этом случае, к стыду русского имени, неизлишним считаю заметить, что весь этот грабеж повторился в последнюю крымскую кампанию⁷¹, где комиссии и полковые командиры в эту гибельную минуту отечественного дела возобновили эти бесстыдные грабежи, нажили значительные суммы, иные купили имения, а другие, более смысленные, вложили свои капиталы

безмянными билетами в кредитные установления⁷². Горько упоминать любящему свое отечество человеку о поносных этих действиях и как не сказать, что пока этих изменников — воров не будут вешать, то все эти грабежи и беспорядки будут опять возобновляться.

Во время этой стоянки армии прибыл в Бартенштейн государь император Александр I. Он не принял личное командование армией, и по-прежнему все распоряжения по оной были предоставлены Беннигсену. Императорская Главная квартира, как это всегда бывает, возродила многие столкновения в управлении. Прибыл также и король прусский⁷³, но пребывание двух монархов не было продолжительно, и оба выехали из армии в Мемель, предоставив Беннигсену начать военные действия, когда он найдет время удобным, и условившись в плане кампании.

Приезд государя в Бартенштейн изменил мой образ служения. Зять мой, князь Петр Михайлович Волконский, состоя генерал-адъютантом при государе⁷⁴, просил Беннигсена причислить меня к его особе. Я был причислен в свиту главнокомандующего и хоть взошел в жизнь гораздо более^{13*} льготную, но не практическую в военном отношении. Со времени моего поступления в Главную квартиру армии круг моих действий взошел в совершенно другой очерк. До начатия военных действий жизнь Главной квартиры между молодежью шумная в кругу товарищей, лишённая всяких занятий служебных. Для молодого человека она школа подлости, интриг, и память о ней не льнет к моему сердцу: те же выходы дворцовые, те же льстецы-идолопоклонники. Малое число работающих дельными занятиями, та же масса тунеядцев.

В Главной квартире кроме главнокомандующего Беннигсена главную роль разыгрывали генерал Штейнгель⁷⁵, ген[ерал]-квар[тирмейстер] и дежурный генерал Александр Борисович Фок⁷⁶, оба люди дельные как по чисто военной, так и по административной части, люди чистые от всяких упреков. Значение большое имел при главнокомандующем правитель его канцеляции подполковник Иван Федорович Апт⁷⁷, пользующийся полной доверенностью Беннигсена, человек умный, дельный по бумаж-

^{13*} Далее несколько страниц до слов: «Отступление через Лаунау...» написано рукой С. Г. Волконского.

ной части, но, по общему мнению, не чистый в отношении денежном. Между нашей молодежью был майор Шеппинг⁷⁸, колкоязычник, который при случае получения Аптом прусского креста pour le mérite^{14*79} сказал, что Вольтер⁸⁰ и Апт получили этот крест не за военные дела, а сам про себя Шеппинг сказал, быв переведен из капитанов в майоры (он был малого роста): «Comme on a vu que je ne serais jamais un grand capitaine, on m'a fait major^{15*}. Упоминаю об этих ничтожных подробностях, чтоб выказать тип нашего ничтожного круга.

Еще в памяти моей осталось одно обстоятельство, лично до меня относящееся. По причислении моем к Главной квартире, еще во время присутствия в оной императора, я остановился на квартире зятя моего князя Петра Михайловича Волконского. Вскоре после этого к нам прибыл его двоюродный брат кн. Дмитрий Михайлович⁸¹, человек не без достоинств, но мнительный [в] жизни и видевший все в черном оттенке. Днем я шатался между товарищей, но на ночь приходил домой, и как мы все спали в одной комнате, то я поневоле выслушивал все обсуждения князя Дмитрия Михайловича о предстоящих новых военных действиях, предсказывающие полное поражение нашей армии. Для молодого человека, полного надежд к славе отечественной, горящего желанием отличиться, все эти суждения, предсказания столь черновидные, были не по нутру, и я объявил зятю, что я уже не в силах их выслушивать, и переехал на другую квартиру. Вообще скажу, что подобные ему зловещие птицы весьма вредят в армиях производимыми ими впечатлениями. В военном ремесле уверенность в удаче есть спутник к победе.

Во время бездействия армии я несколько раз посещал авангард, где между штабом князя Багратиона было много моих товарищей. Радушное обхождение князя с подчиненными, дружное их между собой обхождение, стройность, чистота бивачных шалашей, свежий, довольный вид нижних чинов доказывал попечительность князя к ним, и во всем был залог общего доверия к нему. Князь был не высоко образованный, но чисто рожденный

^{14*} За заслуги (фр.).

^{15*} Так как видно было, что я никогда не стану великим полководцем, меня сделали майором (фр.).

Н. Н. РАЕВСКИЙ (СТАРШИЙ), ОТЕЦ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ
Акварель П. Ф. Соколова, 1826 г.

для военного дела человек. Ученик Суворова, он никогда не изменил своему наставнику и до конца своей жизни был красой русского войска.

В Лаунау я впервые, не могу сказать, был представлен Николаю Николаевичу Раевскому⁸² и не мог тогда предвидеть, что он будет моим тестем. Раевский, принесший с собою репутацию храбреца еще екатерининского времени, получил в командование два передовых полка: одним командовал Гогель⁸³, а другим Вуич⁸⁴. Оба известные в армии храбрецы, и этот триумvirат обеспечивал спокойствие авангарда.

Перед начатием военных действий государь и король прусский удалились из Главной квартиры, кажется в

С. А. РАЕВСКАЯ, МАТЬ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ
Худ. В. Л. Боровиковский

Кенигсберг или Мемель, не упомню. Главная квартира, хоть царь всегда выставлял Беннигсена (но все-таки дух царедворский в ней показывался), приняла свой прежний вид, хоть и не без отсутствия мелких интриг. Кажется, 1 мая, не упомню, в присутствии импер[атора] или уже после его отъезда была сделана авангардом усиленная рекогносцировка при весьма незначительной аванпостной обороне французских аванпостов. Беннигсен и многие корпусные командиры присутствовали при этой рекогносцировке, которой исход убедил, что французские войска отступили из занятой ими прежде линии за Пассаргу.

Сколько помнится, 15-го мая началось общее наступательное наше движение. Опять, по отдаленности этого

времени, подробности оно́го не могу припомнить, они описаны военными историками. В моей памяти остались только некоторые подробности, которые изложу.

День был весьма знойный, общее боевое движение было назначено диспозицией. Все корпуса по оной в назначенное время были на своих пунктах, кроме корпуса генерала Остен-Сакена. Мы предполагали наступательным движением перейти Пассаргу и сразиться с стоящей в виду нас за оной в боевом порядке французской армией. Но не то сбылось. Французы приняли на нас наступательное движение, и мы после некоторой обороны по приказанию главнокомандующего начали отступать. Причиною этого отступления выставлено было, что Сакен не пришел вовремя и не занял назначенной ему позиции. Беннигсен отказал ему от командования корпусом. Общій голос в армии винил Сакена, и шла молва, что с давних времен между Беннигсенем и Сакеном были враждебные сношения и что Сакен не чисто действовал. Впоследствии Сакен был отдан под суд, как помнится, по собственной его просьбе. Дело судилось в Госуд. совете, и он был оправдан⁸⁵. Немудрено, тогда уже Беннигсен был в немилости.

Отступление наше происходило стройно, хотя войско очень уставши было от знойного дня и от недостатка воды для питья. Передовой витязь Багратион прикрывал с арьергардом общее отступление, и армия приняла позицию на высотах Гейльсбергских в позиции, частью заранее укрепленной. Отступление через Лаунау на Гейльсбергскую позицию производилось стройно под прикрытием арьергарда под начальством князя Багратиона, который пользовался каждым удобным местом для обороны, чтоб затруднять пыл натиска французов и дать время армии занять Гейльсбергскую позицию. *Близ Лаунау довольно было жаркое дело и, между прочим, атака лейб-Кирасирского его им[ператорского] вел[ичества] полка, при которой положил свою жизнь шеф оно́го полка генерал-майор С. А. Кожин, тот самый, о котором я говорил, описывая Пултусское сражение, память которого близка сердцу каждого русского, как храброго, распорядительного начальника, но которого начальное служебное поприще очернено злодеяниями его при следствии порученного звания ему флигель-адъютанта на Дону во время царствования императора Пав-*

ла^{16*}⁸⁶. Убитый на месте, его тело, перевешанное на лошади адъютанта его Петрулина, с почетным конвоем взвода кирасир я встретил, быв послан от главнокомандующего с приказанием на левый фланг. Мне еще и теперь мерещится в глазах бездыханное тело близкого знакомством мне человека, перекинутое без жизни на лошади, и от души внутренне принес падшему при исполнении своего долга вечную память. Его тело было предано земле — по прежде того объявленному его желанию в случае смерти — в чудной местности монастыря *Гейлин-Линден*. И так тело русского витязя предано в чужой земле, но память его военных заслуг не будет чужда отечественности.

День знаменитой битвы Гейльсбергской настал⁸⁸. Все подробности этого сражения описаны военными историками. Хотя Беннигсен одержим был мучительной каменной болезнью, но светлые его военные достоинства ничем не ослабли. Зоркий его глаз при содействии вновь назначенного дежурного генерала Ивана Никол[аевича] Эссена и прежде упомянутого генерал-квартирмейстера Штейнгеля следили всем движением французской армии и везде устраивали оборону. Наступательное движение неприятеля было пылкое, стойкое и продолжительное, но гром наших пушек, отлично расположенных по местности, постоянно, во весь день отражали атаки франц[узских] колонн. Часто были штыковые схватки, замечательные кавалерийские атаки, из которых одна была под предводительством атам[ана] Платова с храбрыми его казаками, а другая с регулярной кавалерией под предводительством генерал-адъютанта Уварова⁸⁸. Ни в одном месте не удалось французам нас сбить с позиции, и, бесспорно, можно считать, это сражение выигранным русскими войсками.

Заход солнца остановил битву, и мы, хотя понесшие большой урон в рядах наших, гордились этим днем. Но урон французов гораздо был сильнее, и, между прочим, убито у них было несколько генералов, а французской армией в этот день предводительствовал сам Наполеон. При наступлении нового дня мы ожидали стойко в нашей позиции возобновления сражения, но утро прошло

^{16*} Следует читать: порученного ему в звании флигель-адъютанта.

без новой атаки со стороны французов. Перед полднем заметно было движение в неприятельской армии и узнано было, что ею предпринимается фланговый марш левым ее флангом. Первая мысль Беннигсена, при узнании этого движения, была атаковать французов при полном движении этого флангового марша; мысль светлая и при исполнении которой, вероятно, французы потерпели бы поражение, ибо в военном искусстве атака при исполнении движения флангового марша всегда имеет удачные последствия для противных войск. Но неизвестно мне, по какой причине Беннигсен переменял свое намерение и предпринял отступательное движение [на] Фридлянд, вероятно, по боязни быть отрезанным от операционной линии, которой основание было Кенигсберг. До предпринятия отступательного движения он составил сильный кавалерийский отряд под начальств[ством] князя Дмитрия Владимировича Голицына и приказал ему идти франшированным маршем к Фридлянду, занять этот город, если не занят французами, а буде занят, вытеснить их оттуда. Вслед за этим отрядом двинулась вся армия, и, нимало не преследуемые французами, мы совершили это движение.

Предугадательность Беннигсена о намерении французов отрезать нас от коммуникационной линии вполне оправдалась. Князь Голицын, пришед весьма быстрым маршем к городу Фридлянду, нашел его занятым легким кавалерийским отрядом, из двух полков состоящим, и при превосходстве сил, в распоряжении Голицына состоящих, он вытеснил французский отряд из города, нанося ему значительный урон.

Но князь Голицын сделал большую ошибку, удовлетворяясь занятием города, по той стороне реки лежащего, и полянкою до леса, перед городом состоящим. Ему бы должно было хоть разъездами fouiller^{17*} (не нахожу приличного по этому слову) лес и тем охранить наше движение от внезапного и скрытого нападения французской армии. Вся армия к вечеру прибыла на другой день к Фридлянду, и предположение было после ночевки из занятой позиции перед городом продолжать движение, сколько помнится, к Дейч-Эйлау, где Беннигсен, напитанный чтением Семилетней войны, знал, что Фридрих Ве-

^{17*} Прочесать (фр.).

ликий дал в выгодной позиции сражение — большая ошибка⁸⁹. Суворов и Наполеон не шли по битым путям, а всегда самотворчески делали планы кампаний и оттого всегда побеждали.

Предположенное движение Беннигсена не могло исполниться: с раннего утра французы начали наступательное на нас движение с подходящими постепенно их войсками, движение которых и выход на упомянутую полянку прикрыт всегда был вышеозначенным лесом. Поневоле Беннигсен должен был принять сражение, и, к горю нашему, болезнь его так усилилась, что он не мог сидеть на лошади, а на возвышенном месте близ города лежал на земле и частью мог взором следить за общими движениями, а частью руководствовался привозимыми ему сведениями Эссенем и Штейнгелем. Во весь день до 4 часов после полдня все усилия французов сбить нас с позиции были неудачны: везде были отражены и во многих местах были блистательные для русского войска стычки. Но как я выше сказал, настало 4-часие полудня, и тогда все изменилось, и подробности, происшедшие после этой столь нам несчастной години, требуют особенного подробного повествования.

В начале 4-го часа пополудни замечен был большой столб пыли по всему протяжению дороги в лесу вышеупомянутом, сзади позиции, занятой французами на полянке. Беннигсен, желая узнать причину пыли этого столба, поручил генералу Гутчинсону^{18*90}, английскому агенту при нашей армии, съездить в город, подняться на ратушную башню и стараться обозреть причину этой пыли. Английский генерал согласился на эту поездку и в виде переводчика и для передачи известий — я и состоящий при Беннигсене также флигель-адъютант князь Лопухин⁹¹.

Прибыв к ратуше, не могу я утаить, что при входе в нижние комнаты оной я встречен был зрелищем весьма неожиданным и стыдным для русского имени, особенно в виду иностранца: комната была наполнена двумя генералами и многими штаб- и обер-офицерами не ранеными, отлучившимися от своих мест с позиции. Это зрелище для меня было неожиданное. Утаю я имена двух генералов, а прочие тут находящиеся были мне неизве-

^{18*} В оригинале здесь и далее ошибочно: Гучинсон.

стные лица. Но мимоходом скажу, что эти два генерала были из числа, что у нас называются «скороспелками гатчинского павловского времени»⁹². Мы, не останавливаясь, взошли на верх башни, и генерал Гутчинсон узрел, что причина пыльного этого столба было нашествие войск французских, идущих в подкрепление к таковым же войскам французским, сражающимся с нами. Я был послан им с этим известием к генералу Беннигсену. Едва я приехал, как уже начали густые эти колонны выходить из опушки леса против левого фланга нашей армии. Спустя весьма малое время Наполеон, сам находящийся при этих войсках, устроив на мамелоне⁹³ весьма сильную батарею пушек, зачал громить наш левый фланг и привел его в большое расстройство и, пользуясь этим, заставил привести наши войска, на этом фланге состоящие^{19*}, и, несмотря на отличные действия лейб-Гусарского полка, гвардейского Егерского и батальона Финляндского и Павловского гренадерского полка, левый фланг был сбит с позиции, тогда как в центре правый фланг не только отстаивал свои позиции, но даже удачно производил наступательное движение. Это обстоятельство принудило Беннигсена, боявшегося быть отрезанным от обратного отступления через город и через реку, приказать общее отступательное всей армии движение. Но тут произошло обстоятельство, еще более приведшее в затруднение. Были учреждены еще прежде понтонные мосты, и начальствующий одним из этих мостов офицер, неведомо по какой причине, снял мост, и это умножило суматоху, произведенную отступлением, так что войска наши левого фланга и часть центра столпились на постоянный мост, в городе состоящий, чем умножился беспорядок, а другая часть центра и наш правый фланг были отрезаны от возможности перейти через мосты и должны были искать средства к переправе вброд через реку. Преследование французами наших войск было вяло, и не воспользовался неприятель удачным для него положением дел; к этому, может быть, способствовала подходящая с той стороны реки колонна в несколько тысяч выздоравливающих из госпиталей, которые шли к присоединению нашей армии, которых, вероятно, Наполеон,

^{19*} В оригинале, вероятно, описка, следует читать: заставил отступить наши войска.

принял за сильное подкрепление, подходящее к нам, и как день уже темнел, преследование французами вовсе прекратилось.

Как я выше сказал, более половины армии, не успевшей переправиться через мосты, произвело отступление, отыскивая броды, и люди переправлялись, можно сказать, в полгрудь через воду. В этом отступлении было одно замечательное происшествие: артиллерийский штаб-офицер граф Сиверс⁹⁴, командующий двумя ротами батарейных орудий и бывший на правом фланге нашей армии и оставленный без всякого прикрытия, отступал до реки, производя это отступление, отстреливаясь с позиции на позицию, действуя орудиями,— шахматным отступлением; прибыв к реке, казалось, что дальнейшее отступление было ему невозможно, но он, пользуясь темнотой, устроил оное следующим образом: отложив из орудий лошадей, он их переправил на ту сторону реки и, привязав к орудиям пролонжи⁹⁵ и прикрепив оные переправленным на другую сторону реки лошадям, все 24 орудия переправил благополучно, не потеряв ни одного орудия, по руслу земляному реки на ту сторону. Находчивость эта в эту затруднительную минуту весьма замечательная, и вряд ли во всей военной хронике был подобный пример.

Как я выше сказал, преследование нас неприятелем [прекратилось], и это дало возможность Беннигсену в ночь после значительного поражения нашего перед Фридрихом распорядиться о дальнейшем отступлении. Князю Багратиону был отдан под начальство арьергард, прикрывающий наше отступление, и этот знаменитый полководец как прежде, так и впоследствии оказал свои военные дарования. Армия под прикрытием арьергарда отступала стройным порядком до г. Велау, где Беннигсен остановился на сутки для приведения армии в надлежащую стройность. Во время этого дня арьергардные войска были теснимы французским наступлением, так что перестрелка началась в виду самой армии. Этот неожиданный натиск немного встревожил главнокомандующего, но стойкость нашего арьергарда и незначительное число атакующих дали время успокоиться от внезапного нападения и дали время Беннигсену распорядиться о дальнейшем отступлении всей армии, которое продолжалось под прикрытием арьергарда до г. Тильзита, и в эти дни

не раз арьергард был тесним французами, но всегда стройно отражал их натиск. Беннигсен, прибыв в Тильзит, решил переправиться через Неман — переход всей армии через один мост, на этой реке устроенный, был сопряжен с большими затруднениями, но произведен был довольно стройно, и вслед за армией, после незначительного защищения одного арьергардом, и этот арьергард через мост переправился, и мост после этого был снят, а армия в нескольких верстах от Немана против Тильзита стала в боевую позицию и, ждав идущих из России двух дивизий пехоты, вновь сформированной генерал-лейтенантом князем Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским⁹⁶, горела желанием вновь вступить в бой с французами и заглавить поражение Фридляндское.

В это время прибыл в Главную квартиру император Александр, и, к крайнему нашему сожалению, узвано было, что заключено перемирие и что будет свидание между императором Александром и Наполеоном для трактации о мире.

Тут прекращается поневоле мой рассказ о военных действиях, прекращенных этим неожиданным для нас обстоятельством, и как подробности этих переговоров и обстоятельств, сопряженных с оными, не могли быть мне в подробности известны, то рассказ мой по оным будет весьма поверхностным.

Кем были ведены первые переговоры о временном прекращении военных действий, о временном перемирии — я не упомяну⁹⁷, но живо еще в моей памяти представляется устройство среди вод Немана: неподвижный плот, на котором воздвигнут был род здания, довольно обширного. Когда и в какой день условлено было для двух императоров свидание и на каких условиях, я первое не упомяну, а второе и до сих пор мне неизвестно⁹⁸, но живо в моей памяти воззрение отплыва двух императоров, каждый с того берега, где стояли их войска, и приплыв их к этому парому, на котором решилась судьба многих властителей, многих народов. Я с берега нашего в числе свиты Беннигсена смотрел на поезд обоих императоров. Приплыв их так был устроен, что оба вступили на паром и встретились посереде одного, можно сказать, одновременно для предупреждения всяких толков; пожав друг другу руку, они взошли в устроенное подкрышное помещение, а свиты их, которые были весь-

ма немногочисленны, остались вне строения. Не знаю, получила ли гласность впоследствии обоюдного их разговора. Сколько продолжался он, не упомню, но оба государя тем же порядком возвратились к своим.

После этого свидания всеобщую известность получило, что по соглашению обоих государей будет трактоваться о мире. Как велись эти переговоры и кому они поручены были, я не упомню⁹⁹, кроме того, что в оных участвовал уполномоченным с российской стороны князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, которого потом, как дядю моего, я часто видел и который кичился его участием в этих переговорах¹⁰⁰.

Не буду обсуживать начала и последствия заключенного мира, который приготовил многих европейских переворотов¹⁰¹. Он дал нам Азию и Восток европейский в безотчетность, а Европу в полное властвование Наполеона¹⁰². Как ни казалось твердо его владычество, оно, однако ж, кончилось пленением его на скале Св. Елены. Так все мимоходяще в мире по судьбам промысла для людей и народов. В 1815 году текущего столетия настал новый порядок вещей во всей Европе, но и этот не устоял! и июльские дни многое переменили во Франции. Семнадцатилетнее царствование Людовика Филиппа кончилось одним днем двумя словами: «уже поздно». Победу демократии заменило второе декабря, а с этого дня владычество нового Наполеона привело к великим событиям, так тяжело нами претерпенным в Крыму и так светло озаряющим будущность Италии¹⁰³.

Но вот я, увлеченный думами моими, отдалился от простого изложения современности моих записок.

После свидания двух императоров было решено ими, что Тильзит будет местом их жительства и переговоров их уполномоченных. По ходатайству императора Александра в этот город был приглашен и король прусский, которого все владения были в руках уже неприятеля, кроме местности между Тильзитом и Мемелем. Вместе с переездом императора Александра в Тильзит переправлены были в виде почета ему дружелюбных сношений с Наполеоном первый батальон лейб-гвардии Преображенского полка и лейб-эскадрон гвардейского Гусарского.

Опять повторяю, что как велись переговоры, не могло быть мне известно, и рассказ мой будет обнимать только эпизоды частных обстоятельств.

Французам дозволено было без всяких препятствий из любопытства переезжать на наш берег, но не вдаваться внутрь занимаемого нами края. Нам же, русским, не дозволяемо было нашим начальством посещать французский берег как по билетам, выдаваемым весьма разборчиво и затруднительно с дозволения государя императора — странное обстоятельство, как бы означающее, что нами царь стыдится, хотя, кажется, нами нечего стыдиться, и могли пользоваться тем правом, которое предоставлено было французам.

На берегу Немана, против Тильзита, был расположен лагерь вновь пришедших башкирских казачьих полков. Странность наружности и обычаев их весьма занимала посещающих французов, и как эти башкирцы были вооружены, кроме обыкновенного огнестрельного и белого оружия, луками и стрелами, французов весьма занимали игрища их этим незнакомым для них оружием.

Наполеону желательно было увидеть Платова, и его имп[ератор] Александр призвал в Тильзит и представил Наполеону. В числе свиты Платова был переодетый в казачий мундир английский полковник Вильсон¹⁰⁴, желавший под этим маскарадом увидеть Наполеона без огласки его личности. Многим из нас желательно было удовлетворить подобное любопытство, и как затруднительно было получить гласное на это позволение, то помню, что я и товарищ мой князь Лопухин, надев платье прусских крестьян, успели переехать на французский берег в виде торгующих съестными припасами и имели случай видеть Наполеона, который ежедневно в сопровождении имп[ератора] Александра и с обеими их свитами делали прогулки то в лагерь вышеозначенного русского конвоя, то по лагерям французских войск. Были обоюдные смотры, и на одном из них, в память события свидания, Наполеон украсил грудь флангового гренадера Преображенского полка солдатским знаком Почетного легиона¹⁰⁵.

В числе эпизодов этого времени было угощение русского конвоя как высших, так и нижних чинов в лагере французской гвардии и потом угощение французской гвардии в лагере, занимаемом Преображенским батальоном и лейб-гусарским эскадроном. При обоих этих празднествах присутствовали сами венценосцы.

В скором времени мы узнали, что мир заключен¹⁰⁶, и нашей армии дано было распоряжение о возвращении в

российские пределы. Эта весть так не была по сердцу любящим славу России, что вспоминаю я, что я, живши на бивуаке, пригласивши к себе знакомого мне товарища из свиты Беннигсена, молодого барона Шпрингпортена¹⁰⁷, с горя (по русской привычке), не имея других напитков, как водку, выпили вдвоем три полуштофа гданской сладкой водки, и так мы опьянели, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что он от этого не гаснул.

Беннигсен при приказании отступления всех войск в Россию удален был от командования оными, и всем лицам, состоящим в его свите, приказано было явиться в соответствующие им полки, и я в том числе явился во фронт в Кавалергардский полк, который также через несколько дней после получил приказание следовать общему движению.

Нам предстояло до русской границы четыре перехода. Будущность тяжелой казарменной петербургской жизни, предстоящие опять тяжелые фронтные занятия, маневренная езда, учение так подействовали на наших солдат, что в этом отборном войске родилось отчаяние и на первом ночлеге оказались дезертиры. Для охранения от этого на втором переходе бивуак был окружен ночью цепью, но и с оной оказались побег, и в четыре перехода исчислено побегов около ста человек.

В течение обратного марша до Петербурга нечего замечательного сообщать, тем более, что я из Поневежа выпросил себе позволение ехать к брату моему Репнину в Москву¹⁰⁸ и, пробыв у него две недели, явился опять в полк, уже прибывший тогда в г. Псков. В эту поездку мне одно только памятно, что из Новгорода я поехал почтовым трактом уездным, не заезжая в Петербург, прямо в Псков. Этот тракт, устроенный еще в царствование Елизаветы Петровны¹⁰⁹ тогдашним способом — деревянной мостовой кругляком, в течение четырех царствований ни разу не был починен и так был худ, что просто каторга была на нем ехать перекладной, и я три станции просто шел все пешком. Поправлен ли был этот тракт потом, мне неизвестно, но при общей беспечности устройства наших путевых сообщений вряд ли он и теперь улучшен, разве случились по оному высочайшие проезды. Из Пскова я шел с полком до Петербурга, и после восьмидневной стоянки в окрестностях города полк вошел в город, вступил в свои казармы, и в первую

Н. Г. РЕПНИН-ВОЛКОНСКИЙ, БРАТ ДЕКАБРИСТА

ночь вступления один кавалергард из нижних чинов повесился, вероятно, из отчаяния от мысли предстоящей ему каторжной жизни.

Тут настает мне совершенно другая жизнь, уже не полная боевых впечатлений, а просто тяжкая фрунтовыми занятиями и пустая в общественном быте, но постараюсь, хотя бегло, и об одной кое-что изложить^{20*}.

Хотя Кавалергардский полк, в котором я служил, славился составом корпуса офицеров, но в общем смысле моральной жизни не могу ничего сказать хорошего. Во всех моих товарищах, не исключая и эскадронных командиров, было много светской щекотливости, что французы называют *point d'honneur*^{21*}, но вряд ли кто бы выдержал во многом разбор собственной своей совести. Вовсе не было ни в ком религиозности, скажу даже, во

^{20*} Далее до конца рукописи почерк С. Г. Волконского.

^{21*} Вопрос чести (фр.).

многих безбожничество. Общая склонность к пьянству, к разгульной жизни, к молодечеству, des goûts de jouissements anti-naturelles dont on se pavanait même^{22*}. Корпус офицеров делился на два отдела под названием бонтонный и мовежанрский¹¹⁰. Между этими двумя отделами была резкая особенность, но этот раздел мгновенно сливался, как скоро шла речь об каком-либо деле, относящемся до чести полка и мундира или защиты обиженного офицера начальством. Хоть один из вышеозначенных отделов и назывался бонтонным, но за весьма малыми исключениями наша жизнь была более казарменной, нежели столично-светской. Нашим старостой был Левенвольде, о котором я уже говорил. Ежедневно манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный через край вином, не выходя, однако ж, из приличия; также ватагой или порознь по борделям^{23*}, опять ватагой в театр, на вечер к Левенвольду или к Феденьке Уварову¹¹¹ (Федор Семенович, родной брат Сергея Семеновича¹¹², бывшего министра просвещения), а тут спор о былом, спор о предстоящем, но спор без брани, а просто беседа. Едко разбирались вопросы, факты минувшие, предстоящие, жизнь наша дневная с впечатлениями каждого, общий приговор о лучшей красавице; а при этой дружеской беседе поливался пунш, немного загрузнели головою — и по домам. Другой отдел — мовежанрский — вполне заслуживал это название; тут часто и не соблюдались приличия: картеж, пьянство и беззастенчивое блядовство^{24*} — занятия при досужных от службы минутах. Но и тут в деле общем, полковом, при отстаивании обиженного офицера, при деле, относящемся до чести мундира полка, оба отдела заедино действовали дружно.

В числе первого отдела, как я сказал выше, были некоторые, которые более могли быть названными бонтон-

^{22*} Склонность к противоестественным утехам, которой даже похвалялись (фр). Эта часть фразы отсутствует в изданиях «Записок» 1901 и 1902 гг.

^{23*} Слово исключено в предшествующих изданиях.

^{24*} Последние два слова опущены в изданиях 1901 и 1902 гг.

ными, как посещающие les salons huppés de la capitale^{25*}. Это были: Левашов, Федор Александрович Уваров¹¹³ (surpommé le noir, vu son teint et cheveux)^{26*}, Балабин¹¹⁴, Васильев¹¹⁵ и Орловы — Михайло и Григорий¹¹⁶, которые, однако ж, были чисто нашего отдела, исключая вечерних их выездов, которыми даже иногда жертвовали в нашу угод. Об Левашове что сказать? — хоть умный малый, но был тогда и остался и после фанфароном. Черный Уваров — добрый и честный малый, но с большими претензиями к уму и красоте: не без первого, но вовсе не с последней, et très susceptible, ce que lui donnait une teinte d'être bretteur^{27*}, Петр Иванович Балабин — человек дельный, образованный, mais un peu trop *marquis*^{28*}, а товарищ, начальник чудный. - Гр[аф] Васильев — bel esprit, bonne tournure, esprit mordant, mais peu aimé par nous^{29*}. Что же относится до Орловых, Михайло тогда, как и после, во всех обстоятельствах своей жизни (кроме одного, о котором буду говорить гораздо позже) из общего ряда вон по красоте, по уму, по образованности, по доброму сердцу, а брат его Григорий — «тех же щей, но пожиже», как говорит пословица.

Между нами вовсе не было карточной игры, но затягивали нас два записных игрока в нашем полку, и, не будь сказано в обиду памяти обоим, оба, как кажется, шулеры. Они оба умерли, один — с честью на поле брани, другой — обычной смертью, и если я об этом упоминаю, это чтоб выказать странное мнение тогдашнего времени. Шулерничать не было считаемо за порок, хотя в правилах чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнение — это что любовник, приобретенный за деньги, за плату (*amant entretenu*), не подлое лицо. Теперь в обоих случаях судят иначе — и честь теперешнему времени.

Но хоть я не люблю о себе говорить, нельзя же не сказать словечка. До поездки в армию я был посетителем гостиных не так по собственному желанию, как по тре-

^{25*} Аристократические салоны столицы (фр.).

^{26*} Прозванный черным за свой цвет лица и волосы (фр.).

^{27*} И очень обидчивый, что придавало его поведению оттенок бретерства (фр.).

^{28*} Но немного слишком маркиз (фр.).

^{29*} Остряк, с прекрасной выправкой, с язвительным умом, но не очень любимый нами (фр.).

бованию матушки моей. Возвратясь из армии, je suis revenu émancipé sur une aveugle obéissance à ma mère^{30*}. Прежде сидел на квасе или sur de l'eau rougie^{31*}, теперь — бокал в один глоток и чупурку водки также. Прежде — куда обедать едет маменька, и я туда следом. Приехав из армии, иное: помню, как удивило матушку мою, что пью за фриштеком водку, за обедом голое вино, а уж чтоб следовать ее поездкам, и в мысли не было. Не хвалю вовсе себя, но не хвалю и прежнюю надо мною взыскательность; то и другое должно иметь меру.

Мой быт служебный, общественный был подобен быту моих сослуживцев, однолеток: много пустого, ничего дельного. Кичились быть хорошими фронтовиками, хоть по опыту видели во время войны, что не в этом дело в военном ремесле. Книги забытые не сходили с полок. Одним я теперь горжусь былым временем — это общий порыв молодежи всех слоев желать отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридландом.

Это чувство было так сильно в нас, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру¹¹⁷, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещения в те дома, куда он был вхож. На зов его на бал мы не ездили, хотя нас сажали под арест, и между прочими нашими выходками негодования было следующее. Мы знали, что в угловой гостиной занимаемого им дома был поставлен портрет Наполеона, и под ним как бы тронное кресло, а другой мебели не было, что почли обидой народности. Что ж мы сделали? — Зимней порой, в темную ночь, несколько из нас, сев в пошевни¹¹⁸, поехали по Дворцовой набережной, взяв с собой удобнометательные камни, и, поравнясь с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества, и целые окна — зеркальные стекла были повреждены, а мы, как говорится французами, fouette cocher^{32*}. На другой день жалоба, розыски, но донныне вряд ли кто знает, и то по моему рассказу, кто был в снях, и я в том числе.

Полагая себя человеком, героем, потому что понюхал

^{30*} Я вернулся освобожденным от слепого повиновения моей матери (фр.).

^{31*} На подкрашенной воде (фр.).

^{32*} И след простыл (фр.).

порох, как не быть влюбленным при мирной столичной жизни? И первый предмет, могу сказать, юношеского моего любовного порыва была весьма хорошенькая троюродная мне сестра, кн[язна] М[ария] Я[ковлена] Л[обанова]-Р[остовская]¹¹⁹, которая имела такое милое личико, что, об ней говоривши, ее называли une tête de Guide^{33*}. Не я один ухаживал и поэтому имел для меня ненавистное лицо,— более счастливого в поисках, К[ирилла] А[лександровича] Н[арышкина]¹²⁰.

Придаться без всякой причины к нему, вызвать его на поединок с надеждою ему преградить путь и открыть его себе было минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом.

Странное обстоятельство, что в этот день было три вызова: мой, другой, к[нязя] А[лександра] Я[ковлеви-ча] Л[обанова]-Р[остовского]¹²¹ к князю Кудашеву¹²² и полковника Арсеньева графу Хрептовичу, и что переговоры по всем трем вызовам были у графа Мих[аила] Сем[еновича] Воронцова¹²³. Первые два кончили примирением. Мой антагонист мне поклялся, что не ищет руки моей дульциней, а год спустя на ней женился. Второго вызова причину должен утаить, как очернившую память одной женщины. Но не удалось графу примирить третий, и вот причина этого вызова.

Арсеньев был уже давно влюблен и искал руки фрейлины в[еликой] к[нягини] Анны Федоровны¹²⁴ девицы Ренни¹²⁵. Его желанья были увенчаны успехом, и он был объявлен ее женихом, и г[осударь] и [мператор], отлично к нему расположенный, как к человеку, вполне это заслуживающему, благоволил при объявлении Арсеньевым о предстоящем ему счастье, как человеку весьма ограниченному в средствах жизни, дать ему аренду или денежные средства. Эта помолвка получила полную гласность. Едва несколько дней по оной граф Хрептович, богатый помещик польский, влюбленный также в девицу Ренни, не принимая в уважение бывшую помолвку, себя предложил в соискатели руки этой молодой девушки. Мать ее, прельщенная богатством гр. Хрептовича, уговорила свою дочь отказать уже в данном с ее согласия обещании Арсеньеву отказать ему в своей руке и принять предложение Хрептовича. Арсеньев, обманутый в своих ожиданиях, не вы-

^{33*} Головка Гвидо (фр.).

нес этой обиды и вызвал на поединок Хрептовича, и вызов был принят этим последним. Дуэль была на пистолетах, секундантом у Арсеньева был граф М. С. Воронцов, а у Хрептовича граф Моден¹²⁶. Арсеньев был убит на месте. Весь Петербург, за исключением весьма малого числа лиц, вполне оправдывал Арсеньева и принимал в постигшей смерти Арсеньева радужное участие. Его похороны почтила молодежь петербургская присутствием своим, полным участия, и явно осуждала Хрептовича и тех лиц, которые своими советами участвовали в склонении матери и девицы Ренни к неблагородному отказу Арсеньеву. Хрептович, как осужденный общим мнением, выехал из Петербурга, но семейство Ренни поехало вслед за ним в его поместье, и там совершилось бракосочетание.

При сем случае скажу, что в царствование Александра Павловича дуэли, когда при оных соблюдаемы были полные правила общепринятых условий, не были преследованы государем, а только тогда обращали на себя взыскание, когда сие не было соблюдено или вызов был придижкой так называемых *bretteurs*^{34*} и то не преследуемых законом, но отсылали таковых на Кавказ. Дуэль почиталась государем как горькая необходимость в условиях общественных. Преследование как за убийство не признавалось им в его благородном понятии правильным. Эта мера взыскания не остановит обиженного. Лучший способ к отстранению оного — это решение *d'un jugement d'honneur*^{35*} и поставить в обязанность слепо повиноваться оному.

Изложив некоторые эпизоды той современности, не относящиеся до рассказа о мне, опять обращаюсь собственно к дневнику моему о себе.

Неудачное мое ухаживание за княжной не вразумило мое пылающее молодое сердце к новой восторженности любовной, а частые встречи у одной моей родственницы в общих съездах отборной публики петербургской воспламенили мое сердце тем более, что я нашел отголосок в сердце той, которая была предметом моего соискания¹²⁷. Не назову ее, она вышла замуж, но еще недавно, по прошествии 35 лет, она мне созналась, что питала ко мне любовь и всегда сохранила чувство дружбы. Эта особа,

^{34*} Бретеров (фр.).

^{35*} Суда чести (фр.).

приятная собой, не имела денежного состояния, а мать моя столь явно и гласно выказывала ее родным, что она не желала этого союза, что мать той, которую я не называю, просила меня приехать к ней, хотя я и не ездил к ним в дом. Приглашение это возродило во мне много мечтаний, в назначенный час я явился, но, увы, от нее услышал, что явное и гласное противодействие моей матери против исполнения моего соискания, которое она, впрочем, очень ценит, поставляет ей в обязанность просить меня прекратить мое ухаживание за ее дочерью и что она никогда не согласится передать свою дочь в другую семью, где бы ее не приняли радушно. Пораженный этим, как громовым ударом, я по чистоте моих чувств исполнил ее волю, но в сердце моем хранил то же чувство. Выход замуж предмета моей любви отдал мне свободу сердца, и по влюбчивости моей недолго оно было свободно и воспламенилось снова и опять с успехом к прелестной Е. Ф. А.¹²⁸

Тут я встретил тот же отголосок к моим чувствам и те же предрассудки моей матери, и снова все мои мечтания, увы, как я говорил, не исполнились. Эта особа красотой своей пленила одну коронованную главу, но с чистейшим уважением, без всякого покушения на честь.

В то же время была со мною служебная неприятность. На полковом учении шефу полка Уварову показалось, что я ошибся в фрунтовом деле, чего не было, и закричал командируемому мной взводу: «*Давить Волконского!*» Обиженный этим, я тут же слез с лошади, пошел на полковую гауптвахту и карауль[ному] офицеру отдал мой палаш, сам себя объявив арестованным. Караульный офицер, как добрый товарищ, упрашивал меня не давать дальнейшего хода моему решению. После учения пришел ко мне добрый полк[овой] ком[андир] Депрерадович¹²⁹, эск[адронный] ком[андир] и много офицеров уговаривать меня в непринятии слов Уварову в обиду. И как от меня не принимали моего палаша, я объявил, что как во мне обижен мундир, я его не могу носить и подам просьбу к выходу из армии. И точно подал оную, но получил ее с выговором, как поданную не в законном порядке. Я еще прежде рапортовался больным и продолжал это, имея твердое намерение дожидаться сентября и возобновить мою просьбу. Но встретившееся обстоятельство понудило меня рапортоваться здоровым. Прибыл из армии Наполеона из

Испании товарищ мой А. И. Чернышев. Я с ним тогда был дружен, и любопытство о событиях, которым он был свидетелем¹³⁰, возродило во мне желание его посетить. Поехал к нему, сижу, расспрашиваю, как вдруг входит шеф Уваров: скрыться мне не было возможно. Посидев еще немного, я удалился и тут же, чтобы не попасть под законное взыскание, рапортовался здоровым. И, как стоящий ближе всех на очереди, был по приказу полковому назначен на вступление в полковой караул, куда и вступил на другой день. Уваров приехал смотреть манежную езду, я уже стоял в карауле. И как он приехал к манежу с научной стороны, то не ехал мимо меня. По окончании езды он обращается к Депперадовичу и говорит: «Кто у вас в карауле?» — что он дол[жен] был знать по рапортичке дневной, — и говорит: «и вы не заметили, что у него усы?» (которых тогда кирасиры не носили) «Я его еще не видел, — отвечал Депперадович, — но уверяю, что Волконский примерн[ый] у нас офицер, строго соблюдает форму». «Увидим, — отвечал Уваров, — и вас и его уличу». Во время сего разговора Колычев¹³¹, товарищ мой, ускользнул из манежа и прибежал с вестью сказанного ко мне. У меня точно в слабом виде усов был пушок на губе, я взял у кавалерг[арда] что-то похожее на бритву, выскоблил с болью усы и, когда подошел Уваров, отдал ему честь, и он остался в дураках, а Депперадович за меня восторжествовал. Этот длинный рассказ поместил *in extenso*^{32*} не то, чтоб он был интересен, но как доказательство, как мы были щекотливы в сношениях наших с начальниками и какая была у нас товарищеская связь.

Еще несколько слов о нашем товарищеском быте. Кавалергардский полк выходил тогда на травяное продовольств[ие] лошадей на шесть недель, и в течение такой стоянки офицеры жили артелями. Помню, что в один год оной мы жили пятеро вместе: Чернышев, два Каблуковы¹³², князь Лопухин и я. Для нашего жилья мы занимали сарай крестьянский, довольно удобно нами убранный. Мы носили еще тогда пудру; в Новой деревне мы могли не пудриться, но, въезжая в город, надо было пудриться. У четырех из нас это происходило без больших сборов, часто и на чистом воздухе, кое-как, но у Чернышева это было государственное общественное дело, и как

^{36*} Столь пространно (лат.).

при пудрени его головы просто происходил туман пудренный, то для охранения нас от этого тумана и в угоду ему отведена была ему изба для этого великого для него занятия, высоко им ценимого. Чтоб — не в обиду ему быть сказано — на пустой его голове пудра на волосы легла ровными слоями. И как не сказать, что тогда, как и впоследствии, пускать пыль в глаза и то чужими руками было главным для него делом.

На следующий год или прежде вышесказанного, что я не упомню, во время травяного продовольствия я жил с Луниным уже не в Новой деревне, а на Черной речке напротив Строганова сада¹³³, где мы наняли красивые избышки, обе ряд[ом] с дачей Бахарата¹³⁴.

Мы оба были большие повесы, да и вправду сказать, и не только молодежь, но и прочие товарищи, даже и эскадронные командиры, любили и пошалить и покутить. Вот несколько подробностей о нашей шумной жизни.

Лунин и я жили на Черной речке вместе. Кроме нами занимаемой избы на берегу Черной речки против нашего помещения была палатка, при которой были два живые на цепи медведя, да у нас девять собак. Сожительство этих животных, пугавших всех прохожих и проезжих, немало беспокоило их и пугало их тем более, что одна из собак была приучена по слову, тихо ей сказанному: «Бонапарт» — кинуться на прохожего и сорвать с него шапку или шляпу. Мы этим часто забавлялись, к крайнему неудовольствию прохожих, а наши медведи пугали проезжих. В один день мы вздумали среди белого дня пускать фейерверк. В соседстве нашем жил граф Виктор Павлович Кочубей¹³⁵, и с ним жила тетка его, Наталья Кирилловна Загряжская¹³⁶, весьма умная женщина, которая пугалась и наших собак и медведей. Пугаясь фейерверка и беспокоясь, она прислала нам сказать, что фейерверки только пускаются, когда смеркнется, а мы отвечали ее посланному, что нам любо пускать их среди белого дня и что каждый имеет у себя право делать что хочет. Эта старая чопорная и несносливая женщина хотела на нас жаловаться, но граф ее удержал из снисхождения и даже защитил нас от негодования старухи.

В другой раз в вечернюю общую программу вечером мы, по научению принца Бирона¹³⁷, нашего сослуживца, вздумали для забавы гуляющей в тот день девицы Луниной¹³⁸, за которой он волочился, дать ей неожиданную

серенаду. И вот вся наша шумная ватага, каждый с инструментом, на котором он умел играть, вскарабкались на деревья, которыми обсажена была речка, и загудели поднебесный концерт, к крайнему неожиданному прохожего общества.

В другой раз мы вздумали дать серенаду императрице Елизавете Алексеевне, которую вся молодежь любила, особенно от горькой семейной ее жизни с императором¹³⁹. Мы взяли две лодки, взяли с собой на чем умели играть и из Новой деревни, где было наше соединение, поплыли против Каменного острова, где было пребывание государя и императрицы, и загудели серенаду, но, увидевши, что с потешной флотилии на нас пустили двенадцативесельный катер, мы успели приплыть в устье Черной речки, и как наши лодки были мелководные, то катер по мелководью не мог нас достичь, и мы, выскочив из наших лодок, дай бог ноги, и тем кончилось безнаказанно наше похождение.

На Черной речке жил также товарищ мой по полку Валуев, малый, любивший кутеж. Он дал товарищам кутежный обед, который продолжался и ужином. Все мы были очень грузны и когда заметили, что один из наших эскадронных командиров тишком ускользнул из среди нас, то решено было его воротить. И некоторые из нас, как мы были уже полураздетые, сев без седел на лошадей, и я в том числе, пустились за ним. Этот эскадронный командир Александр Львович Давыдов¹⁴⁰, женатый, жил на даче на Карповке. Мы пустились во весь скач за ним, и, как с Строгановского моста запрещено было прямо ездить чрез Дворцовый двор, мы, несмотря на это, пустились чрез него во весь скач и уж далеко были, когда пустились за нами вдогонку. Приехав на дачу Давыдова, там уже все спали, и нам сказали, что Давыдов уже в спальней своей жены. Нас это не остановило и общим криком «давайте нам беглеца, он наш» вынудили Давыдова выйти и по усиленной его просьбе, заставя его просить у нас прощение, оставили его в покое и уже круговым объездом воротились продолжать наш кутеж.

Этого рода кутежи довольно часто возобновлялись. Помню, что, по какому случаю, я не упомяну, был полный обед в Новой деревне. На оном присутствовал и полковой наш командир Николай Иванович Депрерадович. Шам-

панское лилось рекой. Обыкновение было не ставить шампанское, но ставить ящики под стол (*à discrétion*)^{37*}. Обед продолжался долго, и zelo все нагрузились и зачали все ловкостью в прыганье отличать, и в том числе и Депрерадович. Об этом упоминаю тип нашего тогдашнего времени: в служебном отношении строгая субординация, но вне оной все равны.

Около того же времени было весьма смешное обстоятельство, и вот об оном рассказ. На Каменном острове, на набережной, против дворца стояли померанцевые деревья. На одном созревали апельсины, и в сдаче часовому было сдано, чтоб охранять их от кражи. Один из этих апельсинов свалился от зрелости. Часовой объявил об этом ефрейтору, этот — караульному офицеру, тот — дежурному по караулу Скарятину¹⁴¹, человеку весьма тупому умом. Скарятин, полагая себя очистить от всякой ответственности, не рассудив, что в упадке с дерева апельсина небольшая беда, и это было уже в позднее вечернее время, пошел прямо к государю и велел о себе доложить, как с донесением о важном деле. Император принял его, он подходит к нему и говорит: «Государь, пришел донести вам о случившейся большой беде». — «Что ж это?» — спросил государь. — «Не смею доложить, но в этом я не виноват». — «Но что ж это?» — с нетерпением возразил государь. — «Апельсин...» — «Не понимаю!» — «Апельсин, отданный в сдачу, свалился». — «Пошел вон, дурак!» Обстоятель[ства] этого разговора приняли гласность, и Скарятин иначе не называли между сослуживцами его и молодежью, как Скарятин-апельсин. И от стыда всего этого он вышел в отставку. И нечего сказать, не отличался умом.

Но довольно об этих рассказах; и опять лично обращу к рассказам более занимательным.

Вслед за войной 1806 года и 1807 открылась шведская кампания. Был назначен главнокомандующим Буксгевден, тот самый, который был отрешен от командования корпусом после Пултусского сражения. Неудачное окончание кампании Беннигсеном дало Буксгевдену ход служебный. Мне по ходатайству зятя моего предложено было быть при нем адъютантом, но по независимости моих мнений и почитая эту войну несправедливою, я отказался от пред-

^{37*} Сколько угодно, вволю (фр.).

ложенного мне служения и много от моего упрямства потерял в выгодах в служебном отношении.

Объявление войны имело причиной скрытою то, что король шведский по заключении Тильзитского мира возвратил государю орден св. Андрея, которым был украшен, из негодования на этот мир. Явная же высказанная причина — это по мосту пограничному на реке, разграничивающему оба государства, и которого половина была раскрашена русскими цветами, а шведы выкрасили своими¹⁴².

Войска были сосредоточены, война была объявлена. Армия перешла границу, и превосходства численностью нашей армии заставило шведов отступить. Не быв участником в этой войне, без личных впечатлений рассказ мой или был неверен или отголосок реляций, которые часто поэтические творения. Притом эта кампания описана довольно верно Бутурлиным, а особенно замечательны приложения¹⁴³. И поэтому ограничусь кратким изложением происшествий кампании, [которая], сколько припомню, продолжалась два года. Первый оплот, перед которым мы остановились, это^{38*144}. Осада этой крепости правильным образом задержала бы нас долго, да притом нашему флоту по случаю разрыва с Англией не было доступно обложение со стороны моря, и продолжать движение, не овладев крепостью, к которой доступ с моря был открыт, было бы опасно. Кошелек лучше подействовал, нежели бомбы и ядра¹⁴⁵, и крепость сдалась, и дана возможность армии продолжать наступательное движение. Подробностей оно не упомяну, но, кажется, не был государь доволен распоряжениями Буксгевдена, и он заменен был Кноррингом¹⁴⁶. Сколь мне помнится, в то время возымело гласность письмо Буксгевдена графу Аракчееву, тогда министру военному; письмо, почитаемое дерзким, но по сущности довольно справедливое¹⁴⁷. Главнокомандующего Кнорринга, буде не ошибаюсь, сменил Барклай де Толли. Причина отозвания Кнорринга была, сколько помнится, слабое его здоровье, но отчасти и медленность в военных движениях.

Из замечательных битв были Куортанская и Оровайская¹⁴⁸, открывшие путь военной славы Раевскому и Кульневу¹⁴⁹ и честь удачи, неправильно приписанной гр[афу] Ник[олаю] Мих[айловичу] Каменскому¹⁵⁰. Было дело

^{38*} Здесь в рукописи пропуск слова.

хоть неудачное, но делающее честь русскому войску, не упомяну имени местности, но где г[енерал]-м[айор] Булатов окруженный, с горстью русских, отчаянно защищался, но по превосходству неприятеля должен был сдать-ся¹⁵¹. Король шведс[кий]¹⁵², когда представили ему Булатова плененного и израненного, велел ему возвратить шпагу и сказал: «Такие храбрецы, как вы, генерал, не должны быть лишены шпаги — их чести». Было также удачное дело под начальством графа Шувалова¹⁵³ в северной Финляндии, а где, не упомяну. Была жаркая схватка в Або, в котор[ой] город пострадал от дозволения г[енерал]-м[айора] Демидова Петровского полка солдатам, которого он был шеф, грабить из мести, что полк был прежде выгнан из города¹⁵⁴.

Было блистательное движение наступательное легкого отряда, составленного наскоро в Петербурге из нескольких гвардейских полков под командою князя Михаила Петровича Долгорукого, но, к несчастью, при совершении которого положил жизнь Долгорукий, обещавший много армии и России, человек образованный, с сердцем и душой. Его тело было привезено в Петербург, и государь, при котором он был ген[ерал]-адъ[ютантом], сам присутствовал при похоронах, произведенных со всею военной почестью. В числе погребального конвоя было два эскадр[она] кавалергардов, и я в числе офицеров оных, и мне утешительно было воздавать последний долг тому, которого знал на боевых полях, тому, который не раз оказывал мне расположение.

Этой кампании замечательный подвиг — это переход по льду войск чрез Ботнический залив, движение, которое по смелости можно бы назвать дерзким, если не было бы ознаменовано удачей¹⁵⁵. Хотя Ботнический залив сплошь замерзал, но достаточно даже не очень сильного ветра, чтоб разбить лед, и переход чрез довольно пространную ледяную степь — дело трудное, но совершено было с полным успехом, и наши знамена водружены были на чисто шведский берег.

Этим военным подвигом кончилась шведская война, было заключено перемирие и впоследствии Фридрихсгамский мир, которым великое княжество Финляндское присоединено к России¹⁵⁶.

В течение войны с Финляндией русское войско не раз приобрело славу. Все начальники и подчиненные напере-

рыв старались исполнить свой долг, как бы по предчувствию, что придется им вскоре выказать свои дарования при защите отечества. Перечислить всех, хотя их подвиги это бы заслуживали, не в силах по давности времени, но как не упомянуть о Багратионе, о Раевском, о Кульневе, которых имена на многие поколения врезаны в сердцах каждого русского.

После этого краткого очерка финляндск[ой] кампании опять обращаюсь к личному моему быту.

Слишком шумная, скажу даже, буйная моя жизнь в кругу товарищей моих и, я полагаю, склонность к влюбчивости и всегда с желанием, несмотря на мою еще молодость, жениться и всегда не с расчетом по этому предмету матери моей, внушили ей мысль предложить съездить в Оренбург, где отец мой управлял этим краем. Независимость служебная, семейная была мне по сердцу (как теперь уже не для меня в дряхлых летах, но для родины, для соотечественников) — не могли хоть на временный промежуток [не] прельстить меня: я же любил, уважал отца и с радостью согласился на предложение и, снабженный деньгами, взял отпуск и поскакал в Москву, где пробыл восемь дней, и это время провел приятно и в семействе брата моего, жившего тогда там в отставке¹⁵⁷, и весело в кругу, многих семейств, с которыми познакомился, как с родственниками товарищей моих по службе, или современной молодежью петербургской. В это время познакомился я в доме Прасковьи Юрьевны Кологривовой, матери по первому браку, с однополчанами моими — князьями Гагариными, Федором и Василием^{39*}. В этом семействе были их сестры, княжны Вера, Надежда, Софья и Любовь, первые две — красавицы, две последние также довольно хорошенькие и все четыре весьма милые¹⁵⁸. С князем Федором мы остались и даже теперь, с 1807 по 1859 г[од], в тесной дружбе. Дом Кологривовых был средоточием всей молодежи, как жительствующей в Москве, так и прибывающей из Питера. Привлечением всем был радушный образ жизни нараспашку, должен даже сказать, и слишком таков, в соображении с предрассудками того и даже нынешнего времени. Я выразил «предрассудки», потому что, несмотря на несоблюдение господствующих предрассудков при последующем замужестве

^{39*} Следует читать: матери, по первому браку, однополчан моих.

всех четырех княжен, они, все четыре, были примерные жены.

В кратковременное мое пребывание в Москве я не успел еще влюбиться, чему и сам удивляюсь.

В это же пребывание в Москве я посещал родную мою тетку, сестру моей матери, вышедшую замуж за бывшего моего наставника барона Каленберга¹⁵⁹. Тетка моя была отроду одержима болезнью, и, несмотря на это и на зрелые лета, против воли моей матери, ее сестры, вышла замуж за барона Каленберга. Он сохранил ко мне, как бывший мой наставник, сердечное расположение, и как болезненное положение тетки и зрелые лета обоих не давали им надежды иметь детей, они оба хотели и предлагали мне быть их наследником. Но я почел себе обидой это исключительное назначение в ущерб родным моим братьям и восстал против этого предложения и навлек на себя негодование тетки, которая впоследствии отказала хоть крохи размотанного имения сестре моей в ущерб нам, ее братьям. Впоследствии опять было обстоятельство, о котором буду говорить, в котором сестра уже мне одному причинила подобный ущерб¹⁶⁰, но в ныне упоминаемом ущербе не виню свое действие. Совесть моя чиста была перед братьями, а когда совесть чиста, то дорожишь этим. Сестра тогда и впоследствии иначе это понимала и дела[ла], я сделал то, что должен был.

Здесь помещу рассказ о подобном же обстоятельстве по предмету надела мне и брату моему Никите¹⁶¹, отказа по духовной другой моей тетки, Анны Семеновны Олениной¹⁶², сестры моего отца, имения, ею благоприобретенного,— в ущерб родному ее сыну¹⁶³. По этой духовной имение в несколько сот душ отказала она отцу моему с тем, что[бы] впоследствии он отдал в надел брату Никите и мне. Отец принял это наследство, но мы с братом, движимые нашей совестью, почли несправедливостью лишить сына наследства, и хотя отец принял имение во владение, но мы с братом дали этому сыну Алексею Николаевичу Оленину тайком от отца акт, что при случае смерти нашего отца мы передаем ему, сыну покойной тетки, во владение нам отказанное имение. Мы это сделали по убеждению нашей совести в справедливости нашего действия. И даже теперь по прошествии более пятидесяти лет, при стесненных обстоятельствах

моего быта денежного и такого же детей моих, все-таки говорю себе, что я хорошо сделал.

Наконец я выехал из Москвы в сопутствии с братом Николаем. Это было зимою, снежный путь прекрасный пролегал через Нижний. Сутки остановились в Казани, где я завербовал в сослуживцы Башмакова (Евлампия)¹⁶⁴, и, наконец, приехали к отцу в Оренбург.

Добрый наш старик принял нас с обычною его любовью к своим детям. Старый воин Екатерининского времени радовался нашим рассказам о тех кампаниях, в которых мы участвовали. Брат приобрел себе доброе имя блистательной его атакой с двумя кавалергардскими эскадронами в Аустерлице, хотя сам-девятнадцать с офицерами попали в плен, но все раненые. Я же ему рассказывал все, чему был свидетелем в войне 1806 и 1807 годов. Старик нас лелеял, радовался нами.

Об обществе оренбургском замечательного нечего сказать. Там я встретился с атаманом оренбург[ского] войска ген[ерал]-май[ором] Углицким¹⁶⁵, некогда защищавшим и отстаившим Оренбург от Пугачева¹⁶⁶, и еще живо мое впечатление о старике Николае Ивановиче Тимашеве¹⁶⁷. Эта личность осталась во мне в памяти по общему уважению, которым он пользовался в этом крае, — добродетельностью и независимостью.

При отце были Ген[ерального] шта[ба] полков[ник] Струков¹⁶⁸, бранд-майор Очкин¹⁶⁹ — люди дельные, и майор Ермолаев, заведующий управлением иррегулярных войск¹⁷⁰. Этот Ермолаев выслужился из писарей, человек бойкий, практичный, в особенности для своих выгод. Три военных губер[натора] ехали на воеводство в этот край с тем, чтобы его при приезде сменить, и в том числе и отец мой, но все три, обвороженные им, оставляли его, хоть и знали о его взяточничестве — но как живую хроникю этого тогда вовсе неустроенного управления.

Срок моего отпуска приближался, я должен был выехать и поскакал чрез Казань, взяв там завербованного мною Башмакова, и прибыл в Москву, где получил я весть от матери, что я назначен в штаб вновь назначенного главнокомандующего молдавской армии графа Николая Михайловича Каменского^{40*}.

Неожиданное мое назначение волонтером при новом

^{40*} В оригинале ошибочно: Николай Николаевич.

главнокомандующем армии молдавской было следствием попечения моей матери, как я полагаю, и, вероятно, из убеждения, что образ жизни моей в Петербурге и расположение к влюбчивости мне не в пользу. Предшествующее мое служение при Михаил[ле] Федот[овиче] Каменском было как бы вводный лист от отца к сыну. В то же время назначен был и прежний мой товарищ при Михаил[ле] Федот[овиче] однополчанин Валуев.

Я этого товарища уже нашел в Москве, и сговорились вместе ехать к новому назначению. Граф Николай Михайлович еще не был выехавшим из Петербурга, но вскоре приехал в Москву. Мы к нему явились и получили приказание, как он заедет в Орловскую губер[нию] к отцу, чтоб спустя несколько дней ехать за ним вслед в Бухарест, где была Главная квартира молдавской армии. Эта отсрочка была нам обоим, как говорится, по нутру. Повеселившись еще несколько дней в белокаменной, озаботившись всем, что нам нужно было запастись, мы пустились в путь, оба мечтая только заслужить егорьевские кресты. Путешествие наше до Михновки было, можно сказать, безостановочно, но в этом местечке квартировал с Литовским уланским полком полков[ник] Тутолмин¹⁷¹, наш знакомый, петерб[ургский] гуляка, добрый малый. Он сторожил всех приезжих в армию, зазвал нас к себе, задал нам пир горой — яствами и напитками, и мы отправились от него весьма грузными от угощения, доехали без остановок до Днестра, переехали границу Бессарабии, еще не состоящей в границах России¹⁷², и, наконец, прибыли в Яссы, где мы думали застать графа Каменского.

В Яссах начальствовал тогда граф Ланжерон, командир корпуса¹⁷³. Нам надо бы было к нему явиться, но там же имел пребывание князь Василий Юрьевич Долгоруков, знакомый наш по войне 1806 и 1807 годов, который командовал дивизией, в составе армии состоящей. Он нас уверил, что нам нечего, как состоящим в свите главнокомандующего, являться к Ланжерону, зазвал нас к себе, и мы у него прокутили целые сутки — и пустились в путь в Бухарест.

Прием графа был для нас неожиданным, и получили мы от него порядочную трепку за несоблюдение должного порядка в лице старшего во время нашего проезда через Яссы.

Во время пребывания нашего в Бухаресте обязанность

наша была дежурить по очереди с прочими товарищами у графа. В это время я возобновил мое знакомство с Закревским, который играл, по доверенности графа к нему, уже значительную роль. И сделал знакомство с другим его адъютантом Небольсиным¹⁷⁴. Первый, хотя в большой милости, но оставался тот же, что с начала нашего знакомства был, другой же чванился своим приближенным бытом и всей свитой графа был нелюбим. Свита графа была многочисленна как с прибывшими, так и оставшимися от прежнего главнокомандующего князя Багратиона. Ежедневно у Каменского был большой обеденный стол, куда поставлено было всем являться. Но кроме этого и дежурств, наш быт был довольно вольный.

Как это обыкновенно случается, мне и Валуеву надали рекомендательных писем и к графу и к тамошним русским и молдаванам. Но мы письма на имя графа не отдали, потому что, по нашему мнению, глупо и неловко почти сказать: «люби нас по словам других». К молдаванам же имел письма Валуев — от бывшего князя молдавского Ипсиланти¹⁷⁵, но как он при объявлении одного из этих писем просил денег взаймы, которых ему не дали, то он уж другие не отдавал и впоследствии морочил своих знакомых, уверяя, что это любовные письма, а писаны на молдавском языке — некому было проверить его хвастовство.

Хоть и выехали из Питера, но ни Валуев, ни я не остепенились и были записные повесы: кутили, играли и так далее^{41*}. Мы были поставлены на квартире к боярину Роллети¹⁷⁶. У него было два сына, записные дураки, и две премиленькие дочери. За этими мы стали приволакиваться, но неудачно для нас, а мы, высмотрев, что они не так строги к каким-то молдаванам, высторожили это и привели отца и братьев на данное ночное свидание. Просто скажу о сем теперь — подлая штука, и мы так насолили нашему хозяину, что в следующем годе, прибыв опять в армию и во время зимовых квартир, одного просил Роллети, чтоб меня не ставили к нему на квартиру, хотя Валуев не был в армии.

Я выше сказал, что Каменский сменил Багратиона, для пояснения некоторых последующих обстоятельств должен хоть вкратце выказать причину этой смены.

^{41*} Далее до конца абзаца в предыдущих изданиях опущено.

Князь Багратион, уже в штаб-офицерском чине заслуживший благосклонное воззрение Суворова, в екатерининскую войну в Польше и при Павле в Италии, приобрел заслуженную репутацию при военных действиях 1805 и 1806 годов против французов и в таковом же действии в шведской войне в Финляндии, был назначен преемником Прозоровского¹⁷⁷ в командо[вании] молдавской армией. Двухлетнее его начальство не было отмечено никакими значительными успехами, а управление его хозяйственной частью армии и краем, занимаемым нашими войсками, в которых все злоупотребления не были искоренены и которых был главой прежний управляющий канцелярией, чиновник Безак^{42*178}, бывший при Прозоровском и удержанный Багратионом, было поводом отрешения его от командования и назначения Каменского¹⁷⁹.

Новый главнокомандующий был человек крутой, он тем начал, что отрешил Безака, занялся дельно внутренним устройством армии и края — весьма дельно, но особенно в крае, мерами довольно жесткими, может быть, и необходимыми для искоренения злоупотреблений. Армия была усилена двумя пехотными, одной кавалерий[ской] дивизией, и его бдительными распоряжениями армия была поставлена в отличное устройство.

В отношении управления краем, бывшим, можно сказать, на откупе у Безака, порядок был устроен. И, между прочим, помню я, что приведен к нему был один исправник из Молдавии, уличенный в злоупотреблениях. Он велел его телесно наказать в присутствии своем нагайками, и когда вистеар¹⁸⁰ Валахии (президент управления этого края)...^{43*} хотел умиловить графа, сказав ему, что этот исправник из бояр третьего класса, то он ему отвечал: «жаль, что не первого класса, а то бы наказан был бы мною тем же, но в три раза более». Конечно, действие и слова жестокие, но оправдываются отчасти существующими злоупотреблениями. Безнаказанность провиантских чиновников, подлежащих разбору местных комиссий, может быть, возродила все злоупотребления, оказавшиеся в Крымской кампании в решении дела при Николае¹⁸¹ в Крыму.

^{42*} В оригинале здесь и далее ошибочно: Безок.

^{43*} В рукописи вопросительный знак — вероятно, автор хотел вставить имя вистеара.

Со времени прибытия Каменского армия, как я выше сказал, внутренним устройством, запасами, численностью поставлена была на отличную военную ногу, и все войска были стянуты к Дунаю против Гирсова, а отдельный корпус под начальством ген[ерал]-лейт[енанта] Засса¹⁸² в Малой Валахии против Виддина. Против Гирсова предположено сделать переправу чрез Дунай.

Сколько мне помнится, это наступательное движение предпринято около половины или в начале мая. Все средства для оного были заранее устроены, и как на нашем берегу доступ к водам Дуная был довольно топок, то на протяжении довольно великом были устроены стланы и насыпи. Стланы были из фашичника¹⁸³, и меня, как жителя севера и не бывавшего еще на юге, немало удивило, что весь этот фашичник был сделан из кустов шиповника, в большом количестве тут произрастающего. Шиповник, которым только красятся сады петербургские.

Главнокомандующий со всей Главной квартирой, и я в том числе, прибыли к Бухаресту, к месту, назначенному для переправы, которая производилась в присутствии главнокомандующ[его]. Первый переправился Кульнев с авангардом, потом вся армия вслед. На Дунае был устроен понтонный мост. Переправа учинена почти без боя. Турки, занимающие весьма худо укрепленный замок Гирсовский, сдались ли без бою или искали спасения без бою, не упомяну, и вся армия и все тягости продовольственные и снаряды твердою ногою стали на правый берег Дуная. Тут ли или в другом месте переправился корпус, назначенный к отдельному действию при устье Дуная, состоящий под начальством графа Сергея Михайловича¹⁸⁴, родного брата главн[окомандующего], не упомяну. Вслед за переправой за Дунай началось общее наступательное движение. Главная армия — к Силистрии, отдель[ный] корпус Сергея Михайловича к Базарджику^{44*}, а Зассу велено было занять остров против Виддина и обложить при возможности и Виддин, более для наблюдений, нежели для осады.

Не излишним считаю пояснить здесь, что при начале этой кампании по берегу турецкого Дуная не было главной армии турецкой, начинающей только собираться около Шумлы под предводительством визиря¹⁸⁵, а все береговые

^{14*} В оригинале здесь и далее: Базарчук.

крепости были заняты пашами, которые при вводе предположенных султаном Селимом¹⁸⁶ нововведений и принадлежащие к старой турецкой партии были в числе непокорных, и каждый представлял отдельного властителя. В Базарджике был Пегливан, в Силистрии — Елик-Оглу, в Рушуке и Виддине не упомяну кто¹⁸⁷. Каждый из этих пашей, как магометане и верные сыны пророка, — враги христианские и готовы состязаться с нами, но общего плана защиты у них не было.

Первые и весьма счастливые стычки были у гр[афа] Сер[гея] Мих[айловича] под Базарджиком. У Пегливана, прославившегося наездника, силы войск состояли из кавалерии, а пехоту составили одни жители города и сбегавшие туда жители из окрестностей. Пегливан встретил вне города наши войска, завязался бой, но стройные наши дружины всякого рода войск и превосходство нашей артиллерии, каковой, помню, у турок почти вовсе не было, обратили турок в бегство, и наши войска вошли в Базарджик почти по пятам неприятеля, и честь этого дела должно приписать Моск[овскому] гренадерскому полку, который первый бросился на вал. А вскоре и другие войска обладали оным. Пегливан заперся в мечети, долго и упорно защищался, но москов[ские] гренадеры и мечетью и им живым обладали. Блистательное дело не может быть приписано распоряжениям гр[афа] Сер[гея] Михайл[овича], ни даже отрядным командирам, а просто следствие удачного случая и храбрости моск[овских] гренадеров и господ штаб- и обер-офиц[еров] этого полка, хотя реляции об этом деле выставили многих, вовсе чуждых к успеху, начиная с самого графа. В память и честь этого дела для г[оспод] оф[ицеров] и генер[алов] был установлен золотой знак отличия под названием Базарджикский, а для нижних чинов — сереб[ряная] медаль, и оба эти знака получили все участвовавшие и бывшие в строю в этом деле. Графу Серге[ю] Михайл[овичу] и многим другим генер[алам] даны были награды и штаб- и обер-офицерам также, а графу просто с неба свалился второй Георгий, которого он вовсе не заслужил и впоследствии явно доказал свою ничтожность в военном деле.

Это удачное событие происходило в то время, что мы продвигались к Силистрии. Главная армия стала позицией верстах в пяти от города, а корпус графа Лан-

жерона, подкрепленный некоторыми отрядами из главн[ой] армии, обложил Силистрию в довольно близком расстоянии, и постепенно осадные работы подвигались так, что в весьма короткое время устроены были бреш-батареи¹⁸⁸ по обычным правилам осады крепости и несмотря на канонаду из крепости.

Во время обложения крепости было одно обстоятельство, доказывающее, как часто отвага может ознаменована быть удачей, и хоть не в славу русского оружия, потому что этот *coup de main*^{45*} был произведен турками, я его расскажу. Вот он: Джаур-Ассан¹⁸⁹, приближенный и один из сподвижников Елик-Оглу, был с отрядом в поисках в то время, как наши войска обложили город, но он решился во что бы то ни стало с отрядом своим ворваться в город и участвовать в защите. Хотя бдительный Кульнев стоял с аванг[ардом] по дороге к Шумле, хотя другие наши отряды по всем следующим дорогам к Силистрии охраняли всякий доступ к этому городу, но Джаур-Ассан успел прокрасться и внезапно ночью прорвался чрез стоящий на левом нашем фланге Арзамас[ский] драгунский полк и удачно, без большой потери вступил в город. Конечно, удачность этого подвига можно приписать оплошности командира полка г[енерал]-ма[йора] Хрущова¹⁹⁰, но все-таки надо отдать честь смелости Джаур-Ассана.

Я выше сказал, что бреш-батареи уже действовали равномерно, Силистрию громили и с левого берега Дуная. Наша артиллерия действовала отлично, и во многих местах были причинены пожары и значительные взрывы порохового погреба в цитадели. Прежде, нежели дать штурм, решено было взойти в переговоры о добровольной сдаче крепости. Во время продолжавшихся переговоров все готовилось к штурму, и это припоминает мне выходку Ланжерона. Я при нем находился откомандированным из Главн[ой] кварт[ире] волонтером и, мечтающий сорвать на штурме Георгие[вский] крест, заговорил с ним о штурме. При этом разговоре и при обещании его меня послать с охотниками этот славлюбивый француз мне сказал: «Oh, je sais comment enthousiasmer le soldat russe, et je donnerai avant l'assaut un ordre du jour très

^{45*} Смелый маневр (фр.).

laconique: коли, граби et блуди, — oui, ma foi, блуди — et je suis sûr de la réussite»^{46*}

Слава богу, его не было [при] штурме, что собственно для себя я очень сожалею, но при роде наставления, предположенного Ланжероном, бог весть, произошла какая-либо сумятица, а правилом коренным для удачи штурма надо, чтоб до обладания городом строго держать их от разброда, а уже потом дозволить им, как говорят солдаты, потешиться и то ненадолго. Хоть и это обещание бесчеловечно, но иногда должно быть дозволено и единственно при штурмах, где каждый житель — враг в защите.

Переговоры о сдаче Силистрии были увенчаны успехом, и Елик-Оглу согласился сдать крепость с свободным выпуском его и войск и с обещанием не служить против нас ни ему, ни гарнизону Силистрии. При заключении условий я был послан в Силистрию для получения ключей города и знамен войсковых. Но с крайним удивлением выслушали мое требование. Ключей от города не было и знамен также, поелику гарнизон состоял не из войск, призванных под знамена, а наемного всякого сброда отложившимися пашами. А в Петербург при реляции о сдаче крепости надо было послать ключи и знамена, и для этого [на] несколько часов отложили отправление курьера, и взяты были ключи, может быть, от каких-либо погребов и амбаров, и наделаны были знамена из разного тряпья и посланы в Петербург. И теперь оные красуются в трофеях, вывешенных в Казанской церкви. Не могу не сказать, что странно по-моему, что в церкви христовой вывешиваются эти действия, столь противные кротости учения и правил милосердия нашего искупителя.

Взятие Силистрии было приобретение значительное и тем более оценено, что Румянцев-Задунайский¹⁹¹ не успел во взятии оной, и Силистрия называлась целкой. За взятие Силистрии Каменский получил андреев[скую] ленту, имея от роду только 32 года, но поистине сказать, не только что он не участвовал личными распоряжениями при обложении и осаде крепости, не только чтоб хоть раз

^{46*} О, я знаю, как воодушевить русского солдата, и я перед приступом отдам совсем короткий приказ: ...и ...да, честное слово... и я уверен в успехе (фр.).

обозреть нашу позицию и работы осадные и взглянуть хоть издалека на средства обороны крепости, хоть не понохавши пороха, как говорится, «на благородной дистанции», он со времени обложения крепости до самой сдачи оной не выезжал из отдаленного от нашего обложения города на пять верст позиции, в которой почти был один лагерь Главной квартиры, потому что почти все были при обложении Силистрии или в разных отдельных отрядах, настороже стоящих против турок, которые под предводительством визиря уже собрались в укрепленный лагерь под Шумлой.

Осада Силистрии была в половине на перемене мая, в самое время поспелости черешни, и мы, жители севера, напали на это раннее для нас лакомство. Наш лагерь был в садах жителей Силистрии, и мы, чтоб не иметь труда влезать на черешневые деревья, чтоб рвать плоды, рубили их на корню и притаскивали к своим палаткам — вандализм, [за] который до сих пор себя упрекаю.

По вступлению нашему в Силистрию главнокомандующий, оставя там гарнизон и предписав привести в оборонительное положение частью поврежденные неприятельские укрепления и уничтожение наших осадных работ, двинулся уже со всеми войсками, при осаде Силистрии находившимися, к Шумле. Сколько помнится, мы сделали три перехода, незначительные стычки были только у авангарда, которым командовал Кульнев, с разъездами турок из Шумлы. Сильный отряд, занявший Базарджик, состоящий под начальством гр. Сергея Михайловича Каменского, получил также приказание идти прямым от него направлением на Шумлу же. Отправив наблюдательный из пехоты, артиллерии и кавалерии отряд к Варне, и этот отряд был отдан гр[афом] Сер[геем] Мих[айловичем] под начальство ген[ерал]-м[айора] Цызырева¹⁹².

Позабыл я упомянуть, что когда мы переходили Дунай в Гирсове, особенный отряд перешел эту реку против Туртукая. Им командовал г[енерал]-м[айор] Андрей Павлович Засс. Успешно переправившись чрез реку, он сейчас распорядился о штурме Туртукая, но слабый гарнизон этого укрепления в ту же ночь отступил, и наши штурмовые колонны взошли в оный, не встретив обороны, и это подало повод в кругу молодежи, весьма нерасположенной к главнокомандующему, к следующему куплету:

On leur donne la chasse^{47*}.
On n'y trouve que des souris
On occupe la place
Tourtoutoukaï par Zass est conquis

Ежели я упоминаю об этом, это для того, чтобы дать очерк направления умов — общего нерасположения, которое впоследствии выражалось при каждом случае, было причиной гонения разных лиц и, наконец, выразилось преследованием и меня, что впоследствии объясню.

Хотя занятие Туртукая было, как я упомянул, весьма мирное, но при переправе, при занятии острова на Дунае, было блистательное дело. Для занятия этого острова был составлен отряд под командою адъютанта Засса капит [ана] Красовского¹⁹³, что он исполнил в жарком бою отлично, и это дело дало первую огласку его имени, впоследствии не раз упоминаемого с отличием. Отряду Засса, усиленному войсками, было приказано обложить Рушуж, а другому, не упомяну под чьим начальством, обложить против Рушука стоящую крепость Журжу¹⁹⁴.

Прежде нежели описывать наши военные действия под Шумлой, чтоб потом не прерывать рассказ об оных, обращусь к отряду Цызырева под Варной. Этот отряд успешно и без дальних военных действий прибыл под Варну. Командующему там паше было Цызыревым объявлено о сдаче крепости, и он под влиянием падших в наши руки крепостей Базарджика, Туртукая и Силистрии согласился на предложение, но с военным выходом гарнизона. Но Цызырев, руководствуясь отданным по армии приказом, чтоб в случае сдачи на капитуляцию крепостей не иначе соглашаться, как с условием гарнизону военнопленным, отправил гонца к главнокомандующему. (Приобретение Варны был столь важный пункт, как порт на Черном море, владение которым обеспечивало нам возможность всех подвозов для армии.) Цызыреву было приказано согласиться на всякие условия, лишь бы Варна сдалась. Но в промежуток времени паша опомнился и отказался от всяких переговоров о сдаче. Неприобретение Варны имело весьма значительные последствия на последующие обстоя-

47*

Туртукай захвачен Зассом.
В крепость вступают,
Находят там лишь мышей
И устраивают на них охоту (фр.).

тельства кампании, и этот случай, где Цызырев слепо повиновался данному приказанию, не рассудив, что отступление от частных правил во уважение явных благоприятных последствий указывает, что общие [правила] без пояснения экстренных казусов могут быть вредны и что предоставляется отдельному начальнику при явных выгодах отступить от данных общих распоряжений.

Говоря о Цызыреве, я, не сказавший ни прежде, ни в этом случае в пользу свою доброго суждения, не могу умолчать о его находчивости в свою пользу. Это было, кажется, при штурме Очакова или Измаила, еще при Екатерине. После штурма было предоставлено нижним чинам высказать, кто из офицеров, шедших в голове колонн штурмовых, более отличился. Удачно Цызырев этим воспользовался. Было приказано на другой день отобрать от нижних чинов эту аттестацию. В предшествующую ночь этому дню, ночью, Цызырев ходил позади палаток в лагере и твердил: «Ай да Цызырев, вот уж молодец Цызырев, да кто же храбрее Цызырева», а у уставших от штурма солдат, не вышедших из палаток, остались в памяти эти возгласы — и при отобрании аттестации имя Цызырева между прочими, истинно отличившимися, также было упомянуто, и он был награжден орденом Георгия 4-го класса. Это было мне рассказано и имело гласность, как переданное обстоятельство его товарищами в то время. И весьма правдоподобно, потому что ныне и впоследствии он вообще почитался не храбрым воином.

Как я выше сказал, общее движение армии [было] предназначено к наступательному действию против Шумлы, и она явилась пред оною.

Я не помню, сколько маршей армия шла от Силистрии до Шумлы, кажется, трое или четыре суток. В продолжение этих переходов не были значительные встречи с неприятелем. Переходная местность была сплошная лесная, и турки, пользуясь оной, мелкими отрядами, не противодействуя сплошному движению нашей армии, имея полное знание этой местности, в тылу армии нашей нападали на отсталых, на отсталые обозы без прикрытий, наносили отдельный незначительный урон.

Накануне того дня, как мы подступили под Шумлу, ночлег армии был в несколько верст от оной. Армия с раннего утра подступала к этому городу. Нельзя оно назвать крепостью даже в образе турецкого устройства;

это была более укрепленная позиция (camp fortifié), устроенная по советам французского генерала Себастиана¹⁹⁵, обзревшего эту местность за несколько лет ранее по поручению Наполеона, который был тогда в союзе с турецким правительством.

Армия подступила к Шумловской позиции в боевом порядке, впереди которой был авангард под начальством Кульнева. Прочие корпуса вслед за оным заняли назначенные им по ордеру баталии¹⁹⁶ места. Вместе с этим движением корпус графа Сергея Михайловича Каменского, столь удачно занявшего Базарджик и взявшего в плен Пегливана пашу, как это выше было объяснено, в то же время подступил к Шумле и в общей позиции составлял левый фланг нашей армии.

В первый день нашего подступления к Шумле завязалось жаркое дело между авангардом и турками, при котором была блистательная атака Белорусского и Александровского полков, отразивших отчаянный натиск турок. Молодые гусары занялись преследованием турок почти под самые укрепления турецкие. Зоркий глаз Кульнева дал сигнал отступлению, и гусары, следуя сигналу, отретировались поэскадронно шахматным порядком так стройно, как бы это был маневр на Царицынском поле.

В этот же день, сколько помню, по распоряжению главнокомандующего была занята высота, укрепленная на левом фланге позиции турецкой. Это бойкое дело было произведено храбрыми пехотными полками Шлиссельбургским и другим, которого не упомяну, но первой бригадой 7-й дивизии под начальством князя Василия Сергеевича Трубецкого¹⁹⁷. Занятие этой высоты весьма было значительно, потому что эта высота в связи с общими укреплениями шумловскими могла бы быть весьма значительна последствием.

Визирь, главнокомандующий турецкой армии, понял всю важность этой потери и, не помню, на другой ли день или спустя несколько дней, силится отобрать ее от нас. Завязалось весьма горячее дело, но наш храбрый отряд удержал эту местность за собой, хотя претерпел значительный урон людьми.

Наш главнокомандующий, оценивая всю важность удержания этой высоты за нами, хотел положить конец попыткам турок обратно эту высоту приобрести, приказал дивизиям Раевского и Левиза¹⁹⁸, обойдя с тылу эту вы-

соту, дебушировать чрез ущелье между этой высотой и остальной частью турецких шумловских укреплений и тем, став там твердою ногой, обеспечить владения за нами этой высоты. Это движение по местности, заросшей колючим кустарником, и по тесности самого ущелья не возымело надеждащего успеха. Местность не позволяла стройного движения, а только рассыпным строем, в котором по известности неприятелю местности, можно сказать, каждой тропинки, все было в пользу неприятеля, а массы наших войск претерпевали весьма большой урон от артиллерии турецкой с укреплениями их. Вероятно бы, можно было отвлечь настойчивость турок от этого пункта общим движением по всей нашей линии, но это не было сделано.

Главнокомандующий, получа донесение о неудачном ходе дела, по обычному вспыльчивому его характеру приписывал это к нераспорядительности частных там начальствующих и хотел лично обозреть и распорядиться и принял намерение прибыть на место битвы, но на половине поезда туда какая-то шальная пуля турецкая слегка коснулась руки его адъютанта Небольсина, который вообразил, что он ранен. Этот случай переменял намерение Каменского. Приписать ли это к чувству самосохранения или к какому-либо другому началу, но он возвратился, не посетив место битвы, веденной, по его мнению, неправильно, и даже приказал отступить и Раевскому и Левизу, но как потом последовало жаркое объяснение между сим и Каменским, который был весьма желчный человек, даже скажу, злопамятный, он возымел ненависть на Раевского и тогда как испытанные военные дарования сего последнего могли быть с пользою употреблены на поприще текущих военных действий, хотя и под предлогом поручения высшего по званию места, назначил его командующим войсками в Молдавии и Валахии вне военных действий армии.

Не могу утаить, что общее мнение между молодыми людьми штаба главнокомандующего было, что он придерживался к чувству самосохранения своей особы. Под этим впечатлением находился и я, и два другие, а именно: флигель-адъютант Ламсдорф¹⁹⁹ и таковой же граф Крюсольд^{48*200}. Все мы трое угнетены были мыслию, что главнокомандующий на усиленные наши просьбы не отде-

^{48*} В рукописи ошибочно: Крюсоль.

лял нас от своей особы, можно сказать, не давал нам возможности и понюхать порох и иметь случай отличиться. Это чувство заставило нас тайком ускользнуть на аванпостную схватку. Особенно Ламсдорф лез вперед, приехавший из Питера, который при любовном отчаянии только и мыслил о сыскании смерти. Крюсольд же и я не столь горячо совались вперед, подвижны были частью любопытством, частью и военным порывом. Но мой добрый Ламсдорф так и лез вперед, и все мы были слишком плохие ездоки, чтоб поверстаться с турецкими наездниками. К счастью Ламсдорфа пуля турецкая попала мне в направлении груди, но как я был в бурке и разрезом назад, то пуля ослабла в действии и, не пробив даже бурку, но, однако, сильную дало мне контузию в грудь, и я, полагая, что был ранен напролет, повернул лошадь и поскакал назад. Товарищ мой за мной вслед, чтоб дать мне пособие, но оказалась одна контузия. Если я об этом ничтожном происшествии упоминаю, это чтоб высказать странное требование главнокомандующего: себя и всю его свиту держать постоянно вне выстрела, так что мы не смели даже упоминать, что были на перестрелке и я что был оконтужен — для избежания нагоняя.

Во время нашей стоянки против Шумлы, стоянки, которая продолжалась несколько недель, было несколько довольно горячих стычек, но не на полном развитии нашей линии, а более от наступательных движений турок, которые, однако ж, всегда были отражаемы.

Помню одну стычку, при которой на 28 егерс[кий] полк громада турецкой кавалерии ринулась, но каре стойко выдержало этот натиск и батальным огнем и действием картечным из пушек, которые были по флангам. И стойкость полка и начальника оного, полковника Корнилова²⁰¹, обратили вспять весьма дружный натиск неприятеля.

Как я выше сказал, общего наступательного движения всей армии не было. Все ограничивалось частными довольно частыми стычками, особенно ночными, при сооружении то наших, то неприятельских редутов, и с нашей стороны поисками пресекать подвоз снарядов и продовольствия от Балканов, иногда удачных, но не всегда достигнутых.

Главнокомандующий, узнав, что идет довольно сильный отряд войск в подкрепление турецкой армии, расположенной в Шумле, составил отряд под командою генерала Воинова²⁰² и другой под командою Левиза, и таким

образом с левого и с правого фланга нашей позиции эти два отряда, обогнув Шумлу, пришли к самой подошве Балкана. Что делалось у Левиза, мне неизвестно, но я был прикомандирован волонтером к Воинovu, и в памяти моей действие этого отряда. Мы подошли к Ески-Стамбулу, расположенному при выходе Камчика из Балканского ущелья, но удостоверились из следов по пути, что отряд турецкий прошел, не встретивши или предваривши наш приход. То же, как слышно, было и с отрядом Левиза.

Наш отряд состоял из трех полков пехоты и, кажется, двух полков кавалерии и двух полков казаков донских, и эти под командою храброго Сысоева²⁰³. Не менее отважный Воинов с казаками понесся вперед, но в самом ущелье мы встретили отряд, не полагаю значительный, турок, которые вытеснили из оногo уже туда вторгнувших[ся] казаков, а прочие войска наши еще не достигли этого пункта, и вынуждены были казаки отступить. Сысоев, недовольный оттиском своих казаков, тут же в деле и под свистом пуль ссадил с коней несколько из них и велел их за трусость наказывать нагайками и этим удержал стройность оттиска и тем дал возможность всему отряду подойти. Турки, увидавшие нашу пехоту, обратились вспять и были преследуемы, но по тропинкам, им известным, совершенно скрылись из наших глаз, и мы без боя и всякого сопротивления вдались всем отрядом в ущелье Балканское против Ески-Стамбула и, может, вникнули в оную от десяти до пятнадцати верст. Но другого пути не было, как самое русло Камчика, весьма мелкого в то время года, но текущего с необычной быстротой. И наши орудия и ящики переезжали по скалистому грунту то на правый, то на левый материк русла. И я очень помню, что патронные ящики не так крепко окованные, как орудия и зарядные ящики, более на половину оказалась в колесах порчь и едва вытащены при нашем отступлении, не вынужденном неприятелем, а потому, что наше движение, имевшее только целью остановить подвоз выказанный, а не общее наступательное движение,—дальнейшее тут пребывание не имело цели и даже было для отряда опасно по довольной отдаленности от главной армии и по поиску, который мог сделать на наш отряд визирь из Шумлы.

Как доказательство молодечества тогдашнего поколения, расскажу частный опыт оногo. В нашей армии служил ген[ерал]-майор, некий француз, выходец из армии

Наполеона Ансельм Жибори²⁰⁴, и вышел спор: кто далее вникнет в черту, занимаемую турками. Явились многие состязателями этого поиска, и к чести Жибури за ним осталась честь. Тут же вслед за этим предложил известный в армии молодец — наездник казачий, полковник Сысоев, который предложил следующее — это проскакать, обогнув с тыла, занятый турками редут. Установлено было пари, и Сысоев на борзom коне взял свою нагайку, известную под названием атаманки (в оконечности которой была пуля), пустился и мигом исполнил им предложенное, и цел и невредим, несмотря на пустившихся за ним вдогонку турецких наездников, явился к своим.

Тут приходит мне на память другой эпизод, хотя не тогдашнего времени, но мне рассказанный очевидцами. Это было за несколько лет до времени общего современного моего рассказа, в то время, когда главнокомандующим был Михельсон²⁰⁵, и во время осады Измаила. В армии был шефом Стародубского драгунского полка генерал Воинов, он был племянник Михельсона. При всякой стычке, при вылазке турецкой кавалерии драгуны были всегда прогоняемы турецкой кавалерией, и это было всегда поводом насмешек Михельсона над его племянником. Воинов хотел сделать перелом в нравственном отношении командуемого им полка и, заметив, что донские казаки удачно всегда прогоняли турок, попросил казачьего полковника ссудить его на несколько часов казачьими мундирами и вооружением и в этом маскараде пустил свой полк на вылазку турецкой кавалерии. Те же драгуны, которые никогда не уставали против натиска турок, отлично отразили их, и с тех пор стародубы уже в их мундирах всегда отлично прогоняли турок. Это происшествие доказывает, как посторонние казусы имеют влияние на удачу в военном действии.

Неудачные обстоятельства наших военных действий против Шумлы, распространившие в нашей армии кровавые поносы от невыгодной стоянки и качества воды, и господствующий принцип в главнокомандующем — нестойкость характера при неудаче склонили его переменить свой план кампании и, оставя обсервационный корпус в нескольких верстах от Шумлы в выгодной позиции под команду графа Ланжерона, со всею армиею отступить и идти к Рушуку, который был осаждаем генералом Зассом.

Наше шествие к Рушуку было мирное, в течение этого движения ничего в военном отношении не происходило. Но вот рассказ одного случившегося частного происшествия. На одном марше поражены мы были зрелищем трех наших нижних чинов, посаженных на кол и которых трупы уже сгнили. Это так разъярило Каменского, что он дал себе слово первых турецких пленных подвергнуть этой истязательной смерти. К несчастью, тут же случилось, что привели трех пленных турок. Сказанное и было исполнено, и этих несчастных посадили на кол. Эта смерть весьма мучительна: сажают на кол человека в отверстие гузна^{49*}, и тяжесть самого тела всаживает кол более и более во внутренность тела, приступ смерти весьма продолжительный и мучения неимоверные. До сих пор, когда вспоминаю об этом зрелище, сердце содрогается. Есть *pro u contra dans le droit de représailles*^{50*}, иногда необходимо, но принять это без крайней нужды надо избегать, и в описанном случае это было возможно, даже скажу, обязательно, ибо нареченные жертвы не были деятели первого злодеяния.

Армия прибыла под Рушук, который уже с самого перехода чрез Дунай был по малочисленности отряда Засса слабо обложен. Прибытие главной армии дало возможность тесно обложить крепость, и начались правильные осадные работы и производились с успехом. Первая, вторая и, наконец, третья параллель были постепенно произведены окончательно, и, наконец, устроены бреш-батареи и *сап-волант*^{51*}.

У нас на Дунае были речные вооруженные флотилии. и как против Рушука была на левом берегу Дуная занятая же турками крепость Журжа, то для пресечения сообщений части флотилии предназначено было пройти между двумя крепостями для возможности прекратить всякое сообщение между ними. Черноморские казаки вооруженные лодки пронеслись без большой потери, можно сказать, вихрем, но наши канонерские лодки не так удачно, и, сколько помнится, три лодки были взяты в плен.

^{49*} От слова «сажают» до «и тяжесть» исключено в предшествующих изданиях.

^{50*} За и против (лат.) в праве возмездия (фр.).

^{51*} Транскрибирован французский военный термин *sape-volante*—временный ход сообщения.

Как скоро третья параллель была устроена, началось бомбардирование, но большой ошибкой было, что это бомбардирование не было рассчитано так, чтоб загромить продолжительно город этой стрельбой и тем не дать отдыху, опомниться. Подвоз осадных снарядов был медленный, и этим бомбардированием тешился только Каменский. Он обыкновенно поутру выходил из своей ставки с трубкой в руках и сигнальной пушки офицеру говорил: «Пока я буду курить, давайте сигналы». А по каждому сигнальному удару из всех орудий, стоявших в батареях, делали три выстрела. Повторяю, это была потеха по натуре злomu человеку, а не полезное распоряжение начальника. Я сам не раз, быв дежурным при графе, был сослушателем его слов и свидетелем сказанного. Мне очень помнится, как начальник артиллерии в армии генерал Раевский при каждом вовсе не рассудительном таком бомбардировании за спиною графа оказывал неодобрение. Каждый заряд из осадных большого калибра орудий приходился с доставкой до 250 руб[лей] ассигнациями. Бомбардирование наносит для осаждающего выгоду, когда оное постоянным производством оного продолжительным образом безостановочно, сутки или несколько дней, наводит страх разрушением, моральным впечатлением на жителей и гарнизон. Но вышеозначенное потешное производство оного без надлежащих последствий не имеет тех последствий.

После заложения и окончательного устройства третьей параллели были заложены бреш-батареи и *sape-volante*. Осадные работы производились под руководством инженерного генерала Гартинга²⁰⁶, который заверил, что действие бреш-батарей так было удачно, что ров неприятельского вала так был завален, что он лично видел, что при побеге чрез оный собаки он постоянно видел хвост оной. Это приводит мне на память шуточное слово графа Ланжерона (который после довольно удачного отбоя натиска визиря на него под занимаемой им, Ланжероном, позицией при Шумле присоединился к осадной армии). Вот это шуточное словцо: «Генерал Гартинг пороху не боится, повторяю, пороху не боится, но он его не выдумал». Эти слова — мерило инженерного достоинства этого лица.

Главкомандующий, увлеченный желанием покрыть неудачу его действий под Шумлой и хотел покрыть эту

неудачу блистательным подвигом, решил произвести штурм Рушука.

Но прежде описания одного отсрочу рассказ об оном повествованием одного происшествия, дающего меру злости характера главнокомандующего. Был взят пленный турок при случайной вылазке неприятеля. Граф хотел узнать, под каким впечатлением находится турецкий гарнизон, велел подвергнуть его вопросам по этому предмету. Турок по свойственному фанатизму турок упорно отказывался что-либо объяснить об этом. Это было донесено графу, и для понуждения пленного высказать то, что от него требовалось, не достигаемого никакими угрозами, вот злодейская мера, им придуманная. Это было в самые знойные времена июля месяца, в какое время мил. ларды насекомых просто подвергали их жалами мучению всякого. Он велел донага раздеть этого пленного, вымазать его медом и в таком виде выставить его на мучение действия комаров. Но каковы ни были претерпеваемые мучения этого пленного, не дождался от него никакого объяснения. Рассказываю об этом как опыте стойкости турка и зверства главнокомандующего.

Приготовления к штурму дружно производились; готовялись штурмовые лестницы, производилось в отдаленности от лагеря при нарочито устроенных валах примерное производство или упражнение для нижних чинов штурмового натиска, давались наставления о производстве оного. Кажется, приняты были все меры для удачного совершения оного, и все в армии ждали с нетерпением рокового дня производства оного.

За давностью времени, как пишу сии мои записки, не упомяну числа того дня, в который он был произведен²⁰⁷. Диспозиция к производству штурма была объявлена начальникам предназначенных колонн; войско, хоть не знало именно, когда оное приведется в действие, но ожидало с нетерпением производства оного. Накануне этого дня вызваны были охотники, которые должны были идти впереди колонн. В числе назначенных на передовую эту атаку из свиты главнокомандующего, и в том числе и я, просились идти с охотниками; было доложено графу, но вместо согласия на это назначение мы получили выговор и нам был объявлен решительный отказ. А двое из наших товарищей, не объявивших желанья быть в охотниках, назначены были в оные, и оба положили там свою жизнь.

Накануне этого рокового дня было при вечерней зоре объявлено в лагере, что будет штурм перед рассветом на другой день. С обычными словами, воспламеняющими при этих случаях войско, в особенности было подтверждено войску — при овладении поверхности вала не идти далее, а ждать вторичного сигнального выстрела, чтобы двинуть отряд во внутрь города. Эта мера, полезная для предохранения разброда, с другой стороны имеет дурные последствия. Штурмовая удача зависит от увлечения, и останавливать ход оной — останавливать удачу окончательную, как мы это увидим из повествования подробностей этого штурма. Это понимал знаменитый Суворов, и потому и пал перед ним Измаил.

Конечно, горькие для человечества последствия резни жителей в штурмовом завладении города, но неудача штурма подвергает также неминуемо и чрезвычайному урону штурмовавшее войско. Для предупреждения излишней резни в городе дело начальников уметь остановить эту резню, когда окончательно уже завладеи город, а для предохранения от внезапного нападения на разбродившие войска — иметь под рукой стройные резервы, удерживаемые начальничьим словом и строгостью военной дисциплины в их стройности.

Говоря о случайности штурма: к этому военному решению дозволяется приступать тогда только, как обстоятельствами исключительными это необходимо для выигрывания времени для избежания угрожающего натиска с тыла. В прочих случаях ограничиваться надо для обладания крепостью вести правильную осаду, при которой, смотря по состоянию крепостных укреплений и по способам, имеющимся к производству осады, можно назначить день и можно сказать час, в который крепость должна сдаться.

Обращаюсь теперь к повествованию подробностей рущукского штурма.

Не упомяну, какого числа, но это было в июле месяце, предназначен штурм. Главная атака назначена была с нашего правого фланга и с центра, а финальная атака с левого фланга. Расписание штурмовых колонн и начальники оных, вероятно, означены в военных официальных донесениях и в последующих летописях. Я же покажу только отдельные эпизоды, которых я был лично свидетель. Колоннам штурмовым было приказано двинуться четверть

часа перед утренней зарей, чтобы еще в темноте успеть приблизиться тайком к валу и поставить лестницу к оному, и это сделано было успешно. Храбрая наша рать ринулась на приступ, но лестницы оказались короткими, так что для преодоления вышины вала наши вырывали себе места, чтоб уставить ноги, и один чрез плечи другого так добирались до верху.

Несмотря на эти затруднения, все колонны охотников впереди оглавили вал (*couvrir le rempart*). В колонне под начальством графа Сиверса, хотя охотники овершили вал, но колонна, состоящая из двух полков пехотных, кажется, Нижегородского и другого, которого имя не упомяну²⁰⁸, замялась. Охотники все, как офицеры, так и нижние чины, все были артиллеристы. И чтоб ясно дать понятие о претерпенной ими потере, скажу, что из 21 офицеров 11 ранено, 9 убито и только один вышел невредим. Другая колонна, одна из центральных, бывшая под командою князя Алексея Григорьевича Щербатова²⁰⁹, состоящая из Литовского и Вятского полков, также замялась и выдала на жертву охотников, которые успели стать твердой ногой на вал и после были до едина или убиты или взяты в плен. Кроме короткости лестниц в неудаче овладения валом было еще одно обстоятельство моральное, это то, что в голове колонн поставлены были полки, понесшие урон и неудачу в Браиловском штурме или потерявшие свои знамена в предшествующую французскую кампанию. Пословица русская говорит: «*Пуганая ворона и куста боится*», и можно применить и к войску: дружины, претерпевшие урон, не надо ставить вперед, но, напротив того, увлечь при совместном действии уже испытанных полков. Вышеозначенным полкам хотели дать случай поправить свою репутацию, и вышло совсем противное.

Главкомандующий со всей его свитой был во второй параллели осадных работ и как явно уже видел неудачу, бесился и рвал себе бакенбарды, что у него был признак неудовольствия. Войскам им даны были приказания идти вперед, но как штурм есть при удаче минутное дело, при неудаче — бесполезно упрячиться, чем только удешевитишь потерю свою, а успеха не добьешься. Я был свидетелем, как граф Сиверс, подсакав к главнокомандующему, сказал ему: «Граф, велите бить отбой, мы понапрасну теряем людей, моя колонна нейдет вперед, несмотря что охотники взошли на вал». — «Не идет ваша

колонна, — возразил граф, — потому что начальники не дают пример». — «Граф, — сказал ему в ответ Сиверс, — я вам покажу, что я умею умереть, посмотрите на мою фуражку, она уже в двух местах прострелена. Прощайте, граф, я вам покажу, что Сиверсу не можно сказать два раза то, что вы мне выразили». И точно, поскакал к колонне и пал, простреленный несколькими пулями. Сиверса жалела вся армия, в нем видели будущего главнокомандующего армии. Он все соединял в себе: ученость, храбрость и популярность.

В другой колонне, где также замялись полки, от неудачи такой восстал беспорядок, что при понуждении офицерами нижних чинов идти вперед наши сажали на штыки своих офицеров. Это обстоятельство скрыто, но оно мне рассказано очевидцем.

День вполне уже освещал, а наша колонна не подавалась ни вперед, ни взад. А турки, кроме нанесенного урона нашим фланговой стрельбой, спускали с валу камни и лили горячими веществами, так что наш урон минуту от минуты становился значительным.

Наконец, главнокомандующий велел ударить отбой, но претерпели невероятный урон. Полки были выводимы субалтерн-офицерами, потому что ротные батальонные и шефы полков или были убиты или раненые выбыли из фрунта.

Счастье наше было, что турецкий гарнизон не сделал вылазки сейчас по отбитии произведенного нами штурма. Я был послан к войскам, под начальством г[енерал]-адъютанта Уварова состоящим, с приказанием от глав[о]команд[ующего] и убедился в его словах, что всего у него в отряде оставалось только две роты Шлисельбургского полка в резерве, не употребленных при штурме. Вероятно, и в других колоннах и вовсе резерва не состояло. При вылазке турок неминуемо нельзя было бы дать им отпор, и не только осадные орудия, по роду их бывшие без упряжи, но и вся полевая артиллерия попала бы в их руки, потому что лошади из-под них паслись в 15 вер[стах] от лагеря. При понесении потери при штурме мудрено было бы собрать стройное войско для отпора преследованию. Мы были на правом берегу Дуная, при отступлении надо было бы перейти на левый берег, а единственный устроенный мост на Дунае был в Туртукае, в 30 верст[ах], если не более, от Рушука. Оплошность

турок спасла нас от беды неминуемой. Потеря наша при штурме из 14 000 войск состояла из 7600 нижних чинов и 400 ген[ералов], шт[аб-] и обер-офицеров из фрунтовых. Неимоверная численность из войск, стоящих под Рушуком, число убитых и раненых офицеров. Хвалебная песнь их храбрости и исполнению их обязанностей боевых.

На другой день штурма было заключено перемирие на 24 часа для уборки наших тел, которые положительно запружили ров в пунктах штурма. Турки с высоты вала радовались этой картине по чувству их фанатизма и народности, а мы с горьким чувством исполнили последний долг над павшими. Многих знакомых, друзей недосчитывалось, и вся армия, можно сказать, оплакивала заедино графа Сиверса, всеми отделами войска любимого, уважаемого, погибшего по причине нанесенного ему оскорбления, незаслуженного упрека; а в графе Сиверсе видели впереди, можно сказать, главнокомандующего по его дарованиям военным.

После неудачного штурма осада Рушука обратилась в блокаду, и до конца второй трети августа месяца ничего не происходило замечательного. Неудовольствие главнокомандующего обратилось на тех лиц, которые позволяли себе порочить его действия, распоряжения, может быть, неосторожно выясненные, но основные в их начале. Независимая молодежь собиралась у графа Павла Александр[овича] Строганова²¹⁰ и князя Василия Сергеевича Трубецкого и судила и рядила, каждый по-своему. Это все дошло до графа Каменск[ого], и он полагал укротить эти все толки мерами строгости против Строганова и Трубецкого и обоим дал приказание выехать из армии в Петербург. Мы же, молодежь, остались под опальным надзором, и надо мной и товарищем моим Валуевым это негодование впоследствии, как увидим, разразилось.

Я выше пояснил, что до истечения второй трети августа при блокаде Рушука ничего замечательного не происходило. Но граф, узнав, что сильный в 25 000 корпус турецких войск идет к Рушуку с целью освободить от обложения оного нами, и получив значительное в собственной армии подкрепление, решил идти навстречу этому корпусу, приходящему с верховья Дуная. Под Рушуком оставлен был весь лагерь вполне, а графу Ланжерону было приказано с оставленным ему войском растянуться по всему лагерю, делать фальшивые атаки незначительные

и стараться шумом в лагере подать сомнение, что главная часть войск отошла, и на всем пространстве лагеря еженочно раскладывать те же огни и днем тоже, как бы варились везде кашицы.

Главкомандующий же с отборным и стройным войском скрытно от неприятеля, засевшего в Рущуке, двинулся к Батину, где турки заняли позицию и укрепил[ись], по их обыкновению, лагерем в связи с отдельными редутами, ими довольно смышлено для обороны устроенными.

Передовые отряды обозрели позицию заранее. Лагерь был на высотах в самом близком расстоянии от Дуная. Первые попытки передовых отрядов были овладеть подошвой этих гор, чему способствовало содействие нашей флотилии. 25-го августа вся армия подошла от Батина в весьма близком расстоянии и произведена была усиленная рекогносцировка, а 26-го с раннего утра началась атака на всем протяжении. Позиция турок не позволяла без пресечения вести атаку. Правый наш фланг по роду местности был отдален от центра и левого фланга, действующих совокупно расстоянием несколько верст (от 3 до 4-х), как помнится. Правым флангом атаки командовал граф Сергей Михайлович Каменский, а левый и центр состояли под личным предводительств[ом] главнокомандующего. Атака правого фланга была ключ нашего натиска, центр предполагался резервом, а левый фланг имел назначение способствовать натиску правого фланга и воспрепятствовать отступлению неприятеля на свою коммуникационную линию.

Атака правого фланга началась очень удачно: несколько редутов были взяты с бою нашею пехотою штыковым боем, и честь этого успеха распоряжениям и личному примеру Донского войска г[енерал]-л[ейтенанту] Павлу Дмитриевичу Иловайскому, храброму, сметливому и распорядительному начальнику²¹¹. Граф же Сергей Михайлович вне огня и в бездействии оставался при резерве его отряда. Но, к несчастью, Иловайский был тяжело ранен (от каковой раны он впоследствии и умер) и выбыл из фрунта. Войска были отбиты от штурма на сильные еще в этом пункте редуты. Граф Сергей Мих[айлович] донес об успехе первого натиска и, разумеется, приписывая его себе, просил подкрепление для овладения того редута, от которого наши были отбиты. Но главнокоман-

дующий, кажется, из слов Закревского (его адъютанта, в котором он имел полное доверие) узнав и о благородной дистанции, в которой находился от боя его брат, и о числе излишнего войска, державшегося им при себе, меня послал к г[рафу] Сергею Мих[айловичу] с следующим приказанием: «Чтоб граф употребил все войска, в его распоряжении находящиеся, за исключением двух батальонов для прикрытия своей особы и непременно бы овладел незанятым редутом». Я делаю этот добросовестный цитат данного мне приказания к передаче как обстоятельству, не делающему чести ни тому, ни другому. Укор был силен, но чего было ему ожидать от того, которого так верно осуживали.

Как я выше сказал, между правым нашим флангом и центром, откуда я был послан, было расстояние до трех верст и местность ущелистая и гористая, и для верности отдачи данного мне поручения совместно со мной послан был Обресков (впоследствии убитый в Малой Валахии молодцем в охотниках)²¹² в случае, что не удастся одному из нас доехать. Мы оба благополучно исполнили нам данное поручение, но ни наставления, ни выговор, нами переданный, не имели успеха, и редут остался занятым турками.

Во время боя на правом фланге центр наш под личным предводительством главнокомандующего оставался также в бездействии, ограничиваясь пушечной стрельбой из довольно выгодных избранных местностей нашей батареи. На левом же нашем фланге под начальством Кульнева отряд его, состоящий из трех полков пехоты под начальством Сабанеева²¹³ <нрзб.> и, кажется, графа Сен-При²¹⁴, производили атаку на правый фланг позиции турок из местности весьма невыгодной, из подошвы горы ущелья на редут, [который] защищали турки, обвенчающие эту гору. Главнокомандующему с того места, где стоял, возможно было следить за производством атаки. Два раза наша пехота взбиралась почти до подошвы редута, но два раза были отбиты. Издали было видно, как Кульнев и его сподвижники, началь[ники] полков, впереди колонн красовались, но оба раза были отбиты наши. Видя эту неудачу, главнокомандующий решился оставить довольно охранительную свою позицию и прибыть к атакующему отряду. Прибыв, он приказывает Кульневу снова атаковать, а тот увещевает не терять по-пустому лю-

дей, основываясь на том, что уже два раза отбиты, несмотря на стройность натиска, молодечество и войск и начальников. Тогда граф, рассерженный неудачей, сказал Кульневу: «Не удастся, потому что начальники не дают примера».

Вся боевая служба Кульнева противоречила этому упреку, и он, взбешенный этим нареканием, которому ни прежде, ни теперь не мог подвергнуться, отвечал ему: «Граф, вы слишком скоро забываете Куортанэ и Оровайс». Он назвал эти две местности, потому что при них были сражения в Финляндскую войну под начальством графа, и в обоих этих делах, весьма горячих, нельзя было никакой стороне приписать победу, и в ночь, последующую сражению, Каменский начал отступление с места сражения и оставил Кульнева для прикрытия отступления. Но Кульнев на рассвете увидел, что и шведы отступили, и, нимало не медля, по пятам их преследовал и дал знать графу, который со всеми войсками воротился, и отступление шведов сделалось совершенным поражением.

Но обращаюсь к разговору между Каменским и Кульневым, от которого невольно удалился, чтоб объяснить смысл ответа Кульнева. Граф, рассерженный ответом Кульнева, в неистовстве закричал: «Закревский, арестуйте ген[ерала] Кульнева», повторив два или три раза это приказание и с злостью топтав землю под ногами. Кульнев же хладнокровно расстегнул портупею своей сабли и кинул эту саблю к ногам графа, сказал: «Вы можете ее у меня отнять, но уже от вас я ее не приму». И сдержал слово и, несмотря на убеждения Закревского, с ним дружного, на обещание, что граф извинится, никак не согласился. И как это было представлено государю и как обсуждено, мне неизвестно, но Кульнев из шефов Белорусского гусар[ского] полка был назначен шефом Гродненского гусар[ского], который не состоял в Дунайской армии и был расположен на севере России. И в Отечественную войну великими своими подвигами был главным деятелем при начале этой войны в отдельном корпусе г[рафа] Витгенштейна²¹⁵ и положил свою жизнь в Клястицком сражении, в котором почти при последнем выстреле пушечном пораженных французов он получил смертельную рану. Россия потеряла в нем истинного гражданина, армия — вождя, подчиненные — справедливого начальника, а друзья — верного друга. В долговре-

менную мою боевую службу не встречалось мне видеть столь заботливого авангардного начальника. Пользуясь его расположением и часто быв посылаем от главнокомандующего к нему во время нашей стоянки под Шумлой, где ему поручено было наблюдение за передовыми постами по всей линии, я очевидец был, что каждые четверть часа денно и ночью ревизирующие посты передовые прямо к нему прибывали с донесением словесным о их обзоре, и всегда его будили, так мало он себе давал льгот отдохновения. К этому рассказу о личности Кульнева прибавлю еще опыт его твердости духа. Когда под Клястицами он был ранен смертельно и предвидел свой конец и когда его сняли с лошади, он, умирающий на руках своего адъютанта Новосильцева²¹⁶, сказал ему, срывавши сам с шеи кресты орденские: «Возьми их, Новосильцев, чтоб французы не знали, что Кульнев убит».

Я вместил этот рассказ о Кульневе, потому что об этой личности мне не придется говорить в повествовании Отечественной войны, ибо я пишу в моих записках только лишь, чему был сам свидетель, а до перехода чрез Березину корпус графа Витгенштейна не был в связи с главной армией и отрядом от оной, при котором я находился.

Но пора обратиться к Батинскому сражению. В то самое время, как произошел описанный мною разговор между Каменским, бывший отряд под начальством Кульнева и перешедший под начальство Сабанеева снова сделал попытку овладеть тем редутом, от которого два раза был отбит, и с удачею, при содействии другого отряда, направленного главнокомандующим из тех войск, которые были в центре нашей позиции, и при сильном огне с этого же пункта батарей.

Турки, вытесненные нами из их позиции правого их фланга, потерявши всякое соединение с их соплеменниками левого их фланга, решились напрорез искать себе спасение. Этой частью турецких войск, большей частью из албанцев, [командовали] сыновья известного Янинского Али-паши, Мухтар и Вели-паша²¹⁷. Они воспользовались начинающей[ся] темнотою дня и так дружно кинулись напрорез ущелья, отделяющего наш левый фланг и центр, и в то время как-никак не ожидали отчаянного покушения, что не только их кавалерия, но и

часть пехоты успели прорезаться сквозь довольно слабую связь между левым флангом нашим и центром, и как наша кавалерия по роду войск не участвовала в приступе на турецкий лагерь — была в отдаленности — расседланная и кормившая лошадей при коновязях бивачных, то куда приведена в строй, то турки успели далеко уйти, а в дальнюю догонку было по времени дня и опасно малыми отрядами их преследовать, тем более что этот ушедший отряд турецкий был довольно силен.

Наши войска, занявшие редут правого фланга турецк[ой] позиции, и другие войска, посланные из центра нашей линии, заняли эту часть турецкого лагеря, покинутого столь поспешно турками и в котором кроме растянутых палаток оставлены были все их запасы и имущества. Наши молодцы поживились многим, и вот анекдот, которому я был лично свидетелем. Не помню, какого полка пехотного рядовой забрался в одну палатку, вероятно, где помещался войсковой казначей, и сделался хозяином груды мешков с золотой и серебряной монетой. Но вместо того, чтоб воспользоваться один этой несметной для него наживой, он вот как хозяйничал оною. Он поднял полы палатки и призывал всех проходящих в разброе всяких солдат по лагерю и наделял горстями монет каждого, не помня о черном дне, ожидающем русского солдата при отставке, в которой часто он нуждается и насущным днем, и так щедро наделял каждого, что проходивший мимо его ротный командир остановил его расточительность и едва спас в пользу счастливица несколько мешков. Я сказал в пользу этого солдата, но сохранена ли ему остальная его добыча, за это не ручаюсь. Этому происшествию я сам был свидетелем.

Но обращаюсь к повествованию в военном отношении Батинского сражения. Весь лагерь был нами занят, кроме одного редута на левом фланге турецкого лагеря, неудачно штурмованного граф[ом] Сергеем Михайл[овичем] Каменским, в котором столпилось все, что не было взято в плен или не спаслось бегством, прорывом, вышеописанным мною, чрез наш левый фланг, которого редут был окружен нашими войсками для преграды ухода.

На другой день 29 авгу[ста]²¹⁸ паша, командующий в этом редуте и который был главнокомандующим всеми турками, прежде бывшими в турецком лагере, предложил переговоры. Об этом обстоятельстве донесено было глав-

нокомандующему, и он назначил для переговоров дей-
[ствительного] стат[ского] совет[ника] Родофиники-
на^{52*219}, состоящего при нем от Министерства иностран-
ных дел, и велел ему взять переводчика для объяснения
на турецком языке и двух офицеров из его свиты для
присылки к нему в случае могущих встретиться обстоя-
тельств при переговорах. Но положил ему, Родофини-
кину, не переменным правилом, чтоб турки сдались воен-
нопленными.

Родофиникин, в числе двух представленных ему на
выбор военных офицеров, взял меня, и мы, сам-четверт^{53*},
с малым казачьим конвоем из лагеря, где имел пребыва-
ние главнокомандующий, отправились на наш правый
фланг и по объявлении чрез парламентаря, что прислан
для переговоров от главнокомандующего чиновник, были
впущены в редут.

Нас привели в огромную палатку пашинскую, в кото-
рой сидел паша, окруженный своим штабом Я, как можно
судить было, многими штаб- и обер-офицерами его войс-
ка, но палатка была битком набита ими. Полы же
палатки были подняты со всех сторон, и около палатки
толпилось все войско, числящееся в этом ныне редуте.
Я упоминаю об поднятии пол палатки и о участии слу-
шанием всего турецкого гарнизона, как меры азиатской
предосторожности паши, чтоб весь ход переговоров был во
услышании всем и [тем] отстранить от себя ответствен-
ность невыгодного исхода переговоров.

По обычным учтивостям — потчеванием кофеем, ва-
реньями и курением табака начались переговоры, и Ро-
дофиникин, по данной ему инструкции, объявил чрез
переводчика, что единственной и неизменной кондицией —
все здесь находящееся войско должно сдаться безусловно
военнопленным, положив оружие и выдав оное, равно
орудия, запасы, палатки и все, кроме того, что есть
собственность личная — но оружие не в том числе —
комиссарам от русского войска, для оного предназначен-
ным. Родофиникин, хоть не мог выражаться, но понимал
турецкий язык, но я и мой товарищ — ни полслова. По вы-
сказании нашим переводчиком условий во всей окружаю-
щей массе турок мгновенно, как бы от единого лица общий

52* В рукописи здесь и далее: Родофиников.

53* Так в оригинале.

говор, мною не понимаемый, но от которого Родофиник [ин] внезапно побледнел и наш переводчик тоже. И когда уже по заключении конвенции о сдаче я спросил у Родофиники [на], почему он так видимо переменялся в лице, то он мне сказал: «Хорошо вам было, вы не знаете турецкого языка, но я, который могу следить смыслом оногo, понимал общий говор турок. Знаете, что оный выражал по начальству: ведь пленный — раб, а мы не хотим быть рабами у неверных; что они нас пугают штурмом укреплений: у нас есть теперь аманаты²²⁰ — задержать их и вынудить русских для охранения жизни их присланцев дать нам свободный пропуск. И точно, сия манифестация не была успокоительна для тех из наших, кто понимал турецкий язык. Родофиник [ин] чрез переводчика уверял, что военнопленный не есть раб, что до заключения мира хотя их перешлют вовнутрь России, но в край изобильный, не студень, что они там [будут] жить на свободе, под попечительным надзором местных начальств. Что они будут снабжены всеми потребностями жизни и получают поденную плату, ровную той, что в турецком войске получали, а что при заключении мира они будут возвращены на родину, а во время пребывания в России не будут их стеснять ни в их обычаях, ни в отношении обрядов их верования. Такая беспечная будущность усмирила первое негодование массы, и, наконец, всенародно положено было сдаться.

Я и мой товарищ были назначены для получения оружия. Мне было поручено принимать белое оружие, ему — огнестрельное. При каждом из нас был турецкий депутат для соблюдения порядка. Турки гуськом подходили, мы считали численность их, они кидали в кучу оружие и переходили к означенному для конвоирования военнопленных конвою, а нам двум положено было сдать по числу вышедших из редута оружие приемщикам, назначенным для препровождения этого оружия в Сербию для вооружения тамошнего населения, свергнувшего иго турецкое²²¹.

Во время моего поручения о принятии оружия, как уже военные действия в этой местности прекратились, то вольное сообщение вне редута делалось беспрепятственно, и производили торг всего того, что почиталось не военною добычею от турок. В числе этих любопытных многие подъезжали к тому костру, препорученному моему

наблюдению. Без разбора жидались в оный и богатые сабли, ятаганы, разного рода кинжалы и простые. Часто порождалась у меня мысль присвоить себе отличное оружие, но это было бы изменение моему долгу. Многие знакомые подъезжали и просили меня позволить им кое-что выбрать, но я неумолимо каждому, даже приятелям, товарищам [не дал] этим поживиться. Между подъезжающими был ген[ерал]-майор Резвой²²² и настоятельно просил его наделить отличной замеченной им саблей. Сперва я отказывал, но тот так настоятельно просил, и я, из уважения к лицу, сказал ему: «Генерал, у вас висит турецкая сабля, выберите себе любую, а вашу киньте в костер — счет моей сдачи будет верен, а вы получите желанную». И точно, что сказано, то и сделано. Резвой взял отличную саблю, мною счет к сдаче остался верен. Я потом узнал, что он саблю, им взятую, как отлично и богато обделанную, продал за триста червонных.

Трофеи Батинского сражения были сорок пушек, все австрийского литья и на лафетах австрийской фирмы и полное количество к этому числу зарядных, того же дела, ящиков. И в этом случае, как и впоследствии, австрий[ское] правительство нам подпускало черняков. Взято было много знамен, множество палаток, и из сдавшегося редута поступило в плен более пяти тысяч турок. Результатом Батинского сражения в военном отношении был знаменитый подвиг, но по сущей правде надо сказать, что число нашей артиллерии было впятеро [больше].

После Батинского сражения армия в целом составе возвратилась под Рушук и опять стала в позициях, прежде ею занимаемых, но осада крепости обратилась просто в обложение оной. Тут прекращается рассказ мой о военных действиях, и вот оному причина.

Главкомандующий, имев сведение и улики чрез своих лазутчиков, что есть лица в армии, которые дозволяют себе обсуживать его действие и распоряжения, и желая освободить себя от этого, дал предписание, чтоб выехали из армии, графу Павлу Александровичу Строганову и князю Василию Сергеевичу Трубецкому, считавши их как главою недовольных, или, лучше сказать, тех, которые по независимости их мнений дозволили себе обслуживать его (оба были генералы и, по положению

своему, имели связи в Петербурге и при дворе). И в числе изгнанников был я, и впоследствии за мною и товарищу моему Валуеву.

В одно утро был я потребован к Закревскому и получил извещение, что я назначен графом для отправления курьером в Петербург. Как не было никаких событий по военным действиям, стоящих отправки экстренного курьера, мне не мудрено было убедиться, что отправление меня курьером было просто изгнание из армии, но, хоть и невыгодно могло быть для меня в служебном отношении это изгнание, я радовался оному — так скучен и нестерпим был мне мой быт. Принялся к распоряжениям о моем выезде, вовсе незавидном в том отношении, что приеду в Петербург не как вестник какого-либо удачного военного действия, но как выжитый, все-таки я радовался моему отъезду. Во время моего сбора к отъезду неожиданно вовсе приехал курьер из Малой Валахии и привез несколько трофеев от удачной стычки с турками, и были эти трофеи мне вручены для отвоза к государю, и тем хоть в отношении мнения петербургской публики мой приезд был покрыт какой-то благовидной причиной.

Во время моего пути я встретил фельдъегеря, ехавшего из Петербурга в армию, и, как разумеется, расспрашивал его о новостях столичных, и он, узнав, что я Сергей Волконский, дал мне весть, что я назначен флигель-адъютантом к государю. Эта милость мне воспоследовала по просьбе вел[икой] к[няжны] Екатерины Павловны²²³, по расположению ее к моей матери, при которой она была гофмейстериной. Назначение, которое меня порадовало не только по новому званию, но и тем, что как будто бы покрыло мою опалу по виду высылки из армии.

По врожденному тщеславию в каждом человеке я, при въезде в Петербург, сидя в перекладной, на всеобщее воззрение выказывал знамена и булавы, хоть не мною приобретенные, но в мысли, что выказывание их как будто прикроет вовсе не в мою пользу приезд мой, в сущности, по опальным причинам.

Позабыл сказать, что между Царским и Павловским я встретил в[еликих] к[нязей] Николая и Михаила Павловича²²⁴ во время их прогулки в экипажах (тогда до зимнего времени им[ператрица] Мария Федоровна²²⁵ жила с ними в Павловске и Гатчине, в видах отдаления

их от вредных впечатлений общего быта капральства). Я ехал вихрем как курьер, а они довольно скоро в экипажах, но, несмотря на то, зоркий их врожденный капральский взор при скоротечной встрече со мной заметил, что я в усах, на что по службе моей в кавалергардах я не имел права, и при первой встрече со мной это мне заметили. Как разумеется, до въезда моего в Питер усы мои исчезли под бритвой.

Приехав в Петербург, прямо я поехал от заставы к военному министру Барклаю де Толлю, и до впуска моего к нему в кабинет чиновники дежурные и другие, находящиеся в приемной передовой комнате, расспрашивали меня о сущности привезенных мною сведений из армии и не верили мне, а приписывали осторожности моей мои уклончивые ответы. Впустили меня в кабинет министра, отдал депеши и трофеи и по прочтении их им убедился из его приема, что приехал не с добрым словом о мне.

После этой вовсе не завидной встречи я поехал домой, наскоро переоделся и поехал к матушке, которая тогда имела постоянное пребывание в Аничковском дворце^{54*}. Радостная была встреча и от бесценной моей матери и для сыновних моих чувств; обожаю эту беспримерную мать мою по теплоте чувств и попечению к своим детищам.

Прежде нежели описывать мой быт уже в флигель-адъютантском звании, обращусь к некоторым обстоятельствам полкового нашего быта, как мерило образу мнений и духа, общих между нами. Как ни была строга служебная дисциплина и как ни свято мы исполняли все служебные обязанности, довольно скучные и часто, по их мелочности, довольно тягостные, и исполняли не из страха, а просто как долг при ношении мундира, но в мнениях и суждениях мы были независимы. Вот тому несколько примеров.

1-е. Обыкновенно ежедневно при хорошей погоде в зимнее время все высшее петербургское общество прохаживалось по так называемому в то время Царскому кругу, то есть по Дворцовой набережной, и, минуя Летний сад, по Фонтанке до Аничковского моста и потом по Невскому проспекту обратно до дворца Зимнего. Обыкновенно, от

^{54*} В оригинале: Аническом.

двух до половины четвертого, император то пешком, то в санях посещал прогулкой эту местность. Цвет дам верхнего и иностранного купечества дам, царедворцы всяких категорий и слоев постоянно посещали эту местность. Первые с мыслями обратить на ими выказываемые прелести внимание царя, другие, т[о] е[сть] царедворцы или искатели мест, вытаптывали себе почву к возвышению, милостивого кивания головой, или высокой милости, или словечка, или пожатия руки. Но наше был предмет появления странной дружеской четырех или шести товарищей^{55*}, шедших рядом рука об руку, мы туда являлись, чтобы посмеяться над ищущими приключений и столь дорого ими ценимыми, и частью, чтобы им и царю доказывать, что вне службы мы независимые люди. Понял ли сам это царь или передана ему была довольно гласная и неосторожная наша болтовня, но мы убедились, что царь, издав издав завидев нас, уже к минованию встречи с нами оборачивал голову в другую от нас сторону и не отвечал учтивостью на деланный нами фронт и подвигу руки к шляпе,—и это негодование разразилось неприятностью на нашем полковом командире, которому велел государь сказать чрез шефа нашего и его генерал-адъютанта Уварова, что Депрерадович составил ему не корпус офицеров, но корпус вольнодумцев.

Это весьма нелестное для доброго нашего старика командира [замечание] весьма его огорчило, и он, собрав весь корпус офицеров, передал нам словесно полученный им выговор и с обычною его доброю нам сказал: «Ваш язык — ваш враг» и вместе объявил, что, к сожалению его, полученный им выговор заставил его подать в отставку, хотя он нас любит и уважает. Вслед за сим весь корпус офицеров, за исключением только трех лиц, решили просить Депрерадовича не покидать нас и общей дружиной пошли к нему с просьбой взять ему обратно поданную им просьбу. Старик, тронутый до слез этим общим порывом нашим, отвечал нам, что, подав просьбу, не может лично от себя просить о возврате оной ему. Но тут было решено нами послать к Уварову от корпуса офицеров депутацию с просьбой, чтоб он не давал хода просьбе любимого нами начальника и возвратил бы ему, и в пику тем трем из наших однослуживцев, оставших

^{55*} Так в оригинале.

от нас, их выбрали к посылке к Уварову, в исполнении чего не могли отказаться, а меня послали соглядатаем, чтоб исполнили в точности поручение. Просьба была возвращена, мы поставили на своем, а остальным дали урок.

2-е. Исполняя неуклонно все обязанности службы и тем охраняя себя от служебных взысканий, мы очень были щекотливы насчет служеб[ных] и незаслуженных вспышек начальников. Первые переносили, когда не было в них личной обиды, но по незаслуженным — не только лично каждый, но и весь корпус офицеров умели дать голос отпора.

Теперь обращусь к быту моему как флигель-адъютанта государя. Как скоро я успел натянуть на себя новый мундир, я представился царю. Прием его был весьма сух по причине вышеозначенной моей высылки из армии. Это нерасположение еще более усилилось разными моими шалостями, между прочим двумя обстоятельствами. Одно из них была общая шалость многих современников и сослуживцев. Станислав Потоцкий²²⁶ созвал многих в ресторан обедать, под пьяную руку мы поехали на Крестовский. Это было в зимнее время, был день праздничный, и кучи немцев там были и забавлялись катаньем с гор. Нам пришла мысль подшутить над ними: мы разделились на две шайки и заняли платформу гор и, как садится немец или немка на салазки, толкали салазки из-под них ногой — любители катанья отправлялись с горы уже не на салазках, а на гузне^{56*}. Немцы разбежались и, вероятно, подали жалобу, нас была порядочная ватага, но на мне одном оборвался взыск, и Балашов, тогдашний ген[ерал]-губ[ернатор] петербургский и старший в чине ген[ерал]-ад[ъютант]²²⁷, потребовал меня и объявил мне от имени государя высочайший выговор.

Другая шалость была у меня в доме. Я жил на Мойке в доме матери, в нижнем этаже, при въезде в ворота от пушинского дома²²⁸. На одной лестнице со мной жила француженка, любовница Ивана Алексан[дровича] Нарышкина — обер-церемониймейстера. Я имел причины ему и его жене²²⁹ — *faire une piche*^{57*}. Узнав, что он украл

^{56*} Последнее слово фразы отсутствует в предшествующих изданиях.

^{57*} Сыграть шутку (фр.).

у жены своей собачку комнатную и что он подарил эту собачку своей любовнице, я украл у нее эту собачку с намерением переслать оную Нарышкиной. Aussitôt dit — Aussitôt fait^{58*}, и собака у меня спрятана на отсыле. Но французенка узнала, что она у меня, и прислала какого-то француза вытребовать ее. Явился француз, узнав, что он хочет говорить о собачке, отнекиваюсь, но поганая собачка залаяла в своем запоре и меня выдала в похищении. Француз говорит, qu'il saura défendre les droits de Madame^{59*}, а я ему в ответ, как он смел взойти ко мне без доклада, et que je lui ferai compter les marches de mon escalier^{60*}, закричал: «Люди, в шею этого гологуза»^{61*}. Его вытолкали, но он прямо к Балашову. Подано было все это в дневной записке царю, и меня, бедного Макара, — на три дня комнатного ареста, и, может быть, и был бы больший взыск, но Марья Антоновна²³⁰ выхлопотала, что после трех дней ареста меня выпустили. Но все эти оказии не были мне сручны в мнении о мне государя.

Служба моя дворцовая мало имела значительного, стоящего к повествованию. Тогда не было и 24 флигель-адъютантов, а не сотня и более, как теперь. Многие деловые, как Альбедиль^{62*231}, Кикин²³² и другие, часто имели поручения. Чернышев, Горголи²³³ и брат мой Никита употреблены были по заграничным поездкам, нас на постоянной службе при царе было немного. Как придется дежурить в воскресенье, то посылали дежурного за Коленкуром, послом французским, с сообщением, что государь его ждет для выезда на воскресный парад. Честолюбивый представитель Наполеона выжидал всегда приглашения, но всегда готовый к выезду и никогда не заставлял ждать к докладу и обращался с нами весьма вежливо. У дворца стоял всегда сторожевой, который давал знать, что выехал посол, и тогда государь, уже готовый, спускался с лестницы, и таким образом ни царь видимо его не ждал, ни посол не выжидал царя.

В числе сотоварищей моих по флигель-адъютантству

^{58*} Сказано — сделано (фр.).

^{59*} Что он сумеет защитить права госпожи (фр.).

^{60*} Что я заставляю его пересчитать ступеньки моей лестницы (фр.).

^{61*} Последнее слово исключено в предшествующих изданиях.

^{62*} В рукописи: Албедиль.

ДОМ В ПЕТЕРБУРГЕ НА МОЙКЕ, 12, ГДЕ ЖИЛ
ДЕКАБРИСТ

Фотография 1899 г.

был Александр Христофорович Бенкендорф, и с этого времени были мы сперва довольно знакомы, а впоследствии — в тесной дружбе. Бенкендорф тогда воротился из Парижа при посольстве и, как человек мыслящий и впечатлительный, увидел, какие [услуги] оказывает жандармерия во Франции. Он полагал, что на честных началах, при избрании лиц честных, смысленных, введение этой отрасли соглядатайства может быть полезно и царю и отечеству, приготовил проект о составлении этого управления, пригласил нас, многих его товарищей, вступить в эту когорту, как он называл добромыслящих, и меня в их числе. Проект был представлен, но не утвержден. Эту мысль Ал[ександр] Хр[истофорович] осуществил при восшествии на престол Николая, в полном убеждении, в том я уверен, что действия оной будут для охранения от притеснений, для охранения вовремя от заблуждений. Чистая его душа, светлый его ум имели это в виду, и потом, как изгнанник, я должен сказать, что во все время моей ссылки голубой мундир не был для нас лицами преследователей, а людьми, охраняющими и нас, и всех от преследований²³⁴.

Не могу забыть одного обстоятельства на одном из моих дежурств. Это было при маневрах при Смоленском поле. Маневр представлял отпор английского десанта на эту местность Васильевского острова (Россия была тогда в неприязненных сношениях с Англией вследствие Тильзитского мира)²³⁵. Наши сухопутные войска маневрировали против вымышленного десанта, не было даже флотилии, изображающей английский десант. Авангардом нашим командовал в[еликий] к[нязь] Константин Павлович, главным корпусом — государь. Я был послан к великому князю осведомиться у него, что у него происходит, и получил в ставке: «англичане поражены, едва успевают достигать своих лодок, совершенная победа с нашей стороны, и с нею поздравьте государя». Едва удержался от смеха при этих словах, сказанных с полным убеждением, что все это было, и поневоле должен был передать эту чушь государю.

Многие говорят, что служба флигель-адъютанта весьма близка к царю. Хоть нас не была такая орава, как в последующие и нынешнее царствования, что выбор царя был весьма разборчив и что часто государь говорил, когда просили его о назначении к себе флигель-адъютанта: «оставьте мне то право, которое имеет каждый бригадный генерал, выбирать сам кого хочет себе в адъютанты». Но я скажу по совести, что не только флигель-адъютант, но и ген[ерал]-адъют[ант] не имели того близкого доступа, который многие себе приписывали. Разница в отношении ген[ерал]-адъ[ютанта] и флигель-адъют[анта] к царю лишь была в том, что если есть званый, а не чисто семейный обед, то ген[ерал]-адъют[ант] имеет право обедать за этим столом, а флигель-адъютант нет. При случае какого-либо экстренного доклада или призыва к царю дежурного в обоих случаях проводник сношений этих, т[о] е[сть] входа к царю, это дежурный камердинер. В мою бытность только князь Петр Михай[лович] [Волконский], Федор Петрович Уваров, граф Аракчеев и князь Александр Николаевич Голицын²³⁶ имели право входить во внутренние покои задним коридором, да и они, я полагаю, не обходились [без] доклада чрез камердинера или выжидали выхода царя в уборную или в приемную. В глазах всех, кажется, им было исключительное право, а в настоящем — тот же не прямой доступ. Как ген[ерал]-адъют[ант], так и

флигель-адью[тант], бегающие за выказанием значения, вот что делали: это при выходе царя к посещению вдовствующей императрицы или кому иному во дворце, то караулили царя, и тогда он иных отличал разговором, с ними идя, и обыкновенным предметом этих разговоров были или известные ему любовные связи господ этих, или сплетни петербургского общества, высшего и театрального круга.

Во время моей службы флигель-адью[антом] я увидел, как мелкими услугами царям можно снискать себе их расположение. Алекс[андр] Павлович на балах-маскарадах никогда не начинал, т[о] е[сть] в первой паре, польский. Были из числа военной свиты или из придворных лиц, которые принимали, скажу, даже, с боя брали этот пост и сторожили, с кем танцует государь: если с Марьей Антоновой, то польскому нет конца, при маскарадах обойдут целый круг два раза, если с молоденькой и красивой дамой, то польский делали продолжительным, но если государь ведет какую-либо старуху, взятую им из приличия, то если можно, то польский продолжали полкруга залы и никогда более целого круга.

В течение моей службы дворцовой мало было мною что-либо замечено вон из ряду пустого дворцового быта, кроме того, что объясню.

Во время пребывания принца Ольденбургского, отца мужа Екатерины Павловны²³⁷, квартирующего в Аничковском дворце, в этом дворце вспыхнул огромный пожар. Это было во время представления в театре Эрмитажа. Нам не было известно, по какой причине три раза подходил обер-полицмейстер Горголи и на ухо сообщал государю. Но при третьем сообщении государь что-то на ухо сообщил своей матери и встал и вышел из театра, и вся его военная свита за ним вслед — и тут мы узнали, что распространился пожар в Аничков[ском] дворце. Государь сел в экипаж, и мы все за ним вслед. По прибытии на место большая часть внутренности дворца была вся объята пламенем. Государь сам принял распоряжение об укрощении пожара и разделил между своей свитой охранение частей, еще не объятых огнем. Ген[ерал]-адьютанту Павлу Васильевичу Кутузову²³⁸ был назначен отдел, а я и флиг[ель]-адь[ютант] князь Лопухин были к нему госуд[арем] назначены помощниками. Мы очень

удачно охранили с помощью солдат, прибывших из казарм, вверенный нам отдел, и на другой день нам было объявлено высочайшее благоволение. При прибытии господ[аря] на пожар прибыл и принц Ольденбургский и старший его сын²³⁹, и этот последний с хныканьем извинялся пред государем, что невольно, живя во дворце, они причина пожара. Finissez donc, Monseigneur, ces lamentations, lui dit-il, qu'outre ces pleurs craignez vous donc qu'il manque d'eau ici^{63*}. Я помню, как при этом пожаре живая цепь солдат поспешно передавала по лестнице внутренней воду. По обеим сторонам были довольно часто расставлены солдаты: по одной стороне передавали они ведра с водой, по другой — пустые, и в чистом слове дела^{64*} это был непрерывный ток воды. Действие огня было везде приостановлено, но пожар наделал много убытку.

Другое обстоятельство имеет некоторую историческую известность. Я был дежурным в тот самый день, когда неожиданно был арестован и вывезен Сперанский. Обыкновенно, при безделии нашего дежурства, мы отчасти выходили из нашей дежурной комнаты и сидели в так называемой секретарской комнате, в которой обыкновенно дожидались государственные чиновники, пришедшие с докладом. В этот день вечером прибыл Михаил Михайлович. Некоторое время просидел он со мной, вел разговор и вскоре был вызван на доклад, который продолжался довольно долго. Вышел оттуда, и я помню, что он мне сказал: «Ну, нынче хорош для меня день, государь долго и благосклонно меня выслушивал». На другой же день узнаю я, что он арестован и вывезен в ссылку в Пермь²⁴⁰.

Обстоятельства его падения до сих пор есть тайна, но что я из этого тогда и после узнал, выскажу. Сперанский во время предшествующего занятия с государем не мог не догадываться о предстоящей ему невзгоде. Прибыв домой, он уже нашел у себя ген[ерал]-губ[ернатора] и министра полиции Балашова с чиновником, заведывающим особенной тайной полицией Яко[во]м Ивановичем

^{63*} Прекратите, монсеньор, причитания,— сказал он ему,— или вы боитесь, что без этих слез здесь не хватит воды (фр.).

^{64*} По-видимому, в оригинале описка; следует читать: в чистом смысле слова.

Сангленом^{65*241}. Балашов объявил Сперанскому, что он лишен всех занимаемых им должностей, что он должен выдать все находящиеся у него служебные и частные бумаги и [должен] быть чрез несколько часов вывезенным в ссылку в Пермь. Сперанский, нимало не потерявшийся от неожиданности этой встречи, вручил Балашову ключ своего кабинета и вошел с ним в оный, и там глаз на глаз пробыли несколько часов, и потом вывезен по назначению.

Хотя я мало придаю вероятия рассказу, лично мною слушанному от Санглена, но передам его. Я очень был знаком с ним, он проживал прежде у брата моего Репнина и был до поступления в тайную полицию чиновником по управлению Генер[ального] штаба при князе Петре Михайловиче. Вот его рассказ, уже несколько лет потом мне сообщенный: «Немудрено, что ничего не нашли у Сперанского, что могло его компрометировать, ведь Балашов вошел сам-друг с Мих[аилом] Мих[айловичем] в кабинет сего последнего и меня не допустил вместе с ним. Немудрено им было в довольно продолжительное время *tête à tête*^{66*} истребить все, что выказало его сношения с Наполеоном и преступные его замыслы».

Передаю, что слышал, за добросовестность не ручаюсь. Санглен весьма умный, весьма пронырливый человек, *c'était un homme sans foi ni loi*^{67*}. Он умер тому несколько лет, в глубокой старости и в бедности, под Москвою, кажется, в Преображенском или Семеновском. Он, как мне известно, писал записки своей жизни. Зоркий его ум и бойкое его перо и временное его значение по тайной полиции дают повод предполагать, что эти записки полны если не добросовестности, то интересны во многих отношениях. В отечественной литературе он известен творением под заглавием «Московский Жильбаз»²⁴². Жаль, если его записки поступили в архив правительственный и, вероятно, так — наше правительство следит за всеми, кто пишет записки, и по смерти лица покупает их дорогой ценой у наследников. Записки Беннигсена подверглись этой участи, и мне известно, что все бумаги после смерти князя Платона Александровича Зубо-

^{65*} В рукописи здесь и далее: Сенглен.

^{66*} С глазу на глаз (фр.).

^{67*} Был человеком без стыда и совести (фр.).

ва²⁴³ были по поручению императора Александра взяты посланными на это ген[ерал-адъютантом] Николаем Михайловичем Бороздиным²⁴⁴ и Павлом Петровичем Сухтелен²⁴⁵ и представлены государю. Оба они были в родственной связи с князем Зубовым.

Какая была причина падения Сперанского — о том много было толков, положительная причина есть до сих пор в общем сведении тайна. Об этом обстоятельстве передам, что знаю из общего говора, и заключу сообщением того, кому поручено было рассмотреть его бумаги.

Сперанский был в 10 и 11 годах 19 столетия в большой силе и доверии у Александра. Кроме того, что он был государственный секретарь, он и вне этой должности был, можно сказать, задушевный сотрудник императора. История внесла в свои скрижали многие [его] государственные нововведения по государств[енному] управлению, сходные с общими понятиями века. Кредит его при государе и нововведения, им вводимые, были поводом нерасположения не только тех, которые были в главе правления, но и всего дворянства. Как первые, так и другие в изменениях, вводимых Сперанским, видели одно падение их могущества, безотчетного в госуд[арственном] управлении, а дворяне — лишение их прав, несовместных ни с духом времени, ни с началами истин христианских и справедливости гражданской. Неудовольствие против Сперанского было общее в двух этих отделах общества. Но идти наперекор Сперанскому не было у них ни смелости, ни общего порыва. При этих обстоятельствах пришел чужеземный, граф Армфельд, швед, перешел в русскую службу после покорения и присоединения к империи Финляндии.

Армфельд был человек весьма умный, весьма хитрый, весьма смелый. Изменив отечеству, он искал случая стать на первом ряду в том крае, куда перешел, я не говорю — в новом отечестве, менять оное по собственному произволу я не могу допустить. Армфельд успел в скором времени войти в доверие к императору, который расположением к нему как бы тем искал приглубить новых своих подданных. Он первоначально императором был употреблен по финским делам, но как человек хитрый, умел приобрести доверие государя. Влияние его по финским делам не было для него достаточным поприщем, и он видел, что пока не удалят Сперанского, ему, по его желанию,

не будет хода. Войдя в тайную связь с неприятелями Сперанского в высших слоях государств[ного] управления, он старался иметь опору и в молодежи. Я очень хорошо помню, как при встрече в общественном кругу с молодежью он старался с нами сближаться, и разговор его всегда клонился к тому, чтоб высказать нам, что аристократия должна *faire faisceau*^{68*}, что аристократия должна и может иметь вес в государственном управлении, что выскочки из демократического слоя, вышедшие в люди, — прямые враги значения аристократии, что, составляя целое, аристократия получит значение — и этими суждениями возбуждал нас на дело, сходное с его намерением. Хоть эти разговоры нам льстили, но в то время мы преисполнены были одним чувством — это мщением за понесенные нами поражения военные, дипломатические [от] Франции и Наполеона, и весь порыв наших мыслей был взятъся за меч в отмщении врагу отечества, но не могу скрыть, что и попытки Армфельда нам были поусам.

Армфельд, взойдя в доверие к царю, сблизился с врагами Сперанского в государственном управлении, задобрив молодежь необычным обращением с нею от людей государственных и, убедясь, что приобрел значение в этих слоях и доверие государя, уже мне неизвестно какими доводами навел подозрение на Сперанского и был главным двигателем его падения. Какие были дальние намерения Армфельда, положительно не могу высказать, но из мною слышанного полагаю, что цель его не была только смещение Сперанского, и как человек умный, прозорливый, он предугадывал, что, подобно Сперанскому, и он может быть подвержен падению. А перебирая в памяти его беседы с нами, высказываемое им желание сблизиться с нами и иметь в нас опору, я невольно полагаю, что его замыслы были устроить в России образ правления на аристократических началах²⁴⁶.

Но опять обращаюсь к прерванному мною повествованию о Сперанском. Удаление его, ссылку его приписывали одни, в общем говоря, сношениям с Наполеоном, другие — в замыслах изменить образ правления России из деспотического в демократические начала. Что могу положительно заверить, это то, что князь Григорий Ива-

^{68*} Тесно сплотиться (фр.).

нович Гагарин²⁴⁷, служивший в Госуд[арственном] совете статс-секрет[арем] в 14-м году, по возврате госуд[аря] из Парижа имел поручение рассмотреть все бумаги Сперанского. Эти бумаги были сложены в антресольной комнате над внутренними покоями государя. Гагарин ежедневно приходил на половину государя, об нем сейчас докладывали, сейчас был впускаем в кабинет, государь выдавал ему ключ от этой комнаты, Гагарин входил в антресоль, до трех часов там занимался, опять входил в кабинет, вручал государю ключ и выходил. И это довольно долгое время продолжалось. И он, Гагарин, с которым тогда я сблизился, сказал мне, что во всех бумагах Сперанского, которые он перебрал по *листка* и *строкам* (его собственное выражение), не найдено им ни одного слова, подающего подозрение на Сперанского.

Император Александр — в могиле, Сперанский тоже, Гагарин тоже. Поверят ли моим словам об этом эпизоде общего моего рассказа — не знаю, но могу заверить, что ничего вымышленного мною не сообщил, а просто рассказывал, что слышал или по некоторым данным сообразил.

Мое перо слишком слабо, чтоб выказать великие заслуги Сперанского России, но одно могу сказать, что его память живет до сих пор в Сибири — он возродил ее в гражданском быте, и каждый крестьянин, немного смысленный, знал лучше свое право, нежели долг свой наши сенаторы и члены Государственного совета^{69*}.

Мой теперешний рассказ предшествует эпохе Отечественной войны и прежде, нежели приступить к рассказу опасностей оной, беглым обзором выкажу общее направление умов и чувств этой эпохи.

Прежде приступа описания событий Отечественной войны 12-го года брошу беглый обзор общего мнения перед этой эпохой.

Поражение Аустерлицкое, поражение Фридляндское, Тильзитский мир, надменность французских послов в Петербурге, пассивный вид императора Александра перед политикой Наполеона I-го — были глубокие раны в сердце каждого русского. Мщение и мщение было единым чувством, пылающим у всех и каждого. Кто не делил это — и весьма мало их было, — почитался отверженным, прези-

^{69*} От слов «каждый крестьянин» до конца фразы в предшествующих изданиях было купировано.

рался. Ни славные дела Финляндской кампании, ни славные победы над турками, ни мир Абоский²⁴⁸, ни предстоящий мир с Турцией, готовой к уступкам нам, не ослабляли чувства мщения к французам и ненависти к Наполеону. Дружное желание отмстить объяло все сердца, и хотя были некоторые, которые предвидели, что затеянная борьба не по рукам нам, но их было весьма мало, и зловещные их предсказания почтили трусостью, их не оспаривали, и слова их внушали к ним одно презрение.

Порыв национальности делом и словом выказывался при каждом случае. Удалившиеся из военной службы вступали в оную; молодежь стремилась приобретать чтением военных книг более познаний в военном деле. Литература воспевала, выясняла всякую особенность патриотических прежних событий отечественных. Живо помню я, с каким восторгом, с каким громом рукоплесканий принимались те места озеровской трагедии «Дмитрий Донской».

Стихи:

Российские князья, бояре, воеводы,
Прошедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнуть наконец насильствия ярем!
Доколе было нам в отечестве своем
Терпеть татаров власть и в униженной доле
Рабами их сидеть на княжеском престоле?

Или

Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять
бесчестный!

Или

Иди к пославшему и возвести ему,
Что богу русский князь покорен одному,—

бывали покрыты рукоплесканиями, подобными грому; театр, можно сказать, трещал от них. А при последних сценах этой трагедии, когда Дмитрий говорит:^{70*249}

Слушатели, наполняющие залу при представлении этой пьесы, как часто ее ни давали, преисполненные чувством этой сцены, в глубоком также молчании следили словам актера, и с опущением занавеса начиналось фурорное хлопанье, выражающее симпатию к сказанному и надежду к <нрзб.> событиям.

^{70*} В рукописи пропуск.

Во всех слоях общества один разговор, в позолоченных ли салонах высшего круга, в отличающихся простотою казарменных помещений, в тихой ли беседе дружеской, в разгульном ли обеде или вечеринке — одно, одно только выказывалось: желание борьбы, надежда на успех, возрождение отечественного достоинства, славы имени русского. В домашнем кругу отцы благословляли детей своих, жены — мужей, любовницы — милых их сердцу на дело святое, близкое каждому русскому.

Уже с начала 12-го года явно начали говорить о предстоящей войне. Рекрутский значительный набор, формирование резервов, деятельность в приготовлениях военных, сосредоточение войск при европейских границах, вызов регулярных войск из Сибири, формирование 27-й дивизии в Москве кадрами из гарнизонных полков, наполненных рекрутами, формирование двух кирасирских полков, укомплектование всех частей войска, кадровые составы резервов, формирование депо²⁵⁰, в которых впоследствии оказалась такая смертность (по нерадению, злоупотреблениям начальствующим, причем грустно сказать, что тогда, как и в Крымскую последнюю войну, для иных долг к отечеству заглушен поиском собственных выгод, и каких — денежных), все эти приготовления уже ясно предвещали войну.

С начатия весны гвардей[ские] полки начали выходить из Питера, чрез день по одному, провожаемы, ободряемы царем, выступали не в парадной форме, а в боевой, не с Царицына луга или Дворцовой площади — школ шагистики, но от Нарвской или Царскосельской застав прямо в направлении границ. Громкое «ура» встречало царя, и то же «ура» отвечало ему на слова «добрый путь». Многие не высказывалось, но все чуялось, как это и должно быть в великие минуты гражданской жизни народов. Родина была близка сердцу цареву, и та же родина чутко говорила, хоть негласно, войску. Тут не было ничего приготовленного, все чистосердечное. Слова царские «добрый путь» много говорили, а общее «ура» войска выражало то, что Россия ожидала от своих сынов.

Вслед за стройными батальонами тянулись экипажи городские провожающих матерей, жен, детей, хоть и были видны слезинки на их глазах, но не слезинки отчаяния. а порука в чистоте того благословения, которое посвящали близким их сердцу, — на святое дело пользы отече-

ственной. Отцы же в рядах народа толпились вблизи сыновей, и последний поцелуй, последнее сжатие руки и вслед сыновьям посланный перстовый крест выражали и любовь к детищу и любовь к родине.

Прошло некоторое время по выходе гвардейских полков из Петербурга, и начали уже гласно говорить о выезде государя в Вильно. Отправлены были походные экипажи, походные конюшни и, наконец, уже явно приказано всей военной свите царя отправиться в Вильно.

Обыкновенно перед походом стараешься запастись всеми удобствами к боевой жизни, но, по правде сказать, большей частью все заготовленное бесполезно и только в пользу господ седельников для вьючных седел, которые бросишь вскоре, потому что набивают спину лошади, — и других мастеровых, — то для походных кроватей, столов и стульев, которые останутся без употребления, или походных сервизов, которых по громоздкости своей не бывает часто времени ни выкладывать, ни вкладывать. Лучшее вьючное седло — казачий вьюк, лучшая укладка платья — мягкий чемодан, лучший походный сервиз — маленький чайный простой погреб; смотря по времени года, бурка, плащ или тулуп, теплые или смазные сапоги, башлык и подушка с казачьего седла — вот что нужно, да, забыл, — и флягу на водку. Не худо иметь одну или две кастрюли, а при голодовке или в сторожевой службе — котелок, и кашница солдатская накормит вволю.

Я из Петербурга отправился вместе с товарищем по званью князем Павлом Петровичем Лопухиным. Проезд наш чрез Ригу, Митаву, Ковно не имел ничего замечательного к передаче.

Приехав в Вильно, мы уже там застали государя и, сколько могу припомнить в кратком очерке, выскажу об щий и мой частный быт.

Император Александр по свойственному ему в высокой степени уменью очаровывать людей, умел приласкать всех местных жителей литовского края. Поляки толпились около него, уверяли в их преданности ему и, воспользовавшись его расположением, получали награды, знаки отличия, словом, расчетливо воспользовались временем, для них удобным, заверяли в их преданности российскому престолу, но не менее того таили врожденную ненависть и, как увидим вскоре, были расположены к измене.

В Вильне была Глав[ная] квар[тира] 1-й армии, ко-

торая была под начальством генерала от инфантерии Барклая де Толли. Совокупность пребывания царского и Главной квартиры армии сосредоточила в городе народ всяких чинов и управлений как военных, так и гражданских, а близость царя к местным жителям — много литовских помещиков, столь нагло и неблагодарно отплативших ему за его милости в самом скором времени²⁵¹.

Не буду и не имею особенных данных в памяти, чтобы исчислить всех, тогда прибывших в Вильну. Главная квартира царская была составлена из генер[ал-] и флигель-адъют[антов] и некоторых гражд[анских] чиновников по разным управлениям, а главным лицом был граф Аракчеев, который тогда заведовал всем, что исходило по войску или по гражд[анскому] управлению России; кроме того, был канцлер граф Румянцев²⁵² и при нем князь Козловский²⁵³ и граф Нессельроде²⁵⁴; еще назову в числе госу[дарственных] сановников князя Зубова и графа Армфельда, пользующихся оба большим доверием у государя, и генерала Беннигсена, который за неудачную летнюю кампанию в 1807 году был до сего в немилости, но теперь приласкан царем, и Беннигсен жил тогда в своем поместье близ Вильны — Закрет.

Жизнь общая в Вильне до начала военных действий была просто столичная по наружности, а сосредоточие около Вильны многих корпусов войск было поводом многих смотров. Армия была в отличном строевом положении, и в войсках от генерала до солдата всякий ждал с нетерпением начала военных действий.

В тот год праздник Пасхи застал нас в Вильне и был празднован по обычаю русскому и церковной службой, и съездом во дворец, и это приводит мне на память маленький анекдот, довольно ничтожный, но некоторым образом выказывающий странную любовь царя даже из религиозного обряда делать, как бы сказать, театральное, вахт-парадное представление. К известному часу перед полночью, в день Пасхи, все чины царской свиты, многие чины военные и гражд[анские], имеющие вход в дворцовый этого дня вход, и многие местные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дворец. Я и товарищ мой Лопухин опоздали к назначенному часу, и как мы обязаны были находиться в той комнате, где свита государя его ждала, и боявшись встретить государя, для избежания оногo хотели пробраться чрез

церковь домашнюю, удобный для нас вход, чтоб добратся до нашего места. Но едва подошли к церкви по заднему ходу, как у дверей видим: придворный лакей воспрещает нам взойти в церковь. На спрос наш, почему, он нам отвечал: «Нельзя, там государь». — «Да что ж он там делает, ведь служба не началась?» — На что он отвечал нам: «Делает репетицию церковного служения». Мы — дай бог ноги, и уверены были, что не встретим государя и не подвергнемся выговору, скорей туда, где было наше место, с главного хода для всех.

Одно обстоятельство, о котором в общих описаниях этого времени, кажется, не означено и о котором молва была хотя в весьма малом кругу, но заслуживающее некоторой значительности. Это поручение, данное полковнику Толю²⁵⁵, тайно видеться с князем Иосифом Понятовским²⁵⁶, командовавшим тогда одним из корпусов наполеоновской армии. Не могу заверить, чтоб мой рассказ об этом был в сущности его совершенно справедлив, но о том в близком мне круге было говорено, а я передаю, что слышал.

Толь был послан переодетый в партикулярное платье к Понятовскому с тем, чтобы заверить его, что государь имеет намерение восстановить Польшу и что если он, Понятовский, согласится оставить Наполеона и тем увлечет за собою и польское войско, имевшее полное доверие к нему, Понятовскому, то Александр провозгласит его королем польским, выставляя это не за измену, но за содействие его к восстановлению отечества. Ответ Понятовского был отрицательный, и он сказал Толю, что благодарит государя за намерение, но что честь ему не позволяет принять предложение, а в удостоверение уважения и признательности государю он не даст гласности всему этому, и Толь возвратился.

Ничего не имею замечательного положить под перо о жизни довольно скучной, бесцветной, общей в Вильно. Где двор, тут и интриги; где молодежь, тут и буйная жизнь. За первыми не мог следить, во второй участвовал, но что об ней толковать.

Было затеяно свитой государя дать ему празднество, и из всех участвующих в оном был сделан сбор по сто червонцев, а как в этой свите, как выше сказано, были не только генер[ал-] и флигель-адъютанты, но и другие лица, то сбор был значительный, и этот праздник назначено

было дать в поместье Беннигсена — Закрет²⁵⁷. А как здание, им занимаемое, не было достаточно для помещения, то решено было выстроить временную залу.

Накануне дня этого праздника это временное строение разрушилось, но съезд не был отложен, а кое-как распорядились устроить съезд в доме, занимаемом Беннигсеном в его поместье. Это вовсе неожиданное разрушение временно устроенного строения невольно было причтено неблагоприятным предзнаменованием; и точно, в это время, как съехались приглашенные и сам царь, было получено известие, что Наполеон со всей армией переправился близ Ковно чрез Неман.

Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, и танцы и ужин продолжались. Но, к крайнему нашему удивлению, рано утром на другой день получено всеми в Главной квартире приказание о выступе оной из Вильны по тракту к Свенцянам^{71*}, куда перенесены были Глав[ные] квар[тиры] как царская, так и главнокомандующего.

Сколько было переходов от Вильны до Свенцяны, не упомяну, но во время пребывания в Свенцянах, вследствие общего распоряжения о движении армии, были посланы от государя чрез Аракчеева ко всем корпусным командирам флигель-адъютанты с предписанием направления движения для каждого. Мне досталось везти таковое к атаману Платову, стоящему тогда в Гродно с казачьим Донским войском.

Но прежде, нежели дать отчет о моей туда поездке, я долгом считаю предуведомить, что теперь мой рассказ, как и во все время Отечественной войны, будет только о том, что я был или участником или свидетелем. Общие распоряжения не могут быть мне известны, а весь ход кампании многими подробно, хотя большей частью весьма пристрастно в пользу личностей, написан.

Я, как выше сказал, был послан к Платову. Поездка моя туда была сопряжена с опасностью, и даже мне было приказано, что в случае, что попадусь в плен, то чтоб уничтожить данный мне пакет. Странное приказание: или я от одного страха уничтожу его и приеду с пустыми руками, или попадусь в плен и не успею конверт уничтожить.

^{71*} В оригинале здесь и далее: Свяццын.

Мне приходилось до Лиды ехать проселком, а от Лиды почтовым трактом Виленским в Гродно. Французы уже несколько дней заняли Вильно, и известно было, что их отряды отправлены были во все направления. Лида от Вильны двенадцать миль. В дальнюю поездку до Гродно и по спешности, требуемой на оную, я из военно-почтовой почтовой конторы взял тройку и своего верного слугу Василья и пустился в путь; дорогой встретил уже поблизости Свенцяи корпус графа Шувалова, но далее до Лиды уже не было наших отрядов. Взяв в Оренбургском драгун[ском] полку унт[ер-]оф[ицера] и рядового пешего, я, перекрестясь, поехал далее с намерением добрым словом или силою переменить лошадей в помещичьих имениях и, таким образом, приехал на панский двор с уверенением, что везу приказание наступательного движения, чтоб застрашать помещика, а драгуны мои — на конюшню, и лошади с повозкой. Захотел бы пан, связал бы нас всех и прямо бы передал в Вильну. Таким образом, переменяя два или три раза лошадей, я подъезжал со страхом к Лиде и боялся, что того и смотри попаду в плен. Въезжая в Лиду, встречаю комиссариатского чиновника русского, спрашиваю, есть ли французы. «Нет», — он мне отвечает. Тут уж мое дело в шапке, перекрестился еще раз и скорей на почтовую станцию, и скорей взял тройку и скорей на всех на трех по тракту в Гродно.

Я встретил уже Платова, за три перехода отступя от Гродно, и, отдав ему пакет, уже тогда узнал, что ему было приказано стараться соединиться с 1-й армией, а если невозможно будет, то примкнуть к 2-й армии князя Багратиона. Первое уже невозможно было по сведениям, полученным чрез лазутчиков и исковых партий, и решено было им направиться к армии Багратиона, о чем он и уведомил донесением государя, мне врученным.

Возвращаться тою же дорогою, которую я приехал, это было бы попасть прямо в руки французам, и поэтому я опять обывательскими лошадьми повернул на Новогрудок и оттоле взял направление к дороге, ведущей из Свенцяи в Видзы, и, доехав 10 или 15 вер[ст] до станции от оной, я решился следовать направлению мародеров наших, имеющих чутье своей безопасности, и как прервалась их нестройная цепь, выехал на столбовую дорогу и явился к государю в Видзах. Отдал донесение Платова государю, и по прочтении оного царь расспрашивал, как

я мог учинить так успешно поездку и не попался в плен, что он полагал неизбежным по полученным им после моего отъезда известиям о движении неприятеля. Я ему отвечал, отклоняя от себя какое-либо право на заслугу, что обязан я столь удачной моей поездке преданности помещиков к нему и что довольно было сообщить им, что я послан вашим величеством, чтоб от них получить усердное содействие. Агал в этом, ибо на них более действовал страх, но вышереченным ответом оказывал скромность, что любил в приближенных государь, и немного мазал по усам, что всегда приятно не только царям, но почти всякому человеку. Государь весьма ласково мне отвечал: «Я очень доволен вами, прежде я не был расположен к вам, шалости ваши петербургские поставили меня против вас, но теперь я убедился, что вы дельный малый, и я рад, что вы дали мне случай изменить первое о вас мое впечатление. Я вас буду употреблять, служите и впредь так дельно усердно, как вы теперь исполнили поручение. Подите, отдыхайте».

Недолго я оставался в бездействии; на другой день я был потребован к графу Аракчееву, который мне объявил, что по воле государя я отправляюсь в Динабург, и дал мне собственноручную от себя инструкцию, сколь я могу упомянуть, состоящую:

1-е) Осмотреть степень успеха воздвигаемых крепостных работ.

2-е) Осмотреть воздвигнутое и вооруженное мостовое укрепление и степень возможности защиты оною.

3-е) Отобрать полные сведения о хранящихся в Динабурге всякого рода заготовлениях: провиантских, комиссарнатских и парковых, о числе сумм, там хранящихся по разным ведомствам, и сделать предположительное распределение, как со всем этим распорядиться в случае натиска неприятеля и в таком числе, что слабый отряд, занимающий мостовое укрепление, не в силах будет защитить его.

4-е) По окончании сего поручено с полными сведениями возвратиться в Главную квартиру государя.

Недолги были мои сборы и, взяв подорожную и прогоны, поскакал в Динабург. Дорогой поневоле задумывался о сложности моего поручения, по неопытности моей, и составлял себе план, как и чем начать. Приехав в Динабург, объявил коменданту этой недостроенной в то время

крепости г[енерал]-м[айору] Воронову²⁵⁸, что я прислан по назначению государя для разных поручений, и просил его, чтоб о состоянии всех частей разных управлений доставлены мне были полные сведения. В ответ на мое отношение я получил ответ, что по случаю угрожающей опасности завладения Динабурга неприятелем был собран военный совет из начальствующих всеми частями, составлен протокол и послан на рассмотрение и утверждение госуд[аря] имп[ератора].

Это совершенно изменило ход моего поручения и, собрав некоторые сведения и в особенности осмотрев мостовое укрепление и начатые работы стен крепости, которые тогда едва выведены были в рост человеческий, осмотрел военные госпитали и сделал по сим частям отчетное донесение. Существо военным советом отправленного донесения должно было изменить ход моих действий, и лучше всего было возвратиться в Главную госуд[ареву] квартиру, отдать отчет в том, что мною обсуждено, и по случаю присланного постановления военного совета Динабургского получить новую инструкцию.

Вытребовав лошадей в Динабурге, приехал обратно в Глав[ную] квартиру, которая была уже не в Видзах, а в Бельмонте. Явившись к графу Аракчееву, он меня встретил вопросом: «Что вы, князь, участвовали в военном совете в Динабурге?» Я ему отвечал, что нет. — «Умный человек полковник Тишин²⁵⁹! Все тяжести вывезти, пушки крепостные потопить, а денежки предать огню. Умный человек полковник Тишин! Благодарю вас за привезенные сведения, а по представлению Динабургского совета уже сделано распоряжение, но полковнику Тишину не то что сжечь, но не положить ему в свой карман столь мудрено, по его мнению, казенных денег». И точно он не забыл, Аракчеев, этого поступка Тишина, руководившего решением военного совета, и Тишин во все царствование Александра, хоть из старших полковников, при производстве в ген[ерал]-майоры всегда был обойден.

Из Бельмонта Главная квартира была переведена в Дрисский укрепленный лагерь, где по заблаговременному предположению г[енерал]-м[айора] Фуля²⁶⁰, перешедшего из прусской службы, был устроен укрепленный лагерь по плану также перешедшего из прусской службы полковника Вольцогена²⁶¹, и в котором, по предположе-

нию Фуля, должна была соединиться вся российская армия и выждать напора и отразить французов.

Я позабыл сказать, что в штабе армии еще в Свенцях или в Дриссе, не упомяну, начальник штаба армии г[енерал]-л[ейтенант] Лавров²⁶² был заменен г[енерал]-адью[тантом] Паулуччи^{72*263}, перешедшим еще в 1807 году из австрийской службы и который перед кампанией 12 года командовал Кавказской армией и удачную вел там кампанию против персиян, хотя далее впоследствии узнали, что вся слава военных действий принадлежит генералу^{73*} Паулуччи, родом из Италии, был человек не без дарований и в особенности весьма смелый на язык. Это назначение в начальники Главного штаба 1-й армии было сделано против воли главнокомандующего Барклая, имевшего полное доверие к Вольцогену, который тогда исполнял должность генер[ал]-квар[тирмейстера] армии. Разумеется, все это не придавало единства в распоряжениях по армии.

В Дрисском лагере были два происшествия, которых я был свидетелем: одно общее, а другое до меня лично относящееся. Расскажу их.

Государь в сопровождении Паулуччи, принца Петра Ольденбургского, дежурных — г[енерал]-адью[танта] графа Ожаровского^{74*264} и меня — поехал осматривать укрепленный лагерь. Ехал верхом впереди государь и подле него Паулуччи, за ними вслед принц Ольденбургский рядом с графом Ожаровским, а сзади этих я и адьютанг принца Ольденбургского, сколько упомяну, Воронин²⁶⁵. Но можно сказать, что головы лошадей второго ряда — почти на хвосте первых, а головы же третьего ряда — на хвосте второго, так что в третьем ряду был слышен сполна разговор первого ряда и тем легче, что Паулуччи и по привычке и по глухоте государя говорил очень громко. Вот этот разговор. Паулуччи: «Государь! Вы видите бестолковость всех укреплений, воздвигнутых Вольцогеном, и поэтому смею вам сказать, что Вольцоген или полный дурак, или изменник, но в обоих случаях вы не должны иметь к нему доверия». Что государь ему отвечал, не было слышно; но что я высказываю — есть чисто бук-

^{72*} Здесь и далее в оригинале: Повлучи и Павлуччи.

^{73*} В тексте пропуск фамилии.

^{74*} В рукописи здесь и далее: Ожеровский.

важный перевод того, что на французском языке сказал Паулуччи. Не излишним полагаю добавить, то, что слышно было в третьем ряде ездовых, то еще более было слышно во втором, а как принц Ольденбургский, как обыкновенно немцы — держатся руку в руку, — было передано им Барклаю, что не сглаживало отношений Паулуччи с Барклаем, к не пользе армии и распоряжений по оной.

Другое обстоятельство личное, хоть и не заслуживающее большого интереса, но передаю его не в похвалу себе, но как пример, как легко и без заносливости остановить превышение власти.

Надо прежде пояснить, что со времени отступления нашей армии из Свенциан наше движение было столь поспешно, а наступательное движение французской столь еще неопределительно в направлении, что наш арьергард продолжал свое движение, не быв преследуемый неприятелем, и тем потеряно было всякое сведение о движении оной. При таковых обстоятельствах получение от главнокомандующего известия о неприятельском движении было предметом постоянного желания государя. В один день дежурства графа Ожаровского вместе со мной после обеденного стола, тогда как все участвующие в царском обеде разошлись по местам своего кочевания в сараях, а я остался на крыльце занимаемого государем дома приказчика мызы, управляющего экономией на фольварке, — прискакал конным адъютант главнокомандующего с известием, что наши разъезды открыли авангард французский. За отсутствием Ожаровского я сказал камердинеру государя, чтоб он доложил государю, что прибыл адъютант главнокомандующего с донесением, и государь нимало не медля принял его в свой кабинет. Ожаровский, видя из довольно отдаленного своего пребывания, что прибыл какой-то посланец, скорыми шагами поспешил прибыть к царской квартире и, подошед ко мне, спросил у меня, кто он. Я ему отвечал, что адъютант главнокомандующего. — «Зачем вы доложили мимо меня?» Я ему отвечал, что я полагал, что все равно, мне кажется, что я или он доложил о его прибытии чрез камердинера государю. Он мне в ответ: «Как вы это мне смеете отвечать, я вправе вас арестовать за несоблюдение чинопочитания». Тогда я ему отвечал, что я полагал, что все равно, он или я передал камердинеру доложить. «Граф, я не ваш адъютант, а государев, да притом я имею золотую шпагу, и по

обеим причинам вы не имеете права меня арестовать, и вам не отдам шпагу иначе как это будет объяснено государю».

Этот разговор прекратился между нами, но на другой день меня потребовал к себе генерал Балашов, который, как старший в чине ген[ерал]-адъ[ютант], заведовал рядом в дежурстве ген[ералов] и флигель-адъют[антов] ежедневно.

Прибыв к Балашову, он мне сказал, что он получил на меня жалобу от Ожаровского, что я ему сделал грубый ответ. Я ему передал, как выше означено, все обстоятельство и мой разговор. На это он мне сказал: «Вы более ничего не говорили?» Ответ мой был: «Заверяю вас в том честию, да можете об этом спросить и самого графа». Тут Балашов мне сказал: «Граф не был в своем праве, но все-таки вы слишком резко ему отвечали, и хоть вы вправе были не отдавать ему вашу шпагу, но вперед будьте мягче в ответах». Вот чем это все кончилось, но между моими товарищами я был очень одобрен, и с тех пор Ожаровский ни мне, ни им не позволял себе этих выскочек, к которым он очень был склонен.

Вскоре после этого я уже не по этому обстоятельству был призван к графу Аракчееву, и мне объявлено было, что государь отправляет меня с конвертом весьма важным по содержанию к князю Багратиону, начальнику 2-й армии.

Мне было приказано из Видз ехать в Витебск, там узнать от губ[ернатора] Лешерна²⁶⁶, безопасен ли тракт от Витебска до Могилева, и в случае, что узнаю, что разъезды французские там уже являлись, то взять направление на Рославль и Стародуб^{75*} и на Чечерск выехать к Могилеву и следовать к Бобруйску, в близости коего я должен встретить главн[окомандующего] 2-й армии. Тут мне повторено было, что я везу полное распоряжение о движении армий и что буде увижу, что могу попасться в руки французов, то уничтожить врученную мне депешу, опять скажу, вовсе не рассудительное и чисто несбыточное наставление.

Получив отправление, которым я дорожил как знаком доверия, тем более, что эти довольно частые посылки меня не были чередовые между моими товарищами, а вне

^{75*} В оригинале: Стар Дуб.

оных, я отправился и прибыл прямо в Витебск на квартиру к губ[ернатору] Лешерну; я от него узнал, что французские разъезды выказывались уже в Александровской почтовой станции между Витебском и Могилевом, и направил мой путь, нимало не останавливаясь, по назначенному мне направлению. Проскакал в безопасности до Чечерска, но тут возник мне вопрос, не занят ли Могилев французами. Известия, мною собираемые, были противоположны: иные говорили, что занят, другие — что еще нет. Приняв в соображение, что у страха глаза велики, а что смелым бог владеет, я решился ехать на Могилев. На последней станции под Могилевом, получив такие же противоположные сведения, я решил ехать на Могилев. Верст за десять от Могилева встречаются мне дрожки, и в них сидит г[енерал]-м[айор] Мицкой²⁶⁷, с которым я был знаком по войне 1806 года. Оба остановились, и первым спросом от него: «Куда вы скачете, князь?» — «Еду к князю Багратиону посланным от государя». — «Что вы делаете, ведь там французы!» — «Наверно ли это знаете?» — «Должны быть, я перед самым их входом успел выехать». Мне этот ответ показался странным, зная, что он в Могилеве начальником внутренней стражи и чтобы его место не утекать на дрожках, а быть при своей команде, и как я его знал за порядочно-го труса, решился продолжать мой путь, но, признаюсь, с боязнью попасть в руки французам. Подъезжая к Могилеву, я сказал ямщику, показывая ему два пистолета: «Вот видишь, они заряжены; смотри, увидишь французов — или повороти вспять, или проскочи через Могилев во всю прыть, а не то убью тебя на месте», — и приложил пистолет ему к голове. Въезд мой в Могилев был на рассвете, едва светлело. Въезжая в Могилев, перекрестился; в улице мертвая тишина, нет прохожих, и так все в недоумении приезжаю к месту на Днепре, скачу во всю прыть тройки и, к крайней моей радости, встречаю на оной полицейского драгуна, род теперешних губ[ернаторских] жандармов. Еще раз перекрестился и прямо в губернаторский дом и застаю там губернатора графа Дмитрия Александровича Толстого²⁶⁸ и полковника, в некотором свойстве^{76*} со мною, Грессера²⁶⁹, но тут же подают их заложный экипаж, и от них узнаю, что

76* В оригинале: сватовстве.

передовые разьезды французские за 15 верст, и что за ними полный корпус войск в полном марше для занятия Могилева, и что состоящие под начальством у Грессера два батальона тогдашних пионер уже накануне выступили по тракту к Житомиру или, лучше сказать, к Бобруйску, и что Толстой и Грессер при первом известии о наступательном движении передовых французских войск выедут из Могилева.

Я, не теряя времени, — почтовую тройку и поскакал к назначению. Около Дашковки я встретил передовые отряды армии Багратиона под командой графа Сиверса²⁷⁰ и передал ему известие, что французы в течение дня должны занять Могилев, а он был именно послан, и за ним следовал корпус ген[ерала] Раевского, чтоб предупредить это занятие. Как я потом узнал, Сиверс уже встретил на равнине под Могилевом конно-егерский французский полк, немедленно его атаковал и разбил в пух, так что почти весь полк был взят в плен, много штаб- и обер-офицеров и сам полковник, командующий оным. Хоть это дело было блистательно, но Сиверс не воспользовался этим поражением; ему надо было, если и не в силах был занять и вытеснить из Могилева французов, то оставить за собой всю равнину на несколько верст перед Могилевом и удержать ее до наступления оной корпусом Раевского и последующими за оным корпусами 2-й армии. Впоследствии завязалось известное дело Салтановское^{77*}, в котором Раевский и под начальством его войско приобрели славу, но в исходе неудачную. Французы уже заняли не только равнину перед Могилевом, но и часть леса между равниной и Салтановкой и, несмотря на все усилия начальников и храбрости войск наших, не могли вытеснить из леса французов. Потери наши в Салтановском бою были очень значительны, и в этом-то деле было то, что передано и тиснением и художественным образом, — атака моста, занимаемого французами, на которых повел Раевский колонну, став в главе оной, взяв за руки обоих своих сыновей²⁷¹.

Я же после встречи с Сиверсом встретил Раевского с его корпусом и потом по направлению от Бобруйска к Быхову — Кирасирский корпус. Раевский и Кретов²⁷², под

^{77*} В оригинале здесь и далее ошибочно: Султановское, Султановка.

командой которых шли эти войска, были мне знакомы, и я им передал первую весть о неминуемом в то время занятии французами Могилева.

Наконец, я прибыл в Бобруйск, где застал князя Багратиона и вручил ему депешу, через меня ему посланную.

Хотя поездка моя так удачно совершилась, что [не] приписываю нисколько моей распорядительности, а просто счастливым обстоятельствам и некоторой стойкости моей не предаваться побочным внушениям, в Главной квартире государя полагали по сведениям, полученным о быстрых наступательных движениях французской армии, что я непременно должен был попасться в руки неприятеля; вслед за мною с тем же поручением отправлены были к князю Багратиону флигель-адъютант полковник Александр Христофорович Бенкендорф, а вскоре после него генерал-адъютант барон Винценгероде^{78*273}, но оба они прибыли уже не в Бобруйск, а, сколько упомнится, в Быхов.

Не могу не высказать, как обыкновенно историографы современных событий в рассказах их часто вопреки истины, под влиянием побочных обстоятельств, искажают ее. Дмитрий Петрович Бутурлин в истории войны 12 года приписывает мою поездку в Бобруйск брату моему Никите, а причина этой немилости то, что во время редакции его записок я был уже в ссылке в Сибири. В Истории его большею частью, кроме искажений многих обстоятельств и событий, большею частью панегирик живым, в силе при дворе состоящим во время его редакции, и очень часто хула несправедливая о тех, которые были в немилости, или как от умерших не ожидал он себе поддержки или боялся от этих последних возражений.

Я выше сказал, что Винценгероде прибыл в Глав[ную] квар[тиру] Багратиона, чрез него получил Бенкендорф и я высочайшее повеление состоять в его распоряжении. Это назначение открыло мне впоследствии ход по службе по доброте и доверенности его ко мне; я в нем нашел не только милостивого ко мне начальника, но могу сказать, попечительного выше моих заслуг. Память о нем для меня будет всегда священна.

^{78*} В оригинале здесь и далее: Винценгероде.

Через него я узнал, что государь император оставил армию и чрез Москву обратно поехал в Петербург. Я слышал, что причиною этому было то, что присутствие двора в Главной квартире 1-й армии породило многие интриги и что убедили его, что в Петербурге ему удобнее будет устраивать новые меры к усилению армии необходимыми государственными мерами.

Винценгероде было поручено сосредоточить отряды в Смоленске из разных запасных эскадронов и батальонов, в окрестностях этого города расположенных, и с этим отрядом, присоединив к ним и выздоровевших из госпиталей и разных команд, из Москвы прибывающих, охранять Смоленск по тракту к Красному и Могилеву от занятия Смоленска как пункта, где 1-я и 2-я армии соединятся. Главные силы этого отряда сосредоточены были под Смоленском под личным их заведыванием Винценгероде, а передовой отряд был поручен г[енерал]-м[айору] Евгению Ивановичу Оленину²⁷⁴, вновь вступившему в службу и бывшему тогда в Смоленске проездом. Распорядительность Винценгероде к очищению Смоленска от накопления в оном всех тяжестей армии и гошпиталей и меры его к направлению отрядов навстречу к наступающим отрядам из Красного и Могилева неприятеля и ревностное исполнение Олениным получаемых от Винценгероде приказаний увенчали полным успехом охранение Смоленска от внезапного, весьма легкого без сего *coup de main*^{79*} французами [и] занятия этого города, и тем споспешествовали и охранили возможность отступления 1-й армии к Смоленску и потом присоединения к оной и 2-й армии.

В Смоленске Винценгероде получил от Барклая назначение командовать отрядом, имеющим целью действовать в тылу французской армии на коммуникационную ее линию. Этот отряд состоял из четырех казачьих полков, Казанского, драгунского и двух конных орудий. Меня Винценгероде назначил дежур[ным] штаб-офицером при этом отряде.

Выступив из Смоленска и имея в виду, что соединенные армии Барклая и Багратиона предпримут наступательное движение, отряд Винценгероде направился на Духовщину, потом на Усвят. До вступления в Усвят мы

^{79*} Нападения (фр.).

никаких не встречали отрядов французских, но по собранным сведениям полагали, что в Усвяте их встретим. Не доходя этого местечка, с сотнею казаков я был отправлен для открытия оногo и полагал, что будет мне случай отличиться, но увы — и след их простыл, и весь отряд вслед за мной прибыл в Усвят. Посланные разъезды к Суражу открыли там неприятеля, и как он был тоже не в силах, то было нам по рукам, — Винценгероде со всем отрядом тогда двинулся; но наше ожидание не осуществилось, и принц Евгений Богарне²⁷⁵, которого там проходом была корпусная квартира, накануне выступил и там в добычу нам досталось несколько больных и отсталых французов. Из Суража мы пошли к Велижу, имея достоверные сведения, что отряд французов весьма беспечно там расположен; и как дневная атака не была по силам нашего отряда, Винценгероде хотел попытать ночной поиск. Мы подошли к городу со всеми должными осторожностями, не были ни встречены, ни открыты; отсель сотня казаков гикнула впродоль большой улицы, остальной отряд кинулся на предместье. Ночь была темная, ни эги не было видно. Сотня проскакала по улице, но неприятель ободрился и сделал отпор ружейным огнем. По темноте ночи страшной с нашей стороны атаке не было возможности. Зачало рассветать, и тут уж нам не было по силам, и мы без потери отступили. Не излишним считаю сказать мое мнение о ночных экспедициях: при осадах они могут быть полезны потому, что пункт натиска обдуман и средства соразмерены, но в открытом поле в набежной попытке редко удаются, потому что действуют наудачу без общего направления по обстоятельствам — и нельзя обсудить ни натиска, ни отпора; в сущности завязалась с обеих сторон перепалка, а где наши были и неприятельские — не знали. Когда стало рассветать, к крайнему моему и Бенкендорфа удивлению мы очутились друг против друга сабли наголо и не могли удержаться от смеха этому наездничеству, во все невольному друг против друга.

После неудачной попытки на Велиже мы, выступив и не быв преследованы, пошли к Витебску; известно было, что там оставлен французский малый отряд и что там было разного рода сосредоточено продовольственных запасов и военных снарядов и учреждены гошпитали, а при предполагаемом нами наступательном движении ар-

мии из-под Смоленска. удачное завладение Витебском весьма бы полезно было в общем соображении.

Не доходя еще до Витебска, сколько помнится, не-вдалеке от Бабинович, внезапно явились к Винценгероде несколько евреев и привели ими захваченного французского кабинет-курьера, ехавшего из Парижа к Наполеону. Этот курьер с депешами, при нем находящимися, отправлен был в Петербург. Содержание депеш мне неизвестно. Но преданному еврею по случаю наших не общих наступательных движений, а только летучего поиска уже нельзя было воротиться в свое жительство, состоящее в черте занятой местности французами. Я его взял и сохранил при себе, и уже он воротился на родину при преследовании французской армии, их отступлении. Я об этой частности упоминаю как факт преданности евреев в то время России. И точно, смелость трусливых евреев, несмотря на неопределенность еще событий, решиться на опасный подвиг схватить курьера и представить его в русский отряд было дело смелое и заслуживающее быть упомянутым; жаль, что не помню его имени, но помню, что он занимался в том местечке, где жил близ Витебска,—неаттестованным медиком.

Наш отряд намеревался сделать поиск на Витебск, когда прибыл к нам из Главной квартиры от Барклая бесценно при нем находившийся ординарец обер-офицер по фамилии Парис²⁷⁶ и привез известие, что после кровопролитной битвы под Смоленском решено отступить к Москве, и нашему отряду приказано было, соображаясь с этим движением, отступить побочными дорогами и стараться делать набег на французскую коммуникационную линию. Поневоле Винценгероде был принужден исполнить приказание, хотя, по собранным нами сведениям, поиск наш на Витебск обещал удачу. Началось и наше отступление, и мы шли параллельно большой Смоленской дороге и старались тревожить, где могли, по слабым силам нашего отряда, хвост французской армии, а более захватывать фуражиров французских, отряжаемых вбок от главной дороги, и захватывать мародеров французских. Мы шли все форсированными маршами, чтобы стать на уровень нашей армии, и поэтому мало было стычек, заслуживающих повествования, но упомяну о двух: одна была около Гжатска, другая около Вязьмы.

Около Гжатска к нам явились крестьяне с вестью, что французский отряд грабит село Дугино, принадлежащее гр[афу] Никите Петровичу Панину, дяде моему по моей матери²⁷⁷. Как из желания отличиться, так и по чувству родственному я напросился на этот поиск и, получив сотню казаков, пустился с ними на риск в Дугино. Уже там не застал отряд французский и пустился за ними вслед, но настиг уже их отступивших, но в боевом порядке и в выгодной для них лесной позиции. Отрезать их мне не было по силам, гикнул на них, но они стройным каре встретили меня батальонным огнем, их не мог расстроить — лес прикрыл их отступление, и кончилось все ничем, а жаль мне было и в военном и в родственном отношении. Воротился в Дугино и был очевидцем всяких неистовств, сделанных там французами, бесчеловечно и без прямой пользы для них. Результат моего набега для меня был ничтожен, но охранил в это время Дугино от больших бед.

Другая стычка, уже полным отрядом, была в селе Самойлове, принадлежавшем тогда княгине Голицыной, известной в Петербурге под названием *Princesse Alexis*²⁷⁸. Тоже чрез крестьян узнал Винценгероде, что там вестфальцы грабят и причиняют неистовства. Полным отрядом пустились мы туда на рысях. Французы, сторожившие себя, узнавши о нашем приближении, отступили, но мы там еще застали малый отряд, не успевший отступить, разбредших[ся] перехватили, но человек сто вестфальцев заперлись близ господского дома в особенное жилое строение; нами окруженные, на наше предложение сдаться не соглашались и, стрелявши по нас, убили и ранили несколько казаков. Надо было кончить с ними, и Винценгероде велел спешить два эскадрона драгун. примкнуть штыки и идти на приступ. Храбрые драгуны со спешившимися казаками вломились в строение, и началась там резня раздраженными нашими драгунами и донцами, потерявшими упорством неприятеля несколько товарищей. Нам нужно было живого пленного, как говорится, языка, чтоб узнать о движении французской армии; адъютант Винценгероде по фамилии Елебангер²⁷⁹ и я кинулись в этот дом, чтоб иметь языка, но наши, раздраженные упорством неприятеля и за потерю своих, просто не давали никому пощады, лежали труп на трупе, раненых прикалывали, и мы двое едва могли схватить

одного живого и еще офицера, но так израненного, что едва говорил, и вскоре он помер.

Наш отряд переночевал в Самойлове, и мы могли обсудить зверские поступки неприятеля с безоружными жителями, бесполезный грабеж в господском доме и поругание святынь в церкви. И таковое святотатство во многих местах, посещенных французами, нами встречалось. При этом горестном зрелище были и сцены смеха: княгиня Голицына, давно уже перешедшая в католицизм, всегда жила в Самойлове летним временем, окруженная французскими аббатами. Простонародие убеждено было, что эти аббаты навели на Самойлово французскую рать, и в горе своем вопияли: «Вот тебе, княгиня, и аббат Николь, и аббат Саландр, и аббат Мерсье»²⁸⁰, а они все были моими наставниками, и эти восклицания невольно наводили во мне смех. Про Самойлово еще одно обстоятельство: ночевавши там и зная, что, вероятно, на днях после нашего отступления займут опять Самойлово французы, Бенкендорф и я на память взяли, как дань, рисунки, висящие на стене; но впоследствии княгиня уверяла, что мы оба в главе с подчиненными грабили ее жилище.

Наш отряд без всяких стычек с неприятелем продолжал свое движение отступательное, и 26-го августа в знаменитый день битвы Бородинской, хоть мы были не в дальнем расстоянии от этой местности, а именно в бывшем имении графа Льва Разумовского²⁸¹ (а ныне графа Алексея Сергеевича Уварова)²⁸², гром выстрелов пушечных, которых гул доходил до Москвы по течению реки, к нам в лесной местности без водяных сообщений вовсе не был нами слышен. Но вскоре весть о битве Бородинской и о отступлении главной армии к Москве была нам известна. Генерал Винценгероде, дав назначение, куда следовать отряду, сам взял меня с собой, поскакал на перекладных в Можайск, чтоб узнать о точных военных обстоятельствах и принять приказание о действии и направлении командуемого им отряда. По неотдаленности нашего отряда от коммуникационной линии мы скоро доехали до Можайска, где была Главная квартира, и Винценгероде явился к Михайле Илларион[овичу] Кутузову, который уже перед Бородинской битвой прибыл в главную армию и принял командование всех армий. Главнокомандующий и ко мне обратил свое милостивое внимание, зная меня по нахождению при нем в Дунай-

ской армии во время кампании против турок в 1811, куда я прибыл, как выше сказано было, в конце августа того года. Хотя под Бородино и после велики убыли, понесенные нами в рядах армии как генерал-, штаб- и обер-офицеров и рядовых, дух армии во всех слоях оной нисколько не упал, и пылали желанием вновь сразиться с французской армией. Винценгероде пробыл в Главной квартире армии менее суток, и отряд его, подкрепленный одним егерским полком и шестью конными орудиями, получил назначение как можно поспешнее занять Звенигород и затруднять по дороге от этого города к Москве те войска, которые будут направляться по этому тракту от неприятеля. Винценгероде, в соупутствии моем, опять поскакал на перекладных к отряду, и на пути чуть мы не попались в плен; мы выезжали из одной деревни, когда с другой стороны входил отряд французов. Прибыли к отряду и пошли к Рузе, городу, где уже застали назначенное нашему отряду подкрепление. Из Рузы мы ретировались на пути, слабо преследуемые французами. И дошли так до Звенигорода; тут довольно выгодная местность дала возможность генералу попытаться сделать маленький отпор, тем более удобный, что близ Саввинского монастыря в ущелье можно было устроить засаду казачью, скрытную от глаз неприятеля. И когда они подошли на уровень этого монастыря, казаки из засады гикнули, причинив расстройство в авангарде французском, и положили некоторых на месте, взяли некоторых пленных. Весь же отряд стал в позицию и тем приостановил на несколько часов натиск неприятеля. Но нашему отряду не было в силах принять сражение, и мы перед рассветом отступили и с возможным по малочисленности нашего отряда [усилием] делали отпор в наступательном движении неприятельских по этому тракту колонн — и таким образом, соображаясь с мерами отступления главной армии, подошли к святой и милой для каждого русского, и в особенности в то время, белокаменной Москве.

Не буду говорить о всем, что в эту годину происходило в Главной квартире, и о решении главнокомандующего в последующих военных действиях — это гораздо лучше объяснено многими как официальными донесениями, так и многими частными повествователями. Но должен сказать, что общий дух армии [не упал] даже тогда, как известно стало, что Москву передаем без защиты

неприятелю. Всякий постигал, что защищать Москву на Воробьевых горах — это было подвергнуть полному поражению армию и что великая жертва, приносимая благу отечества, необходима. Грозный день отступления за Москву настал, и наш отряд также прошел чрез Москву и стал на денек близ деревни, занимаемой Главной квартирой. Кровь кипела во мне, проходя чрез Москву с двумя моими знакомыми. Помню, что билось сердце за Москву, но и билось также надеждою, что Россия не в одной Москве и что с ожидаемыми подкреплениями, с твердостью духа армии и простого народа русского — отомстим сторицею французам, которых каждый шаг вовнутрь России отделял их от всех запасов и подкреплений. Винценгероде получил приказание со своим отрядом окруж Москвы идти и, став на Петербургский из Москвы тракт, охранять его по возможности, держать чрез отряды летучие сообщения с главной армией, иметь отряды по тракту Ярославскому и Рязанскому и быть, так сказать, вестником в Петербург о движении неприятеля по Москов[скому] тракту.

Из Главной квартиры наш отряд принял назначенный путь, и мы шли, кружив около Москвы, двое суток. Зарево пылающей Москвы так было сильно, что ночью мне было без затруднения читать донесения, составленные от отряда по разным путям; кружили мы от Москвы в 10-ти или 15-ти верстах расстояния, посылали в самую Москву разъезды приводить нам оттуда пленных и, наконец, прибыли в Всесвятское, но при сделанном на нас движении отступили до Черной Гязи, оставя на половине дороги авангард под команду Василия Дмитриевича Иловайского, тогда за № 12, отличного штаб-офицера и по храбрости и по распорядительности²⁸³.

Винценгероде из Черной Гязи послал донесение государю о горестном событии передачи Москвы в руки неприятеля. И, несмотря на пристрастное повествование Данилевского²⁸⁴, государь чрез Винценгероде был извещен о судьбе Москвы. Послан был лейб-казацкого полка поручик граф Орлов-Денисов²⁸⁵.

Наш отряд был случайно подкреплен Изюмским гусарс[ким] полком и несколькими сотнями лейб-казаков, которые, быв в арьергарде армии, были [отрезаны], не могли по занятии французами сообщений присоединиться к главной армии, и присоединились к нашему отряду и

потом по распоряжению главнокомандующего вошли в состав нашего отряда.

Посланный от Винценгероде граф Орлов-Денисов, прибыв в Петербург, с заставы был при казаке направлен к графу Аракчееву, и по извещении, что Москва занята французами, граф взял депеши, его запер в собственном своем кабинете и, в скором времени возвратясь к своему пленному, вручил конверт с наставлением, которое и от Винценгероде было ему дано,— о сдаче Москвы никому не сообщать, и его, Орлова, посадили на приготовленную тройку и опять за конвоем казака отправили к заставе и потом вдаль, к нам.

Ответ государя преисполнен был чувством и твердостью духа. Винценгероде, прочитавши его, обратился к присутствующим, а именно к А[лександр]у Х[ристофорович]у Бенкендорфу и Льву Александровичу Нарышкину²⁸⁶, и сказал, передавая нам это письмо: «Regardez quel empereur a la Russie et pous»^{80*}. Боюсь умалить содержание письма и чувств его при столь неожиданной вести, но они так резко впечатлились в моей памяти, что я полагаю, что довольно верно их передам. Вот они:

«Général! Je ne puis concevoir ce qui a porté le général Koutouzoff à livrer Moscou à l'ennemi, après la victoire qu'il remportée à Borodino, mais tous ce que je puis Vous dire c'est que dusse-je à la sueur de mon front cultiver un coin de terre dans le fin fond de Sibérie — jamais je ne consentirai a faire le paix avec l'implacable ennemi de la Russie et du mien». Le général Danileffsky rapporte le contenu de cette lettre comme écrite a général Koutouzoff — je puis affirmer qu'elle a écrite au général Vinzengerode, et cette autographe a été entre mes mains»^{81*287}.

Военные действия нашего отряда ограничивались

^{80*} Видите, какого императора имеет Россия и мы (фр.).

^{81*} «Генерал! Я не могу понять, что заставило генерала Кутузова отдать Москву врагу после победы, которую он одержал при Бородине. Но одно я могу вам сказать — пусть мне пришлось бы в поте лица обрабатывать клочок земли в самой глубине Сибири, я никогда не соглашусь заключить мир с непримиримым врагом России и моим». Генерал Данилевский относит содержание этого письма, как обращенное к генералу Кутузову, я могу утверждать, что оно написано генералу Винценгероде. Это письмо я держал в своих руках (фр.).

только аванпостными делами и смелыми поисками отрядов Иловайского^{82*}, бравших то с бою, то удачными набегами его отрядов в местах, куда разбредались хищные к грабежу французы. Главная цель действий нашего отряда было сторожевое дело по трактам Ярославскому и Рязанскому для извещений в главную армию и связи с ней, а в особенности сторожить Петербургский тракт и давать об всяком движении весть в Петербург и в Главную квартиру. С Петербургом наши сообщения были через фельдъегерей, через сутки как в Питер, так из Питера к нам отправляемых, а с Главною квартирою — через казачью летучую почту.

Движение наступательное французов заставило наш отряд отступить постепенно в Подсолнечное, в Чашники и, наконец, в Клин, но арьергард наш не отступил далее, сколь упомяну, Чашников; и при каждом отступательном движении мы старались истреблять все то, что могло способствовать к снабжению продовольствием неприятеля.

Наш авангард не вступал, даже избегал заводить стычки с неприятелем, а ограничивался разъездами, чтоб иметь сведения о его движении, и потому нет повода мне описывать действия оною, хотя должен отдать справедливость безусыпной распоряд[ительности] начальника оною, тогда в чине полковника, Иловайского 12 и командующего всеми постами связи нашей с главной армией подпол[ковника] Донс[кого] войска Победнова²⁸⁸. И как я сказал, по причине некоторых движений наступательных неприятеля, по мере отступления нашего авангарда и наша отрядная Главная квартира также отступила и, наконец, была переведена в город Клин.

Во время нашего пребывания в Клину были происшествия не в прямой связи с военными действиями, но заслуживающие повествования. На наши аванпосты явился из Москвы переодетый в платье купчика тогдашнего Литовского гвард[ейского] полк[а] обер-офицер Оде де Сион (Audé de Sion), воспитанный в Пажеском корпусе, и сын надзирателя классов в этом заведении²⁸⁹. Этот молодой человек мне хорошо был знаком и из нашего авангарда был препровожден к Винценгероде. При явке его он объяснил, что он был захвачен в плен и нашел

^{82*} В оригинале ошибочно: Яловайский.

возможным, переодевшись купчиком, бежать из Москвы и просил быть доставленным в Глав[ную] квар[тиру] армии, состоя до плена в бессменных ординарцах при генерале, бывшем главнокомандующем Барклае де Толли. По прежнему знакомству с ним я его до отправления, куда желал он, приютил его к себе, но и теперь помню. что костюм его в виде купчика как-то щегольством своим обратил мое внимание, и про себя думал, что для удобства побега скорее и удобнее бы было для избежания подозрения от французов переодеться просто в мужицкое платье. Он так щеголевато был переодет, что казалось, что он готовится играть роль купчика на театре. Молодой Оде де Сион был отправлен в Главную квартиру всех армий, и вскоре мы узнали обстоятельство, весьма невыгодное для него. Пойманный французский шпион, уличенный в этом, был осужден быть расстрелянным и при шествии на смертную казнь он, увидев Оде де Сиона, и из расчета ли или по другим неизвестным мне причинам, он сказал: «Вы ведете меня на казнь, но вот,—указывая на Оде де Сиона,—так же шпион, как и я, но еще вдобавок и в русском мундире». Само собой разумеется, что эти слова должны были навести подозрение на молодого человека. Он был подвержен следствию; уличенным он не был, но, однако ж, были поводы к подозрению, и он был выслан из армии в Петербург к отцу своему под надзор. Сказывали мне потом, что много ему помогло заступничество Барклая де Толли, сын которого тогда воспитывался в Пажеском корпусе и который был поручен отцом — отцу Оде де Сиона. Но его в виновности не утверждаю, но рассказываю то, что слышал.

Другое обстоятельство, и довольно замечательное, это прибытие на наши аванпосты под парламентским от французов флагом действительного статского советника Яковлева²⁹⁰. Прибыв и являсь к Иловайскому, он потребовал немедленной отсылки к генералу Винценгероде, имея, как он говорил, важное сообщение ему для передачи государю.

Прежде, нежели объяснять то, что случилось, надо объяснить, что Яковлев был тесно знаком с Винценгероде — оба они были во времена Суворовской кампании в Италии при в[еликом] к[нязе] Константине Павловиче, и еще объяснить надо, что Винценгероде по созвучию

имен Вейротер^{83*291}, тогдашнего генер[ал]-квартир[мейстера] австрийской армии при Аустерлице, неправильно был, т. е. Винценгероде, подозреваемым передаче Наполеону плана, предпринятого для Аустерлицкого сражения. Это последнее обстоятельство в деле, принимающем какой-то тайный вид,—охранить себя гласностью свидания, мерами осторожности, и поэтому, дав знать Иловайскому, чтоб Яковлев был представлен в Клин, Винценгероде приказал приближенным при нем, в том числе и мне, быть свидетелем его свидания с Яковлевым. По прибытии сего последнего нас несколько человек были в комнате, занимаемой Винценгероде. Яковлев, взошедши по обыкновению, приветствовал как знакомый коротко, сказал Винценгероде, что он имеет необходимость переговорить с ним глаз на глаз, но Винценгероде ему отвечал, что все присутствующие так близки ему и так пользуются полным его доверием, что ему нечего опасаться говорить при нас и что даже он требует, чтоб тайна, которую он имеет сообщить ему, была высказана при нас. Тогда Яковлев объявил ему, что оставшийся больным в Москве при занятии города французами Наполеон, имевший о нем сведение как о бывшем русском посланнике при короле Вестфальском в Касселе, вызвал его к себе и поручил ему для передачи русскому императору от себя письмо и вместе с тем выразил, что он, Наполеон, желает войти в переговоры о замиреннии с импер[атором] Алек[сандром] и что передачу письма и этого поручения передает ему, Яковлеву, как известному ему дипломату. Едва только кончил это сообщение Яковлев, то Винценгероде ему сказал: «Хоть мы старые знакомые, но должен я вам сказать, что объявленное вами заставляет меня действовать с вами не как старый знакомый, но как лицо, обязанное служебным долгом. Мое одно присутствие охраняет вас от заслуженного вами поругания присутствующих господ. Предложение к миру не может привлечь к сердцу ни государю, никому из его верноподданных, и поэтому письмо, вами врученное, перешлю к государю, но вместе и вас арестованным. Вот все, что я могу вам сказать на ваше извещение и как старый ваш знакомый сожалею, что вы приняли таковое поручение».

Как я заведовал письменными делами при Винцен-

^{83*} В оригинале ошибочно: Вейрод.

героде, исправляя должность дежурного штаб-офицера по отряду, Винценгероде приказал мне приготовить к безотлагательному отъезду фельдъегеря, послав собственноручное донесение гос[ударю] имп[ератору], вместе с тем велел назначить офицера и конвойных для отправки арестованным Яковлева также на курьерских.

Впоследствии я узнал, что государь отправил не распечатавши письмо Наполеона к Кутузову для возвращения в том же виде на французские аванпосты, а по прибытии Яковлева в Петербург его прямо повезли в Петропавловскую крепость и подвергли его следствию тайному. Яковлев был отправлен в свои деревни под надзор местной полиции, и запрещен ему был въезд в обе столицы.

По прошествии некоторого времени донесено было с наших аванпостов, что довольно сильный французский отряд двинулся к городу Дмитровску и занял этот город. Как это движение угрожало, что французы имеют, может, намерение из Дмитровска идти на Тверь, и имея сведения, что этот отряд равносителен нашему отряду, Винценгероде, собрав почти весь свой отряд и оставя только наш арьергард в занимаемой им местности, двинулся к Дмитровску с намерением сделать внезапное нападение на отряд, по известиям, довольно оплошно там стоящий. Мы двинулись форсированным маршем из Клина и прибыли к Дмитровску еще не рассвело, думали там застать неприятеля, но он уже прежде отступил к Москве, забравши продовольственные способы. Нашли еще теплый бивак неприятеля и в биваке захватили несколько пленных, чрез которых узнали, что уже французский отряд нам достигнуть нельзя.

Вместе с движением на Дмитровск получено было из нашего авангарда донесенье, что его теснит неприятель, и ожидавши, что при превосходстве его мы должны будем оставить Клин в направлении на Тверь, где формировалось уже ополчение и было дано под начальство Винценгероде, а как общей нашей целью было при каждом отступлении истреблять всякие запасы продовольственные, поручил мне Винценгероде истребить винный подвал заранее, чтоб в случае с бою оставления Клина не дать повод отступающему отряду к беспорядку. Я взял несколько казаков, взшел в подвал, отколотил все втулки бочек, по штофам сабельными ударами, и признаюсь.

все это делал с восторгом, ненавидя с давнего времени, как и теперь, это поползновение к разврату продажей питей народу. Так удачно все было исполнено, что просто было в подвале [вина] по колено, а вместе с тем и капли никому не попало в рот. Я упоминаю об этом антикабашном подвиге, потому что в 1817 году, т[о] е[сть] пять лет по истечении события, получил я запрос из Московской казенной палаты, чтоб дать отчет, почему я решился на такой поступок, принесший столь значительный убыток казне, и имел ли я в оправдание письменное на то повеление, которое и обязывали меня представить в оригинале. Само собою разумеется, что я отвечал, что я за действия в пользу тогдашних обстоятельств не обязан никакому отчету, что этого требовали военные обстоятельства, что в военное время исполняешь и словесные приказания, а письменных не имел, и что ежели мой ответ для палаты неудовлетворителен, то пусть снесутся с господином корпусным, ныне командиром ген[ералом] от кав[алерии] бароном Винценгероде, который не только не будет им отвечать, но представит г[осударю] и [мператору] неуместное требование моск[овской] каз[енной] палаты. Не знаю, чем это все кончилось, но, по крайней мере, меня уже не тревожили.

Я не раз уже подтверждал, что правилом, нами принятым, было беречь продовольственные способы, в тылу у нас находящиеся, употребляя то, что находилось в черте расположения наших войск, и это производилось реквизиционным образом самими командирами отдельных частей в силу даваемых ежедневно из дежурства сведений, что таких-то продуктов выдать из таких только-то мест и таким-то начальством для войск, в их команде состоящих столько-то. Когда вся Россия жертвовала последней копеечкой и, можно сказать, последним взрослым человеком, что тут было беречь барские выгоды доходов, тем более, что по вероятностям того времени и малозначительности нашего отряда надо было брать то, чтоб оное не поступило назавтра неприятелю.

В один день получил я от подполковника Розенберга²⁹² извещение, что по назначенной реквизиции фуража и людского продовольствия командуемого им Изюмского гусарского полка из имения ген[ерал]-адъют[анта] Балашова управляющий этим имением не только что отказывается в выдаче по ассигновке, но выгнал фуражиро-

ванную команду и отправил нарочного в Тверь, чтоб оттуда послать эстафету с жалобой на действия военного управления. Розенберг был, по содержанию его записки ко мне, очень испуган и просил моего совета.

Я, зная образ суждений Винценгероде в отношении общих тогдашних обстоятельств, понес прямо записку Розенберга к Винценгероде, доложил о содержании оной и получил приказание передать Розенбергу, чтоб он, если не хотят ему дать назначенное мирным путем, чтоб он бы взял вдвое силою. К этому же Винценгероде еще сказал, что впоследствии от царя зависит платить за забранное, но теперь, когда правительству на защиту отечества нужна каждая копейка, нечего заботиться о выгодах помещичьих и что грустно будет, если приближенные к царю не будут давать пример пожертвований и особенно в предстоящих обстоятельствах, потому что [не нужно] беречь теперь русским то, что завтра, если сохранено будет, может быть взято французами.

Но вопль чиновников, которым препятствовал Винценгероде делать закупы по фабулярным ценам, и таковою же вопль господ помещиков, которые как тогда, так и теперь и всегда будут это делать — кричать об их патриотизме, но из того, что может поступить в их кошелек, не дадут ни алтына, — этот вопль нашел приют в Питере, и на эти жалобы, хотя в выражениях весьма учтивых, от графа Аракчеева был прислан Винценгероде запрос.

Имея рыцарские чувства, Винценгероде, получив это, вспылал, не отвечал графу, но написал письмо прямо к государю, приказал мне немедленно отправиться с этим письмом в Петербург и дал мне собственноручную записку, в чем объясниться с царем как по предмету нанесенной на него жалобы, так и по многим другим обстоятельствам.

Сборы мои не были долги; занимаемую мной должность передал я Нарышкину, сел на тройку и помчался в Питер.

По тогдашнему заведенному порядку приезжие курьеры прямо приводились к графу Аракчееву и оттоль, смотря по лицам и обстоятельствам, он или один, взявши депеши, или с прибывшими ехал во дворец, и тогда прибыв[ший] допускался до царя.

Граф Аракчеев повез меня во дворец, и я лично и без него был допущен к государю. Отдав ему депешу, доло-

жил, что имею записку о личном докладе ему содержания. Он и ту взял и, переговорив со мною о содержании всего врученного, сказал мне: «Ты немного отдохнешь, а потом получишь отправление от графа». Тут он мне сделал следующие вопросы:

1-й. Каков дух армии? — Я ему отвечал: «Государь! От главнокомандующего до всякого солдата все готовы положить свою жизнь к защите отечества и вашего импер[аторского] величества».

2-й. А дух народный? — На это я ему отвечал: «Государь! Вы должны гордиться им; каждый крестьянин — герой, преданный отечеству и вам».

3-й. А дворянство? — «Государь! — сказал я ему, — стыжусь, что принадлежу к нему: было много слов, а на деле ничего».

Государь тогда взял меня за руку и сказал: «Рад, что вижу в тебе эти чувства; спасибо, много спасибо».

И кончил разговор тем, что «перед отправлением я с тобой увижусь и передам тебе поручение к Винценгероде, — от меня прямо к нему», прибавив: «*Nous nous comprenons avec lui*»^{84*}.

Этот разговор так мне памятен, что заверяю, что просто слово в слово передаю его теперь моим пером.

Жду день, жду два, жду три моего отправления, жду четвертый, пятый — все нет о том вести; живу приятно, лелею всеми старыми знакомыми и даже незнакомыми; в военное время, и особенно тогда, всякий приезжий из армии обращал на себя внимание. Провожу время приятно, но совестно оставаться в мирном быте, когда другие под пулями, да и боялся, чтоб Винценгероде не подумал, что я попался в новую Капую²⁹³. Зная, с каким нетерпением он ждет моего возврата, я решил, чтоб выйти из этого положения, зная дружескую связь Марии Антоновны Нарышкиной с Винценгероде, чтоб она мне помогла в безотлагательном отправлении к нему, и, объяснив и мой долг и мои опасения, я просил ее доложить о том государю. «Нынче же скажу», — ответила она мне, и я, поблагодарив ее, пустился по городу. Вечером, быв у Марии Алексеевны Нарышкиной²⁹⁴, которая еще более прежнего была расположена ко мне как нынешнему сослуживцу ее сына Льва, мне уже около полночи докла-

⁸⁴ Мы с ним понимаем друг друга (фр.).

дывают, что фельдъегерь, присланный от государя, имеет надобность меня видеть. Я вышел, и он мне сказал: «Государь приказал вам завтра в шесть часов утра быть во дворце, но приказал мне подтвердить вам, чтоб вы не опоздали».

Разумеется, я еще ранее 6 часов был во дворце и известил камердинера государя, что я тут и чтоб, когда можно будет, доложил бы обо мне государю. Недолго я подождал и был призван в кабинет государя.

Приняв очень благосклонно меня, он мне сказал: «Вот тебе письмо к Винценгероде; он поймет меня и убедится, что я имею полное уважение и доверие к нему, но в ходе дел административных надо им давать общий ход, и поэтому как те бумаги, которыми он был недоволен, так и те, которые вперед могут быть не по мыслям и сердцу, пусть они его не тревожат и класть их под красное сукно и не давать исполнения. Он и я — мы друг друга понимаем, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его от меня за преданность и службу. Через несколько часов потребует тебя для отправления граф Алексей Андреевич, ты не говори, что я тебя требовал к себе и что ты получил от меня конверт для вручения Винценгероде». Я указываю на эти последние слова как странный факт, что государь себя подчинил какой-то двуличной игре с Аракчеевым, и как доказательство силы его у государя.

Вскоре я был потребован к Аракчееву, получил отправление и приготовился к отъезду несколько часов после.

Спутником моим напросился вступивший тогда в русскую службу из австрийской подполковник барон Тетенборн, офицер, приобретший уже известность в австрийской Ульмской кампании содействием своим принцу Фердинанду Австрийскому, с небольшим отрядом не принявший капитуляции Макка и сквозь полчища французские совершивший, можно сказать, не отступление, но пробой²⁹⁵.

Прибыв проездом на станцию Вышневолоцкую, мы встретили там фельдъегеря, едущего из-под Москвы к государю, и по спросе у него, что делается в отряде, получил я горестное известие, что Винценгероде был взят в плен французами и что той же участи подвергся и товарищ мой Лев Александрович Нарышкин. Эта весть была для меня громовым ударом как в отношении воен-

ных действий, ибо тут же я узнал, что французы отступают из Москвы, так и по преданности моей к доброму для меня начальнику.

Плен Винценгероде событие общего интереса, а для меня столь близкое моему сердцу и чувству к нему, что я прерву повествование общих событий и расскажу его в точном виде этого происшествия, рассказанное как Винценгероде и Нарышкиным, когда с ними впоследствии выдался, так и рассказа других очевидцев оного.

Рассказ этот не ограничится одним событием захвата Винценгероде и Нарышкина в плен, но и всего, что с ними случилось до отбытия их из плена и самого этого освобождения их из плена.

Предварительно надо объяснить, что во время поездки моей в Петербург положительно дознано было, что неприятель собирается отступательным движением оставить Москву, и наш отряд в течение времени моего отсутствия из Клина уже перешел в Черную Грязь, а Иловайский с авангардом нашим уже стоял <нрзб.>, даже подался к Петровскому парку и Бутырской заставе, и этот авангард был подкреплён частью казачьих полков нашего отряда, когда другая часть была послана под начальством полковника А[лександра] Х[ристофоровича] Бенкендорфа к Можайской дороге, чтоб следить за движением и отступлением неприятеля по этой Смоленской дороге и по возможности наносить вред неприятелю. Посланный в подкрепление к Иловайскому 12 с частью казачьих полков генерал-майор Иловайский 4-й (Иван Дмитриевич, старший чином в отряде после Винценгероде)²⁹⁶ донес, что французы выступили из Москвы и что он занял город, кроме Кремля. Винценгероде тогда был с главными силами еще в Черной Грязи. Он приказал регулярному войску своего отряда идти к Москве, а сам с Нарышкиным сел на перекладные и поскакал к авангарду, из которого получил такое важное известие, чтоб лично распорядиться последующим движением и занятием города, и тем более встревожен он был, что он извещен был лазутчиками нашими в Москве, что французы сделали подкопы (des mines) в некоторых частях Кремля, и хотел заключить суточное перемирие с французами для спокойного выхода их, буде согласятся не приступать к взрыву подкопов, ими учиненных.

Винценгероде, прибыв с Нарышкиным и сев оба на

лошадей, данных им крымско-татарского казачьего полка князем Хункаловым²⁹⁷, хотел лично с малым конвоем въехать в город, чтобы, не нанося опасения французам, занимавшим еще Кремль, взойти с начальниками в переговоры и охранить Москву от замышленного поругания. В то время как Винценгероде хотел въехать в город, Иловайский 4-й сказал ему: «Генерал, вам опасно въезжать». — «Почему?» — возразил ему с негодованием Винценгероде, — разве вы не донесли мне, что вы заняли уже Москву?» — «Точно так, — отвечал ему Иван Дмитриевич Иловайский, — но только разъездами удостоверились, что французы отступают, а не то, чтоб вовсе занял город до Кремля». Тут Винценгероде, по характеру очень вспыльчивый, ему возразил уже в запальчивости: «Ты меня обманывал ложным донесением! Ты к этому, я вижу, трус!» И, взяв малый конвой, вступил в город и достигнув Тверских ворот или, лучше сказать, бульвара, наименованного Тверским, приказал конвою остановиться и, взяв одного казака и велел навязать на пику белый свой платок, сказал ему ехать вперед, а сам с Нарышкиным от бульвара подали вперед до ген[ерал]-губ[ернаторского] дома. Тут у самого Газетного переулка увидел он пост офицера французского, и как белый флаг означал, что парламентар, и как у казака тогда не было трубача, то офицер французский и Винценгероде уже один друг к другу подошли вперед; и Винценгероде объяснил ему, что он прислан парламентаром от начальника русского отряда (скрыв, что он сам этот начальник), и был [принят] французским офицером как парламентар, а от него с известием об прибытии парламентара дано знать начальствующим в Кремле. Но вдруг внезапно наскочил из переулка другой французский офицер с разъездом и прямо на Винценгероде и сказал ему: «Vous êtes mon prisonier» (Вы мой пленник). Первый, принявший французский офицер Винценгероде, сказал своему товарищу: «Que faites-vous, camarade! c'est un parlementaire». Mais celui-là lui répond: «quel diable de parlementaire, il vous trompe. Cet officier s'est égaré, et craignant d'être pris, il joue le parlementaire»^{85*}. Винценгероде,

^{85*} Что ты, друг, делаешь? ведь он парламентар. А тот отвечает ему: какой к черту парламентар, он тебя обманывает. Этот офицер заблудился и, чтоб не быть взятым в плен, — морочит тебя, будто он парламентар (фр.).

взбешенный этим поступком против всех принятых вообще прав военных, и по обычному своему пылкому характеру еще более во вред себе сказал: «Дайте знать вашему начальнику, что начальник русского отряда, стоящего перед Москвой, желает иметь переговоры с командующим французскими войсками в Кремле».

Фельдмаршал Мортье²⁹⁸, начальствующий в Кремле, получил донесение о захвате в плен Винценгероде, несмотря на противозаконный этот захват, приказал, чтоб его представили к нему, и вместе с ним был также представлен и Нарышкин, который, не видя возврата Винценгероде, приказавшего ему остаться поодаль, примкнул к нему и тоже был взят в плен. Когда русские пленные были представлены к нему, Винценгероде сильно возразил против захвата его в противность всяких военных прав, но фельдмаршал ему возразил: «Генерал! Я очень сожалею о всем происшедшем, но сами обсудите положение дела. Вы фактически доставлены ко мне как пленный, вы начальник русского отряда, следящего за войсками под моим начальством, вы лично видите приготовления их к выступлению из Москвы — я не могу решить сам об вашем освобождении и поэтому должен донести импер[атору] о всем происходящем и ждать его приказаний».

Итак, Винценгероде и Нарышкин, как пленные, вместе с отступающими из Москвы фран[цузскими] войсками вывезены были из Москвы по тракту к Верее. В этой местности Наполеон, уже начавший полное отступление вспять, делал смотр всей своей армии и после обзора оной поскакал к местности, где находился за конвоем Винценгероде с Нарышкиным, и вот что произошло. Наполеон, подсакав к Винценгероде, сказал ему: «Je vous rencontrerai donc partout où il y a guerre contre moi? Qu'est ce que c'est que cette inimitié personnelle? C'est à des misérables comme vous qu'est dû tant de sang versé. C'est à vous qu'on doit toutes les cruautés commises par une population déchainée contre nous. Avez-vous oublié que vous êtes mon sujet? Vous êtes sujet de la confédération du Rhin, vous êtes donc mon sujet²⁹⁹. Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! Croyez-vous que je ne sais pas que vous avez été à la rencontre de

l'empereur Alexandre lors de l'entrevue d'Erfurt pour agir contre moi?»^{86*}

На это Винценгероде ему со стойкостью отвечал: «Je m'attendais depuis longtemps d'être tué par une balle française. Quant à ma femme et mes enfants, je suis tranquille, ils sont sous la protection de l'Empereur Alexandre»^{87*}. Тут опять Наполеон закричал: «Qu'on le fusille qu'on le fusille; ou plutôt qu'on fasse son procès et que dans les 24 heures il soit fusillé»^{88*}.

Потом Наполеон, обратившись к Нарышкину, сказал: «Vous êtes le fils du grand chambellan?» — «Oui, Sire»^{89*}, отвечал тот ему. На это опять Наполеон уже Нарышкину сказал: «Pourquoi servez-vous ces étrangers? Vous autres, russes, vous êtes de braves gens; je vous estime; mais des misérables comme celui-là!», указывая на Винценгероде: «Servez vos russes, mais non pas des misérables comme lui»^{90*}, опять указывая на Винценгероде.

Военный суд был немедленно учрежден, и на предложенные ему пункты, в которых главное ему было поставлено в вину, что он *подданный Рейнской конфедерации*, Винценгероде отвечал, что он родился в Магдебурге от отца, служившего в прусском войске. Этот ответ, а может быть, и сообщение, сделанное Кутузовым, когда он узнал, что Винценгероде взят был в плен, «что за покушение на жизнь Винценгероде отвечают жизнями все генералы французские, у нас в плену находящиеся», —

^{86*} Неужели я буду встречать вас везде, где воюют против меня? Откуда эта личная вражда? Это из-за таких презренных, как вы, пролито столько крови. Это таким, как вы, мы обязаны жестокостями разнузданной черни. Или вы забыли, что вы мой подданный? Вы подданный Рейнской конфедерации, следовательно, мой подданный. Расстреляйте его! Расстреляйте его! Неужели вы полагаете — мне неизвестно, что вы отправились на встречу с императором Александром во время Эрфуртского свидания, чтобы действовать против меня? (фр.)

^{87*} Я давно ожидаю смерти от французской пули. Что же касается моей жены и детей — я спокоен, они находятся под покровительством императора Александра (фр.)

^{88*} Расстреляйте его! Расстреляйте! Или пусть лучше устроят над ним суд и в 24 часа расстреляют (фр.)

^{89*} Вы сын обер-камергера? — Да, сир (фр.)

^{90*} Зачем вы служите этим иностранцам? Вы, русские, — храбрые, я вас уважаю, но презренные, подобные этому... служите своим русским, а не презренным, подобным ему (фр.)

и Наполеон по настоянию своих приближенных отменил производство суда над Винценгероде, но назначен был для отправки его маршрут не на Эрфурт, на который была военная дорога, французский тракт сообщения с Францией, а на Кассель, вероятно, и даже впоследствии узнано было, чтоб король Вестфальский, в королевстве которого вся фамилия Винценгероде числилась, чтоб мог бы король распорядиться с Винценгероде как с поднявшим оружие против отчизны оной.

Хотя бы здесь должно бы мне прервать рассказ о плене Винценгероде и повествовать о современных событиях, но полагаю удобным, чтоб не прерывать связь того, что относится до Винценгероде, рассказать освобождение его от плена.

Из Вереи Винценгероде был отправлен с конвоем в карете, еще взятой в Москве, вместе с Нарышкиным, и присоединили к ним захваченного также, неизвестно мне где, в плен числящегося по ополчению ген[ерал]-май[ора] Свечина³⁰⁰. От Вереи до Смоленска их везли за конвоем малыми этапами, но по прибытии в Смоленск уже отправили их в той же карете на почтовых лошадях. В Дубровке или в Тикочине в карете сделалось повреждение, и поправка задержала их. По исправлении пустились они опять в путь. Из каждого [пункта] давались [им] в виде конвоя три жандарма, сидящие вне кареты. Но на половине дороги из Тикочина к Минску днем вдали показались казаки. К счастью везомых, хотя прежде встречали или обгоняли отряды французские, в настоящую минуту на глазомерную дистанцию и далее в протяжении их не видно было. Казаки более и более показывались, и наконец и наши пленники освобождены, тогда как не чуяли о этом счастливом для них событии, потому что были вне той местности, где могли предполагать присутствие русских войск.

Вот как это произошло. Тогдашний флигель-адъютант ротмистр Чернышев³⁰¹ (впоследствии и князь, и генерал-адъютант, и военный министр, и председатель Госуд[арственного] совета и, бог весть, за какие услуги и способности) из армии Чичагова³⁰² был послан, чтоб открыть проход чрез тыл французской армии, чтоб достигнуть корпус графа Витгенштейна и условиться об общем движении при известном уже обстоятельстве отступления французской армии. Он имел под своей командою каза-

чий полк Пантелеева³⁰³, недавно пришедший с Дону, а поэтому довольно сильный. Чернышев, по обычному своему, как прежде и впоследствии, самосохранению, сам с отрядом не входил в стычки с неприятелем, даже избегал их и перешел чрез большую дорогу между Тихоцином и Минском — в отдалении от оной расположился для отдыха людям и лошадям. Судьба, всегда ему благосклонная, внушила ему послать разезд пошарить на большой дороге и тем чужими руками, на авось, может быть удачный, сделать набег и иметь случай сделать реляцию, что впоследствии в 1813 и 1815 году сделал; в 13-м занятием без выстрела и без всякой обороны Касселя, а в 15-м — Шалона, о чем будет рассказано в свое время. Чернышев, призвав к себе Пантелеева, спросил его, нет ли возможности набрать несколько добронных казаков и с надежным урядником послать пошарить на большой дороге. Полковник Пантелеев сказал, что можно и что пошлет надежного урядника Дудкина³⁰⁴. Сказано — сделано, и этот урядник Дудкин не только освободил Винценгероде с его спутниками, но еще захватил курьера, ехавшего из Парижа с известием о заговоре Malet³⁰⁵ и другого — от Наполеона с известным двадцать девятым бюллетенем de la grande armée³⁰⁶. Так что впоследствии как Наполеону, так и Европе оба события сделались известными чрез сообщение от русского правительства. Счастливый подвиг, хоть без всякого отражения, делающий честь Дудкину, а вся слава или, лучше сказать, выгода от события была Чернышеву; он произведен в г[енерал]-м[айоры], назначен ген[ерал]-адью-т[антом], за что? За то, что сложа руки, преспокойно, чужими руками, без всякой с его стороны распорядительности совершил удачный подвиг; а делец одного хоть за это и произведен в хорунжие, но, вероятно, ни в каких записках о войне 12 года его имя не упомянуто. Винценгероде и Нарышкин поскакали в Петербург: первый был принят с восторгом царем, который в нем считал себе друга, и оба были произведены в следующие чины.

Теперь обращаюсь к Москве и тому времени, когда французы выступили, и вслед за ними опять русские взшли в белокаменную, оскверненную пятою французов.

Выше я обозначил, что весть о плене Винценгероде мне дошла во время моего проезда из Питера в Москву. Как мне ни грустно было это обстоятельство, по долгу

службы еще более спешил прибыть в отряд и с твердым намерением не вступать в должность штаб-офицера при отряде — не письменную, а чисто боевую.

Прибыв в Москву, я явился к командующему временно отрядом, как старший, генерал-м[айору] Иловайскому 4-му, человеку нераспорядительному, даже скажу, трусоватому, и поэтому если какие-либо были сделаны распоряжения о преследовании неприятеля, то они были сделаны по настоянию и указанию полк[овника] Бенкендорфа А[лександра] Х[ристофоровича]. Но если Иловайский 4-й не заботился о распоряжениях по военной части и о внутренних первых мерах устройства Москвы и поруганных святынь, о которых сейчас озаботился Бенкендорф, и чтоб скрыть все неистовства учиненных в соборе Кремлевском пакостей, он, Бенкендорф, в совместности со мною положил печати на все входы вовнутрь, чтоб скрыть от глаз православных эти поругания до приведения в должное устройство по распоряжению митрополита и духовной части. Но зато Иван Дмитриевич Иловайский с попечительным вниманием рассматривал отбиваемые обозы у французов, которые без исключения препровождались к нему на личный осмотр. Он тогда имел свое пребывание на Тверской в теперешнем доме Белосельского. Все вносилось на личное его обозрение, и как церковная утварь и образа в ризах были главною добычею, увозимой французами, то на них более обращал внимание Иловайский и делил все это на два отдела: что побогаче, в один, что победнее, в другой. Эта сортировка Бенкендорфу и мне показалась странным действием, и Алек[сандр] Христофор[ович] спросил его: «Зачем этот дележ? Ведь все это следует отдать духовному начальству как вещи, ограбленные из церквей московских и следующие обратно в оные». Но на это Иловайский отвечал: «Нельзя, батюшка, я дал [обет], что все, что побогаче, если бог сподобит меня к занятию от вражьих рук Москвы, все ценное, доставшееся моим казакам, отправить в храм божий на Дон, а данный завет надо свято исполнить, чтоб не разгневать бога». Попало ли все это в церкви на Дон или в кладовые Иловайского, мне неизвестно, но что верно, что ни убеждения Бенкендорфа, ни мои увещания не отклонили Иловайского в принятом им распорядительном решении.

Вид сгоревшей Москвы, поругание, сделанное францу-

зами в храмах божьих и над стенами Кремля, были горькие впечатления и, как само собой разумеется, утверждали в каждом русском, и тем и во мне, горячее желание о изгнании врага из отечества. Развалины горевших домов, поруганные соборы, церкви, в которых большей частью были конюшни или казармы, ободранные иконостасы и в соборах мощи православных наших угодников, вынутые из раков, брошенные посреди околелых лошадей или умерших трупов, было горькое впечатление, но при этом с каким-то благоговением взирал на образ Св[ятого] Николая над Никольскими воротами. Близ самых ворот [был] устроен пороховой взрыв, который при действии косвенным направлением над образом произвел взрыв стены. Стекло образа было покрыто пылью от [взрыва], и как оно осталось невредимо от взрыва, почти коснувшегося до изображения угодника,— это просто чудо.

Наше присутствие в Москве [долго] не продолжалось; по распоряжению Иловайского или, лучше сказать, Бенкендорфа, уже многие отряды следили за движением французов и отбивали обозы и брали пленных. Начальником всего нашего отряда назначен государем ген[ерал]-ад[ъютант] Павел Васильевич Гол[енищев-] Кутузов, [который] и принял командование оным. Прибывший со мною Тетенборн, прибывший после Константин Бенкендорф³⁰⁷, оба в чине подполковников, и я, уже получивший за отличие чин полковника³⁰⁸, каждый получил от нового отрядного командира особенные легкие отряды и были отправлены в разные направления преследовать французов.

Как мои записки — единственно, в чем я имел или личное участие или известно мне, как положительно сбывшееся, то мое повествование ограничится теперь действием отряда, мне вверенного.

Вверенный мне отряд состоял из двух сотен донских казаков и одной сотни камышинских казаков астраханских; офицерами были три сотенных командира и служивший в Ямском казачьем полку, тогда примкнувшем к нашему глав[ному] отр[яду], Леонид Николаевич Львов, старый знакомый по Петербургу³⁰⁹.

Вступив на поприще партизанское, из добросовестного моего рассказа усмотрится, что я не буду морочить, как это многие партизаны делают, о многих небывалых стычках и опасностях и, по крайней мере, добросовест-

ностью моей по этому обстоятельству в сравнении лжи или, по крайней мере, преувеличения рассказов других партизанов, приобрету доверие к моим запискам.

Выступив из Москвы с вверенным мне отрядом, дано мне было направление на Духовщину и потом, смотря по обстоятельствам, идти параллельно большой дороге и тревожить неприятеля по принятому им отступательному движению, уничтожать переправы, мосты, продовольственные средства и запасы, забирать пленных, одним словом, причинять ему возможный вред, соображаясь по силам моего отряда.

Идя форсированными переходами, я прежде всех достиг Духовщины; вскоре соединился со мной и Иловайский 4-й, отправленный вслед за мной с 4-мя казачьими полками — и все опередили французский корпус принца Евгения, отступающий к Смоленску и преследуемый с тыла Платовым со всеми казач[ьими] полками и одним егерским полком. Как младший по чину, я поступил в команду Иловайского 4-го, как я уже выше сказал, человека не только осторожного, но и трусоватого. Несмотря на мои усиленные просьбы стать поперек дороги, чтоб затруднить проход принца Евгения, затрудненного переправой чрез реку и преследуемого по пятам Платовым, Иловайский на то не согласился, хотя наш отряд весьма бы затруднил движение принца Евгения. Иловайский только взял боковую позицию и тут даже, по нерешимости Иловайского на натиск разбродно идущих французов, пропустил их без всякого на них покушения благополучно идти в направлении к Смоленску. Вслед за французами показался и Платов со своими полчищами, и весь наш отряд поступил в его команду. Платов, знавший меня, приказал мне, чтоб отряд мой шел бы с его полчищами. Он сам ехал в санях и посадил меня на облучок оных, и так он и все войско прибыло к Смоленску, в который входили все соединенные корпуса французской армии. Вытеснить французов из Смоленска было не по силам ему, но он бы лучше сделал не останавливаться в виду Смоленска, а опередить французское отступление и при большой силе его отряда затруднять отступление французов по дороге к Дубровке. Но Платов стал биваком под Смоленском, тревожа только французов не спереди их, а с тыла.

Тут я при нем пробыл целую ночь и был свидетелем

того, что грустно мне передавать о нем. Не отнимая заслуг его в эту войну, но многое он упустил невоздержанностью своей. Став на биваке, он приказал себе подать горчишной (т. е. водки, настоянной на горчице) и, выпив порядочную чупарочку, огруз и заснул. Отрезвившись немного, он велел себе подать другую, опять отрезвившись, велел себе подать третью, но уже такого размера, что свалился, как сноп, и до утра проспал и поэтому уже пропустил время к распоряжению, дал время французам беспрепятственно продолжать свое отступление и, вступив в Смоленск, захватил только отсталых. А между тем занятие Смоленска по реляциям поставлено как значительный его подвиг.

Мой отряд, по малочисленности его в сравнении с огромной численностью отряда Платова, просто был каплей воды в море, да и отнимал у меня возможность действовать независимо. Я изложил Платову, что имею для действия особое назначение от отрядного моего начальника и вследствие этого должен оное привести в действие, на что получил согласие Платова. Велел своим казакам сесть на коней и, расспросив у проводника прямой тракт проселочный на Бабиновичи, пустился в это направление. Указанный мне проселок просто был пешею тропинкой чрез дремучий лес, весьма затруднительный для конной даже одиночной езды, так что я с моими казаками, почти лежа на шее лошади, прошли чрез этот лес несколько часов, и пришли мы в Бабиновичи как лошади, так и казаки весьма уставшими. В Бабиновичах я не застал французов, но был встречен радушно жителями евреями. Тут я узнал, что в $\frac{1}{2}$ перехода от Бабиновичей в деревне Неклюдове стоял обоз французский, а именно казна Наполеонова. Захватить бы ее было славное дело, но полагал, что по усталости лошадей и людей двинуться туда было бы им не по силам. Собрал отряд и объявил им, что там будет хорошая пожива. Слово «казна» имело магическое действие на моих казаков. «Ведите нас туда», — в одно слово от всех. Пошли, но, прибыв туда, узнали, что накануне уже выступил этот обоз и что мы не догоним его. Казаки жалели о неудаче, но я, признаюсь, был доволен. Если бы захватил казну, взять что-либо себе несходно было с моими правилами и было бы незаконно; предоставить полное пользование оной отряду тоже было незаконно, да и с кошельком полным худ

был бы казак в бою; отдать все в казну, того и смотри, что при приеме сделали еще на меня начет, понудили бы меня остановиться сдавать, охранять от похищения приемщиков, словом, не взяв казну, охранен был от забот.

Возвратившись с поиска в Бабиновичи, представился мне случай сделать другой. Ко мне является жидок и извещает, что в панском дворе, верстах в трех или четырех, ночует французский генерал с незначительной при нем свитой и неохраненный отрядом. Я по малом отдохновении отряда велел сесть на коней и рассчитал так, чтобы к этому панскому двору прийти в глубокую ночь; не доходя до панского двора, сделал следующее распоряжение: сотнику Врублевскому³¹⁰ назначил пятьдесят удалцов казаков и велел ему, когда дам знать, внезапно окружить панский двор и захватить всех спящих, а сам с остальным отрядом подался к местечку Орши, чтоб в случае тревоги сделать возможный отпор и дать время Врублевскому не быть с его командой врасплох захваченному. Мои распоряжения вполне увенчались. Тревоги со стороны неприятеля из Орши никакой не было. Врублевский распорядился отлично, тихими стопами окружил панский двор, такими же тихими стопами взшел в панский двор, застал генерала Корсена (Corsin)³¹¹, двух его адъютантов и четырех конвойных спящими, наскоро заставил всех одеться, захватил все их пожитки, что казаки никогда не забывают, дал мне знать о успешном окончании порученного ему и что с добычею он отправился в Бабиновичи; и я — вслед за ним, и не видав французов. Мой поиск вполне удался, даже без одного выстрела и малейшей потери.

При рассказе об этой случайности, по добросовестности моей в противность рассказов всех партизанов того времени, я скажу во всеобщее сведение, что большею частью действие партизанов не подвергает их к опасностям, ими выводимым в их реляциях. Партизан рыщет там, где ему по силам, и всегда имеет в виду не попасть ему впросак.

Прибыв обратно в Бабиновичи, я приютил к себе на квартире пленного генерала и его адъютантов до их отправления к моему отрядному начальству и старался обращением моим утешить их в случившейся с ними встрече. В течение нашего разговора ген[ерал] Корсен выразил мне свое горе, что в числе взятых у него вещей казака-

ми был карманный книжник с портретом его жены. Я ему отвечал, что я надеюсь, что успею ему возвратить его. И, призвав Врублевского, сказал ему: «Вы знаете, что я ни на волос не касаюсь ваших добыч, но книжник с портретом не имеет ценности, я желаю возвратить его пленному генералу и надеюсь, что вы отыщете оный и тем дадите мне возможность сделать приятное пленному генералу, который тужит, что в плену будет лишен портрета своей жены». Через несколько минут Врублевский приносит мне книжник, я его передал генералу, обрадованному возвращением оногo. Но эта моя учтивость породила в нем нелепую мысль просить о возврате ему захваченных у него нескольких сот наполеондоров. Но на это уже от меня был отказ — как щит — я объявил ему, что мое право не распространяется на отобрание ценностей, взятых с бою.

Отправление взятых в плен и необходимость дать отдохнуть отряду задержали меня в Бабиновичах около суток, по миновании которых я пустился опять в новые поиски. Не помню, в какой местности, от истинно расположенных в то время жидков к России получил я сведения, что в окрестностях в деревне довольно бесечно расположились французы по домам. Опять я за Врублевского, дал ему до ста казаков, выступил с дневки и отправил его в эту местность с назначением ночью попытаться их захватить и назначив ему местность, где ему соединиться со мною на пути, куда шел с отрядом по назначению, мне данному, чтоб как можно более опередить главы колонн отступающих по большой дороге французов и для задержки их шествия принимать меры к уничтожению запасов продовольственных и переправ что не раз успел я учинить внезапным появлением на большой тракт. В тот день или, лучше сказать, на рассвете, идя с моим отрядом, я вдали вижу довольно протянутую колонну и не могу обсудить, мои или неприятель, и более по логике, что неприятель, потому что команда Врублевского, которую я ждал с этой стороны, не могла иметь этого протяжения. Взяв несколько казаков, я пустился лично на открытие и что же вижу? Что это казаки мои, ведущие сотни три французов пленных, удачно Врублевским захваченных, и вот как. Он приблизился тихими стопами ночью к деревне, с крайней тишиной взошел в первую избу с несколькими казаками, перевя-

зал едва проснувшихся французов, наполнявших избу, и так обошел все избы, оставляя в каждой за присмотром казаков, а потом всех вывел и пустился с добычей на присоединение со мной. Подвиг этот можно почесть сказочным, но заверяю, что он был таков, как я рассказываю. Распорядившись об отправлении пленных для передачи ближнему отряду, я опять пошел вперед, имея назначение, вновь полученное, открыть коммуникацию с корпусом графа Витгенштейна, идущим на соединение с армией Чичагова, и этим общим движением препятствовать переправе французов чрез Березину, тогда как главная армия их преследовала по пятам.

Полученное мною новое назначение моих действий отдалило меня от столбовой дороги, по которой шла отступающая французская армия, и поэтому боевые действия моих партий, говорю «моих партий», потому что по совести скажу, что сам не был ни в одной стычке, [приостановились].

После нескольких переходов, при уклоне дня, я вдали увидел большой лагерь. Это было в направлении к городу Черя Вит[ебской] губ[ернии], местности, окруженной болотами и озерами. Лагерь был так просторен, что по малочисленности моего отряда мне не было возможности приблизиться, тем более, что уже при наступившей холодной погоде воду подернуло льдом в реках и болотах, а по сведениям местным этот бивак был французский. Я для наблюдения и разузнания в точности приостановился, не разложив даже огня и не имея, что у казаков называется, каши, т[о] е[сть] их вьючных лошадей: отправлены были в другую местность, где намеревался ночевать. Погода была очень дурная, сивережная; без огня и без вьючных лошадей не было ни чем прикрыться, ни согреться — довольствовались пищей одними сухарями, и я до костей прозяб. Говорю об этом потому, что впоследствии от этой ночевки я был настигнут простудой, разрешившейся горячкой, которая едва не свела меня в могилу и помешала мне быть одним из первых под Вильно и, может быть, иметь случай отличиться наравне с другими.

Как по обстоятельствам и по болезни моей прекратились мои здесь партизанские действия, я сделаю перечень захваченных мною пленных: одного генерала, сколько упомяну, 17 штаб- и обер-офицеров и около 700 или

800 нижних чинов, и опять здесь повторю, лично сам не был в деле. За мои успешные действия в это время впоследствии я получил орден св[ятого] Вл[адимира] 3-й степени в награждение, признаюсь чистосердечно, легко схваченное.

Я, как выше сказал, заметив и узнав, что этот бивуак французский, был принужден остановиться, но уже на рассвете, увидев, что в оном нет движения, и заметив даже малую перестрелку, и тогда уже положительно рассудил, что отступающие — французы, а наступающий отряд из армии Витгенштейна, и двинулся на присоединение к своим. Целью данного мне нового приказания я явился к командующему авангардом генералу Бергу³¹²; моему отряду приказал остановиться варить кашу и кормить лошадей (кони наши уже тогда примкнули), а сам поскакал к графу Витгенштейну и был, могу сказать по совести, который открыл коммуникацию от главной армии с корпу[сом] графа Витгенштейна, хотя по реляции это приписано подполковнику Константину Бенкендорфу, который хоть в тот же день, но несколькими часами позже прибыл к графу, но по поговорке русской: «Немец немцу свой брат».

В Главной квартире графа я пробыл сутки и тут расскажу, чему я сам был свидетель и что слышал собственными ушами.

Граф находился в общей приемной комнате, когда барон Дибич³¹³, обер-квартирмейстер его корпуса, просил настоятельно графа горячо преследовать фельдмаршала Виктора³¹⁴ и, кажется, Удино³¹⁵ — отступающих, чтоб разгромить их до наступления ими переправы чрез Березину. Но граф ему отвечал: «Пусть Чичагов с ними возится, а когда уж по сию сторону останется хвост их, то я дам им себя знать». Никакие убеждения Дибича не могли склонить графа, и точно, потом дивизия французская Партено (Partenot)³¹⁶ наголову была разбита и пленена; но это был хвост только двух корпусов, которые бы сами могли постичь эту участь, если бы их горячо преследовали.

Недоброжелательство графа к Чичагову или боязнь его поступить, как младшему, под команду адмирала спасла Наполеона и французскую армию от пленения. Если бы граф перешел бы Березину в Лепеле и следовал тем же берегом на соединение к Чичагову, скопление

столь значительных сил воспрепятствовало бы всякой возможности переправы, и последствия этого были неисчислимы, но зато бы русские войска не были бы, может быть, в Париже, и одно заменяется другим.

При скоплении на одном пункте столько наших войск нескольким партизанским отрядам нечего было делать, и прибывший Константин Бенкендорф, а потом Тетенборн и я отошли все от Витгенштейна; несколько переходов шли вместе, а потом, разделившись, каждый принял свой окольный путь, дали себе слово соединиться под Вильно.

Но мне не суждено было это исполнить. Ночевка моя в виду Черей, и простуда, там схваченная, более и более усиливалась. Прибыв с отрядом моим в поместье бывшего губернатора Виленского Сулистровского³¹⁷, я с отрядом моим расположился ночевать и намеревался выступить рано утром, но при рассвете такая взяла меня дрожь, что я решился отправить отряд мой вперед по принятому моему направлению, а сам подумал, что, напившись чего-либо горячего и пролежав на печке, я пропотею и, оправившись, догоню на ночлеге мой отряд. Не тут-то было: жар все более и более распространялся, тело мое, можно сказать, пылало, сухость во рту чрезмерная, и совершенное изнеможение оказывалось во мне. Добрая старушка, мать Сулистровского, за мною добродушно ухаживала, жажда непомерная объяла меня, пил ледяную воду стакан за стаканом, но не мог утолить ее; наконец, пришло мне на мысль попросить рассолу огуречного, и этому питью я обязан жизнью. Ледяная вода мне много повредила, но рассол, который я пил, можно сказать, ведром, причинил мне такое сильное испражнение, что причинил мне спасительный кризис, что мне подтвердил присланный братом моим Репниным медик, узнавши, что я занемог, а о последствии действия питья рассола медик мне это подтвердил.

От болезни я наскоро оправился, пробыв несколько дней у Сулистровского, я просил настоятельно прибывшего ко мне медика ехать в занятую уже русскими Вильну. Он поневоле согласился, но опять я должен был приостановиться по случаю возобновления горячки; оправившись немного, я, наконец, достиг Вильну, где опять имел третичный приступ моей болезни и опять был у двери гроба, но, наконец, начал поправляться.

Тогда вся молодежь царской и Конст[антина] Павл[овича] свиты и Главной квартиры была в Вильне; между ними было много моих знакомых, которые меня посещали; между ними был адъютант вел[икого] кн[язя] Алексей Федорович Орлов (теперешний князь), товарищ и по воспитанию и по жизни петербургской и по службе³¹⁸. И я так был худ телом, что он мне говаривал: «Ну что, брат Волконский, пора тебе поправляться; ты теперь так худ, что тебя можно распять на перекрестке вместо резного Иисуса». Эти шутки меня не тревожили; скопище молодых людей, которые каждый вечер посещали меня, пили, играли в карты и шумели, нимало меня не беспокоило, напротив, развлекало меня, но зато музыка похоронная,—а при смертности той эпохи это повторялось по несколько раз в день—делала надо мной грустное впечатление.

Государь и его свита прибыли в это время в Вильну. Оправившись от болезни, я по званию флигель-адъютанта явился к государю и был принят милостиво. Тогда же прибыл и Винценгероде, и тот пригласил меня опять состоять при нем, что я принял с благодарностью, любя и уважая этого человека.

Не могу дать отчета о происходившем тогда в Вильне при дворе, при главнокомандующем и в общей жизни. Я еще был так слаб, что не мог следить за происшествиями, но знал от других, что главнокомандующий Михаил Илларионович Кутузов играл первую роль.

Это было в конце декабря. Движение войск до наших границ не было остановлено, и, наконец, решено по весьма кратковременном отдохновении перейти границу и преследовать французов.

Генералу Винценгероде был поручен корпус по № не помню, но он состоял из 3-й и 4-й пехотных дивизий, силой, может быть, обе вообще 18 000 и около 6 000 кавалерии. Эти войска были сосредоточены около Гродно, куда и отправился из Вильны на почтовых и Винценгероде, взяв меня с собой. Едва выехал из Вильны (где скоплением больных просто заразило воздух), я начал, могу сказать, ежечасно поправляться в силах, и, выехав весьма слабым из Вильны, я приехал в Гродно порядочно окрепшим. В Гродне уже была квартира авангарда армии под начальством Милорадовича³¹⁹, при котором были Киселев³²⁰ и Граббе³²¹, и я у них остановился. Сосредо-

точие всего отряда, порученного Винценгероде, было назначено в Гониондзах, куда примкнули и некоторые батальоны полков армии Чичагова, составлявшие упраздненный отряд Эртеля³²², и три украинских казачьих полка, сформированные графом Виттом³²³.

Милорадович двинулся по тракту к Белостоку, а когда он стал на уровень с нами, то оба отряда, каждый по своему назначению, двинулись вперед: Милорадович — на Пултуск и Варшаву, а наш отряд на Плоцк. Против Милорадовича и нас были австрийцы; стычек не было, но каждый день уславливались, что они отступят до такой-то местности, а мы подадимся вперед до той-то местности, и поэтому хоть неявно, но уже некоторым образом скрытно они переставали быть союзниками Франции.

Таким образом, корпус, состоящий под командой Винценгероде, достиг Плоцка. Переправу чрез Вислу, хоть замерзшую, но весьма уже слабую льдом, должно было произвести довольно осторожно, и, учинив эту переправу, мы пошли форсированным маршем, уже не имевши против нас австрийцев, которые пошли по направлению к их границе. Наше назначение было стараться отрезать путь ген[ералу] Ренье³²⁴, отступающему с двумя дивизиями из Варшавы и с частью саксонского корпуса. Не удалось нам занять Калиш до прихода Ренье, и тому не наша вина, потому что шли сколь могли поспешно, а более тому виновен Милорадович, преследуя слишком горячо Ренье при отступлении из Варшавы. Но мы успели отрезать от него саксонцев, при его корпусе состоящих³²⁵, и стали под Калишем, занятым Ренье с французскими войсками.

Первый подступил под Калиш храбрый и распорядительный г[енерал]-м[айор] Ланской³²⁶, командующий авангардом нашим, и по удачной стычке с вышедшими из города французами опрокинул их в опушку городских строений. Надо сказать, что корпус Ренье, имевший часть польских войск и саксонцев из армии Шварценберга³²⁷, не был в том плачевном положении, как войско большой французской армии, и что две французские дивизии, в оном состоящие, не участвовали в кампании 12-го года в России и поэтому численностью и моральным духом были свежи. Действие авангарда началось тем, что вновь сформированный польский полк кавалерийский, известный тогда под названием Рушавка, был наголову разбит и

почти весь взят в плен и в числе их и командующий полком³²⁸. Удачный подвиг авангарда нашего и который должно бы приписать Ланскому, дозволил почти под самым городом остальной части подошедшего нашего корпуса стать в позицию. Это уже было за полдень; под сильным огнем нашей артиллерии пехота наша двинулась в город, ею командовал принц Евгений Виртембергский³²⁹, храбрый личностью, но недостаточно распорядительный и который имел слабость действовать рассыпным строем и, к несчастью, убедил Винценгероде позволить ему так вести атаку. Завязалась жестокая перепалка, вся в пользу французов, занимающих опушку строений и которые гораздо свычнее к перестрельному действию и в лучшей для нее удобности. Покамест эта перестрелка производилась, получено известие, что в тылу нашем, отрезанные по трем разным направлениям, саксонские бригады генерала Ностица, Лекока и Габленца, не зная, что мы уже перед Калишем, шли, чтоб соединиться с Ренье; против каждой из них были высланы отряды, сперва малозначительные, чтобы только следить их движение, а потом подкрепление. Против Габленца был послан с отрядом кавалерии кн[язь] Вас[илий] Сер[геевич] Трубецкой; против Лекока — не помню кто, а против Ностица^{91*} — сперва с двумя эскадронами Алексан[дровского] гус[арского] полка князь Мадатов³³⁰, а потом я с 3-м украинским полком. При виде прибывающего приводимого мною подкрепления Ностиц, узнав также, что чрез наши линии под Калишем мудрено ему пробиться, вступил в переговоры с Мадатовым и сдался военнопленным; и нами взято тут несколько орудий, при этом отряде состоящих; кажется, и отряд Лекока сдался, но отряд Габленца успел по оплошности Трубецкого удержаться до ночи и при удобстве темноты ускользнуть из наших рук.

Подобный успех в этих частях военных нашего действия не ознаменовался против Ренье в Калише, перестрелка все продолжалась, наша канонада вредила городу, но наша пехота не могла занять город и всегда была отражаема. Стало уже вечереть, и Винценгероде решился, чтоб не терять по-пустому людей, приказать бить отбой, но с твердым намерением при рассвете взять город с бою. И было на этот день ему чем довольствоваться: приоб-

^{91*} В рукописи ошибочно: Габленца.

ретенением наших трофеев и пленных. Хоть это все было удачью отдельных отрядов — но быстрота движения от Плоцка к Калишу, смелость оставить за собою в тылу отряды неприятельские и, наконец, хоть не вовсе удачное, но все-таки причинившее урон неприятелю в городе, было следствием распорядительности Винценгероде, и дело под Калишем, как первое с бою по переходе за границу наших войск, было по моральному влиянию, кроме приобретенной боевой выгоды, весьма значительное. За это дело получил Винценгероде 2-го Георгия, Ланской 2-го Владимира, минуя Анну, — и весьма заслужил эту награду; а граф Витт, Мадатов и храбрый генерал артиллерии Никитин³³¹, каждый — 3-го Георгия; я был представлен к производству в ген[ерал]-май[оры], но это производство заменено было 4-м Георгием по обстоятельствам, которые объясню в конце.

Выше было пояснено, что битва перед самым Калишем была приостановлена, но когда при рассвете двинулись наши войска для возобновления боя, увидели, что город был оставлен французами.

Тут напоминаю себе разговор мой с Винценгероде по прекращении перестрелки в тот день, в то время, когда соображал он о предполагаемой атаке города. И как он дозволял мне ему выражать мои мысли, я ему сказал: «Генерал! Вот у нас ускользнул Габленц, чтоб то же не было и с Ренье и чтоб он нам не выдал бы Калиша без боя». На это добрый старик, не сердясь за мою выходку, сказал: «Отступающему неприятелю никогда не надо мешать в этом». Хоть иногда это и истинно, но я полагаю, что в настоящем случае не надо было этого принципа держаться: задержа Ренье в Калише, наш отряд и идущий из-под Варшавы отряд графа Сен-При, который вступил также в занятый нами город, могли бы просто [заставить] Ренье, отрезанного от коммуникационной линии, положить оружие.

По занятии Калиша наш авангард преследовал Ренье до австрийской границы, в которую вступил он. Австрийцы не дозволяли ему вооруженным проходить чрез их владения; весь состав корпуса Ренье сложил ружья в обозные фуры, артиллерия и снаряды отданы под конвой австрийцев и, таким образом, перешли чрез австр[ийские] владения до саксонской границы, где им все это было возвращено.

Пробыв два дня в Калише, корпус наш занял квартиры на саксонской границе. Главная квартира государя перешла в Калиш, и на короткое время была остановка военных действий, и начались переговоры с прусским королем о союзе его с Россией³³². Подробности этих переговоров и все происходящее там можно гораздо отчетливее узнать из военных повествований, относящихся к этой эпохе.

Наша корпусная квартира была в Раниче, откуда меня послал Винценгероде с общим представлением о награждении за сражение под Калишем. Государь вполне его утвердил и передал его для исполнения главнокомандующему, тогда именуемому князем Смоленским. В то время при нем состоял начальником штаба князь Петр Михайлович Волконский, женатый на моей сестре. Он настоятельно просил Кутузова отклонить государя от производства меня в ге[нерал]-май[оры], выставляя, что я так недавно произведен в полковники, что это вродит в армии неудовольствие и что припишут это к заступничеству и лицепритию к нему, и поэтому он не хочет подвергаться этому укору. Хотя государь меня отстаивал, но главнокомандующий так настаивал, что, наконец, государь согласился, и вместо чина награжден я был, как выше сказал, орденом св[ятого] Георгия 4-го класса. Это обстоятельство весьма остановило мое служебное поприще, потому что произведен я был в ген[ералы] только в сент[ябре] месяце и на хвосте многих, тогда произведенных, и поэтому старшинству моему нанесло значительную невыгоду. Сражение под Калишем было 2-го февр[аля] 1813 года³³³, а производство мое последовало только 15-го сент[ября].

Все движения армии были приостановлены, сколько помнится мне, целый февраль, покамест условливались о союзе с Пруссией, и общее движение началось, сколько упомяну, в течение марта.

Когда возобновились военные действия, нашему корпусу предназначено было вступить в Лузацию и идти форсированным маршем к Эльбе и действовать наступательно, минуя Дрезден, на Мейсен и потом на Лейпциг, чтоб отрезать от соединения с главной армией французский отряд, стоящий в Дрездене.

Мы взошли в Лузацию, заняли Бунцлау, столь знаменитую местность кончиной князя Смоленского³³⁴, потом,

не встречая нигде ни сопротивления, ни французов, заняли Герлиц и Бауцен. Везде нас встречало местное начальство и народ как избавителей от ига Франции, а нашим войскам приказано было обходиться с жителями дружелюбно, за что и строго смотрели, а за продовольствие платили квитанциями.

В Герлице при встрече нас местным начальством Винценгероде объявил депутации, что мы не неприятельское для них войско, как он всегда выражал с самого входа в саксонские владения, и прибавил, что буде вопреки данному русскому войску приказанию сделана была хоть одному жителю обида, то всякий имеет право свободного к нему доступа с жалобой. Не знаю, по какому обстоятельству, на одной квартире, занимаемой русскими, было сделано притеснение хозяину оной, и испуганный немец с воплем принес жалобу Винценгероде, который приказал мне сделать розыск и виновных представить ему для суждения по закону. Офицер, причинивший эту обиду, был из батальонов, поступивших в наш корпус из бывшего отряда Эртеля, довольно распущенного в отношении дисциплины. Я доложил Винценгероде, что привели виновного, но прежде должен объяснить, что в батальонах, поступивших из дивизии, бывшей в Молдавии под начальством покойного князя Аркадия Александровича Суворова³³⁵, все офицеры носили солдатские мундиры, что было введено князем и сохранялось. Винценгероде, взбешенный, что его приказание в дружелюбном обращении с жителями не соблюдается, вышел навстречу виновного и как не заметил, что он офицер, зачал его ругать и в горячности дал ему пощечину. Это обстоятельство меня поразило глубоко, просто как варом обдало. По преданности моей к Винценгероде, по сочувствию к носящему мундир русский — офицер ли или рядовой, — этот поступок меня сильно огорчил, и я как бы от собственной беды убежал во внутренние комнаты и, встав в углубление окошка, начал от злости ли или, лучше сказать, от сочувствия и к Винценгероде, и к обиженному навзрыд плакать. Возвращающийся мой начальник, видя, что я не поворачиваюсь, стоя ему спиной, а может быть, и заметивши мое смущение, подошел ко мне и сказал: «Что с вами случилось? — Не со мною, генерал, — сказал я ему, — но с вами. — Да что же? — сказал он. — Да, генерал, вы в запальчивости сделали ужасное

дело.— Да что же? Я не понимаю.— Вы дали пощечину офицеру.— Да это не офицер, а простой рядовой.— Да и в этом случае было бы ваше действие предосудительно а вы нанесли такую обиду офицеру.— Неужели? — Точно так, генерал». Тогда добрый старик взял меня за руки и сказал: «Невольно я обидел офицера, но постараюсь это поправить; позовите мне этого офицера». И когда его привели, он ему сказал: «Я неумышленно пред вами виноват, я взял вас за рядового, и поэтому мой неумышленный поступок не могу другим поправить, как предложить вам сатисфакцию поединком, несмотря на наше обоюдное звание друг против друга». Благородный поступок, не оправдывающий, но некоторым образом уменьшающий вину Винценгероде. Но, к сожалению, этот офицер не понял благородного поступка начальника и, к стыду моему, [ответил]: «Генерал! не этого я от вас прошу, но чтобы при случае не забыли меня представлением». Тут уже я покраснел за соотечественника и внутри себя не мог не сказать себе, что этот подлец не заслуживал моего соучастия. Этот анекдот выставляю не в пользу свою, но чтобы выказать благородство чувств Винценгероде.

Наш корпус продолжал свое движение, было приказано командующему легким отрядом отдельным полковнику Денису Давыдову³³⁶ идти к неприятелю на Дрезден, именно, чтоб по малочисленности отряда не дать вида, что мы имели намерение [идти] на Дрезден, а только чтоб занять французов и дать время всему корпусу переправиться чрез Эльбу в Мейсене и тем иметь возможность не дать возможности французским войскам, занимавшим Дрезден, отступить.

Но Денис Давыдов, не следуя данной ему инструкции и имевши сведения, что предместье Дрездена — Нейштадт французы не хотят сильно защищать, и видя случай к приобретению личной для себя славы, не только что без всякого почти боя занял Нейштадт, но взошел в переговоры с начальствующим в Дрездене генералом Дюрютом³³⁷ на заключение двухдневного перемирия, позволяющего французам беспрепятственно выступить из Дрездена и тогда предоставить русским беспрепятственный вход в город. Винценгероде, взбешенный неисполнением Давыдовым в точности данного ему назначения, отказал в командовании вверенным ему отрядом, хотел

его отдать под военный суд и только по настоятельному моему ходатайству согласился предоставить ему явиться в Главную квартиру и лично оправдаться; но Винценгероде дал знать начальнику штаба, что ему не нужен подчиненный, который считает себя умнее его.

Вот добросовестный рассказ о происшествии, вовсе иначе рассказанном Денисом Давыдовым³³⁸. Бойкий его ум и словцо прибегнули к неприличной шутке, сказав, что, представ перед Винценгероде, фортуна стала ему задом. Но если уже и говорить о курносых, то скорее его лицо можно было назвать задом.

Желая не прерывать изложение событий, я упустил из виду общее и частное положение дел, не до военных действий относящееся, и сопряженные с оными обстоятельства. Стоянка вообще всей армии после Калишского сражения была довольно продолжительна. Вскоре после Калишского сражения граф Воронцов, командующий осадным отрядом, занял Позен³³⁹ почти без бою, хотя противное было означено в реляции его. Армия Чичагова обложила Торн. Одним словом, великое герцогство Польш[ское] было занято сполна русскими войсками, и во время переговора с Пруссией и тайных приготовлений ее к борьбе вместе с нами против французов все армии, кроме войск, обложивших Торн, были расположены хоть на тесных квартирах для отдохновения и для устройства или пополнения в оных резервов и для обмундирования, вовсе истлевшего в войсках, участвующих в боях и походах в 1812.

Еще до союза с Пруссией армия граф[а] Витгенштейна заняла Кенигсберг по случаю перехода к нам ген[ерала] Йорка со всем его корпусом³⁴⁰. Там был назначен ген[ерал]-лей[тенант] граф Сиверс ген[ерал]-губ[ернатором] от русской стороны, и ему было поручено изготовить по мере трех разрядов одежду и обувь для русской армии вольною покупкою и вольным шитьем. Не в укор честности графа, но в укор его слабости и непечительству, вкралось (по обычаю всякого рода заготовлений в России) страшное злоупотребление: привозимые вещи для большого роста разряда не входили даже на малый разряд, все было сшито на живую нитку и качеством весьма плохо. Граф был отдан под суд при уличении всех беспорядков, который продолжался до кончины Александра Павловича, и уже при восшествии

на престол Николая дело было уничтожено преданием забвению полному³⁴¹. Винценгероде же взял на свою ответственность наложить реквизиции в местах, его корпусом занимаемых, под квитанцию, и, следя за доброкачественностью поставок сукна, холста и сапожного товара и делом полковых мастерских, можно сказать, поистине обмундиро[вал] свой корпус отлично, так что он, при последующих встречах с другими русскими корпусами, выказывался отлично против них обмундированным.

Обращаюсь к занятию Дрездена Давыдовым. Уже нечего было продолжать Винценгероде направление главной части командуемых им войск на Мейсен, как уже движение, которое не достигнет предполагаемой им цели — отрезать возможность отступления французского отряда Дрезденского к главной французской армии. Весь корпус вступил в Дрезден, где жители нас приняли не только радушно, но с восторгом. Корпусная квартира там расположилась, а г[енерал]-м[айор] Ланской, начальник нашего авангарда, был немедленно отправлен к Лейпцигу и вскоре занял этот город. Король саксонский³⁴² заранее выехал в Богемию со всеми членами его фамилии и с главными лицами управления, и поэтому надо было учредить временное управление как города, так и той части королевства, которая уже была занята или занимаема русскими войсками. Это задержало корпусную квартиру несколько дней в Дрездене, но войска корпуса все двинулись к Лейпцигу, и вскоре и корпусная квартира туда перешла, и Ланской с авангардом занял Зондергаузен и Гальберштадт и в этой местности остановился, потому что не только ему, но даже и всему корпусу не по силам было входить в борьбу с начинающею сосредоточиваться новою французскою армией после поражения в России старой.

Как главные силы всей русской армии, так и наш корпус оставались некоторое время в бездействии. Главная квартира армии русской перешла вслед за ними в Бунцлау, куда уже главнокомандующего М[ихаила] И[лларионовича] Кутузова перевезли больного и где он вскоре по приезде и скончался. Вся армия, вся Россия поражены были этой вестью, и смею выразить, что если бы он был жив, много из неудач, встретившихся впоследствии, не имелись бы.

Общая стоянка армии недолго продолжалась. Вскоре

уже не одна русская армия, но и союзник наш, король прусский, двинул не только все, что мог сосредоточить из регулярной своей армии, но вновь сформированный ландвер³⁴³ и в разных местах сформированные батальоны и эскадроны к ней примкнули. Надо отдать справедливость, что общий патриотический порыв не имел предела и что новые войска в Пруссии повсеместно устраивались и выходили в поход. К нашей же армии примыкали резервы и все армии, приготовленные к бою.

Во время стоянки нашей в Лейпциге настал день святой Пасхи. В Лейпциге есть греческий православного исповедания монастырь. Полковые священники полков нашего корпуса и настоятель с братией монастыря по нашему обряду совершили соборно пасхальную службу. Малое помещение церкви монастыря едва позволило генералитету и полковым командирам и штабу быть при служении в оной, но войска всего корпуса были сосредоточены (разумеется, исключая авангарда) перед монастырем, и при известном провозглашении по церковному чину «Христос воскрес» духовенство соборно вышло из церкви в сопровождении корпусных командиров, всех штаб-офицеров и штабных и провозгласило перед войском, устроенном в параде и отлично одетом, теплую для каждого христианского сердца молитву «Христос воскрес», а для нас, русских, еще более горячую, ибо она для нас и религиозная, и отечественная. Просто по одним чувствам это была для всех присутствующих русских минута восторженности, а для скопившихся жителей города — небывалое зрелище. Потом войска были угощены обычным завтраком пасхальным и двойною порцией водки, а ген[ералы], штаб- и обер-офицеры — завтраком у корпусного командира, и обычное «Христос воскрес» и «Во истину воскрес» переходило не только с уст, но, могу сказать, вырывалось у каждого из сердца.

После некоторой стоянки соединенные армии российская и прусская, состоящие под общим предводительством русского главнокомандующего, двинулись с кантонир-квартир, и Главная квартира Александра Павловича и союзника его, короля прусского Фридриха Вильгельма III, перенесена в Дрезден, и там уже получено было известие о смерти князя Кутузова Смоленского, оставленного больным в Бунцлау, о чем я уже прежде сообщал.

Назначен новым главнокомандующим был граф Вит-

генштейн, приобретший в 12 году себе славу военную действиями своими под Клястицами, Полоцком, Чашниками и вообще распоряжениями при действии прикрытия Петербурга от нападения. Граф Витгенштейн приобрел великую популярность, и назначение это было принято вообще армией радушно, хотя многие из корпусных командиров были старшими ему в чине, но имел ли он те многочисленные дарования, или, лучше сказать, то невыразимое предопределение, которым судьбой выражаются таковые в лице — это вопрос не легко разрешить, а последнее его командование армиею гласит иное.

Наконец настает общее движение наступательное союзной армии. В этих военных действиях я буду ограничиваться большею частью повествованием действий корпуса, под начальством Винценгероде состоящего, при котором я находился, а если что-либо передам о других войсках, это будет лишь то, чему личным был свидетелем или положительно мне известно.

Наш корпус из Лейпцига двинулся к Вейсенфельсу, а передовые наши отряды, авангард под командою Ланского и разные передовые отряды занимали Зондергаузен, Галле и иные места по этой линии, а армии из занимаемых ими местностей при переходе чрез Эльбу двинулись к Лейпцигу.

Со своей стороны Наполеон, можно сказать, магически составил новую французскую армию³⁴⁴ и, присоединив ее к остаткам той, которая спаслась от поражения в 12 году, с своей стороны начал наступательное движение. Силы его в пехоте и артиллерии были значительны, но кавалерия весьма слаба. Наступательным его движениям наш авангард и передовые отряды были принуждены отступать постепенно к нашему корпусу, и наконец дознано было Винценгероде, что одним нашим корпусом нельзя было противиться наступательному движению французов. Получено донесение от Ланского, что его сильно теснят и что он, отбиваясь по возможности, ретируется к Вейсенфельсу, а от ген[ерала] Кнорринга³⁴⁵, что он также с вверенным ему отрядом отступает из Галле.

Винценгероде занял позицию довольно выгодную под Вейсенфельсом и приказал передовым отрядам отступать, обороняясь по возможности; но вместе с тем дал знать главнокомандующему, что по полученным им сведениям о силе наступающих французских войск он принужден

будет отступить и с этой позиции по несоразмерности численности войск его корпуса с численностью наступающих на него войск.

Но на это донесение получил он приказание сделать по всей линии, занимаемой нашим корпусом, наступательное движение и занять <нрзб.> Вейсенфельс и Галле.

В самое время получения этого приказания французский корпус, командуемый фельдмаршалом Бессьером³⁴⁶, вытеснил авангард Ланского из Вейсенфельса, уступил с бою шаг за шагом, и в это время была блистательная атака дивизионом Белорусского полка под начальством подполковника Веселовского³⁴⁷, который опрокинул французских тиральеров³⁴⁸, выходящих из Вейсенфельса.

Превосходство численности войск французских заставило Винценгероде дать приказание Ланскому медленно отступать, действуя более артиллериею для охранения от ущерба в войсках, готовых и желавших схватки. Сам же Винценгероде приказал кавалерии его корпуса составить резерв авангарда в случае сильного натиска французов, и при убеждении, что с несколькими тысячами пехоты он не может вступить в бой с превышающими силами французского атакующего корпуса, он приказал отступать всей пехоте, чтобы не подвергнуть ее урону и затруднительному отступлению при сильном натиске французов, как я уже сказал, весьма превосходных в силах в сравнении всего того, что у Винценгероде было тут под рукой,— и мы отступили по направлению к Пегау.

Остановлю несколько рассказ мой о военных действиях, чтоб сообщить некоторые обстоятельства, хотя и вне боевого предмета. Одно из них — рассказ об удачном выстреле полубатареи конной нашей артиллерии. Этой полубатареей командовал некий Горский³⁴⁹. Ланской стараясь затруднить наступательное движение французов и по данному ему приказанию от Винценгероде, по мере наступления французов отступил боевым порядком, прикрывая отступление действием артиллерии. И действием артиллерии сам распоряжался, объезжая позиции оной, и назначал образ ее отступления. При временном пребывании при полубатарее Горского он ему сказал: «Ну, хвастунишка (Горский и был таковым), ну, видишь эту кучку.— ну, если ты знаешь свое дело, попади в эту кучку». На это Горский ему отвечал: «С первого и второго выстрела, может быть, не удастся, но с треть-

его ручаюсь». — «Полно, хвастаешь, наверно», — сказал ему Ланской. — «Увидите», — ему отвечал Горский. И точно, нацелил орудие: первое ядро не долетело, другоехватило через, третье — прямо в кучку, и тем было внесено большое смещение в кучку, впоследствии узнано, что именно этот выстрел поразил смертельно фельдмаршала Бессьера. Всему, что рассказываю, был личным свидетелем — и разговора, и происшествия.

Взбешенный Винценгероде еще подтвержденным приказанием от Витгенштейна, чтоб он наступательно действовал, когда ему это не по силам, принужден Винценгероде меня отправить к главнокомандующему с тем, чтоб я ему словесно объяснил положение дел.

Быстро я понесся на своем коне для исполнения данного мне поручения и для скорейшего привоза новых распоряжений. Прибыв, не помню уже по названию местности, к графу, я передал и объяснил ему положение дел. И в то самое время прибыл к нему фельдъегерь от государя за известиями о положении дел при передовых армии отрядах. Витгенштейн тогда мне сказал: «Садитесь на повозку фельдъегеря и скажите государю, что все прекрасно идет и что вполне я уверен, что все пойдет прекрасно по предназначенному мне плану». Притом же граф мне сказал: «А я по случаю вашей поездки к государю пошлю другого на место вас к Винценгероде с общей диспозицией дальнейших ему действий».

Я поскакал с фельдъегерем, но на половине дороги встретил государя, ехавшего на дрожках с ген[ерал]-адъ[ютантом] князем Волконским. И он и мы остановили наш поезд, и государь спросил у меня: «Что нового?» Как я был послан к нему от Витгенштейна, то и передал государю то, что главнокомандующим мне было сказано и что в убеждении моем было ложное изложение дел. Государь, пристально смотря на меня и вслушиваясь в мой ответ, заметил ли, что я невольно передаю то, чему не верю, сказал мне: «Ну, это все, что приказал тебе передать мне граф, а теперь скажи мне, как обсуживает Винценгероде положение дел, и совестливо отвечай на мой вопрос». — «Вы, государь, требуете от меня то, что совершенно будет противно переданному вам от графа. что я обязан был вам передать как поручение его к вам. Но если вы желаете знать обсуждение обстоятельств Винценгероде, оно совершенно не соответствует обсуж-

дению, переданному мною вам от главнокомандующего. От Винценгероде требуют невозможного исполнения, вопреки назначаемого графом, и Винценгероде уверен, что необходимо сосредоточить все войска и что неминуемо будет безотлагательное генеральное сражение». — Государь похвалил меня за искренность и, отпустив меня, сказал: «Передай Винценгероде признательность мою за все, им сделанное, и уверенность, что он и я — мы друг друга понимаем».

Возвратившись к месту пребывания Глав[ной] квар[тиры] графа, я осведомился, будут ли мне даны приказания к Винценгероде, и, получив сведения, что они уже к нему посланы, я взял свою лошадь, оставленную конвойному моему казаку, и прибыл обратно к Винценгероде и отдал отчет о всем, что встретилось со мной и что выше мною рассказано.

Это все было накануне того дня, как была к вечеру вся армия союзная сосредоточена около Пегау, как помню, а корпус Винценгероде — под Люценом в виде авангарда, а как Лейпциг был вне нашей боевой линии, то не помню, прежде ли, при выступлении нашем из Лейпцига, или теперь — от нашего корпуса для охранения был отправлен туда генерал Талызин³⁵⁰ с состоящим под его командою в нашем корпусе отдельным батальоном, поступившим к нам из бывшего отдельного отряда в 12-м году генерала Эртеля. Упоминаю об этом отряде потому, что он принудил Наполеона отправить против него корпус принца Евгения, который прибыл только к концу Люценского сражения.

Сражение Люценское³⁵¹ описано подробно всеми военными писателями, как русскими, прусскими и французскими — и поэтому не дерзаю и не могу изложить весь ход оногo в пользу и обсуждение частных, а буду только излагать то, что относится до корпуса, в котором я находился, и в частностях, которым лично был свидетель в других местах этого сражения.

Общий план этого сражения изложен военными повествователями, вероятно, гораздо отчетливее и яснее, нежели я мог бы это сделать, и поэтому ограничусь, как выше сказал, личными впечатлениями.

Принятый план сражения имел целью, чтоб вся армия соединилась и стала в позицию еще до рассвета, и едва зарево начнет восход, общим движением и обсужа

эту позицию, которая наскоро будет принята французами, дружным натиском сбить ее с позиции, тем более, что невозможно было, чтоб они успели бы вполне сосредоточиться.

С того начну, что один наш корпус, которому не было на великом переходе никаких местных путевых затруднений, был на назначенном ему месте в назначенный час, прочие корпуса опоздали и друг друга задерживали, так что армия наша уже встала в позицию едва ли не в 8 или 9 часов до полдня. Нашему корпусу в известном его составе назначено было составлять левый фланг позиции союзной армии насупротив деревни Старзидель, занятой французами и некоторым образом ввиду ужасной равнины из Вейсенфельса к Люцену известной в истории по военным действиям Густава Адольфа³⁵². Наш корпус по откомандировании Тальзина состоял из едва ли шести тысяч пехоты, т. е. 3-й и 4-й пехотных дивизий, той же численности регулярной кавалерии, гусар, конных егерей и казаков равной численности и при них соответствующей артиллерии. Пруссаки в центре составляли первую линию, и надо отдать должную им справедливость, что союзное наше войско пылало желанием искупить теперь Иенское сражение³⁵³. Первый натиск пруссаков был превосходная атака, не знаю, по какому недоумению, не была поддержана второй линией русских войск, и пруссаки были опрокинуты с большим уроном. Тогда завязалась общая борьба по всей линии, довольно жаркая, но не клонящаяся, видимо, в пользу ни этой, ни другой стороны. Как союзные войска, так и французские удерживали свои позиции, но при обоюдных натисках друг на друга в их позициях были безуспешны, и убыль в рядах была значительна. В числе раненых у пруссаков был Шарнгорст³⁵⁴, можно сказать, главный деятель всех распоряжений, так как он был и из первых основателей Тугенбунда³⁵⁵.

Около полдня обе дивизии, находящиеся при нашем корпусе, были по приказанию главнокомандующего переведены на правый фланг всей армии позиции для подкрепления там наших войск, и хотя мы остались без всякой пехоты, гонец за гонцом привозил Винценгероде приказание вытеснить из Старзиделя, занятого сильной французской пехотой, нашей кавалерией. Попытки были

сделаны, но без удачи. В течение этого нерешительного исхода я помню находчивость Ланского. Белорусский гус[арский] полк, стоявший в позиции под огнем пушечным французским, стал колыхаться, как это говорят в подобных случаях. Ланской скомандовал: «Слезай» — и этим удержал полк от последствий колыханий; конными, может быть, *lis auroient, comme on dit, laché pied*^{92*}, пешие же, держа лошадей за повод, не могли двигаться, а сам Ланской, по обыкновению разодетый как бы на свидание с любовницей, на коне гарцевал перед своим отрядом.

Беспрестанные гонцы от главнокомандующего привозили Винценгероде приказание атаковать и вытеснить из Старзиделя французскую пехоту, и хотя и были попытки, но без успеха, чтобы не случилось, если у Винценгероде не была отнята пехота, т. е. 3-я и 4-я дивизии в числе 6 000 человек, передвинутые на правый фланг позиций всей армии, а занятое селение французами было связью их с Вейсенфельской дорогой, по которой шли войска неприятельские, отстоящие от общего движения французских войск и подкреплений.

В это время я был послан от Винценгероде к главнокомандующему для объяснения неудачных попыток кавалерии, под его начальством состоящей, и с тем, чтоб настойчиво просить подкрепить его пехотой.

Я помчался к главнокомандующему; объяснил положение местных обстоятельств и повторил настойчивую просьбу моего начальника о присыле пехоты.

Это было немного за полдень — еще тогда, как ход сражения более клонился к успеху, нежели к поражению. Витгенштейн, окруженный свитой и убеждаемый льстецами его штаба, и по природной его самонадеянности полагал, что победа неминуема. Помню, что один из этих льстецов говорил ему: «Наголову разбит будет Наполеон, вперед вас поздравляю». Главнокомандующий, упоенный этими хвалебными возгласами, почти не обращал внимания на усиленные мои представления, не давал мне никакого ответа, но наконец сказал: «К вам пошлю гвардейскую дивизию кирасир и Финляндский гвардейский полк». В кавалерии нам не было нужды, а пехота численностью слишком мала, чтоб предвидеть успех.

^{92*} Они, как говорится, убежали бы (фр.).

Император Алек[сандр], желая сам обсудить положение войск левого фланга, под командою Винценгероде состоявших, лично прибыл к нам и убедился в невозможности, по недостатку пехоты на этом пункте, того, что требовал от моего корпусного командира главнокомандующий, и хотел сам объяснить главнокомандующему.

Справедливость требует отдать справедливость государю, что хоть он во время сражения оставлял полную свободу действовать главнокомандующему без какого-либо собственного, личного с его стороны вмешательства, но что государь везде делил опасности боя. Весьма хладнокровно разъезжал под стрельбою неприятеля, и помню, что в то время, когда был у нас,—от души ли или из расчета, что не решу, один из генералов войск наших усиленно просил царя не подвергать себя общей опасности.

Но вот настает время, что ход Люценского сражения обращается в не пользу союзным войскам. Поражение началось на правом фланге позиции армии, это было около 4-х часов пополудни. Наполеон, вынужденный к бою фланговым нашим движением, начал, но, не имея в средоточении численности всех своих войск, а корпус вице-короля, сперва направленный в Лейпциг, успел только в это время примкнуть по новому сделанному распоряжению. Сильное это подкрепление было направлено к левому флангу позиции французской, где продолжался равносильный с обеих сторон бой, стоящий обеим сторонам больших убытков. Но сильное подкрепление, полученное французами, тогда как с нашей стороны почти все резервы были введены в бой, дало превосходство французам, и войско наше, несмотря на ввод в дело и последнего резерва, не могло удержаться, а начало в этом пункте, что французы называют, *une déroute*^{93*}, а на всех прочих пунктах нашей позиции оставались наши войска не отраженные.

Наступающая ночь прекратила битву. Быв в отдалении от Главной кварт[ир]ы и происходящих там толкований, я не могу дать сведения, что было причиною решения отступить к Эльбе. Впоследствии говорили, что недостаток в снарядах артиллерийских был тому причиною, но А. П. Ермолов несомнительно доказал тогда же,

^{93*} Беспорядочное бегство (фр.).

что это была ложь. Он тогда был начальником артиллерии действующей русской армии.

Все войска остались на первой, занятой нами позиции в утро дня сражения под Люценом, но правый фланг нашей армии после кровопролитного боя нашего правого фланга в наступательном его движении, в котором с уроном был отбит, в конце дня также остался на прежней занятой позиции.

Отступление к Эльбе было решено, войска главной позиции нашей с полночи начали свое отступательное движение каким порядком, мне неизвестно, но ген[ералу] Винценгероде было приказано прикрыть отступление, и мы до самого белого дня оставались на месте сражения. Французы не делали никаких приготовлений к началу нового боя, и наш корпус, состоящий единственно из кавалерии и конной артиллерии, по данной ему диспозиции начал отступление, весьма слабо быв преследуем французами. Наше отступление было назначено на отдельный Милорадовича корпус, стоящий^{94*}, куда он был послан в виде наблюдательного за идущим корпусом французов из Альтенбурга, не доспевшим к присоединению армии Наполеона в день Люценского сражения. Милорадович стоял, сколько помню, в 12 или 15 верстах от поля сражения. Приказано было, достигнув Милорадовича, Винценгероде сдать попечение прикрытию отступления и уже с его войском составить общий арьергард.

Не должен в истинности рассказа тогдашних событий утаить, что отступление армии нашей и прусской по направлению, каждому корпусу назначенному, происходило в большом беспорядке. Общее направление если и было, но на деле не соблюдалось, и можно сказать, что каждый корпусный командир только заботился о вверенной ему части, а что общего должного порядка не было.

Таким образом отступили все войска; но надо отдать честь Милорадовичу, что хотя и предшествующие его отступлению войска, шедшие почти ордой, и затрудняли его отступление, но он вел арьергард в отличном порядке и нес на плечах наступление французов и тем много способствовал общему отступлению к Эльбе.

Только за один марш до Дрездена армия была приведена в устройство и сделана была диспозиция отступ-

^{94*} В оригинале пропуск.

ления оной чрез Дрезден за Эльбу, устроено было три моста: каменный, взорванный французами во время очищения города ими, и два плавучих: один выше этого моста, а другой ниже. Армия благодаря неуступчивости Милорадовича в порядке переправилась за Эльбу, и началось отступление арьергарда. Надо сказать, что французы не могли нас настойчиво преследовать, не имея кавалерии в достаточном числе против нашей; даже и в Люценском сражении главная сила их кавалерии состояла из двух полков.

Отряд Винценгероде переправился по плавучему мосту выше каменного, но как отряженные им два полка г[енерал]-м[айора] Ланского, состоящие из Белорусского гусар[ского] полка, сколько мне помнится, и из Татарского уланского, и несколько полков казачьих запозднились, Винценгероде в заботливости своей, хоть сам и переправился, но, приказав главным силам отступить, остался на берегу, чтоб дожидаться переправы Ланского. Вскоре и этот отряд показался и переправился и следовал за прочими войсками, под командой его состоящими, но Винценгероде по своей обычной заботливости остался у берега, следя за переправой войск, не под его начальством состоящих. Тут был я свидетель одного происшествия, могущего бы иметь гибельные последствия. Часть арьергарда Милорадовича под начальством генерала Эммануэля переправлялась чрез тот мост, по которому переправился корпус Винценгероде. У этого моста на противном берегу было наскоро устроенное передовое мостовое укрепление. Эммануэль впереди переправился, оставив в тет де пон^{95*} Шлиссельбургский пехотный полк и сотню казаков, которым приказано было очистить мостовое укрепление, когда весь отряд перейдет, что и было исполнено. И когда все оставшиеся в оном войска уже поместились на мост, то по сделанному назначению плотовому мосту приказано было пересечь укрепление оною к берегу, так что самим течением мост бы, описав четверть круга, примкнул на наш берег. Но по непонятной торопливости пересекли мост в укреплениях и при нашем берегу, так что мост со всем находившимся на оном отрядом был несен на каменный мост течением. Винценге-

^{95*} Транслитерация французского военного термина tête de pont — предмостное укрепление.

роде напустился на Эммануэля, и успели кинуть канат на оконечность моста от нашего берега, чем восстановилось описание им четверти круга и спасены те, которые на нем были, от верной гибели.

Разные столкновения и неприятности, понесенные Винценгероде с графом Витгенштейном, подали повод ему проситься оставить команду состоящих под его начальством войск, и тем более государь согласился на его просьбу, что желал иметь его для советов при себе. Войска получили другое распределение, а Винценгероде — лично состоять при особе государя. Я же, страдая невыносимо грудью — последствие болезни тяжелой, постигшей меня в конце 12-го года, был в необходимости удалиться для лечения от военных действий и поэтому для лучшего пользования оставил армию и поехал в Прагу, где находилась моя мать при в[еликой] к[нягине] Екатерине Павловне. Я не участвовал и не мог следить очевидцем все военные действия от Дрездена до перемирия, но одно считаю неизлишним сказать, что хоть и впоследствии это слышал, но собственными ушами от Жомини³⁵⁶, что после Бауценского сражения — а Жомини тогда был начальником штаба у Нея³⁵⁷, — что французская армия была в таком расстройстве, что все отдельные части оной были перепутаны и что много было забот привести все в должное устройство.

Вскоре я прибыл в Прагу; об лечении моем и моем пребывании в этом городе нечего сообщить занимательного, как только представление мое великой княгине и взгляд на начавшуюся уже тогда вероятность присоединения Австрии к союзу против Франции³⁵⁸.

Хотя я приехал больной в Прагу, в[еликая] к[нягиня] Екат[ерина] Пав[ловна], тогда вдова принца Георгия Ольденбургского, при которой мать моя была гофмейстериной, требовала, чтоб я представился к ней, частью из расположения к моей матери и, полагаю, более из любопытства узнать от очевидца о происходящем между воюющими армиями. Зная, что все, что я ей скажу о Люценском сражении и о горестных последствиях оногo, она может передать государю, я на ее вопросы отвечал уклончиво, неопределительно. Но эта прозорливая и умная женщина сейчас заметила это и сказала мне: «Вы передаете мне не то, что истинно есть; вы, вероятно, боитесь, чтоб я не сообщила ваш рассказ брату мое-

му; я от вас требую искреннего вашего обсуждения происшедшего и теперешнего положения; я требую от вас правды не как сестра государя, а как русская, в которой любовь к отечеству на уровне с вашей любовью к отечеству и преданностью к истинной пользе государя». На это изложение мудро и несвойственно уже мне было продолжать мой рассказ в очерке начатого, и я ей передал все так, как было, и не скрыл ни неудачу сражения Люценского, ни горестные последствия оногo. Она меня благодарила за доверие к ней, повторила, что мой разговор останется <нрзб.> ей одной, и радовалась, что я ей сообщил, что в армии нашей и в прусском войске дух не упал и что предстоящие битвы найдут в них твердое намерение загладить понесенную неудачу, лишь бы их дельно повели к бою.

Во время пребывания в [еликой] к[нягини] Е[катерины] П[авловны] в Праге через нее шли все переговоры с Венским двором чрез посредство эрцгерцога, прибывшего к ней на свидание под предлогом родства, как вдовец ее сестры, покойной Александры Павловны³⁵⁹, и ум и светлость воззрения Е[катерины] П[авловны] приготовили последующее примкнутие венского двора к коалиции против Наполеона. Я был свидетелем всех военных приготовлений австрийцев, которые делались под видом военного нейтралитета, но, взойдя в тесные разговоры с австрийскими офицерами, оные меня удостоверили, что Австрия скоро вооруженною рукою примкнет к нам.

Здоровье мое укрепилось, я по долгу службы и влечению к исполнению моих обязанностей выехал из Праги и прибыл в Глав[ную] квар[тиру] госу[даря] императора под Швейдницею.

В промежуток времени моего отсутствия произошло много военных событий, и главное — Бауценское сражение, битва с обеих сторон воюющих армий бойкая и в которой по дошедшим мне рассказам удача не оказалась ни с той, ни с другой стороны.

Заключение перемирия было большой ошибкой Наполеона, но согласие на оное доказывало, что в военном отношении, а я полагаю, еще более в политическом — это перемирие было для него необходимостью³⁶⁰. Без этих причин как ему было согласиться на оное, когда путь к Берлину был ему открыт и наша армия почти отстранена от прямой коммуникации операционной ее

линии. Перемирие дало нам время и способ, равно и прусским, усилиться вновь сформированными резервами и, наконец, дало время Австрии вполне вооружиться и быть вполне готовой с огромными силами примкнуть [к] коалиции.

Я прибыл в Швейдниц как флигель-адъютант, принял обязанности по своему званию, т. е., по совести сказать, бить, как говорится, баклуши. Жил в Швейднице и ежедневно ездил в занимаемую государем мызу в близком расстоянии от города, скажу просто, не за каким-либо делом, а просто шататься от безделья. Путь мой для этих ежедневных поездок шел мимо квартиры, занимаемой Алексеем Петровичем Ермоловым, и как это было обыкновенно утром и возвращался в город к обеду, то невольно обращал глаза на его квартиру, всегда видел его, сидящего у окошка, что меня немало удивляло, зная и ум и келейные занятия его. Алексей Петрович, быв всегда расположенным ко мне, я при одном из моих посещений принял смелость спросить, [отчего] я вижу его всегда сидящего у окна, и на мой вопрос вот его ответ: «Дорогой товарищ,— сказал он мне,— вот причина этого: я смотрю сию, с каким лицом едут к государю и с каким лицом от него возвращаются. Это для меня хроника любви и обстоятельств». И точно, выражение лица не было равное в оба пути — по встрече и отъезде.

Во время моего отъезда из армии возымела перемена. Главнокомандующий в нашей [армии] Витгенштейн, не оказавший ни в военной, ни в административной части того, что ожидал от него государь, был отставлен от командования оной, и как Барклай, прибывший во время Бауценского сражения из армии, бывшей Чичагова, после сдачи Торуна был старший и пользовался доверенностью государя, он был назначен главнокомандующим, а Витгенштейн принял командование корпусом. Хотя чувство честолюбия Витгенштейна могло быть этим обижено, но чувство долга и рыцарский образ суждения его не дали хода чувству обиды, и граф Витгенштейн без выражения неудовольствия принял второстепенное назначение.

Во время стояния в Швейднице расстроенные войска наши приняли стройный вид, укомплектовались подходящими резервами, отдохнули, приделались, приобулись, и вся административная часть приведена в устройство.

Хотя частные происшествия не должны были бы

иметь место в рассказе о событиях, столь важных, как те, которые я повествую, но как следующий мой рассказ выражает две личности, я их передам моим пером.

Эти два лица — Иван Онуфриевич Сухозанет³⁶¹ и Фигнер³⁶². Первый был начальником штаба при начальнике артиллерии князе Яшвиле³⁶³, а Фигнер — артиллерист, я полагаю, тогда уже штаб-офицер.

На бывшем в этот день разводе Фигнер, прибыв в Гла[вную] ква[ртиру], пришел на развод, не являсь предварительно к Сухозанету и, вероятно, с отступлением в форме обмундирования. Заносчивый Сухозанет напустился на него по окончании развода, вероятно, в выражениях грубых, но напал на человека, не выносящего этого, и за грубость — и от Фигнера грубость. Все это происходило хоть не при главнокомандующем, который уже отошел с развода в свою квартиру с многими генералами и своим штабом, но в хвосте были еще многие [из] присутствующих при разводе, и как брани этой не предвиделось конца, и что особенно Сухозанет боялся, чтоб Фигнер не заехал к нему в щеку, то принялся довольно скоро уходить и найти убежище в квартире главнокомандующего. Но Фигнер за ним вслед и пинками его в жопу проводил до самого входа в квартиру главнокомандующего. Хоть я не был свидетелем этого, но мне рассказывал очевидец, стоящий полного доверия. Кажется, всю эту историю затушили, потому что явное после этого ничто не произошло.

Во время продолжения перемирия и стоянки около Швейдница происходило свидание кронпринца шведского, в Трахенберге, т. е. Бернадота³⁶⁴ с госу[дарем] Ал[ександром] Павл[овичем]. Подробности и ход этих переговоров мне неизвестны, а исход оных — сформирование новой армии под названием Агпée^{96*}, составленной из русских, прусских и шведских войск под предводительством самого Бернадота, и назначен командиром русского корпуса барон Винценгероде, а этот, по доверию и расположению ко мне, просил государя причислить меня к штабу командуемых им войск, и я исполнял звание дежурного офицера при этом отдельном корпусе.

Корпус русский состоял из ... (не имея возможности

^{96*} Армия (фр.). Далее в рукописи пропуск слова. Имеется в виду Северная армия (Агпée du Nord).

исчислить подробно эти назначения, я до справок откладываю это исчисление и поэтому оставляю в пробеле лист и после пополю)^{97*365}.

Генерал Винценгероде из Швейдница отправился с составом его прежнего штаба почтовыми средствами сперва в Берлин и вступил в командование вновь порученным ему корпусом, составленным из соединенных в одно целое разных отрядов.

Во время нашего временного пребывания в Берлине было обстоятельство, которое полагаю неизлишним сообщить — это проезд чрез Берлин генерала Моро (Моргеау)³⁶⁶. Всем известно, что Моро, по точному ли вмешательству его по заговору Жерже³⁶⁷ и Пишегрю³⁶⁸ против Наполеона или по политической ревности последнего к нему, был вывезен в Американские Штаты, где проживал вне всяких вмешательств по обстоятельствам Франции частным человеком, но как замечательное лицо антибонапартизма, желательно было имп[ератору] Алек[сандру] присвоить его в пользу борьбы Европы против Наполеона, и в этом виде повелено было российскому посланнику в Амер[иканских] Штатах³⁶⁹ склонить Моро к соучастию своею личностью к этой борьбе как лицо, имеющее большую партию во Франции. Во время несколькихдневного своего пребывания Моро был предметом восторженности берлинских жителей в пользу его. При месте жительства его было непрерывное стечение народа и в пользу его манифестации, и беспрестанно вызывали его на балкон его дома восклицаниями народа. При нем находился чиновник нашей в Америке миссии Свиньин³⁷⁰, вовсе ничтожная особа, но пользующийся этим случаем, чтобы придавать себе важность под крылышком этой знаменитости. Тогда я не предвидел, что эта восторженная встреча в пользу Моргеау вскоре заменится колоколом погребальным и что ядро французское вытеснит из жизни человека, взявшегося за оружие против своих соотечественников. Этот приговор не отнесу к Бернадоту: назначением кронпринцем шведским он сделался шведом и хотя скрепя сердце, был обязан попечительством о прямых выгодах нового своего отечества — Швеции.

По маловременном пребывании нашей корпусной квар-

^{97*} Запись в скобках сделана карандашом.

тиры в Берлине она была перенесена в Бранденбург, и тут начались прямые действия приведения в порядок и приготовления к ожидаемым военным действиям корпуса <нрзб.>, вверенного начальству Винценгероде.

Во время этой стоянки было происшествие, лично до меня относящееся, хотя в кругу моих служебных обязанностей. Город Бранденбург давал бал в честь приезда Винценгероде. Бал был парадный с должным приличием во всех отношениях, но к зале танцев был в особенной комнате устроен буфет, в который был вход, не проходя чрез танцевальную залу. Заметив, что там происходит шум, я почел обязанностью в силу звания моего прекратить это и, взошед в буфет, увидел Польского уланского полка офицера в растрепанной полуформе и уже полупьяного причиной этого шума. Не желая в виду пруссаков, жителей и военных, я под разными причинами успел его пригласить выйти вне дома и тут объявил ему, что я его арестую именем корпусного командира и отправлю на гауптвахту. На требование мое, чтоб отдал мне свою саблю, полудержкими и полумилительными ответами он отказывал в этом. Я вышел из залы с намерением возвратиться на бал, но если бы я это сделал, то я воротился в нее, а этот улан[ский] офицер в буфет, и чтоб избежать этого, я пошел к себе на квартиру и дорогою то убеждал его отдать мне саблю и что тем кончить историю, а в случае неисполнения он будет подвержен строгому взысканию. Но он продолжал тот же разговор и не отставал от меня и даже взошел со мной в мою квартиру. Не выходя из должного в этом обстоятельстве терпения и скажу даже, из самоохранения от лица, не владеющего своим умом по пьяному его состоянию, я продолжал хладнокровно уговаривать его исполнить то, что я вправе был требовать по званию моему и службе. Наконец ему сказал, что он подвергнется ответственности, но что я желаю прекратить этот ни к чему не ведущий разговор и что уставши я хочу спать, и стал раздеваться; тогда мой уланский офицер снял с себя саблю, вручил ее мне, сказав: «У меня есть еще много сабель дома, да еще турецких в оправе». Наконец он вышел. На другой день, проспавшись, он пришел просить у меня извинения, я почел лучшим прекратить след всему этому происшествию, ничего не сообщил корпусному командиру, чтоб не подвергнуть офицера заслуженному взысканию, но

чтоб и след всего этого простыл, сказал полковому командиру отправить офицера в запасной эскадрон, формирующийся в Варшаве.

Я почел не излишним описать это довольно пустое обстоятельство, чтоб выказать, что хладнокровие, которое лучший исход в подобных обстоятельствах, и что не надо принимать в строку действия в последствиях от положения пьяного безрассудства.

Но обращаюсь к повествованию более занимательному. Время истечения перемирия продолжалось³⁷¹. Корпус, сосредоточенный и приготовленный к военным действиям, ожидал повеления начальства, как в целом его составе, так и в отрядах, занимающих отдельно черты демаркационной линии в расположении наших войск. Кронпринц шведский Бернадот, к армии которого причислен был наш корпус, приказал в самый день прекращения перемирия как отдельным отрядам, так и самому полному составу нашего корпуса двинуться быстро к Эльбе, чтоб предварить движение наступательное французов.

Прежде, нежели говорить об общих военных действиях, изложу здесь обстоятельство, относящееся до одного из наших отрядов, именно летучего отряда полковника Левенштерна³⁷², довольно замечательное по его предприимчивости и в некотором отношении и по обстоятельствам, из сего последовавшим.

Не помню местности, где стоял этот отряд, но он был из числа передовых, и при общем движении и ему приказано было двинуться вперед и действовать партизански, отдельно. Левенштерн чрез агента узнал, что касса саксонских войск под слабым прикрытием шла к саксонскому корпусу, состоящему еще тогда в армии Наполеона. Пожива этого рода была по духу войск отряда Левенштерна, состоящего из казачьих полков. Он двинулся быстро и застал врасплох этот отряд саксонцев, полонил его и кассу вместе. Нажива была славная, и досталось вдоволь и Левенштерну, и бывшему в прусской службе, а ныне в русской ротмистру Барнеку, и казачьему отряду — от старшин до простых казаков. Он донес Винценгероде о удачном захвате саксонского отряда, но умолчал о взятой кассе^{98*}.

^{98*} Далее до слов: «удовлетворения обиды Левенштерна» исключено из первых изданий «Записок».

Но этот захват не ускользнул от бдительного ока военного губернатора Берлина — Лестока³⁷³, и Винценгероде получил от него сообщение, что при захвате саксонского отряда взята денежная касса с объяснением, что всякая добыча по правде должна по известному расчету делиться между союзниками. Немудрено, что прусское начальство об этом захвате узнало по тому, что еще ночью Левенштерн и Барнек из какого-то фанфаронства пленных саксонцев принудили в полной парадной их форме — и в сопровождении захваченных^{99*} фургонов едой парадной вступить в Берлин.

Лесток вместе с извещением вышеозначенным известил, что на квартире Левенштерна, где и стояли фургоны, он приставил к фургонам прусских часовых и просил присылки русского депутата для приступа к формальному следствию.

Винценгероде, получив бумагу от Лестока, по вспыльчивости его характера и в особенности по недоверию к нему Левенштерна, как бы боявшегося, что он, Винценгероде, потребует и себе надел из кассы завоеванной, хотел было принять строгие меры, но потом, усмирившись, приказал мне ехать в Берлин, взойти в полное объяснение с Левенштерном и, смотря по обстоятельствам, действовать, стараясь выгородить по возможности не столько Левенштерна, но и честь русского мундира.

Я немедленно отправился в Берлин и сейчас по приезде отыскал квартиру Левенштерна, пошел к нему, чтоб вполне узнать обстоятельства дела и действовать соответственно с оными. Пришед к Левенштерну, я сообщил ему впечатление и негодование Винценгероде в ответ на требование Лестока депутата с русской стороны и приказанного мне исследования. Левенштерн чистосердечно сообщил мне все: «Настаивай, Волконский, на официальном вскрытии фургонов, там не найдут награбленного, а разную рухлядь, известную в войне, и Лестоку мы покажем нос, а касса уже в таком месте, где ей и следу не найдется».

Тут уже не с одним уличением Левенштерна в захвате, но с полной уверенностью, что вымещу нанесенную обиду русскому офицеру подозрением фактами опровергающими, я известил Лестока о моем прибытии и доверен-

^{99*} В оригинале: захваченных.

ном мне поручении и просил окончательного при моем присутствии следствия. Комиссия собралась — фургоны вскрыты — и прусское начальство осталось с носом, а я уже имел право не защищать, а требовать удовлетворения обиды Левенштерна.

Чтобы дать понятие о количестве наплыва саксонской монеты от этого захвата, скажу, что несколько дней в Берлине саксонский талер, которого ценность всегда выше прусского, ходил меньшей ценою против прусского. Итак, Левенштерн и его сподвижники остались при денежной их добыче, и дело приняло совершенно другой оборот, как предполагал Лесток.

После частного этого происшествия обращаюсь к военным действиям по истечении времени, назначенного по перемирию.

Корпус Винценгероде был тогда в составе Северной армии, состоявшей из войск русских, прусских и шведских, и все они были под главным начальством кронпринца шведского Бернадота.

Опять повторяю, что [при] описании военных действий, не имея в моем распоряжении ни книг, ни официальных бумаг и составляя мои записки по памяти по истечении более пятидесяти лет от событий, я не буду излагать связною цепью постепенно происшествия день за день, а более в некоторых отдельных фактах, в которых я был свидетелем или участником, или для оспаривания обстоятельств, искаженных в общем мнении, или личностей, неправильно себе приписавших незаслуженную знаменитость.

Главкомандующий Бернадот, имев целью с начатием военных действий как можно более занять перед собою местности и сторожить всякое покушение неприятеля за Эльбу, приказал форсированным маршем двинуться русскому корпусу как в целом его составе, так и в отдельных отрядах, при нем состоящих. Это движение было нами сделано быстро по данным направлениям, но едва мы исполнили оное, как вдруг получается предписание как можно поспешнее обратиться назад под Берлин. Причиной этому движению было наступательное движение французов из Витенберга на Берлин, и в этом направлении корпус прусских войск, состоящий под начальством Бюлова³⁷⁴, быстро отступал, теснимый сильно французами в превосходных силах, и принимаемые меры к обороне засе-

ками и военными сопротивлениями их быстрый натиск не остановили.

Приказание к отступлению обратно к Берлину получено Винценгероде ночью, сколько помнится, на втором переходе наступательного нашего движения. Главному корпусу наших войск не предстояло никакого затруднения в исполнении данного приказа: шедши вперед, мы не встречали неприятеля и по этому самому и могли хоть не по сердцу, но по обязанности исполнить приказание. Но наши передовые отряды, выдвинутые быстро вперед, подвергались большой опасности тем более, что за несколько часов до получения отступательного приказа было им дано приказание сильно выдвинуться вперед и тревожить неприятеля. Все диспозиции движений делал сам Винценгероде с содействием его начальника штаба генерала Ренни³⁷⁵, но отправление диспозиции и ответственность за безошибочное доставление оных лежали на моей ответственности.

Как я сказал, ночью получено было приказание отступательного движения, тогда как предшествующие сутки были или в марше или заняты изложением письменно сделанной диспозиции и отправлением ордеров по разным направлениям. Вновь полученное приказание изменило совершенно прежде данные: надо было сообразить, где эти отдельные наши отряды можно застать, как им без опасности перехвата соединиться с нами к предстоящему генеральному сражению. Редакция ордеров, выбор гонцов смелых и распорядительных при могущих быть встречах так заботили меня, и к этому еще боязнь, что припишут моей небрежности всякую неудачу, и постоянные занятия, не дающие мне ни времени, ни порыва ко сну, совершенно истощили меня, так что на третий день, когда мы шли уже к назначенной нам позиции при Гросс-Беерен³⁷⁶, сидя верхом два казака держали меня под локтями, а я верхом крепко спал, а при всякой остановке шествия колонны меня, сонного, снимали с лошади, как сноп, и я, как сноп, спящий лежал на земле. Конечно, столь обширно описанные лично о мне подробности немало незамечательны, но они доказывают, как моральные заботы часто поражают силы физические.

По всем сделанным от меня отправлениям гонцов с ордерами был полный и неожиданный успех: все вовремя и без встреч с неприятелем достигли наших отрядов — и

эти отряды благополучно соединились с нами; итак, заботы мои были увенчаны полным успехом.

Настал день сосредоточения при Гросс-Бееренской позиции: соединение войск шведских и русских в полном их составе — а прусский корпус Бюлова делал последний отступательный переход до соединения с нами.

По выказанным причинам не в состоянии я дать полного рассказа о позиции, нами занятой; все это, вероятно, подробно описано в дневниках армии, но изложу некоторые частности, вероятно не входившие в состав этих дневников.

Бюлов с пруссаками отступил, сильно теснимый — не удерживаясь, сколько был в силах. Но Бернадот был недоволен быстротой его отступления. Случайно приехал с донесением, прибыл тогда же к нему адъютант Бюлова с просьбой от этого генерала, чтоб кронпринц прислал ему подкрепление. На просьбу эту Бернадот отвечал ему: «Je ne reconnais plus en vous, prussiens, les soldats du grand Frédéric. Dites à votre général Buloff que ni les suédois, ni les russes n'ont ni femmes, ni enfants à Berlin, que c'est à vous de défendre votre capitale, et quant à nous, de Berlin à Stralsund et au Niemen il ya place encore pour nous mesurer avec l'ennemi. Dites à votre général Buloff, que je ne lui enverrai ni un seul russe, ni un seul suédois et que s'il perdait tout son monde et que lui seul reste, qu'il se défende encore»^{100*}. Эти слова, которые я слышал лично, так впечатлелись в моей памяти, что могу заверить, что они переданы слово в слово.

Описание Гросс-Бееренского сражения, вероятно, отчетливо изложено в дневниках армии и военными повествователями. Содействие в оном большом бою главного русского отряда было незначительно, артиллерия русская соучаствовала в поражении неприятеля так, как некоторые легкие кавалерийские отряды на флангах неприятеля. Полученным отпором, неожиданным французами, насту-

^{100*} Я не узнаю больше в вас, пруссаки, солдат великого Фридриха. Скажите вашему генералу Бюлову, что ни у шведов, ни у русских нет в Берлине ни жен, ни детей; это вы должны защищать вашу столицу; что же касается нас, то от Берлина до Штральзунда и Немана достаточно места, чтобы нам помериться силами с неприятелем. Скажите вашему генералу Бюлову, что я ему не пошлю ни одного русского, ни одного шведа, и даже если он потеряет всех и останется один, пусть защищается и тогда (фр.).

пательное их движение приостановилось, а полученное ими известие о быстром движении Блюхера³⁷⁷ в Шлезвигской^{101*} армии заставило французского маршала отступить для подкрепления и соединения с пораженными войсками, и при отступлении до самой Эльбы были быстро преследуемы.

После Гросс-Бееренского сражения мы приблизились к Эльбе, перешли ее, и Главная квартира кронпринца и наша корпусная были в Цербсте, а часть наших войск была при обложении вместе с пруссаками Виттенберга, но при прибытии Тауенцина^{102*378} с ландвером сменены русскими из-под Виттенберга.

Переправа через Эльбу была сделана в трех колоннах, в каждой национальность особенная. Русские войска переправлялись в Аахен. Пруссаки, быв на родине, пользовались местными средствами и имели понтоны. Шведам были отданы наши понтоны и собраны речные суда, а нас, русских, оставили на собственных средствах, т. е. русская воля и топор. В несколько минут разобраны дома прибрежные, сплочены плоты — и молодцы-пехотинцы плывут к Аахену, беглым шагом занимают город и, став твердою ногою, устраивают мостовое укрепление наскоро, но все-таки немного оборонительное и тем дают способ всему корпусу перейти на тот берег. Эта смелая переправа и принятые меры были предприняты под попечительством графа Воронцова. Кронпринц шведский, объезжая все переправы, прибыл к нашей и не мог надивиться успешной нашей переправе, без всяких средств к оной, и тут я опять помню его слова, им во всеуслышание произнесенные: «Il n'y a rien d'impossible a vous autres, russes; si votre Empereur était ambitieux, il faudrait vous tuer, vous autres russes, individuellement, comme on tue les ours blancs dans le Nord». Et puis ne tournant vers le maréchal Steding³⁷⁹, qui commandait l'armée suédoise, lui dit: «Imitez les russes, il n'est rien d'impossible pour eux. Vous autres suédois, vous ne savez pas faire la guerre, mais cela viendra, cela viendra»^{103*}.

101* В оригинале: шлезской.

102* В оригинале ошибочно: Таунцин.

103* «Для вас, русских, нет ничего невозможного; если бы ваш император был честолюбив, пришлось бы вас, русских, убивать особенно, как убивают белых медведей на Севере». И потом, обернувшись к маршалу Стедингу, который командовал шведской армией,

В Цербсте я ежедневно раза по два, по три ходил к Бернадоту для сообщения получаемых нами известий с передовых отрядов и по справедливости могу сказать, что пользовался его расположением. В Цербсте караул у кронпринца был всегда русский, и он ежедневно выходил к смене. Всегда здоровался с людьми и всякий раз спрашивал, дано ли было нижним чинам водки, и на ответ, что порции выданы, он всегда повторял: «Qu'op leug en doppe epsoge»^{104*}.

Кронпринц умел отлично приобрести себе любовь русского солдата и всех высших чинов: с этими был вежлив, а к нижним чинам ласков, попечителен. Что в особенности нравилось нижним чинам, это то, что только в необходимых случаях выдерживал их на бивуаке, а более располагал на тесных квартирах. Впоследствии, когда все войска шли в боевом порядке, почти всегда его Главная квартира была при русском корпусе. Само собой разумеется, что войска выступали раньше поезда кронпринца, но когда он показывался у хвоста колонны и объезжал ее, то дружный гул русского «ура» следом его поезду, и это не по приказанию, но чисто от порыва любви к кронпринцу.

Во время нашего пребывания в Цербсте получено было известие, что из Виттенберга французы, отеснив пруссаков, облагающих крепость, приняли наступательное движение. Корпус Бюлова, стоящий близ их, был первый в бою с ними, но был отеснен, но вскоре подоспел наш корпус и шведский, и так удачно был направлен, что вошел в связь с Бюловым и из побеждающих французов обратил их в отступающих, и французский корпус, вышедший из Виттенберга и достигший почти Трейенбриценна^{105*}, принужден был пораженный возвратиться чрез Эльбу на Торгау. Это замечательное сражение было перед Денневицем, и вся честь оного — распоряжениям Бернадота и смелому действию русской и шведской артиллерии и атакам кавалерии русской; в числе последней была замечательная атака барона Палена³⁸⁰ с Изюмским полком и еще другого, драгунского, и действие конной

сказал ему: «Следуйте примеру русских, для них нет ничего невозможного. Вы, шведы, не умеете воевать, но это придет, это придет» (фр.).

^{104*} Пусть им еще дадут (фр.).

^{105*} В оригинале: Треен-бриц.

роты № 4 под командою капитана Баташева, и преудачное действие, которое той же роты поручик Викторов³⁸¹ кинулся с канонерами и отбил два орудия неприятеля.

Под Денневицем в числе пленных приводят к Бернадоту штаб-офицера, и что ж вышло? Этот штаб-офицер был ротным командиром во время начала французской революционной войны, а Бернадот был у него в роте фельдфебелем, первый достиг только чина полковника, а Бернадот был уже не только в французской армии фельдмаршалом, но в это время был наследным принцем шведского королевства.

После блистательной победы под Денневицем^{106*} вышедшие из Виттенберга французские, как помнится, два корпуса под предводительством храброго Нея едва могли иметь спасение, приняв отступление к Торгау, преследуемые русскими, пруссаками и шведами и более первыми. Отражение французов спасло Берлин, куда стремились французы, и там хоть, вероятно, не надолго, но этим нанесли бы большой вред военным приготовлениям пруссаков, поплатились бы жители сильной контрибуцией, а тягости как русской и шведской армии едва бы могли без вреда уйти. Ютербокское сражение делает большую честь распоряжениям Бернадота, и, как выше сказано, действия артиллерии и атака кавалерийская принесли большую честь шведской и русской артиллерии и русской кавалерии. Я не упоминаю об пруссаках, потому что первый натиск французов в превосходном числе войск был на них, и хоть отпор их был по возможности стоек, но они были приведены в расстройство и выручены были русскою и шведскою артиллерией, действующей отлично, под распоряжением начал[ьника] Глав[ного] штаба армии кронпринца шведского генерала Адлеркрейца³⁸².

На другой день, сколько помнится, было произведено на самом поле сражения, в российских войсках церковное молебствие в присутствии наших полчищ за одержанную победу и к радости нашего успеха пришла весть о одержанной победе главной армией под Кульмом³⁸³, и можно сказать, что эти почти современные сражения дали союзной армии тот перевес, который впоследствии ознаменовался под Лейпцигом.

После несколько дней отдохновения и после соглаше-

^{106*} Вписано карандашом.

ния движения всех союзных армий и наша Северная армия в полном составе приняла наступательное движение. За давновременностью событий не могу дать день за день отчет движения войск Винценгеродова корпуса, но эти движения были по назначению Бернадота, а он следовал лично с нами.

В это время был частный случай, о котором скажу несколько слов, как выказывающий находчивость того лица, о котором буду говорить. Этот случай был с Фигнером, которого имя столь громко прославлено в Отечественную войну и которого смелость выказана была в 13-м, когда он лазутчиком взшел в крепость Данциг, чтоб узнать о силах французского гарнизона и духе оною. Фигнер все высмотрел и даже успел в виде фельдшер^{107*} посещать Раппа^{107*384}, начальника французского гарнизона, и при ловкости его ума, исполняя обязанности брадобрея Раппова, многое выведывать и, наконец, счастливо выйти из крепости и явиться к главнокомандующему с запасом весьма великим о средствах защиты французами Данцига. Но ныне вот что случилось: Фигнер формировал легион из дезертиров испанцев и итальянцев, служивших в французской армии, или попавших в плен этих народностей. Кадр его отряда составлял тот партизанский отряд, с которым он действовал в 1812 году. Партизанская война неминуемо ослабляет дисциплину, а при сбросе новобранцев — эти еще более склонны к грабежу. Фигнер, едва организовавши этот отряд, пустился к присоединению с действующими войсками и, быв причислен к Винценгеродову корпусу, спешил к соединению и не мог соблюсти с этим сбродом, едва устроенным в целое, соблюдать при переходах должную дисциплину — при шествии и ночлегах. Своеволие его отряда в отношении жителей было поводом многих жалоб, которые принесены были кронпринцу, который при выражении неудовольствия препроводил их к Винценгероде. Корпусной командир при получении этого вспылал и, призвав меня, приказал, чтоб я немедленно вытребовал Фигнера и его привел к нему. Воротясь на свою квартиру, я неожиданно там застал Фигнера и предварил о грозе, ему угрожающей, и что мне приказано его к отчету привести, к Винценгероде. «Все обделаю, — отвечал он мне, — объ-

^{107*} В оригинале ошибочно: Раба.

яснюсь с корпусным, объяснюсь с кронпринцем и улажу дело». Пришли мы оба к Винценгероде, тот вспылил на него, но Фигнер, нимало не смущаясь, отвечал ему: «Пошлите меня к кронпринцу, и вы увидите, что возвращусь к вам чист как агнец». Винценгероде любил Фигнера и сказал ему: «Поезжайте, но если не оправдаетесь, то будет вам и вашему отряду жутко от меня». Фигнер поехал к кронпринцу; что там происходило, я не знаю, но вместо взыска он вернулся от него с шведским крестом в петлице и поэтому чист от всяких нанесенных и грозивших ему упреков.

Около времени, здесь мною описываемого, Наполеон, стесненный и большою действующей армией от Богемии, и Блюхером от Лаузаии, и кронпринцем с севера, принял намерение смелым и неожиданным движением ускользнуть, и тогда как мы все двигались к центральному пункту — Лейпцигу, кажется, его намерение было, оставив пред главной армией вид защиты, со всем войском перейти на нашу сторону Эльбы, завернуть с мечом и огнем в Берлин, дать весть, чтоб Гамбургский гарнизон пробился в направлении Вестфалии, из Берлина идти на Магдебург и, отогнав едва начатое обложение, соединиться и выйти из Магдебурга и ретироваться в направлении к Рейну и, собрав все гарнизоны, в этом направлении расположенные, удвоить свою армию и успеть сделать это первоначальное движение, пока еще не очнутя его предприятию. Этому движению было начало, и составленный авангард Наполеона вышел из Виттенберга и даже сделал один переход, оттолкнув обложивший этот город прусский ландвер, едва сформированный. Но это движение не продолжилось, оттого ли, что глав[ная] армия и Блюхер стояли настороже или Наполеон сам переменял намерение, мне неизвестно, но что я могу заверить, что первоначальное движение авангарда французского из Виттенберга немало озаботило кронпринца шведского по той причине, что все обозы и парки могли попасться в руки французам и нас оставить без хлеба и снарядов, а появление на правом берегу Эльбы французов подало повод ждать дурных последствий. Я помню, что мы получили это известие на ночлеге при каком-то городе, где производится солеварение. Русский корпус расположен был бивуаком на той стороне текущей тут речки. Квартира принца в самом городке. Он меня потребовал к себе и,

дав расписание об общем движении, сказал: «Вы мне отвечаете за порядок: русским войскам спускаться чрез ущелье, переходить артиллерии обозам чрез <нрзб.> мост, а войску вброд, подыматься опять чрез ущелье, и поэтому надо соблюдать большой порядок, пока все войско не выйдет из ущелья, то не пропускать ни одной повозки, даже и мою, понимаете, на ваш ответ». И точно, я принял все меры, мне приказанные, и коляску и фургоны принца, попытавшиеся опередить проход войск, я не пропустил, и когда начальник этого обоза хотел прорваться силою, я казакам приказал взять дротики наперевес и тем остановил, и, узнав об этом, принц меня очень благодарил.

Предшествующее описанное движение французов, ими же отмененное, имело последствием смерть Фигнера. Он в то время прибыл еще не с вооруженным его отрядом в Дессау, а туда же и нагрянули французы, кое-как попытавшись защитить Дессау, стало ему не в силах — моста не было на реке, и ему ничего не оставалось, как стараться уйти и то вплавь и преследуемый, когда успел переправить главную часть отряда, но этим он погубил себя, и раненый, он потонул. Жаль этой кончины, он был не рядовой витязь, честь его имени — всякому, любящему славу русского войска.

Теперь приближаюсь к повествованию или, лучше сказать, <нрзб.> Лейпцигской битвы³⁸⁵, весьма справедливо названной народным побоищем.

Общее движение трехдневной битвы описано так подробно в разных повествованиях этой эпохи, что ограничусь некоторыми частными происшествиями того корпуса, при котором я служил.

Мы не участвовали, т. е. Северная армия, в сражении 4-го октября и стали в линию общей позиции в полдень 5-го числа. Во время нашего приближения к позиции был схвачен нашими казаками ординарец Бертье³⁸⁶, который возил St Суг'у^{108*387} в Дрезден повеление и возвращался оттуда с донесениями. Упоминаю об этом не как военный подвиг, но как подтверждение рассказам моим, как поляк всегда попытается быть гордым, а при осаде делается подлым. Его привели к Винценгероде казаки, этот поляк был некий граф Солтык³⁸⁸. Сперва чуть ли не полагал он себя обиженным пленом, но как его Винценгероде

^{108*} Сен-Сир (фр.).

осадил за заносчивость, то он записался сейчас к нему в родню по жене Винценгероде — и просил покровительства. Его с бумагами захваченными отправили в Главную квартиру, и куда он оттуда делся, не знаю, но встреча моя с ним — не в пользу ни его, ни нации — в чем не раз и потом убедился.

Позиция, занятая нашим корпусом, была против Паульсдорфа. Сколько я упомяну, перед самым началом сражения 6-го числа октября кронпринц шведский приказал всем ген[ералам], начальникам отдельных частей нашего корпуса прибыть к нему, и тут, окруженный своим штабом, он им выразил в кратких словах следующее: «Господа, — сказал он им на французском языке, — в нынешнем дне предстоит главное сражение, я буду следить за ходом оного в части войск, состоящей под моей командой армии, буду давать приказания по предстоящим случаям, но часто минута дорога для нанесения значительного удара; это особенно случается при кавалерийских атаках. От нас, господа начальники этого рода войск, тут может встретиться случай, где вы должны сами воспользоваться случаем, будьте бдительны и не пропускайте удачного обстоятельства; я надеюсь, что вы вполне будете на уровень этих обстоятельств и не пропустите воспользоваться оными. Обратитесь каждый к вашим местам и будьте уверены, что я буду уметь оценить заслуги каждого». Тут граф Мантейфель³⁸⁹ в ловких словах выразил кронпринцу, что он вполне его понимает и готов исполнить его волю, и выразил это с увлечением, скажу, слишком неуместным. Тогда ему кронпринц сказал: «Граф, с вашей бригадой (которая состояла из Санкт-Петербургского драгунского полка и казачьего волонтерного полка петербургского) ополчения под командою полк[овника] Яхонтова³⁹⁰ возьмите вашу бригаду и овладейте указанной французской батареей, и овладейте оной». Тут уже не было возможности в виду кронпринца не исполнить, бригада рухнула, батареей овладели, но потеря с нашей стороны была значительна, и Мантейфель положил тут свою жизнь, скажу, за неуместное фанфаронство.

Не буду описывать действия всего нашего корпуса. Военные историки лучше, нежели я могу из памяти, все это описали, но передам два обстоятельства: это занятие деревни Паульсдорф и переход к нам саксонских войск.

При занятии Паульсдорфа, которое было сделано прус-

саками Бюлового корпуса, они действовали молодцами, Паульсдорф сильно был занят французами, которые открыли сильный на них стрелковый огонь, но пруссаки сомкнутыми колоннами атаковали деревню и ворвались в оную с белым оружием, и в это же время посланный Винценгероде начальник конной артиллерийской роты подполковник Арнольди³⁹¹ обскакал деревню и с тыла оного начал громить оную, так что он, можно сказать, был между двух огней: от французов, занимающих Паульсдорф, и главной линии французов, поодаль оной состоящих. Это отважное предприятие увенчалось полным успехом. Не могу себе дать отчет, как из французской линии не было дано помощи французам, занимающим деревню, и как допустили Арнольди действовать, но Паульсдорф был нами занят — французы, занимавшие деревню, положили оружие, но в этом деле была у Арнольди оторвана нога. В военном деле смелое действие начальника невольно производит впечатление, и теперь после более сорока лет это впечатление живо, что могу дать отчет, как был одет Арнольди, какой шерсти была под ним лошадь, все это в моей памяти живо, как бы это было нынче.

Другое упомянутое обстоятельство — это переход к нам саксонских войск. Это было в моих глазах. Вот как это происходило. Вдруг мы видим, что масса войск идет прямо на нас, не зная их цель, мы приняли сперва это за атаку, но махание платками господ офицеров и нестройной их образ приближения к нам убедил нас, что это не атака, и вскоре убедились, что они переходят на нашу сторону. К ним выскакали посланные передовые наши начальники, и вместе с ними вскоре явилось несколько начальников, которые и объявили, что эти саксонские войска к нам примыкают. Я был послан Винценгероде отвести все переходящие войска вне выстрела за нашу позицию, и дано было сведение об этом обстоятельстве кронпринцу и нашему государю. Винценгероде приветствовал начальников и войска, и, кажется, было все кончено, и весь состав этих войск с артиллерией был поставлен, как сказано выше, вне выстрела.

Но тут произошло неожиданное и непредвиденное обстоятельство: был им дан вроде почести конвой улан нашего Польского уланского полка под команду оберофицера какого-то по названию графа Люксембурга и

даже и в этом названии самозванца³⁹². Он отобрал у саксонцев знамена и с ними явился к Винценгероде, как бы отбитыми им, имея в виду этим обманом выслужиться наградой. Но за знаменами вскоре прибыли и начальники перешедших саксонцев с жалобой на эту обиду. Их успокоили, знамена им были возвращены, а Люксембург подвергнут был заслуженному взысканию.

Как я выше сказал, военные историки лучше меня описали все обстоятельства Лейпцигского сражения, но вот одно, которое еще живо в моей памяти.

Общим заключением, при битвах, предводительствуемых Наполеоном, к четырем часам пополудни всегда он предпринимал решительный удар. Около этого часа 6-го числа мы заметили против нас сгущение колонн французских и думали, что будет обычный этот решительный натиск, и готовились к отбою. Но оный не последовал, имел ли намерение Наполеон сделать этот натиск или сосредоточил он все свои войска, чтоб приготовиться к общему отступлению, неизвестно, но исход дня убедил нас, что возобновление сражения не произойдет.

Ночь провели мы на поле сражения, каждый думал о предстоящем дне, начальники войск сносились между собой для руководства своих действий, каждый относился к главному начальству для руководства, как и где действовать; как солдаты, так и начальствующие в разных степенях возобновляли свои силы телесные пищей и, как обычно, после сражения справлялись, кто убит, кто ранен, кто жив и цел, и, наконец, каждый и всхрапнул от усталости.

При рассвете мы увидели, что французы оставили позиции, и вскоре получили приказание, куда и как преследовать. Армия кронпринца приближалась к самому Лейпцигу в направлении местности, называемой Гримниц-Тор.

Это было 7-го октября, наша армия приближалась к предместьям города, в который наши передовые войска вошли почти без сопротивления. Но в городе самом за бульваром, окружающим город, опоясанный старым валом, казалось, готовятся к защите; наши передовые отряды, состоящие из пруссаков, были вытеснены, и пруссаки просили подкрепления. Кронпринц послал несколько батальонов шведов и приказал Винценгероде туда же отправить, сколько помнится, до восьми батальонов рус-

ских. Винценгероде, не любящий, чтоб русские войска смешивались с союзными войсками и были под командою чужеземцев, сам повел русские батальоны, и опять мы заняли без большого боя предместья и достигли до самого Гримниц-Тор.

Но тут вдруг возникло обстоятельство неожиданное, непредвиденное, которое было причиною хоть мгновенной, весьма кратковременной, но довольно значительной суматохи. Вот оно.

Головы колонн нашего отряда, уже как я сказал, были против вала по направлению к Гримниц-Тор, как вдруг из побочной улицы раздался голос: «Спасайтесь, спасайтесь, кавалерия!» Этот крик еще звенит в моих ушах. От этого возгласа и видя из-за угла улицы латников французских, без возможности дать себе отчет о глубине строя этих латников, обуял безотчетный страх пруссаков, шведов и русских, и так же безотчетно колонны пехотные наши повернулись спиной, вероятно, как и я сам, полагая, что французы дружной атакой этих латников (которых почитали в глубоком строю) хотели нанести нам поражение и вытеснить из улицы вне занятой нами улицы. При занятии нами этой части впереди были стрелки, за ними Винценгероде с его штабом, а за ними пехотные колонны. Безотчетный страх, обуявший их, и тот же, обуявший и стрелков, и не только эта встреча, но убеждение и в нас, что нашему штабу лично не устоять против сделанной на нас атаки, со стыдом признаюсь, было поводом, что и мы обратились вспять, но могу сказать, что лично для меня это был первый случай такового непозволительного поступка во всю мою боевую жизнь.

Что же вышло из этой мнимой нами на нас атаки латников? Тут не было густой и глубокой колонны, может быть, слабый эскадрон, который и не мыслил на нас сделать атаку, а просто сам для себя искал спасения, не имея уже возможности следовать общему движению отступления французской армии, нашедши первый принятый ими путь загражденным русскими войсками армии Беннигсена. Проскакавши вдоль бульвара, занятого нами до нашего безотчетного бегства, эти латники кинулись к встретившейся на их пути реке Эльстре^{109*}, чтоб спастись от плена, преследуемые нашими стрелками, отошедшими от

^{109*} В оригинале здесь и далее: Ельстре.

безотчетного страха. Многие погибли, но что уже впоследствии я узнал, среди этих кирасир был князь Иосиф Понятовский, погибший, кинувшись в Эльстру вплавь и тут же раненный, пораженный смертельным выстрелом одним из наших стрелков и потонувший тут.

Не предайся мы и наши войска безотчетного страху, и кирасиры, а всего главное, князь Понятовский были бы живыми взяты в плен. Нам была бы честь и слава, но, становя себя на место князя,— может быть, смерть для него был лучший удел. Он лег за свое отечество, не предвидя еще в то время, что с Лейпцигской битвы восстановление Польши в целом ее виде уже событие несбыточное даже и в теперешнее время, т.е. почти пятьдесят лет позже³⁹³.

Оправившись от безотчетного общего страха, мы опять приблизились к центру города и вошли в связь с прочими частями союзной армии. Вскоре город, очищенный уже французами, был занят союзной армией. В городе находился король саксонский³⁹⁴, верный союзник своим лицом Наполеона. По распоряжении о преследовании куда и какими войсками ретирующейся французской армии союзные государи въехали в город и, не слезая с лошадей, остановились на плацу против дворца. Бедный король саксонский в преклонных своих летах спустился с лестницы занимаемого им дома и вышел навстречу государям союзным, но они не удостоили его свиданием, и бедный старик при горестных событиях правительственных, его постигших, имел еще испытание быть, можно сказать, явно оттолкнутым от союзных государей. Как немец, может быть, и заслуживал этого, но дерзну сказать, что невыгодно, нерасчетливо царям унижать их брата.

Тут, на этом плацу, объявил имп[ератор] Алек[сандр] Винценгероде, что он совершенно доволен действиями его и его корпуса войск, хочет сам сделать им смотр. Винценгероде, получивши это приказание, подозвал меня и приказал мне поспешнее опередить о том приказании войско и устроить их в боевом колонном порядке и передать начальникам войск, чтоб по возможности приготовились, как возможно чище. В течение не более двух или трех часов войска нашего корпуса, приумывшись, пригладившись, поначистившись, стройно ждали на месте, где еще лежали трупы пораженных французов, стройно

ждали прибытия государя. Он объехал линии, был весьма доволен стройностью и наружным видом войск, благодарил корпусного командира, нач[альников] всех частей и наших молодцов-красавцев нижних чинов.

От нашего корпуса был отряжен также авангард для преследования францу[зов]. С аванпостов тогда пересылались переходящие к нам польские генералы, и офицеры, и нижние чины, вследствие объявления им самим Наполеоном, что теперь идет дело об одной Франции и что каждому предоставлено им возвратиться на родину или остаться при нем. Многих я лично по поручению корпусного командира отводил к государю, который принимал их благосклонно, приказывал снабжать деньгами и давать им проездные листы в Варшаву.

Мне не помнится, долго ли наша корпус[ная] квартира оставалась в Лейпциге, но полагаю, два дня. Часто был я посылаем к государю и кронпринцу для передачи донесений от нашего авангарда. В одну из этих посылок я застал у государя кронпринца Бернадота. Взошел в комнату, по сделанному знаку государем глазами, я передал данное мне поручение кронпринцу, не смотря на то, что он мне указывал на государя. Тут Бернадот лестно обо мне отозвался государю, но Белый Царь³⁹⁵, не любивший баловать нас, русских, в ответ ему сказал, что я только исполнил мои обязанности, но все-таки мне лестна была похвала кронпринца.

По кратковременном пребывании нашей корпусной квартиры в Лейпциге наши войска выступили сперва по частям, но, сколько мне помнится, получено приказание нашему корпусу в полном его составе следовать для занятия северной части Германии.

Во время нашего пребывания в Лейпциге Винценгероде был произведен в генералы от кавалерии; этот примерной честности человек не хотел быть один награжден и желал, чтоб из его подвижников также до составления общего представления было еще более близкое ему лицо награждено. Вышедши из кабинета, он меня подзывает и спрашивает, что, по моему мнению, было бы приятнее графу Воронцову — назначение генерал-адъютантом или александровская лента. На это я ему отвечал: «Первое ему не минует и впоследствии, а лента в существе более значительна». Винценгероде взошел опять в кабинет государя и вынес графу Воронцову эту ленту. Об этом

упоминаю не то чтобы выставить эту доверенность, которой меня награждал Винценгероде, но как впоследствии выкажу, как граф Воронцов худо отплатил барону Винценгероде за попечение этого последнего ему.

Не помню положительно, но, кажется, в то время, если не прежде, было занятие Касселя Чернышевым, подвиг весьма прославленный им и который при настоящем обсуждении не достоин этого суждения.

Чернышев, имевший сильный отряд, подступил к Касселю, тогда столице бывшего Вестфальского королевства. Этот город был вне операционной линии отступившей французской армии, и в нем без войска находился король Жером Бонапарт³⁹⁶, который, узнав о приближении русского отряда, и не мыслил об обороне, а заранее выехал вспять. По чистой совести скажу, что занятие Касселя не более бы стоило труда, как бы войско с Царицынского Луга в Петербурге перешло на Дворцовую площадь. Ноловкий в лжи Чернышев из этого вступления, скажу просто мирного, объявил его в реляции как дело бойкое. Занятие столицы всякого государства удобно к громкому слову, проверка происшедшего никому не пришла на ум, а польза вступления была очевидна — уничтожение королевства *pro facto*^{110*} и тем вступление жителей королевства в общее германское преобразование. А как очищение Касселя Вестфальским королем было сделано со сном, тому пример, что все королевские дворцовые экипажи были в отступлении взяты — и в числе оных я приобрел покупкою от казаков коляску королевскую, запряженную красивыми четырьмя жеребцами, заплатив за нее сто червонцев. И эту коляску парадных поездов в 1814 году, на этих же лошадях и наняв того же кучера с гербом королевским на дверцах и с королевской ливреей на кучере, доставил в Петербург и подарил экипаж и лошадей моему отцу, а кучера обратно отправил на родину.

Теперь вспоминаю, что я из Касселя был отправлен с представлением о награждениях в Франкфурт и, прибыв туда, передал их государю. Я имел приказание, представив представление о наградах, дожидаться утверждения оных и с этим обратно приехать в корпусную квартиру.

В это время военные действия только частью были прекращены. Французы, за исключением занимаемых

110* Фактически (лат.).

крепостей, повсюду перешли за Рейн, кроме части север-
[ной] этой, тогда огромной империи, а армия союзная,
действующая в Германии, была расположена в правой
прибрежной части; с обеих сторон было отдохновение,
укомплектование снабжением войск всем тем, что нужно
было для предстоящей новой кампании.

Пребывание мое в Главной квартире в Франкфурте,
выведшее меня из круга служебных боевых моих занятий,
не может дать повода к передаче каких-либо достоприме-
чательных событий. Главная квартира, где присутствует
особенно царь, есть тот же столичный быт дворцовых
интриг. Мое пребывание в Франкфурте не стоит повест-
ования; встретившись с товарищами моей молодости
столичных берегов Невы и московскими, с товарищами
бывачными войн, в которых я участвовал в 1806, в 1807,
в 1810 и 1811 гг., с товарищами 1812 и частью 1813, при
безделье и отдыхе от служебных занятий, чем наполнить
день за день свой быт при беспечности молодых лет, как
не разгулом — и он был полон. Но ныне, при зрелых
моих летах и с приобретением опытности и перенеся мно-
гие испытания, не понимаю как ни столкновения с людь-
ми, стоящими изучения, при мысли, что предстоящие
новые военные действия и возможность положить жизнь
не отвлекают от порывов страстей, разгула, просто скажу,
разврата. Эта жизнь не стоит повествования, и поэтому
перо мое о быте моем в Франкфурте опишет только не-
сколько встреч, хотя не весьма замечательных, но рассказ
о которых хоть отчасти, может быть, заинтересует чита-
теля.

Моя личность была так мало замечательна, что среди
великих толков политических того времени я не мог ни
иметь сведений, ни следить за оными; но вот одно об-
стоятельство, которому был свидетель.

Во Франкфурт прибыли посланцы от сербского наро-
да с просьбой к имп[ератору] Александру защитить их
край и родину от притеснений [и] злодейств, учиняемых
над оным турецким правительством, которое, зная, что
все наши военные силы заняты на западе Европы, без-
наказанно и злодейски действовало с Сербией. Эти послан-
цы, прибыв в Франкфурт, просили аудиенции у импер-
[атора] Алекс[андра], но им отказано было, а шли
пустые переговоры с Нессельроде, главою дипломатиче-
ского управления при государе. И как из этих переговоров

они не видели никакого полезного исхода для их отечества, а злодейства и казни не укрощались, эти сербские посланцы решились на отчаянную меру и неожиданно при разводе кинулись на колени перед государем и просили защиты для края и соотечественников в силу Бухарестского трактата, постав[ившего] Сербию под покровительство России³⁹⁷. Но как вмешатель[ство] России на востоке могло бы быть несвоевременно по обстоятельствам и могло бы не только помешать действиям нашим и политике на Западе — могло бы возродить дипломатические столкновения и с Австрией и с Англией, то прошение^{111*} сербских посланцев жестокосердно было отринуто. Посланцы должны были выехать, не успев ни в чем, и кровь наших единоверцев, наших братьев славян не переставала литься и слово, данное по Бухарестскому трактату, осталось мертвой буквой. Мы пожертвовали истинными нашими выгодами защиты славян соображениями и выгодами Запада, который, как ныне известно (во втором полувеке 19-го), так дурно отплатил за данную им помощь в 1814 году³⁹⁸.

Другое обстоятельство, лично до меня относящееся, упомяну я не из личности к себе, но как относящееся к одному из лиц, игравшему в то время при императоре Александре главную роль по русским делам, — Аракчееву, и выкажет его склонность завидовать всякому, который хоть второстепенно пользовался расположением или доверием государевым. Я выше сказал, что я прислан был от Винценгероде с представлением о наградах по командируемому им корпусу. Во время моего пребывания в Франкфурте был я потребован к Аракчееву, который при встрече со мной и передавая мне утвержденные государем представления, мне сказал: «Я знаю, что вы в большом доверии у барона Винценгероде, а он в большом доверии у государя, прошу вас, князь, молвить за меня у него словечко». Злая выходка против Винценгероде, который не искал в Аракчееве опоры.

Наконец, скажу и словечко о себе, чтоб выказать, что человек весьма падок к тому, что клонится к его честолюбию. Я, кажется, позабыл сказать, что 15-го сент[ября] 1813 года я был произведен в генерал-майоры, а теперь в Франкфурте пожалован в кавалеры ордена св. Анны

^{111*} В оригинале ошибочно: покушение.

1-го класса. Итак, начав Отечественную ротмистром гвардии, хотя уже тогда флигель-адъютантом, я получил с того времени чин полковника, Анну 2-й, а потом с бриллиантами, третьего Владимира, Георгиевский крест и в Франк[фурте] Анну первой степени, конечно, все это выше моих заслуг. Не утаю, что, получив Аннен[скую] ленту, едва произведенный в генерал-майоры, это награждение сильно меня порадовало, и чистосердечно сознаюсь в малодушестве моем, а именно, что, получив ленту около вечера, я так любовался ею, что, ложась спать, я ее повесил на стул, поставленный насупротив меня, с тем, чтоб до сомкнутия глаз любоваться ею. Сознаюсь, что это великое малодушие, но лучше признаться в оном, нежели таить.

Окончив возложенное на меня поручение в Франкфурте, я поехал в обратный путь к корпусу, которого корпусная квартира была в городе Бремене. Привез радость многим утвержденными представлениями о наградах. Некоторое время корпус был на стоянке и войска расположены по квартирам в направлении к Рейну, а мы, состоящие при корпусной квартире, свободным временем пользовались обществом и развлечением городской жизни. Быт наш, как [и] мой, большей частью был подобен жизни моей в Франкфурте, и поэтому нечего и упоминать об оном. Разгул и разврат имели первое влечение. В Бремене известно, что есть известный городской погреб 12-ти апостолов, каждому из них соответствует огромная бочка, полная из дальних лет отличным рейнвейном. Выдача из этого погреба ведется вследствие декрета Сената. Этим вином угощают высоких путешественников за трапезами городскими или в дар дюжиной бутылок. И отпускается в аптеки для употребления в виде лекарств. Выдача эта производится следующим образом: из бочки св. Петра, в силу декрета, выпускается по назначению количество вина, а из соседней, Павла, выпущенное количество пополняется и тем же чередом из бочек других апостолов по порядку. Этим вином мы пользовались за столом корпусного командира, которому ежедневно от Сената высылались по шести бутылок. Теттенборн, который прежде, еще до нашего прихода, занял Бремен с русским партизанским отрядом, еще более широкою рукою попользовался этим вином, и в увлечении немцев-жителей к освобождению их от французских войск ему

принесено было несколько сотен бутылок, и я этого вина пил у него два года после, на Венском конгрессе³⁹⁹.

Я забыл упомянуть, что отряд из наших войск после Лейпцига был направлен под начальством Чернышева по пятам за французами, и Чернышев участвовал в сражении, кажется, при Оффенбахе, где французы неожиданно имели повторение перехода войск союзных им баварцев в враждебные. Дело было горячее. Баварцы хотели помешать французам в отступлении к границам Франции, французы, несмотря на сильный оттыск баварцев, проложили себе путь штыками. С обеих сторон потеря была велика. Чернышев, хотя приписывает себе значительное участие в этом деле, мог бы точно много помочь баварцам, но он лишь произвел слабую демонстрацию. Чернышев был мастак на реляции, себе много приписал, а мало что поистине сделал.

Стоянка наша под Бременом пришла к концу, и велено было корпусу нашему, усиленному войсками из армии Беннигсена (которая стояла под Гамбургом), наш корпус, усиленный отрядом шведским, который состоял под командою графа Строганова, что в общей сложности составляло более 40 000, двинуться к Рейну.

Весь край, по которому мы шли, был очищен от французов, и поэтому мы шли по оному мирно, соблюдая строгое охранение жителей от каких-либо притеснений. Отправлен был только летучий отряд под начальством г[енерал]-м[айора] Алексан[дра] Христофор[овича] Бенкендорфа, чтоб чрез ост-фризские провинции угрожать Голландии. О замечательном успехе этого отряда, успехе, который единственно приписать должно прозорливости и смелому действию Бенкендорфа, впоследствии дам беглый отчет.

Во время нашего перехода из Бремена к Рейну получено было приказание: по назначению государя сводные гренадерские батальоны, которые находились в нашем корпусе и стояли под командой графа Воронцова, расформировать и поротно укомплектовать оными те пехотные дивизии, которые числились в нашем корпусе. В этих распоряжениях не было никаких представлений от Винценгероде, а высочайшая мера к приведению войска в стройное положение по всем армиям, без перетасовки людей из одной армии в другую, и к уничтожению отдельных частей, не составляющих одно целое, как самое

название сводных гренадерских батальонов это оглашало. Я об этом упоминаю, ибо впоследствии эта мера имела последствия — неприязненные сношения, или, лучше сказать, была поводом интриг Воронцова против Винценгероде и поставила меня в положение, заставившее меня удалиться от того места и звания, которое я занимал, и это удаление впоследствии, может быть, много имело последствий на мою службу. Обстоятельство это расскажу впоследствии.

Обращаюсь к мирному нашему переходу из Бремена до Дюссельдорфа, где была назначена наша корпусная квартира. В военном отношении нечего сообщить. Шли мы краем дружелюбным, ненавидевшим владычество французов и принимавшим наши войска и нас не только дружелюбно, но в восторге. В городах нам были встречи не только от местных правительственных лиц, но от жителей, и в некоторых местах депутации женщин выходили нам навстречу и раздавали венки.

Прибыв в Дюссельдорф, мы равномерно были приняты с восторгом. Этот город в прекрасном месте на берегу Рейна, город красив, высший слой общества весьма образованный и старался нас угощать приемами. Во время этой стоянки в Дюссельдорфе я имел по службе частые сношения с Юстусом^{112*} Грунером⁴⁰⁰, сподвижником знаменитого Штейна⁴⁰¹, которого, хоть не по военным обстоятельствам, но по толчку, данному им народному элементу, можно Штейна назвать возродителем Германии в точном смысле единства, которым тогда воспользовались для вооружения нации, полагающей двинуться дружной массой на общее ее освобождение. Но, воспользовавшись этим движением, вскоре это владыками было забыто, и старый лад управления без единства народных прав и обязанностей был водворен. Я с Юстусом Грунером не только по службе, но имел и частые светские сношения, и в этих разговорах получил я более познания о обязанностях гражданина к отечеству.

Среди увеселений Дюссельдорфа готовились к военным действиям, и мы получили, вслед общего всех армий движения, также перейти чрез эту реку. Мы не имели подробных сведений о численности французских войск против нас, но не в дальнем расстоянии от Дюссельдор-

^{112*} В оригинале ошибочно: Лустинсом.

фа была крепость Юльен (Julien), занятая французским гарнизоном, а вдоль по реке Рейн были французские посты и их резервы.

Сколько помнится, на 1-е января 1814 года с[тарого] с[тиля] был назначен переход чрез Рейн, или, лучше сказать, переправление отряда, отданного под команду Константина Христофоров[ича] Бенкендорфа, ш[таб]-офицера, отважного и распорядительного. Средства к переправе войск этого отряда, заранее изготовленные, были подвезены ночью, спущены на воду ночью же, и на рассвете Бенкендорф, сам в передовой лодке, молодцом поплыл — пехота с ружьями в лодках и на плотках, а казаки тоже на лошадях около лодок вплавь. Как теперь я вижу Бенкендорфа, дающего своей отвагой пример и, по моему мнению, плывущего на верную смерть. За его отрядом на нашем берегу Рейна были наготове к переправе главные части корпуса. При начале переправы видно было некоторое движение войск на французском берегу. Был сделан слабый отпор против высадки Бенкендорфа, но вскоре его отрядом была занята противоположная местность и французские отряды ретировались на Юльен. Переправа Бенкендорфа учинена с весьма слабыми потерями, но не менее того отваги его — переправиться среди бела дня, в виду неприятеля, слабым отрядом, и успех этого достоин всякой похвалы. Не мог он знать, что будет со стороны французов такой слабый отпор, а по предпримчивости его он заслуживает великую похвалу.

Какие были дальнейшие действия Константина Бенкендорфа, как учинена была переправа всего корпуса, мне неизвестно — я был послан Винценгероде в занятый казачьим полком, а потом пехотным отрядом город Кельн (Cologne) для устройства там военного управления, приведения в ясность больших, разного рода запасов, принадлежащих французскому правительству, и для устройства, как основному пункту, т[о] е[сть] базису операционной нашей действ[ующей] линии, размещения магазинов, парков и гошпиталей, в первоначальных по этим отраслям военного устройства приготовлениям.

Я выше упомянул о действии отдельного отряда самого северного нашего корпуса под начальством Александра Христофоровича Бенкендорфа. Буду стараться сколько могу вернее, как мне дошло в то время сведение, описать, хоть вкратце, этот славный поиск этого отдельного на-

чаль [ника], который действовал не по силам, но отвагою своею достиг до весьма важных последствий.

Бенкендорф с несколькими полками казачьими, с Павлоградским полком, с одною конною ротою и, сколько помню, без пехоты или с весьма незначительным числом оной, как я сказывал, был отряжен к Остфризу для диверсии, или, лучше сказать, отвле[чения] французских войск, [действующих] соединенными силами против нас. Но Бенкендорф, бегло заняв край до Зюдерзее, не удовольствовался этим, решился воспользоваться еще хоть неверным замерзанием оного, перейти оный и угрозить самому Амстердаму. Замышлено и сделано. Не имею возможности за столь давним временем этого происшествия дать подробный отчет этого смелого и удачного движения, но Амстердам был им занят, и тем положено самое близкое сообщение с Англией и положено первое начало отделению Голландии от французской империи и народному голландскому восстанию⁴⁰². Бенкендорф не удовольствовался этим блистательным действием, и хотя он бы мог в Амстердаме найти новую Капую, долг превозмог его страсть к женщинам, и, устроив временное правление, он из Амстердама спешил занять сколько можно более местности в королевстве и так удачно, что занял почти без боя довольно значительную крепость Бреду⁴⁰³. Но тут чуть он не попался в беду. Начальник французских войск, в Голландии и Бельгии расположенных, видя довольно бойкое и без всякой связи с частями главными, вступившими чрез Дюссельдорф русскими войсками, движение, хотел воспользоваться этим положением отряда генерала Бенкендорфа, занявшего слабым отрядом крепость Бреду. Французский генерал с превосходным числом войска окружил Бреду и, можно сказать, поставил в затруднительное положение Бенкендорфа, который по малосильности командуемого им отряда не мог и подумать, выступя из крепости, взойти в бой полевой; а крепость Бреда, не только по запущенности укреплений оной, но еще более по совершенному неснабжению продовольствием на продолжительную защиту, поставляла Бенкендорфа в затруднительное положение. Но Бенкендорф выказал необычайную стойкость и, нимало не унывая, принял не только меры к защите Бреды, но смелыми поисками высланных им отрядов вне крепости успел покрыть малочисленность своего отряда, и в этих поисках особенно отличался Пав-

лоградского гусарского полка майор князь Федор Федорович Гагарин, которого подвиги были бесспорно дельны, что он мог не по ходатайству начальства, но по представленному свидетельству получить от Думы Георгиевский крест.

Стойкость и распорядительность Бенкендорфа имела полный успех, и начальник французского корпуса, сколько помнится, или Жерар, или Мезон⁴⁰⁴, видя стойкость обороны Бенкендорфа и из опасения быть самому отрезанным от границ Франции, быстрым движением корпуса русских войск под начальством Винценгероде по переходе чрез Рейн и высадкою англичан, кажется, под Вельюрном, решился сам отступить от Бреды, и тем Бенкендорф выведен был из затруднительного положения. Но и всем тем честь и слава ему за подвиг, если необдуманно смелый, то в общем ходе и исходе дел весьма значительный.

Я не прерывал рассказа о действии бенкендорфского отряда в Амстердаме и Бреде, чтобы выказать вполне значительность одного последствий. И точно, Бенкендорф тем дал возможность восстания Голландии против тогдашнего общего врага, и в числе заслуженных им награждений, впоследствии полученных, он получил гражданство и почетную шпагу за освобождение Амстердама, поднесенную ему от жителей сего города.

Как ни блистателен был последствиями смелый набег Бенкендорфа с отрядом не по силам для исполненного предприятия, но, как и было сделано вопреки данным ему инструкциям от Винценгероде, корпусный командир, получивши только донесение о бойком положении отряда в Бреде, не мог не потребовать отчета от Бенкендорфа за движение, сделанное против его назначения, тем более, что не знал, чем это кончилось; и, отказав Бенкендорфу от командования отрядом, предписал было ему явиться в корпусную квартиру для отчета в действии вопреки данным ему инструкциям. Эта невзгода Бенкендорфу не имела никаких последствий, удачи покрыли, как это всегда случается во всем, то, что при неудаче почли виною, и кратковременное удаление от командования было заменено новым доверием к лицу, вполне заслужившему оное, и Бенкендорф опять вступил в командование вновь назначенной ему части, но уже не в отдельном отряде, а в боевом порядке войск.

Я выше сказал, что из Дюссельдорфа был отправлен

для устройства многих мне поручений — дел частей в город Кельн, как базис операционной линии нашего корпуса, и приведения в особенности в известность всякого имущества, принадлежащего французскому правительству, в числе которого был значительный склад табачный, и по количеству и по ценности весьма значительный. Приведя все в известность, охранив все от похищения и назначив в Кельне комендантом майора Клемерта⁴⁰⁵, я снабдил его инструкцией и отправился к присоединению к корпусной квартире, которая уже, как известно мне было, была в Лютихе.

Во время этого мирного проезда по краю, уже занятому нами, я встретился в Аахене с Бенкендорфом, прежде меня туда прибывшим, и встреча наша была дружеская, как обычно между товарищами по службе и собиравчиками. Оба мы остановились в известном и поныне строении, где и военные и приезжающие для лечения минеральными водами. Бенкендорф, приехавший туда прежде меня, задал мне блистательный обед, к которому пригласил и при мне находившихся офицеров и всех русских, в тот день в Аахене бывших. Обед был пышный во всем, в явствиях и питиях удовлетворителен и, как обычно при этих случаях и особенно в военное время, с провозглашением многих тостов. Возвратясь в занимаемый мною отдел, я сказал при мне состоящему корнету Шиллингу⁴⁰⁶: «А ведь мне надо отплатить обедом и угощением, а в кошельке довольно пусто, просто нечем уплатить этот расход». Но он мне отвечал: «Да ведь этот расход не из кошелька Бенкендорфа уплочен, а просто отнесен на счет городской, и это я устрою и на ваш обед». Сказано и сделано, и я отплатил пиршеством за пиршество, и на тех же началах — никакой уплаты собственно от меня. Я передаю это обстоятельство с полным негодованием на мой поступок, вовсе неприличный, бесовестный по теперешним по моим понятиям. И Бенкендорф и я были люди понимающие, что хоть во вражьей стране, но что мы не должны были так действовать, а между тем это сделали, и рассказываю это с полным неодобрением поступка.

Я застал Винценгероде в Лютихе и вступил в исполнение обязанностей моего звания при корпусном штабе. В Лютихе был правительственный оружейный завод. Готовое оружие передано было состоящему при корпус-

ной квартире в виде агента временного правительства голландско-бельгийского для вооружения формируемого в этом крае ландвера (народного ополчения). Но, кроме того, нашли мы большой запас [лож] ореховых, хранившихся в магазинках (не так, как это водится у нас, что едва срубится ложа в лесу, то еще сырая поступает в отделку ружья). По приказанию словесному корпусного командира приказано было мне объявить по полкам, что каждый имеет право набрать этих лож, и помнится, что полковые командиры воспользовались вдоволь этим дозволением. Кроме лож, нашли мы покинутыми большие запасы дубового леса, сплавляемого по реке Маасе (Meuse), как для устройства пушечных лафетов, так и для обнесения крепостных палисадников, и в числе правительственного имущества — стада чистых голштинских меринсов. Один из ординарцев офицерского звания просил у меня дозволения распорядиться в свою пользу этими двумя имуществами, я ему сказал: «Официально не дам этого дозволения, а закрою глаза на это похищение, если тебе удастся это сделать». И он точно этим воспользовался и, что мог, на скорую руку частью продал. Я об этом упомянул потому, что впоследствии чуть я не попался в ответственность, и как меня не могли уличить в содействии гласным документом, то я и мог отписаться.

Наш корпус продолжал свое шествие вторжения в пределы чисто французские, и наш авангард под командою Чернышева занял без всякого боя крепостцу Авен (Avesne), куда вступила вскоре и корпусная квартира. В этом городе было одно происшествие, лично для меня памятное. Почтмейстер этого города, некоторый по фамилии Пети (Pestit), после нашего занятия города Авена дал знать письменно еще состоящему в близости этого города французскому военному начальству о численности наших войск. Это от него донесение и было перехвачено нашими передовыми разъездами, и это донесение было почтено за криминал. Пети был предан военному суду и приговорен быть расстрелянным за измену. Бедному Пети объявили приговор и повели даже на место казни, и после всей проделки при уготовительной казни — объявить ему помилование. Память этого поручения жива еще; утешительно для меня поручение, охранившее жизнь человека. И тем более память этого близка моему сердцу,

что впоследствии я был очень знаком с его дочерью⁴⁰⁷, вышедшей замуж за приятеля моего Ираклия Полиньяка (Heraclia Polignac), тесного моего приятеля по бивачной и столичной жизни, бывшего в нашей службе еще долгое время, вышедшего из оной лишь в 1816 году по неприятностям служебным и перешедшего в французскую, перво-бытную свою родину.

После занятия крепости Авен (Avesne) наш корпус продолжил еще шествие вовнутрь Франции, и корпусная квартира заняла город Лаоп (Лаон), и штаб расположился в этом городе в Hôtel de la Préfecture, т[о] е[сть] губернаторском доме, где мы нашли полное обеспечение нашего временного суточного пребывания и запасы домашние бежавшего префекта, опять без всякого со стороны нашей расхода, столовой и погребной провизии, вполне обеспечивших нашу стоянку.

Во время корпусного пребывания в Лаоне авангард наш под команду Чернышева подался вперед по тракту к Суассону, и, как известно нам было, что город и гарнизон приготовлены к обороне, то Винценгероде пошел с корпусом вслед за авангардом, приказав Чернышеву приступить к Суассону, но не входить отдельно в серьезный натиск на город. Таковы были обстоятельства: авангард приступил к Суассону 1-го февраля 1814^{113*}, и весь корпус ночевал биваком не далее, как в семи или восьми верстах от авангарда. Чернышев вопреки приказанию, данному ему от Винценгероде, на рассвете 2-го февраля приступил к мостовому укреплению по сю сторону города при реке и завязал серьезное дело. Винценгероде, услышав довольно сильную пушечную пальбу, приказал бить подъем, а сам с его штабом поспешил к месту боя. Прибыв на место, он увидел, что вопреки его приказанию завязалось дело серьезное, что распоряжение Чернышева к атаке мостового укрепления совершенно не отчетливо, особенно тем, что и при малом числе войск они слишком раздроблены, и, распушив Чернышева за неполное исполнение его приказаний, подозвал меня и сказал мне: «Останьтесь здесь и посмотрите на свои часы, если дело не пойдет лучше, то через четверть часа моим именем прикажите бить отбой, а я,— мне сказал Винценгероде,— обращусь к главным моим силам и распоряжусь об атаке

^{113*} В оригинале ошибочно: 1813.

города не на авось, как Чернышев, но с полным обеспечением успеха». Винценгероде удалился к корпусу, уже не поодаль прибывшему, а я остался согладаясь Чернышева и его распоряжений и с полным доверием корпусного командира. Чернышев по обычной привычке загребать жар чужими руками стал с своею свитою за каменным строением, охранявшим его от неприятельских выстрелов, а начатый бой продолжался. Я следил за ходом битвы, или, лучше сказать, приступа мостового укрепления. Видя, что оный без успеха, я уже готовился велеть бить отбой, как вдруг я увидел, что одна из слабых рот 34-го егерского полка вскарабкалась на вал и что в этом месте большая суматоха в защищавшихся французах. Но овладение этой частью вала приостановило меня дать приказание отбоя, и удача завладения в этом месте вала обещала значительный успех. Скоро все мостовые укрепления были в наших руках, и вскочили туда два орудия конно-артиллерийской роты под командою командира роты капитана Мазараки⁴⁰⁸, и вместе с тем прикомандированный к этой роте поручик Грабя-Горский (о котором я уже упомянул по Вейсенфельдскому делу) взял петарду, ринувшись один с этой петардой в руках по мосту, соединявшему мостовые укрепления с крепостью самого города, прицепил петарду к воротам укрепления и зажег фитиль оной. Как Грабя-Горский пробежал невредим по мосту туда и назад под градом пуль, до сих пор не могу себе представить и дать отчет себе, но петарда вспыхнула и привела в расстроенное положение ворота, а капитан Мазараки стал оные громить ядрами, и вскоре ворота вдребезги и доступ в город был нам совершенно открыт. Вскочил в оный Вольнский уланский полк под начальством храброго и смышленного полковника и флигель-адъютанта Сухтелена, и город был нами занят, а французский гарнизон в полном бегстве. Чернышев, несмотря на успех, не участвовал лично и распоряжениями в этом деле, и мне очень памятно, что, вскочивши я с уланами в город, мне Мазараки сказал: «Ну вы, князь, хотя посторонний человек, а вы с нами, а прямого нашего начальника (говоря о Чернышеве) мы его не видим».

Обозначенная мною выше суматоха в французских войсках имела причину смерть генерала Руско⁴⁰⁹, которому поручена была защита Суассона с гарнизоном довольно значительным, полагаю, до трех тысяч человек,

которые в укрепленном городе могли бы долго оборонять против войск, не снабженных осадной артиллерией. Но упомянутая ротная колонна, завладевшая валом и которая была под командою капитана, сколько упомяну, Кучкина⁴¹⁰, была поводом, что Руско туда бросился для защиты, и он был убит выстрелом одного из наших егерей, а от смерти начальствующего генерала сделалась общая суматоха и, как говорится по-французски, «sauve qui peut»^{114*}.

Честь занятия Суассона была приписана Чернышеву, хотя он в этом, как говорится, и «просто ни в чем не виноват», а, главное, содействие в этом удачном завладении принадлежит Кучкину, Грабя-Горскому и Мазараки и, без всякого хвастовства, немного, хотя не прямо, и мне, по настойчивости моей не приказать бить отбой, хотя термин, мне назначенный, истек. Честь занятия Суассона, как выше за несколько строк приписанная Чернышеву, почти столь легко ему досталась, как честь взятия Касселя. Кучкин, однако ж, получил Георгиевский крест, но Мазараки — не помню что, Грабя-Горский также Георгиевский крест, но этому гораздо позднее, уже по возвращении из Парижа в 1814 году. Винценгероде встретился с Грабя-Горским во дворце и, удивившись, что нет на нем Георгиевского креста, взшел в кабинет государя и, изложив заслугу и право на этот крест Грабя-Горского, тут же и вынес ему оный. Про что и за что Чернышев был произведен в генерал-лейтенанты, скажу просто, ничем не заслужил, и хотя мое участие в успехе не было прямое, но все-таки кое-как побочное, несмотря на это, не получил никакой награды, и тем более, что не мне было выказывать мою заслугу, а Чернышев по расчету не хотел уменьшить вовсе незаслуженной им заслуги.

Кажется, что при этом деле было обстоятельство, которое лично до меня относится. Как ожидалось военное дело перед Суассоном и как в корпусе между генералами были интриги против Винценгероде и зависть против меня по случаю доверия, которым я пользовался при нем, перед делом один из генералов просил меня взять при себе двух офицеров, которым я скорее мог бы доставить награду, нежели им в строю. Я, быв довольно близок к этому генералу, не отказал в этом, но тут же я узнал, что он это сделал, чтоб приставить сьглядатаев за мной

^{114*} Спасайся, кто может (фр.).

в моем быте. Во время дела я не высказал, что знал его намерение, но это меня подстрекнуло, чтоб из этого испытания выйти безукорно, и соглядатаи мои поневоле — уже не я, а они вошли в испытание. Я добросовестно скажу, что в деле всегда был не в числе трусливого десятка, но тут с намерением я исполнил более чем долг свой, и соглядатаи, ко мне приставленные, прошли через испытания, а не я.

Во время самого занятия Суассона жители, полагая нас умилостивить в пользу их, из окон кричали нам: «Vive l'Empereur Alexandre! vive l'Empereur d'Autriche! vive le Roi de Prussie!»^{115*}, но как этот расчетливый восторг мог иметь последствием вторжение разошедшихся по городу наших нижних чинов, то мы уговорили довольно круто домовладельцев запирать окошки и двери и тем охранить себя от грабежа. Проездом через одну улицу я услышал крик в доме, слез с лошади и, догадываясь, что там наши хозяйничают, я взошел, и что же я увидел? Трое солдат забралась к часовому мастеру и там хозяйничали над часами, и что ж они делали? Выламывали внутренность часов, а коробки оных клали в свои ранцы. Вид кучи внутренностей часов и сметливость солдат, отбросивших то, что они полагали бесценностью, и приравнявших единственно ценностный металл, невольно привели меня к смеху, я выгнал их из дома, но с их добычей.

Отклонившись от описания военных действий, я обращаюсь к оным. В занятом нами городе мы, не зная точного выхода, искали оный, хоть видно с высоты вала все поле, окружающее город, унизанное бежавшими. Наконец отыскивали выездные ворота и преследовали бежавших, которых наша кавалерия сполна всех захватила.

На другой день нашего занятия Суассона Винценгероде получил частное извещение от Иллариона Васильевича Васильчикова⁴¹¹, сообщающего ему известие о поражении союзных прусских и русских войск под Сезанном и Монмиралем (Sézanne et Montmirail) и по которому предварял Винценгероде о поражении <нрзб.> Блюхера и о отступлении всех войск к Шалону. И Васильчиков предварял этим сообщением, чтоб Винценгероде был бы настороже, и почти в то же время получено было прика-

^{115*} Да здравствует император Александр! да здравствует император Австрии! да здравствует король Пруссии! (фр.).

зание русскому корпусу отдельно от корпуса прусского Бюлова, идущего параллельно нам, при вторжении в французские границы левее нас оставить только казачий пост известителем под Суассоном, в полном составе корпуса идти к Реймсу (Rheims) и вступить в ближнюю связь чрез Блюхера с большой действующей армией. Это приказание безотлагательно было исполнено, и мы, перешед чрез реку (Aisne) Эн и истребивши все, что могло быть полезно в случае обратного занятия Суассона французами, пошли берегом реки в Реймс. Этот переход продолжался, сколько упомяну, трое суток. Во время этих переходов, вовсе мирных в военном отношении, одно обстоятельство мне памятно — это крутая необходимость заглушать в своем сердце чувство человеколюбия. При взятии Суассона взято нами было в плен от 3-х до 4-х тысяч пленных. Мы при очищении от занятия Суассона нами должны были взять их с собой, а продовольствие для собственных наших войск было скудное, только на себя на три дня. Нам нечем было кормить этих пленных, которые изнемогали от голода и выбивались из сил. Помню, какие при проезде колонн маршевых они делали нам упреки, но помочь им не было возможности и по скудости наших съестных припасов, едва достаточных для нас самих, и во вред [нам] продовольствием нашим отделять пленных. Жестокое впечатление, но по обстоятельствам необходимое.

Наконец достигли мы города Реймса, богатый и вполне удовлетворяющий всем потребностям в продовольствии нашему корпусу. По званию моему было мне поручено озаботиться всем, что относилось до продовольствия наших войск, которых численность увеличилась примкнувшим к корпусу отрядам графа Воронцова и графа Строганова, так что численность под ружьем нашего корпуса почти удвоилась и достигала до 45 тысяч.

Для всех потребностей продовольственных учреждений было городское временное правление, распространяющее свою власть на округ, занимаемый нашими войсками в довольно просторном районе. В Реймсе жил тогда аббат Макар^{116*412}, некогда принявший от аббата Николая частное учебное заведение, в котором я воспитывался в Петербурге. Его горожане назначили в числе членов этого вре-

116* В оригинале ошибочно: Макар.

менного управления в крае, узнав, что он некогда был моим наставником, и полагали в мысли, что его посредничество небесполезно будет для них. Мне было хоть довольно затруднительно во многом отказывать его ходатайству, но я, сохраняя личное мое к нему уважение, по долгу службы во многих ходатайствах в облегчении требований моих для войск отказывал.

Здесь еще скажу, что во время нашей стоянки под Реймсом, которая продолжалась без всяких военных действий, винные порции водки по невозможности достать ее были заменены на каждого человека по $1/2$ бутылки шампанского вина, так что я выдавал ежедневно квит на 225 000 человек, и очень помню, что солдаты говорили: «Вино это просто квасок и нимаало не по нутру нам в сравнении с сивухой».

Во время нашего пребывания в Реймсе возникло обстоятельство, имевшее большое влияние на мою последующую службу. Уже нескрытые интриги графа Воронцова против Винценгероде приняли такую гласность и объем, что я почел обязанностью предварить об оных Винценгероде — это было в моей обязанности по долгу службы и по чувству личной преданности и неограниченности признательности за расположение и доверенность ко мне.

Прежде еще соединения отряда Воронцова с корпусом получил я от графа довольно черствое письмо, в которое он вложил письмо незапечатанное к Винценгероде с поручением передать его Винценгероде. Он мог бы прислать его запечатанным, и тогда я в стороне, но, прислав его незапечатанным, оно подлежало моему сведению и разбору. В этом письме он в дерзких выражениях приписывал Винценгероде личным для него оскорблением формирование сводных гренадерских батальонов, приписывая эту меру как меру — с повода представления Винценгероде и лично для него от одного обидою. Хотя, как я выше сказал, все это распоряжение имело начало в воле госуд[аря] импер[атора]. Я это письмо не передал по назначению и обратно отправил его к графу, объяснив ему письмом, что я не хочу и не должен быть передатчиком письма обидного и на началах по содержанию вовсе неосновательных. Я о содержании этого письма не сообщил Винценгероде, но, как выше сказал, предупредил его, что против него делают интриги, но он мне отвечал: «Je ne puis croire que des gens d'honneur agissent

ainsi»^{117*}. Видя его упорство судить людей по благородным чувствам своим и убедясь, что интриги принимали все больший размер, я решился написать, хотя и не предупредив об этом Винценгероде, к кн[язю] Петру Михайловичу Волконскому, что мое желание оставить занимаемое мною место и служить во фрунте, чтоб приобрести и навык оной и заслужить собственную репутацию, и просил его вытребовать меня из корпуса Винценгероде и вступить в ряды не штабных обязанностей, но чисто фрунтовых. В свое время я сообщу исход этой моей попытки, а теперь обращусь к чисто военным действиям.

После долговременной стоянки в Реймсе получено было приказание нашему корпусу в связи с общим наступательным движением всех армий также соучаствовать в оном и, заняв опять Суассон, действовать по обстоятельствам в общем наступательном движении. Наш корпус двинулся из Реймса на Суассон по берегу реки Эн (Aisne), но не по тому, по которому шли прежде, а противоположном к Суассону, а Бюлов с пруссаками к Суассону от севера. После трехдневного марша мы подошли к Суассону, а Бюлов с противоположной стороны, и город был со всех сторон окружен. Город после нашего выхода был опять занят французами и приведен ими в оборонительное положение. Начальник оного был фр[анцузский] ген[ерал] Моро (Moreau)⁴¹³, соименник, но не родня известному победителю, так мгновенно убитому под Дрезденом.

Хоть около Суассона собралось значительное число войск, но французский гарнизон приготавлился к отражению. Обложивши крепость в весьма близком расстоянии, как Винценгероде, так и Бюлов послали парламентаров для склонения к сдаче крепости, угрожая приступом и выводя невозможность защиты^{118*} против такового огромного числа войска. Переговоры продолжались довольно тихо по неуступчивости французской, а нам необходима была сдача города, потому что получено известие, что занесшийся, по обыкновению, Блюхер был разбит под Мо (Meaux) и в большом расстройстве и шибко преследуемый отступал от Вилер-Котре (Villers Cottegets) к Суассону, а занятие нами Суассона единственный

^{117*} Я не могу поверить, чтобы так поступали люди чести (фр.).

^{118*} Так в оригинале.

был способ им и нам оным переправиться на другой берег Эн (Aisne). Во время, что шли переговоры, в нашем лагере приказано было музыкантам играть, а песенникам петь, чтоб этими звуками заглушать гул беспрестанно приближающейся пушечной стрельбы атакующих французов Блюхера и его защиты против французов. Приведение в окончание необходимой сдачи нам крепости более и более становилось таковым, и чтоб дать знать переговаривающемуся с нашей стороны подполковнику Левенштерну, Винценгероде приказал мне ехать парламентаром в город под предлогом, что Бюлов не усиливал атаки во время переговоров, но с единственной целью, по возможности, дать понять Левенштерну, чтоб во что бы ни стало заключить сдачу хотя на самых выгодных кондициях для французов и тем привести к желаемой развязке довольно крутых обстоятельств. Я был принят парламентаром, виделся с Левенштерном, по возможности имел свидание при свидетелях и сообщил ему, в чем дело, и Левенштерн, наконец, заключил условие о сдаче с полным для гарнизона почетом и свободой выхода. Тут не шло дело о выгодах более или менее в тягость французам условий, а только о завладении нами крепости, которая для Блюхера была просто «un point de salut»^{119*}.

Я давно тому назад читал где-то статью, что честь сдачи Суассона принадлежит дипломатической ловкости капитана или майора Мартенса^{120*414}, адъютанта Бюлова, но это ложь, вся честь этих переговоров принадлежит Левенштерну.

Гарнизон французский вышел из крепости с полными почестями военными и с полной свободой действий выхода из черты, ему поставленной. Мы заняли город, и мне поручено было принять в перечисление все казенные имущества, а для войск была наложена контрибуция сукном, холстом и сапожным товаром, которого по впоследствии обстоятельствам в весьма малом количестве успели собрать.

На другой день нашего завладения Суассоном наш корпус перешел на ту сторону реки, заняв только гарнизоном город, и в тот же день начали прибывать к городу в большом беспорядке прусские и русские войска, разби-

^{119*} «Якорем спасения» (фр.).

^{120*} В оригинале ошибочно: Мертенса.

тые под Мо (Меаух) и сильно преследуемые при их отступлении. Я помню, что, встретив Гнейзенау⁴¹⁵ при въезде его в город, я ему донес, что в числе приобретенных нами запасов военных был и порох, и заряды, и он мне приказал без замедления отпустить в войска армии Блюхера, претерпевающих в оных большую нужду.

ЗаклЮчу повествование удачного занятия Суассона неоспоримым заверением, что этот удачный факт спас армию Блюхера от совершенного уничтожения и что это достигнуто настойчивостью и распорядительностью Винценгероде и таковым же ведением переговоров Левенштерном, которому поручены были эти переговоры о сдаче Суассона, занятого достаточным французским гарнизоном, крепость легко бы могла защититься временно. Сдача сей крепости, как выше сказал, спасла Блюхера от совершенного поражения, отступающего в беспорядке от Мо (Меаух) после слишком отважного его движения наступательного, а при несдаче Суассона он был бы безвыходно примкнут к Эн (Aisne). Я помню, что, выехав из Суассона на встречу к Блюхеру с донесением, что Суассон занят, я рапортовал его начальнику штаба Гнейзенау о занятии нами крепости, видимо, он, обрадовался этой вести, и при сообщении моем, что сдано нам большое количество военных снарядов, он сказал: «Как это кстати, мы наши все расстреляли, немедленно сдайте их тем комиссарам», которых тут же и назначил для приема равномерно, как и запасов, найденных нами в комиссариатских вещах, а им город был обложен контрибуцией — сукном, холстом и сапогами.

Соединение корпуса, состоящего под начальством Винценгероде, с армией Блюхера поставило нашего корпусного командира уже в зависящее положение, и получено было приказание поступить в состав Силезской армии, как тогда называлась армия Блюхера, и тем из независимого в действиях своих Винценгероде поступал уже в прямую зависимость от Блюхера.

Мне и тогда неизвестен был план общих действий, и как мои записки исключительно повествуют, чему я был лично свидетель, то, не вмешиваясь в общие суждения, буду только излагать про соучастие, которое в последующих делах имел в оных корпус Винценгероде.

По сдаче Суассона и по обсуждении обстоятельств в невозможности взять всей армии позицию, имеющую в

тылу реку Эн и на левом своем фланге армию Наполеона, уже двинувшуюся, а может быть, и занявшую город Реймс, все войска армии Блюхера, и в числе их и русский корпус Винценгероде, перешли Эн (оставив довольно значительный отряд для защиты крепости) и взяли позицию от супротиву Суассона почти до Бериобака. В этой позиции нашему корпусу назначено было составлять правый фланг, но внезапно приказано было изменение и приказано было нам оставить левый фланг. Этот вовсе непонятный *chassé croisé*^{121*} мною истолковывается только тем, что Блюхер рассчитывал (как это и случилось), что неприятель наступательное движение начнет, перейдя Эн в Бериобаке, имел в виду, чтоб первый натиск французов был не на всю Силезскую армию, а на наш, поступивший под его начальство корпус Винценгероде.

Во время этого последствием гибельного *chassé croisé* мы еще не могли осмотреться в местности и ощупать движение неприятеля; Наполеон [же], разбив наголову Сен-При в Реймсе, не теряя времени, внезапно двинулся к Бериобаку, перешел Эн чрез каменный мост, который, к несчастью, не успели разрушить, и дружно велел атаковать левый фланг нашей позиции, т[о] е[сть] нашего корпуса, авангард которой состоял под командою графа Воронцова. Тут завязалась жаркая стычка, предшествующая Краонскому сражению.

Не отнимаю у графа Воронцова военных дарований, но у него всегда, и тогда и впоследствии, излишняя самоуверенность и склонность выказаться. Этот недостаток вполне выказался в этой стычке: наместо, чтоб отступить постепенно и навесить неприятеля на соединенные главные силы, Воронцов ввел войска, под начальством его состоящие, в общее оразительное дело, которое не было по его силам, и французы, воспользовавшиеся местностью чрез долину, заросшую лесом, так удачно в пользу свою действовали, что едва не зашли в тыл отряду Воронцова и не отрезали его от армии. Тут надо отдать справедливость графу, что он отлично поправил свою ошибку и, взяв единственные оставшиеся у него в резерве два полка, находящиеся под начальством ген[ерала] Понсета⁴¹⁶, повел их на штыки французов и тем дал время прочему своему отряду выйти из угрожающего ему затруднитель-

^{121*} Фигура в танце (фр.); здесь — маневр.

ного положения. Атака графа Воронцова вполне удалась, французы были опрокинуты, но она стоила больших потерь, и, кроме графа Воронцова, который среди града пуль остался невредим, но из штаба его почти все или нашли смерть, или ранены; в числе убитых из этого штаба был убит подполковник Краснокутский⁴¹⁷, молодой человек, обещающий выйти из общих рядов.

Ночь, как всегда, прекратила битву, но движение французов, выказавшее их намерение к наступлению, должно было быть принято во внимание Блюхером.

Следуя мною принятому правилу излагать только то, что мне положительно известно или чему я был лично свидетель, и по совершенной мне в то время неизвестности о принимаемых Блюхером распоряжениях, но мне помнится, что, кажется, был промежуток одного дня между вышеописанным делом и Краонским сражением.

По диспозиции Блюхера приказано было Винценгероде, оставя всю пехоту, пешую артиллерию и малую часть кавалерии, кажется, только одну бригаду с ее артиллерией, и передав начальство старшему по нем графу Строганову, а самому Винценгероде со всей кавалерией и конной артиллерией его корпуса и, как мне помнится, и с подкреплением из армии Блюхера частью кавалерии, было ему приказано обойти кружной дорогой правый фланг французского движения в назначенной ему именно местности, и тогда как Наполеон нападет на Краон, позицию, защищаемую Строгановым, воспринять движение наступательное Силезской армии с фланга, в тыл учинить смелую атаку войск, вверенных Винценгероде.

Для начала этого окружного движения, Винценгероде вверенного, был войску его назначен сборный пункт. Заранее прибыл туда Винценгероде и по обзору местности и по расспросам убедившись, что проход чрез крутые ущелья весьма затруднит шествие его отряда, особенно артиллерии, письменно отнесся к Блюхеру, прося от него дозволения, не отклоняясь от назначенного ему поручения, не идти путем, который ему был назначен, по неудобству местности, а дозволить ему этот обход сделать, воспользовавшись шоссейным сообщением, хоть кружнее объемом, но более удобным для сомкнутого порядка шествия, и брал на свою ответственность прийти в тыл французской] армии в назначенный ему срок. На это представление был решительный отказ от Блюхера, и в под-

тверждение мною высказанного — я знаю, что у служившего тогда в Ген[еральном] штабе и состоящего при нашем корпусе Ивана Петровича Липранди⁴¹⁸ хранится не знаю по какому случаю доставшийся ему оригинальный ответ Блюхера. Я настаиваю на этом обстоятельстве, потому что оно совершенно оправдывает Винценгероде в тех наветах, которые частью недоброжелающими, а частью себе в оправдание другими были выведены на него.

Прибыв на сборный пункт для начала нашего окружного движения, надо было дать войскам малый отдых и пищу, но, не упуская времени, Винценгероде, поручив авангард своего отряда ген[ерал]-адъ[ютанту] Чернышеву, приказал ему начать движение и способствовать предварительными мерами к беззатруднительному шествию всего главного отряда.

Чернышев двинулся, но как и ему приходилось дать привал вверенной ему части, к общему несчастью и по оплошности своей, он дал этот привал, не пройдя узкого дефиле (ущелья), чрез которое приходилось тянуться. Это его распоряжение главная причина неуспешности этого нашего движения. Мы с главным отрядом двинулись и наткнулись на отряд Чернышева, еще не двинувшийся с места, и тем было много времени потерянного. Как отряд Чернышева, так и впоследствии наш, по крутости спуска и узкости ущелья, кавалерия едва могла идти справа по три, а пушки и заряд[ные] ящики должно было спускать при помощи прислуги, а зарядные же на одних коренных. Изложение этого явно выказывает понесенные нами затруднения в пути, и неприбытие вовремя нашего отряда в тыл неприятеля приписать должно самому Блюхеру, а потом и Чернышеву, а нимало Винценгероде.

Мы же не довершили нашего обходного марша, в котором несвоевременное неприбытие, ясно выше объясненное, по получении от Блюхера предписания велено было уже идти к Лаону, куда вся армия предпринимала отступление.

Здесь сделаю малое отступление от принятого мною правила не повествовать, чему я не был свидетель, но как многие обстоятельства совокупны с упреками, нанесенными на Винценгероде, то по совести и справедливости мне в обязанность их изложение и пересказать только то, что передано мне из неоспоримых и совестливых источников.

Краонская битва наделала много шума, и немудрено, потому что она дала повод дворнослужащим Воронцова восхвалять его и приписать его славе то, в чем он участник только как подчине[нный], но то, что по всей справедливости должно было быть приписано Строганову, как главноначальствующему в этой битве.

Строганов принял сражение с самого начала и начальствовал в нем почти до конца сражения, но незадолго до того он получил сведения, что единственный его сын, состоящий при г[енерал]-адъютанте Васильчикове, убит⁴¹⁹. Отцовская скорбь взяла верх над долгом службы, и он сдал команду Воронцову. Краонское сражение, конечно, славно было для чести русского войска дружным отбоем всех попыток Наполеона сбить русскую рать с позиции, но не отнимая чести войска и начальствующих — сама позиция была весьма удобна для защиты, потому что эта позиция *étant encaissée entre l'Aisne et des ravins épargnés*^{122*} не позволяла обхода, а где русская грудь обороняет, то тут оно непреодолимо.

В Краонском сражении противостояли на фланге французской армии войска Силезской армии, в особенности русская кавалерия весьма удачно, но с значительною потерю, ибо погибли при оной два отличнейших генерала: Сергей Николаевич Ланской⁴²⁰, не только что витязь по личной храбрости, но человек с отличною опытностью и дарованиями и которому на военном поприще была открыта просторная дорога; и Сергей Николаевич Ушаков⁴²¹, также ознаменовавший свое военное служение из ряду вон. Товарищи, подчиненные оплакивали, друзья — тоже, не могу [не] сказать, что и России их смерть была урон.

Описав этих двух личностей как долг сослуживца, им близкого, невольно перо мое подается на таковых же означенных личностей, в предыдущих строках упомянутых. Это Липранди. Как молодой человек, он приобрел уважение, любовь своих товарищей, доверенность начальников. <Нрзб.> в том же Ген[еральном] штабе служа, состоял он в Второй армии и по неприятностям с высшим начальством по его роду службы перешел в один из егерских полков 16-й дивизии и в уважение его передовых мыслей, убеждений был принят в члены открывшегося в этой дивизии отделения тайного общества, известного под

^{122*} Будучи расположена между рекой Эн и громадными оврагами (фр).

названием «Зеленой книги». При открытии в 20 годах восстания в Италии по начальству испросил позволения стать в ряду как волонтер при народной итальянской армии и по поводу неприятностей за это, принятое как дерзость, его ходатайство принужден был выйти в отставку и, выказывая себя верным своим убеждениям к прогрессу и званию члена тайного общества, был коренным другом майора, сослуживца его по 32 егер[скому] полку Владимира Федосеевича Раевского⁴²², о котором буду говорить впоследствии при происшествии 25-го года. И этот Липранди при этих предшествующих данных, служа впоследствии в Министерстве внутренних дел при Перовском⁴²³ и его преемниках по особым поручениям, был тайным и усердным сыщиком при царствовании Николая, был орудием гонения раскольников, был орудием разыскания едва установившегося общества социалистов и, наконец, имел дерзость уже при Александре II подать проект о учреждении при Университете школы шпионов, вменяя в обязанность попечителям давать сведения министерству о тех студентах, которых употребляли они, чтоб иметь данные о мыслях и действиях их товарищей, а министерство этими данными руководствуется, чтоб этих мерзавцев (но не так он их выставлял) к употреблению в сыщиках и шпионах в обществе, и, основываясь на полученных от попечителей сведениях, давать им по службе ход^{123*}. Это дьявольское изобретение не могло иметь доступа при высоких чувствах правосудия императора Александра II, и в ответ на представленный проект Липранди он был отставлен от занимаемой должности. Хвала царю в заслуженной каре Липранди⁴²⁴.

После Крзюнского дела вся армия, состоящая под начальством Блюхера, и в том числе и корпус Винценгероде, учинила отступательное движение к гор[оду] Лаону (Laon), и было приказано Рудзевичу^{124*425}, занимавшему Суассон, оставить оный и присоединиться к армии, что едва он мог исполнить. Как отступление было с право[го] фланга, а наш корпус составлял левый, то Винценгероде оставил в хвосте движения и поручил арьергард генералу Чернышеву, дав ему под команду значительное число кавалерии и подкрепив его пехотой.

^{123*} Так в оригинале.

^{124*} В рукописи ошибочно: Вудзевичу.

Все войска армии Блюхера заняли весьма крепкую позицию под гор[одом] Лаоном. Довольно значительный этот город опоясывает гору от подошвы до самого хребта, и с высоты оною глазом можно обнять большое пространство местности. Корпус Винценгероде составлял центр позиции, тылом к самой подошве горы. Мы тут, сколько помнится, день или два оставались в бездействии, не помню, на второй или на третий день завидели на этой пространной долине отступление нашего авангарда, теснимого атакующими в большой силе французами. Тут опять обращаюсь к личности Чернышева. При отступлении всякому арьергарду прямая обязанность так вести дело, чтоб уметь не на своих плечах наводить неприятеля в полном и стройном виде, а хитрыми и своевременными движениями замедлять ход наступательного движения неприятеля. Чернышев этого не сумел и вместе с собой привел на нашу позицию всю армию Наполеона. Вообще должен сказать, что военные дарования Чернышева, столь воспетые Бутурлиным и Данилевским, весьма оспариваемы. Некоторые удачные набеге, как занятие Касселя, скорое его шествие к Ганау, где, однако, он и не вполне воспользовался предстоящими ему выгодами, все эти сорванные весьма легко лавры были события громкие, но по существу не стоящие приписываемых оному заслуг. Чернышев, кроме нерешительности в собственной предприимчивости, тяжел был для подчиненных ему войск беспрестанно изменяющимися распоряжениями, чем войско часто приходило в изнеможение. Но что он имел в отличном размере, это уметь выбирать сотрудников и их руками загребать жар себе в славу.

Обращаюсь к местности и движению его к Лаонской позиции. Распоряжения отступательного движения Чернышева были, можно сказать, видны как бы производимыми на Царицыном Лугу. Незнание соображать отступление в должном боевом порядке и торопливость в отступлении вполне выказались, и он навел неприятеля неожиданно и расплох в отношении нас.

На другой день с раннего утра уже началось сражение общее, битва была горячая, но, несмотря на все усилия Наполеона и настойчивость натиска французов, не могли они сбить нас с позиции. Урон с обеих сторон был значителен. Битва на другой день опять возобновилась, но шла довольно вяло, но некоторые движения Наполеона

подали повод Блюхеру, или, лучше сказать, дядьке его Гнейзенау, что французы, отклоняя попытку сбить нас с позиции фрунтовым натиском, предпримут обход и отрежут от коммуникационной линии нашей, уже тогда лишь на Бельгию направленной. [Это] было причиной, что все войска получили приказание приготовиться к отступлению по трем параллельным дорогам, распорядиться об этом и для начатия этого движения ожидать вторичного подтвердительного приказа.

Между тем в этот второй день битвы получено сведение, что по Реймской в Лаон дороге идет сильный отряд французов, приказал Блюхер Ланжерону послать значительную часть этой кавалерии узнать и охранить от внезапного нападения на Лаон. Посланная кавалерия открыла, что это шел запасной парк не с большим прикрытием, и смелым натиском завладела оным. Этот ли удачный поиск, лишивший французов боевых снарядов, или же полученное Наполеоном известие о наступательном движении большой армии было причиной неожиданного нами отступления французов и тем самым уже не отступлению нашему, но снова наступлению нашему, которое, как мне известно, было ведено сначала довольно вяло.

Описанием, сколько мог припомнить, главных черт Лаонского сражения кончится мой рассказ о военных действиях, по случаю выхода моего из состава корпуса Винценгероде, а какой был этому повод, постараюсь беспристрастно выказать причину, хотя и не люблю говорить о собственной моей личности.

Предварительно должен пояснить, что по моим служебным сношениям с гр[афом] Воронцовым возникли от него на меня незаслуженные неудовольствия по поводу расформирования сводных гренадерских батальонов, в его отряде состоящих и которых он считал своей преторианской гвардией⁴²⁶. Он эту меру приписывал весьма неосновательно представлению Винценгероде, когда эта мера имела первое свое начало по воле государя, который временно остановил военные действия, достигнув берега Рейна. Император очень справедливо озаботился привести все части армии по численности в общий строевой порядок нормального состава по корпусам и полкам, причислив уже отдельные команды, временем и обстоятельствами составленные, к строю тех войск, при которых отдельно находились. Хоть я, кажется, об этом уже по-

минал, но здесь опять повторяю, чтоб объяснить причину отклонения моего от почетной должности, которую я занимал. Я еще до первого нашего приступа на Суассон получил от графа на мое имя письмо довольно резкого и обидного содержания, в котором было вложено от графа письмо грубое, несовместное от подчиненного к начальнику, которое, быв незапечатанным, давало мне полное право узнать о его содержании, и как я почел передачу оною, на меня возложенную, могущую породить неприятные последствия между Винценгероде и графом, я при учтивом письме к графу (еще не примкнувшему к корпусу и шедшему для соединения с оным) возвратил ему оное с объяснением, что я не хочу и не должен быть посредником в делах, столь бойких для обвинения, не должен и не хочу быть путем неприятностей и что доставление мне незапечатанного письма графа к Винценгероде давало мне полное право на чтение содержания оною. В моем письме я выставлял весь ход дела в настоящем его виде по расформировке сводных гренадерских батальонов, и письмо мое заключалось тем, что буде графу угодно, чтоб его письмо получено было Винценгероде, может оное переслать мимо меня запечатанным на имя Винценгероде,—желая быть в стороне по этому делу.

Граф Воронцов не возобновил отправления письма, но по мстительному своему характеру начал интригами своими восстанавливать многих против корпусного командира столь явно, что я в этом не мог иметь сомнения и поставлен был по долгу службы и преданности лично к Винценгероде некоторым образом предварить его об оных. Но рыцарские его чувства и понятия не допускали в его убеждениях возможности в этом, а я все больше и больше убеждался о злонамеренных действиях графа Воронцова и о группировке около него им выдвинутых недовольных, и, видя, что Винценгероде упирается в невозможности всего этого от сослуживцев, им уважаемых, я почел лучше для себя удалиться от круга этих сплетней и происков и писал к зятю моему к[нязю] П[етру] М[ихайловичу] Волконскому, бывшему тогда начальником штаба всей армии, что я желаю для приобретения большей опытности в военном деле оставить службу штабную и поступить на боевую строевую службу, и просил его вытребовать меня в Главную квартиру и причислить меня в боевые войска с поручением уже отдельной части.

Все это я скрыл от Винценгероде, чтоб он не уговорил меня от этого решения отклониться.

Наконец накануне Лаонского дела я получил пакет на собственное мое имя, по содержанию которого я вызывался в Главную квартиру. Тут был я в недоумении — накануне ожидаемого сражения как мне удалиться, и решил объявить о полученном мною вызове лишь по окончании сражения. Как я выше сказал, два дня сряду сражение продолжалось, и мне приходилось быть в довольно сильном огне, и хотя я без хвастовства скажу, что я не из трусливого десятка, но внутренне себе говорил: «*Но не дурак ли я, вчера мог бы выехать, объявив вызов, мною полученный, а того и смотри, что убьют, а еще хуже, попадешь в калеки на всю жизнь*» — и уже поклялся самому себе, что едва кончится сражение, то доложу Винценгероде о полученном мною предписании, и не отлагая в путь.

На другой день — второй день сражения, когда убедились мы, что французские войска отступили, я взшел к Винценгероде с полученным мною предписанием. Он сейчас догадался, что это вызов последовал по моей просьбе, и начал мне упрекать, что я отделяюсь от него. Но я ему объяснил, что меня вынудило к этому, что, может быть, с моим удалением многие интриги прекратятся оттого, что многих обижает его доверие ко мне, что дело и по совести и по службе решено, что я никогда не забуду все то, что он для меня сделал, что я буду всегда гордиться его доверием и что теперь, прощаясь с ним, одного еще прошу: в выборе преемником на мое место назначить барона Палена, человека благородного, дельного и который так же ему предан будет, как я, и избежать тем, что другими прискаками ему выставят лицо на место меня человека шайки Воронцова — ненадежного. скажу даже, враждебного ему, и Винценгероде поверил мне и назначил моим преемником барона Палена.

Теперь достиг я рубежа боевой моей жизни, потому что, состоя в 1815 году опять при Винценгероде, не только наш отряд, но и почти вся российская армия, кроме отряда Чернышева и Орлова (Алексея), не были в деле, о котором скажу, что слышал, в свое время.

Настал теперь в моих записках уже для меня [период] жизни светской, и уже был я соглядатаем жизни больших ~~политических~~ событий. Буду стараться с той же доб-

росовестностью описывать это, как и боевую мою жизнь, а если в предыдущем заключении беглых рассказов я отклонился к личным моим соотношениям с графом Воронцовым, то имел в виду хоть поверхностно выказать этого человека в прямом его виде, ненасытного в тщеславии, не терпящего совместничества, неблагодарного к тем, которые оказывали ему услуги, неразборчивого в средствах для достижения своей цели, а мстительного донельзя против тех или которые стоят на его пути, или тех, которые, действуя по совести, не хотят быть его рабами. Придется еще сказать, что по злобе на меня за высказанные выше каверзы его против моего начальника и благодетеля — в глаза ему по чести и долгу дал от себя отбой, он впоследствии еще раз выказал злобу на меня, когда я был уже сосланным в Сибирь⁴²⁷.

Корпус г[енерала] Винценгероде после отступления следовал наступательному движению Блюхера, а я, распроставшись с уважаемым моим начальником и добрыми товарищами, предпринял мой путь, чтоб по данному мне назначению явиться в Главную квартиру государя. Путь этот был кружной, ибо для выигрыша времени я, отъезжая, продал своих лошадей и решился ехать почтовым трактом. Итак, заехав в Брюссель, где пробыл суток трое для отдохновения и некоторых заказов и покупок, я продолжал мой путь на Кельн и Франкфурт-на-Майне и намеревался оттуда поспешнее прибыть в Главную квартиру, но в Франкфурте, узнав о занятии союзными войсками Парижа, об отречении от престола Наполеона, о воцарении во Франции Людовика XVIII^{125*428}, видя, что боевое поприще для меня кончилось, и желая выказать по одному любовному обстоятельству, искав еще до войны руки молодой девушки, что пренебрег всеми прелестями парижской жизни, я повернул оглобли и прямо от Франкфурта поехал в Петербург. Приехав одним из первых воротившихся из армии при блистательной карьере служебной, ибо из чина ротмистра гвардейского немного свыше двух лет я был уже генералом с лентой и весь увешанный крестами, и могу без хвастовства сказать, с явными заслугами, в высшем обществе я был принят радушно, скажу даже отлично, но не удалось мне получить руки той, которой искал; эту неудачу забыл в общем

^{125*} В оригинале: Лудвига.

угаре светском и до приезда государя в Петербург вел жизнь пустую, развлеченную. По приезде государя состоял у него в свите, дежурил за флигель-адъютанта, по недостатку их налицо, и этак провел время, то службой, то светом занятый, до отъезда государя на Венский конгресс⁴²⁹. Быв причислен к 2-й драг[унской] дивизии, я предпочел лучше быть вольным казаком, и мне восхотелось Европу узнать не с обзора с казачьего седла и с этапного маршрута, а с точки зрения туриста с подробным изучением ее быта. Надо сказать при этом, что вообще все, что мы хоть мельком видели в 13 и 14 годах в Европе, вообще вразило во всей молодежи чувство, что Россия в общественном и внутренне политическом быте весьма отстала и во многих вродило мысль поближе познакомиться с ней. По неограниченной милости моей матушки — она мне назначила 20 000 р[ублей] а[ссигнациями] годового дохода, что тогда значительность имело, — и я с кошельком, полным денег, с заграничным паспортом в руках, устроив порядок высылки мне денег постепенно, выехал из Петербурга с твердым намерением околесить всю Европу и даже с предположением посетить и прочие части света, особенно Американские Штаты, тогда и у нашей русской молодежи увлекательно занимающие умы, по их самостоятельному быту, по демократическому их политическому составу.

Итак, выехав из Петербурга, я чрез Краков принял путь в Вену, тогда занимавшую все умы соединением в оной Европейского конгресса. Дорогой дня три я остановился в Кракове, где была корпусная квартира Алексея Петровича Ермолова, который до кончины своей жизни оказывал мне милостивое расположение и который и тут принял меня, как он умел это делать, как он выражал товарищество и вместе с тем не роняя своего достоинства начальника, скажу даже, этим самым умел дать достоинство оному не мелкотной субординацией, а полным чувством заслуженного уважения и неограниченной преданности всех к нему.

Из Кракова я прямо в Вену. Сколько могу припомнить, прибыл я туда в октябре или ноябре. Конгресс был в полном разгаре: царей, владетельных князей, государственных лиц, дипломатов всех стран и степеней «несть бо числа», князьков, смещенных Наполеоном, порядочная гряда, но не смотрящих во владетельные, приезжих всех

наций тоже «нести бо числа». Не могу дать последовательный отчет о ведении и трактации всех дел, ни мое служебное положение, ни мой общественный быт не давали мне возможность на это. Но все-таки кое-что мог следить и урывками наблюдать, и это постараюсь передать, сколько память мне в этом поможет.

Император Александр, главный деятель войн 12, 13 и 14 годов, основатель, двигатель и охранитель коалиции, свергнувшей с престола, случаем и победами приобретенного Наполеоном, Александр по всей справедливости должен бы был играть на конгрессе первую роль, но и тогда враждебные России Англия и так же шаткая в союзах Австрия всячески старались противудействовать намерениям, требованиям императора России. Деятели этих государств: тонкий и бойкий Меттерних⁴³⁰ от Австрии и самонадеянный сам собою и за Англию Кестлери^{126*431}, действуя заодно с хитрым представителем Франции Талейраном⁴³², во всем противоборствовали видам Александра не только в пользу России, но даже и в видах его для Европы, совершенно в духе времени и народных прав. Весьма замечательно, что как сначала было доложено, что Франция без голоса распорядительного в делах конгресса, а лишь с голосом совещательным, хитрый Талейран умел себя поставить так, что сделался главным деятелем. Это было общее мнение государственных людей, следивших и имеющих способы обсуждать действия конгресса.

Император Александр был с весьма ограниченной свитой. При нем чисто по делам были по военному ведомству князь Петр Михайлович Волконский как начальник штаба при его и [императорском] вел[ичестве] и вместе с тем исправляющий должность обер-гофмаршала двора; два генерал-адъ[ютанта]: Ожаровский и Чернышев — единственно как светские куклы, «Comme on dit, pour la représentation»^{127*}; два флигель-адъютанта: Киселев и Панкратьев⁴³³ оба выбранные императором не по бабушкиным ходатайствам, а отмеченные им как деловые люди; и, наконец, флигель-адъ[ютант] Михайл[овский]-Данилевский, о котором можно сказать то, что про него

^{126*} В оригинале ошибочно: Кастлери.

^{127*} Как говорится, для представительства (фр.).

сказал фельд[маршал] Сакен,—«лакей»—при чтении им «Истории кампании 12-го года»⁴³⁴. Он, Данилевский, и в Вене был почти тем же, ибо чрез него шли дела дворцовые к докладу Волконокому, т[о] е[сть] был нечто в виде гоф-фурьера. Временно был вызван г[енерал]-а[дьютант] Павел Васильевич Кутузов — не по делам конгресса, а для каких-то переговоров и поручений по России. Не военного ведомства были при государе граф Нессельроде, как статс-секретарь по ведомству иностранных дел и который вместе с гр[афом] Андреем Кирилловичем Разумовским⁴³⁵ и графом Штакельбергом⁴³⁶ были представителями России в конгрессе. Были еще граф Каподистрия⁴³⁷, князь Адам Чарторижский⁴³⁸ и знаменитый Штейн, не как члены конгресса, а при особе государя, но которым Александр давал обрабатывать вопросы для обсуждения и представления лично ему их мнений. Канцелярию Нессельроде составляли Анштетт⁴³⁹, Булгаков⁴⁴⁰, Шредер⁴⁴¹, гр[аф] Иван Воронцов⁴⁴² и Кокошкин⁴⁴³, а чисто по сношениям с Россией, как докладчик,— статс-секретарь Марченко⁴⁴⁴, человек очень дельный и умный. Вот, кажется, все, которые составляли свиту государя, а другие, прибывшие так, как я, были охотники, путешественники, хоть многие принимали на себя вид приглашенных и соучаствующих в конгрессе.

Упомянув о Штейне, мне приходит на ум одно обстоятельство, довольно замечательное, которое мне уже впоследствии было сообщено. Император Александр дал на обсуждение выгод и невыгод для России присоединения Польши и эту работу поручил Разумовскому, Штакельбергу и Штейну, порознь каждому. Первые два как царедворцы представили материалы в пользу присоединения как отдельного королевства — любимая мысль Александра. Штейн же против, и при сильных доводах, а если уже решено будет соединение — не как отдельного королевства, а как губернии, входящей в состав коренной России. Русские, из видов угодливости, навязывали петлю России, а немец отстаивал прямые выгоды России и предугадывал всю невыгодность для России состояния при русских как Царства Польского, вполне после сказавшуюся.

В числе замечательных лиц, прибывших в это время в Вену, был принц Евгений, бывший вице-король Италии, впоследствии именуемый принцем Лейхтенбергским, ан-

лийский адмирал сэр Сидней Шмидт⁴⁴⁵ и, наконец, известный художник живописец Изабе⁴⁴⁶.

Жизнь венская, всегда довольно шумная, во время конгресса была еще шумнее. Празднества следовали за празднествами. Дворцовые выходы, концерты, спектакли, маскарады, большие пиры сменяли друг друга. Как-то выпал снег и затеяли санное катание, для которого свозили снег из окрестностей, были и звериные охоты, и тут под царские выстрелы подгоняли легкую добычу. Были и потешные войсковые парады, а что стоило более всего замечания, это эрцгерцог^{128*} Карл⁴⁴⁷ на самой местности Аспернского сражения⁴⁴⁸ показывал имп[ератору] Алек[sандру] пример битвы Аспернской. Эрцгерцог, по наружности нимало не замечательный, хилый старик, неловкий в приемах, тут был прямым витязем осанкой^{129*}, взглядом, просто не тем был, как обыкновенно его видишь, так был одушевлен воспоминаниями. Говоря о Аспернском сражении, как не вспомнить слова, сказанные Наполеоном, когда он при окончании этого сражения (где французская армия претерпела столь сильное поражение), переехав чрез Дунай в лодке в сопровождении г[енерал]-а[дъютанта] князя Гагарина⁴⁴⁹ и флигель-адъютанта Чернышева, бывших при нем комиссарами от Александра, сказал им: «Si j'avais eu sous mes ordres mes vieilles légions d'Espagne ou l'armée russe, vous ne me verriez pas, messieurs, dans la position ou je me trouve maintenant»^{130*}. Эти слова лично мне передали Гагарин и Чернышев, с которыми я был очень близок по возвращении в Петербург, по заключении мира шенбруннского^{131*450}.

Были и частные празднества, между ними замечательное у графа Разумовского, где так сильно освещено было, что от теплоты освещения таяли восковые свечи, что подало случай принцу де Линь⁴⁵¹ сказать: «Nous avons a Vienne une pluie de Sire (cire)»^{132*}. Он же тогда ска-

128* В оригинале здесь и далее: герц-герцог.

129* В оригинале: остановкою.

130* Если бы под моим началом были мои старые испанские легионы или русская армия, вы бы не увидели меня, господа, в том положении, в котором я сейчас нахожусь (фр.).

131* В оригинале ошибочно: Пресбургского.

132* Здесь в Вене дождь из коронованных особ (фр.). В оригинале непереводаемая игра слов, построенная на созвучии слов «Sire» — королевская особа и «cire» — воск.

зал: «Le Congrès danse, mais n'avance pas»^{133*}. Я часто встречался у жены брата моего Зинаиды, урожденной Белосельской⁴⁵², с принцем де Линь, но, несмотря на приписанный ему ум, провозглашенный и в прежнем времени и тогда, не нашел его столь занимательным, а просто был, по-моему, болтун и еще к тому выболтавшийся.

Положение нас, русских, было довольно щекотливое в Вене во время конгресса. Наш император, при беспрестанных отличительных приветствиях ко всем к иностранцам, не тот был к нам, и казалось нам, что он полагал, что мы в образовании светском отстали от европейского. Полный учтивости к каждому прапорщику, не носившему русский мундир, он крутенько с нами обходился, так что мы нехотя отказывались от приглашений дворцовых и высшего круга и более жили в среде соотечественников и вели жизнь шумную между собой, но не обидную для народной гордости.

Во время конгресса я у Изабе, которому заказал портрет свой, познакомился с принцем Евгением и как-то заслужил его расположение. Что за чудесный был человек — какая скромность и вместе с тем теплота души. Он так меня полюбил, что подарил свой портрет, который и доныне у меня.

Говоря о портретах, припомнил случай, до меня относящийся. Восторженный наполеоновым бытом в истории, я возымел желание иметь полное собрание всех его портретов, начиная от осады Тулона и до отречения в Фонтенбло, и известный книгопродавец Арторио⁴⁵³ мне это собрал. Но ни дать ни взять — это как-то встревожило австрийскую полицию, и Меттерниху на меня донос от одной, а он довел до сведения государя, а от этого мне головомойка. Коллекция этих портретов, переплетенная в книге инфолио, была дана мною временно на сохранение командору^{134*} Лобанову, но он, вероятно, мысля, что я не возвращусь из Сибири, почел ее своею собственностью. Продал ли он ее в числе своей библиотеки или оставил у себя, не знаю, и хотя на водах в 1859 году и встречался с ним, от него ни полслова об этом, а я не упоминал ему об этом, чтоб его не затруднять ответом.

Во время пребывания моего в Вене я был свидетелем

^{133*} Конгресс танцует, но не продвигается вперед (фр.).

^{134*} В оригинале ошибочно: комодор.

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Гравюра В. Унгера с миниатюры Ж.-Б. Изабе,
1814 г.

одного происшествия, довольно замечательного и относящегося как к имп[ератору] Александру, так и бывшему его наставнику Лагарпу⁴⁵⁴, который был наставником первого во время царствования Екатерины при тогдашних великих князьях Алек[сандре] и Константине.

Лагарп при воцарении Павла был удален из России, хотя Алек[сандр], воцарившись, был в переписке с прежним своим наставником, но личного свидания с ним не имел. Лагарп, участвуя тогда в новом политическом образовании Швейцарии, был одним из правителей и, вероятно, поэтому не посетил своего царствующего уже воспитанника. Так или иначе, но Лагарп впервые имел свидание, приехав в Вену во время конгресса. На другой

день прибыл он и во дворец, вероятно уже приглашенный, и едва взшел в комнату, предшествующую кабинету государя, то был призван к императору. Как теперь помню этого маститого старца в майорском мундире военного времени Екатерины⁴⁵⁵. Какой был и о чем разговор между представителем демократических идей и царственным его воспитанником, уже тогда поборником этих начал, не знаю, но после долговременного, вероятно, задушевного разговора, выходит Лагарп из кабинета государя в Андреевской звезде и ленте, т[о] е[сть] с высшей почетной наградой, которую мог ему дать государь. Честь и слава царю за признание венценосцем, что в воспитателе своем он признает начала той славы могущества, им обладаемой, и это неожиданное событие возродило уважение даже в черствых сердцах присутствующих тут царедворцев.

Я выше сказал, что образ жизни нас, русских, в Вене во время конгресса не был для нас приятен, и я решился искать других впечатлений и из Вены поехал прямо в Париж, где, как сказано много выше, я не был в начале 14-го года, а от бывших соотечественников слышал чудеса об образе жизни в этом современном Вавилоне.

Но прежде рассказа о быте моем в Париже еще обращаюсь к эпохе Венского конгресса, чтоб об оном не прерывать рассказа.

Мне уже впоследствии положительно рассказывали, что дела конгресса приняли такой враждебный оборот против желаний и требований императора Александра, что он решительно велел объявить чрез его представителей в заседаниях конгресса, что, видя, что во всем ему противудеятствуют иные державы, он находит свое присутствие в Вене излишним и поэтому отправится в Краков, где был авангард русской армии, расположенной в Царстве Польском, и тогда, смотря по обстоятельствам и решению конгресса, не слово, а меч кинет на весы, определяющие общее разграничение государств. И чтоб эти слова не показались лишь одной угрозой, а обдуманном решением, были сделаны приготовления к отъезду и распоряжения о высылке лошадей почтовых по тракту из Вены в Краков. Но весть [о] победе Наполеона с острова Эльбы и торжественном его шествии по Франции помирила спорящих владык Европы, и общим соглашением приняты меры к новой борьбе с Наполеоном и Францией

и известного объявления, что Наполеон est mis au ban des nations^{135*}.

К этому же времени должно отнести одно обстоятельство, хоть не весьма значительное, но обрисовывающее некоторых личностей. Вот оно: как я уже говорил, в Вене был принц Евгений, впоследствии герцог Лейхтенбергский. Император Александр отдавал полную справедливость этому благороднейшему человеку и в общественно-политической жизни, как и в частной, семейной, да и в понятиях Александра он себя выказывал защитником всех тех, которых паденье было следствием падения Наполеона. Император Александр оказывал гласно большое соучастие и в личных сношениях, и в защите местного вознаграждения принцу Евгению за понесенное изменение его обстоятельств от падения Наполеона. Сей последний по возвращении его в Париж отправил тайного агента в Вену с предложением ему, принцу Евгению, возвратиться во Францию и участвовать в увозе из Вены тайком сына Наполеона короля Римского⁴⁵⁶. Этот агент успел тайно прибыть в Вену, виделся с принцем Евгением, получил от него письмо, содержание которого мне неизвестно, но, как слышал, доказывающее невозможность исполнения предложенного, и этот агент успел незнанным выехать обратно. Но как-то австрийская полиция напала на след его пребывания в Вене, была послана догонка, и он схвачен был, не доехав до границы Франции, и по обыске его нашли dans le double fond d'une casse-gole^{136*} письмо принца Евгения к Наполеону. Это письмо было доставлено к Меттерниху, а этот — к государю, с едким письмом против заступничества императора Александра за принца Евгения. Получив это письмо, император поручил дежурному в тот день флигель-адъютанту Панкратьеву (который лично мне это сообщил), вручив это письмо Лейхтенбергского, сказал: *«Поезжай к принцу Евгению, покажи ему это письмо и опять это письмо возьми от него и привези мне обратно»*. Было сказано и исполнено, но уже отношения между Алек[сандром] и Евгением изменились и взамен дружественных отношений возродились холодные, но не преследование, и видно по смыслу письма, и не было повода, а лишь негодование, что за доверие не оплачено было доверием.

^{135*} Объявлен вне закона (фр.).

С. Г. ВОЛКОНСКАЯ, СЕСТРА ДЕКАБРИСТА
Акварель де Брандес с миниатюры Ж.-Б. Изабе,
1814 г.

Вот все, что осталось мне в памяти о Венском конгрессе, описанном во многих творениях современных гораздо подробнее, отчетливее, но в которых не упомянуто о некоторых обстоятельствах, мною описанных и в точности которых я заверяю.

Наконец приехал я в Париж; по обычаю моему, и впоследствии следуемому, мало заботился об обзоре местностей и артистических знаменитостей, а изучал народности и людей. Тогда была Германия пуста — вся жизнь ее, будущность были в Вене, и я просто прокатился на почтовых без остановки до Парижа.

^{136*} В двойном дне кастрюльки (фр.).

Приехал я в Париж, снабженный рекомендательными письмами от сестры ко многим лицам высшего круга, и между ними к бывшей королеве голландской, уже тогда наименовавшейся duchesse de St Leu^{137*457}, и нашел в Париже Николая Николаевича Демидова⁴⁵⁸, доброго моего знакомого в Питере, который пригласил меня жить под одной кровлей с ним, да еще в Париже нашел графиню Лаваль, также знакомую мне по Петербургу и которая была в свойстве с женой брата моего княгиней Зинаидой Александровной Волконской, рожденной Белосельской⁴⁵⁹. Письмо к duchesse de St Leu открыло мне вход в ее дом, где посещающие были почти исключительно из слоя общества наполеонистов. Знакомство с графиней Лаваль меня невольно, скажу даже против воли, познакомило с предместьем Сен-Жермен, заветным кругом легитимистов⁴⁶⁰, а знакомство с Демидовым, avec le tiers état^{138*}, по связям его торговым и страсти к подобным переворотам. Тут я познакомился avec la finance, les brocanteurs, les artistes^{139*}, чрез графиню Лаваль был приглашен dans les salons légitimistes, chez la duchesse de Courlande⁴⁶¹, chez M-me de Staël⁴⁶² et autres^{140*} и у этой последней встречался с Шатобрианом⁴⁶³ и Benjamin Constant⁴⁶⁴. Мои впечатления о этих трех знаменитостях следующие: M-me de Staël, дочь известного Неккера⁴⁶⁵, личность, вызванная на первый план современный и по знаменитости отца, и по собственным достоинствам, а частью и по преследованию ее Наполеоном, ибо личная вражда знаменитого человека выставляет и преследуемого. Обладая обширным умом и обширными познаниями, имела она дар слова, может быть, выше способности ее пера; некрасивая собой, но имела глаза, преисполненные огня, выражающие и глубокие думы и святое пламя в сердце. Редко сидящая, она эффектно обходила своих гостей, и свой звучный, преисполненный особого взгляда разговор всегда был сопровождается эффектными жестами ее рук (bras), которые, весьма красивые, давали еще более весу ее суждениям. Но скажу, однако, что прелесть ее разговора вместе с тем имела что-то театральное, мне не нравив-

^{137*} Герцогинею де Сен-Ле (фр.).

^{138*} С третьим сословием (фр.).

^{139*} С финансистами, торговцами, художниками (фр.).

^{140*} В салоны легитимистов, к герцогине Курляндской, мадам де Сталь и другим (фр.).

шеся по изысканности, а простота, по-моему, более красноречива, когда она вытекает не изученная, а как бы невзначай.

Другая упомянутая личность — это Benjamin Constant, великий оратор, великий мыслитель, также лицо, преследуемое некогда Наполеоном, и при новом порядке во Франции — глава партии прямых конституционных начал. Наружности более неловкой, нежели красивой, постоянный ценитель M-me de Staël и своею знаменитостью сопутствуя, можно сказать, ее знаменитости. Впечатление, произведенное надо мной Шатобрианом, не было столь сильно, как двумя именованными выше особами. Конечно, должен был отдать должную дань дару слова его, но этот дар слова в то время был с такой изысканностью приправленный изысканностью, а не убежде[нием], имел предметом защитить тогда начала, вовсе мне не симпатические, несовременные, пахнувшие так сильно обветшалостью, уже пораженные временем и общим убеждением, что не понять, как такой умный человек мог стать защитником оных.

Я выше сказал, что я имел случай иметь доступ в дом duchesse de St Leu и тоже принят ею был самым радужным образом. Письмо, которое я имел, было адресовано ей чрез ее lectrice mademoiselle Cochelet^{141*466} бывшей королеве голландской, а эта lectrice была в тесной связи с сестрой моей. Я был принят m-lle Cochelet просто-запросто с полным, могу сказать, [уважением] по дружбе ее к сестре моей, как родственник, и она, доложив о мне герцогине, был приглашен к ней и весьма благосклонно ею принят^{142*}. Эта благосклонность обеих выражена, может быть, и незаслуженно на мой счет в записках, изданных госпожою Cochelet, впоследствии madame Paquin. Прием мой в общество избранное, посещающее герцогиню Сен-Ле, меня поставил в круг людей совершенно иного взгляда, иных убеждений, как общество у M-me de Staël. Тут, т[o] е[сть] у герцогини Сен-Ле, общество было большей частью из живых еще обломков едва исчезнувшей Империи, из горячей молодежи, полной обожания к великому мужу, из молодежи, еще не насыщенной почестями и поэтому не искавшей средства лишь

^{141*} Чтицу, мадемуазель Кошле (фр.).

^{142*} Так в оригинале.

к сохранению того, что при случившемся перевороте прежние выскочки желали себя упрочить. Это были молодые люди, полные надежд, не сбывающихся вследствие общего переворота политического.

В числе этой молодежи были генералы Эксельман⁴⁶⁷, два брата Бертэны^{143*468}, два брата Lallemand⁴⁶⁹ и многие другие, которых имена не упомяну. Было несколько иностранцев, более симпатических к временам Империи, нежели к возрождающемуся снова обветшалому королевству, лишь уже тогда державшемуся только по уму Людовика Восемнадцатого, но ежедневно подкапываемого братом его герцогом Артуа⁴⁷⁰ и сыновьями его, Ангулемским⁴⁷¹ и Беррийским⁴⁷² герцогами и в особенности герцогинею Ангулемской⁴⁷³, испытавшей столько бедствий, но не наученной ими,—совокупно все они не понимающие требований современных начал общества. Эти прямые враги собственной их пользы, окруженные людьми, принесшими из изгнания лишь предрассудки и сильное пополозновение к отщепеню, были предвестниками или, лучше сказать, деятелями тех горестных событий, которые впоследствии привели к событиям 20-го марта 1815 года, не вполне потрясшим Бурбонское владычество 1-й линии оною, и, наконец возобновившись, свергнули с престола эту 1-ю линию Бурбонского дома⁴⁷⁴. И как при всех этих суждениях моих не повторить слова Наполеона о легитимистах: «Ils n'ont rien appris ni rien oublié»^{144*}.

Вот полный и, может быть, слишком длинный рассказ моих впечатлений того времени о людях, в кругу которых я имел доступ. Герцогиня Сен-Ле и m-lle Cochelet были личности также замечательные и по значению их во время Империи, и сохранившие эту значительность умом и par leur position sociale^{145*} в новом их быте, преисполненные образованности, легкости приема и имевшие всю очарованность падших с высокого значения не по своей вине, но по неожиданному, незаслуженному событию судьбы. Тут же я видел и двух сыновей королевы Гортензии^{146*}, тогда еще ребенками, но потом игравших роль в первом восстании Италии, из которых один тогда умер, а

143* В оригинале ошибочно: Бертоны.

144* Они ничему не научились и ничего не забыли (фр.).

145* По своему общественному положению (фр.).

146* В оригинале здесь и далее: Гортенции.

другой, пройдя чрез ни с чем несообразные его попытки, Страсбургскую и Булонскую, наконец достиг звания императора Франции под именем Наполеона III⁴⁷⁵.

Упоминание о нем приводит мне на память того же времени событие: это процесс бывшего короля Голландии Louis Napoléon⁴⁷⁶ с его женой Гортензией: первый требовал судебным порядком возврата ему двух сыновей его. Этому процессу я был зритель и слушатель и припоминаю, как его адвокат Tgirieg развивал законность прав отца над сыновьями, а другой адвокат⁴⁷⁷, которого имя не упомяну, также знаменитость того времени, выставлял в пользу своей клиентки права чисто природные, материнские. И как не сказать при этом, что закон, не основанный на началах природных чувств и дающий первенство одному лицу против равностепенных прав других, есть закон, не на справедливых началах основанный.

Писав мои записки не с целью говорить о себе, не буду в оных описывать себя, dans mes faits et gestes^{147*}, вовсе не стоящих описания, в особенности при пустой и даже слишком разгульной тогда моей жизни, я еще припомнил одно обстоятельство общественное той эпохи, которому был свидетель и которое стоит рассказать.

Это погребальный ход m-lle Raucourt, знаменитой актрисы du Théâtre français⁴⁷⁸. M-lle Raucourt, трагическая актриса этого театра, жившая давно уже в отставке и приобретшая во время театрального своего поприща значительное состояние, при безобязательности своей жизни посвятила себя благодетельному порыву помогать своим достоянием нуждающимся, и раздавателем ее милостыни был приходский ее священник церкви святого Рока (St Roch), который и сопутствовал ее в предсмертные ее минуты исповедью и удостоением святых тайн. В назначенный день для похорон печальной церемонии привезено усопшей тело к приходской ее церкви для отслужения погребальной службы, но священник Мардуэль⁴⁷⁹ воспретил взнос тела усопшей, основываясь на положении церковном, что актеры (скоморохи) лишены права на предание их праха, как говорится по-французски, en terre sainte^{148*}. Действовал ли священник по собственному началу или получил он на это приказание архиепископа, не знаю,

147* В своих делах и поступках (фр.).

148* В святой земле (фр.).

но тогда была молва, что архиепископ это ему приказал. Неожиданный отказ хотя и удивил сопровождающих тело родных, знакомых и в полном количестве всех артистов первой театральной сцены парижской, пользующихся всеобщим уважением, но чтоб не произвести смуты, решили не настаивать и по давно соблюдаемому обычаю направили печальное шествие к зданию Французского театра для исполнения соблюдаемого обряда la station d'usage, т[о] е[сть] что шествие останавливается при том месте, где усопшая приобрела себе знаменитость, в пользу ее талантливой жизни произносится ей панегирик. Но шествие, не достигши еще до этого места, было силою народною, скопившейся от этого происшествия, обращено паки к церкви St Roch, и насильственно требовано впуск тела в церковь. Я, случаем тут привлеченный, по соседству моего местожительства, могу заверить, что уже не одни сопровождающие по чувству к усопшей, а много недовольной публики составляло, вероятно, до 20 000 народа, поощренного к насильственному достижению своей цели, и по знаменитости лица и по известности ее постоянных милостыней и рассказу об этом теми, которые были предметом оных. Скопившийся народ требовал отверзтия входных дверей в церковь, но клир причетницкий и сам священник не соглашались на оное. Наконец народ, рассерженный противодействием его требованиям, принялся за насильственные способы, и железные ворота входа в церковь разлетелись, как бы стеклянные двери, и народ, снявши гроб с колесницы, внес торжественно оный с усопшей в срединау церкви, которая была по случаю совершающегося поминовения 21 января, т[о] е[сть] дня казнения Людовика XVI⁴⁸⁰, приготовлена печальным убранством и катафалком и при освещении, приготовленном для совсем другого случая. Началось отпевание не хриплым и изученным голосом священнослужителей, но молитвы были воспеты богу в пользу усопшей восторженными тысячами народа, чтившего покойную и разъяренного сопротивлением духовной власти. Но умный Людовик XVIII, которому донесено было о происходящем, и понимая всю силу народной власти, поспешил дать приказание, чтоб и церковное отслужение присоединилось к народной почести, и тем его объявил, что в этом происшествии было недоразумение^{149*}.

^{149*} В оригинале «недоумение». Здесь, видимо, автором допущена описка.

Отслужение la messe des morts^{150*} (как это называют католики) в должном порядке церковном, а по отслужении печальной церемонии отправились на station d'usage devant le Théâtre Français^{151*}, а потом au cimetière^{152*}. Этот мой рассказ во всех его подробностях чистый снимок происшествия, которое должно бы было быть многим с обветшалыми понятиями уроком, но которое им и подобным им не послужило впрок.

Вот что стоило рассказа, я передал моему перу. Прожив бесцветно еще несколько недель в Париже, я в конце февраля или в первых днях марта выехал из Парижа, чтоб посетить Лондон с намерением исколесить Англию (тогда еще не было железных дорог). Тут я попал в первое морское путешествие, ни тогда, ни впоследствии, ни мало ни по нутру, и по обыкновению моему не остановившись нигде по пути, прибыл в Лондон и никак не мыслил, что придется мне так скоро и так невзначайно прибыть в Париж.

Вот я в Лондоне туристом, и по совести скажу, прибыл туда с занозою в сердце, а как есть заноза, то о другом и мало думаешь. Но все-таки город, край, люди невольно занимали мои думы. Коснулся я материка земли Англии в Дувре (Douvres); первый шаг мой на этот материк был встречей неожиданной. Едва взошел я с пакетбота, перевезшего меня, как был окружен толпой таможенных надсмотрщиков, которые просто ощупывали меня с головы до ног, и отделался только от них выкупом от их придирчивости. Как не сказать при этом, что закон, если поставляет меры таможенного взыска денежного, закон же должен блюсти, чтоб это делалось известным порядком, и в особенности бдительно смотреть, чтоб не было ни для казны убытка, ни для частного лица притеснения.

Итак, я в Лондоне; прокатясь по живописной местности, выказывающей высокую степень развития общего быта как во всем том, что относится до богатства края и народного быта. Въехав в Лондон, сам город при висящем над ним непроницаемым облаком густом дыме от употребления топлива каменного угля показался мне мрачным, но

^{150*} Заупокойной мессы (фр.).

^{151*} Остановку по обычаю перед Французским театром (фр.).

^{152*} На кладбище (фр.).

зато кипящим жизнью по многочисленности населения,двигающегося по улицам.

Первый мой приют был в отель de Riga. Принят был с обычным по всей Европе вниманием в этого рода домах, и отведено было мне отлично устроенное помещение. Я как скоро огляделся, послал рекомендательное данное мне письмо к священнику нашей миссии отцу Смирнову⁴⁸¹, который в скором времени меня посетил, и тот, зная по долговременному своему пребыванию все оттенки и наклонности местные воспользоваться неопытностью прибывающих иностранцев, спросил меня, уговорился ли я в цене с хозяином Hôtel garni^{153*}. И когда я спросил о цене, я убедился, что не по моему карману, и тут же в сопровождении отца Смирнова пошли мы отыскивать, как говорится, chambre à louer (т. е. частную квартиру) и нашел ее, хоть в третьем или четвертом этаже, но за сходную цену и посреди города, place St James^{154*}, я оставил за собой, дав задаток, и пришед в Hôtel de Riga, попросил счет для расплаты, и хотя едва я там провел сутки, меня заставили заплатить за трое суток, объясняя, что в день моего приезда могла бы квартира быть нанята другим и что по отъезде моем она простоит сутки незанятой. Спорить и судиться нечего было, и, рассчитавшись, я переехал на нанятую квартиру, и по общему обычаю в этих квартирах белье, посуда и прочее необходимое состоит при квартире, а ежедневная приборка комнат производится служанкою по всему дому. Я об этом упоминаю не то, что это достойно какого-либо интереса, но буде еще это все существует ныне — в сведение тем, которым может быть это в пользу.

В это время был российским посланником в Лондоне генерал-адъютант граф Ливен, с которым по службе моей как флигель-адъютант я был близок и по петербургскому обществу был довольно знаком и с графиней⁴⁸². По долгу и учтивости я посетил их и был весьма радушно принят ими и часто к ним приглашаем. Кроме их я был вхож к одной соотечественнице, к Ольге Александровне Жеребцовой⁴⁸³, сестре известного фаворита Екатерины князя Зубова⁴⁸⁴, женщине весьма умной и пользующейся некоторой знаменитостью по соучастию ее в заговоре против им-

^{153*} Гостиница (фр.).

^{154*} Площадь святого Джеймса (фр.).

п[ератора] Павла I-го и по связи ее с тогдашним принцем Валлийским⁴⁸⁵, от которого она имела сына^{155*}. Кроме того, я в Лондоне нашел петербургской и боевой жизни товарища Льва Александровича Нарышкина, хорошего моего приятеля. В английском обществе имел я только одного знакомого — это сэр Роберт Вильсон, бывшего в кампании 1806 и 1807 и потом в 1812, 13 и 14 годах комиссаром от английского правительства при российской армии. Упоминаю об этом лишь потому, что впоследствии чрез них я познакомился с лондонским бытом и происшествиями пребывания моего в Англии. Да еще забыл упомянуть соотечественника — это адмирала Павла Ивановича Чичагова, человека весьма умного, но который питал, может быть и заслуженно, негодование против современников своих по кампании 1812 года. В мстительном своем чувстве отечество не отделял от лиц, и просто грустно мне было часто слушать, какие едкие нарекания он излагал во всеуслышание не на одни лица, но и на всю Россию, и где? — в чужом краю перед чужими, враждебными, может быть, лицами.

О лицах, среди которых или с кем более я имел сношения, я буду говорить по мере некоторых происшествий, со мною сбывшихся.

Более всего я был вхож к Ольге Александровне Жеребцовой, женщине высокого ума и у которой круг знакомых был из среды высшего слоя лиц лондонских. Тут я встречался довольно часто с принцем Кларенским — сын тогда уже сумасшедшего короля Георга III и брат принцу-регенту принцу Валлийскому⁴⁸⁶. Кларенский был добрый и простой человек с приемами общежитными, круглого обращения, умом довольно прост. У Жеребцовой соединялась также молодежь фешенебельная и более приближенные к принцу Валлийскому, как ее старому знакомому. Но спесь аристократическая в Англии уступает воле масс, так как и массы умеют чтить стойкость характера, даже когда она противна выказанному желанию народному. В то время была в парламенте трактация о так называемом Corn-bill, т. е. народ желал, чтоб ввоз черного хлеба был бы беспрепятственно допущен, а землевладельцы желали, чтоб о ввозе хлеба продолжался заперт; просто сказать.

^{155*} Слова «от которого она имела сына» в предыдущем издании отсутствуют.

желудок воевал против кошелька⁴⁸⁷. Народонаселение Лондона было в большом движении, волнении, на казенных строениях и даже на заборе дворца принца-регента были делаемы подписи: Bread of Blood (хлеба или крови), и для усмирения этих беспорядков был издан Мьютинибилль, т[о] е[сть] что войска усиливаются и что при всяком скопище, по прочтении три раза этого билля, войска имеют право для рассеяния скопища действовать оружием.

Перескажу некоторые встречи, в которых был я свидетель.

Сэр Френсис Бюрдетт⁴⁸⁸, тогда представитель вестминстерский и тогда глава оппозиции в Нижней Камере, объявил, что он объяснит свой образ мыслей по этому делу своим избирателям. В назначенный им день устроен был на Вестминстерской площади род балкона, с которого он будет говорить народу. Площадь с раннего утра кипела народом. Бюрдетт приехал, взошел на амвон и зачал говорить народу, желающему ввоз хлеба, что он против этой мысли и меры, и излагать свои причины к этому. Любимец народный, хоть не в согласии с желанием масс, защищал свои убеждения, увлек к личному к нему движению, что несмотря, что защищал свои, а не убеждения масс, был покрыт изъявлениями общего сочувствия, и, не желая дать повода к большей значительности манифестации, он старался невзначай ускользнуть и, тишком сев в фиакр, отправился домой. Но узанный народом, из наемной кареты народ выпряг лошадей, на руках помчал его к дому. Это шествие, провожаемое тысячами народа, именно шло пред занимаемым домом Жеребцовой, где я и многие другие случайно там были, как англичане, так и русские. В числе них был полковник английской службы Губтон⁴⁸⁹, близкий к принцу-регенту и который хотел нам выказать, вероятно, что все это не стоит внимания, и выступил на балкон в шляпе на голове. Эта поза не понравилась народу, и тысячи голосов зачали кричать: «Голову настезь, долой шляпу!», и Губтон, чтоб не навлечь на себя и на нас град камней, должен был снять шляпу и вместо выходки, как бы презрительной к черни, должен был повиноваться святой ее воле.

Прения о Согп-bill продолжались несколько дней, и всегда во время их пред парламентом собирались массы народные с криком: «Bread of Blood!», но прения шли своим чередом и порядком, а лазутчики народные сооб-

шали, кто за, кто против Согп-bill говорил. Но, узнав, что толпа народа собирается сделать одному противнику Согп-bill неприятную встречу, распорядился его дом внутри охранять военным караулом. Противник корн-билля, защищавший невпуск зернового в Англию, возвращаясь домой, был узан, и толпа народа, собравшаяся против его дома, готова была ему нанести оскорбление и, как это делается в Англии, выказать свое недогование, перебив окошки дома. При подъезде кареты к дому, из мер предосторожности военная команда, впущенная в дом, вышла навстречу для защиты хозяина. Но он, увидав это, громко сказал: «Господа военные, англичанин под защитой законов — и ему не нужно пособие штыков, прошу вас не иметь попечения о моем самохранении». Эти слова так сильно подействовали на массы народные, что на место знаков и действий недогования ему отвечал народ громкими рукоплесканиями, и народ тихо поодиночке разошелся. Хвала тому краю, где есть убеждение [в] такой силе законов!

Как я выше сказал, при объявлении Mutiny bill введено было усиление войск в Лондоне, и этот род военного положения, к чести правительства, ничего не изменившего в личной свободе каждого, а только рассеивал скопища и то не оружием, а просто разъездами конных патрулей, и, напирая грудью лошадей на собравшихся, рассеивали их. Ругательства черни войску нимаго не выводили оное из терпения, но при отбое черни иль натиска делом, а не словами войско имеет право действовать оружием, но сколь мне известно, ни разу не случилось в том нужды.

Другая личность, о которой я упомянул, это был сэр Роберт Вильсон, и буду говорить о нем, не следуя по данным происшествиям, а вкпе разных происшествий моих с ним. Раз, шедши по Пэл-Мэл (местность лондонская), я слышу голос, мне кричавший: «Wolkonsky, Wolkonsky», — и, сойдясь с ним, он мне говорит: «Savez vous la grande nouvelle: чертова кукла а débarqué en France»^{156*}. Я сейчас вспомнил, что он во время его пребывания в русской армии так называл Наполеона. Это в то время непонятное, вовсе неожиданное происшествие вскоре было

^{156*} Знаете ли вы важную новость: ... высадилась во Франции (фр.).

подтверждено газетами, и хотя я не знал английского языка, но по наименованию городов я уже видел, что Наполеон быстрыми шагами шел вперед. Убедившись, что он уже занял Лион, я решил быть свидетелем этих событий и решил ехать в Париж и быть свидетелем всего происходящего. Отъезд мой и все происшедшее по оному опишу в статье о сношениях моих с графом Ливеном, а здесь буду продолжать мои сношения уже по возврате из Франции опять в Англию. Само собою разумеется, что возврат Наполеона и принятые им опять бразды правления сильно подействовали на политические партии Англии, смотря по направлению оных. Оппозиция старалась воспользоваться этим случаем, чтоб свергнуть министерство, и искала сведений для обсуждения обстоятельств, и тут сэр Роберт Вильсон, состоя в оппозиционной партии, предложил мне познакомить меня с лордом Греем, с лордом Лаудердалем, с лордом Ленсдауном^{157*}, все члены оппозиции⁴⁹⁰. Этот круг тогдашних знаменитостей и вход к ним не мог не заинтересовать меня, и я поддался на его предложение. Быть слушателем их суждений, иметь чрез них способ ко входу в прениях палат при обстоятельствах, столь замечательных,— все это увлекло меня на это знакомство. Быв приглашен на обеды, я, однако ж, заметил, что учтивость этих господ ко мне имела еще другую цель — это выведать от меня сведения о состоянии нашей армии, о большей или меньшей возможности скоро прийти к границам Франции, о намерении нашего правительства при предстоящей борьбе, об общем мнении моих соотечественников по вновь возникавшим вопросам. И, имея в виду, что всякое слово, мною сказанное, не только будет моими слушателями принято в соображение, но того и смотри, что передано будет во всеуслышание — в парламент, я, чтоб не отвечать пред государем за болтовню, был очень осторожен, так что не попался в устроенную не против меня, а против долга моего ловушку и кое-как удачно так отыгрался, что и, не выказав боязни против них, я, однако ж, не вполне отвечая на их ожидания и сохранив их расположение, успел чрез них не раз иметь вход в заседания парламента. В одном из этих посещений слышал большие упреки брату моему Репнину, который, быв со времени Лейпцигской битвы правителем Саксонии, в то время сдавал часть этого

^{157*} В оригинале ошибочно: Лаунсдоном.

королевства по решению Венского конгресса во владение Пруссии.

Теперь обращаюсь к сношениям моим с графом Ливеном, который оказывал мне расположение. Через него я был представлен к принцу-регенту. При этом представлении был я соглядатаем двух особенностей, которые остались живы в моей памяти: это прием принцем-регентом депутации от квакеров⁴⁹¹ и представление ему сэра Роберта Вильсона.

Квакеры по их религиозным убеждениям не снимают шляп в честь земных владык; как же этот обычай сохранить при представлении к правителю края? Вот оно: квакерам при выпуске в приемную к царю, при пропуске в дверь, *les huissiers*^{158*} снимали с них шляпы, а при выходе из представления шляпы эти *huissiers* надевают на их головы, и так они не снимают сами шляп, а представляются к королю с обнаженными головами.

Представление же сэра Роберта Вильсона также имело, по крайней мере для меня, замечательную особенность. Всякий англичанин обязан при представлении к рукоцелованию короля, что он должен делать, став на одно колено^{159*}. И это под присмотром герольдмейстеров Черного жезла⁴⁹², которые покачивали жезл над головой допущенного к аудиенции. Именно в такой момент я увидел сэра Роберта Вильсона, преклонившего колено и целующего руку принца-регента, а некоторое время спустя он, как представитель оппозиции, метал гром и молнию против существующего правительства. Странное смешение средневековых обычаев и свободы, дарованной Великой хартией вольностей и после нее.

А теперь я собираюсь говорить о графе Ливене и немного о себе. Наш посланник жил открыто; его жена, женщина светская и умная, сделала свой салон собранием сливок лондонского высшего света и правительственной элиты. Я несколько раз присутствовал на этих собраниях, где английский стиль жизни и церемониал приема гостей соблюдался точнейшим образом.

Как я говорил выше, после того, как я узнал о первых успехах Наполеона, появление которого само по себе уже было событием, о его триумфальном шествии, сопровож-

^{158*} Здесь: церемониймейстеры (фр.).

^{159*} Далее по-французски.

даемом восторженными кликами народа, о войсках, присоединившихся к нему в Гренобле и в Лионе, и возможные последствия всего этого, привели меня к решению стать непосредственным свидетелем этих событий. И потому в одно прекрасное утро я предстал пред нашим посланником и попросил выдать мне визу во Францию. Граф был совершенно ошеломлен моей просьбой, посмотрел на меня широко открытыми глазами и, наконец, сказал: «Что вы собираетесь делать, князь, все иностранцы, какой бы национальности они ни были, покидают Францию, видя, что там творится, а вы хотите туда ехать?» Я ему ответил тогда: «Граф, возможно, именно это бегство и является причиной того, что я намерен туда отправиться. События, там происходящие, достойны изучения как для меня лично, так и в интересах служения государю. Как частное лицо я могу с легкостью осуществить это. Я их изучу, в какую бы сторону ни клонилась фортуна». Он мне ответил: «Но подумайте, князь, о последствиях, к которым это может привести, о том, как посмотрит на это государь, его мнение может быть не в вашу пользу». Я ему ответил тогда: «Граф, я надеюсь быть полезным его величеству, собрав все сведения. Вполне возможно, что произойдет столкновение, тогда я последую за королевским двором». И в заключение я сказал графу: «Решение принято, я поеду во Францию. И не сердитесь, граф, но смею заметить, что в Англии я на правах путешественника, и ваша виза мне не требуется, но если появлюсь во Франции без паспорта, засвидетельствованного вами, мое положение будет сомнительным — я могу оказаться под подозрением. Меня, генерала на службе его императорского величества, могут подвергнуть преследованиям, и это нанесет урон чести русского мундира». После этой тирады, которая доказала ему, что решение мною принято, граф сказал: «Ну что ж, князь, вы так упорствуете в своем решении, несмотря на все мои доводы, что я подпишу ваш паспорт; но знайте, князь, я доложу государю, что употребил все свое красноречие, чтобы убедить вас изменить свои намерения, и вам не следует меня упрекать, если это навлечет на вас неприятности». Позднее я узнал, что император Александр, когда ему стало известно о моем отъезде, сказал: «Я могу понять, что месье Серж (так он называл меня в отличие от других членов нашей семьи, которые входили в его военную свиту) захотелось самому посмотреть, что творится

во Франции, но если он при свойственной ему горячности возьмется за какое-нибудь поручение от Наполеона ко мне^{160*} — прямо в Петропавловскую крепость». Как не заметить, что хоть не по этому обстоятельству, но гораздо позже и по другим причинам я не избежал этого почетного помещения и с последствиями, более значительными для всего моего быта.

Получив паспорт, без замедления я в путь, на другой же день ступил пятой на материк Франции и без замедления в Париж. Навстречу мне видел многих соотечественников, оставляющих Францию от испуга могущих быть беспорядков уже по предвиденному неминуемо обороту, но я все-таки продолжал путь и при весьма поспешном переезде достиг до Парижа.

Волнение в оном приняло уже пространный объем. Переход Нея со всем начальством его войск уже обрисовывал точное положение Бурбонов, и хоть негласно, но уже принимались меры предварительные к их бегству. Я приехал в Париж накануне того дня, в который принцы королевской фамилии в созванной тогда наскоро палате депутатов решали присягнуть хартии, дарованной Людовиком XVIII при возврате во Францию после Фонтенблосского отречения. До того времени, несмотря на присягу короля соблюдать хартию, принцы первой линии противились даже этой присяги ими. Тут же они на это решились, полагая, что этой мерой они как бы сродняются с народом. Но эта комедия никого не обманула, как мы вскоре это увидим.

Само собой разумеется, что, приехав в Париж, чтоб следить возрождающиеся обстоятельства политические, моим дневником были ежедневные события, и, зная, что в заседании палаты депутатов принцы будут присягать хартии, я поспешил к зданию палаты депутатов, чтоб попытать вход в оную. Тут я встретил знакомого мне по встречам у герцогини Сен-Ле французского дипломатического чиновника Latour Maubourg⁴⁹³, который как депутат имел право впуска меня. Принцы дали присягу хартии, и хоть роялистские партии старались рукоплесканиями придать этому факту великое значение, но глубокое молчание некоторых членов народной партии и, можно сказать, еще вящее молчание скопища народа, собравшегося вне здания.

^{160*} Конец французского текста.

давали всей этой проделке не торжественный, а более погребальный вид.

На другой день, сколько мне помнится, был смотр на Марсовом поле роду дворянской гвардии королевской, называемой *les quatres compagnies nobles*^{161*}. Я на этот смотр отправился в кабриолете и имел спутником Кривцова — безногого⁴⁹⁴. Надо сказать, что состав этой гвардии был на странных основаниях. Каждая рота составляла до 1000 человек, а лошадей было на роту только 250, может, ошибаюсь в цифрах, но не в отношении от одного против другого. Причисление в эти роты сопряжено было со значительным жалованьем, и поэтому вся голь прежней эмиграции туда наперерыв поступала. Служба их была дворцовая, очередная, более почетная. Но как в настоящем случае это странное войско предназначалось к защите и со всех сторон Франции наплывали эти престарелые чучела, по виду прямые дон Кихоты и которых народ не иначе называл как *les voltigeurs de Louis XV*^{162*495}, то, чтоб показать свое рвение, они спешили восседать на коней, и тут ни ранжира, ни пригонки стремян не было соблюдено, просто не войско, а бог весть что за комический сбор. Но кое-как выстроились, Людовик XVIII объехал их, сидя в карете, и потом мимо народа, скопившегося на Марсовом поле. Народ принял его так молчаливо, с таким равнодушием, что Кривцов и я весьма неосторожно закричали: «*Vive le Roi!*»^{163*}, полагая, что звук этого возгласа будет принят народом тем же возгласом. Но на место того наши два голоса одиноко раздалось, что нас поставило в затруднительное положение, чтоб избегнуть оно, мы поспешили убраться.

В этот день была от короля прокламация: «*qu'il s'enterrerait sous les décombres de Paris, qu'il défendrait contre l'usurpateur et appelait tous ses fidèles a se rendre à Ville Juive armés et prêts pour la défense du trône et de l'autel*»^{164*}. Но это была лишь маска настоящего

161* Четыре дворянские роты (фр.).

162* Вольтижеры Людовика XV (фр.).

163* Да здравствует король (фр.).

164* Что он готов быть погребенным под развалинами Парижа, который он будет защищать от узурпатора, и что он призывает всех своих верноподданных собраться с оружием в руках в Виль-Жюиве (предместье Парижа.—Сост.), готовыми к защите трона и алтаря (фр.). Часть фразы — «*se rendre à Ville Juive armés*» — отсутствует в предшествующих изданиях.

намерения к побегу, и хотя было объявление, что 18 марта будет в Тюильрийском дворце *un lever royal*^{165*}, с ночи 18 на 19, сколько упомяну, король и вся королевская фамилия в сопровождении этой гвардейской почетной гвардии и некоторых войск, оставшихся верными, направили путь на Lille к границам Бельгии.

Коль скоро бегство короля было известно, Lavalette⁴⁹⁵, бывший главноуправляющий почтовым ведомством, принял бразды правления этого ведомства самовластно, чтоб иметь возможность направлять все сношения со всей внутренностью Франции. И того же 19-го марта вздернут был над Тюильрийским дворцом взамен белого флага королевского, ненавистного французам, трехцветный имперский, столь близкий к сердцам новой Франции и вспоминавший каждому и эпоху политического возрождения страны, и столь великих подвигов, и славы войска.

Это суточное междуцарствие, хотя и таковым его нельзя назвать, потому что силою обстоятельств все уже приняло прежний имперский быт, уже совершенно изменилось [с] приездом просто на почтовых, с малым конвоем, Наполеона 20-го марта. Я целый день на площади Карусель ждал его приезда из любопытства, но как смерклось, удалился, из глупой какой-то осторожности, полагая, что может быть *une effervescence populaire*^{166*}, но потом мне рассказывали, что он по приезде в Тюильри был вынесен и внесен на руках при громогласных восклицаниях во дворец.

На другой день я поспешил в Тюильрийский сад рано утром и поэтому мог занять место под самыми окошками занимаемых Наполеоном комнат, и как эти комнаты были *au rez-de-chaussée*^{167*}, то все происходящее внутри мог я следить совершенно отчетливо.

К утреннему приему в передовых комнатах собрались все начальствующие категории разных управлений, но первыми, пущенными к представлению, были l'Institut de France^{168*}, и как при этом не сказать, что Наполеон понимал свой век и что этим предпочтением представителей главных ученых Франции он выказывал, что заслуга ума есть даровитость не сословная, а национальная.

165* Королевский утренний выход (фр.).

166* Брожение в народе (фр.).

167* В нижнем этаже (фр.).

168* Французская академия (фр.).

Я потом не раз ходил к Тюильрийскому дворцу, перед которым ежедневно толпился народ, и как *les gamins de Paris*^{169*} умеют из всего выводить себе барыш, то вспоминаю их тогдашние проделки. И вот что я слышал собственными ушами: «*Qui veut voir l'Empereur? l'Empereur pour trois sous!*»^{170*} и, получив от нескольких лиц эту плату, [начинали] *crier à tue-tête*: «*Vive l'Empereur! Vive le roi de Rome! Vive le général Bertrand!*»^{171*497} и до того не перестанут кричать, пока Наполеон не выйдет на балкон. Уже эти крики как общий гул во всей массе народа, и вследствие этого явится Наполеон на балкон и всегда в сопровождении Бертрана и часто требовавшегося по сцене, этого верного ему друга, теперь в бесславии Эльбы и потом — в жестоком изгнании на острове святой Елены.

Я ежедневно ходил и по несколько раз в день перед Тюильри и видел то же увлечение народной радости и перед дворцом и во всех общественных сходках. Раз я шел по бульвару *des Italiens* с поверенным наших дел Бутягиным⁴⁹⁸ (но с входа в Париж Наполеона он сам себя не почитал агентом от своего правительства), и, прогуливаясь по бульвару, мы встречаем Лабедуайера⁴⁹⁹, известного в эту эпоху переходом с командуемым им полком к Наполеону в Гренобле. Я с ним встречался у герцогини Сен-Ле, а с Бутягиным он был и давно знаком и дружен. При встрече с нами он нам сказал: «*Que direz-vous, messieurs, des événements du jour? de l'enthousiasme national pour l'Empereur? Je suis pour quelque chose dans ce retour, mais je puis vous assurer que si l'Empereur tenterait de redevenir de nouveau le tyran de la France, je serais le premier à lui donner un coup de poignard*»^{172*}. Это я сообщил как тип чистоты чувств этого лица, вскоре павшего жертвою за то, что делил со всею Францией.

Перед последним днем моего пребывания в Париже

^{169*} Парижские мальчишки (фр.).

^{170*} Кто хочет увидеть императора? Императора за 3 су (фр.).

^{171*} Кричать во все горло: «Да здравствует император! Да здравствует римский король! Да здравствует генерал Бертран» (фр.).

^{172*} Что скажете, господа, о сегодняшних событиях? О всенародном воодушевлении, с которым был встречен император? Я немного причастен к его возвращению, но смею вас заверить, что если император вновь попытается стать тираном Франции, я буду первым, кто вонзит в него кинжал (фр.).

в эту эпоху я присутствовал на смотре Наполеоном прибывшей в Париж из Меца старой гвардии и примкнутых к ней гвардейцев, прибывших с Эльбы с Наполеоном, равномерно оттуда же прибывшего эскадрона польских улан, сопровождавших Наполеона на остров Эльбу. Живо мне помнится это зрелище: войска были сомкнутой колонной тесно поставлены, пехота между решеткой тюильрийской и дворцом, а кавалерия и пехота на площади за решеткой. Толпа народа стояла по <нрзб.> стороны решетки. Эти воины, оставшиеся обломки столь многочисленных побед и столь редких поражений, невольно врождали во мне должное к ним уважение. Вскоре после устройства войск вышел со свитой Наполеон и сел на коня. Едва завиднелся конь, громогласный общий гул с неописанным увлечением потряс воздух восклицаниями: *Vive l'Empereur!*^{173*}, а гвардейцы, наткнув свои медвежьи шапки на ружья, как бы в один темп, но без командного слова волновали воздух ими. Этот знак восторженности, этот гул преданности не может быть достойно описан, а на меня произвел очаровательное влияние, но вскоре войска стали опять в стройную позицию, и Наполеон со свитой верхом начал проезжать по шеренгам шагом, и по миновании одной шеренги они подвигались вперед, а император проезжал следующую, и так далее. Во время этого проезда по шеренгам часто выходили из оных солдаты, взяв ружье с караула на плечо, и потом, сделав опять на караул, представляли императору прошение, которое он сам принимал и передавал дежурному адъютанту, и как прежде, так и теперь по поданным прошениям на другой день всегда проситель получал ответ удовлетворительный или отказ, смотря по обсуждению самим императором просьбы.

Таким образом Наполеон проехал все шеренги и, наконец, проехал мимо решетки, за которой стоял народ, и я в том счету. Проехал шагом и по обычаю своему малым нагибом головы кланялся народу, который ему отвечал громкими возгласами. Я, заглядевшись на него, позабыл снять шляпу, как услышал около себя крик: «*M-g l'étranger, à bas le chapeau!*»^{174*}, что и сделал. Вообще все приверженцы Наполеона тогда надевали *un bouquet de violettes à leurs boutonnières*^{175*}, и я, чтоб не быть узанным, то

^{173*} Да здравствует император (фр.).

^{174*} Господин иностранец, долой шляпу (фр.).

^{175*} Букетик фиалок в свои петлицы (фр.).

же делал, но не помешало это, чтоб я не был признан ими за соотечественника. Если бы хоть один возымел намерение покуситься на жизнь его, очень легко бы мог это совершить, но, кроме общего восторга, ничего не слышал, не видел. Оговорюсь, однако ж, когда проезжал Наполеон, то какой-то из присутствующих, хоть не во весь голос, но так, что я мог слышать, сказал: «*Tout ce qu'on voit ici fait verser des larmes de sang*»^{176*}. Этот человек был в простонародной голубой рубашке (*blouse*), но по изысканному его рассуждению полагаю, что это был переодетый легитимист.

Во все время восьмидневного пребывания в Париже я только эти слова слышал не на уровень общего восторга.

Но рассказ мой об этой эпохе теперь прекращу, а всякий имеющий желание иметь верное понятие о Ста днях, то советую им взять описание Ста дней (*les Cent jours*) par Fleury de Chaboulon⁵⁰⁰, кажется, камердинера Наполеона, и по совести скажу, что те восемь дней, которым я был свидетель, рассказаны точно.

После описания обстоятельств, столь замечательных, я поневоле должен сказать несколько слов о мерах, принятых мною.

При обороте дел по случаю возвращения Наполеона с Эльбы мне оставаться в Париже как служебному лицу было подвергать себя ответственности, в чем я еще более убедился вследствие вопроса мною у российского поверенного в делах Франции Бутягина. На спрос мой, чтоб он заявил мой паспорт в посольство, он мне отвечал, что звание его прекращается при перемене образа правительств и поэтому не может удовлетворить моей просьбы.

Это меня понудило прямо обратиться в французское министерство иностранных дел с просьбой заявить на моем паспорте право выезда. Я сам пошел в министерство и объявил о моем желании, мне отвечали: «*Nous sommes si occupés pour délivrer les passeports aux émigrés qui ne sont pas en légalité pour leur séjours en France, que nous vous prions de passer dans trois jours*»^{177*}. Не знаю, было ли это уловкой, чтоб получить разрешение о исполне-

^{176*} Все, что здесь происходит, заставляет проливать кровавые слезы (фр.).

^{177*} Мы столь заняты выдачей паспортов эмигрантам, которые пребывают во Франции нелегально, что просим вас подождать три дня (фр.).

нии по моей просьбе, или оговорка была справедливою. Что клонит меня к первому воззрению, это то, что на другой день после моего посещения я получил приглашение de la part de m-lle Cochelet^{178*} (о которой я уже говорил) посетить ее. На ее зов я явился к ней, и вот что она мне сказала: «L'Empereur a appris que vous désirez sortir de France, vous en êtes le maître, mais il a chargé la reine Hortense de vous assurer qu'il ne suppose pas une conflagration entre les puissances, réunies au congrès de Vienne, et lui, mais en cas même que cela ait lieu, les étrangers pourraient même alors sortir de France sans moindre difficulté. Je suis chargée (dit m-lle Cochelet) de vous en prévenir de la part de la reine qui le fait au nom de l'Empereur»^{179*}. Поблагодарив, я попросил ее тоже сделать от меня королеве; я уверил ее, что частные мои обстоятельства вынуждают меня выехать, но что я поистине признателен за соучастие ко мне. В назначенный день я опять пошел в министерство иностранных дел, и по моей просьбе было отмечено о праве выезда из Франции, но общим распоряжением было ехавшим в Англию, а это был мой путь, не иначе ехать, как на Dieppe, а в материк Европы — на Базель. Это распоряжение имело основанием отдалить иностранцев от соглядаяния движения войск к границам Бельгии, Германии и Италии.

Итак, мой выезд был решен, и я вывез с собой находящихся на службе в Париже при больных русских чинах военных, еще оставшихся во Франции, доктора Арента⁵⁰¹, потом столь знаменитого по своему званию, Преображенского полка поручика Хвощинского, Семеновского — Будницкого⁵⁰² и не помню фамилии еще обер-офицера Измайловского полка, которых по прибытии в Лондон отправил в Петербург, имея на выезд русских военных чиновников присланными деньги от к[нязя] П[етра] М[ихайловича] Волконского.

Взяв направление, назначенное мне, на Dieppe, по

^{178*} От мадмуазель Кошле (фр.).

^{179*} Императору стало известно, что вы желаете покинуть Францию, это в вашей воле; но он поручил королеве Гортензии уверить вас, что он не предвидит возникновения конфликта между державами — участницами Венского конгресса и им. Но даже если бы это имело место, иностранцы и тогда могли бы выезжать из Франции без малейших затруднений. Королева поручила мне (сказала мадмуазель Кошле) предупредить вас об этом от имени императора (фр.).

приезде туда, я взял место на пассажирском английском судне для меня и для вышеозначенных лиц и еще имел от частного лица поручение, от Александры Петровны Жеребцовой⁵⁰³, вывезти ее родственницу, оставленную ею в Париже.

Но прежде описания моего переезда в Англию должен засвидетельствовать, что восторженность к Наполеону, выказанная мною в парижском населении, та же была и в пути (тогда еще не было железных дорог, по которым мчишься без сообщения с народностью), и та же восторженность и в самом городе Dieppe.

Сев с путниками на пакетбот при погоде довольно бурной и при полной темноте, вышли мы из порта, и нас немилосердно качало (тогда еще не ходили пароходы), и при этой темноте чуть-чуть не столкнулся наш пакетбот с военным английским кораблем, и этот корабль был «Беллерофонт»⁵⁰⁴, тот самый, который после Ватерлоо пленил Наполеона при попытке его уехать в Америку. Поспешность Англии выслать крейсера и наблюдать за морскими берегами Франции, не теряя времени, доказывает, как возврат Наполеона во Францию не был по вкусу принцу-регенту и министерству.

Плаванье наше продолжалось менее суток, закачало нас всех в волне, все лежали больными и при мне бывшая легавая собака тоже. Но тогда как нам не был в виду берег, вдруг мой пес стал веселее, стал ласкаться около меня, и на мое удивление от этой в нем перемены мне моряки сказали, [что], вероятно, мы близко от берега, собака чутьем это чувствует. И точно, вскоре нам открылся берег Англии, и мы причалили в Брейтоне (Breyton).

Вступив на берег, как я уже сказал при первой моей поездке в Англию, те же были придирки таможенной стражи, но уже по опыту я знал, как от них отделяться. При осмотре моих вещей не могло выйти какой-либо придирки, кроме бриллиантовых уборов, которые мне были [поручены] Жеребцовой вывезти из Парижа, ей принадлежавшие. Я еще в Париже, что называется еgin^{180*}, запечатал в конверт с печатями моей фамилии, но как в одной орел и ангел, я уверил таможенных чиновников, что это пакет из русского посольства, что могут удостовериться по адресу и <нрзб.> будто бы печать государственная.

^{180*} Футляр (фр.).

Моя штука вполне удалась, и, к крайнему моему удовольствию, я безнаказанно провез значительной ценности бриллианты и вручил их владельнице.

Прибыв в Лондон, я узнал о всем том, что решено было в Венском конгрессе насчет Наполеона и Франции, узнал о движении наших войск, и, рассчитывая время прихода их к Рейну, я остался в Лондоне с тем, чтоб выехать уже к тому времени, как армии соберутся.

Это пребывание продолжалось с месяц и более, кажется, и время было занимательное и по ежедневным известиям с материка европейского, и по прениям в обеих палатах.

Припомню некоторые обстоятельства, лично до меня относящиеся, хоть не замечательные, но для меня памятные.

Старый мой знакомый сэр Роберт Вильсон, принадлежавший тогда к оппозиции, часто меня посещал и старался выведать подробности, относящиеся до средств и, возможно, временности войск русских, и в этом, я полагаю, предположении привозил мне зовы на обеды к главным членам тогдашней оппозиции: лорду Грею, лорду Ленсдауну, лорду Лаудердалю.

Я поддавался на эти зовы из приличия, учтивости, но программа моих сообщений на делаемые мне вопросы была заранее мною приготовлена, так что ничего более не сообщал, что известно было из официальных источников. Эти меры были необходимостью охранения себя, а не то так и смотри, что брякнут мое имя и мои слова в жару какого-либо публичного прения, а тогда мне отвечать перед Алек[сандром] Павл[овичем].

Я помню, что раз, бывши на заседании палаты пэров, ужасные были нападки от членов оппозиции на действия брата моего Репнина при сдаче отторженных от Кор[олевства] Саксонского округов во владение Пруссии⁵⁰⁵.

Мало-помалу время текло, и наконец пришла и мне пора выехать. Недолги были сборы, и я выехал из Лондона на Гарич и оттуда на Гельвет Шлюз. Плавание мое было в большой компании и продолжалось за безветрием почти три дня. Не знаю, что определить худшим [для] езды на парусном судне, бурная ли погода или штиль. С бурей хоть качает, но если попутный ветер, то несемса как стрела. Но при штиле томительное бездействие, просто хандре невольню предаешься.

Прибыв в Гельвет Шлюз, передовой порт Роттердама, мы вышли на берег в Роттердаме. Я впервые посетил Голландию. Невольно изумлялся, едуци из Роттердама в Амстердам, и богатству, довольствию народонаселения, и силе воли человеческой, отвоевавшей у пучины вод пространные землевладения, и чем? — камышовыми заборами, тынами, наблюдательно поддерживаемыми. Амстердам для русского имеет некоторую занимательность по преданию о Петре. Я был и в Саардаме, где, можно сказать, собственным топорным трудом изучил Петр кораблестроение, и так справедливо к нему относится последующая флотская России сила, ознаменовавшая себя многими морскими победами, и даже при грустном Севастопольском событии, ознаменованном славой русских моряков⁵⁰⁶. Из Амстердама мой путь шел на Гарлем, столь знаменитый садоводством, где я посетил заведение садовника Ван-Эдена⁵⁰⁷, а потом чрез Берген на Цооме^{181*} — в Антверпен. Тут я уже увидел рать английскую, готовую к бою.

С Антверпена начинается, сколько помню, рубеж плодородной Бельгии, совершенно имеющей различный тип местности с Голландией. Наконец приехал в Брюссель, где еще более видно военных приготовлений, и, пробыв там несколько суток, наконец прибыл во Франкфурт-на-Майне, опередив несколькими неделями прибытие русских войск.

В эпоху этого приезда моего во Франкфурт общее германское чувство было противно вновь водворившемуся порядку во Франции. Гнет над Германией владычества Наполеона I-го был еще свеж [в] памяти, еще Германия не была разочарована в неисполненных впоследствии обещаниях германскому народу от правителя, самонадеянность была сильна надеждой по достигнутому победой в 1814 году занятием Парижа и отречением от престола Наполеона. Это, так можно сказать, ненормальное положение умов и чувств в Германии придало и Франкфурту оный вид. Приехав в этот город, когда еще и ни одного русского не было, ведя праздную жизнь в трактире, я познакомился à la table d'hôte^{182*} со многими местными негоциантами и поэтому мог следить за их убеждениями. Наконец, прибыл один русский, полковник Гейсмар⁵⁰⁸, старый дунайский мой сослуживец. Встреча двух бивачных товарищей обык-

^{181*} В оригинале ошибочно: Бергольц.

^{182*} За общим столом (фр.).

новенно кончается попойкой, и это было за ужином в общей зале, к нам примкнули и немцы и между ними купец, который скупил весь набор вин в 1811 году из известного виноградника *Johannisberg*. Потчевание присутствующих немцев началось с нашей стороны, потом тем же потчеванием отплачивали и они, вскоре хмель сломил нас всех, и мой вышеозначенный немец, отклоняя уже всякую обычную немецкую расчетливость, послал к себе в дом взять заветного вина, и по осушении принесенных при немецкой аккуратности в корзинах по шести бутылок повторялась эта посылка несколько раз, и осушивали мы оные до тех пор, что уже не в силах были поднять рюмку ко рту. Описание этой попойки поместил я здесь не то, что в ней что-либо замечательное, но как предостережение от излишнего употребления рейнвейна, даже и известного *Johannisberg*, или *Scholswein* (как теперь его называют). Дошел или донесли меня в мой № после этой попойки, продолжавшейся целую ночь, не помню, но могу в наставление другим дать совет не брать меня в пример, потому что хоть и не раз мне случалось в юные бойкие мои годы участвовать в попойках, но после описанной мною я был не свой целых три дня, голова постоянно трещала, и долго один запах рейнвейна был мне противен.

Но пора возвратиться к рассказу не своих шалостей, а к общему ходу обстоятельств. Вскоре начали вступать русские войска во Франкфурт, и прибыла Глав[ная] квар[тира] главнокомандующего, и сам Барклай де Толли. Тут я узнал о назначении барона Винценгероде корпусным командиром 2-го резер[вного] корпуса и меня начальником штаба при нем. Вскоре прибыл и сам Винценгероде, я явился к старому моему столь уважаемому мною начальнику и благодетелю, оба мы занялись покупкою верховых для себя лошадей и всего того, что нужно к обеспечению наших нужд в предстоящей кампании. Тут мы и узнали, что Главная квартира союзных государей и их личное присутствие уже воспоследовало в Гейдельберге. Винценгероде и я поехали в этот город. Всякая Главная квартира, а особенно царская, имеет обычный элемент дворцовых интриг или частных *coteries*^{183*}. Тут то же и было, ни по ничтожеству моего служебного звания, ни по общему моему взгляду не было ни причины, ни наклонно-

183* Кружков, компаний (фр.).

сти участвовать в оных, а по родственной моей связи с кн[язем] Петр[ом] Михайловичем и по знакомству со многими лицами я мог все это следить и изучать. Жалки эти царедворцы, поворачивающиеся туда, куда ветер дует, не принимающие ни во что ни свои убеждения, ни собственное свое достоинство и перед другими, и перед самими собой. Недель около двух я прожил там, в бесцветных собственных занятиях, бродил в окрестностях, посещал известную бочку, в которой на пространстве мог внутри ставиться стол и четыре игрока на вист или бостон; бочку, некогда полную вина, но ныне пустую, ибо вино было выпито еще при первом вторжении при революции французских войск в Германию. Бродил я и по общему сосредоточию гуляющих в полдень тунеядцев, чиновников Главной квартиры, между которыми дипломаты выказывали себя записными героями, витязями. Все это казалось мне не скажу странным, но как-то неприличным, как вдруг в один день выказался явный упадок духа во всех этих лжевыказывающихся героях. Вскоре я узнал, что прибыл из армии Блюхера посланный туда ген[ерал]-май[ор] Толь для присутствия и отчета действий этой армии. Он прибыл с известием о поражении прусских войск в сражении при Fleugus, где эти войска наголову были разбиты Наполеоном с большою потерей и принуждены были отступить в беспорядке. Неожиданный исход первой битвы произвел всеобщий упадок духа среди этих царедворцев, считавших до этого происшествия себя *les arbitres des destinées et des événements*^{184*}, с полным презрением о них и теперь вспоминаю. Но этот упадок духа продолжался не более суток; вслед за известием о поражении прусских войск при Флерюсе пришло донесение от Поццо ди Борго⁵⁰⁹, состоящего комиссаром от императора Александра, о поражении Наполеона Веллингтоном⁵¹⁰ при Ватерлоо, и при этом известии эти же накануне упавшие духом лица приняли опять свой вид нахальной самонадеянности. Но довольно о них; буду следить бегло происшествия, которым был соглядатаем.

Русские, австрийские и немецкой конфедерации войска вторгнулись в пределы Франции, и как французские войска, против нас расположенные, ни по численности, равно и вследствие претерпенного поражения под Ватерлоо долж-

^{184*} Властителями судеб и событий (фр.).

ны без боя стянуться к пораженной армии, оставив гарнизоны в крепостях, армия и 2-й резервный кавалерийский корпус, просто без всяких стычек, мирными переходами направлены были к Парижу. Во все это шествие произошла только одна незначительная стычка между квартирьерами Главной царской [квартиры] и партизанским французским отрядом, в которой начальствующий квартирьер Генерального штаба офицер Лев Перовский был ранен в ногу, так что во все кратковременное продолжение 1815 года кампании одного лица была обогрета русскою кровью земля Франции.

Где русские войска и наш 2-й кавалерийский корпус мирно перешли рубеж границы французской, не помню, но памятно мне было, что мы проходили мимо *Toul et Verdun* — занятые крепости французскими гарнизонами, которые были не в силах нам противиться.

При этом мирном шествии передовой от армии отряд под начальством генерал-адъютанта Чернышева подступил к городу Шалону, и не укрепленному и не занятому французскими войсками. Но при обычном шарлатанстве Чернышева он тут хотел опять повторить ту же его проказу, будто занял с бою Шалон, как это лживое донесение о *Cassel'e* (Касселе), и донес государю, что занял с бою Шалон, и прислал своего адъютанта Шепшинга с ключами города и с пышной реляцией о занятии им Шалона с бою. Этот город был перепутьем проезда императора Александра, и при встрече государя мэром города ему император высказал свое сожаление, что город должен был пострадать от боя, но что это обыкновенное последствие военных действий. Немало государь был удивлен, что градской глава (*le maire*) высказал ему, что боя никакого не было и что русский отряд взшел мирно в город. Это происшествие, если лучше сказать, немало удивило государя, было причиною временного негодования его на Чернышева, но вот в этот разряд людей, как Чернышев, эти встречи, недочеты как с гуся вода, умеют они подлостью заглаживать проступок, а между тем за лживое занятие с бою Шалона данное Чернышеву награждение (не упомяну какое)⁵¹¹ и звание флигель-адъютанта Шепшингу осталось при них.

Итак, мирными переходами достиг император и русская армия Парижа, уже занятого Веллингтоном и Блюхером.

Не имея никаких данных о занятии ими Парижа и

многими столь подробно описанного, невольно я без всяких объяснений поясню, что 2-й резервный кавалерийский корпус прибыл и совершенно мирно в Париж, и наши корпусные квартиры были в Gros-bois, поместье герцога Невшательского (Berthier), а корпус был расположен в тесных квартирах в окрестности со строгим предписанием без обидной стоянки жителям. Соседство Gros-bois от Парижа позволяло мне почти безвыездно жить в Париже.

Но прежде нежели описывать, чему я был свидетелем, сделаю малое отклонение по поводу Berthier. При первой Реставрации он, как многие из приближенных Наполеона, примкнул к Бурбонам. После происшествия 20-го марта 1815 года Бертье выехал из Франции и временно остановился в Барейте⁵¹². В это время проходила там Глав[ная] квартира Баркляя де Толли и проходил какой-то корпус русских войск парадом. При проходе войск мимо квартиры Бертье он стоял при открытом на втором этаже окне, и вдруг он свалился на улицу и поднят замертво. Что было причиною этого падения, обморок ли или умышленное желание к самоубийству при виде этих войск, шедших с вооруженною рукою на его родину, ни во время этого несчастного приключения, ни впоследствии, сколько мне известно, не пояснено, но чувство гражданина могло его склонить к самоубийству, и мне оно понятно.

Но обращусь к Парижу: об личной моей жизни в этом Вавилоне нравственном не было времени и нет охоты, да и к чему говорить, но о событиях как не упомянуть.

Политический быт Парижа уже был не тот, что при занятии этой столицы союзными войсками в 1814 году. Занятый англичанами и пруссаками до прибытия в оный императора Александра, тут уже не было беспристрастного попечительного охранения, выказанного им при первом занятии Парижа. Спесь, народное нерасположение англичан, заносчивость и мстительность пруссаков явно высказывались во всем, и город представлял чистый вид города, как это выражается в гражданском быте, осадного положения, хотя вместе с этими войсками воротились и Бурбоны. Всякая местная власть была подчинена прусскому или английскому надзору, а более всего прусскому, как уже сказал, мстительному. Постоянные патрули, постоянные меры военной предосторожности, и хотя с прибытием Александра это сверхъестественное положение немного

стало не столь обременительным, но все-таки было тяжкое для французов.

Первый наплыв к оскорблению народной гордости это было снятие с ворот решетки Тюильрийского дворца известной колесницы, снятой Наполеоном в Берлине с ворот Бранденбургских, и в тот же день вынесение из галереи Лувра всех тех художественных произведений, которые были похищены, не спорю, из разных мест Европы при завоевании местностей французскими войсками в течение почти четверти века. Конечно, эта плата была такою же монетою, но в художественном отношении, для пользы науки сосредоточие этих образцовых произведений в одном храме художеств, можно сказать, европейском, должно бы было иметь перевес, *et la générosité eut été plus noble que la vengeance, ce qui a été si noblement défendu en principe par l'Empereur Alexandre en 1814 г.*^{185*}

Мера эта, оскорбляющая народную гордость, не могла быть принята без военных предосторожностей, что доказывает насильственность оной. Все площади, улицы, прилегающие к Тюильри, к Лувру, были заняты прусскими войсками и артиллерией, готовыми к бою. Я из любопытства присутствовал при этой, не могу не высказать, печальной, погребальной искусству церемонии и видел, как подобно гробовому выносу исторгались из храма искусств европейского эти образцовые произведения для отправления в какой-либо закоульный монастырь, часто недоступный входу художника, или к какому-либо ненавистному герцогу Моденскому, а к этому злодею не только нога итальянца, но всякого честного человека почтет поносом вступить⁵¹³.

Другое политическое событие, которому я был свидетель, это суд Лабедуайера. При высадке Наполеона с острова Эльбы на материк Франции полковник Labe-douèге, квартирующий с командующим им пехотным полком, имел местопребывание в гор[оде] Гренобле. При шествии из Канн (Cannes) Grenoble был первый город и первое стройное <нрзб.> войско, им встречаемое. При виде бывшего императора, их вождя, по всей Европе водившего их от победы к победам, полк и полковник, быв-

^{185*} И великодушие было бы более благородно, нежели месть, как это было в принципе столь благородно защищаемо императором Александром в 1814 г. (фр.).

ший прежде при Империи адъютантом Наполеона, не только что [не] воспротивился шествию императора, но с восклицанием: «Да здравствует император!» — перешел в его пользу. Конечно, факт, подвергающийся опорочению при падении наполеоновского предприятия вследствие Ватерлоо. Но эту порочность Лабедуайер делил со всей Францией, принявшей с восторгом Наполеона. При вступлении Бурбонов вторично Лабедуайер был назначен в числе лиц, которые подлежали к суждению за измену, и, не успев укрыться за границу, был схвачен и привезен под стражей в Париж, и назначен был над ним военный уголовный суд.

Любопытство к предстоящему прению завлекло присутствовать при этом судебном деле, и, забравшись довольно рано, я имел удобство занять место посередине первой скамьи для присутствующих, так что по вводе подсудимого я <нрзб.> сидел за ним. В местах для почетных слушателей сидели, сколько упомяну, между многими другими ген[ерал]-адъютанты Ожаровский и Чернышев. Вхожу в эти подробности, как имеющие значение в отношении меня. Докладчик по суду прочел акт подсудимости, были выслушаны свидетели против и за подсудимого. В числе первых бригадный командир генерал, которого фамилию не упомяну, выказывал факты против Labedouère, не опирающиеся на положительныя данные, и как-то невольно выразил я возглас во всеуслышание: «Cela n'est pas net, cela n'est pas net!»^{186*}, а как всякая манифестация во время суда воспрещена, то мой возглас невольно обратил на меня внимание всех присутствующих. По закону президент суда имел право велеть меня вывести, но не знаю почему он этого не сделал, но мне это не сошло безнаказанно с рук от императора Александра, которому, вероятно, или Ожаровский или Чернышев о том донесли, о чем сообщу после, чтоб не прерывать повествование о судебном приговоре. После докладчика от короны говорил адвокат Лабедуайера с теплотой в защиту, когда ему возразили, что Лабедуайер изменник, то благородный юноша прервал речь защиты своего адвоката, сказал: «Нет, я не изменник, я мог ошибиться в воззрениях моих о счастье моей родины, но я не изменник. Ожидая неминуемого мне приговора смертной казни, одного желаю, чтоб еще грудные мои ре-

^{186*} Это неясно, это неясно (фр.).

бенки не носили укор, что их отец был изменник его и их отечества». Смертная казнь была провозглашена, и я, полон грустной этой вестью, поспешил к сестре моей к[нягине] С[офье] Г[ригорьевне] Волконской и к жене брата моего — Зинаиде Волконской, имевшей доступ к герцогине Ангулемской, чтоб склонить их ходатайствовать о помиловании Labedouère, и таковое же ходатайство и к многим значительным лицам. Все эти попытки не принесли никакой пользы; на другой день Labedouère был расстрелян, но хотя в совести и я и сестры мои можем сказать, что мы исполнили свой долг.

Я упоминал, что мой возглас не остался ненаказанным. Император А[лександр], узнав о моем возгласе публичном и, кроме того, получив в оригинале все письма моих сестер, доставленные ему от лиц, которым были адресованы, поручил к[нязю] П[етру] М[ихайловичу] выразить его негодование, сказав, что я не только сам, но и сестер увлек к недожным действиям и чтоб я перестал бы вмешиваться в дела Франции, а [обратился бы] к России. Исполнил ли я его предназначенье мне, это увидим в исходе повествования моей политической жизни^{187*}.

Настроение умов во Франции в это время было противное Бурбонам, но события слишком тяготели над народною гордостью. Преследования над всеми защитниками строя Империи, которые были только представителями общего порыва массы народной, еще более ожесточили оную. Во главе тех, которые подвергались преследованию, были Лавалетт и фельдмаршал Ней, нелишним полагаю нечто сообщить об этих двух личностях.

Лавалетт (Lavalette) был схвачен и посажен в тюрьму. Он был во время этих двух империй главным директором почтового управления и мерами по оному, конечно, способствовал водворению восстановления нового порядка при восстановлении Второй империи⁵¹⁴, провозгласив по всей пространности Франции воцарение нового правительства. Он в промежутке времени с отъезда Бурбонов до въезда Наполеона, т[о] е[сть] в промежутке трехдневном, par sa propre initiative^{188*} провозгласил оный, и в день отъезда короля и королевской фамилии водрузил на

^{187*} Слова «моей политической жизни» отсутствуют в предшествующих изданиях.

^{188*} По своей собственной инициативе (фр.).

Тюильрийском дворце императорский флаг, столь обожаемый, вопреки всем уверениям. Падшая империя, конечно, из гражданина, любящего свою родину, сделала его преступником в отношении вновь восстановленного ныне порядка, возведенного штыками союзных армий. Посаженный в тюрьму, назначен был над ним военный суд, но при содействии двух англичан — сэра Роберта Вильсона и Брюса⁵¹⁵ и при содействии жены Лавалетта он был исторгнут из тюрьмы и вывезен в Бельгию и тем спасен от приговора на смертную казнь⁵¹⁶. Все обстоятельства этого подробно объяснены в современных того времени всенародных известиях. Честь и слава двум англичанам и самоотверженному содействию, заслуживающему высокого уважения, madame Lavalette.

Ней не был столь же счастлив, хотя он успел выехать из Франции в Швейцарию, но он тайком опять въехал в пределы Франции для устройства своих семейных дел, был узнан, схвачен, привезен в Париж и предан как член палаты пэров уголовному суду. Приговор оного к смертной казни был уже по отъезде моем из Франции, подробно он описан в современных изданиях. Приговорили к смерти того, которого Франция, армия величали прозвищем *le brave des braves*^{189*} — это было непростительной ошибкой, отозвавшейся, обидевшей особенно армию. Нелишним считаю напомнить последние слова его во время его сужения, когда адвокат, защищавший его, хотел в защиту его вывести, что он уже не французский подданный, быв по рождению своему из Саарбрюкена (*Saarbrücken*), отошедшей местности из французских владений, то он остановил своего адвоката, сказав ему: «*Je suis français, et je saurai mourir français*»^{190*}. Невольно выскажу, что непонятно мне, как нашлись французские солдаты, которые могли согласиться стрелять в того, которого вся Франция и армия называли *le brave des braves* и который столь часто вел их к победам, не порочит ли это, что называется *l'obéissance passive du soldat*^{191*}. При этом еще скажу, что Ней, хотя и выведено на него, что он будто обещал привести Наполеона в клетке, что это ложный вымысел. Он принял командование войсками, посланными против

^{189*} Храбрейший из храбрых (фр.).

^{190*} Я француз и сумею умереть французом (фр.).

^{191*} Слепое повиновение солдата (фр.).

Наполеона, при заверении, что Наполеон не имеет общей поддержки в народе, в армии, чему противное оказалось, но, увидя противное, увлеченный общим порывом войск, в его начальство поступивших, он покорился необходимости. Ему оставалось или оставить поле врученного ему поручения, или примкнуть к общему желанию. Все это надо было принять в соображение и тем умалить его вину. Он выбрал долг гражданина — это ему неким образом в извинение, и должно сказать, что проступок свой, если признать его таковым, искупил замечательными последними словами последних минут его жизни⁵¹⁷.

В числе лиц, подвергнувшихся реакции, был и Сагпо⁵¹⁸, чистый и неизменный республиканец, тот, который управлял военным министерством, был из главных деятелей организации армии во время начала Французской революции, ознаменованной столькими победами, тот, который всенародно отказался признать империю Первую, тот, который примкнул к империи Второй при виде грозящего ей наплыва армий всей Европы. Как я слышал, он взят был императором Александром под личное его покровительство и был только помещен в число изгнанных из Франции.

Но от политических событий обращаюсь к событиям русской сферы дел — это к смотру сперва Гренадерского корпуса и 2-го кавалерийского корпуса в Париже и потом к смотру под Вертю.

Приключение со мною — был зашиб ноги при падении лошади подо мной с придворной конюшни — было для меня уловкой отклонения участвовать в этом смотре деятелем как официальное лицо, и я, прихрамывая, более по расчету, нежели по невозможности, как лицо военного звания, был просто зрителем, что для меня было приятнее и беззаботнее. Вся русская армия, бывшая во Франции в 1815 году, участвовала в этом смотре, на котором присутствовали все тогда налицо состоящие в Париже владыки государств в союзе против Франции, первые лица союзных войск и посторонние зрители, скопившиеся в эту эпоху в Париже. Смотр был замечателен стройностью движений, наружным видом войск: в первом отношении сосредоточение колонн, прибывших с разных направлений на назначенную им позицию, прием высочайших особ, сосредоточение всех войск в одну плотную массу, наконец, церемониальный марш — все это производилось так стройно, так

верно, что это было предметом удивления всех иностранцев-экспертов и вообще зрителей. Что же касается до наружного вида обмундирования, то на это в каждый полк было отпущено несколько тысяч франков, а сколько именно, не упомню; достало и в копейку полковым командирам, наверставшим впоследствии этот расход обчетом отчетности полковой, а иногда со грехом и в обиду нижним чинам. Таков был тогда быт русского солдата: снаружи, казалось, все гладко, глянцевито, чисто, а копни внутрь, то все шероховато, подмазано, а часто и гадко, бессовестливо. Но это все наша отечественная тайна, во многом ныне изменившаяся. Среди этой огромной равнины под Вертю возвышается род кургана, довольно просторного, высокого, против этого кургана неподалеку от подошвы оного все приглашенные — цари, владетели, вельможи разных стран и службы, все верхом, с огромными свитами, сосредоточились, и перед ними стройно начался церемониальный марш. Сам курган был, можно сказать, унизан частными любопытными зрителями обоих полов и всех наций. В числе знаменитых лиц, присутствующих приглашенных, был Веллингтон, и больше всех к нему обращалось внимание императора Александра. Стройность движений, отличная наружность всякого рода войск не остались без общей похвалы. Но вот анекдот, который доказывает, какой верный взгляд военный имел Веллингтон. Вся русская кавалерия была в полковом составе в шесть эскадронов. По случаю расстройства от войск, а может быть, от нерадения бывшего во время войны полк[ового] команд[ира] Владимирского уланского полка этот полк был в четырехэскадронном составе. Несмотря на скорость движения, на, так сказать, цельность церемониального марша и густоту оного, недочет двух эскадронов в этом полку не ускользнул от глаз Веллингтона, и он спросил у импер[атора] Алек[сандра] причину этого, а что сказано, мне неизвестно, но, вероятно, государь дал ответ не прямой по обстоятельствам, но придуманный для покрытия точной причины.

Не помнится, прежде ли Вертю или после был под самым Парижем смотр английской армии в честь союзных государей. Смотр состоял из примера сражения под Тулузой, сражения, по мнению англичан, выигранного над фельдм[аршалом] Даву⁵¹⁹ Веллингтоном, а по мнению французов, не проигранного ими, а последствия этого сражения

неясно выказались, потому что при исходе этого сражения получено было [известие о] совершившемся перевороте в Париже в марте месяце 1814 года⁵²⁰. Я присутствовал в свите государя на этом смотре, и что более всего обратило мое внимание, это не натяжка в одиночной стройности солдата, не принуждение движения в ногу, как у прочих европейских войск, а во многих случаях практичность. Вот пример этому: при промежутке какого-либо движения часть войска, приостановленная, не держится в строю на ногах, а просто в том составе, в котором застала ее приостановка движения, просто ложится на землю, чем охраняется усталость и что доказывает, что пригонка амуниции не обременительна. Практичность есть первое условие в военной организации, и эта практичность доведена ныне, т[о] е[сть] [в 186...^{192*} году до высокой степени во французской армии. Но, обращаясь к английской армии во время смотра под Парижем в 1815 году, замечу, что в английской армии кавалерии^{193*} при атаке нет этой гибельной привычки, чтоб по слову «стой! равняйся!» атакующая часть остановилась, как у нас добиваются, в струнку, что в лошадях и в седоках обращается в невольную привычку, и тем теряется тот импет⁵²¹ в столкновении на атакующую часть, импет, способствующий к желанной цели — поражению препятствия. В английской кавалерии конная атака оканчивается почти рассыпающимся строем, потому что лошади, пущенные во всю прыть, люди, не обязанные равнению, несутся опрометью, а занесшаяся кавалерия уже тем достигает цели поражения той части, против которой она послана. Повторяю, мое убеждение, что кавалерия, которая занеслась в атаке, гораздо ближе к цели поражения противника, нежели та, которой движение приучено к «стой! равняйся!». Мои убеждения по этому вопросу передаю суждению современных деятелей, при которых во многом начала военных действий в основаниях изменены.

После великих событий 1815 года и тогдашнего трактата парижского, столь различного с трактатом, заключенным после Крымской войны, и началом и последствиями⁵²², всем пришлось, как царям, так и всей численности служебной, воротиться восвояси, и мне предстоял тот же исход.

^{192*} В оригинале на последней цифре расплылись чернила.

^{193*} Так в оригинале.

Не могу дать себе отчета, почему я не дал ход прежнему моему намерению околесить все части света и решил-ся возвратиться в Россию на служебное поприще. Не буду говорить о бесцветном моем быте в общественном отношении, о жизни вахт-парадной, выходах и даже о частной жизни, просто скучной, тягостной. Зародыш обязанностей гражданина сильно уже начал выказываться в моих мыслях, чувствах, и на место слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности в оных вродилось невольно от того, чему я был свидетелем в народных событиях в 1814 и 15 годах, что гражданину есть обязанности отечественные, идущие, по крайней мере, наряду с верноподданныческими.

Мое пребывание в Петербурге было кратковременное и бесцветное для меня по новым моим убеждениям, и, быв назначен бригадным командиром 1-й бригады 2-й уланской дивизии, я отправился в Новоград Волынский, где были дивизионная и моя бригадная квартиры. Поневоле надо было заняться мне делом служебным, но и в этом деле старался я ввести в начальнические отношения начальника к подчиненным правила иных отношений с подчиненными: учтивость с господами офицерами, дружная попечительность с нижними чинами — и старался заслужить общее их доверие и любовь, чего можно достигнуть без упадка в дисциплине, вопреки убеждению старой грубой и палочной системы. Не буду распространяться день за день о всем происшедшем в продолжение этого войскового служения гарнизонного и упомяну только о некоторых обстоятельствах этой эпохи моей жизни в связи с общественной.

Прибыв, как я выше сказал, на Волынь, я нашел в общественном быте два враждующих отдела: русские и поляки. Это обстоятельство было выведено ревизией сенатора Сиверса⁵²³ над управлением сенатора же Комбурлея, бывшего несколько лет губернатором Волынским⁵²⁴. Хотя я не делил общей вражды русских к полякам, но все-таки русские были мне более к сердцу, и хотя старался я этого не выказывать, но все-таки это не могло оставаться незамеченным. В это время был назначен проезд императора чрез Житомир, где был тогда губернатором Гижицкий⁵²⁵, бывший прежде губер[нским] предводителем и главой польской партии и коноводом против, как они называли, Комбурлижской. Корпусный командир Корф и дивизионный командир 2-го кирасирского дивизи-

зиона Кретов выехали навстречу государю в Бердичев, также и генерал Засс, бригадный 2-й кирасирской дивизии⁵²⁶, а как в корпусной квартире был эскадрон моей бригады, по обязанности было мне быть при нем во время этого проезда, а как за отсутствием вышеозначенных лиц я был старший в городе военный начальник.

Корп[усный] ком[андир] Корф на время своего отсутствия, выехав навстречу имп[ератору], поручил мне присутствовать и за обеденным столом ежедневного <нрзб.> его штаба и прибывших в корп[усную] квартиру господ офицеров. В один из этих дней, возвращаясь на свою квартиру, я встретил обер-провиантмейстера корпуса Олова⁵²⁷, в расстроенном виде бежавшего мне навстречу, и лишь приблизился ко мне, сказал: «Князь! Защитите меня и мое семейство от дерзостного поступка, которому я подвержен». «Да что с вами делают?» — спросил я его. «Вот мое положение: жена моя на днях родила, еще лежит в постели, и не знаю из какого повода вытесняют меня из отведенной мне квартиры, и на отказ мой из нее выйти полицмейстер велел из окошек вынуть рамы». Я ему сказал, что не дозволю этого бесчеловечия и законно вступлюсь за него как старший военоначальник в городе, и тут же, завидев полицмейстера, подозвал его и потребовал объяснения поступка и чтоб прекратить это дерзостное покушение, выразил я ему довольно жестко и требовал, чтоб он объяснил мне, как он мог покуситься на оное^{194*}. Тут мне отвечал полицмейстер, что все это он делал по приказанию губернатора, назначив квартиру, занимаемую Оловым, для какого-то польского пана, выехавшего для присутствия в гор[оде] и приеме государя в Житомире. «Но точно ли вам это приказано в том размере, как вы это исполнили?» — возразил я ему. «Наверное,— отвечал он мне,— и приказано выставить окошки, если г-н Олов не очистит квартиру». — «Если так, то извольте идти со мной к г-ну губернатору, и я в вашем присутствии настояю, чтоб данное вам приказание было отменено». Весь тот разговор происходил неподалеку от квартиры, занимаемой Гижицким, и я с Оловым и полицмейстером мы туда пришли. Надо предварить для ясности некоторые обстоятельства встречи моей с губер[натором], что в этот день и час был

^{194*} Часть фразы со слов «и чтоб прекратить» отсутствует в предшествующих изданиях.

у него обед для приезжих помещиков и некоторые из главных лиц военных были приглашены на этот обед, и я в том числе, но никто из нас не поехал, чтобы избежать неловкого положения нам, русским, быть свидетелями польских манифестаций. Прибыв на квартиру к Гижицкому и взошед в переднюю, я послал чрез его прислугу сказать, что я имею надобность с ним безотлагательно видеться, и тем более я хотел видеться с ним не в присутствии польской шляхты, слышав, что там идут прежаркие прения — обычай в кругу поляков, которые при всяком съезде воображали, что они на сейме. Гижицкий вышел из-за стола ко мне в переднюю и встретил меня так: «Mon prince, soyez le bienvenu! venez partager notre dîner et réunion»^{195*}. И что он не догадывался о причине моего прибытия, тому доказательство, что он как сидел с заткнутой салфеткой, так и вышел. Я же ему отвечал: «M-r le gouverneur, ce n'est pas pour dîner que je suis venu chez vous, mais pour des redressements d'actes impardonnables, auxquels on a soumis m-r Oloff; c'est mon devoir de prendre sa défense, comme le plus ancien chef militaire présent dans la ville, et comme le maître de police prétend qu'il y a eu recours d'après vos ordres, ce que je ne puis m'expliquer,— j'exige que si tels ont été vos ordres, vous en donniez de tous contraires, et qu'on laisse m-r Олов et sa famille paisibles possesseurs d'un logement, légalement à lui assigné»^{196*}. Настоятельность моих слов и требования и неожиданность оных взбесили Гижицкого, он мне ответил: «Tous les princes russes réunis ne m'en imposeront pas à moi, noble polonais, et je m'étonne de votre démarche et de votre exigence»^{197*}.

^{195*} Князь, милости просим. Присоединяйтесь к нашему обществу и пообедайте с нами (фр.).

^{196*} Господин губернатор! Я явился к вам вовсе не на обед, а для того, чтобы исправить непростительные действия, которые допущены в отношении господина Олова. Мой долг, как старшего по чину военачальника в городе, взять его под защиту; так как господин полицмейстер утверждает, что действовал согласно вашим приказаниям — что для меня непостижимо, то я требую, если эти приказания действительно исходят от вас, чтобы вы немедленно отменили их и дали бы совершенно противоположные, чтобы господин Олов и его семейство могли спокойно жить на квартире, отведенной ему на законных основаниях (фр.).

^{197*} Все русские князья вместе взятые не смеют что-либо предписывать мне, польскому дворянину, и меня удивляет ваш поступок и ваше требование (фр.).

На это я ему отвечал: «Si vous vous croyez offensé personnellement, vous pouvez en temps et lieu me demander satisfaction, et je suis prêt à vous la donner, mais dans l'affaire qui m'a amené ici, il y a une question de service, de justice, réclamant d'être vidée sans délai administrativement, et je ne vous laisse pas rentrer dans votre salle à manger près de vos compatriotes réunis en diète qu'après que vous aurez donné l'ordre à m-r le maître de police de laisser m-r Oloff en possession légale de son logement que l'on n'avait aucun droit de lui enlever par sollicitude pour qui que ce soit de vos amis et compatriotes»^{198*}, и с этими словами я удачно успел стать между Гижицким и дверью в столовую, так что вход в оную был ему невозможен без рукопашни против меня, на что он не решился. Видя это, Гижицкий для прекращения этой встречи приказал полицмейстеру не тревожить Олова, и я достиг и того, что имел право требовать, и что было в обязанностях моих служебных.

Как разумеется, это дело разгласилось и в русском отделе и в польской шляхте, меня соотечественники высоко возносили, а как доходило до меня, поляки раздирали на все корки. На другой день приехал государь, пробыл только сутки, которые прошли в приемах, и хотя по описанному происшествию ничего не высказывалось, но доходила до меня весть, что по проезде государя я буду вызван на поединок Гижицким. Император выехал в Варшаву, в тот же день я получил вызов от Гижицкого и, как разумеется, отвечал ему согласием. День прошел в обычных переговорах по этому казусу, и как основное дело, подавшее причину, было более народных начал, нежели частных, притом служебное положение губернатора и мое выходило из общей рамы частных соотношений. Приняв вызов, я предложил первому, чтоб поединок не был на

^{198*} Если вы считаете себя лично оскорбленным, то можете в надлежащее время и в надлежащем месте потребовать от меня сатисфакции, и я готов дать вам ее. Но дело, которое привело меня сюда, касается службы, справедливости и должно быть решено незамедлительно в административном порядке. А посему я до тех пор не позволю вам вернуться в столовую к вашим соотечественникам, которых собрался там целый сейм, пока вы не прикажете господину полицмейстеру оставить господина Олова в законно принадлежащей ему квартире, лишить которой его нет никакого права, как бы вам ни хотелось проявить заботу о ком-либо из ваших друзей и соотечественников (фр.).

месте обоюдного нашего служения, а чтоб мы оба выехали на австрийскую границу, не так далеко отстоящую от Житомира. Но Гижицкий не согласился, настоял, чтоб поединок наш был под Житомиром. Народное начало нашей распри требовало, чтоб соблюдено было некоторое народное начало при назначении секундантов, и положено было для соблюдения по этому поводу приличий и избежания толков, чтоб при каждом из противников были секунданты по одному русскому и по одному поляку. Гижицкий встретил было затруднение, несогласие кого-либо из русских принять это звание; он адресовался к ген[ерал]-май[ору] Ивану Сергеевичу Леонтьеву⁵²⁸, но тот первоначально отказался, сказав, что его дружеские сношения со мной ему в долг быть моим секундантом, но я уговорил его принять предложенное ему звание, и тогда решено было, что его секундантами будут Леонтьев и флигель-адъютант Артур Потоцкий⁵²⁹, а моими генерал Засс и Станислав Потоцкий. Как разумеется, все подробности о поединке я предоставил распоряжению моих секундантов. Оружием назначены были пистолеты, местом поединка — окрестности Житомира. Полагая, что поединок будет иметь исходом поражение насмерть одного из нас, я приготовил два письма: одно на имя государя, другое на имя моей матери, в которых изъяснял все обстоятельства дела, подавшие повод к поединку. Не скрою, что второе письмо писал со скорбью в сердце, зная, какое горе нанесет ей моя смерть, но выказывал ей, что она поймет, что я принял вызов по долгу не только светских приличий, но по долгу гражданина и что я уверен, что если судьба моя нанесет ей горе, она поймет, что, не напрашиваясь на это происшествие, я приведен был к оному силой обстоятельств.

Тем более я полагал, что поединок наш мне был предвестником смерти, потому что Гижицкий был отличный стрелок, а я никогда не упражнялся в стрельбе. Недели за две до описанного происшествия была волчья охота, в которой и я участвовал. Как часто случается в таковых рода съездах, мы все и волчьего хвоста не видели, а неудачная охота кончилась пышным завтраком, пикником. Тут пошли пари о лучшей стрельбе и Гижицкому назначили ветвь и сучок дерева, и он ни разу не давал промаха. Но обращусь к поединку; мы оба противника в назначенный час выехали к назначенному месту с нашими секун-

дантами, и как причина поединка имела большую гласность, поодаль от нас, хоть не выказывались, ватага русских и в другом месте — ватага поляков. И известно было, что между обоими отделами положено было, что за павшего в поединке явится новый противник принадлежащего ему отдела. Я упоминаю об этом как доказательство, что в происшествии было явное начало народной распри.

Еще прежде поединка я объявил, что все подробности устройства порядка поединка и в последующих распоряжениях я первый предоставляю ответственности моих секундантов и совершенно буду повиноваться их решению и что поэтому они ответчики перед судом общего мнения. При зарядении пистолетов ни Гижицкий, ни я не присутствовали. Пистолеты были выбраны подаренные секундантами, мы были поставлены на 15 шагов один от другого, пистолеты нам были вручены, и по сигналу «один, два, три» — по последнему слову предоставлялось нам стрелять. Став на место, я снял с себя мундир и жилет, чтоб показать, что от пули не было на мне защиты, роковое «три» едва было провозглашено, почти в один момент раздались оба выстрела, мой — секундой после моего противника, и чувствуя, что не ранен, и видя, что и противник тоже невредим, я передал мой пистолет моим секундантам и сказал им: «Ваше дело о новом распоряжении». Гижицкий и я не сходили с наших мест, а секунданты наши сошлись и по кратковременным переговорам склонять стали нас прекратить данные действия поединка. Я отвечал моим, что не я вызывал Гижицкого, а он меня, что я ни в чем не полагаю себя обиженным, а защищал подчиненного от притязаний служебных, и поэтому с моей стороны не можно и не должно быть инициативы, и что, как я и прежде сказал, вполне приму решение моих секундантов.

Все секунданты обратились к Гижицкому, и хоть уже вторые пистолеты были заряжены, но еще нам не вручены, Гижицкий подошел ко мне и сказал: «Вы, князь, погорячились, заставили меня требовать у вас сатисфакции. Секунданты решают, что выдержали оба огонь, нет более причины к возобновлению поединка, и поэтому даю вам руку в знак личного моего к вам прежнего уважения, еще более усиленного встречейю нашею теперь». Я ему на это отвечал: «Вы, г[осподин] Гижицкий, меня вызвали, полагая себя обиженным: вы желаете не возобновлять

оний, секунданты мои находят, что я могу исполнить ваше желание, и поэтому вытягиваемую вами руку принимаю радушно».

Итак, много шуму по-пустому, а если поединок этот обсудится не в выгоду мировому исходу оного, пусть порочат секундантов, а не меня. А им в оправдание я скажу, что как личность противника, так и причина поединка, и национальный колорит оного были поводом, я полагаю, для них склонить нас на мировую, чтоб этот национальный колорит не принял больших размеров не только между двумя лицами, но в целом обществе.

Подробности всего вышесказанного, не причти, мой друг, какому-либо желанию выставить себя; ты знаешь, что я не падок на самохвальство. Но как этот эпизод моей жизни носит печать соотношений русских к полякам в то время, я почел излишним об оном дать довольно подробное повествование. Мои сношения с Гижицким после этого не были тесные, но уже не враждебные, а урок, ему мною данный, был в пользу русского отдела, но уже осторожнее во всем к оному относились, но скрытное обоюдное нерасположение русских к полякам и обратно оставалось неизменным.

Описанное мною выставило меня между соотечественниками — подчиненными на вид не только в тесном круге моего служебного звания, но и вне оного. Я приобрел популярность и в кругу подчиненных, и в кругу товарищей, и в кругу всего, что носило русское имя тогда на Волыни, и этими чувствами всегда дорожил. Многие лета миновались, а память всего этого и донныне близка моему сердцу.

Вскоре после этого я поехал в отпуск в Петербург, и как 2-й кавалерийский резервный корпус переведен был на квартиры вовнутрь России, уже я не возвратился на Волынь, а бригадная моя квартира была назначена в Харьковской губернии в город Сумы.

При поездке из Питера чрез Москву я прибыл в Сумы. Во время этой стоянки в течение 1817 и 1818 годов были кое-какие встречи и в моей жизни, но относящиеся к жизни частной и поэтому мало стоящие рассказа. Но не умолчу, что во время этой стоянки дошли мне вести о речи импер[атора] Алек[сандра] на первом в царст[вовании] его Польском сейме, в котором слова его о намерении его распространить и в пользу России вводимый им конституционный порядок управления сильное произвели впечат-

ление в моем сердце как по любви моей к отечеству, так и по желанию моему, чтоб отечество выдвинулось из грязной колеи внутреннего его быта⁵³⁰. С этой поры думы моей жизни приняли другое направление, а изменение, встретившееся в служебном моем быте, дало соедем другое направление и моей жизни, и думам. Изменение в служебном моем быте воспоследовало от обстоятельства ниже следующего. Государем было решено, весьма опрометчиво для выгод единства России, устроить отдельный корпус Литовский, в который взошли все полки, носящие имена литовских и других губерний, присоединенных от прежней Польши во времена Екатерины, и все нижние чины и г[оспода] офицеры родом из этих местностей были причислены в этот корпус, а родом из России — переведены в полки под коренным названием русских. Командуемая мною бригада уланская состояла из полков Польского и Владимирского. Польский был переведен в этот корпус, а Владимирский в 1-ю улан[скую] дивизию, состоящую при Гвардейском корпусе, откуда Литовский уланский поступил в Литовский корпус. Меня же в звании бригадного не перевели ни в Литовский, ни в Гвардейский корпус, а назначили бригадным в 2-ю гусарскую дивизию. Этот переход без моего на то согласия и исключение из двух вышеозначенных корпусов, как ни достойно, могу сказать, служить в оной, почел я себе обидой и почел самобытным для собственного достоинства моего звания высказать, что генерал-майора без согласия его недостойно для его звания переводить по прихотям, как это делают с прапорщиком, и подал просьбу об бессрочном отпуске меня за границу, что и воспоследовало.

Этот шаг в начальном своем быте малозначитель[ный], как увидим впоследствии, привел мой быт к значительным последствиям в ходе моей жизни.

Получив заграничный отпуск и быв поэтому вольным казаком, я, хотя имел твердое намерение ехать за границу, имея в виду, как и в 14 году, объехать и изучить многое не только в Европе, но и посетить Америку, тогда образцовый по своему гражданственному быту край, я сперва поехал в Одессу, где были тогда сестра моя и также с нею жила жена брата моего Зинаида. Кроме того, я имел в виду устроить вновь купленную мною дикую степь в количестве 10 [тысяч] десятин в Таврической губернии, неподалеку от Молочных вод.

В отношении этой степи для данных статисто-экономических о возвышающей[ся] ценности пустопорожных земель в России вот достоверный факт. Эти 10 000 десятин земли приобретены мною по цене публичного торга правительственных мер за 18 000 рублей ассигнациями. Это было в 1816 году, а ныне, в 1862, из этой земли 9000 десятин отданы в арендное содержание известному колонисту Фейну⁵³¹ за 7000 руб[лей] сер[ебром] в год, то есть куплены были 10 000 десятин в вечное владение за 5142³/₇ сер[ебром], а ныне получается из ⁹/₁₀ этой земли в год дохода 7000 р., т. е. годового дохода 1857 р., ¹/₇ выше покупной цены за полное и вечное владение, да еще аренды за всю нашу продажу 1400 р[ублей] с[еребром] в год, так что доход годовой цены против покупной цены превышает в год 3257 р[ублей] с[еребром]. Неизлишним считаю присообщить к этому еще статистическую данную: я в 1816 году купил эти 10 000 десятин земли по 1-80 к[опеек] ассигнациями десятину. Граф Григорий Григорьевич Строганов⁵³² имеет имение, смежное со мною приобретенным и которое купленное в 1836 году, и тогда уже десятина заплачена по 20 руб[лей] ассигнациями, а ныне в 1862 году Фейн предлагал дочери моей⁵³³, которой поступило это мое имение в приданое, по 23 руб[ля] сер[ебром] за десятину, если она согласится на продажу оногo.

Г[оспо]да защитники крепостного права, убедитесь из этого, какая ценность земли при вольном труде; ведь Фейн не дворянин и извлекает доход не крепостным правом, а вольным трудом, а ведь он сам создает свою фортуна и из простых колонистов владеет теперь и собственностью, и наймом десятка тысяч десятин и имеет до 200 000 меринoсов и поэтому и добыл копейку и умеет беречь ее.

Но обращусь к моему быту. Как я сказал, я поехал из Сум в Одессу, где нашел приют родственный и радушно был принят тогдашним ген[ерал]-губ[ернатором] новороссийским графом Ланжероном, при котором я временно находился, как выше означено, под осадой Силистрии.

Быт одесский в тогдaшнее время был самый приятный, общество не было стеснено ни аристократическими замашками, [как] впоследствии [при] гр[афе] М[ихаиле] С[еменовиче] Воронцове, лукавом, одностороннем^{199*} и

^{199*} Слова «лукавом, одностороннем» отсутствуют в предшествующих изданиях.

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ

Рис. Николо Серракаприола, 1823 г.

корчившим в Новороссийском крае [себя] ост-индским генер[ал]-губер[натором], ни спесью и деспотизмом теперешнего ген[ерал]-губ[ернатора] Строганова (в 1862 году). Ланжерон хоть не был великим администратором, но умный человек и следовал предназначениям Дюка де Ришелье, истинного основателя устройства Новороссийского края, и в особенности Одессы⁵³⁴.

Род общественной жизни одесской мне очень понравился, и я привязался к этому краю и по вольному моему быту в оном и по занятиям о устройстве хозяйства в купленной мною степи в Таврической губернии. Кроме того, я приобрел отводом в Одессе место на постройку дома и купил под городом хутор (т[о] е[сть] дачу) в прекрасной местности над морем, известный прежде под названием

хутора графа Витгенштейна, а при ссылке меня в Сибирь проданный негоцианту Картаци⁵³⁵.

Эти все причины отклонили меня на время от поездки в чужие края, и я в том же году зимой отправился в Питер для некоторых распоряжений, чтоб оборотом займа в Опекунском совете на имение нижегородское, в моем владении состоящее, добыть капитал на постройку дома и устройство дачи. Но все же имел в виду, обеспечив этот расход, ехать в чужие края. По устройству дел в Петербурге я отправился обратно на юг в начале 1819 года и путь мой направил на Киев, чтоб побыть на контрактах, тогда шумевших и делами денежными и общественным съездом⁵³⁶.

В Киеве тогда начальником штаба при 4-м пехотном корпусе был Михаил Орлов. Товарищ по воспитанию (мы оба в одном учебном заведении у аббата Николая), товарищ по полку Кавалергардскому, товарищ боевой бивачной жизни. Все это было породило меж нами дружбу и запашные отношения. У него собирался кружок образованных людей, как русских, так и поляков, и в довольном числе по случаю съезда на контракты, и круг даже дамского знакомства не был просто светский, а дельный. В это время у нас в России ненависть к Франции, врожденная нашими военными поражениями в войнах 1805, 1806 и 1807 годов, вовсе исчезла, кампания 12-го года и последующие 13 и 14 годов подняли наш народный дух, сблизили нас с Европой, с установлениями ее, порядком управления, его народными гарантиями. Параллель с нашим государственным бытом, с ничтожеством наших народных прав, скажу, гнета нашего государственного управления резко выказалась уму и сердцу многих и как всякая новая идея имеет коновода. Михайло Орлов по уму и сердцу был этим коноводом и действовал на просторе в Киеве, где ни предрассудки столичных закоренелых недвижимых лиц высшего общества, ни неусыпный и рабскоусердный надзор полиции, явной и секретной, не клали помехи в широкое действие и где съезд на контракты образованных людей давал случай узнавать людей и сеять семена прогресса политического.

Перепутье мое на квартире Орлова ввело меня в этот замечательный кружок людей, а чувства мои давно клонили давно уже к проповедуемым в оном истинам. Более, нежели когда, я понял, что преданность отечеству должна

меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества. Сожитие со столь замечательным лицом, как Михайло Орлов, круг людей, с которыми имел я ежедневные сношения, вытеснил меня к новому кругу убеждений и действий, развил чувство гражданина, и я вступил в новую колею действий и убеждений.

С этого времени началась для меня новая жизнь, я вступил в нее с гордым чувством убеждения и долга уже не верноподданного, а гражданина и с твердым намерением исполнить во что бы ни стало мой долг исключительно по любви к отечеству. Избранный мною путь довел меня в Верховный уголовный суд, и в каторжную работу в Сибири, и к ссылочной жизни тридцатилетней, но все это не изменило вновь принятых мною убеждений, и на совести моей не лежит никакого гнета упрека^{200*}.

Но обращаюсь к времени моего первоначального заезда в Киев. Вышеписанные подробности о круге людей, меж которыми я проводил время и действовал, познакомили меня с многими поляками как юго-восточного края России, так и с приехавшими по делам довольно значительными лицами и молодежью из Варшавы и Царства Польского. В то время не было той резкой черты неприязненности, скажу даже, вражды между русскими и поляками, не было в этих последних желания отделиться от России со всеми безрассудными для их пользы и с сумасшедшими их теперешними заносными требованиями (пишу я это в 1862 году), что юго-восточная часть России до Черного моря, Малороссия, Белоруссия, Литва, Киев, Смоленск, остзейские губернии — все это есть коренная Польша и должно отойти от России⁵³⁷. Тогда как-то господствовал соединенный славянский элемент в обоюдных убеждениях, и это я подкрепляю не одними моими воззрениями, но фактом. В то время учредилась в Киеве мasonicкая ложа под именем *Les Slaves Réunis*, ложа Соединенных славян. Одно это название доказывает склонность общую к этому соединению. *Le grand Maître de la Chaise*, ...^{201*} Стула был поляк, губ[ернский] пред[води-

^{200*} Слова «уже не верноподданного, а» и далее со слов «но все это не изменило» и до конца фразы исключено из предшествующих изданий.

^{201*} В оригинале здесь пропуск. Вероятно, имеется в виду слово «Мастер».

тель] двор[янства] Киевской губер[нии] граф Олизар⁵³⁸; les deux surveillants, надзиратели, были русские, а члены были без разбору и поляки и русские и дружно по-братски подавали себе руку^{202*}. Быв масоном, или, как именуется, вольным каменщиком, мне было предложено быть почетным членом этой ложи, и я в приемном заседании на это звание говорил благодарственную речь, в которой выразил чувство благодарности за честь, мне дарованную, и какие великие последствия истекут из добровольного соглашения между поляками и россиянами составить одно нераздельное целое, и моя речь была принята с общим одобрением, высказанным обычным масонам всеобщим перстничным рукоплесканием, повторенным три раза в знак высшего всеобщего одобрения.

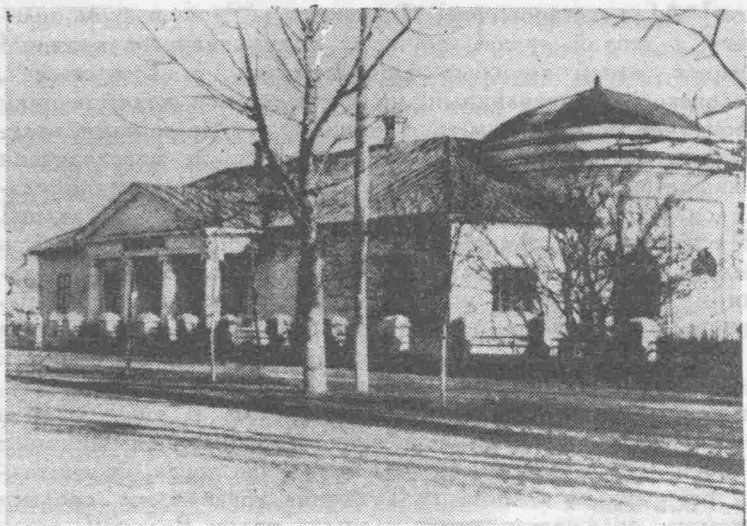
О первом моем пребывании в Киеве, кроме вышесказанного, нечего сообщить.

По разъезде контрактного съезда, познакомившись с семейством графини Потоцкой-Тульчинской⁵³⁹, я был приглашен, как и многие другие, посетить Тульчин во время обычного туда съезда во время масленицы. Это пребывание познакомило меня, ввело меня в круг людей мыслящих и мечтающих о преобразованиях политического внутреннего быта в России. Это чувство нашло теплый отголосок и в моих думах и чувствах. Предложение, мне сделанное, вступить в члены общества, преследующего эту цель и названного «Союз благоденствия», а более известного под названием «Зеленой книги». [Со] вступления моего в это общество, с самого начала этого я сделался ревностным деятелем по оному, почел обязанностью не удаляться из России и изменил принятое мое намерение надолго отлучиться за границу. Тесная моя связь с Пестелем⁵⁴⁰ и с Юшневским⁵⁴¹, председательствующим Южной думы этого общества. С самого начала моего знакомства с ними мог оценить великие дарования и пылкое чувство к делу, стойкость характера Пестеля, хотя Юшневский имел также два первых упомянутых о Пестеле качества, но не было в нем той силы воли, неиссякаемой настойчивости Пестеля. При первом моем вступлении в общество тесно сблизился я с другими членами: М[ихаи-

^{202*} В оригинале, должно быть, описка. Следует читать: друг другу.

лом] А[лександровичем] Фонвизиним⁵⁴², человеком дельным, с теплой душой, но легко подчинявшимся влиянию старых связей дружбы. Познакомился с Бурцевым⁵⁴³, человеком с дарованиями, но систематик и подчиняющий свои убеждения каким-то формулам, а в деле, нами задуманном, формулы охлаждают чувства, и впоследствии выкажется, что от ревностных членов он постепенно удалялся и вышел из общества. Познакомился с П[авлом] В[асильевичем] Аврамовым^{203*544}, личностью, теплой к делу, но не выходящей какими-либо замечательными чертами из общего ряда, но по теплоте чувств к делу выпадающий из общего ряда членов. Возобновил знакомство с князем Барятинским⁵⁴⁵, личностью по теплоте чувств к делу замечательной, но который в частной жизни заслуживал часто неодобрительные суждения. В числе членов был Кальм⁵⁴⁶, старый мой знакомый бивачной жизни в 1806 и 1807 годах, но он был в отлучке тогда, но считался ревностным членом. В Тульчине тогда были, сколько упомяну, следующие лица: члены — медик Вольф⁵⁴⁷, человек мыслящий и теплый к делу и выпадающий из общей рядовой обстановки, потом два брата Крюковы⁵⁴⁸, два брата Пушкины-Бобрищевы⁵⁴⁹, Лачинов⁵⁵⁰, Заикин⁵⁵¹, тогда рядовые члены. Был также Ивашев⁵⁵², лицо образованное, но бесхарактерное, а вскоре вышедшее из общества. Узнал я тогда же, что в числе членов был Василий Львович Давыдов⁵⁵³, личность замечательная по уму, пониманию и теплоте чувств к делу, которого назову коноводом по влиянию его бойких обсуждений и ловко увлекательного разговора, а местожительство его в селе Каменке Чигиринского уезда было ежегодным сборным пунктом для совещаний, и этот съезд не навлекал подозрений местного полицейского начальства, потому что этого съезда срок был 24-го ноября, именины его матери, почтенной старушки, к которой в этот день и семья и посторонние съезжали⁵⁵⁴. Я тут же узнал, что в числе членов был В. Ф. Равевский, майор 32 егерского полка, и поручик Охотников⁵⁵⁵, о которых впоследствии придется мне говорить, и, наконец, что членом общества старый односкамейник мой и однополчанин Мих[аил] Фед[орович] Орлов. Эта личность была в то время замечательной и заслуживает предварительного о ней очерка.

^{203*} В оригинале здесь и далее — Аврамов.

ДОМ П. И. ПЕСТЕЛЯ В ТУЛЬЧИНЕ, ГДЕ СОБИРАЛИСЬ
ЧЛЕНЫ ЮЖНОГО ОБЩЕСТВА

Воспитанный, как и я, в институте аббата Николая, он был первым учеником в отношении учебном и нравственном и уважаем и наставниками и товарищами. По окончании курса учения он определен юнкером в Кавалергардский полк и в этом звании участвовал в Аустерлицком походе, и в этом сражении замечательной храбрости был по отличной его храбрости произведен в корнеты, участвовал в походе с полком в Пруссии в 1807 году, но как полк не был в деле, то не было случая ему выказаться. Служа в Кавалергардском полку, за год или два до 12-го года он был назначен адъютантом к князю Петру Михайловичу Волконскому, заведовавшему квартирмейстерской частью, при котором хоть в мирное время уже выказал отличные его дарования к усовершенствованию в военных науках. Вместе с тем он в кругу петербургского общества приобрел уважение, уже тогда стал во главе и мыслящей и светской молодежи. В звании адъютанта он был при Волконском во время приезда государя в Вильно к армии и до выезда царя из оной после Дрисского^{204*} лагеря. При

^{204*} В оригинале: Дриссенского.

отъезде государя из армии и вместе и отъезде с ним Волконского он остался в армии, в каком звании, не упомяну⁵⁵⁶. При приезде главнокомандующего Кутузова этот молодой человек обратил на себя внимание воина-старца, и были даваемы ему им разные поручения, и участвовал волонтером в экспедиции из-под Тарутинского лагеря в город Верею, занятый французами, и был при начальнике оной отличном вожде г[енерал]-м[айоре] Иване Семеновиче Дорохове^{205*557}, и при взятии штурмом Вереи был в охотниках, и за отличные подвиги был награжден Орлов орденом св. Георгия 4-го класса. В течение преследования французов в 12-м году командовал партизанскими отрядами, и, наконец, при взятии Парижа в 1814 году он, Михаил Федорович Орлов, заключил известное условие о капитуляции этого города⁵⁵⁸, капитуляции, столь противоположной парижскому миру после Крымской войны, нанесшей постыдное пятно на величие и славу России.

Но обратимся к течению происшествий, столь много участвующих на ход моего гражданского течения жизни.

Как уже упоминал, во время первого моего пребывания в Киеве я взшел в кружок людей мыслящих, что жизнь и дела их не ограничиваются шарканьем и пустопорожней жизнью петербургских гостиных и шагистикой военной гарнизонной жизни и что жизнь и дела их посвящены должны быть пользе родине и гражданским преобразованиям, поставляющим Россию на уровень гражданского быта, введенного в Европе в тех государствах, где начало было не власть деспотов, но права человека и народов, и к этому времени надо приписать первые общие попытки общего мнения к уничтожению в России крепостного права. И в этом деле первая гласная попытка была сделана еще в 1815 году Михаилом Орловым, который составил адрес к императору Александру об уничтожении крепостного права в России⁵⁵⁹, подписанный тогда многими из первенствующих служебных чиновников, и, я знал впоследствии, были имена Иллар[иона] Васильев[ича] Василь[чикова], графа Воронцова и Блудова⁵⁶⁰, который и впоследствии этот вопрос отстаивал и тем заслуживает, что имя его вместе с именем Ростовцева⁵⁶¹ было высечено на скрижалях отечественной истории.

Из Киева, полный впечатлениями собеседования с ли-

^{205*} В оригинале ошибочно: Дохтурове.

дами новых убеждений, я поехал в Одессу, где жила тогда сестра моя Софья и жена брата моего Зинаида. Я проездом остановился в Тульчине, где была главная квартира 2-й армии, командуемой тогда графом Витгенштейном. При нем было много молодежи мыслящей, и в их числе адъютантом Павел Иванович Пестель, человек замечательного ума, образования и в сердце которого гнездились высокие и теплые чувства патриотизма. В сих моих записках эта личность будет выставлена во всем просторе его деяний, которые выкажут, каков был этот человек и гражданин, и выкажут его достойнее, нежели мог бы моим слабым очерком о нем. Общие мечты, общие убеждения скоро сблизили меня с этим человеком и вродили между нами тесную дружескую связь, которая имела исходом вступление мое в основанное еще за несколько лет перед этим тайное общество под названием Союз благоденствия, более известное под названием «Зеленой книжки» по цвету обертки устава этого общества. Предложение на вход в это общество было мне предложено Михаи[лом] Алек[сандровичем] Фонвизиним, сослуживцем моим по гвардии, и тут опять я взошел в тесную связь со многими членами этого общества, между которыми замечательными лицами, по сочувствию к общей отечественной пользе, были Алексей П[етрович] Юшневский, Павел Васильевич Аврамов, Алексан[др] Петрович князь Барятинский, Фонвизин, мною упомянутый, и дружная ватага молодежи, между которыми были два брата Крюковы, и впоследствии Василий Львович Давыдов, Влад[имир] Нико[лаевич] Лихарев⁵⁶², Анд[рей] Вас[ильевич] Ентальцев⁵⁶³. Кроме них, я узнал тут же, что в числе членов были М. Ф. Орлов, Якушкин⁵⁶⁴ и Алек[сандр] Ник[олаевич] Муравьев⁵⁶⁵, Никита и Алек[сандр] Муравьевы⁵⁶⁶ и полковник Граббе, Сергей и Матвей Муравьевы⁵⁶⁷, Швейковский (Ив[ан] Сем[енович])⁵⁶⁸, Михаил Бестужев-Рюмин⁵⁶⁹ и Василий^{206*} Карлович Тизенгаузен⁵⁷⁰, Федор Ник[олаевич] Глинка⁵⁷¹, братья Поджио⁵⁷², М. С. Лунин, Илья Бибииков⁵⁷³, медик Вольф, Влад[имир] Фед[осеевич] Раевский, Непенин⁵⁷⁴, Кальм и многие другие, которых не упомяну^{207*}. Я упоминаю об этих лицах, как оставшихся верными принятой ими клятве. Были другие,

^{206*} В оригинале ошибочно: Карл.

^{207*} Все фамилии, следующие за фамилией Тизенгаузен, вписаны рукой С. Г. Волконского на пустой половине листа слева.

как в Тульчине, так и в Петербурге и Москве, но которые отхлынули, и как всякому надо воздать по делам, то и оных упомяну. Известны мне были: Бурцов, Ивашев, два брата Шиповы⁵⁷⁵, гвардейцы, Колошины⁵⁷⁶, Долгорукий — артиллерист⁵⁷⁷, Михайло Муравьев⁵⁷⁸, Комаров, который впоследствии был доносчик^{208*579}. Из этих, кроме Ивашева, который присужден наравне с действительными членами, прочие остались вне преследования по делу о тайном обществе.

Вступление мое в члены тайного общества было принято радушно прочими членами, и я с тех пор стал ревностным членом оного, и скажу по совести, что я в собственных моих глазах понял, что вступил на благородную стезю деятельности гражданской.

По миновании временного моего пребывания в Тульчине я поехал в Одессу и там вступил на поприще пропаганды и принял в общество адъют[анта] Ланжерона Меера⁵⁸⁰ и путей сообщения офицера Бухновского⁵⁸¹, двух пылких юношей, но с которыми впоследствии не встречался и, к утешению моему, не выказанных в числе осужденных по нашему делу.

Из Одессы я поехал в Питер, где познакомился ближе с Никит[ой] Муравьевым, Сергеем Трубецким⁵⁸² и Митковым⁵⁸³, все трое действительные члены Петербургской думы, потом опять в Киев, на контракты, куда многие из нас съезжались для толкований о делах Южной думы и связях оной с Северной, и опять в Одессу чрез Тульчин. Из Одессы я приехал опять в Тульчин, и как было решено по общим делам общества в Москве депутатами Юга и Севера соединиться, то от Тульчинской думы были назначены для совещания Бурцов, Комаров и я⁵⁸⁴, и приглашен был также по доверию общему и Мих[аил] Фед[орович] Орлов, с которым я соединился в Тульчине, — он, ехавший из Кишинева, где он тогда командовал дивизией, и с ним прибыл в Киев.

Здесь опять прерву рассказ мой о делах общества, и опять оный относиться будет к Орлову. Проездом чрез Киев он решился сделать попытку о давно затеянной им женитьбе с дочерью Ник[олая] Ник[олаевича] Раевского — Екатериной Николаевной⁵⁸⁵. Переговоры эти шли

^{208*} Фамилии, следующие за Долгоруким, вписаны слева на пустой половине листа.

через брата ее Алек[сандра] Ник[олаевича]⁵⁸⁶, который ему поставил первым условием выход его из деятельных членов тайного общества. Алек[сандр] Ник[олаевич], как человек умный, не был в числе отсталых, но как человек хитрый и осторожный, видел, что тайное общество не минует преследования правительства, и положил первым условием Орлову выход из общества, и Орлов, выехав из Киева, был в шатком убеждении, что ему делать.

Прибыв в Москву, нашли московских и петербургских депутатов уже собранных, но как было положено, что правом голоса пользоваться только могут члены — основатели общества, а не члены, впоследствии поступившие в тайное общество, то я и Комаров были устранены от участия в прениях⁵⁸⁷, а это право было предоставлено одному из Южной думы — Бурцову. В числе моск[овских] членов были Фонвизин, Якушкин, Колошины, Граббе; в числе петерб[ургских] не упомяну, кто был, а председателем был выбран Мих[аил] Орлов⁵⁸⁸. С самого начала съезда было получено из Петерб[урга] от тамошней думы сообщение, что правительство следит за действиями тайного общества и что будет осторожнее прекратить гласное существование общества и положить закрытие оною, а членам поодиночке действовать по цели оною. Главное основание этого побудительного обстоятельства было сообщение Федора Глинки, который, быв адъютантом у Милорадовича, имел случай о надзоре правительством положительные сведения⁵⁸⁹, и было решено коренными членами Моск[овского] конгресса закрыть два совокупных общества, и к этому пристал и Орлов. Я с этой вестью прибыл в Киев и сообщил оную Южной думе, но это положение не было принято ею, и положено почти единогласно продолжать отдельно действовать по прежней цели, исключая лишь Бурцова и Комарова, которые остались при положении Московского конгресса. В Петербурге тоже положено было продолжать действовать, но отдельно, а не в связи с Южной думой, а каждый порознь.

С этого времени Южная и Северная думы поставили себе программы различные: Южная — чисто демократическую, а Северная — монархическую, конституционную.

В это же время положено было, что царубийство должно быть в Южной думе принято основным правилом как старых, так и при приеме новых членов. Эта мера в основании своем имела не безусловное приведение в действи-

тельность, но как обуздывающее предохранительное средство к удалению из членов общества; согласие, уже не дававшее больше возможности к выходу, удалению из членов общества, полной ответственностью за первоначальное согласие. Это изложение не есть вымысел, теперь мною придуманный, но чистая, современная тому времени уловка, и это я выказываю по сущей истине⁵⁹⁰.

Впоследствии я и Василий Давыдов ежегодно в декабре ездили в Петербург для совещания с Северной думой, хотя действия их не были по одной программе с нами, а более для собеседования о действиях каждой порознь, и мы оба возвращались к контрактам и давали отчет о наших сношениях и о том, что узнавали, и о ходе дел Северного общества и о действиях в отношении нас правительства. У нас на Юге шло все дружно, и кроме пропаганды, значительной в окрестности нашего местопребывания, Южная дума взошла в сношение с тайным Обществом соединенных славян⁵⁹¹ и соединилась с оным, и взошли в сношения с тайным обществом польским⁵⁹².

Безусловная моя преданность делам тайного общества была поводом, что доверили мне переговоры с назначенными для совещания депутатами от Польского тайного общества. Лица эти были: князь Яблоновский и —...^{209*593} вполне аккредитованные от одного, и это происходило на контрактах 1825 года. Кроме этих двух членов для постоянных сношений со мною и постоянной передачи клонящихся и встречающихся по поводу действий общества Южного и Польского назначен был от второго Антоний Чарковский⁵⁹⁴. Контракты 1825-го были в январе, к этому времени прибыл в Киев и Павел Иванович Пестель и совокупно со мной должен был вести переговоры с польскими депутатами.

Но прежде нежели высказать ход оных, обращу мой рассказ до личного обстоятельства, до меня относящегося, это о моей свадьбе с девицей Марией Николаевной Раевской⁵⁹⁵. Давно влюбленный в нее, я наконец в 1824 году решился просить ее руки. Это дело начал я вести чрез Миха[ила] Орлова, но для очищения всякого упрека, что я виною всех тех испытаний, которым подверглась она впоследствии от последовавшего впоследствии опального моего гражданского быта, я при поручении Орлову хода-

^{209*} Пропуск в подлиннике.

тайствовать в мою пользу при ней и ее родителей и братьев, я положительно высказал Орлову, что если известные ему мои сношения и участие в тайном обществе помеха к получению руки той, у которой я просил согласия на это, то, хотя скрепясь сердцем, я лучше откажусь от этого счастья, нежели изменю политическим моим убеждениям и долгу моему к пользе отечества. И ввиду неполучения согласия и чтоб вывести себя и их из затруднительного положения, взял по причине вымышленной о расстройстве моего здоровья [отпуск] и поехал на Кавказские воды с намерением, буде получу отказ, искать поступления на службу в Кавказскую армию и в боевой жизни развлечь горе от неудач в частной жизни. И, получив этот отпуск, отправился в путь, просив, чтоб положительное решение по моей судьбе по женитьбе было мне доставлено туда, и там получил от Орлова уведомление, что я могу формально приступить с успехом в намерении моей женитьбы.

Поездка моя на Кавказские воды была поводом, что было мне поручено от Верховной думы Южного общества стараться узнать положительнее о дошедшем слухе, что на Кавказе и в самой Глав[ной] квар[тире] в Тифлисе существует общество, имеющее целью произвести политический переворот в России, и принял я это поручение. Там я встретился с Александром Ивановичем Якубовичем, который за дуэль Завадовского с Шереметьевым был из гвардии переведен тем же чином на Кавказ⁵⁹⁶. При первом знакомстве с ним я убедился, что опала, над ним разразившаяся, явные искры прогрессивных убеждений и при этом заслуженное в общем мнении сослуживцев — отличного боевого лица, угнетенного опалой, — могут быть мне ручательством, что я найду в нем отголосок к общему затеянному делу того общества, в котором я был член, и узнать, точно есть ли тайное общество на Кавказе и какая его цель.

Постепенно ведя с ним разговоры интимные, судя по его словам, я получил если не убеждение, то довольно ясное предположение, что существует на Кавказе тайное общество, имеющее целью произвести переворот политический в России, и даже некоторые предположительные данные, что во главе оногo сам Алексей Петрович Ермолов и что участвуют в оном большая часть приближенных в его штабе. Это меня ободрило к большей откровенности,

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ (УРОЖД. РАЕВСКАЯ), ЖЕНА ДЕКАБРИСТА
Рис. З. А. Волконской, 1826 г.

и я уже без околичностей открылся о существовании нашего тайного общества и предложил Якубовичу, чтобы Кавказское общество соединилось с Южным всем его составом. На это Якубович мне отвечал: «Действуйте, и мы тоже будем действовать, но каждое общество порознь, а когда приступить к явному взрыву, мы тогда соединимся. В случае неудачи вашей мы будем в стороне, и тем будет еще зерно, могущее возродить новую попытку. У нас на Кавказе и более сил, и во главе — человек даровитый, известный всей России, а при неудаче общей — здесь край и по местности отдельный, способный к самостоятельности. Около вас сила, вам, вероятно, несручная, а здесь все наше по преданности общей к Ермолову, и, наконец, и при непредвиденном случае неудачи отпадения

оного от России за нами много земель для нашей безопасности»^{210*}. Рассказ Якубовича был ли оттиском действительности или вымышленная эпопея, тогда мне мудрено было решить, но теперь по совместному тюремному заключению с ним, где каждое лицо высказывается без чуждой оболочки, я полагаю, что его рассказ был не основан на фактах, а просто, как я уже назвал, эпопея сродни его умственному направлению⁵⁹⁷. Я так пространно выяснил весь этот разговор потому, что я, может быть, и ошибочно, заверил все это в моем отчете в Верховную думу по возврате с Кавказа, и как этот отчет будет играть роль в моем осуждении, то заблаговременно я почел нужным его передать.

Как уже я сообщал, в январе 1825-го года было положено съехаться поименованным депутатам от русского и польского обществ для положений цели и средств действий по общей программе. Хоть именно в это время была моя свадьба, но не отклонился я от участия в оных, и это новый знак моей преданности к делу тайного общества. Общее заседание нас четверых было у меня, уже женатого, на квартире. Начали изложение русские депутаты о ходе наших дел, потом давали отчет польские, но как из их слов высказано было, что для общего согласия в деле нужно полякам знать, согласно ли наше общество к присоединению к Польше, как они выражались, отторгнутых от нее ныне губерний, Пестель сказал: «О границе не ставить кондиций, мы клониться должны к общему делу, союз Польши с Россией не должен быть в ущерб последней. Вы ищите совокупных действий с нами, что издавна русское, то должно остаться русским; мы по национальности составим федеративное целое, не требуйте замысловатых уступок. Вы найдете в нас братьев, и гранью между нами будет не произвол какого-либо сословия, а народные плебы»^{211*}. Мы желаем добра самостоятельности Польши, но первое наше дело — отстаивать свое отечество. Одним словом, согласитесь по этому вопросу ожидать, довольствоваться тем, что вам дадим, а не мечтать о невозможном. Главное дело — это на обоюдных правилах устроить восстание не в отвлеченных мыслях, а на деле.

^{210*} Конец фразы «и, наконец <...> для нашей безопасности» отсутствует в предшествующих изданиях.

^{211*} Слова «а народные плебы» в предшествующих изданиях отсутствуют.

Мы начнем и вы начинайте». Этот наш разговор положил конец сарматским попыткам⁵⁹⁸ всегда и поныне антиисторической вымысленности поляков, и главная цель общего действия к восстанию в одно время при объявлении от нас была единогласно принята. Вот не вымысленный, но чисто фактически происшедший разговор.

Прежде нежели взяться за нить действий по тайному обществу, еще отклонюсь к частной личности или, лучше сказать, полагаю обязанностью оспорить убеждение, тогда уже вкравшееся между членами общества и как-то донныне существующее, что Павел Иванович Пестель действовал из видов тщеславия, искал и при удаче захвата власти, а не из чистых выгод общих — мнение, обидное памяти того, кто принес свою жизнь в жертву общему делу. Я помню, что в 1824 году, говоря о делах общества, в интимной с ним беседе он мне сказал: «*On continue à voir en moi, au sein même de la Société, un ambitieux qui a l'intention de pêcher dans l'eau trouble; je ne parviendrai à détruire ces préventions, qu'en me démettant de la présidence de la Vente du midi, et même en m'éloignant de Russie à l'étranger; c'est un parti pris et je compte sur votre amitié pour moi que vous ne serez pas contre. On me nomme Syès⁵⁹⁹, et moi je n'ambitionne qu'à être tout aussi désintéressé que* <нрзб.>^{212*}. На это решение я высказал Пестелю, что удаление его от звания главы Южной думы — это нанесет удар по успешным действиям, что он один может управлять и ходом дел, и личностями, что с отъездом его прервется нить общих действий, что ему, спокойному совестью, нечего принимать пустомелье некоторых лиц, которые выпустили такие неосновательные выводы не из чистой преданности к делу, а под мнением тех лиц, которые выбыли из членов и желающих оправдать свое отступничество. Теплые мои увещевания, голос истинного убеждения моего отклонил Пестеля от его намерения, и как суждена была нашему общему делу неудача, то теперь и я не рад, что отклонил его от поездки

^{212*} Во мне продолжают видеть, даже в самом обществе, честолюбца, который намерен половить рыбку в мутной воде. Я смогу развеять эти предубеждения только в том случае, если сложу с себя обязанности председателя Южной думы и даже совсем удалюсь из России за границу. Это решено, и я рассчитываю, что вы как друг не будете противиться. Меня называют Сьейсом, а я лишь стремлюсь быть столь же бескорыстным, как <нрзб.>.

в чужие края. Он был бы жив, и был бы в глазах Европы иным историком нашего дела, как так недобросовестно, и скажу даже лживо, в отношении себя выказал печатно Николай Тургенев, который уверяет, что он не был членом общества, в чем меня не уверить^{213*}, когда я, ежегодно приезжая в Петербург, давал ему отчет о ходе дел нашего общества⁶⁰⁰.

Приближаясь к времени, в котором правительство нас предало суду, полагаю необходимым приступить к изложению состава нашего общества, цели его. Давно истекшее время с действительной по оному трудности отчетливо это изложить из памяти по истечении более 30 лет промежутка невольно дадут моему рассказу поверхностный вид, но все-таки при текущем безведенье будет что мне высказать. Когда-либо устав Южного общества и замечательный очерк Пестеля о предположениях его, выказанных им в уставе под заглавием «Русская правда», выйдут из-под гнета архивного и выкажется вполне и в ясном цвете это великое дело^{214*} и замечательное, состоящее в оном лице.

Я уже говорил о ходе и изменении правил тайного общества. Теперь же примусь обозначить основную цель тайного общества, которого я был член, после происшедшей перемены определением Московского конгресса.

Южная дума и Северная дума приняли целью их действий различные направления. Первая положила себе целью демократический переворот, вторая — монархический конституционный. Несмотря на это разногласие целей и средств, обе думы, не действующие совокупно, не прекращали сношений между собой. Двигателем по Южной думе был Пестель, по Северной — Никита Муравьев. Ежегодно я и Василий Львович Давыдов ездили в Петербург для совещаний, соображений и свода успехов по каждому отделу. По принятому направлению действий Южного общества, замышляющего радикальный переворот (теперь скажу, может быть, несбыточный, преждевременный), по существу своему увлекательный ход дей-

^{213*} Слова «как так недобросовестно, и скажу даже лживо, в отношении себя выказал печатно» и «в чем меня не уверить» отсутствуют в предшествующих изданиях.

^{214*} Слова «великое дело» отсутствуют в предшествующих изданиях.

ствий^{215*} Южного общества шел быстрыми шагами, вербовка членов шла успешно, и самоотвержение от аристократических начал придавало какую-то восторженность частным убеждениям и поэтому и самому общему ходу дела.

Действия же Северного общества по существу своему и принятых начал их были не так живительны и более относились к приготовлению разных проектов конституции, между которыми труд Никиты Муравьева более всех был Северной думой одобренный и, может, и заслуживает это как мысленность, но в затеянном перевороте ставить все в мысленную рамку (впрочем, это только мое суждение) преждевременно. На переворот надо простор, увлечение для успеха одного, по перевороте надо сильную волю, чтоб охранить его от анархии, и к этой цели клонилось постановление Южного общества, чтоб вслед при удаче переворота учредить временное правительство на три года, а впоследствии отобрать от народа или чрез назначенных от него доверителей, чего и что хочет Россия.

Хоть я уже несколько слов сказал о Николае Ивановиче Тургеневе, но добавочно еще кой-что выскажу о нем. Отдавая ему полную справедливость как постоянному защитнику словом и делом об уничтожении крепостного состояния в России, не могу и не должен утаить, что высказанное им даже в печати уверение, что он не участвовал и не был членом тайного нашего общества, есть явная ложь. В ежегодные мои поездки в Петербург, как я выше сказал, по делам общества, я не только имел с ним свидания и разговоры по делам общества, но было постановлено Южною думой давать ему полный отчет о наших действиях, и он Южною думой почитался как усерднейший деятель по обществу, быв одним из учредителей этого тайного общества. Я помню, что в одном из этих свиданий и при рассказе об действиях Южной думы меня спросил: «Что, князь, приготовили ли вы вашу бригаду к восстанию при начале нашего общего дела?», а я ему отвечал: «Ник[олай] Ив[анович], готовить явно к этому — это бы дать прямой повод к оглядке правительству, но я убежден, что я внушил в моей бригаде, скажу даже, в дивизии, доверие и любовь солдат ко мне, что

^{215*} Слова «по существу своему увлекательный ход действий» отсутствуют в предшествующих изданиях.

при начальном восстании увлеку их за собой, а раз это достигнуто, то уже они у меня в руках и пойдут без оглядки за мной». Вот как Тургенев жмет, когда говорит, и печатает, и уверяет, что не был членом общества. Еще приходит мне на память сказанное Иваном Ивановичем Пушным⁶⁰¹ — а назвать его — это речательство, что он никогда недоступен был лжи^{216*}, — вот что этот рыцарь правды мне сказал: «Во время бунта Семеновского полка я встретился с Ник[олаем] Иван[овичем], он мне сказал, что вы не в рядах Семеновского полка восстания? Вам бы там надлежало быть!» Кто мог это сказать, как не член общества? Все это передаю как сущую истину. Случай, за который радуюсь за Тургенева, выпихнул его лично из Верховного уголовного суда, но не было ли ему еще более в обязанности не порочить печатно своих собратьев, а выставить их хоть по чувствам, двигающим их на святое дело освобождения от векового самодержавия^{217*} и особенно там, где его слова не подвергались никакому преследованию. Пусть каждый судит, пусть всякий, читающий эти мои строки, это решит, а высказанные мои суждения о Тургеневе, кто знает меня, не припишет это к злобе, что он не делил нашего опального быта, и не к зависти, что ему, несмотря что он призван был виновным в Верховном уголовном суде, вовсе даже отклонен ныне от этого приговора и дозволен ему беспрепятственный въезд в Россию без всякого надзора, сохранены ему и чины, и знаки отличия. Эти (нрзб.) привилегии почитал я в отношении себя <нрзб.>^{218*}.

Но опять обращаюсь к ходу событий, чисто до тайного общества относящихся, и к сказанному уже мною за давностью времени высказать подробно о «Русской правде» и о принятых после переворота мерах образа управления — не было бы отчетливо. Все это рано или поздно из самих документов выкажется на явь. Но одно скажу, что положено было, что по истечении срока временного правления члены ононого, как и члены общей народной ду-

^{216*} Слова «а назвать его — это речательство, что он никогда недоступен был лжи» отсутствуют в предшествующих изданиях.

^{217*} Слова «по чувствам, двигающим их на святое дело освобождения от векового самодержавия» отсутствуют в предыдущих изданиях.

^{218*} Фраза «Эти <нрзб.> привилегии...» исключена из предшествующих изданий.

мы, не могут быть участниками нового, уже постоянного формированного правления и что миссия их соучастия кончена навсегда.

В предварительных уставах по разным предназначенным управлениям разные части оных были розданы к обработке: административная часть и военные организации были поручены Пестелю. Судопроизводство и финансовая часть были поручены Тургеневу по первому разряду «Русской правды». При получении гласности покажет, какой огромный труд и с какой отчетливостью и светлым взглядом это исполнил Пестель. В военном уставе было постановлено, что привилегированных войск не будет, как обыкновенный исход оных — или опричина, или преторианская гвардия. Труды же Тургенева не попались в руки правительства, но выскажу, что все, что печатно высказано о финансах и судопроизводстве для России — во время его пребывания безмятежного в чужих краях, — есть свод того, что им приготовлено было для применения при перевороте, и им и нами замышляемом для России, и это я заверяю совестью.

Еще одно обстоятельство должен я выяснить прежде, нежели приступить к формальному рассказу о явных мерах против тайного общества. Это относится до предательских действий Витта.

В половине 1824 года граф Витт чрез агента, им избранного, помещика, живущего близ Елизаветграда Херсонской губернии, Бошняка⁶⁰², человека умного и ловкого и принявшего вид передового лица по политическим мнениям, склонил его взойти в сношения с тайным обществом. Витт, как хитрый человек, догадывался во многом о существовании оногo, но открытием оногo в видах предательства хотел выслужиться пред государем, восстановить колеблющееся от государя доверие к нему происками Аракчеева, который имел данные о его денежных злоупотреблениях в расходах по южному поселению, которого он был начальник. По его внушению Бошняк сблизился с Генерального штаба офицером Лихаревым, молодым человеком пылким и неосторожным, которого по постоянным и даже родственным связям с В[асилием] Л[ьвовичем] Давыдовым⁶⁰³ он по чутью полагал или, лучше сказать, несомненно заключил как лицо, принадлежащее к тайному обществу. Лихарев попал в ловушку и, обвороченный принятой Бошняком личиной передовых убежде-

ний человека, принял его в члены общества и представил его как присообщенного обществу Давыдову, который попался также в эту ловушку. По прошествии малого времени Бошняк объявил Лихареву, что граф Витт — человек, делящий наши убеждения и готов примкнуть к обществу, и что приобретение этого лица, начальствующего такой огромной силой военной, значительное приобретение в пользу видов тайного общества, но как лицо, стоящее на первых степенях служебных, он не может гласно даже между членами общества быть известным таковым и что он, Бошняк, будет проводником сношений Витта с Южной думой. Как само собой разумеется, весть эта передана была в Южную думу Тульчинскую, и действия Лихарева были опорочены и Пестелем, и Юшневским, председателями оной, но положено было ими, что недоверие к Витту не надо явно выказать, а как говорит французская пословица, и Бошняка и Витте tenir le bec dans l'eau^{219*}, и решено предложение стараться отклонять, не оказывая недоверия, но выказывая, что к положительному открытому уже действию не настало еще время, а когда решено будет, то, цenia в полной мере предложения Витта, оноe принимается с неограниченною признательностью. Конечно, ни Витт, ни Бошняк не приняли этот ответ, переданный последнему Лихаревым, за чистые деньги, но, как ловкие и хитрые люди, не оказали недоверия, и Бошняк продолжал выведывать, что хотел и мог, от Лихарева. Но что Витт на ус замотал все дознанное им, к подтверждению этого получил я доказательство из одного разговора со мной Павла Дмитриевича Киселева. Жена его в это время поехала на Кавказские воды, и муж ее проводил до Елизаветграда, где была корпусная квартира Витта, который был брат Киселевой⁶⁰⁴. По возврате Павла Дмитриевича он заехал в имение своей жены Буки, а тогда 19-я дивизия стояла лагерем в Соколах, верст 15 или 20 от Бук. Я поехал к нему, и он мне сказал: «Послушай, друг Сергей, у тебя и у многих твоих тесных друзей бродит в уме бог весть что, ведь это поведет тебя в Сибирь, помни, что ты имеешь жену, и она беременна, уклонись от всех этих пустяшных бредней, которых столица в Каменке (имение Давыдова), повторяю, ради себя и жены твоей выпутайся из этого грозящего тебе исхода,

^{219*} Как можно дольше водить за нос (фр.).

повторяю, это пахнет Сибирью, послушайся давнишнего и теперешнего твоего друга». Я на все это отвечал ему неведением того, что он мне высказал, и заверением, что заключение его о мне ошибочно. Убедил ли я его, не знаю, но этот разговор тем и кончился⁶⁰⁵. Он поехал в Тульчин, а я в лагерь, и мы расстались, как бы и слова по этому разговору не было, и при последующих встречах разговор этот не возобновлялся. Но по существу одного и тогда, и теперь убежден, что Витт если не во всем его уведомил, то намекнул кое о чем.

Разговор мой с Киселевым я сообщил и в Тульчин, и в Каменку, чтоб приняли к соображению и стояли настороже. Но каша, как говорит пословица, была заварена, и впоследствии пришлось всем нам туго ее расхлебывать.

Кроме Витта и Бошняка оказались еще два предателя: это Шервуд⁶⁰⁶ и Майборода⁶⁰⁷.

Шервуд был также агент Витта, и вот что я знаю о личности его и действиях. В чужих краях напечатана книжечка под заглавием «Шервуд». Кто он, откуда вышел, недочеты его первой общественной жизни там отчетливо изложены, но все, что относится до того переворота, который он принял в отношении нового пути его действий и цели оных в деле открытия, к открытию такового тайного общества, сушая ложь, а еще более все подробности средств и случаев, будто им принятых к открытию цели и действий тайного общества^{220*}. Все, что он высказывал о сборе в Каменке у Василия Давыдова, о случайности, доставшей ему средства подслушать тайные совещания присутствующих в съезде членов в их разговорах, также есть сушая ложь. Как человек довольно сметливый, он кое-что угадал. Его присутствие в Каменке имело поводом употребление его Александром Львовичем Давыдовым, большим обжорой, для посылок в Крым для привоза устриц, на что он был рекомендован полковым своим командиром полк[овником] Гревсом⁶⁰⁸, командующим 3-м Украинским полком, в соседстве Каменки расположенным. В этих поездках Шервуд зарабатывал себе копейку. Как сметливая особа, он кое-что угадывал, может быть, и от Витта имел поручение кое-что следить, и с этими

^{220*} Часть фразы, начинающаяся словами «а еще более», отсутствует в предшествующих изданиях.

догадками, употребленный как сыщик ловким Виттом, обратно по разным предметам был послан в Харьков, чтоб кое-что узнать о распространившемся слухе каких-то замыслов в пользу греческой этерии (т. е. тайного сообщества в пользу греческого восстания, в замыслах которого соучаствовал некий граф Булгари)⁶⁰⁹. Не знаю, открыл ли что по этому делу, но поездка его в Харьков была ему случаем познакомиться и сблизиться с Федором Федоровичем Вадковским⁶¹⁰, членом нашего общества, молодым человеком, пылким, умным, но слишком доверчивым. Вадковский был переведен из Кавалергардского полка в армию в Нежинский, сколько помню, драгунский полк за смелые разговоры и, кажется, стихотворения или распространение оных, имеющие цель обсуждение правительства и государя, и этим переводом был ожесточен. Шервуд умел вкрасться в его доверие тонким лазутчиком; имея некоторые догадки о происходившем на довольно редких съездах членов тайного общества в Каменке, [не] более раз в год на именины старухи Давыдовой в Екатер[инин] день, выпустил Вадковскому, что он член общества, а тот по доверчивости поверил и взошел с ним в короткое знакомство, узнал подробности по тайному обществу; даже Вадковский сообщил ему, что устав общества и список членов хранится у него в потаенном ящичке в футляре его скрипки и со всеми этими изменнически добытыми данными возвратился к Витту. Вот совестливый отчет о Шервуде, так ловко искаженный в печатных записках о нем, в чем не вина писателя, высказав[шего] оные со слов Шервуда и не имевшего случая, ни средства проверить его рассказ. Я здесь так подробно все высказываю о Шервуде и Вадковском потому, что вследствие доноса Шервуда Вадковский был до смерти еще импер[атора] Алек[сандра] арестован и препровожден в Шлиссельбургскую крепость по распоряжению Аракчеева и поэтому ранее всего принятого вследствие доноса Майбороды, и тем [хочу] высказать, что не темно было к раскрытию и тайного общества, и всех действий его при получении столь подробных данных.

В рассказе о Вадковском прочь от моего пера всякое обсуждение неосторожных действий; я храню к его памяти глубокое уважение, как одному из замечательных лиц по уму, по теплоте чувств и сердца и по неизменности его убеждений, а неосторожное его доверие извинительно

отчасти из этих самых чувств при неопытности его молодых лет.

Тут нахожу место в моих записках выказать мое предположение, что бы впоследствии с членами тайного общества, если бы Александр Павлович не скончался в Таганроге. Хотя а priori заключаю, но я убежден, что император не дал бы такой гласности, такого развития следствию о тайном обществе. Спасено бы было несколько двигателей оного, которые бы, может, сгнили жизнью в Шлиссельбурге, но он почел бы позором для себя высказать, что была попытка против его власти. Гласность, приданная нашему делу, намеренная, возвеличила нас пред современниками [и] потомством. Может, я ошибаюсь в моих заключениях, но это мое убеждение: огонь под спудом не только не виден, но погасает.

Что мне сказать о Майбороде? Эта личность такая подлая, что просто нечего о нем выразить, как только в пользу его. Он начал свою службу в Московском гвардейском полку, как и откуда туда поступил, мне неизвестно, но был слух, что перевод его в армию был следствием негодования общества офицеров этого полка против него за предосудительные поступки. Переведенный в Вятский полк, как офицер, знающий все тонкости фрунтовой службы, он был назначен Пестелем ротным командиром 1-й гренадерской роты. Пестелю нужно было дать толчок в полку к поставлению полка на уровень требуемой в то время фрунтовой образованности в полку, вовсе отсталому по этой части. Майборода, как человек хитрый, хорошо понял, что при достижении этой цели в вверенной ему части, чтоб угодить взглядам служебным Пестеля, надо достичь этого мерами не жестокими с нижними чинами. Этим образом действий он пленил Пестеля и постепенно взошел к нему в доверие, играл роль человека, понимающего мысли, чувства и цель высших воззрений политических Пестеля, и обворожил его до того, что Павел Иванович почел его достойным быть принятым в тайное общество членом. В одно из моих посещений в Линцах к Пестелю сей последний, меня познакомив с Майбородой, мне сказал: «Он из наших и вполне заслуживает нашего доверия». Смотр 1823 года Южной армии государем, на котором Вятский полк заслужил одобрение императора, еще более по управлению полка Пестелем сблизил Май-

бороду с ним, и, постепенно входя в доверие, он сделался весьма близким к нему человеком и высказал ему, что если он ему поручит прием комиссариатских вещей и выхлопочет получение оных и заготовление многих заказов для полка в Москве, то все это будет сделано выгодно им и в лучшем виде. Пестель обделал, что прием вещей был назначен прямо из Московской комиссии, где удобно можно сойтись с подрядчиками и сделать вольные заказы. Это поручение было Майбороду дано, но впоследствии оказалось, при возврате его, что все обещанное им не исполнено по ожиданиям, и в полученных деньгах Майборода не мог дать надлежащего отчета и поэтому следовал к законной каре. Майборода, поставленный в безответное положение по этому делу, чтоб отклонить от себя эту ответственность, как подлая душа для собственного своего спасения, решился губить других выказанием существования тайного общества лиц, составляющих оное, и цели общества, о чем он по первоначальному доверию Пестеля к нему имел полные данные. Быв мелкопоместным помещиком близ Елизаветграда совместно с братом своим⁶¹¹, он под предлогом получения денег выхлопотал себе от Пестеля отпуск, чтоб иметь средства к расчету, отправился туда и там взошел в сношение с упомянутым уже Бошняком и чрез него с гр[афом] Виттом и выказал все, что знал, им. Но как Майборода, не довольствуясь изменническим своим действием, сделал донос прямо на имя государя в Таганрог. Как я слышал впоследствии, этот донос никому государем не был сообщен и найден на его столе после его смерти и подал тогда повод Дибичу сообщить об оном в Петербург и вместе с тем поручить Чернышеву, не теряя времени, ехать в Тульчин для безотлагательного следствия. Чернышев, проезжая чрез Гайсин (почтовая станция неподалеку от расположения Вятского полка), послал за Майбородой и с ним прибыл в Тульчин, где Майборода при очных ставках уличил многих вытребованных при первоначальном следствии.

Выказав всю подлость действий Майбороды, надеюсь, что те, которые прочтут эти строки, убедятся, что он действовал не по какому-ли[бо] чувству преданности, а просто для самоспасения — в явной краже и растрате денег, ему не принадлежащих.

Общим замечанием о Шервуде и Майбороду скажу, что, несмотря на выгодный, данный им ход по службе за

сделанный ими донос, Шервуд, получивший вдобавок к своей фамилии прозвище «Верный», в обществе даже петербургском иначе не назывался как «скверный», что переведенный в лейб-Драгунский полк, товарищи им чуждались и прозвали его собачьим именем «Фиделька»⁶¹², что общим мнением товарищей по полку отчужденный ими, он был причислен к жандармскому корпусу, чтобы иметь приют без поругания, что тут он новыми пройсками, подобными тем, которые его вывели на явь, он уличен был в лжи из собственных расчетов и, наконец, и из жандармов высторонен и, как мне сказали, пренебреженный всеми, жил с позором и в нужде.

Подобно ему Майборода, выдвинутый по службе чрез свой донос, переведенный тем же чином капит[ана] из армии в гвардию, награжденный деньгами, был предметом презрения своих сослуживцев в полку, вышел подполковником в армию на Кавказ и, несмотря на поддержку начальства, был, как и Шервуд, презираем; был назначен командующим полком. Как мне сказывали, промотал казенные деньги и поносную и преступную свою жизнь кончил самоубийством. О Бошняке не имею сведения, но безгласность его жизни также поводом к заключению моему, что он от содействия с Виттом не пожал явных выгод. О самом же Витте: этот человек, как во всю свою жизнь, умел вывернуться из всего этого без укоризны, под личиной преданности, тогда как повод в его действиях был не преданность, а средство выпутаться этой услугой из затруднительной ответственности по растрате значительных сумм по южному военному поселению, состоящему в его заведовании.

Но пора возвратиться к прямому рассказу о ходе дела по тайному обществу и моему соучастию в оном.

Я остановился в моем рассказе о прямом предмете и действии моем по тайному обществу на разговоре с Киселевым. Успел ли я его убедить, что нет мыслимого им общества, не думаю. Что же касается до моих действий в кругу общего направления оных, я не имею о себе что-либо сказать, что чистота моих убеждений о необходимости переворота в России никогда не ослабевала^{221*} и что я приносил по мере моих сил полную лепту усердия, ко-

^{221*} Слова «что чистота моих убеждений о необходимости переворота в России никогда не ослабевала» изъяты из предшествующих изданий.

торое неизменно продолжалось до той великой минуты, когда вышеупомянутые доносы поставили не только правительство настороже по оным, но вызвали уже полные предостерегательные и карательные меры против замыслов тайного общества.

Прежде нежели приступить к повествованию оных, надо высказать подробности этой эпохи. Это было в ноябре 1825 года. Император в то время был в Таганроге, где пользовался южным климатом по расстроенному его здоровью. В первых числах ноября он один с малою свитою поехал в Крым. При поездке из Севастополя в Егорьевский монастырь он был настигнут весьма дурной погодой и, возвращаясь, простудился. Признаки болезни сначала были слабые, но при возвратном пути в Таганрог эти признаки усилились, он почувствовал, что объявший его недуг усиливается, и остановился на ночлег. Сопровождающий его медик Виллье^{222*613} посоветовал ему принять лекарство, но император не согласился и сказал, [что] отдых ночью, добрый стакан пуаншу, который во время отдохновения ночного причинит пот, поможет ему, и, несмотря на убеждения Виллье, настоял на своем. При зародыше воспалительной болезни средства, им упрямо принятые, не только что помогли ему, но имели дурные последствия, и возвратно в Таганрог болезнь все усиливалась, и 19-го ноября он отдал богу душу.

Была молва, что доносы, им полученные и вышеупомянутые, известны были ему до отъезда из Таганрога и сильно взволновали его душу. Властелину не только России, но частью главе политического мира Европы, и тогда как ему казалось, что он обуздал в Европе все попытки к перерождению быта народов, изумило его, что горсть пылких лиц в среде самой России замыслила переворот. Был также слух, что он, разочарованный этим обстоятельством, возымел мысль отречься от престола, но что достоверно, это то, что полученные им доносы не были никому сообщены, и одно известно, что он писал к Аракчееву, чтоб вызвать его в Таганрог, но этот в то время <нрзб.> от убийства его дворней его любовницы⁶¹⁴, отклонился от немедленного выезда.

Но опять отклонюсь от хода событий главных, чтобы повествовать здесь эпизод, лично до меня относящийся.

^{222*} В оригинале здесь и далее ошибочно: Вилле.

но который показывает, что зародыши к действию тайного общества были известны императору Александру. Вот этот рассказ. В октябре 23-го года государь делал смотр Второй армии, и я, быв бригадным в этой армии, был на этом смотре действующим лицом. Когда моя бригада прошла мимо царя, я при начале ее шествия и продолжении оного по порядку службы должен был приостановиться неподалеку от государя, и когда последний взвод миновал, я уже поворачивал мою лошадь, когда услышал призыв государя — поближе к нему. Исполнив это, вот слова, им мне адресованные: «Я очень доволен вашей бригадой. Азовский полк из лучших полков в моей армии. Днепровский немного отстал, но видны и в нем следы ваших трудов. И, по-моему, гораздо для вас выгоднее будет продолжать оные и не заниматься управлением моей империи, в чем вы, извините меня, и толку не имеете». Этот разговор, или, лучше сказать, выходка ко мне ясно доказывает, что царю уже тогда было известно многое о тайном обществе. Как никто не внял тому, что мне было сказано, этого не понимаю. Ко мне посыпались поздравления о беседе со мною царской, даже Киселев, когда после смотра я пришел к нему, мне сказал: «Ну, брат Сергей, твои дела, кажется, хороши! Государь долго с тобой говорил». И когда я ему сказал: «Но что говорил», — и я ему это высказал, то Киселев меня спросил, что я намерен делать. «Подать в отставку». — «Нет, друг, напиши письмо к государю, полное доверия к нему, что он примет твое оправдание и, выслушав тебя, убедится, что ты оклеветан. Отдай мне это письмо, я при докладе вручу его государю». Я это сделал, и когда Киселев ему его вручил, государь, прочитав оное два раза, сказал ему: «Monsieur Serge меня не понял: я ему выразил, что пора ему остепениться, сойти с дурного пути, им прежде принятого, и что я вижу, что он это сделал. Мне кажется, что я проеду чрез его бригадную квартиру, пусть он там будет с почетным^{223*} караулом, я там успокою его в ошибочном впечатлении».

Я, находясь при почетном карауле, встретил царя. Он отлично был доволен им, и, подозвав меня, благодарил и сказал: «Ты не понял меня, я хотел тебе сказать, что твоя головушка прежде сего заносилась туда, где ей не

^{223*} В оригинале ошибочно: почтенным.

надо было заноситься, но теперь я убедился, что ты принялся за дело, продолжай, и мне будет приятно это в тебе оценивать». Вот истинный рассказ о этом эпизоде в моей жизни, о котором я так подробно распространился более для того, чтобы выказать, что многое о тайном обществе было известно государю и что сказанное им мне был предостерегательный намек и мне, и моим сообщникам в тайном обществе⁶¹⁵.

Прежде повествования этого эпизода я остановился на смерти императора. Когда еще общегласно не была она известна, я узнал о ней по сообщению оной мне одним из проезжих фельдъегерей, мне знакомых. Вскоре после проезда этого фельдъегеря передовой фельдъегерь, другой, известил о немедленном проезде Чернышева, который и прибыл в Умань. Я его по порядку службы встретил на станции. Передовые его фельдъегеря, два таковые, ему сопутствующие, сделали невольно впечатление, что он не с доброй вестью, и вспомнив разговор его со мной,— это бы в то время должно было бы дать мне заключение о том, что случится со мной. «Вы здесь с женой, князь! и она, как мне известно, беременна на сносе. Приняли ли вы все меры предосторожности в теперешнее время, при событиях общих; надо, чтоб она окружена была всеми мерами предосторожности». Многое должно бы было этими словами мне открыться, но я это принял за одно участие к быту жены в общем очерке жизни.

Я тогда командовал 19-й дивизией за отсутствием Корнилова, находящегося в отпуске⁶¹⁶. Сперва приказано было мне привести дивизию к присяге на верноподданство Константину Павловичу. Я, собрав от шести полков оной дивизии присяжные листы, на третий день после проезда Чернышева поехал с оными в Главную квартиру и на станции Крапивной узнал, что Чернышев и Киселев в Линцах, что из этого места, где штаб Вятского полка, был вызван в Тульчин Пестель, и застал на станции денщика Пестеля, которого везли за караулом⁶¹⁷. «Это все,— про себя подумал я,— не к добру»,— и как при мне было от меня письмо к Пестелю с некоторыми сообщениями по делам тайного общества, я, выехав из Крапивной, изорвал его в мелкие куски и по дороге разметал в разных местах. Приехав в Тульчин, я узнал, что Пестель под присмотром, что Аврамов также вызван, что Борятинский отправился к Сабанееву и что следствие началось и мно-

гие арестованы. Как говорит пословица, j'ai du faire bonne figure à mauvais jeu^{224*}.

Явившись к главнокомандующему графу Витгенштейну, этот добрый старик принял меня по обыкновению очень ласково. Я привез присяжные листы от полков 19-й дивизии, но присяжные листы на верноподданничество императору Константину, потому что отречение его от престола еще не было известно, и как у нас в России правительственно ничего не делается ладно, в возвращенных от Польши губер[ниях], состоящих под ведомством Константина Павловича, было им запрещено гражданским властям и жителям ему присягать, а войска, не состоящие под его начальством, присягали ему. При разговоре с графом он меня спросил: «А что ты, князь, кого ты признаешь государем?» Я ему отвечал: «Того, которому вы присягнете». Он мне отвечал: «Я за Константина как старшего по престолонаследию». Тут я просил графа позволения отлучиться из Умани, чтоб отвезти жену мою в Болтушку⁶¹⁸ для родов. Он мне сказал: «Поезжай, но не замедли и особенно не заезжай в Каменку к Давыдову». Вот один только был его намек о моем участии к тайному обществу. Воротясь на квартиру, где я остановился, и зная, что Пестель находится у дежурного генерала Байкова⁶¹⁹, я в виде попытки с Пестелем свидеться, под предлогом переговора о продовольствии дивизии, пришел к нему и неожиданный им взшел к нему и застал Байкова, пьющего чай с Пестелем. Хоть Байкову не по нутру был мой приход, но не выгнать же ему меня, и был у меня с ним общий разговор о продовольствии дивизии, и чтоб дать знать Пестелю, что я увижусь с Юшневским, главой Тульчинской думы, я попросил у Байкова по случаю грязи в Тульчине, чтоб он мне на это посещение дал дрожки, и он с согласием очень рад был избавиться от незваного и затруднительного для него гостя. Покамест закладывали дрожки, вдруг внезапно прибыл фельдъегерь из Таганрога, и для получения депеш Байков должен был идти в соседнюю комнату, но не спускал глаз ни с меня, ни с Пестеля. В этот промежуток я тихим голосом сообщил Пестелю, что на него сделал донос Майборода, что мне добрым знакомым, хотя и не членом общества, было сообщено. На это Пестель так же вполголоса: «Смотрите, ни в чем не сознавайтесь, я же, хоть и жилы мне будут

^{224*} Я должен был делать хорошую мину при плохой игре (фр.).

тянуть пыткой, ни в чем не сознаюсь. Одно только чтоб сделали, это «Русскую правду» чтоб уничтожили, одна она может нас погубить». Тут вернулся Байков, и мой разговор с Пестелем невольно прекратился. Я опять повторил Байкову, что я еду к Юшневскому, чтоб указать Пестелю, что передам к исполнению его слова. Но, к несчастью, «Русскую правду» не уничтожили, а закопали в одном огороде — в деревне Клебани⁶²⁰, и впоследствии окажется, что она была отыскана и была уликою главною против Пестеля и всех членов тайного общества.

Я не застал Киселева в Тульчине, он с инквизитором Чернышевым тогда был в Линцах на квартире Пестеля, а я, желая даже избегнуть встречи с ним и желая иметь обязанность при крутых обстоятельствах, мне грозивших, скорее свезти беременную на сносе жену в приют ее семейства, принял обратный путь в Умань, куда уже прибыл за полночь. Первым занятием моим было, хоть не подробно, а слегка обозначить всю сумятицу происшествий в Тульчине, и сказал жене, чтоб не дать подозрений прислуге моей, — зажечь камин будто для того, что озяб дорогой, а мой вид был уничтожить разные бумаги, которые могли бы компрометировать меня, и камин был зажжен, и бумаги кинуты и обращены в пепел. В числе сих бумаг было нераспечатанное мною письмо от Бестужева-Рюмина члену Польского общества, назначенного этим обществом для переговоров между двумя обществами. По некоторым обстоятельствам я не передал это письмо по адресу, лично не знал о его содержании, и, несмотря на это, при Следственной комиссии петербург[ской] это письмо было известно слово в слово, и это письмо многим и мне был обвинительный факт⁶²¹.

На другой же день моего возвращения в Умань я повез жену в Болтушку и прибыл туда, переночевав в Матусове у Алексея Петровича Орлова⁶²², и к обеду был у тестя моего. Тут я узнал некоторые обстоятельства о разгаре, принятом по поимкам существования тайного общества^{225*} и об аресте некоторых лиц, тут я узнал о положительном признании Николая императором и происшествии, хоть вскользь еще, 14-го дек[абря] в Петербурге. Хоть с сокрушенным сердцем должен был расстаться с женой и воротился уже один в Умань. Как

^{225*} Так в оригинале.

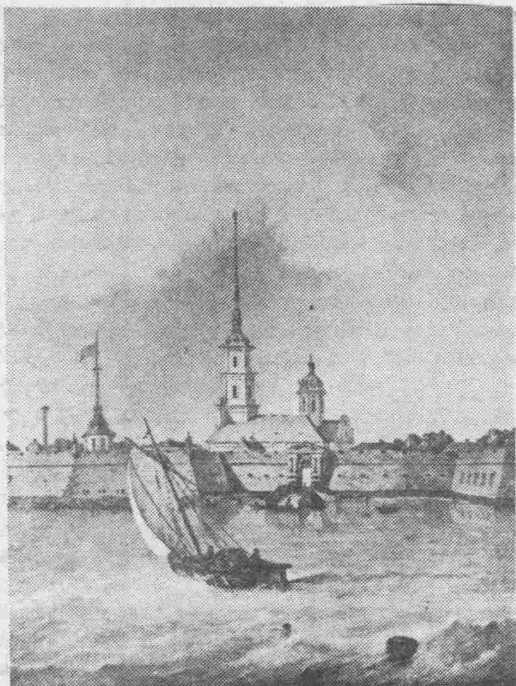
М. Н. ВОЛКОНСКАЯ С СЫНОМ
Гравюра В. Унгера с акварели П. Ф. Соколова,
1826 г.

Корнилов был еще в отсутствии, получено мне было приказание из Главной квартиры привезти дивизию к присяге уже Николаю Павловичу. Собрав Днепровский полк, и это учинил и поехал в Ставище, чтобы то же сделать с Азовским полком — и было исполнено, но, возвращаясь из Ставища в Умань, я встретил посланца с летучей военной почтой, где уже возвратившийся дивизионный командир Корнилов давал приказание Азовскому полку мимо меня и приказывал также прямо полковому командиру, относясь к нему мимо меня. Тут же я ясно увидел, что и мой черед, если еще не преследования, но начало опалы начинается. Возвратясь в Умань, явился по долгу службы к дивизионному командиру, который, избегая каких-либо служебных отношений, не престаивал частно о многом го-

ворить и передал мне многие подробности о 14-м дек[аб-
ря], как самовидец, и обычным язвительным его языком
выказывал, как при этом обстоятельстве царедворцы,
исключая самого императора Николая, потеряли голову и
как легко бы было возмутившимся стать твердой ногой и
с успехом в их предпрятии.

Возвращение мое в Умань одиноким было, сколько
мне помнится, в последних числах декабря 25-го^{226*} года,
как я получил из Болтушки известие, что жена благополу-
чно разрешилась от беременности 2-го или 3-го янва-
ря⁶²³, но помню, что эту весть получил 4-го янв[аря] за
полдень. Добрая эта весть, заставшая меня среди обстоя-
тельств весьма сложных и бойких, поставила меня в за-
труднение о поездке к ней по долгу мужа и отца, и я
пошел к Корнилову объяснить о моей радости и просил
у него позволения ехать к жене, хоть на несколько часов.
Корнилов мне сказал: «Позволить не могу как начальник,
но как отец и муж могу смотреть сквозь пальцы на вашу
отлучку». Мне довольно этого было, и сейчас в путь. В
это время был Витт в Умани, по близкому моему знаком-
ству с ним я и ему сказал о моей радости и о затрудне-
нии моем решиться ехать к жене, но он по обычному его
двуличию даже поддержал меня в решении поездки, и я
ночью же в путь. Прибыл в Болтушку 5-го рано утром
обрадовать жену и ее семейство, взглянуть на новорож-
денного первенца, и тут я узнал о многих подробност[ях]
арестов и восстании 14-го дек[абря] и Сергея Муравье-
ве — обстоятельства, уже ясно выдвинувшие к преследо-
ванию явным образом всего тайного общества, а перед
рассветом 7-го числа получил я нарочного от Корнилова
с письмом, объясняющим мне (хоть ложно), что моя
бригада двинута против Черниговского полка и о необ-
ходимости для меня прибыть к оной. Я еще не догады-
вался, что это от Корнилова уловка, присланный с пись-
мом офицер не знал или, зная, не высказывал ничего,
и эта неизвестность продолжалась до половины пути, где
я встретил отправленного из моего Уманского дома тай-
ного посланца, который объявил мне, что к моему дому
приставлен часовой и вхожие двери запечатаны. Тут уже
все разъяснилось мне и повергло мое сердце в грусть не
потому, что последствиями на меня нагрянет, но по впе-

^{226*} В оригинале ошибочно: 26-го.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Акварель неизвестного художника I половины XIX в.,
1845 г.

чатлению, которое последует на жену, лежащую на родильном одре.

Приехав в Умань, я прямо на свою квартиру, но была уже ночь и выпуск меня был воспрещен. Я к Корнилову, который не грозно, но с добросердечием объяснил мне, что за мной прислан фельдъегерь из Петербурга, куда меня должно доставить арестованным, и что обыск у меня на квартире и сдачу фельдъегерю учинят завтра, 7-го января, а покамест я отдохну у него. Сон не шел мне на глаза, думая о положении жены.

На другой день Корнилов со всем дивизионным штабом и мною пошел на квартиру, все бумаги, состоящие у меня (но все пустые), запечатав, отдал фельдъегерю, взял шпагу мою и также с ярлыком отдал фельдъегерю и потом протокол моего ареста, подписанный всеми членами дивизи-

зионного штаба. Подвезли тройку, и я, фельдъегерь и человек мой пустились в путь. В эту минуту я видел большое участие сослуживцев моих и моей дворни и храню им за это в сердечной памяти большое спасибо.

Провожавший меня фельдъегерь, кажется по фамилии Тимофеев или Андреев⁶²⁴, не упомню, был очень вежлив со мной и проездом чрез города являлся к военным начальникам, оставляя меня одного, что и дало мне случай написать из Бердичева письмо к тестю о себе, да еще до выезда из Умани, с дозволения Корнидова, я написал шесть писем к жене, скрывая, что меня увезли, а что я будто бы по открывшимся политическим обстоятельствам с Турцией выступил к границе, и эти письма должны были понеделельно ей вручаться.

Во время пути я обогатил несколько препровождаемых, как меня, арестантов, и в особенности знакомых мне двух братьев Пушкиных-Бобрищевых, посылаемых из Тульчина, которые мне сообщили многое о тульчинских арестах. Встретил я ген[ерал]-адъ[ютанта] Демидова и при нем флигель-адъютанта Николая Дмитриевича Дурново⁶²⁵, едущих по выс[очайшему] повелению по розыскам по делу Черниговского полка, и эти два знакомых коротко мне лица настоятельно меня упрашивали ничего не скрывать, потому что все ясно и явно известно в Петербурге, и надеяться тогда на неограниченное милосердие государя, а вышли бубны за горами. Встретил я едущего из Петербурга адъютанта князя Щербатова⁶²⁶ — в Киев, которому также вручил письмо к тестю. Наконец, неподалеку от Питера попался мне листок «Инвалида» на станции, и в оном уже первоначальный отчет об открытии всех тайн тайного общества и наименование нескольких лиц, участвующих членов, и сказано было, что «коварные и преступные их цели не только известны, но что признаны ими»⁶²⁷. Все эти встречи, особенно последняя, произвели на меня впечатление невыгодное, и сознаюсь искренне в этом, как наставление для тех, которые замешаны в политических делах, что политическому лицу, попавшему уже в правительственные когти, не надо доносить о ходе дел событий и не только держать язык за зубами, но не проникать в завесу этих событий и будущности исхода оных^{227*}.

^{227*} Со слов «и сознаюсь искренне» до конца фразы из предшествующих изданий изъято.

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ НА ДОПРОСЕ
Рис. В. Ф. Адлерберга, 1826 г.

Препровождение мое арестованным и в присутствии фельдъегеря, наконец, достигло его цель приездом в Питер. Сперва привезли меня к так называемому тогда Шепелевскому дворцу, где жил начальник штаба е[го] и [мператорского] в[еличества] барон Дибич. Фельдъегерь пошел доложить о моем прибытии, или, лучше сказать, привозе, а я остался на повозке под караулом казака, который препровождал нас от заставы. Фельдъегерь возвратился и повел меня в Главный штаб к дежурному генералу Потапову⁶²⁸. Опять фельдъегерь пошел за приказанием и неизвестным мне поручением, ему данным, а я остался в повозке опять под присмотром казака. Во время отсутствия фельдъегеря к Потапову приехал адъютант Дибича князь Петр Иванович Трубецкой⁶²⁹, поспешно взошел на квартиру дежур[ного] ген[ерала] и по-

спешно возвратился и приказал ямщику ехать в Зимний дворец, не входя со мной в разговор, хотя он коротко был со мною знаком. Меня привезли к той части дворца, которая тогда называлась Конюшенным двориком, повели меня подвалами, и это было уже перед вечерней зарей, по этим подвалам, где, по крайней мере, в полном вооружении был батальон гвардейской пехоты. Я выставляю это обстоятельство как доказательство, что даже по истечении месяца от 14-го декабря по боязни ли или по предположению, что может еще вспыхнуть мятеж, принимались меры осторожности. Итак, проводимый чрез эти подвалы, выведен я был на лестницу Эрмитажного въезда с Невы и введен в переднюю комнату и, по докладе обо мне, введен в прилегающую залу, из которой выходил тогда Басаргин⁶³⁰, адъютант Киселева, арестованный в Тульчине и привезенный в Питер.

Взойдя в эту залу, я увидел, что в ней за письменным столом сидит ген[ерал]-адъ[ютант] Василий Васильевич Левашов, старый однополчанин мне по Кавалергардскому полку. Он вышел доложить госуд[арю] о моем прибытии, а я остался несколько минут один, что мне дало случай взглянуть на бумаги, лежащие на столе, а именно показания Басаргина, Лемана⁶³¹ и Якушкина, вероятно, допрошенных Левашовым до моего привода к нему. Из беглого кратковременного взгляда на эти бумаги я узнал, что все трое, особенно Басаргин и Якушкин, не утаивали принадлежности их к тайному обществу, но в очерке только «Зеленой книги», т[о] е[сть] устава общества до перемены оного устава после Московского конгресса. Леманский же допрос — не имел времени на него взглянуть. Тут явился сам государь импер[атор] Николай в сопровождении Левашова, и первый мне сказал, тогда еще не гневно: «От искренности ваших показаний зависит ваша участь, будьте чистосердечны, и я обещаю вам помилование». Государь вышел, и я остался глаз на глаз с Левашовым. Начался допрос, и я, руководствуясь теми данными, которые успел прочесть, как выше пояснил, и в убеждении из многих прежде известных мне данных, что существование общества известно, я мои показания делал в очерке «Зеленой книги». Как Левашов ни домогался от меня более подробных объяснений, выставляя и прежние наши товарищеские сношения, и преданность к зятю моему Петру Михайловичу, и поэтому и мне, но я все-таки

не выходил из очерка устава «Зеленой книги»^{228*}. Левашов взял мой допросный лист и пошел к государю, и вскоре они опять воротились ко мне. Государь мне сказал: «Я...

^{228*} Со слов «но я все-таки» до конца фразы отсутствует в предшествующих изданиях.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТРИ ПРЕДАТЕЛЯ

Бошняк. — Майборода. — Шервуд

(Записка декабриста)

1. Бошняк

Бошняк — в донесении Следственной комиссии скрытый под названием: *агента графа Витта* — был человек умный и в свое время считался даже человеком передовым. Он был помещиком Херсонской губернии, жил в своем имении, невдале от Елисаветграда, и был в коротких сношениях с графом Виттом, командиром херсонских военных поселений. Граф Витт, человек весьма проницательный, догадывался о существовании тайного общества и, разговаривая с теми, кого полагал в нем участниками, открыто осуждал действия правительства. Этим он надеялся войти в доверенность, и целью его было: вступить в общество и разузнать состав, цель и средства оно, чтобы о всем донести правительству и через то выслужиться у своего покровителя Аракчеева. Он пригласил Бошняка содействовать ему в достижении этой цели. Он догадывался, что служащий в военных поселениях Генерального штаба офицер Лихарев, человек молодой, образованный, пылкий душою, принадлежал к обществу. Он направил на него Бошняка, который, представляя из себя врага правительству, вкрался в доверие Лихарева, предложил себя в члены общества и был принят в начале 1825 года. Вступив в такую тесную связь с Лихаревым, Бошняк все более и более вкрадывался в его доверие, показывал себя готовым на все и, наконец, объяснил, что Витт желает войти в общество и, командуя всем херсонским военным поселением,

готов с оружием в руках содействовать цели общества. Лихарев сообщил об этом предложении Тульчинской думе, которая возымела сильные сомнения в искренности предложения Витта, но вместе с тем приняла в соображение всем известное обстоятельство, что по южным военным поселениям суммы весьма значительные были Виттом не только неправильно израсходованы, но еще употреблены на собственные нужды, что это воровство уже было известно строгому и неумолимому Аракчееву, что Витт был поставлен через то в положение весьма затруднительное и должен был питать справедливые опасения за свое будущее. Соображая все это, члены Тульчинской думы предписали Лихареву затянуть дело принятия Витта, не оказывая ему явного недоверия и отсрочивая это принятие до киевских контрактов 1826 года, но таким образом, чтобы отсрочка эта не доказывала бы недоверие к Витту и не подала бы ему повода броситься в противоположную сторону, а между тем доставила бы обществу возможность убедиться в большей или меньшей искренности его, следя постоянно за ним.

Бошняк, содействуя намерениям Витта, вошел в сношения с одним из членов общества, капитаном Вятского пехотного полка Майбородою, и обрел в нем полного содеятеля в предательстве.

Бошняк, полагая, действовал из честолюбия. При его образованности, уме и жажде деятельности помещичий быт представлял ему круг слишком тесный. Он хотел вырваться на обширное поприще — и ошибся. Что с ним стало впоследствии — мне неизвестно.

II. Майборода

Майборода, сын херсонского помещика, из мелкопоместных, начал свою службу в Московском гвардейском полку. Офицеры этого полка принудили его перейти в армию; причина мне неизвестна, но, само собою разумеется, не может принести чести Майбороде. Он перешел в Вятский пехотный полк, коим командовал тогда знаменитый Пестель. Майборода был человек весьма хитрый, весьма ловкий, весьма вкрадчивый и, в качестве бывшего гвардейца, был докою фрунтового дела. Пестель поручил ему первую гренадерскую роту, которую он поставил на прекрасную ногу по фрунтовой части. Желая вкратце в доверенность Пестеля, он в управлении своею ротою с

величайшим тщанием следовал правилам человеколюбия и попечительности о солдатах, правилам, введенным Пестелем в Вятском полку. Поэтому он и был принят в члены общества. Экономические деньги Вятского полка Пестель не клал себе в карман, подобно большей части полковых командиров, а употреблял на благосостояние нижних чинов. Майборода, человек весьма расчетливый, указал ему возможность увеличить сумму, столь благородно Пестелем употребляемую, следующим средством: принимать предназначенные для полка вещи по срокам, но не в Балтской комиссариатской комиссии, к коей приписан был Вятский пехотный полк, а в Московской комиссариатской комиссии. Он получил от Пестеля это поручение с правом входить в Москве в сделки с комиссионерами и, принимая деньги, покупать вещи по вольным ценам... По возвращении Майбороды из Москвы Пестель при осмотре вещей и при рассмотрении счетов открыл плутни Майбороды и грозил отдать его под суд. Майборода, чтобы избегнуть заслуженной кары и зная об отношении общества к Бошняку и к Витту, вступил с Виттом в переговоры для открытия правительству существования тайного общества. На совещании между Виттом, Бошняком и Майбородой положено было, что Майборода отправит письменный донос государю, находившемуся тогда в Таганроге, а Витт напишет к государю письмо, прося дозволения прибыть лично в Таганрог для сообщения весьма важной тайны и для представления необходимых объяснений. Витт надеялся, оказав своим предательством столь важную услугу, обеспечить себя и ускользнуть из лап Аракчеева.

Донос Майбороды и письмо Витта получены были государем в одно время¹. Он никому их не сообщил, но послал Аракчеву, оставшемуся в Петербурге, приказание прибыть в Таганрог, куда велено было явиться и Витту. Ни тот, ни другой не успели исполнить этого повеления. Аракчев бесновался после убийства его дворовыми людьми жестокой с ними любовницы его Анастасии (известной по всей России под именем Наськи); Витт занемог горячкою и в течение нескольких дней находился при смерти, а вскоре скончался и государь после самой кратковременной болезни. По смерти государя бумаги, лежащие на его столе и получаемые на его имя, были рассмотрены начальником Главного штаба бароном Дибичем, который пригласил содействовать ему в этом разборе князя Петра

Михайловича Волконского, состоявшего при императрице Елисавете Алексеевне. Дибич и Волконский нашли и письмо Витта и донос Майбороды и немедленно сообщили о них: в Варшаву, великому князю Константину Павловичу, и в Петербург, великому князю Николаю Павловичу. Они послали из Таганрога в Тульчин, Главную квартиру Второй армии, товарища начальника Главного штаба генерал-адъютанта Чернышева (впоследствии бывшего военным министром и председателем Государственного совета) для арестования Пестеля и майора Вятского полка Лорера². Чернышев поехал не прямо на Тульчин, но объездом через Елисаветград и Умань. Целью проезда его через Умань было узнать, что делается в этом местечке, в коем находилась Главная квартира Первой бригады Девятнадцатой пехотной дивизии. Эту бригадою, состоявшею из полков Азовского и Днепровского, командовал генерал-майор князь Сергей Григорьевич Волконский, один из главных членов общества и задушевный друг Пестеля. Целью проезда Чернышева через Елисаветград было свидание с Виттом. Чернышев имел с собою несколько фельдъегерей, тогдашних воронов-алгуазил³, при Николае замененных жандармами.

Не доезжая до Тульчина, он остановился в Гайсине и послал агента еврея, предварительно указанного Виттом, за Майбородою, рота коего расположена была поблизости от Гайсина. Допросив Майбороду и взяв его с собою, Чернышев прибыл в Тульчин, где остановился у начальника штаба Второй армии Павла Дмитриевича Киселева. Переговорив с главнокомандующим армиею графом Петром Христиановичем Витгенштейном, Чернышев, как лицо, облеченное полномочием Дибича, принял следующие меры. Граф Витгенштейн вытребовал в Тульчин, будто бы по делам службы, Пестеля, который жил в Главной квартире Вятского полка, местечке Линцы, невдали от Тульчина. Между тем Чернышев и П. Д. Киселев поехали будто бы в гости к шурина П. Д. Киселева, графу Станиславу^{1*} Потоцкому, имение коего находилось от Линец верстах в пятнадцать. Они вытребовали к себе майора Вятского полка Толпыгу⁴, человека грубого, жестокого с нижними чинами и не любившего Пестеля. Потом Чернышев и П. Д. Киселев нагрянули в Линцы, откуда Пестель за

^{1*} В «Листке» ошибочно: Ярославу.

несколько часов перед тем отбыл в Тульчин по вызову графа Витгенштейна. Чернышев и П. Д. Киселев арестовали майора Лорера и вверили начальство над Вятским полком Толпыге. На квартире у Пестеля произведен был подробный обыск: подняты были все половицы полов; бумаги его были опечатаны и вместе с его денщиком отправлены в Петербург под конвоем офицера из дежурства Второй армии, Давыденкова^{2*5}.

Пестель между тем прибыл в Тульчин и явился к Витгенштейну, который арестовал его и отдал под караул дежурному генералу Второй армии, Ивану Ивановичу Байкову, на дому у коего Пестель и прожил несколько дней до отправления в Петербург, куда повезли его два фельдъегеря.

В одно время с Пестелем вытребованы были в Тульчин командиры полков Казанского и Украинского^{3*}, Аврамов и Бурцов, и им велено было явиться в Петербург для объяснений по делам службы. По приезде в Петербург они явились к дежурному генералу Алексею Николаевичу Потапову, который повез их к государю. На вопросы Николая Аврамов отвечал с достоинством и был посажен в Петропавловскую крепость, откуда его сослали в Сибирь. Бурцов бросился на колени, плакал, изъяснял о раскаянии, молил о пощаде, обнимал ноги государя и не был сослан. У него только отняли полк и перевели его в Колыванский полк, а оттуда на Кавказ, где Паскевич⁶, его любивший, скоро доставил ему команду и генеральский чин. Бурцов был убит в кампанию 1829 года.

Правительство непременно хотело добыть проект конституции, составленной Пестелем и названной им *Русскою Правдою*. Эта конституция была республиканская — федеративная, между тем как конституция, составленная Никитой Михайловичем Муравьевым, была монархическая и провозглашала единство империи. Когда Пестель был арестован, *Русская Правда* находилась в чтении у Крюкова младшего и у Заикина, вместе живших в Тульчине. Они зарыли ее возле деревни Кириасовки^{3а*}, в семи верстах от Тульчина. Но после, во время суда, от Заикина пыткой вынудили указание местности, в коей зарыта была *Русская Правда*, и Заикин отправлен был из Петербурга, с

^{2*} В «Листке» ошибочно: Давыденки.

^{3*} Там же ошибочно: Уфимского.

^{3а*} Там же ошибочно: Хлебани.

адъютантом Чернышева Слепцовым⁷ и с двумя жандармами, в Хлебань, чтобы вырыть драгоценную рукопись и доставить ее в Петербург, в Следственную комиссию, что и было исполнено.

Во время допросов Пестеля и Лорера как Чернышевым в Тульчине, так и в Петербурге в Следственной комиссии обличителем являлся Майборода. Незабвенный Николай перевел этого мерзавца в гвардию тем же чином и подарил ему значительную сумму денег. Но в гвардии товарищи Майбороды не хотели с ним якшаться; он был каким-то отверженцем, и кончилось тем, что он должен был просить о своем переводе на Кавказ. Ему там дали полк, но, верный своим началам, он стал страшно воровать; это дошло до начальства, у него отняли командование полком, нарядили следствие, и Майборода, видя беду неминуемую, перерезал себе горло бритвою. Так кончил жизнь этот гнусный предатель!

III. Шервуд

В одной пустой книжонке, изданной под заглавием: «Шервуд» и подписанной: «генерал-майор Б. П.»⁸ сам Шервуд будто бы объясняет свое предательство, уверяя, что он побужден был к тому какими-то романическими обстоятельствами. Правда ли это или ложь, не знаю, но во всяком случае несомненно, что Шервуд явился предателем из расчета и во всю жизнь свою действовал самым гнусным образом. Пустая книжонка, о которой я упоминаю, наполнена ошибками явными и смешными, которые доказывают в составителе этой книжонки совершенное незнание и действующих лиц и подробностей происшествий.

Шервуд, сын англичанина машиниста, поселившегося в Москве, поступил в военную службу вольноопределяющимся в третий Украинский уланский полк и находился у полкового командира, полковника Гревса, на поручениях, гораздо более домашних, чем служебных. В книжонке, о коей мы упомянули, сказано, будто Шервуду поручено было исправление водяной мельницы в Каменке, имении Давыдовых в Киевской губернии, будто он жил там некоторое время и успел подслушать происходившее в еженедельных, по субботам, собраниях Южного общества, в коих Лихарев вел протокол заседаниям. Все это ложь: Лихарев никогда протоколов не вел по весьма простой при-

чине, что в заседаниях обществ, и Южного, и Северного, и Соединенных славян, протоколов никогда не бывало. Еженедельных собраний в Каменке также никогда не бывало да и быть не могло по той причине, что большая часть членов Южного общества удержана была своими служебными занятиями в разных губерниях и никак не могла съезжаться еженедельно. Местные подробности в книжонке перепутаны; никому нельзя было прокрасться в комнаты Василия Львовича Давыдова, не быв незамеченным или гостями, или прислугою, которая, конечно, вытолкала бы Шервуда в шею. Шервуд точно бывал в Каменке, но вот каким образом. Александр Львович Давыдов, женатый на дочери герцога де Грамон⁹, был, как всем известно, большой гастроном и охотник до устриц. Однажды, разговаривая с командиром третьего Украинского уланского полка, полковником Гревсом, коего полк стоял в Новомиргороде, верстах в шестидесяти от Каменки, он изъявлял ему сожаление, что не может послать в Крым за устрицами на курьерских, прибавляя, что охотно заплатил бы прогоны. Гревс отвечал ему: «Не горюйте: я вам доставлю человека, который с казенною подорожною слетает в Крым. Вы ему дайте только прогоны и кой что подарите, а меня попотчуйте устрицами с шампанским». Давыдов с радостью согласился; Гревс прислал к нему Шервуда, коему Давыдов дал прогоны, денег на покупку устриц и денег на водку: Шервуд слетал в Крым и возвратился с Каменку с устрицами.

Что же касается до съездов Южного общества, то они происходили два раза в год: в ноябре месяце в Каменке, в Чигиринском уезде Киевской губернии, и в январе месяце в Киеве на контрактах, и члены Южного общества съезжались на них по возможности. Для явного доказательства, что еженедельных съездов быть не могло, я назову здесь членов Южного общества по азбучному порядку и с означением служебных занятий их. Кстати упомяну и о постигшей их участи.

Аврамов, Павел Васильевич, полковник и командир Казанского пехотного полка; был сослан в Читу; потом на Петровский завод; впоследствии поселен на реке Ононе.

Аврамов, Иван Борисович, поручик Генерального штаба во Второй армии. Сослан в Читу; потом поселен в Туруханске, где отравлен местным заседателем, желавшим овладеть его небольшим капиталом¹⁰.

Барятинский, князь Александр Петрович, лейб-Гусарского полка штабс-ротмистр и адъютант главнокомандующего Вторую армию графа П. Х. Витгенштейна. Сослан в Читу; потом на Петровский завод; наконец поселен близ Тобольска и там умер в 1844 году.

Басаргин, Николай Васильевич, поручик лейб-Егерского полка и старший адъютант Главного штаба Второй армии. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; впоследствии поселен в Ялуторовске; женился на Ольге Ивановне Мендель¹¹; возвращен в 1856 году^{4*}.

Бестужев-Рюмин, Михаил Павлович, подпоручик Полтавского пехотного полка; повешен в Петербурге 13 июля 1826 года, двадцати двух лет от роду!¹²

Бобрищевы-Пушкины, Павел Сергеевич и Николай Сергеевич, оба находились поручиками Генерального штаба во Второй армии; оба сосланы были в Читу; потом на Петровский завод; наконец поселены близ Тобольска. Возвращены по восшествии на престол нынешнего государя, прежде коронации, по болезненному своему состоянию^{5*}.

Булгари, граф, поручик лейб-Кирасирского полка, лишен прав состояния и сослан в крепостную работу¹⁴.

Бурцов, Иван Григорьевич, см. выше, в статье о Майборде.

Вадковский, Федор Федорович, прапорщик Нежинского конно-егерского полка, незадолго перед тем переведенный в этот полк из Кавалергардского за стихи на Александра I. Сослан в Читу; потом на Петровский завод; поселен в селе Оёке^{6*}, в тридцати верстах от Иркутска, и там умер.

Волконский, князь Сергей Григорьевич, генерал-майор и командир Первой бригады Девятнадцатой пехотной дивизии. Сослан в Нерчинские рудники; потом в Читу; потом на Петровский завод; поселен в селе Урике, в девятнадцати верстах от Иркутска. Возвращен в 1856 году. Супруга его княгиня Мария Николаевна, дочь знаменитого генерала Раевского, сопровождала его всюду и была с ним неразлучною.

Вольф, Фердинанд Богданович, штаб-лекарь при Глав-

^{4*} Скончался в 1861 году. (Примеч. издателя.)

^{5*} О возвращении Бобрищевых-Пушкиных имел благородство ходатайствовать тульский губернский предводитель дворянства Александр Николаевич Арсеньев¹³. (Примеч. издателя.)

^{6*} В «Листке» здесь и далее: Айок.

ной квартире Второй армии. Сослан в Читу; потом на Петровский завод; поселен в селе Урике (см. выше); потом получил разрешение жить в Иркутске.

Враницкий, полковник квартирмейстерской части во Второй армии. Сослан, с лишением прав состояния, в Курган, где и умер¹⁵.

Давыдов, Василий Львович, бывший лейб-гусар, полковник в отставке. Сослан в Нерчинские рудники; потом в Читу; потом на Петровский завод, наконец поселен в Красноярске, где умер в 1855 году, вскоре после Николая. Супруга его, Александра Ивановна Потапова^{7*16}, сопровождала его в Сибирь и возвратилась оттуда лишь после кончины мужа.

Загорецкий, Николай Александрович^{8*}, поручик квартирмейстерской части во Второй армии. Сослан был в Читу, потом на Петровский завод; поселен в деревне Бурейте, близ Александровского завода на реке Ангаре.

Просился ехать солдатом на Кавказ, где храбростью выслужил офицерский чин; уволен в отставку и живет в Тульской губернии¹⁷.

Заикин, подпоручик квартирмейстерской части во Второй армии. Лишен прав состояния и сослан на поселение.

Ивашев, Василий Петрович, отставной ротмистр Кавалергардского полка; бывший адъютант главнокомандующего Вторую армию. Сослан в Читу, куда приехала Камилла^{9*} Петровна Ледантю, чтобы выйти за него замуж; переведен потом на Петровский завод; наконец поселен в Туринске, где и он, и супруга его скончались¹⁸.

Корнилович, Александр Осипович, Гвардейского генерального штаба штабс-капитан, поступил в общество весьма незадолго до 14 декабря. Сослан в Читу; там, ночью схваченный жандармами, отвезен в Шлиссельбург, без всякой на то известной причины. Несколько лет просидел в Шлиссельбургской крепости и потом выпущен был на свободу¹⁹.

Крюков, Николай Александрович, отставной поручик квартирмейстерской части. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; наконец поселен в Минусинске; там женился и умер²⁰.

7* В «Листке» ошибочно: Татаринова.

8* Там же ошибочно: Васильевич.

9* Там же ошибочно: Эмилия.

Крюков, Александр Александрович, старший^{9а*} брат предыдущего, поручик Кавалергардского полка и адъютант главнокомандующего Вторую армию. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; поселен в Минусинске; там женился²¹; возвращен в 1856 году.

*Лихарев, Владимир Николаевич, подпоручик квартирмейстерской части во Второй армии. Сослан в Читу; потом поселен в Кургане, откуда отпросился в солдаты на Кавказ и на Кавказе умер. Был женат, и жена его в Сибирь не поехала*²².

Лорер, Николай Иванович, майор Вятского пехотного полка. Сослан в Читу; потом на Петровский завод; переведен солдатом на Кавказ; храбростью выслужился в офицеры и уволен в отставку.

*Муравьев-Апостол, Матвей Иванович, отставной подполковник. Приговорен к каторге, но сослан на поселение в Якутск, откуда переведен в Семипалатинск, где женился, и наконец в Ялуторовск. Возвращен в 1856 году; живет в Твери*²³.

Муравьев-Апостол, Сергей Иванович, брат предыдущего, подполковник Черниговского пехотного полка. Повешен в Петербурге 13 июля 1826 года.

*Муравьев-Апостол, Ипполит Иванович, младший брат двух предыдущих, прапорщик квартирмейстерской части; убит в сражении под Устиновкою 9 января 1826 года*²⁴.

Муравьев, Артамон Захарьевич, находясь в Петербурге полковником Кавалергардского полка, был членом Северного общества, а с назначением своим полковым командиром Ахтырского гусарского полка перешел в Южное общество. Сослан в Нерчинские рудники, потом в Читу; потом на Петровский завод; наконец поселен в селе Большой Разводной^{10}, в пятнадцати верстах от Иркутска, и там умер. Жена его, Вера Алексеевна Горяйнова, за ним в Сибирь не поехала*²⁵.

*Норов, Василий Сергеевич, отставной подполковник. Лишен прав состояния и сослан в Бобруйск в крепостную работу*²⁶.

Пестель, Павел Иванович, полковник и командир Вятского пехотного полка. Повешен в Петербурге 13 июля 1826 года.

^{9а*} В «Листке» ошибочно: младший.

^{10*} В «Листке» здесь и далее ошибочно: Развозный.

Повало-Швейковский, Иван Семенович, полковник и командир Саратовского пехотного полка. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; наконец поселен в Кургане.

Поджио, Александр Викторович, отставной подполковник. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; наконец поселен в селе Усть-Куда^{11*}, на реке Ангаре, в двадцати шести верстах от Иркутска; женился на одной из классных дам Девичьего института Восточной Сибири²⁷. Возвращен в 1856 году.

Поджио, Иосиф Викторович, брат предыдущего, штабс-капитан в отставке. Лишенный прав состояния, восемь лет просидел в Шлиссельбургской крепости; потом отправлен на поселение в село Усть-Куда (см. выше). Умер в Иркутске. Жена его в Сибирь не поехала и вышла замуж за князя Ал. Ив. Гагарина, того самого, который, находясь генерал-губернатором кутаисским, убит был князем Дадешкилианом²⁸.

Поливанов, полковник в отставке, умер в Петропавловской крепости во время следствия²⁹.

Тизенгаузен, Василий Карлович, полковник и командир Полтавского пехотного полка. Сослан в Читу; потом на Петровский завод; наконец поселен в Ялуторовске. В 1855 году, по ходатайству князя Ал. Аркад. Суворова³⁰, возвращен, и в самый день приезда к семейству несчастный страдалец с радости поражен был умственным расстройством!!!

Фаленберг, Петр Иванович, подполковник и старший адъютант Главного штаба Второй армии по квартирмейстерской части. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; наконец поселен в деревне Шуше, в Минусинском уезде Енисейской губернии. В 1856 году не захотел возвратиться и остался в Сибири. Жена его за ним в Сибирь не поехала и вышла за другого³¹.

Фохт, Иван Федорович, штабс-капитан Азовского пехотного полка. Лишенный прав состояния, поселен в Кургане, где и умер³².

Черкасов, барон Алексей Иванович, поручик по квартирмейстерской части во Второй армии. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; затем поселен в Кургане; переведен солдатом на Кавказ, где выслужил офицерский чин³³.

^{11*} Здесь и далее ошибочно: Ускуда.

Юшневский, Алексей Петрович, генерал-интендант Второй армии. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; наконец поселен в деревне Малой Разводной, в трех верстах от Иркутска. Приехав в село Оёк на похороны своего друга Ф. Ф. Вадковского, Юшневский, в церкви, во время отпевания тела, внезапно упал мертвым. Схоронен в селе Большой Разводной, где на его могильном камне вырезана любимая поговорка его: *мне и здесь хорошо*. Супруга его Мария Казимировна Круликовская^{12*} поехала за ним в Сибирь³⁴. Задушевный друг Пестеля, Юшневский был человеком высокого ума, благороднейшей души, энергичский и бескорыстный. Когда он впал в несчастье, правительство всеми силами старалось отыскать какие-нибудь беспорядки в интендантском управлении Второй армии и не нашло ничего, к чему бы могло быть привязаться. Столь строгою честностью отличался Юшневский^{13*}.

Янтальцов, Андрей Васильевич, подполковник и командир 27-й конно-артиллерийской роты. Сослан в Читу, потом на Петровский завод; вслед за тем поселен в Березове, наконец переведен в Ялуторовск. Супруга его Александра Васильевна Лисовская была с ним в Сибирь⁶⁹.

Прочитав этот список, можно убедиться, что еженедельных съездов в Каменке не было и быть не могло.

Село Каменка, в Чигиринском уезде Киевской губер-

^{12*} В «Листке» ошибочно: Кругликовская.

^{13*} Кроме Юшневого и Артам. Зах. Муравьева в Большой Разводной схоронены оба брата Борисовы, Андрей Иванович и Петр Иванович, которые были поселены в деревне Малой Разводной. Поистине трогательна судьба этих двух братьев, одаренных замечательным умом и прекраснейшими качествами. Андрей Иванович помешался в рассудке; Петр Иванович ухаживал за ним и берег его; вдруг, в 1854 году, Петр Иванович заболел и умер; несчастный сумасшедший при виде бездыханного трупа своего брата зажег дом и сгорел живой вместе с братним трупом!³⁵

Деревня Малая Разводная находится в 3 верстах от Иркутска на восток по дороге к Байкалу. Там был поселен некоторое время Александр Иванович Якубович, впоследствии переведенный в какую-то деревню на берегу Енисея, близ нынешних золотых приисков, где и умер³⁶.

В 12 верстах от деревни Малой Разводной, по той же дороге к Байкалу, находится село Большая Разводная, а еще 8 верст далее Лозенский хутор, на коем некоторое время поселен был Николай Алексеевич Панов³⁷.

К северу от Иркутска, по дороге в Якутск, находится в 22 верстах от Иркутска деревня Хомутово, где некоторое время поселены были Сутгоф³⁸ и Андр. Андр. Быстрицкий³⁹. 8 верст далее, по

нии принадлежало Екатерине Николаевне Давыдовой, сестре известного екатерининского генерал-прокурора графа Самойлова⁷⁰. Екатерина Николаевна была в первом браке за Раевским и была матерью знаменитого полковода Ник. Ник. Раевского. Овдовев, она вышла за Льва Денисовича Давыдова⁷¹ и была матерью Петра⁷², Александра и Василия Львовичей Давыдовых. Василий Львович был одним из главных членов Южного общества. Ежегодно, к 24 ноября, дню именин старушки Екатерины Николаевны, члены Южного общества съезжались в Каменку, где проводили несколько дней; обедали ежедневно у Екатерины Николаевны и вечером собирались для своих бесед и переговоров в комнатах Василия Львовича, во флигеле, куда ни Шервуд и никто незванный не нашел бы никакой возможности доступа. Пробыв несколько дней в Каменке и обсудив свои дела, они отправляли одного из членов послом в Москву и в Петербург для переговоров с членами Северного общества. Этот посол возвращался к 15-му январю в Киев, куда под предлогом веселиться на киевских контрактах съезжались члены Южного общества.

Первое понятие получил, или, правильнее говоря, впервые догадался Шервуд о существовании тайного общества в Харькове из неосторожного с ним разговора графа Бул-

Якутской же дороге, село Оёк, где скоронен Фед. Фед. Вадковский. некоторое время поселен был кн. Серг. Петр. Трубецкой.

В 19 верстах от Иркутска, на северо-запад по дороге к Александровскому заводу, лежит село Урик, где скоронен Никита Муравьев и где поселены были кн. Серг. Григ. Волконский и Ф. Б. Вольф. Там же поселен был Мих. Серг. Лунин, который, написав записки свои на французском языке, отправил их печатать в Париж. Об этом узнало русское посольство в Париже, подкупило типографщика, достало рукопись, и Лунин, в ночь на страстной четверг 1841 года, был схвачен и отвезен в Акатуй, где умер. В ту самую ночь, когда схватили Лунина, Никита Муравьев из предосторожности сжег свои записки и свои комментарии на Свод Законов⁴⁰.

От Урика до Хомутово прямою дорогою 12 верст, а до Оёка прямою дорогою от Урика 16 верст.

В 7 верстах на запад от Урика, на берегу Ангары, лежит село Усть-Куда, где некоторое время поселены были Петр Ал. Муханов (сперва находившийся на поселении в Братском остроге)⁴¹ и два брата Поджио. Далее по Ангаре к северу находится Тельминская суконная фабрика, где некоторое время поселен был кн. Ал. Ив. Одоевский, скоро переведенный в Курган, а оттуда солдатом на Кавказ, где умер⁴².

В Иркутске скоронены на православном кладбище Петр Ал. Муханов и Ник. Алексеев. Панов; на католическом кладбище Иосиф

гари, отца декабриста. Молодой Булгари, декабрист, плененный возгласами Шервуда против правительства и в пользу свободы, дал ему письмо в Курск, к Вадковскому, коего вышеупомянутая книжонка ошибочно называет артиллеристом. В декабристской истории замешано было двое Вадковских. Один, подпоручик 17-го егерского полка, весьма поверхностно слышал о заговоре и наказан лишь месяцем крепости и переводом в Моздокский гарнизонный батальон⁷³. Другой, Федор Федорович Вадковский, к которому Шервуд имел письмо от Булгари, был молодой человек замечательного ума, большой энергии, отлично образованный. Он переведен был из Кавалергардского полка за стихи на Александра Павловича тем же чином в Нежинский конно-егерский полк, стоявший в Курске. Он соделался немедленно членом Южного тайного общества и одним из заговорщиков самых деятельных и самых влиятельных.

К нему-то, Федору Федоровичу Вадковскому, явился Шервуд с письмом от графа Булгари. Ловкий, хитрый, вкрадчивый, Шервуд представил себя гонимым судьбою любителем свободы и готовым на все, чтобы произвести революцию. Он объяснил Вадковскому, что бывал в Каменке, умалчивая, что дело шло лишь о покупке устриц в

Виктор. Поджо; в иркутском девичьем монастыре княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая⁴³.

На Петровском заводе схоронены: Ал. Сем. Пестов⁴⁴ и Александра Григорьевна Муравьева, рожденная графиня Чернышева, супруга Никиты Муравьева⁴⁵. Над ее могилою выстроена часовня.

В Красноярске схоронены Вас. Льв. Давыдов, Мих. Фотиев. Митьков и Мих. Матв. Спиридов⁴⁶.

В Тобольске схоронены Сем. Григ. Краснокутский⁴⁷ и Ал. Мих. Муравьев, умерший за несколько дней до присылки бумаг о дозволении возвратиться.

В Кургане схоронены Ив. Сем. Повало-Швейковский и Ив. Фед. Фохт. В Кургане же находились на поселении: Ал. Фед. фон дер Бриген⁴⁸, Мих. Мих. Нарышкин⁴⁹, кн. Ал. Ив. Одоевский, Петр Ник. Свистунов⁵⁰ и барон Алексей Ив. Черкасов.

В Ялуторовске схоронен Вильгельм Карл. Кюхельбекер⁵¹; там же находились на поселении: Ник. Вас. Басаргин, кн. Евг. Петр. Оболенский (сперва поселенный в деревне Ятанге, за Байкалом)⁵², Ив. Ив. Пушкин,⁵³ Вас. Карл. Тизенгаузен, Ив. Дм. Якушкин и Андр. Вас. Янтальцов (прежде бывший на поселении в Березове).

Вас. Петр. Ивашев и супруга его схоронены в Туринске.

Ив. Бор. Аврамов и Ник. Федорович [в «Листке» ошибочно: Влад.] Лисовский⁵⁴ схоронены в Туруханске, где были отравлены тамошним заседателем.

Крыму; намекая на свои мнимые сношения с главнейшими лицами заговора, и так ловко умел направлять свои речи, что Вадковский, не совсем ему высказываясь, имел, однако, неосторожность сообщить разные подробности, о коих все не следовало говорить Шервуду; например, он признался Шервуду, где находятся его важнейшие бумаги. Вадковский был страстным музыкантом и весьма хорошо играл на скрипке. У него была отличная, дорогая скрипка, в большом футляре, в коем сделан был потаенный ящик, и в этом ящике хранились его важнейшие бумаги, его переписка и список заговорщиков. Когда Вадковского арестовали, правительство, руководимое доносом Шервуда, овладело скрипкою и нашло там все эти бумаги, которые много содействовали разысканиям Следственной комиссии.

По доносу Шервуда Вадковский был арестован в самых последних днях жизни Александра Павловича и отправлен в Шлиссельбург, откуда, тотчас после 14 декабря, перевезен в Петропавловскую крепость⁷⁴.

Заключение Вадковского в Шлиссельбургскую крепость, по именному повелению Александра I, подает повод предполагать, что Александр не дал бы тайным обществам: Южному, Северному, Соединенных славян и Польскому — той гласности, которая дана им была Николаем,

Ник. Ал. Бестужев⁵⁵ и Конст. Петр. Торсон⁵⁶ схоронены в Селенгинске.

Мозгалеvский⁵⁷, Ник. Ал. Крюков и Алексей Ив. Тютчев⁵⁸ схоронены в Минусинске.

Мих. Карл. Кюхельбекер схоронен в Баргузине⁵⁹; Петр Фед. Громницкий в деревне Бельске, Иркутской губернии⁶⁰; Сухинов⁶¹ на Нерчинских рудниках, где он удавился в тюрьме, ночью перед тем днем, в который его хотели провести сквозь строй за намерение бежать; намерение, принятое им вместе с другими каторжными (не из декабристов) и открытое начальству одним из участников накануне самого дня исполнения.

Мих. Ник. Глебов⁶², друг Рылеева⁶³, поселенный в какой-то деревне за Байкалом, был отравлен мужем своей любовницы и там схоронен.

Ник. Петр. Репина и Андреева везли на поселение в Енисейскую губернию. В дороге, ночью, разбойники зажгли избу, где они ночевали, и оба сгорели⁶⁴.

Некоторые декабристы не захотели возвращаться в 1856 году и остались в Сибири, а именно: Мих. Ал. Бестужев в Селенгинске, Влад. Ал. Бечаснов в Иркутске⁶⁵, Дм. Иринарх. Завалишин в Чите⁶⁶, Петр Ив. Фаленберг⁶⁷ и Ал. Филипп. Фролов⁶⁸, бывший на поселении вместе с Фаленбергом. (Примеч. издателя.)

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Фотография 1860-х гг.

пропадут в дальней синеве. Пограничные споры двух поколений, поддерживающие их память, надоедят, и из-за них всплывут тени старцев-хранителей и через кладбище сыновей своих призовут внуков на дело и укажут им путь».

Удивительный кряж людей... Откуда XVIII век брал творческую силу на создание гигантов везде, во всем, от **Ниагары** и **Амазонской реки** до **Волги** и **Дона**... Что за бойцы, что за характеры, что за **люди!**

Спешим передать нашим читателям некролог князя **С. Г. Волконского**, присланный нам князем **П. В. Долго-руковым**.

Князь Сергей Григорьевич Волконский был человек замечательный по твердости своих убеждений и по самоотверженности своего характера. Он родился в 1787 г., и все улыбалось ему при рождении его: богатство, знатность, связи, все было дано ему судьбою. Он был сыном андреевского кавалера и статс-дамы, внуком фельдмаршала Репнина, в доме которого воспитывался до 14-летнего возраста, т. е. до кончины деда; 24 лет от роду он был полковником и флигель-адъютантом, 26 лет произведен в генерал-майоры и несколько недель спустя получил за Лейпцигскую битву анненскую ленту... Все это принес он в жертву своим убеждениям, своему пламенному желанию видеть отечество свое свободным и тридцати девяти лет от роду пошел на каторгу в Нерчинские рудники... Волконский хотел уже совсем оставить службу и ехать путешествовать, когда принят был в тайное общество Мих[аилом] Ал[ександровичем] фон-Визиним, в дому у графа Киселева, где Пестель читал отрывки из своей «Русской правды»³. Пестель и другие члены общества требовали, чтобы Волконский непременно служил, потому что, имея возможность по своему чину получить бригаду и даже дивизию, он мог быть полезным обществу в случае восстания.

Император Александр знал, что Волконский принимает участие в замыслах лучшей части тогдашней молодежи; он командовал 1-ю бригадою 19-й пехотной дивизии, и, когда главнокомандующий, князь Витгенштейн, просил государя в 1823 году о назначении его дивизионным командиром, говоря, что Волконский отлично знает службу, Александр отвечал: «Если бы он занимался только одною службою, он бы давно командовал дивизиею». Однажды на маневрах Александр, подзвав Волконского, поздравил его с отличным состоянием, в котором находятся вверенные ему полки Азовский и Днепровский, и сказал: «Советую вам, князь, заниматься только вашею бригадою, а не государственными делами; это будет полезнее и для службы и для вас»^{1*}

^{1*} Все помещенные здесь факты сообщены мне Волконским вместе со многими подробностями о декабристах, которые будут напечатаны в моих записках. Он просил меня не обнародовывать их

Когда умер Александр и в бумагах его найден был донос Майбороды, Чернышев послан был из Таганрога в Тульчин, где находилась Главная квартира Витгенштейна, для арестования Пестеля и других. Проездом через Умань, где находился Волконский, Чернышев виделся с ним, и Волконский из его слов и некоторых вопросов догадался, что дело неловко... Он сам поехал в Тульчин и нашел Пестеля уже арестованным и привезенным из полковой квартиры своей в Тульчин. Добрый Витгенштейн, знавший Волконского с детства, предупредил его об ожидавшей участи. «Смотри, сказал Витгенштейн, не попадись. Пестель уже сидит под арестом, и завтра мы его отправляем в Петербург, смотри, чтоб и с тобой беды не случилось». Графиня Киселева, рожденная Потоцкая, советовала Волконскому бежать за границу, предлагала ему в проводники еврея, весьма преданного семейству Потоцких, который брался проводить князя в Турцию, откуда ему легко было искать убежища в Англии, Волконский отказался бежать, говоря, что он не хочет покинуть своих товарищей в минуту опасности⁴. Отобедав у Витгенштейна, он поехал к дежурному генералу 2-й армии, Ив. Ив. Байкову, у коего содержался Пестель, и застал Байкова и Пестеля за чаем. Пользуясь минутою, когда Байков должен был отойти к окну, чтобы переговорить с прибывшим из Таганрога курьером, Пестель поспешил сказать Волконскому: «Хоть будут с меня жилки тянуть — ничего не узнают; одно может нас погубить — это моя «Русская правда». Юшневский знает, где она; спасите ее, ради бога»^{2*}.

Возвратясь в Умань, Волконский отвез жену свою, на

при его жизни и только согласился напечатать продиктованную им мне статью: «Три предателя: Бошняк, Майборода, Шервуд», но поставил условием, чтобы означено было, будто статья извлечена из записок умершего декабриста. Эта статья помещена в № 9 моего журнала «Листок». (Примеч. П. А. Долгорукова.)

^{2*} Юшневский дал прочесть «Русскую правду» Александру Александровичу Крюкову и Заикину, жившим в Тульчине на одной квартире. Узнав об аресте Пестеля, они зарыли рукопись в землю в семи верстах от Тульчина, у деревни Хлебани. За время следствия в Петербурге у Заикина пыткой вынудили признание, и он отправлен был под караулом чернышевского адъютанта Слепцова из Петербурга в Тульчин и Хлебань за рукописью, которая ныне должна находиться в бумагах следственного дела по 14 декабря. (Примеч. П. А. Долгорукова.)

сносе, беременную, в деревню к отцу, знаменитому Ник. Ник. Раевскому, где она родила 2 января 1826 года сына Николая. 7 января он оставил жену у Раевских, сказав ей, что имеет поручение объехать разные полки, не послушался совета старика Раевского, который уговаривал его бежать за границу, и поехал в Умань. На дороге встретил он спешившего к нему верного слугу с уведомлением, что прибыл фельдъегерь из Петербурга, что кабинет князя опечатан и у дома приставлен караул. Волконский продолжал путь, поздно вечером прибыл в Умань на свою квартиру и на следующее утро был арестован своим дивизионным начальником Корниловым^{3*}, тем самым, который за три недели перед тем, возвратясь из Петербурга, говорил ему: «Ах, Сергей Григорьевич, видел я там министров и прочих людей, управляющих Россией: что за народ! Осел на осле сидит и ослом погоняет».

Привезенный фельдъегерем в Петербург, прямо в Зимний дворец, введенный в кабинет Николая Павловича со связанными руками, Волконский из августейших уст был осыпан бранью и ругательствами *самыми площадными*. Его потом отвезли в Петропавловскую крепость и посадили в Алексеевский рavelин. При входе в этот рavelин налево были комнаты эконома Лилиенанкера^{4*5}, страшного взяточника, прескверно кормившего заключенных, направо от входа начинались казематы, числом семнадцать, и огибали весь рavelин, посреди которого маленький двор с чахлою зеленью, и на этом дворе похоронена мнимая Тараканова (она умерла после родов в декабре 1775 года, и об ней выдумали, будто она утонула в наводнении, бывшем 2 года после ее смерти)⁶. В первом направо от входа каземате сидел Рылеев, рядом с ним князь Евгений Оболенский; в третьем угловом каземате заключен был какой-то грек Севенис, укравший богатую жемчужину у грека Зоя Павловича⁷; в четвертом каземате помещен был Волконский, рядом с ним Иван Пущин; далее помещены были, — но Волконский не мог запомнить, в каком порядке, — князь Трубецкой, Пестель, Сергей и Матвей Ивановичи Муравьевы, князь Одоевский, Вильгельм Кюхельбекер, Лунин, князь Щепин⁸, Николай и Михаил Алексан-

^{3*} Отцом нынешнего статс-секретаря Корнилова. (Примеч. П. А. Долгорукова.)

^{4*} В тексте ошибочно: Лилиенлекера.

дровичи⁹ Бестужевы, Панов и Арбузов¹⁰.

На допросах Волконский вел себя с большим достоинством. Дибич, по своему пылкому характеру прозванный «самовар-пашой», на одном допросе имел неприличие называть его изменником; князь ему отвечал: «Я никогда не был изменником моему отечеству, которому желал добра, которому служил не из-за денег, не из-за чинов, а по долгу гражданина». Волконский, как мы сказали, командовал бригадою, состоявшей из полков Азовского и Днепровского; из девяти офицеров Азовского полка и восьми офицеров Днепровского, введенных князем в заговор, арестован и сослан был, и то по своей собственной неосторожности, лишь один штабс-капитан Азовского полка Иван Федорович Фохт; прочие же шестнадцать совершенно ускользнули от преследования правительства, благодаря твердой сдержанности Волконского на допросах¹¹.

Однажды, на очной ставке Волконского с Пестелем, Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, в молодости своей бывший в числе убийц Павла, сказал им: «Удивляюсь, господа, как вы могли решиться на такое ужасное дело, как цареубийство?» Пестель ответил: «Удивляюсь удивлению именно в. пр-ва, вы должны знать лучше нас, что это был бы не первый случай». Кутузов не только побледнел, но и позеленел, а Пестель, обращаясь к прочим членам комиссии, сказал с улыбкою: «Случалось, что у нас в России за это жаловали андреевские ленты!»

Из многочисленных членов Верховного уголовного суда только четверо говорили против смертной казни: адмирал Мордвинов¹², ген. от инфантерии граф Толстой¹³, ген.-лейтенант Эммануэль и сенатор Кушников¹⁴. Что же касается до Сперанского, принимавшего участие в заговоре, он соглашался на все и не противоречил смертной казни¹⁵.

Волконский сослан был в Нерчинские рудники, и о пребывании в этом ужасном месте можно прочесть в Записках кн. Евгения Оболенского. Можно вообразить себе, что он там вынес, на этой каторге, где начальник, Тимофей Степанович Бурнашев, однажды угрожал ему и Трубецкому высесть их плетью. Туда к нему приехала жена его, княгиня Мария Николаевна, на которой он женился в начале 1825 года. 17-летней красавице весьма не хотелось выходить за 38-летнего человека; она уступила лишь советам и просьбе родителей; но, выйдя замуж, во всю

жизнь свою вела себя как истинная героиня, заслужила благоговение современников и потомства. Родители ее не хотели отпускать ее в Сибирь; она уехала, обманув их бдительность и оставив им своего младенца-сына (вскоре умершего). Прибыв в Иркутск, она была настигнута курьером, привезшим ей письмо Бенкендорфа, который именем государя убеждал ее возвратиться; она отказалась это сделать. Иркутское начальство предъявило ей положение о женах ссыльнокаторжных, где сказано, что заводское начальство может их употреблять на свои частные работы, может, напр[имер], заставляя мыть полы. Она объявила, что готова на все, поехала к мужу и больше с ним не разлучалась. В августе 1827 года Волконский и его товарищи переведены были из Нерчинских рудников в острог, нарочно для них выстроенный при впадении реки Читы в речку Ингоду (где ныне город Чита) и где они нашли уже привезенных туда из петербургской крепости многих декабристов. Всего в Чите было 75 человек. Они вели между собою общее хозяйство: положено, чтобы каждый давал на стол по 500 рублей асс. в год; но для избавления бедных товарищей от обязанности уплаты Волконский, Трубецкой, фон-Визин и Никита Муравьев давали каждый по три тысячи рублей асс. в год. Вадковский, Ивашев, Лунин, Свистунов и некоторые другие давали также больше назначенной суммы; зажиточные складывались для получения книг и журналов в общее пользование. В августе 1830 года они были переведены все на Петровский завод, в 400 верстах от Читы, а потом мало-помалу расселены по Сибири. В декабре 1834 года умерла мать Волконского и на смертном одре просила государя облегчить участь сына; ему позволено состоять на Петровском заводе в качестве поселенца, а не каторжанина, то есть жить не в остроге, а в доме у жены его. В 1836 году он переведен в селение Уриковское, в 19 верстах от Иркутска. Уже несколько лет спустя позволено было ему жить в Иркутске, считаясь поселенцем уриковским, и он оставался в этом положении до 1856 года. Русское правительство, которое умеет казнить, ссылать, наказывать свирепо и бестолково, не умеет прощать; оно не позволило Волконскому жить в Петербурге, да и самое пребывание в Москве разрешило ему лишь вследствие тяжкого недуга, постигшего зятя его Молчанова¹⁶. Лета брали свое: состарился князь Сергей Григорьевич, страдал подагрой, но все еще бодрый духом

принимал живое участие во всем, что происходило вокруг него: все благородное находило отголосок в его душе, и многолетние страдания нисколько не умалили беспредельной доброты сердечной, отличительного свойства этого симпатичного человека, в старости маститой сохранившего всю теплоту возвышенных чувств юношеских. В августе 1863 года он лишился жены своей, и этот удар поразило его несказанно. С тех пор здоровье его стало слабеть; он лишился ног и 28 ноября 1865 года, 78 лет от роду, тихо угас на руках дочери своей, в селе Воронках, в Козелецком уезде, Черниговской губернии.

Каждый истинный русский, чуждый холопства зимне-дворцового, с умилением помянет имя этого человека, который своим убеждениям, своему желанию видеть родину свою свободною принес в жертву все блага земные: богатство, общественное положение, даже свою личную свободу. Мир праху твоему, благородная, почтенная жертва гнусного самодержавия, из любви к отечеству променявший генеральские эполеты на кандалы каторжника...

Князь Петр Долгоруков.

КОММЕНТАРИЙ

¹ Род Волконских — древний русский княжеский род с несколькими ветвями, давший в XVI—XIX вв. ряд известных военных и государственных деятелей. По материнской линии С. Г. Волконский принадлежал к старинному княжескому роду Репниных.

² *Волконский Григорий Семенович* (1742—1824), кн., ген. от кавалерии. Служил под командованием русских полководцев П. А. Румянцева, А. В. Суворова, Н. В. Репнина. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. отличился в сражении при Кагуле (1770 г.), за что был награжден Георгиевским крестом IV степени, в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. — при взятии Мачина (1791 г.), где командовал корпусом, действия которого во многом предопределили победу русской армии (за это сражение, в котором он был тяжело ранен в голову, получил орден Георгия II степени). С 1803 по 1816 г. Г. С. Волконский — ген.-губернатор Оренбургского края, с 1817 г. член Гос. совета.

³ *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801), кн., ген.-фельдмаршал, известный полководец и дипломат екатерининских времен. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал Отдельным корпусом в Молдавии и Валахии, отличился в сражениях при Ларге и Кагуле. В 1771 г., получив команду над всеми войсками в Валахии, разбил неприятеля. Участвовал в заключении Кучук-Кайнарджийского мира. В 1775—1776 гг. — полномочный посланник в Турции, затем ген.-губернатор в Смоленске, Орле, Пскове. В русско-турецкой войне 1787—1791 гг., будучи командиром Соединенной армии, одержал блистательную победу над великим визирем при Мачине, заставившую турок прекратить войну. В дальнейшем военный и гражданский ген.-губернатор Эстляндии и Курляндии.

⁴ *Волконская Александра Николаевна* (1757—1834), статс-дама, обергофмейстерина, кавалерственная дама ордена св. Екатерины I степени. Пользовалась особым расположением имп. Марии Федоровны.

⁵ *Николь Шарль Доминик* (1758—1835), аббат, родом из Франции. Во время якобинской диктатуры эмигрировал в Россию. В 1794 г. основал в Петербурге пансион для детей из аристократических семейств. В 1817—1820 гг. был директором Ришельевского лицея в Одессе. В 1820 г. возвратился на родину.

⁶ *Чернышев Александр Иванович* (1785/86—1857), гр. (с

1826 г.), кн. (с 1841 г.), светл. кн. (с 1849 г.), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. В 1806 г. штаб-ротмистр Кавалергардского полка, адъютант шефа полка гр. Ф. П. Уварова. Военный министр в 1832—1852 гг., председатель Гос. совета в 1848—1856 гг. В 1825—1826 гг. сыграл видную роль в разгроме декабристского движения: руководил арестами многих членов Южного общества и был одним из самых деятельных участников Следственной комиссии по делу декабристов.

⁷ *Левенвольде Карл Карлович* (1779—1812), бар., офицер Кавалергардского полка, с 1807 г. полковник. В мае 1812 г. принял временное командование Кавалергардским полком. Погиб в Бородинском сражении.

⁸ *Левашов Василий Васильевич* (1783—1848), гр., ген. от кавалерии, ген.-адъютант. В 1847—1848 гг. председатель Гос. совета. Участник всех войн с Наполеоном в 1805—1814 гг. В 1820 г. был председателем суда над нижними чинами восставшего Семеновского полка, позднее член Следственной комиссии по делу декабристов.

⁹ *Орлов Михаил Федорович* (1788—1842), ген.-майор. Участник кампаний 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813—1814 гг. В 1814 г. от имени союзного командования принимал капитуляцию Парижа. Декабрист, член Союза благоденствия, возглавлял Кишиневскую управу. В 1826 г. во время следствия по делу декабристов благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова, принимавшего активное участие в подавлении восстания декабристов, освобожден из крепости и сослан в родовое имение под надзор полиции.

Говоря о «грозных обстоятельствах 1826 года», Волконский имеет в виду следствие и суд над декабристами, а может быть, и поведение Орлова в дек. 1825 г. Когда после восстания 14 дек. московские декабристы решили также перейти к наступательным действиям, они попытались привлечь и Орлова. Однако согласия его на это не последовало.

¹⁰ *Лукин Михаил Сергеевич* (1787—1845), подполковник Гродненского гусарского полка, участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Осужден на 20 лет каторги. С 1836 г. на поселении в с. Урик Иркутской губ. (вместе с Волконским и Муравьевым). За антиправительственные сочинения вновь арестован и сослан в крепость Акатуй под строжайший надзор, где и скончался при неизвестных обстоятельствах.

¹¹ Аустерлицкое сражение, решающее между русско-австрийскими и французскими войсками, произошло 20 нояб. (2 дек.) 1805 г. у города Аустерлица (ныне город Славков, ЧСФР) и закончилось поражением союзной армии.

¹² *Каменский Михаил Федотович* (1738—1809), гр., ген.-фельдмаршал. В нояб. 1806 г. был назначен главнокомандующим русской армией, действовавшей против французов. За шесть дней командования Каменский отдал ряд противоречивых и нецелесообразных приказаний, а затем самовольно покинул армию. По мнению некоторых военных историков, действия Каменского свидетельствовали о его душевном расстройстве (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. Спб., 1846. С. 74—76, 97—101; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 44).

¹³ Речь идет о I действующем корпусе, которым командовал *Леонтий Леонтьевич Бенцисен* (1745—1826), гр., ген. от кавалерии. Уроженец Ганновера, в 1773—1818 гг. на службе в России. После победы в Пултуском сражении 14 (26) дек. 1806 г. до поражения под Фридлиндом 3 (15) июня 1807 г. главнокомандующий русской армией. В авг.—сент. 1812 г. начальник Главного штаба при М. И. Кутузове. За интриги и доносы отстранен от должности. В 1813 г. командовал резервной армией, в 1814 г. — 2-й армией. В 1818 г. был уволен и покинул Россию. Умер в Ганновере.

¹⁴ 14 (26) дек. 1806 г. произошло кровопролитное сражение под Пултуском, принесшее победу русской армии.

¹⁵ *Валуев Петр Петрович* (1786—1812), прапорщик Санкт-Петербургского гренадерского полка. В 1806 г. был назначен адъютантом к фельдмаршалу М. Ф. Каменскому, после его отъезда состоял адъютантом при гр. Остермане-Толстом. В 1807 г. переведен из Санкт-Петербургского в Кавалергардский полк. Участвовал в сражениях при Прейсш-Эйлау, Гейльсберге и Фридлинде. Убит в Бородинском сражении.

¹⁶ *Степанов* — чиновник Военно-походной канцелярии государя императора. В кн. «Столетие Военного министерства. 1802—1902. Императорская Главная квартира. История государственной свиты. Царствование императора Александра I» (Спб., 1904, т. 2, кн. 2) составитель В. В. Квадри на с. 50 при изложении эпизода со Степановым ссылается на «Записки» С. Г. Волконского как источник.

¹⁷ *Мейерович Иосель*, купец 1-й гильдии г. Юрбурга Виленской губ. О разрешении, данном ему на поставки, см. в кн.: Столетие Военного министерства. 1802—1902. Главное интендантское управление / Сост. Ф. П. Шелехов. Спб., 1903. С. 215 и сл.

¹⁸ *Ливен Христофор Андреевич* (1774—1838), гр., с 1826 г. светл. кн., ген.-адъютант. Сын воспитательницы детей Павла I. В 1798—1808 гг. начальник Военно-походной канцелярии императора, в 1812—1834 гг. посол в Англии.

¹⁹ *Палиновский Дмитрий Моисеевич* (1768—1840), действ. ст. сов., в 1806—1811 гг. директор Военно-походной канцелярии императора, с 1833 г. директор Государственного ассигнационного банка.

²⁰ *Шубин Алексей*, поручик, л.-гв. Семеновского полка. История с Шубиным, происшедшая в 1802 г., почти в тех же словах изложена в кн. Н. И. Греча «Записки о моей жизни» (М., 1930, с. 207). См. также «Памятные записки В. И. Алтуфьева» в Щукинском сборнике (М., 1909, вып. 8, с. 52—53), в кн. П. Дирина «История лейб-гвардии Семеновского полка» (Спб., 1883, т. 2, с. 190).

²¹ *Константин Павлович* (1779—1831), вел. кн., второй сын Павла I. С 1814 г. фактический наместник королевства Польского.

²² Рассказанная С. Г. Волконским история подтверждается разными источниками, в том числе статьей, посвященной вел. кн. Константину Павловичу, в «Русском биографическом словаре» (Спб., 1903, т. 9, с. 175), где жертва насилия названа «француженкой госпожой Араужо». В «Записках о моей жизни» (с. 207) Н. И. Греч утверждает, что эта драма произошла с вдовой португальского консула Араужо.

Краткие сведения о русском генерале Бауэре (Волконский ошибочно называет его Бауери) см. в статье Д. Давыдова «Воспоминания о цесаревиче Константине Павловиче» (*Давыдов Д. В. Сочинения*. М., 1962. С. 161).

²³ Рескрипт не обнаружен. По-видимому, речь идет о правительственном сообщении, обнародованном 30 марта 1802 г., предписывавшем от имени императора «составить особую комиссию по выявлению виновных». Это сообщение было перепечатано в «Колоколе» (1862, л. 140, с. 1161—1163).

²⁴ *Кутузов* (Голенищев-Кутузов) *Михаил Илларионович* (1745—1813), светл. кн. Смоленский, ген.-фельдмаршал (с 1812 г.), главнокомандующий русской армией в Отечественной войне. В 1801—1802 гг. Санкт-Петербургский военный и гражданский ген.-губернатор.

²⁵ Дата Пултусского сражения указана ошибочно (см. примеч. 14).

²⁶ *Остерман-Толстой Александр Иванович* (1770—1857), гр., ген. от инфантерии, ген.-адъютант. Участвовал в русско-турецкой войне 1789—1791 гг., в войне с Францией в 1805—1807 гг., в Отечественной войне 1812 г., в кампаниях 1813—1814 гг. Отличился в сражении под Кульмом, где потерял руку.

²⁷ Битва при Чарнове была 11 (23) дек. 1806 г.

²⁸ *Голицын Дмитрий Владимирович* (1771—1844), светл. кн., ген. от кавалерии, ген.-адъютант. Участвовал в военной кампании 1794 г. под начальством А. В. Суворова, в 1806—1807 гг. в войне против Франции. В Отечественную войну 1812 г. командовал кавалерией 2-й Зап. армии, затем корпусом кирасиров. С 1820 г. московский военный ген.-губернатор, член Гос. совета.

²⁹ Сражение при Голышине произошло 14 (26) дек. 1806 г., в нем вместе с войсками под командованием кн. Голицына участвовала дивизия Д. С. Дохтурова.

³⁰ *Дохтуров* (Докторов) *Дмитрий Сергеевич* (1756—1816), ген. от инфантерии. Участник войн 1805—1807 гг., герой Отечественной войны 1812 г., в 1813 г. командующий войсками в Варшаве, «тот самый Дорохов, — как писал о нем Л. Н. Толстой в «Войне и мире», — которого во время всех войн русских с французами, с Аустерлица до тринадцатого года, мы находим начальствующим везде, где только положение трудно» (Толстой Л. Н. Собр. соч. М., 1963. Т. 7. С. 124). Что касается битвы при Макове, то здесь Волконский ошибается, ее не было. В Макове находился гр. Буксгевден с дивизией генерала Тучкова.

³¹ *Шаховской Иван Леонтьевич* (1776—1860), кн., ген.-лейтенант. Участвовал в кампании 1806 г. В 1812 г. командовал егерской бригадой в армии Барклая де Толли. Участник заграничных походов 1813—1814 гг.

³² *Давидовский Яков Яковлевич* (1758—1806), полковник. Участник суворовских походов, с 1802 г. шеф 1-го егерского полка. Отличился под Сохочиним, препятствуя переправе французов через р. Виру. Возможно, что за свой подвиг он был представлен к очередному чину, и это дало основание Волконскому называть его ген.-майором.

³³ Л. Л. Беннигсен был автором мемуаров. Однако записки его не публиковались, так как он был одним из главных участников дворцового переворота 1801 г. и его мемуары могли содержать подробности убийства Павла, а также сведения об участии в заговоре наследника. После смерти Беннигсена его рукопись оказалась под запретом, и лишь в конце XIX—нач. XX вв. начинается ее публикация: «Записки о войне с Наполеоном в 1807 г.» — в «Рус. старине», 1896—1900, отдельное издание в 1900 г.; «Письма о войне

1812 года» — в «Рус. старине» за 1909 г., отдельное издание в 1912 г. Записки изложены в форме писем к ближайшему другу генералу А. Б. Фоку, сохранившуюся часть из них о войне 1806—1807 гг. правнук передал для публикации историку П. М. Майкову, письма о войне 1812 г. ученому удалось получить в архиве.

³⁴ *Бутурлин Дмитрий Петрович* (1790—1849), ген.-майор, член Гос. совета, военный историк. Участник Отечественной войны и русско-турецкой кампании 1828—1829 гг. С 1842 г. директор имп. Публичной библиотеки. С 1848 г. председатель Особого комитета для надзора за печатью. Период его деятельности в этом комитете получил название «эпохи цензурного террора». Автор многих военно-исторических трудов, в том числе по истории Отечественной войны 1812 г. и других войн с Наполеоном. Несмотря на то что его исторические работы отражали официальную точку зрения, они интересны представленными в них фактическим материалом и документами.

³⁵ *Барклай де Толли Михаил Богданович* (1761—1818), кн., ген.-фельдмаршал. Родом из Шотландии. Участник суворовских походов, войн 1805—1807 гг. с Францией, русско-шведской кампании. В Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий 1-й Зап. армией, с 1813 г. — 3-й Зап. армией, затем главнокомандующий русско-прусскими войсками. В 1810—1812 гг. военный министр.

³⁶ *Кожин Сергей Алексеевич* (1769—1807), ген.-майор. С 1800 г. командир Кирасирского полка. В 1807 г. убит в сражении под Гейльсбергом.

³⁷ *Эммануэль (Емануэль) Георгий Арсеньевич* (1775—1837), ген.-лейтенант. Во время войны 1806—1807 гг. шеф Киевского драгунского полка, в Отечественную войну командовал летучим отрядом, затем кавалерийским авангардом корпуса Ланжерона. Участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. Отличился при Бауцене, Кацбахе, Лейпциге. За участие во взятии Парижа произведен в ген.-лейтенанты. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

³⁸ *Сталь Карл Густавович* (1787—1853), ген. от кавалерии. С 1843 г. сенатор. Из дворян Лифляндской губ. Участник наполеоновских войн 1806—1807 гг., заграничных походов 1813—1814 гг. В 1830 г. назначен комендантом Москвы.

³⁹ С. Г. Волконский имеет в виду необычную награду, которой был отмечен Павловский полк. За отличие в войне 1806—1807 гг. этому полку особым приказом было предписано: «В почесть онго полка ныне состоящие в нем шапки оставить в нем в том виде, в каком сошел он с мест сражения». И хотя в других полках высокие гренадерские шапки заменялись киверами, Павловскому полку они были сохранены, при этом приказано было указать на гренадерах имена тех нижних чинов, которым они принадлежали во время сражений закончившейся войны. Впоследствии эти гренадерки, многие из которых имели пулевые пробоины, передавались в полку из поколения в поколение как боевые реликвии и наградные головные уборы (История лейб-гвардии Павловского полка. 1790—1890. Спб., 1890. С. 67, 138; Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Спб., 1902. Т. 3. С. 102—104).

⁴⁰ Новциат (noviciat) — в католической церкви название трудного, длительного испытания для лиц, желающих вступить в монашеский орден.

⁴¹ *Буксгевден Федор Федорович* (1750—1811), гр., ген. от ин-

фантерии. Во время кампании 1805—1807 гг. командовал корпусами русской армии.

⁴² После отъезда М. Ф. Каменского обострилась борьба между генералами, командовавшими корпусами, особенно между Буксгевденом и Беннигсеном. Не желая подчиняться друг другу, они действовали самостоятельно. После лишения Каменского звания главнокомандующего на этот пост был назначен Буксгевден. Приказ об этом еще не был получен, когда победа Беннигсена в Пултусском сражении над корпусом маршала Ланна, которую он в донесении изобразил как победу над основными силами Франции, изменила ситуацию. Первый приказ был отменен и главнокомандующим назначен Беннигсен. После поражения Беннигсена под Фридляндом этот пост занял Буксгевден (*Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Спб., 1849. Т. 1. С. 308—309, 471; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 44).

⁴³ *Эссен 1-й, Иван Николаевич* (1759—1813), ген.-лейтенант. Участник войны с Наполеоном 1806—1807 гг., в 1810—1812 гг. рижский военный губернатор и главноуправляющий гражданской частью Лифляндии и Курляндии.

⁴⁴ *Долгоруков (Долгорукий) Михаил Петрович* (1778—1808), ген.-лейтенант (звание получил посмертно), ген.-адъютант. Участвовал в Аустерлицком сражении, где был ранен, в кампании 1806—1807 гг. С 1807 г. командир Курляндского драгунского полка. Отличился в сражении при Морунгене 13 (25) янв. 1807 г. В начавшейся в 1808 г. войне со Швецией был назначен начальником Сердобольского отряда. Погиб в сражении при Иденсальми.

⁴⁵ *Нехлюдов* — сведений о нем не найдено.

⁴⁶ *Андрей Роман Карлович* (1757—1807), гр., ген.-лейтенант. Участник суворовских походов и первых войн с наполеоновской Францией.

⁴⁷ *Вольтижеры* — легкие подвижные подразделения во французской армии.

⁴⁸ *Юнкендорф* — это, вероятно, немецкое название с. Янково. В формулярном списке С. Г. Волконского значится сражение при с. Янково 21 и 22 янв. 1807 г. Описание событий этих дней совпадает с рассказом о них Беннигсена (*Записки графа Л. Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года.* Спб., 1900. С. 125—127).

⁴⁹ *Мюрат, Иоахим-Наполеон* (1767—1815), французский военный деятель, маршал Франции (с 1804 г.), король Неаполитанский. Начал службу солдатом в кавалерии. Участвовал во всех кампаниях Наполеона.

⁵⁰ *Левицкий Михаил Иванович* (1764—1841), ген.-лейтенант. В 1812 г. был шефом 36-го егерского полка. Во время Бородинского сражения был комендантом г. Можайска.

⁵¹ *Герцдорф (Герсдорф, Герздорф) Карл Максимович* (1761—1813), бар., ген.-майор. Происходил из датских дворян. Начал службу в датской армии, в 1788 г. принят с тем же чином капитана на русскую службу в Астраханский гренадерский полк. Участник турецкой кампании 1787—1791 гг., швейцарского похода А. В. Суворова. В 1800 г. произведен в ген.-майоры и назначен шефом Углицкого пехотного полка. Участвовал в русско-французской войне 1805—1807 гг. В 1812 г. формировал в Орле легионы из пленных французов, итальянцев и голландцев.

⁵² *Арсеньев Дмитрий Васильевич* (1777—1807), полковник, ко-

мандир Первого егерского полка (а не Второго, как указывает Волконский). *Хрептович Иринаей-Михаил* (Ириней Ефимович) (1775—1850), гр., сын последнего канцлера литовского, гофмейстер, действ. сов. Дуэль состоялась из-за фрейлины Каролины-Марии фон Ренне, с которой Арсеньев был помолвлен. Я. И. Булгаков писал своему младшему сыну Константину: «Хрептович, кажется камергер, убил на дуэли Арсеньева, полковника гвардии, за невесту, которая первого предпочла второму. Сей будет погребен, а победитель усакал. Арсеньев погребен с честью полковника; в приказе сказано: убитый на охоте. Хрептович прощен и женился на предмете драки, фрейлине Ренни» (Рус. архив. 1898. Кн. 1. С. 220).

⁵³ *Долгоруков* (Долгорукий) *Василий Юрьевич* (1776—1810), кн., ген.-майор, ген.-адъютант. Во время войны 1806—1807 гг. командовал бригадой, в турецкой кампании 1810 г. был командиром 18-й пехотной дивизии.

⁵⁴ *Голицын Михаил Сергеевич* (1784—1807), кн., офицер гвардии. Сын ген. от инфантерии С. Ф. Голицына. Его воспитателем был В. А. Жуковский.

⁵⁵ Описание Волконским кавалерийской атаки Изюмского полка почти дословно воспроизводится в «Памятке 11го гусарского Изюмского его королевского высочества принца Генриха Прусского полка», составленной М. К. Соколовским и кн. А. С. Эристовым в 1912 г. (с. 17—18). Это свидетельствует об авторитете «Записок» С. Г. Волконского среди военных историков.

⁵⁶ *Багратион Петр Иванович* (1765—1812), кн., ген. от инфантерии. Начал службу солдатом. Ученик и сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова. В 1809—1810 гг. во время войны с Турцией главнокомандующий Молдавской армией. В Отечественную войну главнокомандующий 2-й Западной армией. Умер от раны, полученной в сражении под Бородином.

⁵⁷ Прейсиш-Эйлауское сражение произошло 26—27 янв. (7—8 февр.) 1807 г.

⁵⁸ С. Г. Волконский был ранен в Прейсиш-Эйлауском сражении. В формулярном списке сказано: «26 и 27 в генеральном сражении при г. Прейш-Элау, где ранен был пулею в бок и удостоен награждением золотого знака отличия за сие сражение, установленного в том же году».

⁵⁹ Прейсиш-Эйлауский крестик — золотой крест за сражение при Прейсиш-Эйлау — был учрежден 31 авг. 1807 г. для награждения офицеров и генералов, отличившихся в этом сражении, но не получивших орденов Георгия и Владимира. Им было награждено не 300 человек, как считал С. Г. Волконский, а 900 (сведения о количестве награжденных см.: ЦГИА, ф. 37, оп. 17, л. 290). Четвертым награжденным этим знаком отличия из оставшихся в живых, имя которого Волконский забыл, мог быть П. Х. Граббе (см. примеч. 321).

⁶⁰ *Закревский Арсений Андреевич* (1783—1865), гр., ген. от инфантерии, ген.-адъютант. Участвовал в военных действиях русской армии в 1805—1814 гг. С 1823 г. финляндский, а с 1848 г. московский ген.-губернатор. Был членом Верховного уголовного суда по делу декабристов. В 1828—1831 гг. министр внутренних дел.

⁶¹ *Полиньяк Ираклий Ираклиевич*, гр., французский эмигрант на русской службе, полковник. Вступил поручиком в л.-гв. Павловский полк в 1803 г., с 1808 г. в л.-гв. Преображенском полку. Участвовал

в Отечественной войне 1812 г. Принят в Южное общество декабристов в 1824 г., незадолго до отъезда из России. На следствии декабристы С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и А. П. Юшневский показали, что Полиньяку было поручено установить во Франции связь с тайными обществами французских революционеров.

⁶² Серебряная медаль в память Отечественной войны 1812 г. учреждена 5 февр. 1813 г. Ею награждались все строевые чины армий и ополчений, принимавшие участие в боевых действиях против армии Наполеона до 1 янв. 1813 г. Эта медаль не давала каких-либо преимуществ, но высоко ценилась как свидетельство непосредственного участия в сражениях. Решением Верховного уголовного суда С. Г. Волконский был лишен всех наград. В 1863 г. по его просьбе ему были возвращены офицерский крест за Прейсш-Эйлау и две медали в память Отечественной войны 1812 г. (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., оп. 1, д. 61, ч. 55, л. 235—236).

⁶³ Историки указывают на два дня сражения под Прейсш-Эйлау — 26 и 27 янв. (7 и 8 февр.) 1807 г. Однако решительным днем они называют 27 янв. (Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 46).

⁶⁴ *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861), русский военный и государственный деятель, ген. от инфантерии и от артиллерии. Участвовал в суворовских походах, проявил храбрость и выдающиеся способности во время войн 1805—1807 гг. В Отечественную войну 1812 г. начальник штаба 1-й Зап. армии, после Бородинского сражения начальник штаба объединенных армий; во время заграничных походов 1813—1814 гг. начальник артиллерии союзных войск. Позднее возглавлял военную и гражданскую власть на Кавказе. Для его деятельности характерна независимость взглядов и действий. Декабристы намечали его в состав Временного правительства.

⁶⁵ Супруга *Кожина — Екатерина Михайловна* (урожд. Волконская, 1777—1834) была сестрой П. М. Волконского, женатого на сестре декабриста *Софье Григорьевне* (1786—1868).

⁶⁶ *Платов Матвей Иванович* (1751—1818), ген. от кавалерии, атаман Войска Донского. Служил под началом Суворова. В 1801 г. назначен наказным атаманом Войска Донского. Участвовал в сражениях 1806—1807 гг., отличился в русско-турецкой кампании 1808—1809 гг. Герой войны 1812 г., командовал донскими «летучими» полками.

⁶⁷ «Тесные квартиры» — военный термин. Имеются в виду войска, размещающиеся на постое у местных жителей.

⁶⁸ *Каменский Николай Михайлович* (1776—1811), гр., ген. от инфантерии, младший сын ген.-фельдмаршала М. Ф. Каменского. Прошел военную школу под руководством А. В. Суворова. Участвовал в войне с Наполеоном 1805—1807 гг., в русско-шведской кампании. В 1810 г. назначен главнокомандующим Молдавской армией.

⁶⁹ Вероятно, Волконский имел в виду те доносы, которые поступали в жандармское управление, о посещении декабристами, и им в частности, Москвы, появлении в обществе и ведении «неприличных» разговоров о существующем строе. Эти слухи и доносы нашли отражение в секретной переписке шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова с начальником московской жандармерии генералом С. В. Перфильевым и московским ген.-губернатором гр. А. А. Закревским (ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 55, л. 155—158;

Сиверс А. А. История декабристов после амнистии 1856 года. С. 411).

⁷⁰ Указом имп. Александра I от 28 июля 1807 г. продовольственным и комиссариатским чиновникам за хищения и другие злоупотребления, «коиими долг чести и присяги совсем нарушен», запрещалось носить военные мундиры (Столетие Военного министерства. 1802—1902. Т. 5. Главное интендантское управление. Ч. 1. Введение к царствованию императора Александра I. Спб., 1903. С. 287—292, 377). Этот запрет в начале 1812 г. был отменен.

⁷¹ Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

⁷² Кредитные установления — банки.

⁷³ Фридрих-Вильгельм III (1770—1840), прусский король с 1797 г. По Тильзитскому соглашению 1807 г. отдал Наполеону половину Пруссии.

⁷⁴ Волконский Петр Михайлович (1776—1852), светл. кн., ген.-фельдмаршал, ген.-адъютант, министр двора с 1826 г., член Гос. совета с 1821 г. Являлся приближенным лицом Александра I и Николая I.

⁷⁵ Штейнгель Фаддей Федорович (1762—1831), гр., ген. от инфантерии. Ген.-квартирмейстер в войнах 1805—1807 гг., в Отечественную войну 1812 г. начальник Отдельного корпуса. Ген.-губернатор Финляндии. Позднее, будучи в отставке, занимался минералогией, член Санкт-Петербургской Академии наук.

⁷⁶ Фок Александр Борисович (1763—1825), ген.-лейтенант. Сын голштинского дворянина, переселившегося в Россию при имп. Елизавете. Участвовал в военных кампаниях конца XVIII в. В 1807 г. по настоянию Беннигсена был назначен к нему дежурным генералом. В 1812 г. начальник штаба корпуса Штейнгеля. А. Б. Фок был близким другом Беннигсена, именно ему в виде писем Беннигсен посылал свои Записки (см. примеч. 33).

⁷⁷ Апт Иван Федорович — дополнительных сведений не найдено.

⁷⁸ Шеппинг Отто Дмитриевич (1790—1876), бар., ген.-майор. Воспитывался в пансионе аббата Николая. С 1805 г. числился юнкером в иностранной коллегии. С дек. 1812 г. переведен в Кавалергардский полк, прикомандирован к А. И. Чернышеву по особым поручениям, позднее адъютантом. Вышел в отставку в 1824 г. Последние 20 лет жизни провел за границей. Упоминается в пренебрежительном тоне в пушкинских посланиях к А. М. Горчакову и П. Я. Чаадаеву. Должно быть, в глазах Пушкина и его друзей Шеппинг был символом пошлости и скуки.

⁷⁹ Pour le mérite («За заслуги») — прусский орден, введенный Фридрихом II в 1740 г. по случаю вступления на престол. До 1810 г. давался как за военные, так и за гражданские заслуги, с 1810 г. — только за военные. В 1842 г. учреждена особая разновидность орденского знака для ученых и художников.

⁸⁰ Вольтер (Аруз, Франсуа-Мари, 1694—1778), французский писатель и философ-просветитель. Вероятно, имеется в виду, что Вольтер получил этот прусский крест, будучи приближенным короля Фридриха II, а И. Ф. Апт занимал подобное же положение при Беннигсене.

⁸¹ Волконский Дмитрий Михайлович (1770—1835), ген.-лейтенант, сенатор. Участник суворовских кампаний и войны с наполеоновской Францией в 1806—1807 гг. В 1813 г. командир Тульского ополчения. С. Г. Волконский ошибочно назвал его двоюродным

братом П. М. Волконского. Д. М. Волконский — троюродный брат самого декабриста.

⁸² *Раевский Николай Николаевич* (1771—1829), ген. от кавалерии. Участвовал во всех военных кампаниях конца XVIII — нач. XIX вв. Герой Отечественной войны 1812 г.; особо отличился в Бородинском сражении (оборона батареи Раевского). Участник заграничных походов 1813—1814 гг. До 1825 г. командовал корпусом на юге России. Член Гос. совета. С 1825 г. С. Г. Волконский был женат на дочери Н. Н. Раевского Марии Николаевне.

⁸³ *Гогель Федор Григорьевич* (1775—1827), ген.-лейтенант. Участник кампаний 1805—1807 гг. В 1812 г. командовал егерской бригадой в корпусе Н. Н. Раевского.

⁸⁴ *Вуич Николай Васильевич* (1765—1836), ген.-лейтенант. Участник походов Суворова, кампаний 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг.

⁸⁵ *Остен-Сакен Фабиан (Готлиб) Вильгельмович* (1752—1837), с 1826 г. ген.-фельдмаршал. Участник кампаний конца XVIII в. и наполеоновских войн. В 1814 г. назначен военным губернатором Парижа, где за гуманное управление ему была преподнесена золотая шпага с надписью «Город Париж — генералу Сакену». Обвинения Беннигсена привели к затяжному суду над Остен-Сакеном из-за разногласий судей. Он не был отставлен, но до 1812 г. находился в немилости. С Отечественной войны вновь началось его восхождение (*Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 408—409).

⁸⁶ Упоминаемые злодеяния Кожина на Дону при начале его деятельности в звании флигель-адъютанта касаются событий 1800 г., когда на Дон хлынул поток беглых крестьян. Будучи послан Павлом I для пресечения беглодержательства, Кожин проявил особую жестокость в деле братьев Евграфа и Петра Грузиновых, обвиненных в намерении уничтожить самодержавие. После того как Евграф Грузинов был засечен до смерти, Кожин донес Павлу, что «казнь над известным Грузиновым была <...> при собрании многочисленной толпы <...>, коих в память сие зрелище останется надолго» (*ЦГВИА*, ф. 26, оп. 1/152, д. 83, л. 499 об. См. также: *ЦГАДА*, ф. 7, оп. 2, д. 3501, л. 14). Сведения о событиях на Дону нам любезно предоставил Н. С. Коршиков (Ростовский гос. ун-т).

⁸⁷ Гейльсбергское сражение произошло 29 мая (10 июня) 1807 г.

⁸⁸ *Уваров Федор Петрович* (1769—1824), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. Шеф Кавалергардского полка. Участник кампаний 1805—1807 гг. и боевых действий на Дунае в 1810 г. В Отечественную войну 1812 г. командовал 1-м кавалерийским корпусом в армии Барклая де Толли, а затем всей кавалерией Соединенных армий.

⁸⁹ *Фридрих II* (1712—1786), прусский король с 1740 г., из династии Гогенцоллернов, крупный полководец. Не вполне ясно, о каком сражении Семилетней войны (1756—1763) идет речь в «Записках». Известно, что Беннигсен четыре раза менял свои планы перед Фридрихом, последний же предполагал дальнейшее движение к Домнау. Современные военные историки объясняют неудачный для русской армии исход сражения под Фридрихом колебаниями Беннигсена, неумелым выбором позиции и неправильной оценкой обстановки, «которые привели к потере времени и инициативы» (*Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 53).

⁹⁰ *Гутчинсон Джон Гели* (1757—1832), английский генерал, пер.

В 1806 г. прибыл в Петербург с чрезвычайной дипломатической миссией. Был в свите Александра I в сражении под Фридрихсдорфом.

⁹¹ *Лопухин Павел Петрович* (1790—1873), светл. кн., ген.-лейтенант. С 1806 г. поручик Кавалергардского полка. Участвовал в наступлениях 1806—1807 гг. Всю войну 1812 г. состоял адъютантом при начальнике Главного штаба армии А. П. Ермолове. Участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. Член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества (до 1822 г.). После предварительного допроса освобожден по высочайшему повелению.

⁹² Так называли офицеров, которые получили чины не за заслуги, а по прихоти Павла I. Современники писали: «Вдруг пожалует тьму народа полковниками, генералами всех сортов, а через полгода всех, без просьбы, уволят в отставку» (*Греч Н. И. Записки о моей жизни*. С. 154).

⁹³ Мамелон (mamelon) — пригорок, холмик, возвышенность.

⁹⁴ *Сиверс Яков Карлович* (ум. 1810), гр., ген.-майор. Погиб в русско-турецкой войне при штурме крепости Рущук.

⁹⁵ Пролонжа — длинная веревка.

⁹⁶ *Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович* (1758—1838), кн., ген. от инфантерии, впоследствии министр юстиции (1817—1827).

⁹⁷ Переговоры о временном прекращении военных действий с французами от имени России вел кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, со стороны Франции — маршал Бертье. Перемирие было заключено на один месяц. Должны были быть назначены полномочные представители для переговоров о мире и комиссары для обмена пленными.

⁹⁸ Встреча двух императоров была назначена на 13 (25) июня 1807 г.

⁹⁹ Переговоры о мире вели: с русской стороны — кн. А. Б. Куракин и кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, со стороны французов — Талейран.

¹⁰⁰ Дед декабриста Н. В. Репнин и отец Д. И. Лобанова-Ростовского были женаты на сестрах Куракиных. С. Г. Волконский приходился Д. И. Лобанову-Ростовскому двоюродным племянником.

¹⁰¹ Вероятно, Волконский имел в виду оккупацию французскими войсками в 1808 г. Испании и Португалии. Возникшая война за независимость (1808—1814) стала одновременно первой буржуазно-демократической революцией в Испании. В борьбе против Наполеона окрепли революционные силы во многих странах Зап. Европы.

¹⁰² В результате Тильзитского договора все европейские страны оставались в том положении, в какое их привели победы Наполеона, т. е. оказались полностью под его властью. Практически же России были отданы Валахия и Молдавия. Хотя об этом не говорилось в статьях договора, но в инструкции, данной французскому послу Колленкуру 12 сент. 1807 г., было указано, что Наполеон не будет этому противиться, если ему предоставят дополнительную часть владений Пруссии (*Вандаль А. Наполеон и Александр I*. Спб., 1910. Т. 1. С. 514—516).

¹⁰³ Буржуазная французская революция 1830 г. привела к свержению Карла X и установлению июльской монархии во главе с Луи-Филиппом Орлеанским. Через 17 лет он был свергнут февральской революцией 1848 г., провозгласившей республику. Когда все попытки правительства Луи-Филиппа подавить революцию оказались безуспешными, приближенные короля предложили ему осуществить некоторые реформы и уволить в отставку наиболее непопулярных

министров. На это король ответил: «слишком поздно», а после кровавого побоища в Париже 23 февр. 1848 г. отрелся от престола. Используя недовольство режимом 2-й республики со стороны крестьянства и армии, племянник Наполеона I *Луи Наполеон Бонапарт* (1808—1873) добился своего избрания президентом, а 2 дек. произвел государственный переворот, провозгласив себя императором Наполеоном III. Во внешней политике он способствовал созданию антирусской коалиции во время Крымской войны 1853—1856 гг. В 1859 г. Наполеон III ведет войну с Австрией, после поражения которой усилилось национально-освободительное движение итальянского народа (рисорджименто) против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии. Единое итальянское государство было провозглашено в 1861 г.

¹⁰⁴ *Вильсон Роберт-Томас* (1777—1849), английский генерал и политический деятель. Во время войны России с Францией в 1806—1807 гг. состоял при штабе русской армии. С сент. 1812 г. представитель английского военного командования в штабе М. И. Кутузова.

¹⁰⁵ Награжденным орденом Почетного легиона оказался солдат Преображенского батальона *Лазарев (Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 465).

¹⁰⁶ Тильзитский мир был подписан 25 июня (7 июля) 1807 г.

¹⁰⁷ *Шпрингпортен*, бар. — сведений не найдено.

¹⁰⁸ *Репнин-Волконский Николай Григорьевич* (1778—1845), ген. от кавалерии. Старший брат декабриста. С высочайшего разрешения присоединил к своей фамилии имя деда ген.-фельдмаршала Н. В. Репнина, не оставившего наследников по мужской линии. Участвовал во всех войнах против Наполеона. С окт. 1813 г. ген.-губернатор Саксонии, в 1816—1834 гг. малороссийский ген.-губернатор, с 1835 г. член Гос. совета. В 1806—1808 гг. был уволен со службы для лечения ран, полученных при Аустерлице. В это время он как раз находился в Москве.

¹⁰⁹ *Елизавета Петровна* (1709—1761/62), дочь Петра I, российская имп. с 1741 г.

¹¹⁰ Бонтонный — хорошего тона (от фр. *bontop*), мовежанрский — дурного тона (от фр. *mauvais genre*).

¹¹¹ *Уваров Федор Семенович* (1786—1845), ген.-майор. С 1804 г. служил в Кавалергардском полку, затем в Екатеринославском кирасирском. Участвовал в кампании 1807 г., в 1812 г. был ранен в Бородинском сражении, участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. Впоследствии член основанного в Москве русского общества любителей садоводства.

¹¹² *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855), гр. (с 1846 г.), государственный деятель. С 1818 г. президент Академии наук, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения. Ему принадлежит известная формула: «православие, самодержавие, народность».

¹¹³ *Уваров Федор Александрович* (1780—1827), действ. ст. сов., камергер. С 1806 г. на службе в Кавалергардском полку. Был прозван «черным» в отличие от «белого» Ф. С. Уварова. Участвовал в кампании 1807 г. и в Отечественной войне 1812 г. В 1827 г. таинственно исчез. Был женат на сестре декабриста М. С. Лунина.

¹¹⁴ *Балабин Петр Иванович* (1778—1856), ген.-лейтенант. С 1802 г. служил в Кавалергардском полку. В период, описываемый Волконским, находился в чине полковника. Участник кампаний 1805—1814 гг. С 1826 г. начальник Петербургского жандармского округа.

¹¹⁵ *Васильев Владимир Федорович* (1782—1839), гр., действ. ст. сов. В 1807 г. ротмистр Кавалергардского полка. В 1811 г. назначен полицмейстером Санкт-Петербурга. В 1820 г. тульский гражданский губернатор.

¹¹⁶ *Орлов Григорий Федорович* (1790—1853), полковник. Младший брат декабриста М. Ф. Орлова. В 1807 г. корнет Кавалергардского полка. Участвовал в кампаниях 1807 и 1812—1814 гг. В Отечественную войну состоял адъютантом при Барклае де Толли. С 1825 г. постоянно жил за границей.

¹¹⁷ *Коленкур Арман-Огюст-Луи*, герцог Виченцкий (1773—1827), генерал и дипломат. В 1807—1811 гг. посол в России, в 1812—1813 гг. находился при Наполеоне. С нояб. 1813 г. в период «Ста дней» — министр иностранных дел.

¹¹⁸ Пошевни — широкие сани, обшитые тесом.

¹¹⁹ *Лобанова-Ростовская Мария Яковлевна* (1789—1854), жж., в замужестве Нарышкина. Родство с ней у Волконского было отдаленное, идущее по линии Репниных. Сравнением ее внешности с живописью итальянского художника *Гвидо Рени* (1575—1642) автор «Записок» как бы подчеркивает в ней то изящество, выразительность и тонкость, которые были свойственны работам художника.

¹²⁰ *Нарышкин Кирилл Александрович* (1786—1838), кн., обер-гофмаршал, член Гос. совета, муж М. Я. Лобановой-Ростовской.

¹²¹ *Лобанов-Ростовский Александр Яковлевич* (1788—1866), кн., ген.-майор. Образование получил в пансионе аббата Николая. С 1806 г. служил в Кавалергардском полку. Участвовал в войне с Францией в 1807 г., в турецкой кампании 1806—1812 гг., в заграничных походах 1813—1814 гг. С 1828 г. в отставке. Библиофил, библиограф, издатель. Член Парижского общества библиофилов, действ. член Имп. русского географического общества. Известен как основатель и первый командор Имп. Российского яхт-клуба.

¹²² *Кудашев Николай Данилович* (1784—1813), кн., ген.-майор. В 1812 г. командовал авангардом корпуса М. И. Платова, убит под Лейпцигом. Был женат на дочери М. И. Кутузова — Екатерине Михайловне.

¹²³ *Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856), светл. кн., ген.-фельдмаршал (с 1856 г.). Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1815—1818 гг. командовал русским оккупационным корпусом во Франции. С 1823 г. новороссийский ген.-губернатор и наместник Бессарабской обл., в 1828—1844 гг. новороссийский и бессарабский ген.-губернатор. В 1844—1854 гг. наместник Кавказа, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом.

¹²⁴ *Анна Федоровна* (1781—1860), вел. кн., дочь эрцгерцога Франциска-Фридриха Саксен-Заольфельд-Кобургского, первая супруга цесаревича Константина Павловича. Покинула Россию в 1801 г., в 1802 г. получила формальный развод.

¹²⁵ *Ренни Каролина-Мария*, фон (1783—?), дочь ген.-майора Карла Аугуста Ренни. Замужем за Иринеем Хрептовичем.

¹²⁶ *Моден Гавриил Карлович* (1774—1833), гр., обер-егермейстер. Француз по происхождению, в 1793 г. поступил на русскую военную службу, которая протекала главным образом при дворе.

¹²⁷ В примечании к печатному тексту «Записок» в 1901 г. сын декабриста М. С. Волконский раскрывает имя этой девушки — *Софья Петровна Толстая* (1802—1886), дочь известного генерала

П. А. Толстого, русского посла в Париже. Вышла замуж за флигель-адъютанта В. С. Апраксина, внука Натальи Петровны Голицыной (прототипа графини из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина).

¹²⁸ Е. Ф. Л. — раскрыть не удалось.

¹²⁹ *Депрерадович Николай Иванович* (1766—1843), ген. от кавалерии. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг. — командир Кавалергардского полка. В Отечественную войну 1812 г. командовал 1-й Кирасирской дивизией в армии Барклая де Толли.

¹³⁰ В 1808—1812 гг. А. И. Чернышев был представителем Александра I при Наполеоне. В 1808 г. был свидетелем вторжения французских войск в Испанию.

¹³¹ *Колычев Сергей Федорович* (1787—1854), полковник. В 1808 г. поручик Кавалергардского полка. Участвовал в кампаниях 1805—1812 гг., в заграничных походах 1813—1814 гг. В 1815 г. предан военному суду за действия, несовместимые с воинской честью, лишен чинов. В 1817 г. прощен и определен ротмистром в Екатеринбургский кирасирский полк.

¹³² *Каблуков* (1-й) *Платон Иванович* (1779—1835), ген.-лейтенант. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1823 г. начальник военного поселения в Херсонской и Екатеринбургской губ. *Каблуков* (2-й) *Владимир Иванович* (1780—1848), ген.-лейтенант, сенатор, действ. тайный сов. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг. В Отечественную войну командовал дивизионом Кавалергардского полка.

¹³³ Строганов сад окружал дачу гр. А. С. Строганова, построенную А. Н. Воронихиным в 1794—1796 гг. близ Петербурга.

¹³⁴ Дача Бахарата — сведений не найдено.

¹³⁵ *Кочубей Виктор Павлович* (1768—1834), гр., позднее кн. Государственный деятель и дипломат. Член «Негласного комитета», министр внутренних дел, с 1827 г. председатель Гос. совета и Комитета министров.

¹³⁶ *Загряжская Наталья Кирилловна* (урожд. гр. Разумовская, 1747—1837), кавалерственная дама. Тетка жены В. П. Кочубея. Пушкин «заслушивался рассказов Натальи Кирилловны, он ловил при ней отголоски поколений и обществ, которые уже сошли с лица земли» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Спб., 1878—1896. Т. 8. С. 184—185).

¹³⁷ *Бирон Петр-Алексей* (Петр Карлович, 1781—1809), штаб-ротмистр Кавалергардского полка, камергер. Внук временщика Бирона. В конце 1807 г. уволился от военной службы по болезни.

¹³⁸ *Лунина* — сведений не найдено.

¹³⁹ *Елизавета Алексеевна* (Луиза-Мария Августа, принцесса Баденская, 1779—1826). С 1793 г. супруга вел. кн. Александра (будущего Александра I). Вызывала сочувствие современников, знавших о связи Александра с М. А. Нарышкиной.

¹⁴⁰ *Давыдов Александр Львович* (1773—1833), ген.-майор (в отставке с 1815 г.). Брат декабриста В. Л. Давыдова и генерала Н. Н. Раевского (старшего) со стороны матери. Участник Отечественной войны 1812 г. Был женат на дочери герцога Грамона Аглае Антоновне.

¹⁴¹ *Скарятин* — сведений не найдено.

¹⁴² Волконский считал, что русско-шведская война предполагала захват чужой территории, а значит, была несправедливой. Объяснения им причин ее возникновения крайне наивны. Современная исто-

рическая наука указывает на две причины, приведшие к военным, столкновениям: с одной стороны, желание России установить полный контроль над Финским и Ботническим заливами, что упрочило бы ее положение в этом регионе, с другой — желание Швеции взять реванш за поражение в предшествующих войнах с Россией. Предлогом войны было нарушение Швецией Континентальной блокады и условий договора о закрытии Балтийского моря для английского флота.

¹⁴³ Как видно, Волконский здесь ошибается. У Д. П. Бутурлина нет описания русско-шведской войны. Возможно, он имел в виду труд А. И. Михайловского-Данилевского «Описание финляндской войны в 1808 и 1809 гг. на сухом пути и на море» (Полн. собр. соч. Спб., 1849. Т. 2). Что же касается «приложений», о которых говорит Волконский, то вполне вероятно, что он имеет в виду «Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям», подробно освещавшее ход военных действий.

¹⁴⁴ Речь идет о крепости Свеаборг, доступ к которой был действительно открыт с моря.

¹⁴⁵ Имеется в виду подкуп осажденных, к которому прибегал Буксгевден.

¹⁴⁶ *Кнорринг Богдан Федорович* (1746—1825), ген. от инфантерии.

¹⁴⁷ *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769—1834), гр., ген. от артиллерии. В 1808—1810 гг. военный министр, с 1810 г. председатель Департамента военных дел Гос. совета, организатор и начальник военных поселений. Всесильный временщик при Александре I. Во время Отечественной войны находился при Главной квартире действующей армии, занимался резервами и продовольствием.

Вероятно, до Волконского доходили разговоры о письме гр. Буксгевдена Аракчеву о тех расходах, которые он несет для подкупа осажденных. «Вы видите,— писал Буксгевден,— какими средствами была мне возможность найти нужные нам способы. Они нам довольно дороги — и еще будут дороже, но все сии издержки не возмогут никогда идти в какое-либо сравнение с тем важным приобретением, какое можем сделать с покорением Свеаборга. Я употреблял доселе экстраординарную сумму» (*Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 36).

¹⁴⁸ Куортанское сражение произошло 20 авг. (1 сент.) 1808 г., Оровайская битва — 2 (14) сент. 1808 г.

¹⁴⁹ *Кульнев Яков Петрович* (1763—1812), ген.-лейтенант. Участвовал в кампании 1807 г., в русско-шведской войне 1808—1809 гг., совершив знаменитый переход по льду Ботнического залива. Герой Отечественной войны 1812 г. Был смертельно ранен в бою под Клястицами.

¹⁵⁰ Здесь мнение С. Г. Волконского о действиях Н. М. Каменского в Куортанском и Оровайском сражениях вступает в противоречие с их оценкой военными историками прошлого и современности (*Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 151—154, 163—166; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство XIX в. С. 82—86).

¹⁵¹ *Булатов Михаил Леонтьевич* (1760—1825), ген.-лейтенант. Участник русско-французской войны 1805—1807 гг., русско-шведской кампании 1808—1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Впоследствии губернатор Сибири. Пленение Бу-

латова, о котором упоминает Волконский, произошло у г. Револакса.
¹⁵² Густав-Адольф IV (1778—1837), в 1796—1809 гг. король Швеции.

¹⁵³ Шувалов Павел Андреевич (1774—1823), гр., ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Участник походов Суворова, кампании 1807 г., русско-шведской войны 1808—1809 гг., Отечественной войны 1812 г. Вероятно, Волконский имеет в виду военные действия Шувалова в трудных зимних условиях, приведшие к Капликской капитуляции 13 марта 1809 г.

¹⁵⁴ Демидов Николай Иванович (1773—1833), ген. от инфантерии, ген.-адъютант. Случай, о котором упоминает автор «Записок», был подвергнут расследованию. Демидова оправдали (Михайловский-Данилевский А. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 156—157).

¹⁵⁵ Переход через Ботнический залив войск под командованием Багратиона состоялся 1 (13) марта 1809 г. В результате этого наступления Аландские острова были оставлены шведами.

¹⁵⁶ По Фридрихсгамскому миру, заключенному 5 (17) сент. 1809 г., Финляндия отходила к России на правах великого княжества, Швеция обязывалась расторгнуть союз с Англией и «примкнуть к Континентальной блокаде».

¹⁵⁷ В это время кн. Н. Г. Репнин-Волконский, как было сказано выше (примеч. 108), был уволен со службы по болезни в связи с ранением при Аустерлице. Вновь принят на службу в конце 1808 г. и назначен посланником при Вестфальском короле. Семья Н. Г. Репнина состояла из жены Варвары Алексеевны (урожд. гр. Разумовская), сына Василия, дочерей: Александры (в замужестве гр. Кушелева-Безбородко), Елизаветы (в замужестве Кривцова), Варвары.

¹⁵⁸ Кологривова Прасковья Юрьевна (урожд. кн. Трубецкая, в первом браке Гагарина, 1762—1846). Была прототипом Татьяны Юрьевны в комедии Грибоедова «Горе от ума». Ее дети: Гагарин Федор Федорович (1789—1863), кн. С 1804 г. служил в Кавалергардском полку, участвовал во всех войнах первой трети XIX в. В 1812 г. был адъютантом Багратиона. В 1832 г. вышел в отставку в чине ген.-майора. Был членом Военного общества, поедшествовавшего Союзу благоденствия. Привлекался по делу декабристов, но был оставлен «без внимания» (Декабристы: Биографический справочник. С. 49). Гагарин Василий Федорович (1787—1829), кн. Участвовал в войне 1807 г. и в турецкой кампании 1810 г. В 1827 г. вышел в отставку в чине ротмистра. Гагарина Вера Федоровна (1790—1886), кж., впоследствии жена поэта П. А. Вяземского. Гагарина Надежда Федоровна (1791—1883), кж., позднее замужем за шталмейстером двора Б. А. Святополк-Четвертинским. Гагарина Софья Федоровна (в замужестве Ладомирская, 1794—1855), кж. Жена московского, затем черниговского губернского предводителя дворянства В. Н. Ладомирского. Гагарина Любовь Федоровна (?—?), кж., замужем за ген.-лейтенантом Б. В. Полуектовым.

¹⁵⁹ Каленберг Дарья Николаевна, младшая дочь кн. Н. В. Репнина. Была очень богата, так как в завещании отец проявил о дочери-горбунье особую заботливость, считая, что она останется незамужней. Вышла замуж за воспитателя своего племянника подполковника А. К. Каленберга. Каленберг Август Карлович (?—1808). Начав службу в австрийских войсках, он в 1768 г. переходит на русскую службу. Несколько лет находился под командованием Г. С. Волконского. По выходе в отставку в чине подполковника был

приглашен наставником к младшему сыну князя, будущему декабристу.

¹⁶⁰ Здесь, вероятно, Волконский имел в виду историю с изменением завещания матери — А. Н. Волконской, когда неожиданно в третьей редакции завещания дом на Мойке, ранее предназначавшийся сыну, находящемуся в изгнании, был отписан С. Г. Волконской. В этом Волконский усматривал влияние сестры (ЦГИА, ф. 844, оп. 1, д. 21, л. 5—10 об.).

¹⁶¹ Волконский Никита Григорьевич (1781—1841), кн., средний брат декабриста. Начал службу адъютантом своего деда Н. В. Репнина. Принимал участие во всех войнах с Наполеоном. В 1806 г. в турецкую кампанию состоял при главнокомандующем генерале Михельсоне. С 1807 г. флигель-адъютант, затем ген.-майор свиты императора. После смерти Александра I выходит в отставку. Последние годы прожил в Италии. Был женат на З. А. Белосельской-Белозерской.

¹⁶² Оленина Анна Семеновна (урожд. кн. Волконская, 1737—1812), тетка Волконского. Жена предводителя дворянства Касимовского уезда Н. Я. Оленина.

¹⁶³ Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), сын А. С. Олениной, археолог, историк, художник. С 1811 г. директор Публичной библиотеки, с 1817 г. президент Академии художеств.

¹⁶⁴ Здесь Волконский несомненно оговорился. Речь, конечно, идет не о Евлампии Михайловне Башмаковой (1760—1816), казанском прокуроре, а о его сыне Дмитрие Евлампиевиче (1794—1835), который действительно в 1809 г. вступил в Кавалергардский полк. Во время Отечественной войны 1812 г. состоял ординарцем при Барклае де Толли. Был женат на внучке А. В. Суворова.

¹⁶⁵ Углицкий (Углецкий) Василий Андреевич (1766—1822), полковник, командир Оренбургского казачьего полка в русско-турецкой войне 1808—1809 гг. С 1809 г. войсковой атаман Оренбургского казачьего войска.

¹⁶⁶ Пулячев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг.

¹⁶⁷ Тимашев Николай Иванович, помещик. В 1787—1796 гг. в чине коллежского сов. был уфимским губернским прокурором, в 1797—1802 гг. уфимским губернским предводителем дворянства. Приобрел уважение высокой образованностью. Вел переписку с Г. Р. Державиным.

¹⁶⁸ Струков Григорий Никанорович (1771—1846). Служил по квартирмейстерской части еще при Н. В. Репнине. В чине полковника был назначен обер-квартирмейстером к командиру Оренбургского корпуса Г. С. Волконскому. С 1816 г. действ. ст. сов., направлен управляющим Илецким соляным промыслом. По его проекту был проложен путь для доставки Илецкой каменной соли от места ее разработки до Самары.

¹⁶⁹ Возможно, имеется в виду Николай Васильевич Кочкин, майор, адъютант Г. С. Волконского.

¹⁷⁰ Ермолаев Алексей Терентьевич (?—1828), сын солдата, дослужившийся до чина полковника. В 1804 г. инспекторский адъютант Оренбургского губернатора, впоследствии управляющий канцелярией военного губернагора.

¹⁷¹ Тутолмин Павел Висильевич (1773—1837), ген., командир Литовского уланского полка.

¹⁷² В начале XVI в. Бессарабия вместе с Молдавией попали под власть султанской Турции. В результате русско-турецкой войны 1806—1812 гг. по Бухарестскому мирному договору Бессарабия вошла в состав России.

¹⁷³ Ланжерон Александр Федорович (1763—1831), гр., француз по национальности, на русской службе с 1790 г. Участвовал в штурме Измаила, кампании 1805 г., в боевых действиях на Дунае в 1809—1812 гг. В Отечественную войну 1812 г. командовал корпусом. Впоследствии херсонский военный губернатор, одесский градоначальник. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

¹⁷⁴ Небольсин — сведений о нем не найдено.

¹⁷⁵ Ипсиланти Константин Александрович (1760—1816), кн., господарь Молдавии (1799—1801), Валахии (1802—1807), в 1807 г. эмигрировал в Россию.

¹⁷⁶ Ролети — сведений о нем не найдено.

¹⁷⁷ Прозоровский Александр Александрович (1732—1809), ген.-фельдмаршал. В 1790—1795 гг. главнокомандующий московскими войсками. В 1801—1802 гг. член Военской комиссии, созданной по указу Александра I для определения состояния сухопутных войск и их содержания. С 1807 г. главнокомандующий Молдавской армией.

¹⁷⁸ Безак Павел Христианович (1769—1831), ст. сов. В 1806—1810 гг. начальник канцелярии главнокомандующего Молдавской армией.

¹⁷⁹ Современные военные историки считают, что замена Багратиона произошла потому, что политическая обстановка требовала быстрого окончания войны, а Багратион был медлителен в действиях (Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 60).

¹⁸⁰ Вистеар — один из боярских чинов при дворе господарей Молдавии или Валахии, управитель государственной казны.

¹⁸¹ Николай I Павлович (1796—1855), российский имп. с 1825 г.

¹⁸² Засс Андрей Павлович (1753—1815), бар., ген.-лейтенант. Участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В 1808—1809 гг. командир Галацкого отряда, в 1811 г. командующий войсками, расположенными в Малой Валахии и Сербии. В Отечественную войну командовал корпусом, в 1813 г. начальник кавалерии 3-й Зап. армии.

¹⁸³ Фашичник — настил дороги в топких местах или рвах.

¹⁸⁴ Каменский (1-й) Сергей Михайлович (1771—1835), генерал от инфантерии, старший сын фельдмаршала. Участвовал в русско-турецкой кампании 1806—1810 гг., командовал 12-й пехотной дивизией. В Отечественную войну 1812 г. командовал корпусом.

¹⁸⁵ Великим визирем Турции в 1808—1811 гг. был Зия-паша Юсуф (1747—1818), в 1811—1812 гг. — Ахмед-паша Рашид.

¹⁸⁶ Селим III (1761—1808), султан Турции в 1789—1807 гг.

¹⁸⁷ Пехливан-паша (Пегливан) Ибрагим (1760—1829), турецкий генерал, в начале русско-турецкой войны 1806—1812 гг. был начальником гарнизона Измаила, с 1810 г. командовал турецкими войсками на Нижнем Дунае. Пленен при разгроме его корпуса под Базарджиком. Иылык-оглу (Елик, Элих-Оглу) Сулейман, турецкий восначальник, в 1811—1812 гг. правитель крепости Силистрии. Правителем (аяном) Рудука и командующим его войсками был Бошняк-ага. Турецким корпусом у Виддина командовал Измаил-бей Сересский.

¹⁸⁸ Бреш-батарея — батарея, с помощью которой с близкого расстояния делается брешь.

¹⁸⁹ *Джаур-Ассан* (точнее *Гяур-Хаса*, *Яур Хасан*, *Яур-Асан*) во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. командовал турецкой конницей.

¹⁹⁰ *Хрущов Иван Александрович* (1774—1824), ген.-майор. Участник боевых действий на Дунае в 1810 г., в Отечественную войну 1812 г. командовал кавалерийской бригадой.

¹⁹¹ *Румянцев Петр Александрович* (1725—1796), гр. Задунайский, полководец, ген.-фельдмаршал, главнокомандующий 1-й армией во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Его успешные действия привели к заключению Кучук-Кайнарджийского мира, за что он получил добавление к фамилии «Задунайский».

¹⁹² *Цызырев Павел Александрович* (ум. 1829), ген.-майор. Участник суворовских походов. Во время военных действий против Франции в 1805 г. шеф Украинского мушкетерского полка.

¹⁹³ *Красовский Афанасий Иванович* (1777—1843), ген. от инфантерии, ген.-адъютант. В чине майора участвовал в боевых действиях на Дунае в 1807—1811 гг. В Отечественную войну 1812 г. командовал 14-м егерским полком.

¹⁹⁴ Крепость *Журжу* была атакована отрядом под командой ген.-майора *Сергея Алексеевича Ермолова* (1763—1818).

¹⁹⁵ *Себастиан де ла Порта Орас* (1775—1851), гр., маршал Франции. В 1806—1809 гг. французский посол в Турции, позднее министр иностранных дел Франции.

¹⁹⁶ *Ордер-де-баталии* — боевое построение войск.

¹⁹⁷ *Трубецкой Василий Сергеевич* (1776—1841), кн., ген. от кавалерии, член Гос. совета, сенатор. В кампании 1805 г. был адъютантом Багратиона. Участвовал в войне 1807 г., в боевых действиях на Дунае в 1809—1810 гг. В Отечественную войну 1812 г. состоял при Александре I. Во время заграничных походов командовал кавалерией в корпусе Винценгероде.

¹⁹⁸ *Левиз оф Менар Федор Федорович* (1767—1824), ген.-лейтенант. Участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг., в кампаниях 1805—1807 гг. и боевых действиях на Дунае в 1810—1811 гг. В 1812 г. командовал отдельным отрядом в корпусе И. Н. Эссена, затем в корпусе П. Х. Витгенштейна.

¹⁹⁹ *Ламсдорф Яков Матвеевич* (1784—1835), сын воспитателя, вел. кн. Пручич, с 1809 г. флигель-адъютант. В 1816 г. ген.-майор.

²⁰⁰ *Крюсольд Федор Эммануилович* (?—1812), гр. В 1799 г. указом Павла I пожалован в прапорщики и флигель-адъютанты. Позднее — шеф Крымского пехотного полка.

²⁰¹ *Корнилов Петр Яковлевич* (1770—1828), ген.-лейтенант. За сражение под Шумлой получил чин ген.-майора. В Отечественную войну командовал 15-й пехотной дивизией.

²⁰² *Воинов Александр Львович* (1770—1832), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. В 1805 г. шеф Стародубского драгунского полка, в русско-турецкую войну начальник 12-й пехотной дивизии, затем 6-й кавалерийской. В сражении при Рущуке командовал всей кавалерией. В 1812 г. командовал корпусом в армии П. В. Чичагова.

²⁰³ *Сысоев 3-й Василий Алексеевич* (ум. 1840), ген.-лейтенант. В 1808 г. войсковой старшина, командир Донского казачьего отряда в 1811 г. полковник, командующий отрядом в составе Молдавской армии. Участвовал в войне 1812 г.

²⁰⁴ *Ансельм де Жибори Яков Иванович д'* (ум. до 1846), француз по происхождению, ген.-майор русской армии.

²⁰⁵ *Михельсон Иван Иванович* (1740—1807), ген. от кавалерии. В русско-турецкую войну 1806—1812 гг. был главнокомандующим Молдавской армии (1806). Участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. И. Пугачева.

²⁰⁶ *Гартинг Иван Маркович* (1768—1831), ген.-майор. Начальник инженерной службы Молдавской армии в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

²⁰⁷ Штурм крепости Рущук был 22 июля (3 авг.) 1810 г.

²⁰⁸ Вторым под командой гр. Сиверса был Выборгский полк (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание турецкой войны с 1806 до 1812 гг. // Полн. собр. соч. Спб., 1849. Т. 3. С. 217).

²⁰⁹ *Щербатов Алексей Григорьевич* (1776—1848), кн., ген от инфантерии, ген.-адъютант, московский ген.-губернатор. Волковский ошибается: в этом сражении Щербатов командовал Костромским и Вятским полками (*Михайловский-Данилевский А. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 217).

²¹⁰ *Строганов Павел Александрович* (1774—1817), гр., ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Член Негласного комитета — неофициального органа при Александре I по подготовке реформ, состоящего из его сподвижников. Находясь в Париже во время Великой Французской революции, принимал в ней активное участие под именем Павла Очера. Участвовал в военных действиях 1805—1807 гг., в шведской кампании, в боевых операциях на Дунае в 1810 г. В 1812 г. командовал дивизией в армии Барклая де Толли. Оставил записки (*Манфред А. Э.* Великая Французская революция. М., 1983. С. 100, 110; *Бартенев П. И.* Жильбер Ромм и граф П. А. Строганов // Рус. архив. 1887. Кн. 1. Вып. 1. С. 5—39; Тынянов Ю. Гражданин Очер. [Пермь], 1990. С. 39—76).

²¹¹ *Иловайский 11-й Павел Дмитриевич* (1764—1810), ген.-майор. В турецкой кампании 1806—1812 гг. командовал Донским казачьим войском.

²¹² *Обресков Алексей Михайлович* — корнет Кавалергардского полка, адъютант М. И. Кутузова, убит в 1811 г.

²¹³ *Сабанеев Иван Васильевич* (1770—1829), ген. от инфантерии. Участник суворовских походов, кампании 1807 г., русско-шведской войны. В русско-турецкой войне в чине ген.-майора был дежурным генералом Молдавской армии, второй уполномоченный на Бухарестском мирном конгрессе. В 1812 г. начальник штаба армии П. В. Чичагова. Позднее, будучи командиром 6-го пехотного корпуса 2-й армии, был главным обвинителем в деле В. Ф. Раевского.

²¹⁴ *Сен-При* (Сент-При, Сент-Приест) *Эммануил Францевич* (1776—1814), гр., ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Участвовал в кампании 1805—1807 гг., в 1810—1811 гг. в русско-турецкой войне был шефом 6-го егерского полка, в 1812 г. начальником штаба армии Багратиона, в 1813 г. командиром 8-го пехотного полка. Умер от раны, полученной в сражении под Реймсом 1 марта 1814 г.

²¹⁵ *Витгенштейн Петр Христианович* (1768—1842), гр., светл. кн. (с 1834 г.), ген.-фельдмаршал (с 1826 г.). В 1812 г. командовал отдельным корпусом, который защищал Петербург. В апр. 1813 г., после смерти Кутузова, был назначен главнокомандующим русскими и прусскими войсками. После поражения при Люцене и Бауцене замедлен Барклаем до Толли. С 1818 г. командовал 2-й армией, с 1829 г. в отставке.

²¹⁶ *Новосильцев* — адъютант Кульнева, сведений не найдено.

²¹⁷ *Али-паша Янинский или Тепеленский* (ок. 1744—1822) — с 1787 г. правитель части Балканского полуострова (с центром в г. Янина), добившийся фактической независимости от турецкого султана. *Мухтар-паша* — турецкий военачальник, участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., сын Али-паши Янинского. *Вели-паша* (или Арнаут-паша), младший сын Али-паши, властитель Пелопонесса во время турецкого владычества, военачальник в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

²¹⁸ Волконский ошибся: переговоры были предложены на следующий день после Батинского сражения, 27 авг. 1810 г.

²¹⁹ *Родофиникин Константин Константинович* (1760—1838), действ. ст. сов., член Гос. совета, сенатор, директор Азиатского департамента коллегии иностранных дел. В 1807—1810 гг. был прикомандирован к Молдавской армии, в 1808—1810 гг. русский консул в Бухаресте.

²²⁰ Аманаты — заложники.

²²¹ Еще в 1807 г. между Россией и Сербией был подписан союзный договор о помощи сербам в их борьбе с турецкими угнетателями.

²²² *Резвый (Резвой) Дмитрий Петрович* (1762—1823), ген.-майор. Участник военных кампаний конца XVIII в., русско-французской 1807 г., с 1808 г. участвовал в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., начальник артиллерии Молдавской армии. В 1812 г. командовал артиллерией в армии Чичагова. В 1813 г. участвовал в сражении при Люцене, Бауцене, Дрездене, Лейпциге.

²²³ *Екатерина Павловна* (1788—1819), вел. кж., сестра Александра I. Первый раз была замужем за принцем Георгом Ольденбургским, второй — за наследным принцем Вюртембергским. В Отечественную войну была одним из организаторов народного ополчения. Вместе с братом принимала участие в военных походах 1813—1815 гг.

²²⁴ *Михаил Павлович*, вел. кн. (1798—1849).

²²⁵ *Мария Федоровна* (урожд. принцесса Вюртембергская, 1759—1828), русская имп., жена Павла I.

²²⁶ *Потоцкий Станислав Станиславович* (1787—1831), ген.-майор, ген.-адъютант. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг., в Отечественной войне 1812 г., в заграничных походах. В 1822 г. вышел в отставку. В 1826 г. пожалован чин тайного сов. и назначен обер-церемониймейстером высочайшего двора.

²²⁷ *Балашов Александр Дмитриевич* (1770—1837), ген. от инфантерии, ген.-адъютант, член Гос. совета. В 1804—1807 гг. московский, а в 1808—1809 гг. петербургский обер-полицмейстер. В 1809—1810 гг. военный губернатор Петербурга. В 1810—1819 гг. министр полиции. Впоследствии ген.-губернатор центральных губ. России. Член Верховного уголовного суда по делу декабристов.

²²⁸ Ныне Мойка, 12, где находится последняя квартира А. С. Пушкина, С. Г. Волконский занимал комнаты, в которых впоследствии поселился поэт.

²²⁹ *Нарышкин Иван Александрович* (1761—1841), обер-церемониймейстер, сенатор, тайный сов. Его жена — *Екатерина Александровна* (урожд. бар. Строганова, 1769—1844).

²³⁰ *Нарышкина Марья Антоновна* (урожд. кж. Святополк-Четвертинская, 1779—1854), жена оберъегермейстера двора Д. Л. Нарышкина. Фаворитка Александра I.

²³¹ *Альбедиль Петр Романович* (1764—1830), бар., полковник. В 1801—1812 гг. флигель-адъютант, в 1805 г. бригад-майор по инфантерии при Подольской армии.

²³² *Кикин Петр Андреевич* (1775—1834), ген.-майор. В Отечественную войну 1812 г. состоял дежурным генералом при М. И. Кутузове, затем командовал бригадой 6-й пехотной дивизии. Участник заграничных походов 1813—1814 гг. В 1816—1826 гг. статс-секретарь. Член «Беседы любителей русского слова», один из основателей Общества поощрения художников.

²³³ *Горголи (Горголий) Иван Саввич* (1767—1862), ген.-лейтенант, сенатор. Флигель-адъютант с 1809 г. В 1811—1821 гг. петербургский обер-полицмейстер.

²³⁴ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), гр. (с 1832 г.), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. С 1826 г. шеф корпуса жандармов и начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии. Воспитывался в пансионе аббата Николая. Принимал участие во всех войнах против Наполеона, во время Отечественной войны 1812 г. был командиром авангарда в отряде Ф. Ф. Винценгероде, в кампании 1813—1814 гг. — партизанского летучего отряда. 14 дек. 1825 г. при подавлении восстания на Сенатской площади командовал кавалерией. Был членом Следственного комитета по делу декабристов. Оценка Волконским личности и деятельности Бенкендорфа, конечно, далека от объективности. Надо, однако, иметь в виду несколько обстоятельств. В «Записках» получили отражение воспоминания о Бенкендорфе как о храбром офицере, каким автор видел его на полях сражений, как о человеке, мечтавшем, подобно самому Волконскому, об освобождении греков от турецкого ига, как о члене масонской ложи «Соединенных славян», в которую входили и П. И. Пестель, и П. Я. Чаадаев, и А. С. Грибоедов. Находясь в изгнании, Волконский, естественно, не мог представить себе, какие изменения претерпела политическая позиция его бывшего товарища, чем обернулся замысел создания жандармерии в николаевской России. Нельзя не согласиться также с М. Лемке, который высказал предположение, что Волконский мог, «преследуемый жизнью, оценить потом выше стоимости те мелкие услуги, какие оказывал ему и другим Бенкендорф, этот всеильнейший человек, имевший возможность наделать всяких неприятностей» (Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. Спб., 1909. С. 26). Эта мысль подтверждается письмом декабриста сыну в 1860 г., когда Бенкендорф уже не было в живых. Говоря о поездке в бывшее имение Бенкендорфа Фалль, он пишет: «В Фалле мне еще другое утешение — поклониться могиле Александра Христофоровича — товарищу служебному, другу не только светскому, но не изменившемуся в чувствах, когда я сидел под запорами и подвержен был Верховному уголовному суду. Его советам обязан я, что вам сохранены несколько крох моего имени» (ИРЛИ, ф. 57, оп. 5, № 29, л. 236—236 об.). Не могло в какой-то мере не отразиться на оценке личности бывшего «собивачника» и то, что в 1859 г. Волконские породнились с Бенкендорфом, так как сын декабриста женился на внучке покойного шефа жандармов.

Что касается высказывания Волконского о роли жандармов в судьбе декабристов на каторге и поселении, то здесь, вероятно, он исходил из личного опыта. В Чите и Петровске судьба свела узников с жандармским офицером Я. Д. Казимирским, который не толь-

ко не притеснял их, но и стал другом многих декабристов.

²³⁵ При подписании Тильзитского мира в 1807 г. Александр I обещал Наполеону свое посредничество между Францией и Великобританией в восстановлении мира между этими странами. В случае отказа от русского посредничества, а также отказа признать свободу морей и возвратить Франции ее колонии, захваченные после 1805 г., Россия обязывалась разорвать дипломатические отношения с Великобританией и примкнуть к Континентальной блокаде. Эту экономическую политику Франция проводила по отношению к Великобритании в 1806—1814 гг., чтобы подорвать ее экономическую мощь и заставить английское правительство прекратить военные действия против Франции.

²³⁶ *Голцын Александр Николаевич* (1773—1844), кн. С 1803 г. обер-прокурор Синода, в 1817—1824 гг. министр народного просвещения и духовных дел. Член Верховного уголовного суда по делу декабристов.

²³⁷ *Ольденбургский Петр-Фридрих-Людвиг* (?—1829), принц. С 1823 г. правитель герцогства Вюртембергского. Был женат на вюртембергской принцессе Фредерике, сестре имп. Марии Федоровны. Его младший сын — *Петр-Фридрих-Георг* (Георгий Петрович, 1784—1812), принц, в 1809 г. вступил в брак с вел. кж. Екатериной Павловной. Вскоре был назначен тверским, новгородским и ярославским ген.-губернатором. В 1812 г. организовал народное ополчение в вверенных ему губерниях.

²³⁸ *Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1772—1843), гр. (с 1832 г.), ген. от кавалерии, ген.-адъютант, член Гос. совета. Участник Отечественной войны 1812 г. В 1813—1814 гг. состоял в свите Александра I. 15 дек. 1825 г. был назначен петербургским ген.-губернатором.

²³⁹ *Ольденбургский Август-Павел-Фридрих* (1783—1853), принц, ген.-лейтенант русской армии. В 1811—1817 гг. ревельский военный губернатор. В 1812 г. был прикомандирован к армии и участвовал в сражениях. Впоследствии герцог Ольденбургский.

²⁴⁰ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839), гр. (с 1839 г.). Государственный деятель. В 1803—1807 гг. директор департамента Министерства внутренних дел, с 1807 г. статс-секретарь Александра I, с 1808 г. член комиссии по составлению законов. Автор проекта ряда либеральных реформ. В 1809 г. по поручению Александра I подготовил план государственного преобразования — «Введение в уложение государственных законов», в котором рекомендовал придать самодержавию форму конституционной монархии. Провел некоторые административные мероприятия, главным из которых было учреждение Гос. совета (1810 г.). Деятельность Сперанского вызвала недовольство консервативного дворянства, которое обвинило его в государственной измене и добилось его падения. В 1812—1816 гг. Сперанский находился в ссылке. Здесь Волконский ошибается, в 1812 г. он был сослан в Нижний Новгород, а затем переведен в Пермь. В 1816 г. возвращен на службу пензенским ген.-губернатором. В 1819—1821 гг. ген.-губернатор Зап. Сибири. В 1821 г. назначен членом Гос. совета. В дальнейшем занимался кодификацией государственных законов. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

²⁴¹ *Санглен Яков Иванович* (1776—1864), действ. ст. сов. В 1812—1816 гг. правитель Особенной канцелярии Министерства по-

лиции. Автор «Записок», которые публиковались в «Рус. старине» в 1882—1883 гг.

²⁴² Здесь Волконский ошибся. В русской литературе нет произведения «Московский Жильблаз», а имеется роман В. Т. Нарезного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Г. С. Чистякова» (1814) и роман Г. Симоновского «Русский Жилблаз», ч. 1—2 (М., 1832). Я. И. Санглен известен в литературе другим сочинением — «Жизнь и мнение нового Тристрама» (1825), написанным в подражание роману Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» (1760—1767).

²⁴³ *Зубов Платон Александрович* (1767—1822), светл. кн., государственный деятель, последний фаворит имп. Екатерины II. Славился как интриган и бездарный администратор. Со смертью Екатерины его политическая карьера прекратилась. Участник заговора против Павла I.

²⁴⁴ *Бороздин Николай Михайлович* (1777—1830), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. Участник кампании 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. Был женат на племяннице П. А. Зубова — Е. А. Жеребцовой.

²⁴⁵ *Сухтелен Павел Петрович* (1788—1833), бар., ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Участвовал во всех антинаполеоновских войнах, в зимнем походе 1809 г. на Аландские острова, в русско-турецкой кампании. Был женат на В. Д. Зубовой, племяннице П. А. Зубова.

²⁴⁶ *Армфельд Густав-Мориц* (1757—1814), бар., швед по национальности. Участник войны против России в 1788—1790 гг. В 1792 г. шведский посланник в Неаполе. Из-за интриг ищет покровительства в России. Затем опять возвращается в Швецию, где в 1807 г. пожалован в ген. от инфантерии. В 1811 г. переходит на русскую службу тем же чином и назначается председателем комитета по финским делам. В 1812 г. получает титул графа и становится членом Гос. совета. Не официальный, но влиятельный советник русского правительства по внешней политике в отношении Скандинавии. М. А. Корф называл его «одним из самых искусных, самых тонких интриганов своего времени».

О роли Армфельда в падении Сперанского Волконский пишет, как видно, не без основания. Об этом говорили и писали многие современники (Деятели и участники в падении Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» бар. М. А. Корфа — из бумаг А. Ф. Бычкова // Рус. старина. 1902. Т. 109. С. 503). Сам Сперанский в известном его письме Александру I из Перми в янв. 1813 г. называл Балашова и Армфельда в числе своих врагов (Рус. архив. 1892. Кн. 1. С. 61). В «Оправдательной записке», найденной Н. К. Шильдером в бумагах Сперанского и опубликованной впервые в том же томе «Рус. архива» (с. 65—80), Сперанский, без указания имени Армфельда, говорит о «знаменитом проходимце», который лишил его благорасположения императора.

²⁴⁷ *Гагарин Григорий Иванович* (1782—1837), кн., дипломат. В 1807 г. во время переговоров в Тильзите состоял при кн. Д. И. Лобанове-Ростовском. Служил в коллегии иностранных дел. В 1811 г. произведен в ст. сов. и назначен статс-секретарем Гос. совета по Департаменту законов. В 1812 г. сформировал на свой счет полк и был его шефом. В дальнейшем занимал пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Риме.

²⁴⁸ Абоским миром Волконский, видимо, называет сепаратный

русско-шведский договор Александра I со шведским наследным принцем Бернадотом, подписанный 8 авг. 1812 г. в г. Або (ныне Турку, Финляндия).

²⁴⁹ *Озеров Владислав Александрович* (1769—1816), русский драматург. Его трагедия «Дмитрий Донской» была написана в 1807 г. и посвящена Александру I. На пьесах Озерова сформировалась национальная русская школа трагической игры. В рукописи пропуск монолога Дмитрия Донского из последней сцены трагедии, который Волконский, как видно, не мог вспомнить. Вероятно, речь идет о следующих стихах трагедии:

Но первый сердца долг к тебе,
царю царей.
Все царства держатся десницею
твоей,—
Прославь, и утверди, и возвеличь
Россию!
Как прах земной сотри врагов
кичливу выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник
мог:
«Языки ведайте, велик
российский бог».

²⁵⁰ Депо — здесь: центр сбора рекрутов.

²⁵¹ Волконский имеет в виду поведение польской шляхты и литовских помещиков во время Отечественной войны 1812 г. В 1807 г. по Тильзитскому договору Наполеон создал Варшавское герцогство из отнятых у Пруссии земель, ранее отошедших к ней по третьему и частично по второму разделу Польши. Это герцогство играло большую роль в планах Наполеона относительно России. Готовясь к войне с ней, он обещал полякам восстановить «Великую Польшу» в границах 1772 г. Разочарованные в политике Александра I, многие годы обещавшего Польше конституцию, и соблазненные посулами Наполеона, поляки и присоединившиеся к ним литовцы в войне 1812 г. выступили на стороне Наполеона.

²⁵² *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826), гр., дипломат и государственный деятель. В 1808—1814 гг. министр иностранных дел, с 1809 г. в звании канцлера.

²⁵³ *Козловский Петр Борисович* (1783—1840), кн., дипломат, писатель-дилетант. Служил в коллегии иностранных дел, был посланником в Турине, Риме, Вене, Штутгарте, Сардинии. Энциклопедически образованный человек. Принимал участие в журнале «Современник», издаваемом А. С. Пушкиным.

²⁵⁴ *Нессельроде Карл* (Карл-Роберт) *Васильевич* (1780—1862), гр., дипломат. Управляющий Коллегией иностранных дел, в 1816—1856 гг. министр иностранных дел, с 1845 г. канцлер. В 1812 г. находился при действующей армии. Участник Венского конгресса. Один из наиболее ярких сторонников реакционной политики Священного союза. После Крымской войны 1853—1856 гг. уволен в отставку.

²⁵⁵ *Толь Карл Федорович* (1777—1842), ген. от инфантерии, ген.-адъютант. Участвовал в походах Суворова, в боевых действиях на Дунае в 1806—1809 гг. В 1812 г. полковник, исполнял должность ген.-квартирмейстера у Барклая де Толли, затем в соединен-

ных русских армиях. С 1830 г. член Гос. совета, с того же года начальник штаба И. И. Дибича, действовавшего против польских повстанцев в 1830—1831 гг. Подтверждения рассказу Волконского о поездке К. Ф. Толя к Ю. Понятовскому не найдено.

²⁵⁶ *Понятовский Юзеф (Иосиф) (1763—1813)*, кн., польский ген., маршал Франции. На службу к Наполеону перешел в 1806 г. С 1807 г. военный министр герцогства Варшавского. В 1812—1813 гг. командовал корпусом наполеоновской армии. Погиб под Лейпцигом.

²⁵⁷ Как пишет Л. Г. Бескровный, этот бал в Вильно в ночь на 12 (24) июня 1812 г. был устроен по инициативе Александра I для того, чтобы привлечь на свою сторону литовских магнатов (*Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 97*).

²⁵⁸ *Воронов*, ген.-майор, комендант Динабургской крепости в 1812 г. — дополнительных сведений не найдено.

²⁵⁹ *Тишин* — сведений не найдено.

²⁶⁰ *Фуль Карл-Людвиг-Антон (1757—1826)*, ген.-лейтенант. Выходец из Пруссии, был советником прусского короля; после поражения Пруссии в 1806 г. приехал в Россию. В начале войны 1812 г. находился при Александре I, затем состоял при главнокомандующем 1-й Зап. армии. Им был предложен операционный план действий, который был одобрен Александром I. Однако этот план оказался несостоятельным сразу же, как только он вступил в силу.

²⁶¹ *Вольбоген Людвиг Иванович (1774—1845)*, бар., ген.-майор (с 1813 г.). Выходец из Пруссии. В 1812 г. исполнял обязанности ген.-квартирмейстера в армии Барклая де Толли. Участник заграничных походов 1813—1814 гг.

²⁶² *Лавров Николай Иванович (ум. 1822)*, ген. от инфантерии. В 1812 г. был начальником штаба 1-й армии, затем командовал 5-м Гвардейским корпусом в армии Барклая де Толли.

²⁶³ *Паулуччи Филипп Осипович (1779—1849)*, маркиз, ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Итальянец по происхождению. На русской службе в 1807—1829 гг. С июля 1811 по февр. 1812 г. главнокомандующий русскими войсками на Кавказе. В Отечественную войну начальник штаба армии Барклая де Толли. С конца 1812 г. рижский ген.-губернатор. С 1819 г. губернатор Эстляндии, а с 1821 г. также Курляндии и Лифляндии.

Письмо М. И. Кутузова Н. П. Румянцеву от 1 марта 1812 г., в котором говорится о победах, одержанных под руководством Паулуччи на Кавказе, опровергает утверждение Волконского о том, что он не имел отношения к этим удачным военным действиям (М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1952. Т. 3. С. 821).

²⁶⁴ *Ожаровский Адам Петрович (1776—1855)*, гр., ген. от кавалерии, ген.-адъютант, член Гос. совета Царства Польского. В 1812 г. в чине ген.-майора командовал 3-м Украинским казачьим полком.

²⁶⁵ *Воронин*, адъютант принца Ольденбургского — сведений не найдено.

²⁶⁶ *Лешерн (ум. 1820)*, витебский губернатор в 1812 г.

²⁶⁷ *Мицкий (Мицкой) Иван Григорьевич (р. 1759)*, ген.-майор. В 1806 г. начальник бригады 5-й дивизии, которой командовал ген.-лейтенант кн. Д. М. Волконский. В 1812—1813 гг. окружной начальник внутренней стражи 3-го округа.

²⁶⁸ *Толстой Дмитрий Александрович (1754—1832)*, гр., действ. ст. сов. В 1812—1813 гг. могилевский гражданский губернатор.

²⁶⁹ *Грессер Александр Иванович (1772—1822)*, ген.-майор. С

1803 г. служил во 2-м пионерном полку, в 1805 г. был взят в плен под Аустерлицем. Вместе со своим полком участвовал в Отечественной войне, отличился в боях под Смоленском. Был женат вторым браком на *Анне Михайловне Волконской*, сестре П. М. Волконского.

²⁷⁰ *Сиверс Карл Карлович (1772—1856)*, гр., ген.-лейтенант. В 1812 г. шеф Новороссийского драгунского полка; с дек. 1812 г. командовал всей кавалерией корпуса П. Х. Витгенштейна. В 1813 г. после взятия Кенигсберга назначен его комендантом, а затем военным губернатором.

²⁷¹ 11 июня 1812 г. у дер. Салтановки (иногда называют дер. Дашковку, находящуюся рядом) близ Могилева 7-й пехотный корпус 2-й армии, которым командовал тогда еще в чине ген.-лейтенанта Н. Н. Раевский (старший), принял бой с превосходящими численностью французскими войсками под начальством маршала Даву. Действия Раевского привели к большому потерям французов и дали выигрыш во времени Багратиону. Бытует легенда, что Раевский поднялся в атаку вместе со своими сыновьями 17-летним Александром и 11-летним Николаем. Сам Раевский нигде об этом не упоминал, но и не отрицал. Сохранилось лишь свидетельство К. Н. Батюшкова, ссылавшегося на слова Раевского, что это легенда. Подвиг Раевского запечатлен и в поэтических, и в изобразительных произведениях его времени.

²⁷² *Кретов Николай Васильевич (1773—1839)*, ген.-лейтенант. Участник итальянского и швейцарского походов Суворова и кампаний 1806—1807 гг. В 1812 г. командовал кирасирской бригадой в армии Багратиона. Был ранен в Бородинском сражении.

²⁷³ *Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818)*, бар., ген. от кавалерии, ген.-адъютант. На русской службе с 1797 г. Участник итальянского похода Суворова. В 1805 г. был представителем русской армии на русско-австрийской конференции по выработке плана совместных военных действий против Франции. В 1812 г. командовал отдельным отрядом, прикрывавшим направление на Петербург. В окт. 1812 г. захвачен французами в плен, но был отбит отрядом казаков. В 1813—1814 гг. командовал кавалерийскими соединениями.

²⁷⁴ *Оленин Евгений Иванович (1766—1828)*, ген.-майор. Участник итальянского и швейцарского походов под начальством Суворова и сражения под Аустерлицем. В 1812 г. состоял при Багратионе. Был ранен четыре раза и каждый раз после ранения возвращался в строй. В 1813 г. командовал кавалерийской бригадой в корпусе Винценгероде.

²⁷⁵ *Богарне Эжен (Евгений, 1781—1824)*, герцог Лейхтенбергский (с 1814 г.), вице-король Италии. Пасынок Наполеона от первой жены Жозефины Богарне. Участник всех наполеоновских походов. В начале 1813 г. командовал остатками Великой армии, затем французскими войсками в Италии. После антифранцузского восстания в Италии бежал к своему тестю, баварскому королю Максимилиану, у которого и жил до самой смерти.

²⁷⁶ *Парис*, ординарец Барклая де Толли — дополнительных сведений не обнаружено.

²⁷⁷ *Панин Никита Петрович (1771—1837)*, гр. В 1797—1799 гг. в чине тайного сов. чрезвычайный посланник в Пруссии. Вице-канцлер (1799—1800) при Павле I, подвергался опале и был сослан в деревню. Один из главных участников заговора против Павла I.

Тетка Н. П. Панина — *Александра Ивановна* (в замужестве Куракина, 1711—1786) была бабушкой кн. А. Н. Волконской и прабабушкой автора «Записок».

²⁷⁸ *Голицына Александра Петровна* (урожд. Протасова, 1774—1842). «Princesse Alexis» ее называли по имени мужа *Алексея Андреевича Голицына*, тайного сов. Рано овдовев, она приняла католичество.

²⁷⁹ *Елебангер* — сведений не обнаружено.

²⁸⁰ Возможно, аббаты *Саландр* и *Мерсье* преподавали в пансионе Николая, в котором воспитывался Волконский.

²⁸¹ *Разумовский Лев Кириллович* (1757—1818), гр., ген.-майор. Служил под началом А. В. Суворова. В 1796 г. вышел в отставку.

²⁸² *Уваров Алексей Сергеевич* (1824—1884), гр. Сын министра народного просвещения С. С. Уварова. Основатель и председатель Московского археологического общества.

²⁸³ *Иловайский 12-й, Василий Дмитриевич* (1785—1860), ген.-лейтенант. Участвовал в кампании 1806—1807 гг. и в русско-турецкой в 1809—1811 гг. В 1812 г. полковник, командир полка в армии Багратиона, затем в отряде Винценгероде. В этом же году произведен в ген.-майоры.

²⁸⁴ *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1790—1848), ген.-лейтенант, военный историк. В Отечественную войну был адъютантом М. И. Кутузова, после его смерти — офицером квартирмейстерской части при начальнике Главного штаба императора П. М. Волконском. Участвовал в войне с Турцией в 1828—1829 гг. и подавлении польского восстания 1831 г. В 1830—1840-х гг. опубликовал ряд капитальных трудов по истории войн России в начале XIX в., ценных по богатству собранных в них фактического материала и новых документов, но выдержанных в официозно-монархическом духе. Среди этих работ «Описание Отечественной войны в 1812 году» в четырех томах, написанное по поручению Николая I и лично им редактированное.

²⁸⁵ *Орлов-Денисов*, гр., поручик, вероятно, сын ген.-майора В. В. Орлова-Денисова, командовавшего л.-гв. Казачьим полком.

²⁸⁶ *Нарышкин Лев Александрович* (1785—1846), ген.-лейтенант, ген.-адъютант. Участник кампании 1806—1807 гг., Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1812 г. был ротмистром Изюмского гусарского полка, входившего в состав отряда Винценгероде. Это тот Нарышкин, который вместе с Винценгероде попал в плен к французам в Москве, а затем был отбит казаками — случай, описанный С. Г. Волконским на с. 218—223.

²⁸⁷ В истории с адресатом письма императора, вероятно, следует довериться автору «Записок», видевшему это письмо своими глазами.

²⁸⁸ *Победнов*, полковник — сведений не найдено.

²⁸⁹ *Оде-де-Сион Карл*, полковник, воспитанник Пажеского корпуса. В 1812 г. прапорщик л.-гв. Литовского полка, затем майор Брестского пехотного полка. Впоследствии инспектор Пажеского корпуса. Был деятельным участником масонских лож «Сфинкс» и «Соединенных друзей».

²⁹⁰ *Яковлев Иван Алексеевич* (1767—1842), отец А. И. Герцена. Служил в Измайловском полку, в отставку вышел до воцарения Павла I в чине гвардии капитана. Наполеон ошибочно принял И. А. Яковлева за его брата Льва Алексеевича, посла при дворе

короля Вестфальского. После прибытия в Петербург И. А. Яковлев был отправлен не в Петропавловскую крепость, а в дом Аракчеева, где его месяц продержали под домашним арестом, затем он был выслан в свое имение (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 4. С. 19—20).

²⁹¹ *Вейротер* (Вейротер, Вайнрот) *Франц, фон* (1755—1806), ген.-майор австрийской армии. Во время войны 1805 г. находился при корпусе Ф. Ф. Буксгевдена, с нояб. 1805 г. выполнял обязанности ген.-квартирмейстера Соединенной русско-австрийской армии.

²⁹² *Розенберг*, подполковник — сведений не найдено.

²⁹³ В древности Капуя славилась богатством и изнеженностью жителей. Существует даже выражение «капуанская нега», что означает предаваться неге, удовольствиям.

²⁹⁴ *Нарышкина Мария Алексеевна* (урожд. Сенявина, 1762—1822), жена обер-канцлера А. Л. Нарышкина.

²⁹⁵ *Тетенборн* (*Теттенборн*) *Фридрих-Карл* (1778—1845), бар., ген.-майор. В авг. 1812 г. принят из австрийской службы в русскую с чином подполковника. С сент. 1812 г. находился в отряде Ф. Ф. Винценгероде. Участвовал и в заграничных походах.

Волконский вспоминает эпизод из войны 1805 г., когда австрийская армия, которой фактически командовал фельдмаршал *Карл Макк* (1752—1828), начальник штаба главнокомандующего австрийскими войсками эрцгерцога *Фердинанда* (1781—1850), была окружена французами около г. Ульма и капитулировала. Тетенборн со своим отрядом прорвался сквозь окружение противника.

²⁹⁶ *Иловайский 4-й, Иван Дмитриевич* (1767— после 1827), ген.-майор. Участник суворовских походов. В 1812 г. командовал казачьими полками. Первым вошел в оставленную французами Москву.

²⁹⁷ *Хункалов, кн.* В Отечественную войну командир крымско-татарского казачьего полка. До этого, в 1810 г., командовал Перекопским южно-татарским полком, расположенным на западной границе.

²⁹⁸ *Мортье Эдуард Адольф* (1768—1835), герцог Тревизский, маршал Франции. В 1812 г. командовал «молодой гвардией» и был назначен губернатором Москвы во время ее захвата Наполеоном. В 1834—1835 гг. военный министр. Был убит при покушении на короля Луи-Филиппа.

²⁹⁹ Ф. Ф. Винценгероде был вестфальским подданным, а в 1806—1813 гг. 36 германских государств были объединены в Рейнский союз под протекторатом Наполеона. М. И. Кутузов предвидел, что гессенское происхождение затруднит положение Винценгероде в плену. Донося Александру I о пленении Винценгероде, он высказывает свои опасения: «Сей неприятный случай затрудняет меня тем более, что граф Винценгероде вестфальский подданный, и я опасюсь, чтоб по установлению французского правительства не было ему причинено чего-либо, унижающего достоинства российского генерала» (М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 175).

³⁰⁰ В «Журнале военных действий» с 13 по 15 нояб. 1812 г. говорится, что в представленном рапорте полковника Чернышева от 6 нояб. сообщено, что он «выручил взятого в плен ген[ерал]-лейтенанта графа Винценгероде и с ним вместе генерал-майора Свечина 3-го» (М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 399).

³⁰¹ Как видно из приведенного выше документа, А. И. Чернышев

в это время был в чине полковника.

³⁰² *Чичагов Павел Васильевич* (1767—1849), адмирал. В 1802—1811 гг. министр морских сил. В 1812 г. главнокомандующий Дунайской, затем 3-й Зап. армиями. Потерпел неудачу в битве при Березине. В февр. 1813 г. был уволен в отставку и в дальнейшем жил за границей. Вместо него главнокомандующим был назначен Барклай де Толли.

³⁰³ *Пантелеев Степан Иванович* — в 1812 г. был в чине не полковника, как ошибочно сказано в «Записках», а майора; временно командующий Донским казачьим полком.

³⁰⁴ *Дудкин*, урядник — сведений не найдено.

³⁰⁵ *Мале Клод Франсуа* (1754—1812), французский генерал, сторонник республики, глава антинаполеоновского заговора. В окт. 1812 г. после неудавшегося восстания был расстрелян.

³⁰⁶ 29-й бюллетень был последним из серии официальных бюллетеней французского командования, издававшихся в период кампании 1812 г. Сведения в них о событиях в России были настолько фальсифицированы, что во Франции возникла поговорка «il ment comme un Bulletin» (он лжет, как бюллетень) (*Богданович М.* История Отечественной войны 1812 г. Спб., 1860. Т. 3. С. 305).

29-й бюллетень, изданный 21 нояб. (3 дек.) 1812 г. в белорусском местечке Молодечно, несколько отличался от себе подобных, так как вынужден был сообщить Франции о поражении ее Великой армии. Однако и в нем искажались подлинные причины поражения, гибель армии объяснялась злыми русскими морозами. «Таким образом, — пишет советский историк А. Г. Тартаковский, — содержание 29-го бюллетеня было глубоко противоречиво: с одной стороны, вынужденное, но относительно достоверное изображение суровых бедствий французской армии, с другой — стремление извратить подлинную сущность событий» (*Тартаковский А. Г.* Листовка эпохи Отечественной войны 1812 г. // *Записки ОР ГБЛ М.*, 1958. Вып. 20. С. 213). Среди русских откликов на этот бюллетень особое место занимают «Размышления одного русского военного», в которых ярко обрисованы подлинные причины гибели французской армии и опровергнуты все лживые измышления Наполеона. Автором этой листовки, как убедительно доказывает А. Г. Тартаковский, был М. Ф. Орлов (см. вышеуказанную статью и статью того же автора «Новые данные о листовке-памфлете на 29-й бюллетень французской армии» // *Записки ОР ГБЛ М.*, 1960. Вып. 23. С. 68—71).

³⁰⁷ *Бенкендорф Константин Христофорович* (1785—1828), генлейтенант, ген.-адъютант. В 1812 г. в чине майора (а не подполковника, как ошибочно замечает Волконский) состоял в отряде Ф. Ф. Винценгероде, позднее П. В. Голенищева-Кутузова. В 1813 г. командовал кавалерийским отрядом.

³⁰⁸ Чин полковника С. Г. Волконский получил в сент. 1812 г. за участие в сражениях в летучем отряде Ф. Ф. Винценгероде.

³⁰⁹ Речь, вероятно, идет о Леониде Николаевиче Львове (1784—1849), сыне поэта и архитектора Н. А. Львова.

³¹⁰ *Врублевский*, сотник — сведений не найдено.

³¹¹ Корсен (Corsin), бар., генерал наполеоновской армии. О его пленении говорится в журнале военных донесений от 13 нояб. 1812 г.: «Генерал-адъютант Голенищев-Кутузов рапортом от 9-го числа донес, что посланными от него партиями к Толочину, между прочим, взяты два французских генерала: барон Готрен и барон

Корсен» (М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. С. 399).

³¹² *Берг Григорий Максимович* (1765—1838), ген. от инфантерии, ревельский военный губернатор. В 1812 г. ген.-лейтенант, командовал пехотной дивизией в корпусе Витгенштейна.

³¹³ *Дибич Иван Иванович* (1785—1831), бар., с 1827 г. гр. Забалканский, с 1829 г. ген.-фельдмаршал. Участвовал в кампаниях 1805—1807 гг. В 1812 г. ген.-майор, командир отряда в корпусе Витгенштейна и одновременно ген.-квартирмейстер корпуса, участник заграничных походов. С 1823 г. начальник Главного штаба. Главнокомандующий армией во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. С дек. 1830 г. главнокомандующий войсками, направленными на подавление польского восстания (1830—1831). Член Следственного комитета по делу декабристов.

³¹⁴ *Виктор Клод Перрен* (1764—1841), герцог Беллюнский, маршал Франции. В 1812 г. командовал 9-м корпусом Наполеона. В 1821—1823 гг. военный министр.

³¹⁵ *Удино Шарль-Николь* (1767—1847), герцог Реджио, маршал Франции. В 1812 г. командовал 2-м пехотным корпусом, прикрывал переправу Наполеона через Березинну.

³¹⁶ *Партено Луи* (1769—1833), гр., французский генерал. В 1812 г. командовал дивизией в корпусе маршала Виктора, был взят в плен русскими войсками.

³¹⁷ *Сулистровский* — дополнительных сведений не найдено.

³¹⁸ *Орлов Алексей Федорович* (1786—1861), гр., с 1857 г. кн. Военный и государственный деятель, дипломат. Брат декабриста М. Ф. Орлова. Воспитывался одновременно с Волконским в пансионе аббата Николая. Участник войн против наполеоновской Франции. В 1844—1856 гг. шеф жандармов и начальник III отделения с. е. и в. канцелярии. 14 дек. 1825 г. принимал активное участие в подавлении восстания декабристов. В благодарность за верную службу и уступая просьбам А. Ф. Орлова, Николай I помиловал его брата декабриста, лишь уволив его со службы и сослав в свое имение.

³¹⁹ *Милорадович Михаил Андреевич* (1771—1825), гр. (с 1813 г.), ген. от инфантерии. Участник русско-шведской войны 1788—1790 гг., кампании 1805 г., боевых действий на Дунае, киевский губернатор с конца 1810 до середины 1812 г. В начале войны 1812 г. формировал резервные войска. В битве при Бородине находился в составе 1-й армии, позднее — начальник авангарда Главной армии. В 1814 г. командир Гвардейского корпуса. С 1818 г. военный губернатор Петербурга. 14 дек. 1825 г. смертельно ранен на Сенатской площади декабристом Петром Каховским.

³²⁰ *Киселев Павел Дмитриевич* (1788—1872), гр. (с 1866 г.), ген.-адъютант. Участвовал во всех кампаниях против наполеоновской Франции, в заграничных походах 1813—1814 гг. С 1818 г. начальник штаба 2-й армии, расквартированной на юге. Под его началом служили многие члены Южного общества: Пестель, Волконский и др. Впоследствии министр государственных имуществ, посол во Франции (1856—1862).

³²¹ *Граббе Павел Христофорович* (1789—1875), гр. (с 1866 г.), ген. от кавалерии, ген.-адъютант, член Гос. совета (с 1866 г.). Участник антинаполеоновских войн и заграничных походов 1813—1814 гг. В Отечественную войну был адъютантом М. Б. Барклая де Толли, а затем А. П. Ермолова. В 1822 г. определен полковником в Северский конно-егерский полк. Член Союза благоденствия. Арестован в

дек. 1825 г., содержался в Динамидской крепости, в середине 1826 г. освобожден и возвращен в тот же полк. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг. С 1837 г. командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории. Наказной атаман Войска Донского (1855).

³²² *Эргель Федор Федорович* (1767—1825), ген. от инфантерии. Участник русско-шведской войны 1788—1790 гг. Московский (1798—1800), потом петербургский обер-полицеймейстер (1802—1808); в 1812 г. отдан под начальство П. В. Чичагову, который вскоре отстранил его от должности. С дек. 1812 г. военный ген.-полицеймейстер действующей армии.

³²³ *Витт Иван Осипович* (1781—1840), гр., ген. от кавалерии. В 1812 г. в чине ген.-майора командовал сформированными им казачьими полками. С 1818 г. начальник военных поселений на юге России. Организатор слезки, доносов, провокаций против членов Южного общества декабристов.

³²⁴ *Ренье (Рейнье) Жан Луи Эбензер* (1771—1814), французский генерал. С 1805 г. участник наполеоновских войн, в 1809 г. командовал корпусом. В 1813 г. командир 7-го (саксонского) корпуса. При отступлении французов от Лейпцига был взят в плен 18 окт. 1813 г. В февр. 1814 г. вернулся в Париж.

³²⁵ Речь идет о трех саксонских бригадах под командованием генералов *Ностица* (1777—1866), *Лекока* (1753—1829) и *Габленца*, спешивших на помощь генералу Ренье.

³²⁶ *Ланской Сергей Николаевич* (1774—1814), ген.-лейтенант. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Начальник кавалерии в отряде Ф. Ф. Винценгероде. Смертельно ранен при Краоне в февр. 1814 г.

³²⁷ *Шварценберг Карл Филипп* (1771—1820), кн., герцог Крумауский, австрийский фельдмаршал (с 1813 г.). В 1812 г. командир австрийского корпуса в армии Наполеона. После присоединения Австрии в авг. 1813 г. к антинаполеоновской коалиции — главнокомандующий союзными войсками. Потерпев неудачу под Дрезденом, Шварценберг нанес поражение Наполеону под Лейпцигом. Участвовал во взятии Парижа. По возвращении в Вену был назначен президентом гофкригсрата.

³²⁸ Сведений о польском кавалерийском полке под названием Рушавка и его командующем не найдено.

³²⁹ *Виртембергский* (Вюртембергский) *Евгений* (1788—1857), принц, племянник имп. Марии Федоровны, ген. от инфантерии, ген.-лейтенант русской армии, командир 2-го пехотного корпуса.

³³⁰ *Мадатов Валериан Григорьевич* (1782—1829), кн., ген.-лейтенант. Участник турецкой войны (1806—1812), Отечественной войны 1812 г., заграничных походов 1813 г. Будучи полковником, командовал армейским партизанским отрядом в тылу неприятельских войск; за отличие при Лейпциге произведен в ген.-майоры, командовал кавалерийским отрядом.

³³¹ *Никитин Алексей Петрович* (1777—1852), гр., ген. от кавалерии, член Гос. совета. В 1812 г. полковник, командир 7-й конной роты 6-го пехотного корпуса 1-й Зап. армии. В 1813 г. ген.-майор, начальник артиллерии авангарда русской армии, затем в корпусе Ф. В. Остен-Сакена.

³³² Речь идет о Калишском союзном договоре между Россией и Пруссией о войне против Наполеона I, подписанном 15 (27) февр.

1813 г. в Бреславле Гарденбергом и 16 (28) февр. Кутузовым в Калише в ставке имп. Александра I. Обе стороны договорились вести совместные военные действия и не заключать сепаратного мира. Пруссия сразу же объявила войну Франции. 13 (25) марта 1813 г. было издано воззвание к народам Германии от имени Александра I и Фридриха-Вильгельма. Подписано оно было Кутузовым. Калишский договор явился победой патриотических сил немецкого общества, настаивавших на союзе с Россией. Он положил начало 6-й анти-французской коалиции европейских государств.

³³³ С. Г. Волконский ошибся: сражение под Калишем было 1 (13) февр. 1813 г. (Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. 64).

³³⁴ Бунцлау — силезский городок, ныне г. Болеславец в Польше. М. И. Кутузов скончался в Бунцлау 16 (28) апр. 1813 г.

³³⁵ Суворов Аркадий Александрович (1784—1811), кн., ген.-лейтенант, ген.-адъютант, сын полководца.

³³⁶ Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), ген.-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г., участник заграничных походов 1813—1814 гг.; командир партизанского отряда, полковник Ахтырского гусарского полка. Командовал кавалерийским полком и бригадой, в 1829 г. вышел в отставку в должности начальника штаба корпуса, в дальнейшем участвовал в персидской и польской кампаниях; поэт и военный писатель, член литературного общества «Арзамас».

³³⁷ Дюрют Жозеф Франсуа, гр., французский дивизионный генерал, выдвинулся во время войн республики; участвовал в сражениях при Калише, Дрездене, Люцене, Бауцене и Лейпциге. Во время «Ста дней» снова примкнул к Наполеону и храбро сражался при Ватерлоо.

³³⁸ Речь идет об эпизоде, имевшем место при занятии партизанским отрядом Д. Давыдова города Нейштадта (предместье Дрездена). Давыдов, вопреки запрету вести какие бы то ни было переговоры с противником, заключил с державшим оборону Дрездена генералом Дюрютом соглашение о сдаче французами Нейштадта, за что был на некоторое время отстранен Винценгероде от командования отрядом. Однако вскоре приказом Кутузова ему было возвращено командование. О конфликте с Винценгероде Д. Давыдов рассказал в своем очерке «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта», впервые опубликованном журналом «Современник» в 1836 г. (Давыдов Д. В. Сочинения. С. 424—448).

³³⁹ Имеется в виду г. Познань, который был занят отрядом ген.-майора гр. Воронцова, о чем сообщалось в письме Кутузова к Винценгероде от 4 (16) февр.: «Познань только что оставлена неприятелем. Воронцов, занявший ее, пока останется там». Подробнее об этом говорится в рапорте М. И. Кутузова Александру I от 6 (18) февр. 1813 г. (Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. С. 41, 51, 53, 60—61, 64).

³⁴⁰ 25 дек. 1812 г. (6 янв. 1813 г.) войска гр. Витгенштейна после боев с войсками Макдональда вступили в Кенигсберг, что стало возможным в связи с подписанием генералом Иорком (1756—1828) 18 (30) дек. Тауроогенской конвенции, по которой прусские войска прекращали военные действия и отходили в Вост. Пруссию. Тауроогенская конвенция явилась началом освободительной войны против Наполеона.

³⁴¹ Данных о судебном процессе по делу К. К. Сиверса не найдено.

³⁴² Речь идет о *Фридрихе Августе I* (1750—1827), короле Саксонском (правил с 1763 по 1827 г.), ранее был курфюрстом Саксонским под именем Фридриха Августа III. В 1806 г. участвовал в войне против Наполеона и по Познанскому миру получил королевский титул. В 1807 г. вошел в Рейнский союз и выставил корпус против России. По Тильзитскому миру Саксония получила герцогство Варшавское, и Фридрих Август I стал великим герцогом Варшавским. До 1813 г. он выступал на стороне Наполеона. После Венского конгресса и раздела Саксонии потерял Варшавское герцогство, но сохранил до конца жизни титул короля Саксонии.

³⁴³ Ландвер — категория военнообязанных запаса второй очереди; создаваемые при мобилизации второочередные формирования Пруссии, Германии, Австро-Венгрии и других государств в XIX—XX вв.

³⁴⁴ Наполеону удалось к середине апр. 1813 г. собрать 200-тысячную армию, союзные же войска насчитывали 92 тысячи, из них 54 тысячи — русские.

³⁴⁵ *Кнорринг Карл Богданович* (1774—1817), ген.-майор (произведен в дек. 1812 г. за отличие в партизанских действиях), в 1813 г. командовал кавалерийской бригадой в корпусе Ф. Ф. Винценгероде.

³⁴⁶ *Бессьер Жан-Батист* (1768—1813), герцог Истрийский, французский маршал (во Франции не было звания фельдмаршала). В 1812 г. с гвардией и сильным кавалерийским корпусом участвовал в походе против России. При начале кампании 1813 г. был главнокомандующим всей французской конницы. Погиб 1 мая под Риппахом (между Вейсенфельсом и Лютценом).

³⁴⁷ *Веселовский Степан Семенович* (1781—1852), подполковник Белорусского гусарского полка. Произведен из майоров в подполковники за отличие при Вейсенфельсе.

³⁴⁸ Тиральеры — легкие войска, действовавшие в рассыпном строю.

³⁴⁹ *Горский* (Грабя-Горский) *Осип-Юлиан Викентьевич* (1766—1848), отставной ст. сов., участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. За отличие в сражении при Вейсенфельсе и Бауцене произведен в капитаны, в 1814 г. — в подполковники, в 1816 г. — в полковники; с 1819 г. кавказский вице-губернатор, пожалован в ст. сов. Членом тайных обществ не был, но оказался случайным участником восстания на Сенатской площади. Был предан Верховному уголовному суду, но не осужден.

³⁵⁰ *Талызин Александр Иванович* (1777—1849), ген.-майор. В 1812 г. командовал 2-м егерским полком Московского ополчения. С мая 1813 г. командовал 2-й бригадой 7-й пехотной дивизии; с сентября — 3-й бригадой 17-й пехотной дивизии. Принимал участие в сражениях при Люцене, Бауцене, Рейхенбахе, Кацбахе и др.

³⁵¹ Люценское сражение между войсками Наполеона и русско-прусскими войсками произошло 20 апр. (2 мая) 1813 г. в 15 км юго-западнее Лейпцига. Русско-пруссские войска отступили, так как Наполеон стал обходить их с фланга.

³⁵² *Густав II Адольф* (1594—1632), шведский король (1611—1632) из династии Ваза. Вел ряд войн с Россией, Данией, Польшей, Германией. Один из активнейших участников Тридцатилетней войны (1618—1648). Погиб в битве при Люцене.

³⁵³ Иенское сражение между наполеоновской армией и прусско-саксонскими войсками произошло 14 окт. 1806 г. Союзники потер-

пели в этом бою полное поражение, и спустя несколько дней французы заняли Берлин.

³⁵⁴ *Шарнхорст* (Шарнхорст) *Герхард Иоганн Давид* (1755—1813), прусский генерал (с 1807 г.), государственный деятель, военный реформатор. Ярый враг Наполеона I. В 1809—1810 гг. прусский военный министр. В 1813 г. в чине ген.-лейтенанта был начальником штаба Силезской армии Блюхера. Умер от раны, полученной в сражении под Люденом. Волконский ошибается, Шарнгорст не был основателем Тугендбунда.

³⁵⁵ Тугендбунд («Союз добродетели») — тайное политическое общество в Германии, созданное в 1808 г. Целью общества было возрождение прусского национального духа и борьба с Францией. По требованию Наполеона I общество было в 1810 г. официально распушено, но тайне продолжало существовать до 1813 г.

³⁵⁶ *Жомини Анри* (Антон) *Генрих* (1779—1869), бар., французский бригадный генерал. В 1813 г. начальник штаба корпуса маршала Нея. В авг. 1813 г., после сражения при Бауцене, перешел на сторону союзников и был принят на службу в русскую армию в чине ген.-лейтенанта. Состоял военным советником при Главной квартире Александра I. Видный теоретик военного дела, историк, автор воспоминаний и ряда книг по военному искусству. Основатель русской Академии Генерального штаба.

³⁵⁷ *Ней Мишель* (1769—1815), герцог Эльхингенский (с 1808 г.), кн. Московский (1812 г.), французский генерал, маршал Франции (с 1804 г.). Один из наиболее талантливых и популярных наполеоновских полководцев, участник всех военных походов. В кампании 1813 г. командовал 3-м корпусом. Поставленный Людовиком XVIII во главе правительственных войск, чтобы преградить Наполеону путь в Париж, перешел на его сторону. После «Ста дней» был арестован и расстрелян.

³⁵⁸ Под «вероятностью» присоединения нейтральной Австрии к антинаполеоновской коалиции Волконский имеет в виду подписание 15 (27) июня 1813 г. в Рейхенбахе соглашения между Австрией и союзниками, в котором Австрия обязывалась в случае, если Франция не удовлетворит ряд ее требований, присоединиться к союзникам. Окончательно о присоединении было объявлено 1 (12) авг., вскоре после Плесвицкого перемирия.

³⁵⁹ *Александра Павловна* (1783—1801), вел. кн., дочь Павла I и Марии Федоровны. В 1799 г. вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа.

³⁶⁰ Перемирие было заключено 23 мая (4 июня) в Пояшвице (Плесвице) до 8 (20) июля. В результате перемирия резко изменилось соотношение сил между воюющими сторонами в пользу союзников. В это же время на сторону антифранцузской коалиции перешла Австрия, увеличив силы союзников еще на 110 тысяч штыков.

³⁶¹ *Сухозанет Иван Онуфриевич* (Ануфриевич) (1786—1861), ген.-майор. Участник антинаполеоновских войн. Отличился в битвах при Бауцене и Лейпциге. Впоследствии состоял при артиллерии всех действующих войск. 14 дек. 1825 г. участвовал в подавлении восстания на Сенатской площади.

³⁶² *Физнер Александр Самойлович* (1787—1813), полковник (с 1813 г.), партизан, герой Отечественной войны 1812 г. Организовал отряд из казаков и военнопленных итальянцев и испанцев, так на-

зывается легион мести, с которым удачно действовал в тылу французских войск.

³⁶³ *Яшвилль Лев Михайлович* (1768—1836), кн., ген.-лейтенант. В 1812 г. командовал артиллерией в корпусе Витгенштейна. В 1813—1814 гг. начальник артиллерии Главной армии.

³⁶⁴ *Бернадот (Бернадотт) Жан Батист Жюль* (1763—1844), маршал Франции (с 1804 г.). Участник наполеоновских войн. С 1805 г. кн. Понте-Корво. В 1810 г. был усыновлен шведским королем Карлом XIII и согласно решению шведского риксдага стал наследным принцем шведского престола. В 1818 г. стал королем Швеции под именем Карла XIV Юхана. Основатель династии Бернадотов.

³⁶⁵ Русский корпус ген.-лейтенанта бар. Винценгероде состоял из 21-й и 24-й пехотных дивизий, из двух регулярных и восьми иррегулярных полков кавалерии, из одной батареиной, двух легких и двух конных рот артиллерии (Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. С. 213).

³⁶⁶ *Моро Жан Виктор* (1763—1813), французский генерал. Выдвинулся в эпоху революционных войн. В 1804 г. был обвинен в участии в роялистском заговоре Пишегрю и Кадудаль и приговорен к изгнанию из Франции. В 1813 г. был приглашен Александром I на пост военного советника при Главном штабе союзных армий. Смертельно ранен в бою под Дрезденом 15 (27) авг. 1813 г. Похоронен в Петербурге в костеле св. Екатерины на Невском проспекте.

³⁶⁷ *Кадудаль (Жерже) Жорж* (1771—1804), роялистский заговорщик. Бретонский фермер, фанатично преданный Бурбонам. Один из руководителей контрреволюционного восстания шуанов в Вандее в 1793—1799 гг. В 1804 г. тайно прибыл в Париж для организации заговора (вместе с генералом Пишегрю) с целью свержения Бонапарта. Был схвачен и гильотинирован.

³⁶⁸ *Пишегрю Шарль* (1761—1804), французский республиканский генерал. Начал службу в войсках Конвента. С 1794 г. командовал Рейнско-Мозельской и Северной армиями. В дальнейшем вступил в сношения с французскими эмигрантами-роялистами, за что был смещен со своего поста, сослан, но бежал в Англию, где активно служил Бурбонам. В 1804 г. тайно приехал в Париж для организации заговора в пользу Бурбонов, был арестован и вскоре найден мертвым в тюремной камере.

³⁶⁹ *Дашков Андрей Яковлевич* (1776—1831), российский генеральный консул (1809) и поверенный в делах в Филадельфии (1810), посланник в Вашингтоне (1811—1817).

³⁷⁰ *Свиньин Павел Петрович* (1787—1831), литератор, публицист, этнограф. С 1806 г. служил в Министерстве иностранных дел. С 1818 г. издавал журнал «Отечественные записки». Автор воспоминаний и ряда историко-этнографических работ.

³⁷¹ Хотя Плесвицкое перемирие было заключено до 8 (20) июля, союзники продлили его срок до 29 июля (10 авг.).

³⁷² *Левенштерн Владимир Иванович* (1777—1858), бар., ген.-майор. Участник Итальянского похода 1799 г., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1813—1814 гг. майор, затем подполковник. Волконским ошибочно назван полковником. Был старшим адъютантом Ф. Ф. Винценгероде, а также командиром летучего казачьего отряда. Автор записок (Записки генерала В. И. Левенштерна // Рус. старина. 1900. № 8—12; 1901, № 1—8, 11, 12; 1902. № 7).

³⁷³ Лесток (1738—1818), прусский генерал.
³⁷⁴ Бюлов (Билау) Фридрих Вильгельм (1755—1816), гр., прусский ген.-лейтенант, ген.-губернатор Вост. Пруссии. Активный участник антинаполеоновской коалиции. В 1813 г. командовал 3-м прусским корпусом в Северной армии Бернадота. 18 июня 1815 г. в битве при Ватерлоо его корпус первым вышел во фланг французской армии.

³⁷⁵ Ренни Роберт Егорович (1767—1832), русский генерал. Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813—1814 гг. В 1812 г. генерал-квартирмейстер в армии Тормасова. За отличие в битве при Городечне произведен в ген.-майоры. В 1813—1814 гг. был начальником штаба корпуса Винценгероде.

³⁷⁶ Гросс-Беерен — деревня в 19 км от Берлина. 11 (23) авг. там произошло сражение, в ходе которого войска Северной армии нанесли сильное поражение группировке французского маршала Удино, пытавшегося прорваться к Берлину.

³⁷⁷ Блюхер Гебхард Леберехт, фон (1742—1819), кн. Вальштаттский, прусский генерал. Ярый враг Наполеона, один из активнейших участников антинаполеоновской коалиции. С февр. 1813 г. командовал прусским корпусом, а после летнего перемирия был назначен главнокомандующим русско-прусской Силезской армией. За отличие в битве под Лейпцигом произведен в фельдмаршалы. В битве при Ватерлоо (18 июня 1815 г.) сыграл решающую роль в разгроме французских войск.

³⁷⁸ Тауенцин фон Виттенберг Богислав Фридрих Эммануил (1760—1824), гр., прусский военный деятель, ген.-лейтенант. Военный губернатор провинции между Одером и Вислой. Вел осаду Штеттина. Командир 4-го прусского корпуса в составе Северной армии Бернадота (1813—1814).

³⁷⁹ Стединг (Штединг) Богислав Людвиг Христофор (1746—1837), гр., шведский фельдмаршал. Командовал шведским корпусом в Северной армии.

³⁸⁰ Пален Карл Магнус (Матвей Иванович) (1779—1863), бар., ген. от кавалерии, ген.-адъютант. В 1812 г. командовал отрядом в корпусе Витгенштейна. Впоследствии член Гос. совета и прибалтийский ген.-губернатор.

³⁸¹ Баташев, капитан; Викторов, поручик — сведений о них не найдено.

³⁸² Адлеркрейц Карл Иоганн (1757—1815), гр., шведский генерал. Участник войн Швеции с Россией в 1788 и 1808 гг.; затем командовал шведскими войсками в Финляндии. В кампании 1813 г. был начальником штаба Северной армии Бернадота.

³⁸³ Кульм — селение в Чехии, недалеко от Праги. 17—18 авг. 1813 г. здесь произошло сражение между русскими войсками и французским корпусом маршала Вандамма. Сражение закончилось полным поражением французов и пленением раненого Вандамма.

³⁸⁴ Рап Жан (1772—1821), гр., французский дивизионный генерал. Участник похода в Россию в 1812 г. В кампании 1813 г. был сначала адъютантом маршала Нея, затем военным комендантом г. Данцига. В дальнейшем пер Францiji.

³⁸⁵ Лейпцигское сражение, известное как «битва народов», между войсками Наполеона (ок. 200 тыс. человек) и войсками союзников (свыше 300 тыс.) произошло 4—7 окт. 1813 г. В этой битве Наполеон потерпел поражение и был вынужден отступить, что уско-

рило его падение и отречение от престола.

³⁸⁶ *Бертье Луи Александр* (1753—1815), кн. Невшательский (с 1805 г.), кн. Ваграмский (с 1809 г.), маршал Франции (с 1804 г.). Один из активнейших участников наполеоновских походов. До 1814 г. был бессменным начальником штаба наполеоновской армии. После падения Наполеона перешел на сторону Бурбонов. В период «Ста дней» по одной версии покончил с собой, по другой — был убит.

³⁸⁷ *Сен-Сир Лоран Гувюион* (1764—1830), маршал Франции (с 1813 г.). В 1812 г. командир 6-го корпуса, разбитого Витгенштейном при Полоцке. В 1813 г. командир 14-го корпуса маршала Нея. Комендант гарнизона в Дрездене. В 1817—1819 гг. военный министр Франции.

³⁸⁸ *Солтык Роман* (1791—1843), польский политический деятель и писатель. Впоследствии генерал. Участвовал в наполеоновских войнах (1808—1813), командовал конной артиллерийской батареей. В 1812 г. во время похода в Россию состоял при штабе Наполеона. В битве при Лейпциге (1813) попал в плен. Член Польского тайного общества (с 1826 г.), участник польского восстания 1830—1831 гг.

³⁸⁹ *Мантейфель Иван Васильевич* (1772—1813), гр., ген.-майор, шеф Санкт-Петербургского драгунского полка. В 1812 г. командовал драгунским полком в армии П. В. Чичагова. Участвовал в кампании 1813 г., где служил в Северной армии кронпринца Бернадота. Убит в сражении под Лейпцигом.

³⁹⁰ *Яхонтов Александр Андреевич* (1786—1862), полковник, шеф 1-го волонтерского казачьего полка петербургского ополчения. В кампании 1813 г. отличился в партизанских действиях.

³⁹¹ *Арнольди Иван Карлович* (1783—1860), участник Отечественной войны 1812 г. В 1813 г. капитан, командир 3-й конноартиллерийской роты. За отличие в битвах при Рогазне и Лейпциге был произведен в подполковники, а затем — в полковники. Впоследствии начальник артиллерии военных поселений на юге России, ген. от артиллерии, сенатор.

³⁹² *Люксембург*, гр. (у Волконского «самозванец») — сведений о нем не найдено.

³⁹³ Здесь, вероятно, Волконский имеет в виду, что Лейпцигская битва явилась началом конца войны коалиции европейских стран против Наполеона, итог которой подвел Венский конгресс. Согласно заключительному акту конгресса, Польша была разделена между Россией, Пруссией и Австрией.

³⁹⁴ *Фридрих Август I*, король Саксонский — см. примеч. 342.

³⁹⁵ «Белый царь» — так называли восточные народы русских царей, начиная с Ивана IV. Можно предположить, что название «белый царь» было дано русским царям, как свободным, независимым, никому не платящим дани властелинам, согласно тому смыслу, который вкладывали в слово «белый» (свободный от дани) на Востоке.

³⁹⁶ *Бонапарт Иероним (Жером)* (1784—1860), младший брат Наполеона I, король Вестфальский. В 1812 г. командовал корпусом. Во времена Второй империи — маршал и президент Сената.

³⁹⁷ Бухарестский мирный договор 1812 г. завершил русско-турецкую войну 1806—1812 гг. По статье 8 договора Сербия получила автономию в вопросах внутреннего самоуправления, что традиционно влекло за собой покровительство со стороны России.

³⁹⁸ В 1813 г. Турция нарушила Бухарестский трактат и восставила свою власть в Сербии. Началась новая волна сербского на-

ационально-освободительного движения. Александр I, занятый военными действиями на европейском театре, а также не желая обострять отношения с союзными державами, не считал возможным поддерживать сербов в их борьбе. Говоря о неблагодарности союзников «во втором полувеке 19-го», Волконский имеет в виду поведение Австрии, Англии и Пруссии в русско-турецком конфликте начала 1850-х гг., закончившемся русско-турецкой войной 1854—1856 гг., которая фактически стала войной России с европейской коалицией.

³⁹⁹ Международный конгресс, завершивший войну коалиции европейских держав с Наполеоном I, состоялся в Вене в сент. 1814—июне 1815 г.

⁴⁰⁰ *Грунер Юстус* (1777—1820), прусский государственный деятель. Активный участник немецкого антинаполеоновского движения, вербовал волонтеров для русско-немецкого легиона. В 1815 г. некоторое время был начальником германской полиции в Париже, занимался возвращением отнятых у Германии сокровищ.

⁴⁰¹ *Штейн Генрих Фридрих Карл* (1757—1831), бар., прусский государственный деятель и реформатор. В 1804—1807 гг. министр финансов, затем первый министр прусского правительства. Один из организаторов и идейных руководителей борьбы за освобождение Германии от наполеоновского ига.

⁴⁰² Освободительное движение в Голландии против французского господства началось в апр. 1813 г. и к осени охватило значительную часть страны. После Лейпцигской битвы французские войска были вынуждены покинуть территорию Голландии. 21 дек. 1813 г. правителем страны под именем Вильгельма I стал сын Вильгельма V Оранского.

⁴⁰³ Бреда — город и крепость в Нидерландах (провинция Северный Брабант). 4 дек. 1813 г. Бреда была взята русскими войсками под командованием К. Х. Бенкендорфа.

⁴⁰⁴ Французские войска в Голландии возглавлял гр. (после 1823 г. маршал) *Габриэль Жан Жозеф Молитор* (1770—1849), а не Жерар или Мезон, как пишет Волконский.

⁴⁰⁵ *Клемерт*, майор — данных о нем не найдено.

⁴⁰⁶ *Шиллинг*, корнет — данных о нем не найдено.

⁴⁰⁷ *Пети де Вейрьер Карл* — дополнительных сведений о нем не найдено. Его дочь — *Елизавета Карловна Пети де Вейрьер*, жена И. И. Полиньяка.

⁴⁰⁸ Вероятно, речь идет о *Семене Семеновиче Мазараки*, который состоял при вел. кн. Михаиле Павловиче по особым поручениям; впоследствии ген.-майор.

⁴⁰⁹ *Руско*, генерал — данных о нем не найдено.

⁴¹⁰ *Кучкин*, капитан — данных о нем не найдено.

⁴¹¹ *Васильчиков Илларион Васильевич* (1777—1847), кн. (с 1839 г.), ген. от кавалерии. Участник войны 1812 г. В кампании 1813 г. участвовал в боях при Бауцене, Кауцбахе и Лейпциге. С 1817 г. командир Отдельного гвардейского корпуса. С 1823 г. член Гос. совета. С 1838 г. председатель Гос. совета и Комитета министров.

⁴¹² О братьях аббатах Мокар пишет А. В. Кочубей, учившийся одновременно с Волконским в пансионе аббата Николая: «Аббат Николь сдал свой пансион в 1806 году двум братьям аббатам Мокар; при них, как говорят, пансион начал упадать. Старший Мокар был воспитателем графа Александра Никитича Панина, старшего брата

Виктора Никитича, бывшего потом министром юстиции. <...> Позже, в 1814 г., старший брат Мокар был каноником во Франции, в кафедральном соборе Реймса» (Кочубей А. В. Семейная хроника. Записки. Спб., 1890, С. 22).

⁴¹³ Моро — французский генерал, в 1814 г. защищавший Суассон — дополнительных сведений не найдено.

⁴¹⁴ Мартенс Карл, фон (1790—1861), выходец из Курляндии, с 1811 г. на службе в русской армии. Поручик Гвардейского гусарского полка. Участник Отечественной войны 1812 г. В 1820-е гг. состоял чиновником особых поручений при ген.-губернаторе Могилевской и Витебской губ. Вероятно, Волконский имеет в виду вышедшие на немецком языке его воспоминания: Martens C. von. Denkwürdigkeiten aus dem kriegerischen und politischen Leben eines alten Offiziers. Ein Beitrag zur Geschichte der 1830—1848 Jahre. Dresden—Leipzig, 1848 (Воспоминания о военной и политической жизни одного старого офицера. К истории 1830—1848 годов. Дрезден—Лейпциг, 1848) Описание осады и сдачи Суассона, данное Волконским, полностью совпадает с описанием этого события самим Левенштерном, в воспоминаниях которого нет ни слова о Мартенсе (Записки генерала В. И. Левенштерна // Рус. старина. 1902. Т. 7. С. 191).

⁴¹⁵ Гнейзенау Август Вильгельм Антон (1760—1831), австриец, с 1786 г. в прусской армии. Один из реформаторов прусской армии. Ярый враг Наполеона I. Граф Нейтхардт (с 1814 г.). В 1813 г. ген.-квартирмейстер, с мая 1813 г. начальник штаба Силезской армии Блюхера. В битве при Ватерлоо сыграл важную роль в разгроме французской армии. С 1825 г. ген.-фельдмаршал. С 1830 г. главнокомандующий прусской армии.

⁴¹⁶ Понсет Михаил Иванович (1780—1829), ген.-майор, командовал резервными полками в отряде Воронцова, находившегося в авангарде корпуса Винценгероде.

⁴¹⁷ Краснокутский, подполковник — дополнительных сведений не найдено.

⁴¹⁸ Липранди Иван Петрович (1790—1880), участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1822 г. вышел в отставку полковником. Состоял чиновником по особым поручениям при М. С. Воронцове. Впоследствии служил по особым поручениям в Министерстве внутренних дел и при Департаменте уделов. Один из друзей Пушкина, участник литературных вечеров в Кишиневе. Был близок со многими членами тайного общества декабристов. Известен своей провокационной деятельностью в деле петрашевцев.

⁴¹⁹ Строганов Александр Павлович, гр., сын Павла Александровича Строганова, сенатора. Погиб в битве под Краоном в возрасте 18 лет (февр. 1814 г.).

⁴²⁰ Ланской Сергей Николаевич — см. примеч. 326.

⁴²¹ Ушаков Сергей Николаевич (1776—1814), ген.-майор. В 1813—1814 гг. шеф Курляндского драгунского полка в армии М. Б. Барклая де Толли. Погиб в Краонском сражении 23 февр. 1814 г.

⁴²² Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872), майор, поэт, публицист. Участник войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. С февр. 1820 г. майор 32-го егерского полка 16-й дивизии

под командованием М. Ф. Орлова. Член Союза благоденствия и Южного общества. В февр. 1822 г. арестован в Кишиневе по обвинению в революционной агитации среди солдат, позднее назван «первым декабристом». Содержался в разных тюрьмах около шести лет. В 1827 г. сослан на поселение в Сибирь. Жизнь окончил в сибирском селении Олонки.

⁴²³ *Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), гр., (с 1849 г.),* действ. ст. сов., ген. от инфантерии, ген.-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Состоял при начальнике Главного штаба П. М. Волконском. Был членом Союза благоденствия и Военного общества. По делу декабристов осужден не был. В 1828—1840 гг. вице-президент Департамента уделов, затем министр уделов. В 1841—1842 гг. министр внутренних дел. В 1852—1856 гг. управляющий Академией художеств.

⁴²⁴ Возможно, что проект, о котором упоминает Волконский, был одним из тех, которые Липранди предлагал для реорганизации тайной полиции с целью, как пишет Н. Эйдельман, «привлечь к себе внимание». Однако вряд ли этот проект был причиной его отставки. Начиная с дела петрашевцев имя Липранди «приобрело недобрую всероссийскую славу»; его слишком усердная «деятельность» на ниве сыска вызвала растущее недовольство всех кругов. И, как видно, именно по этой причине состоялась его отставка (*Эйдельман Н.* Где и что Липранди? // Пути в неизвестное. М., 1972. С. 125—158).

⁴²⁵ *Рудзевич Александр Яковлевич (1776—1829),* ген.-лейтенант, шеф 22-го егерского полка, начальник авангарда корпуса А. Ф. Ланжерона, затем авангарда левого крыла Силезской армии. Командир 13-й пехотной дивизии (с осени 1813 г.), затем командир 10-го пехотного корпуса.

⁴²⁶ Так в Древнем Риме называлась часть войск, набиравшаяся преимущественно из римских всадников и призванная охранять полководцев. В переносном смысле «преторианская гвардия» — это войско, служащее опорой власти, основанной на грубой силе.

⁴²⁷ Сведений об этом факте обнаружить не удалось.

⁴²⁸ *Людовик XVIII (1766—1824),* французский король из династии Бурбонов (1814—1815; 1815—1824), брат Людовика XVI. До вступления на престол носил титул графа Прованского.

⁴²⁹ Александр I вернулся в Петербург 13 (25) июня 1814 г. 1 (13) сент. 1814 г. он выехал из Петербурга на Венский конгресс.

⁴³⁰ *Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773—1859),* кн., австрийский государственный деятель и дипломат. В 1809—1821 гг. министр иностранных дел Австрии и фактически глава правительства; в 1821—1848 гг. австрийский канцлер. Стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Во время Венского конгресса заключил с Англией и Францией секретный договор, направленный против России и Пруссии. Один из главных организаторов «Священного союза».

⁴³¹ *Кестльри Роберт Стюарт,* маркиз Лондондерри, виконт, (1769—1822), английский государственный деятель. Был вместе с Меттернихом одним из руководителей Венского конгресса, на котором заключил тайный союз с Австрией и Францией, направленный прежде всего против России.

⁴³² *Талейран де Перигор Шарль Морис* (1754—1838), кн. Беневентский (1806—1815), герцог Дино (с 1817 г.), французский дипломат, крупный государственный деятель. Будучи особо доверенным лицом Наполеона I, он в 1808 г. предал его, войдя в тайные сношения с Александром I и Меттернихом. В 1814 г. активно способствовал возвращению во Францию Бурбонов. Возглавлял французскую делегацию на Венском конгрессе. Добился значительного улучшения позиций Франции. Имя Талейрана стало символом карьеризма, беспринципности и вероломства в политической деятельности.

⁴³³ *Панкратьев Никита Петрович* (1788—1836), ген.-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов 1813—1814 гг. Участвовал в сражениях в составе корпуса генерала Винценгероде. В 1813 г. назначен флигель-адъютантом Александра I. Находился при Александре I на Венском конгрессе.

⁴³⁴ Если здесь речь идет о работе А. И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны в 1812 году» в четырех томах, написанной, как уже указывалось (примеч. 284), по поручению Николая I, лично им редактировавшейся и выдержанной в официозном духе, то Ф. В. Остен-Сакен не мог читать этот труд, так как он вышел уже после его смерти, в 1839 г. Другая работа Михайловского-Данилевского, посвященная 1812 и написанная в 1814—1816 гг., «Histoire de la Campagne de 1812 depuis l'arrivée à l'armée du prince Koutousov jusqu'à la bataille Taroutino, depuis le 17 août jusqu'au 6 octobre» («История кампании 1812 года от прибытия к армии князя Кутузова до Тарутинского сражения, с 17 августа до 6 октября»), не издавалась, поэтому также маловероятно, чтобы Остен-Сакен мог ее читать. К тому же этот ранний труд Михайловского-Данилевского отличался непредвзятым описанием событий, в связи с чем его автор не может быть охарактеризован как «лакей». Уничжительная характеристика Михайловского-Данилевского, содержащаяся в «Записках» Волконского, может быть связана лишь с выходом в свет в 1830-х гг. его официозных военно-исторических трудов («Описание похода во Францию 1814 года», «Записки о походе 1813 года» и др.). Применение ее к Михайловскому-Данилевскому периода Венского конгресса не совсем справедливо. Об идейной эволюции Михайловского-Данилевского см.: *Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года*. М., 1967. С. 87—94; *Его же. 1812 год и русская мемуаристика*. М., 1980.

⁴³⁵ *Разумовский Андрей Кириллович* (1752—1836), кн. (с 1815 г.), русский дипломат. Сын малороссийского гетмана К. Г. Разумовского. В 1813—1814 гг. состоял в свите Александра I в качестве советника по внешнеполитическим вопросам. Один из руководителей русской делегации на Венском конгрессе.

⁴³⁶ *Штакельберг Густав Оттонович* (1766—1850), гр., русский дипломат. В 1810—1811 гг. посол в Вене. Во время Отечественной войны жил в Австрии как частное лицо. Русский уполномоченный на Венском конгрессе. В 1818—1835 гг. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Неаполе, с 1835 г. в отставке.

⁴³⁷ *Каподистрия Иоаннис* (Иван Антонович) (1776—1831), гр., русский и греческий государственный деятель. С 1811 г. секретарь русского посольства в Вене. В 1813 г. сопровождал Александра I в военных походах и был начальником его канцелярии. Участник Венского конгресса. С 1815 г. статс-секретарь; в 1816—1822 гг. возглавлял (с К. В. Нессельроде) Коллегию иностранных дел. Участник

греческого национально-освободительного движения. С 1827 г. президент освобожденной Греции.

⁴³⁸ *Чарторижский* (Чарторийский) *Адам Ежи* (Юрий) *Адамович* (1770—1861), кн., польский и русский политический деятель, личный друг Александра I. В 1804—1806 гг. министр иностранных дел. Участник польского освободительного восстания 1830—1831 гг. Автор мемуаров.

⁴³⁹ *Анштетт* (Анстетт) *Иван Осипович* (Иоганн Протасий), фон (1766—1835), родом из Страсбурга. На русской службе с 1789 г. До 1811 г. был в составе русского посольства в Вене. В 1812 г. директор дипломатической канцелярии при армии М. И. Кутузова. Участник Венского конгресса. С 1818 г. чрезвычайный посол России при Германском Союзе.

⁴⁴⁰ *Булаков Константин Яковлевич* (1782—1835), дипломат, служил в Министерстве иностранных дел. С 1820 г. петербургский почтовый директор и управляющий почтовым ведомством.

⁴⁴¹ *Шредер Андрей Андреевич* (ум. 1858), русский дипломат, статский советник. В разное время был советником русского посольства в Париже, посланником в Дрездене, в Саксонии.

⁴⁴² *Воронцов-Дашков Иван Илларионович* (1791—1854), гр., с 1814 г. камергер. С 1812 г. состоял при русском посольстве в Лондоне. Участник Венского конгресса. С 1848 г. действ. тайный сов., член Гос. совета.

⁴⁴³ *Кокошкин Николай Александрович*, дипломат. В 1812 г. советник русского посольства в Лондоне. С 1833 г. действ. ст. сов.

⁴⁴⁴ *Марченко Василий Романович* (1782—1841), государственный деятель. В 1813—1815 гг. состоял при Главной квартире Александра I. С 1815 г. статс-секретарь. В 1816—1838 гг. служил в Комитете министров, Гос. канцелярии и Гос. совете.

⁴⁴⁵ *Смит* (Шмидт) *Сидней Вильям* (1764—1840), английский адмирал. С 1830 г. главнокомандующий британскими морскими силами.

⁴⁴⁶ *Изабе Жан Батист* (1767—1855), французский художник-миниатюрист и акварелист, ученик Давида. Придворный художник Наполеона I. После Реставрации работал при дворе Бурбонов.

⁴⁴⁷ *Карл Людвиг Иоганн* (1771—1847), австрийский эрцгерцог, фельдмаршал, генералиссимус. Третий сын австрийского имп. Леопольда II, брат имп. Франца I. Австрийский военный министр (1806—1809).

⁴⁴⁸ *Асперн* — селение на левом берегу Дуная, напротив Вены. Во время австро-французской кампании 1809 г. там произошло сражение между французскими войсками, предводительствуемыми Наполеоном I, и австрийцами. Бой закончился отступлением французских войск.

⁴⁴⁹ *Гагарин Павел Гаврилович* (1777—1850), кн., флигель-адъютант Павла I, ген.-адъютант Александра I. Был женат на А. П. Лопухиной, фаворитке Павла I.

⁴⁵⁰ *Шёнбруннский мир* (или Венский мирный договор) был заключен между Францией и Австрией 14 окт. 1809 г. после окончания австро-французской войны 1809 г. и подписан в Шёнбрунском дворце в Вене, где находилась Главная квартира Наполеона I. Этот договор превращал Австрию в зависимое от Франции государство. Договор был аннулирован Венским конгрессом 1814—1815 гг.

⁴⁵¹ *Линь Карл Иозеф, де* (1735—1814), принц, происходил из

старинной бельгийской фамилии. С 1752 г. на австрийской службе. Участник Семилетней войны. При Екатерине II был на русской службе. В 1788 г. участвовал в осаде Очакова в армии кн. Потемкина. Австрийский дипломат, участник Венского конгресса. Автор книг по истории военного искусства.

⁴⁵² *Волконская Зинаида Александровна* (урожд. Белосельская-Белозерская, 1792—1862), кн., писательница, хозяйка известного московского литературно-музыкального салона, который посещали А. С. Пушкин, А. Мицкевич и др. Супруга брата С. Г. Волконского — Никиты. В 1829 г. уехала в Италию, где и скончалась.

⁴⁵³ *Арторио*, книгопродавец в Вене — сведений о нем не обнаружено.

⁴⁵⁴ *Лагарп Фредерик Цезарь, де* (1754—1838), швейцарский политический деятель, адвокат. По приглашению Екатерины II прибыл в 1783 г. в Россию в качестве воспитателя к будущему имп. Александру I. Однако за свои слишком либеральные взгляды в 1795 г. был отстранен от этой должности. В 1815 г. во время Венского конгресса Лагарп с помощью Александра I пытался добиться восстановления Швейцарской федерации.

⁴⁵⁵ *Екатерина II* (1729—1796), имп. российская (1762—1796).

⁴⁵⁶ *Бонапарт Франсуа Шарль* (1811—1832), сын Наполеона I и Марии-Луизы. При рождении получил титул короля Римского на основании решения Сената от 17 февр. 1810 г. С 1814 г. жил в Вене. С 1818 г. герцог Рейхштадтский. В 1815 г. при своем отречении от престола Наполеон I провозгласил сына Наполеоном II. Рассказ Волконского о попытке похищения основан на слухах, распространившихся в то время в Вене. В действительности никакого похищения не было, хотя известно, что Наполеон безуспешно добивался от австрийского правительства возвращения во Францию жены и сына. Возможно, поводом к возникновению слухов послужил имевший место факт замены французской прислуги принца австрийской после высадки Наполеона во Франции. На тех же слухах (а не на реальных фактах) построена корреспонденция в журнале «Сын отечества» (1815, ч. 21, с. 111—113) «Неудачное похищение. Письмо из Вены», в которой сообщалось, будто 6 марта 22 заговорщика, и среди них один из секретарей Талеярана, были арестованы в тот момент, когда сажали похищенного сына Наполеона в карету.

⁴⁵⁷ *Богарне Гортензия Евгения* (1783—1837), королева Голландии (1806—1810). Дочь генерала Александра Богарне и Жозефины Таше де ла Пажери. В 1802 г. вышла замуж за младшего брата Наполеона I Луи (Людовика) Бонапарта, от которого имела двух сыновей, один из них стал впоследствии императором Наполеоном III. После Реставрации жила во Франции, где получила от Бурбонов титул герцогини де Сен-Ле.

⁴⁵⁸ *Демидов Николай Николаевич* — сведений о нем не найдено.

⁴⁵⁹ *Лаваль Александра Григорьевна* (урожд. Козицкая, 1772—1850), гр., мать Е. И. Трубецкой и тетка З. А. Белосельской-Белозерской (Александра Григорьевна Лаваль и Анна Григорьевна Белосельская-Белозерская были сестрами).

⁴⁶⁰ Легитимистами (от лат. «легитимус» — законный) называли приверженцев законной династии Бурбонов. Этот термин возник и утвердился после Июльской революции 1830 г. В более широком смысле легитимист — сторонник свергнутой монархии.

⁴⁶¹ Шарлотта Доротея, герцогиня Курляндская (урожд. Медем, 1761—1821), вдова последнего герцога Курляндского Петра Бирона, сына фаворита имп. Анны Ивановны Эрнста Иоганна Бирона.

⁴⁶² Сталь Анна Луиза Жермена, де (1776—1817), баронесса, французская писательница. При Наполеоне I была изгнана из Франции и вернулась лишь после падения Империи.

⁴⁶³ Шатобриан Франсуа Рене, де, виконт (1768—1848), французский писатель. В период правления Наполеона I и при Бурбонах занимался дипломатической деятельностью. В период Реставрации был министром.

⁴⁶⁴ Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767—1830), французский политический деятель, писатель и публицист. Во время Великой Французской революции был сторонником Директории. В 1803—1814 гг. находился в эмиграции, затем вернулся на родину. Один из лидеров буржуазно-либеральной оппозиции периода Реставрации. Во время «Ста дней» примкнул к Наполеону I. При Бурбонах в 1819 г. был избран в палату депутатов. Во время июльской революции 1830 г. содействовал возведению на престол Луи Филиппа. С 1830 г. председатель Гос. совета.

⁴⁶⁵ Неккер Жак (1732—1804), французский финансист и государственный деятель. В период 1777—1790 гг. министр финансов. Отец Ж. де Сталь.

⁴⁶⁶ Кошле Луиза (в замужестве мадам Паркэн), чтица герцогини де Сен-Ле. Автор записок: *Mémoires sur La Reine Hortense et la famille impériale par Mademoiselle Cochelet, lectrice de la Reine*. Paris, 1838 (Воспоминания о королеве Гортензии и императорской семье, написанные мадмуазель Кошле, чтицей королевы. Париж, 1838).

⁴⁶⁷ Эксельман Рени Жозеф Исидор (1775—1852), гр., французский генерал. Участник войны 1812 г. Во время «Ста дней» командовал 2-м армейским корпусом, пэр Франции, с 1851 г. маршал.

⁴⁶⁸ Бертэн, братья (Бертэн Луи-Франсуа старший, 1766—1841, и Бертэн де Во, 1771—1842), французские журналисты, редакторы газеты «Журналь де Деба». Луи-Франсуа Бертэн был также известным публицистом, антиправительственная направленность статей которого в период Французской революции 1830 г. привела его к шестимесячному заключению.

⁴⁶⁹ Лаллеман Шарль Франсуа Антуан (1774—1839), бар., французский генерал. Лаллеман Анри Доминик (1777—1823), бар., французский генерал, младший брат предыдущего.

⁴⁷⁰ Д'Артуа Карл Филипп (1757—1836), гр., в 1824—1830 гг. французский король под именем Карла X. Проводил крайне реакционную политику, вызвав к себе всеобщую ненависть. В результате Июльской революции 1830 г. был свергнут с престола и бежал за границу.

⁴⁷¹ Бурбон Луи Антуан, де, герцог Ангулемский (1775—1844), старший сын графа д'Артуа. В 1789 г. эмигрировал из Франции. Некоторое время командовал отрядами эмигрантов-роялистов, боровшихся против Французской революции. В марте 1815 г. был возведен Людовиком XVIII в звание генерального наместника королевства. В 1823 г. командовал французскими войсками, подавляющими революцию в Испании, за что получил титул князя Тро-

кадеро. В 1830 г. вместе с отцом подписал акт об отречении от престола и эмигрировал из Франции.

⁴⁷² *Бурбон Шарль Фердинанд, де*, герцог Беррийский (1778—1820), второй сын графа д'Артуа, брат герцога Ангулемского. Один из видных деятелей роялистской партии во Франции. В 1814—1815 гг. принимал активное участие в борьбе против Наполеона. В 1820 г. убит французским рабочим Лувелем.

⁴⁷³ *Мария Тереза Шарлотта*, герцогиня Ангулемская (1778—1851), дочь французского короля Людовика XVI. В 1799 г. вышла замуж за Луи Антуана де Бурбона, герцога Ангулемского. Была вместе с мужем в эмиграции. В 1814 г. вместе с Людовиком XVIII вернулась в Париж.

⁴⁷⁴ 20 марта 1815 г. Наполеон I, бежавший с острова Эльбы, вступил в Париж. Эта дата знаменовала собой начало «Ста дней». После поражения Наполеона при Ватерлоо владычество Бурбонов продолжалось до 1830 г., когда последний король этой династии Карл X был низвергнут ньюльской революцией 1830 г.

⁴⁷⁵ Сыновья Гортензии Богарне в февр. 1831 г. примкнули к восстанию карбонариев против папы Григория XVI, которое было подавлено австрийскими войсками. Один из сыновей, *Наполеон-Луи*, умер, другой — *Шарль-Луи-Наполеон* (1808—1873), будущий император Наполеон III, бежал. В 1836 г. он пытался поднять восстание в Страсбурге, но был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Ему удалось бежать, и в 1848 г., после революции, он появляется во Франции. Используя обострение классовых противоречий в стране, он становится президентом республики, а с 1852 г. императором. Во время франко-прусской войны 1870 г. Наполеон III, проявив себя как бездарный полководец, сдался под Седаном со всей армией. Это было толчком к падению Второй империи (4 сент. 1870 г.).

⁴⁷⁶ *Бонапарт Луи* (Луи Наполеон) (1778—1846), третий брат Наполеона I. Король Голландии (1806—1810). За систематическое противодействие Континентальной блокаде, подрывавшей голландскую экономику, Наполеоном был лишен престола.

⁴⁷⁷ *Трипье Никола Жан Батист* (1765—1840), известный французский адвокат. В 1815 г. был защитником генерала Лавалетта. Имя второго адвоката не установлено.

⁴⁷⁸ *Рокур Франсуаза Мария Антуанетта* (1756—1815), французская трагическая актриса. В 1777—1778 гг. гастролировала в России. Ее похороны чуть было не вызвали восстание против Бурбонов.

⁴⁷⁹ *Мардуэль*, священник церкви св. Рока в Париже — дополнительных сведений не найдено.

⁴⁸⁰ *Людовик XVI* (1754—1793), французский король из династии Бурбонов (1774—1792). Был свергнут в результате Великой французской революции, судим Конвентом и казнен.

⁴⁸¹ *Смирнов* (Линицкий) *Яков Иванович* (1759—1840-е гг.), священник русской посольской церкви в Лондоне (1810-е—1830-е гг.).

⁴⁸² *Ливен Дарья Христофоровна* (1785—1857), сестра А. Х. Бенкендорфа, супруга Х. А. Ливена, хозяйка политических салонов в Лондоне и Париже.

⁴⁸³ *Жеребцова Ольга Александровна* (урожд. Зубова, 1766—1848), сестра П. А. Зубова.

Был ген.-губернатором Новороссии и некоторое время главнокомандующим Черноморским флотом.

⁴⁸⁵ Имеется в виду принц *Уэльский* (1762—1830), в 1811—1820 гг. принц-регент, с 1820 г. король Англии под именем Георг IV.

⁴⁸⁶ *Вильгельм IV* (Георих) (1765—1837), третий сын короля Георга III, король английский, ирландский и ганноверский. Вступил на престол в 1830 г. после смерти своего брата короля Георга IV. До вступления на престол носил титул герцога Кларенского. *Георг III* (1738—1820), английский король с 1760 г. В связи с его умопомешательством в 1811 г. было назначено регентство его сына принца Уэльского.

⁴⁸⁷ Имеются в виду дебаты в парламенте о «хлебных законах» (Cogn-bill), которые были приняты в 1815 г. и устанавливали очень большие пошлины на импортируемый хлеб, что искусственно сохраняло высокую цену на хлеб в стране. Это обеспечивало значительные доходы лендлордам и фермерам, но существенно ухудшало материальное положение трудовых людей.

⁴⁸⁸ *Бюрдетт Френсис* (1770—1844), английский радикал, сторонник реформ.

⁴⁸⁹ *Губтон*, полковник — сведений о нем не найдено.

⁴⁹⁰ *Грей Чарльз* (1764—1845), виконт, лорд, английский политический деятель, член палаты лордов. *Лаудердаль Джеймс Майтленд* (1759—1830), гр., лорд, английский государственный деятель. Некоторое время был приверженцем французских революционных идей, затем примкнул к тори. *Петти Генри, маркиз Ленсдаун* (1780—1863), английский государственный деятель, занимал разные посты в английском кабинете, в том числе статс-секретаря по внутренним делам.

⁴⁹¹ Квакеры (общество друзей) — члены религиозной христианской общины, основанной в Англии в середине XVII в. Они отвергают институт священников, церковные таинства, отказываются от военной службы, проповедуют пацифизм и занимаются благотворительностью.

⁴⁹² Герольдмейстер Черного жезла — постоянное должностное лицо в палате лордов, назначаемое монархом; приглашает членов палаты общин на тронную речь монарха, во время церемонии несет черный жезл. Титул существует с 1350 г.

⁴⁹³ *Латур-Мобур Жюст Понс Флоримон де Фай* (1781—1837), маркиз, французский дипломат при Наполеоне и в годы Реставрации.

⁴⁹⁴ *Кривцов Николай Иванович* (1791—1843), офицер, участник войны 1812 г., брат декабриста Сергея Ивановича Кривцова, чиновник Коллегии иностранных дел. В 1823—1827 гг. губернатор Тулы, Воронежа, Нижнего Новгорода.

⁴⁹⁵ *Людовик XV* (1710—1774), французский король из династии Бурбонов (с 1715 г.).

⁴⁹⁶ *Лавалетт Антуан Мари* (1769—1830), гр., французский политический деятель. Главный директор почт при Наполеоне I. Принимал деятельное участие в перевороте 18-го брюмера, был возведен Наполеоном в графское достоинство и остался верен императору до конца. После второй Реставрации Бурбонов приговорен к смертной казни. Бежал за границу. В 1822 г. был помилован и вернулся во Францию.

⁴⁹⁷ *Бертран Анри Грасьен* (1773—1814), гр., французский генерал, один из ближайших сподвижников Наполеона I, участник всех его военных походов. В 1814 г. был вместе с Наполеоном на о. Эльбе; участвовал в битве при Ватерлоо (1815). Делал изгнание Наполеона на о. Св. Елены.

⁴⁹⁸ *Бутягин Павел Степанович*, надворный сов., временно управляющий русским посольством в Париже в 1814 г., в период Венского конгресса.

⁴⁹⁹ *Лабедуайер* (Лабедойер) *Шарль Анжелик* (ум. 1815), французский полковник, командир Гренобльского полка. 7 марта 1815 г. вместе со своим полком перешел на сторону Наполеона и открыл ему ворота Гренобля. После «Ста дней» был судим и расстрелян.

⁵⁰⁰ *Флери де Шабулон Пьер Александр Эдуард* (1779—1835), бар. Был аудитором в Гос. совете, префектом в г. Реймсе. После возвращения Наполеона с о. Эльбы стал его личным секретарем. Во время Реставрации — руководитель одной из первых страховых компаний во Франции, затем государственный сов., с 1834 г. депутат. Автор *Mémoires pour servir à l'histoire de la vie privée, du retour et du règne de Napoléon en 1815* (Paris, 1819—1820) (Воспоминания, которые должны послужить источником для истории личной жизни, возвращения и царствования Наполеона в 1815 году. Париж, 1819—1820).

⁵⁰¹ *Арендт Николай Федорович* (1785—1859), врач, в 1805 г. окончил полный курс Петербургской медико-хирургической академии. Участвовал в походах против Наполеона I, получил звание главного врача русского оккупационного корпуса во Франции. Прославился как искусный хирург. В 1829 г. был назначен лейб-медиком. Оказывал помощь раненному на дуэли Пушкину.

⁵⁰² *Хвоцинский и Будницкий*, поручики — дополнительных сведений о них не найдено.

⁵⁰³ *Жеребцова Александра Петровна* — Волконский, видимо, ошибся. Имеется в виду О. А. Жеребцова (см. примеч. 483).

⁵⁰⁴ «*Беллерофонт*» — английский фрегат, который в составе английской эскадры в июле 1815 г. блокировал французское побережье, чтобы помешать Наполеону I бежать в Америку. 15 июля 1815 г. Наполеон, убедившись в тщетности дальнейшего сопротивления, прибыл на борт «Беллерофонта» и сдался английским властям.

⁵⁰⁵ После Лейпцигской битвы союзник Наполеона саксонский король Фридрих-Август I был объявлен военнопленным, а в Саксонии в окт. 1813 г. установлено временное управление во главе с ген.-губернатором, которым стал брат С. Г. Волконского кн. Н. Г. Репнин-Волконский. На Венском конгрессе вопрос о судьбе Саксонии, наряду с польским вопросом, стал объектом острой дипломатической борьбы. Россия поддерживала притязания Пруссии на Саксонию в обмен на уступки Пруссии в польском вопросе, в связи с чем в нояб. 1814 г. по указанию Александра I русские войска в Саксонии были смещены прусскими и Репнин передал управление прусской администрации. В мае 1815 г. на Венском конгрессе было достигнуто соглашение, в соответствии с которым саксонский король «уступил» Пруссии около половины своей страны. Поскольку раздел Саксонии мог задеть торговые интересы английской буржуазии, позиция русского правительства по саксонскому вопросу неоднократно подвергалась критике в парламенте.

⁵⁰⁶ Речь идет о героической обороне Севастополя в период Крымской войны 1853—1856 гг.

⁵⁰⁷ Ван-Эден, голландский садовник — других сведений о нем не обнаружено.

⁵⁰⁸ Гейсмар Федор Клементьевич (1783—1848), бар., ген. от кавалерии, ген.-адъютант. Родом из Пруссии. С 1805 г. на русской службе. Участник русско-турецкой кампании 1806—1812 гг. и войн с Наполеоном. Командовал частями, подавлявшими восстание Черниговского полка в 1825 г.

⁵⁰⁹ Поццо ди Борго Шарль Андре (Карл Осипович) (1768—1842), гр., ген.-майор (с июня 1813 г.), выходец с Корсики. На русской дипломатической службе с 1805 г. С 1814 г. русский посол в Париже. В военной кампании 1813—1814 гг. состоял при Бернадоте. Участник Венского конгресса.

⁵¹⁰ Веллингтон Артур Уэлси (1769—1852), герцог, английский полководец и государственный деятель. В войне против Наполеона командовал союзными войсками на Пиренейском полуострове. В битве при Ватерлоо вместе с Блюхером одержал победу, после чего вступил во Францию во главе союзных англо-голландских войск и занял Париж. В 1828—1830 гг. премьер-министр Англии. В 1834—1835 гг. министр иностранных дел.

⁵¹¹ 7 сент. 1815 г. «За отличное усердие и храбрость», оказанные при занятии города Шалон, Чернышев был удостоен «монаршей признательности и особенного благоволения, изъявленных в высочайшем рескрипте» (Рус. биогр. словарь. Спб., 1905. С. 299).

⁵¹² Волконский ошибается: Бертье выехал не в Барейт, а в Бамберг, где и окончил свои дни.

⁵¹³ По решению Венского конгресса в Италии было реставрировано уничтоженное Наполеоном в 1796 г. герцогство Моденское. На его престол под именем Франциска IV был возведен австрийский эрцгерцог Франц Эсте, отличавшийся жестокостью, самодурством и крайней реакционностью взглядов. Черты его характера и многие эпизоды его биографии Стендаль использовал при создании в «Пармском монастыре» образа вымышленного пармского принца Рануция Эрнеста IV.

⁵¹⁴ Здесь имеется в виду воцарение Наполеона во время «Ста дней». В исторической литературе под Второй империей подразумевается царствование Наполеона III (1852—1870).

⁵¹⁵ Брюс, англичанин — сведений о нем не найдено.

⁵¹⁶ Лавалетт Эмилия-Луиза (урожд. Богарне, ?—1855), дочь старшего брата первого мужа Жозефины Богарне. Чтобы спасти приговоренного к смерти мужа, Эмилия Лавалетт проникла к нему в тюрьму, поменялась с ним одеждой, что позволило Лавалетту спастись бегством. За это она подверглась заключению, в тюрьме сошла с ума.

⁵¹⁷ Когда перед маршалом Неем выстроился взвод, готовый его расстрелять, он крикнул им: «Солдаты, цельтесь в сердце!»

⁵¹⁸ Карно Лавар Никола Маргерит (1753—1823), французский государственный и военный деятель, публицист и математик. Член Директории (1795—1797). В 1800 г. был назначен Наполеоном I военным министром, но вскоре ушел в отставку. Во время «Ста дней» был министром внутренних дел. После Реставрации был изгнан из Франции, некоторое время жил в Варшаве, затем обосновался в Магдебурге.

⁵¹⁹ Даву Луи Никола (1770—1823), маршал Франции, участник

наполеоновских войн, военный министр во время «Ста дней».
⁵²⁰ 19 (31) марта 1814 г. союзники вступили в Париж. Вопрос о реставрации Бурбонов был решен.

⁵²¹ Импет (от англ. impetus) — порыв, натиск, наступательная сила.

⁵²² Парижский мирный договор между антифранцузской коалицией и Францией был подписан 20 нояб. 1815 г. Договор возвращал Францию к границам 1790 г., обязывал ее выплатить большую контрибуцию и предусматривал оккупацию части страны войсками союзников на срок от трех до пяти лет. Парижский мир как итог антинаполеоновских войн, в которых Россия принимала активное участие, способствовал укреплению ее авторитета в Европе. Парижский мирный договор 1815 г., завершивший Крымскую войну, в которой Россия потерпела поражение, наоборот, ослабил ее позиции в Европе и на Ближнем Востоке, приведя к дальнейшему обострению восточного вопроса.

⁵²³ *Сиверс Федор Федорович* (1748—1823), сенатор.

⁵²⁴ *Комбурлей Михаил Иванович* (1761—1821), волынский ген.-губернатор.

⁵²⁵ *Гижицкий Варфоломей Казтанович*, житомирский губернатор.

⁵²⁶ Вероятно, имеется в виду *Федор Карлович Корф* (1774—1823), бар., ген.-лейтенант. Участник антинаполеоновских войн. В 1812 г. командовал 2-м кавалерийским корпусом в армии Барклая де Толли, в 1813 г. — 2-м и 3-м кавалерийскими корпусами, позднее кавалерией Силезской армии. О Н. В. Кретове см. примеч. 272. *Генерал Засс* — неясно, о каком именно генерале Зассе идет речь.

⁵²⁷ *Олов*, обер-провиантмейстер — сведений о нем не найдено.

⁵²⁸ *Леонтьев Иван Сергеевич* (1781—1824), ген.-майор. Участник Отечественной войны 1812 г., где командовал дивизионом л.-гв. Конного полка; затем командир л.-гв. Кирасирского полка.

⁵²⁹ *Потоцкий Артур* (1787—1832), гр., офицер польских войск, был адъютантом Наполеона. Писатель, автор романа «Дмитрий Самозванец».

⁵³⁰ В марте 1818 г. Александр I, выступая на открытии Польского сейма, намекал на возможность введения представительных форм правления в России. В одном из писем к И. И. Дмитриеву Н. М. Карамзин после речи Александра в сейме писал, что «варшавские новости сильно действуют на умы молодые» (*Окунь С. Б. История СССР. 1796—1825. С. 341—342*).

⁵³¹ *Фейн*, колонист — сведений о нем не найдено.

⁵³² Вероятно, здесь Волконский ошибся и речь идет об Александре Григорьевиче Строганове. *А. Г. Строганов* (1795—1891), гр., ген.-адъютант, министр внутренних дел (1839—1841), военный губернатор Петербурга в 1854 г., с 1855 г. новороссийский и бесарабский губернатор.

⁵³³ *Волконская Елена Сергеевна* (в первом браке Молчанова, во втором — Кочубей, в третьем — Рахманова, 1835—1916), дочь декабриста.

⁵³⁴ *Ришелье Арман Жан дю Плесси* (1766—1822), герцог, французский государственный деятель. Во время Великой Французской революции эмигрировал в Россию. С 1803 г. градоначальник Одессы. В 1805—1814 гг. ген.-губернатор Новороссийского края. В 1814 г. вернулся во Францию, был министром в правительстве Людовика XVIII. Участник Венского конгресса.

⁵³⁵ *Картави*, торговец — сведений о нем не найдено.

⁵³⁶ Имеется в виду традиционная контрактная ярмарка («киевские контракты»), проходившая в крещение с 15 янв. по 15 февр., по которой торговля велась посредством заключения письменных контрактов (условий) на поставку товаров по образцам.

⁵³⁷ Волконский пишет эти строки в период нового подъема польского национально-освободительного движения, вылившегося в восстание 1863—1864 гг. Одним из требований Национального комитета, возглавлявшего это движение, было традиционное требование восстановления независимости Польши в границах 1772 г. (т. е. до первого раздела Польши).

⁵³⁸ *Оливар Густав Филиппович* (1798—1865), гр., киевский предводитель дворянства (1821—1825). Член Польского тайного общества. Привлекался по делу декабристов, но не был осужден. Автор стихотворных сборников и мемуаров.

⁵³⁹ *Потоцкая* (урожд. Свейковская) *Дельфина* (Эмилия); гр., жена *Мечислава Станиславовича Потоцкого*, брата жены П. Д. Киселева — *Софьи Станиславовны Киселевой*. Владелица имения в Тульчине.

⁵⁴⁰ *Пестель Павел Иванович* (1793—1826), полковник, командир Вятского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Адъютант П. Х. Витгенштейна. Основатель и идейный руководитель Южного общества декабристов. Республиканец, сторонник царевубийства. Автор программы южан «Русская правда». Осужден вне разрядов, приговорен к смертной казни. Казнен 13 июля 1826 г.

⁵⁴¹ *Юшневский Алексей Петрович* (1786—1844), ген.-интендант 2-й армии. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по I разряду и сослан в Сибирь. Умер на поселении в Сибири.

⁵⁴² *Фонвизин Михаил Александрович* (1787—1854), ген.-майор, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Адъютант генерала А. П. Ермолова. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Был осужден по IV разряду и сослан в Сибирь. Умер в с. Марьине Бронницкого уезда, в имении брата.

⁵⁴³ *Бурцов (Бурцев) Иван Григорьевич* (1794—1829), ген.-майор (с 1829 г.). Участник войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Адъютант начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева (с 1819 г.). Командир Украинского пехотного полка (с 1824 г.). Член Союза спасения и Союза благоденствия. Был привлечен к следствию по делу декабристов. После непродолжительного пребывания сначала в Петропавловской, а затем в Бобруйской крепостях переведен на службу на Кавказ. Смертельно ранен во время русско-турецкой войны.

⁵⁴⁴ *Аврамов (Абрамов) Павел Васильевич* (1790 или 1791—1836), полковник, командир Казанского пехотного полка, адъютант начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по IV разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в Сибири.

⁵⁴⁵ *Барятинский Александр Петрович* (1799—1844), кн., штаб-ротмистр л.-гв. Гусарского полка. С 1820 г. адъютант главнокомандующего 2-й армии П. Х. Витгенштейна. Декабрист, член Союза

благоденствия и Южного общества. Осужден по I разряду и приговорен к каторжным работам. Умер на поселении в Сибири.

⁵⁴⁶ *Кальм Федор Григорьевич* (1787—1839), ген.-майор. Участник антинаполеоновских войн и заграничных походов 1813—1814 гг. С июля 1825 г. командир 2-й бригады 19-й пехотной дивизии. Член Союза благоденствия, был арестован, но освобожден по высочайшему повелению.

⁵⁴⁷ *Вольф Фердинанд* (Христиан) *Богданович* (1796—1854), коллежский ассессор, штаб-лекарь Главной квартиры 2-й армии. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в Тобольске.

⁵⁴⁸ *Крюков Александр Александрович* (1793—1866), поручик Кавалергардского полка. Адьютант П. Х. Витгенштейна (1819 г.) Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и сослан в Сибирь. После амнистии последние годы жил в Брюсселе. *Крюков Николай Александрович* (1800—1854), поручик квартирмейстерской части. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и сослан в Сибирь. Умер на поселении.

⁵⁴⁹ *Бобрищев-Пушкин Николай Сергеевич* (1800—1871), поручик квартирмейстерской части 2-й армии. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по VIII разряду. После амнистии 1856 г. жил в Тульской губ., где и умер. *Бобрищев-Пушкин Павел Сергеевич* (1802—1865), поручик квартирмейстерской части 2-й армии. Декабрист, член Южного общества. Вместе с братом Николаем принимал активное участие в сокрытии рукописи «Русской правды». Осужден по IV разряду. Умер в Москве в доме Н. Д. Фонвизиной (вдовы И. И. Пущина).

⁵⁵⁰ *Лачинов Еадоким Емельянович* (1799—1875), поручик квартирмейстерской части 2-й армии. Декабрист, член Южного общества. Привлекался к военному суду при 2-й армии в Тирасполе. Сослан рядовым на Кавказ.

⁵⁵¹ *Заикин Николай Федорович* (1801—1833), подпоручик квартирмейстерской части 2-й армии. Декабрист, член Южного общества. Причастен к сокрытию «Русской правды» Пестеля. Осужден по VIII разряду. Сослан в Сибирь на поселение. Умер в Витиме Иркутской губ.

⁵⁵² *Ивашев Василий Петрович* (1797—1840), ротмистр Кавалергардского полка. Адьютант П. Х. Витгенштейна (с 1812 г.). Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в Туринске.

⁵⁵³ *Давыдов Василий Львович* (1793—1855), полковник в отставке. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Брат (по матери) Н. Н. Раевского (старшего). Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Вместе с Волконским возглавлял Каменскую управу. Осужден по I разряду, приговорен к каторжным работам. Умер на поселении в Красноярске.

⁵⁵⁴ *Давыдова Екатерина Николаевна* (урожд. Самойлова, 1750—1825), в первом браке за Н. С. Раевским, во втором — за Л. Д. Давыдовым, мать Н. Н. Раевского (старшего), А. Л., В. Л., П. Л. Давыдовых и их сестры С. Л. Бороздиной; владелица имения

Каменка Чигиринского уезда Киевской губ. Ко дню ее именин в Каменке приурочивались собрания членов Южного общества.

⁵⁵⁵ *Охотников Константин Алексеевич* (ок. 1789—1824), майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1821 г. переведен в 32-й егерский полк, привлекался по делу В. Ф. Раевского. Член Союза благоденствия, вел активную деятельность в его Кишиневской управе. С 1822 г. в отставке.

⁵⁵⁶ До 2 (14) июля 1812 г. М. Ф. Орлов имел чин поручика, затем штаб-ротмистр с назначением флигель-адъютантом.

⁵⁵⁷ *Дорохов Иван Семенович* (1762—1815), ген.-лейтенант. Герой Отечественной войны, во время которой командовал кавалерийской дивизией, затем отдельным партизанским отрядом. Одна из наиболее прославленных его операций — захват г. Вереи. Покинул армию после ранения в сражении при Малооярославце. Похоронен, согласно его завещанию, в Верее.

⁵⁵⁸ Капитуляция Парижа была подписана 18 (30) марта 1814 г. От имени союзников ее подписали М. Ф. Орлов и полковник Парр, адъютант кн. Шварценберга, с французской стороны — полковники Фавье и Дюсис. На следующий день Париж должен был быть очищен от французских войск. Последняя статья акта о капитуляции гласила: «Город Париж передается на великодушие союзных государей» (*Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа // России верные сыны. Л., 1988. Т. 2. С. 419—446*).

⁵⁵⁹ О представленном якобы М. Ф. Орловым Александру I адресе по поводу ликвидации крепостного права данных нет. Автор статьи «М. Ф. Орлов и его литературное наследие» С. Я. Боровой, упоминая об этом адресе, ссылается на свидетельство Волконского и заключает: «Этот документ до нас не дошел, и нет полной уверенности, что он вообще существовал» (*Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 281*). В. И. Семевский также считает, что Волконский в данном сообщении что-то напутал (*Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 393*). Иную точку зрения высказывает М. К. Азадовский. В статье «Затерянные и утраченные произведения декабристов», отмечая точность «Записок», он пишет: «Он мог ошибиться в деталях, но трудно представить, чтоб он мог допустить такую ошибку, какую ему приписывает Семевский». Азадовский предполагает, что Волконский в данном случае спутал только датировку «Записки» Орлова: на самом деле речь идет о действительно существовавшей, но не найденной «Записке», написанной Орловым в 1817 г. и предназначавшейся Александру I (ЛН. М., 1954. Т. 59. С. 628).

⁵⁶⁰ *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785—1864), гр., государственный деятель. Автор «Донесения Следственной комиссии», обвинительного доклада по делу декабристов. Министр внутренних дел (1832—1838). В 60-е гг. председатель Гос. совета и Комитета министров.

⁵⁶¹ *Ростовцев Яков Иванович* (1803—1860), гр., ген.-адъютант, ген. от инфантерии. При Александре II председатель Главного комитета по крестьянскому делу. В авг.—сент. 1858 г. написал Александру четыре письма, содержащие радикальный проект реформы с идеей полного освобождения крестьян с землей при помощи выкупа.

⁵⁶² *Лихарев Владимир Николаевич* (1800—1840), подпоручик

квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. В 1825 г. доверился провокатору Бошняку, который на основе его рассказов написал донос о готовящемся восстании. Осужден по VII разряду. В 1832 г. определен рядовым на Кавказ. Погиб в сражении с горцами при Валерике.

⁵⁶³ *Ентальцев Андрей Васильевич* (1788—1845), подполковник, командир 27-й конно-артиллерийской роты. Участник кампании 1806—1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по VII разряду и сослан в Сибирь. С 1828 г. на поселении сначала в Березове, затем в Ялutorовске, где и умер.

⁵⁶⁴ *Якушкин Иван Дмитриевич* (1793—1857), капитан в отставке. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия и Северного общества. Был осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер в Москве. Автор «Записок».

⁵⁶⁵ *Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863), полковник Генерального штаба, впоследствии ген.-лейтенант. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Основатель Союза спасения и член Союза благоденствия (до 1819 г.). Осужден по VI разряду и сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Участник Крымской войны 1853—1856 гг. В 1856—1861 гг. губернатор Нижнего Новгорода.

⁵⁶⁶ *Муравьев Никита Михайлович* (1795—1843), капитан Гвардейского генерального штаба. Декабрист, один из основателей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Автор проекта «Конституции». Осужден по I разряду и отправлен в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в с. Урик под Иркутском. *Муравьев Александр Михайлович* (1802—1853), корнет л.-гв. Кавалергардского полка. Декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по IV разряду. По указу 1832 г. был освобожден от каторжных работ, но добровольно остался в рудниках до окончания срока работ его брата Н. М. Муравьева. Жил на поселении в Урике. Умер в Тобольске, где служил чиновником в канцелярии губернского правления.

⁵⁶⁷ *Муравьев-Апостол Сергей Иванович* (1799—1826), подполковник Черниговского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Декабрист, один из основателей Союза спасения и Союза благоденствия, член Южного общества. Руководитель Васильковской управы. Возглавил восстание Черниговского полка. Осужден вне разрядов и приговорен к смертной казни. Казнен 13 июля 1826 г. *Муравьев-Апостол Матвей Иванович* (1793—1886), подполковник. Брат С. И. Муравьева-Апостола. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Декабрист, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия и Южного общества. Принимал участие в восстании Черниговского полка. Осужден по I разряду, отправлен в крепость Роченсальм, затем по высочайшему повелению обращен на поселение в Сибирь. Умер в Москве.

⁵⁶⁸ *Повало-Швейковский (Швейковский) Иван Семенович* (1787 или 1788—1845), полковник Саратовского пехотного полка. Участник войн 1805—1807 гг., русско-турецкой войны 1806—1812 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг.

Декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду и отправлен в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в Кургане.

⁵⁶⁹ *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович* (1801—1826), подпоручик Полтавского пехотного полка. Декабрист, активнейший член Южного общества. Возглавлял вместе с С. И. Муравьевым-Апостолом Васильковскую управу. Принимал участие в восстании Черниговского полка. Осужден вне разрядов и приговорен к смертной казни. Казнен 13 июля 1826 г.

⁵⁷⁰ *Тизенгаузен Василий Карлович* (1779 или 1780—1857), полковник, командир Полтавского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. Декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду и приговорен к каторжным работам на два года, затем обращен на поселение в г. Ялуторовск. В 1853 г. возвратился к родным в г. Нарву, где и умер.

⁵⁷¹ *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880), полковник. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. С 1818 г. назначен «находиться по особым поручениям» при петербургском ген.-губернаторе М. А. Милорадовиче. Поэт, публицист, историк. В 1819—1825 гг. председатель Вольного общества любителей российской словесности. Член Союза спасения и Союза благоденствия. Привлекался к следствию по делу декабристов. Был сослан в Петрозаводск под надзор полиции. Умер в Твери.

⁵⁷² *Поджио Александр Викторович* (1798—1873), подполковник (с 1823 г. в отставке). Декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Был в большой дружбе с семейством Волконских. Умер в имении Волконских Воронках Черниговской губ. *Поджио Иосиф Викторович* (1792—1848), штабс-капитан (с 1818 г. в отставке). Брат А. В. Поджио. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду. Восемь лет провел в Шлиссельбургской крепости, затем был отправлен на поселение в Сибирь, где жил вместе с братом в с. Усть-Куда Иркутской губ. Умер в Иркутске.

⁵⁷³ *Бибииков Илья Гаврилович* (1794—1867), ген.-майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. С 1818 г. адъютант вел. кн. Михаила Павловича. Член Союза благоденствия. Привлекался к следствию по делу декабристов, но после расследования освобожден. С 1849 г. ген.-адъютант. С 1852 г. ген. от артиллерии. В 1850—1855 гг. начальник Сев.-Зап. края.

⁵⁷⁴ *Непенин Андрей Григорьевич* (1782—1845), полковник, командир 32-го егерского полка. Участник русско-турецкой кампании, Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В 1818 г. отстранен от командования полком в связи с расследованием дела В. Ф. Раевского. Член Союза благоденствия. Привлекался по делу декабристов. Провел в Петропавловской крепости шесть месяцев, затем отставлен от службы и выслан из Петербурга. С 1835 г. разрешено постоянно жить в Москве.

⁵⁷⁵ *Шипов Сергей Павлович* (1789 или 1790—1876), ген.-майор. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. С 1821 г. командир л.-гв. Семеновского полка. Член Союза спасения и Союза благоденствия. На следствии свою принадлежность к обществу отрицал. 15 дек. 1825 г. получил звание ген.-адъютанта.

С 1843 г. ген. от инфантерии, впоследствии сенатор. *Шипов Иван Павлович* (1793—1845), полковник л.-гв. Преображенского полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Член Союза спасения и Союза благоденствия. У него на квартире происходило одно из заседаний Петербургского совещания 1820 г. Высочайше повелено оставить без внимания. 17 дек. 1825 г. следует назначение командиром л.-гв. Гренадерского полка. Впоследствии ген.-майор, участник подавления польского восстания 1831 г.

⁵⁷⁶ *Колошин Петр Иванович* (1794—1848), коллежский сов. в Департаменте внешней торговли. Член Союза спасения и Союза благоденствия, один из авторов «Зеленой книги». Привлекался к следствию по делу декабристов, но после допроса был освобожден. Впоследствии тайный сов. *Колошин Павел Иванович* (1799—1854), титулярный сов. Сов. Московского губернского правления. Член Союза спасения, Союза благоденствия и Московской управы Северного общества (1825). Привлекался к следствию по делу декабристов. Был уволен со службы и находился под строгим надзором полиции, без права проживания в обеих столицах.

⁵⁷⁷ *Долгоруков (Долгорукий) Илья Андреевич* (1797—1848), кн., полковник л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, адъютант вел. кн. Михаила Павловича. Член Союза спасения и Союза благоденствия. Следственный комитет собирал о его деятельности сведения, но к суду Долгоруков не привлекался. С 1844 г. ген.-лейтенант, с 1848 г. — ген.-адъютант.

⁵⁷⁸ *Муравьев Михаил Николаевич* (1796—1866), гр., подполковник в отставке. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Член Союза спасения и Союза благоденствия. После Московского съезда 1821 г. отошел от тайного общества. Следственным комитетом освобожден с оправдательным аттестатом. В 1863—1865 гг. военный губернатор Сев.-Зап. края. За жестокость при подавлении польского восстания в 1863 г. получил прозвище «вешатель» и титул графа; в 1866 г. председатель следственной комиссии по делу Д. В. Каракозова.

⁵⁷⁹ *Комаров Николай Иванович* (1796—1853), подполковник квартирмейстерской части при Главной квартире 2-й армии. Член Союза благоденствия. После Московского съезда 1821 г. прекратил свою деятельность в обществе. Арестован не был, но привлекался Следственным комитетом для дачи показаний. Сделал «подробные и чистосердечные» признания и был по величайшему повелению оправдан. В дальнейшем дослужился до чина действ. ст. сов.

⁵⁸⁰ *Меер Александр Мартьянович*, капитан Конно-егерского полка, адъютант гр. Ланжерона. По делу декабристов не проходил. Других сведений о нем не найдено.

⁵⁸¹ *Бухновский*, офицер путей сообщения — по делу декабристов не проходил. Данных о нем не найдено.

⁵⁸² *Трубецкой Сергей Петрович* (1790—1860), кн., полковник, дежурный штаб-офицер 4-го пехотного корпуса. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Стронник конституционной монархии. Был избран диктатором, но в момент восстания на Сенатскую площадь не явился. Осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер в Москве.

⁵⁸³ *Митьков Михаил Фотиевич* (1791—1849), полковник л.-гв. Финляндского полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и за-

граничных походов 1813—1814 гг. Декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в Красноярске.

⁵⁸⁴ Об этом см. во вступ. ст.

⁵⁸⁵ *Раевская Екатерина Николаевна* (1797—1885), дочь Н. Н. Раевского (старшего), сестра М. Н. Волконской, с 1821 г. жена М. Ф. Орлова.

⁵⁸⁶ *Раевский Александр Николаевич* (1795—1868), старший сын Н. Н. Раевского (старшего), полковник (в отставке с окт. 1824 г.). Участник Отечественной войны 1812 г. и граничных походов. После восстания 14 дек. 1825 г. был арестован вместе с братом, Н. Н. Раевским (младшим), полковником Харьковского драгунского полка, по подозрению в участии в тайном обществе. Следствие этого не подтвердило, оба были признаны невиновными и освобождены с оправдательным аттестатом. А. Н. Раевский имел большое влияние на всех членов своей семьи. После ареста С. Г. Волконского он пытался любыми средствами помешать Марии Николаевне отправиться вслед за мужем в Сибирь.

⁵⁸⁷ Н. И. Комаров действительно не был допущен на съезд как не коренной член общества, но это было лишь предлогом. И. Д. Якушкин пишет: «Было решено Комарова не принимать на наши совещания; ему уже тогда не очень доверяли» (*Якушкин*. С. 43). Он, так же, как и Волконский, присутствовал на общем заседании всех членов тайного общества, находившихся в Москве.

⁵⁸⁸ Относительно братьев Колошиных Волконский ошибается; на съезде никто из них не присутствовал. Петр И. Колошин, который делегатом не являлся, был приглашен лишь на общее совещание. Петербургскими депутатами на съезде были Н. И. Тургенев и Ф. Н. Глинка; от Кишиневской управы — М. Ф. Орлов и К. А. Охотников. Михаил Орлов не был председателем съезда; открывал его Н. И. Тургенев, и он же оповестил всех собравшихся на общее заседание о роспуске Союза благоденствия («Тургенев, как наш президент, объявил всем присутствующим, что Союз благоденствия больше не существует, и изложил пред ними причины его уничтожения» — *Якушкин*. С. 45).

⁵⁸⁹ Возможно, имело место и сообщение П. Х. Граббе о возникшем у бригадного генерала Васильчикова подозрении относительно существования некоего офицерского общества, о его распросах Граббе по этому поводу (*Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. С. 329).

⁵⁹⁰ Этим высказыванием Волконский не умаляет того значения, которое имел вопрос об истреблении царской фамилии в программе Южного общества, безоговорочно принятой им. Вероятно, здесь он хотел лишь подчеркнуть, что царубийство было не только частью программы, но и средством укрепления общества наиболее радикальными и преданными делу людьми.

⁵⁹¹ Общество соединенных славян создано в 1823 г. в Новоград-Волынске братьями Борисовыми и польским шляхтичем Ю. К. Люблинским. В политической программе общества, изложенной в «Катехизисе», основное место занимает идея единства славянских народов в борьбе с деспотизмом и крепостничеством. В сент. 1825 г. произошло объединение Общества соединенных славян с Южным обществом, хотя между ними продолжали оставаться разногласия по программным и тактическим вопросам.

⁵⁹² Тайным польским обществом являлось Патриотическое общество, основанное в 1821 г. с целью восстановления независимости Польши. В 1824 г. состоялась первая встреча представителей Патриотического и Южного обществ.

⁵⁹³ *Яблоновский Антон Станиславович* (1793—1855), кн., камергер. Деятель польского национально-освободительного движения, член Центрального комитета Патриотического общества. Был арестован, приговорен к 20 годам каторги, но помилован Николаем I за чистосердечные показания, благодаря которым было арестовано около 200 человек. Выслан в глубь России. Вторым представителем Польского патриотического общества, фамилию которого Волконский, вероятно, забыл, был *Анастасий Степанович Гродецкий*, помещик, дворянский заседатель Киевского главного суда.

⁵⁹⁴ *Черковский (Чарковский) Антоний* — киевский помещик, живший близ Умани. Член Польского тайного общества; арестован и доставлен в Петербург 29 марта 1826 г., вскоре отправлен в Варшаву.

⁵⁹⁵ *Раевская Мария Николаевна* (1805—1863), кн., жена С. Г. Волконского. Дочь Н. Н. Раевского (старшего) и *Софьи Алексеевны Раевской* (урожд. Константиновой), внучки М. В. Ломоносова.

⁵⁹⁶ *Якубович Александр Иванович* (1796 или 1797—1845), капитан Нижегородского драгунского полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Был секундантом на так называемой «четверной» дуэли между камер-юнкером *Александром Петровичем Завадовским* (1794—1826) и офицером Кавалергардского полка *Василием Васильевичем Шереметевым* (1794—1817). После того как был убит на поединке Шереметев, Якубович вызвал на дуэль секунданта Завадовского — А. С. Грибоседова — и прострелил ему руку. За участие в этой дуэли Якубович был сослан на Кавказ.

⁵⁹⁷ Летом 1824 г. Якубович приехал для операции в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию. В тайное общество он, вероятно, не вступил, но присутствовал на его заседаниях. Ему было поручено в день восстания занять Зимний дворец и арестовать царскую семью. Однако 14 дек. действовать по плану он отказался. Примкнув к восставшим, вел себя независимо. Его поведение до сих пор не находит окончательного объяснения. Некоторые меуаристы и исследователи высказывают предположение, что Якубович решил взять на себя роль парламентаря (*Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 133; Гордин Я. Мятеж реформаторов. Л., 1989. С. 335—367*). Осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер в Енисейске.

⁵⁹⁸ Сарматы — скотоводческие племена, которые жили в VI—IV вв. до н. э. между р. Тоболом и Волгой и вели завоевательные войны. В данном случае Волконский под «сарматскими попытками», вероятно, подразумевает притязания поляков на территориальные уступки со стороны России.

⁵⁹⁹ *Сьейес (Сийес) Эмманюэль Жозеф* (1748—1836), деятель Великой Французской революции. Участвовал в выработке Декларации прав человека и гражданина. После переворота 18 брюмера 1799 г. — один из консулов. В 1816—1830 гг. находился в изгнании.

⁶⁰⁰ *Тургенев Николай Иванович* (1789—1871), действ. ст. сов., управляющий III отделением канцелярии Министерства финансов. Член Союза благоденствия и один из руководителей Северного об-

щества. С 1824 г. жил за границей. После восстания декабристов заочно осужден по I разряду. Возмущение Волконского вызвал тот факт, что в книге, написанной в 1847 г. в Париже, «La Russie et les russes» (Россия и русские) Тургенев отрицал свое участие в обществе. Он писал: «Я докажу, что должен был отвечать только за свою принадлежность к Союзу благоденствия, что ни к какому другому обществу я никогда не принадлежал и что мне о таковых ничего не было известно» (Россия и русские. М., 1907. С. 131).

⁶⁰¹ *Пушкин Иван Иванович* (1798—1859), коллежский ассessor, судья Московского надворного суда. Лицейский товарищ А. С. Пушкина. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества. Участник восстания 14 дек. Осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер в Марьино Бронницкого уезда Московской губ.

⁶⁰² *Бошняк Александр Карлович* (1786—1831), херсонский помещик, уездный предводитель дворянства, агент гр. Витта. Автор одного из наиболее обстоятельных доносов на членов Южного общества (Красный архив. 1925. № 2. С. 195—225). Впоследствии был приставлен для слежки за Пушкиным. Вместе с Виттом участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. По одним сведениям, умер от горячки, по другим — убит за «вероломство».

⁶⁰³ *Владимир Николаевич Лихарев* был женат на *Екатерине Андреевне Бороздиной*, племяннице В. Л. Давыдова (дочери его сестры — Софьи Львовны).

⁶⁰⁴ *И. О. Витт* — сводный брат *Софьи Станиславовны Киселевой* (урожд. *Потоцкой*, 1801—1875) от первого брака их матери *Софьи Константиновны Клавоне* (1764—1822).

⁶⁰⁵ Об этом разговоре Киселева с Волконским рассказали в своих показаниях Давыдов и Лихарев (со слов самого декабриста). Волконский же категорически его отрицал, пытаясь отвести от друга какие-либо подозрения.

⁶⁰⁶ *Шервуд Иван Васильевич* (1798—1867), англичанин по происхождению, унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, впоследствии полковник. Автор доноса на декабристов (июль 1825 г.), за что указом Сената от 1 апр. 1826 г. повелено ему именоваться «Шервуд-Верный»; в этом же году утвержден герб Шервуда. Участвовал в подавлении польского восстания 1831 г. За ложный донос заключен в Шлиссельбургскую крепость, с 1851 г. состоял под секретным надзором. Далее речь идет о кн.: *И. В. Шервуд*. Из записок ген.-майора Б.-П. Берлин, 1860. Автор ее — генерал *И. В. Барк-Петровский*, в 1820-е гг. служивший управляющим полковым комитетом Украинского уланского полка, где, по его словам, он и познакомился с Шервудом. О ненадежности этой книги как источника свидетельствует *Н. Шилдер*, опубликовавший в «Историческом вестнике» в 1896 г. собственноручные записки Шервуда под названием «Исповедь Шервуда-Верного»: «Пользоваться для освещения его личности заграничною брошюрою «Шервуд» — из записок генерал-майора Б.-П.» нельзя, т[ак] к[ак] находящиеся в нашем распоряжении официальные документы, подтверждающие правдивость показаний Шервуда в его «Исповеди», опровергают рассказы неизвестного автора и окончательно подрывают веру во все, что он говорил о Шервуде» (Ист. вестник. 1896. Май. № 5. С. 509).

⁶⁰⁷ *Майборода Аркадий Иванович* (ок. 1800—1844), капитан Вятского пехотного полка, затем л.-тв. Гренадерского. На основе его

доноса, переданного Николаю I, в котором значилось 46 имен членов тайного общества (в том числе и Волконского), начались массовые аресты декабристов.

⁶⁰⁸ Гревс Алексей, командир 3-го Украинского уланского полка.

⁶⁰⁹ Вероятно, имеется в виду *Булгари Яков Николаевич* (отец декабриста). гр. (ум. 1828), действ. ст. сов. Жил в Белгороде и Харькове. В 1825 г. находился под следствием по делу об участии в восстании Ипсиланти. Член тайного греческого общества (Филики Этерия). Был арестован 24 дек. 1825 г. в Харькове. В 1826 г. освобожден с оправдательным аттестатом.

⁶¹⁰ *Вадковский Федор Федорович* (1800—1844), прапорщик Нежинского конно-егерского полка. С 1820 г. служил в Кавалергардском полку. За шутки по поводу императора и сочиненную им сатирическую песню был переведен в 1824 г. в Нежинский полк прапорщиком. Декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду и сослан в Сибирь на каторжные работы. Умер на поселении в с. Оёк Иркутской губ. Говоря об аресте Вадковского, Волконский ошибается: он был арестован по распоряжению И. И. Дибича в Курске лишь 11 дек. 1825 г., доставлен в Шлиссельбургскую крепость, а 21 дек. переведен в Петропавловскую крепость.

⁶¹¹ Сведений о брате Майбороды не найдено.

⁶¹² Об этом Волконский позднее написал стихотворный экспромт:

Трем собакам дали зов:
Шервуд верный,
Шервуд скверный
И Шервудкою без слов.
Кто Фиделькой величался,
Тот был псом, не огорчайся,
Вас обидели собаки
Зовом данным подлеца.
Вы хоть склонны с ним и к драке,
Но в нем чести нет столбца.

(ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 16, л. 17 об.).

⁶¹³ *Виллье Яков Васильевич* (ок. 1768—1854), баронет, по происхождению шотландец, с 1790 г. в России. С 1799 г. лейб-медик. В 1809—1838 гг. президент Медико-хирургической академии в Петербурге. В 1812—1814 гг. главный военно-медицинский инспектор русской армии.

⁶¹⁴ *Минкина (Шумская) Настасья Федоровна*, любовница гр. Аракчеева. За свою жестокость и издевательства была убита 10 сент. 1825 г. дворовыми крестьянами в с. Грузине (имение Аракчеева под Новгородом).

⁶¹⁵ К этому времени Александр I действительно имел сведения о существовании тайного общества. В конце нояб. 1820 г. был подан первый донос корнетом л.-гв. Уланского полка А. Н. Роновым. Вторым, в 1821 г., был донос М. К. Грибовского, члена Коренного совета Союза благоденствия, одновременно являвшегося руководителем тайной полиции в гвардии. Донос этот через Бенкендорфа был передан Александру I в конце мая 1821 г., после возвращения его из-за границы. В это же время информацию о тайном обществе он получил от командира Гвардейского корпуса генерала И. В. Васильчикова.

⁶¹⁶ *Корнилов Петр Яковлевич* (1770—1828), ген.-лейтенант.

Участник итальянского и швейцарского походов Суворова, кампании на Дунае в 1810 г. В 1812 г. командовал егерской бригадой в армии Торماسова, участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. В 1825 г. командир 19-й дивизии 2-й армии.

⁶¹⁷ Денщик Пестеля — *Савченко* — был глубоко преданным ему человеком. После ареста Пестеля был переведен в 33-й егерский полк. На допросах проявил удивительную стойкость, так и не выдав место, где хранились бумаги Пестеля.

⁶¹⁸ Вероятно, так шуточно называли в семье Расевских именные Болтышки.

⁶¹⁹ *Байков Иван Иванович* (ум. 1848), ген.-лейтенант. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. В чине полковника командовал 14-й артиллерийской бригадой. В 1825 г. дежурный генерал Главного штаба 2-й армии.

⁶²⁰ Волконский ошибается, «Русская правда» была зарыта близ Тульчина в с. Кириасовка (ВД. Т. 7. С. 73).

⁶²¹ В следственном деле Волконского говорится о двух письмах, полученных им от Бестужева-Рюмина и предназначавшихся членам Польского патриотического общества. В резюме следствия, составленном по показаниям Волконского, сказано, что «Бестужев-Рюмин вручил ему <...> два письма, одно к Чарковскому, рекомендательное, а другое к Гродецкому, коим требовал от поляков решительного ответа по его с ними сношениям; но он первое уничтожил, а последнее отослал к Пестелю» (ВД. Т. 10. С. 178). Первое письмо не интересовало следствие. По поводу же второго Волконский допрашивался дважды: 25 янв. и 7 мая 1826 г. Интерес следствия к этому письму был вызван тем, что, по словам Матвея Муравьева-Апостола, в нем поднимался вопрос об истреблении цесаревича Константина.

Показания Волконского об этом письме противоречивы: в янв. он утверждает, что узнал о содержании письма от Муравьева-Апостола, но настаивает на том, что о судьбе цесаревича там ничего не говорилось и что послал это письмо «на суд Пестелю» (там же, с. 132). На майском же допросе Волконский изменил свои показания и сообщил, что содержание письма ему не было известно, а само письмо он вернул Бестужеву-Рюмину (там же, с. 169). Причиной такого расхождения в показаниях, вероятно, было желание запутать следствие.

Многие ставят на свои места показания П. Пестеля, который допрашивался по этому вопросу еще ранее Волконского. Он сообщил следствию, что Волконский, «прочитав сию бумагу <...> представил оную Директории Южного края», которая и «истребила» ее (там же, т. 4, с. 116). Что же касается рассказа о письме в «Записках», то здесь, скорее всего, оба письма и их судьба за давностью лет в памяти декабриста слились воедино.

⁶²² *Орлов Алексей Петрович* (1761—1857), ген.-майор. В 1801—1802 гг. командир л.-гв. Казачьего полка, с 1802 г. в отставке.

⁶²³ Первенец Волконских *Николай* (Николино) родился 2 янв. 1826 г., умер 17 янв. 1828 г.

⁶²⁴ Волконский был отправлен в Петербург в сопровождении фельдгегера Тихонова, о чем свидетельствует в своих показаниях от 23 апр. 1826 г.: «<...> арестован 7 генваря и отправлен из Умани в С.-Петербург с фельдгегерем Тихоновым и прибыл в столицу 14-го генваря» (ВД. Т. 10. С. 109).

⁶²⁵ *Дурново Николай Дмитриевич* (1792—1828), ген.-майор, флигель-адъютант, управляющий канцелярией Главного штаба. Убит в 1828 г. под Варной.

⁶²⁶ *Щербатов Алексей Григорьевич* — см. примеч. 209.

⁶²⁷ Первое сообщение о событиях на Сенатской площади «Русский инвалид» опубликовал 19 дек. 1825 г. Следующая, более подробная информация об этом последовала в номере от 29 дек. Здесь было сказано, что «изобличены зачинщиками» происшедшего К. Рылеев, П. Каховский, Е. Оболенский, С. Трубецкой, И. Пушкин и др. — всего названы 33 фамилии. Скорее всего, в руки Волконского попал номер газеты от 7 янв., где более подробно рассказывалось о восстании на Сенатской площади, сообщалось о раскрытии правительством «ужасного» заговора и об учреждении Следственной комиссии с перечислением ее членов. Было также сказано: «Показания заговорщиков, явно обличенных, и открытие общества, которое несколько лет уже приготавливало переворотный взрыв, поставили оное [правительство. — А. Т., Н. К.] в горестную необходимость прибегнуть к многочисленным арестованиям». Видимо, это сообщение и запечателось в памяти декабриста, и его пересказ мы читаем в «Записках».

⁶²⁸ *Потапов Алексей Николаевич* (1772—1847), ген. от кавалерии, ген.-адъютант. Участник Отечественной войны 1812 г. С 1823 г. дежурный генерал штаба. Член Гос. совета. Член Следственного комитета по делу декабристов.

⁶²⁹ *Трубецкой Петр Иванович* (1789—1871), кн., ген. от кавалерии. В 1826 г. адъютант бар. Дибича. Впоследствии смоленский, а затем орловский военный губернатор.

⁶³⁰ *Басаргин Николай Васильевич* (1800—1861), поручик, старший адъютант начальника Главного штаба 2-й армии П. Д. Киселева. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и отправлен в Сибирь на каторжные работы. С 1836 г. на поселении в Туринске. Умер в Москве.

⁶³¹ *Леман Павел Михайлович* (1797—1860). Полковник Пермского пехотного полка. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Декабрист, член Южного общества (1825). Привлекался к следствию по делу декабристов, но осужден не был.

ПРИЛОЖЕНИЯ

К «Запискам С. Г. Волконского» даются два приложения. Одно из них — «Три предателя», — как уже было сказано выше, представляет собой, по-видимому, запись князем П. В. Долгоруковым устного рассказа декабриста. Оно было опубликовано в № 9 выходившей сначала в Брюсселе, затем в Лондоне газеты «Листок», одного из периодических изданий либерально-конституционного направления, которые выпускал за границей П. В. Долгоруков. Представитель одного из древнейших русских дворянских родов, он в 1859 г. эмигрировал из России, увезя с собой бесценные исторические документы, в дальнейшем широко использованные им в его публицистической деятельности. И хотя князь-эмигрант был личностью неоднозначной, в которой оппозиционность к деспотическому правлению Николая I сочеталась с неудовлетворенным честолюбием

знатнейшего из знатных (Долгоруков-Рюрикович считал свой род более знатным, чем род Романовых), его ценил А. И. Герцен за «рассекречивание прошлого», как справедливо отметил Н. Я. Эйдельман в своей книге «Герцен против самодержавия», т. е. разоблачение тех высших сфер, из которых он вышел.

Значительное место в деятельности П. В. Долгорукова занимало собирание материалов и документов, связанных с декабристами, и их публикация. Среди бумаг П. В. Долгорукова находился, в частности, почти полный список осужденных декабристов с подробными сведениями об их судьбе. Этот список, видимо, он и приложил к очерку «Три предателя». Второе приложение — это некролог С. Г. Волконского, написанный П. В. Долгоруковым, с предвещающим его вступительным словом А. И. Герцена.

В приложениях Долгоруков допустил неточности, некоторые из которых прокомментированы. Большинство же из них читатель легко обнаружит сам, сопоставив текст приложений с «Записками» декабриста.

Три предателя

Листок, издаваемый кн. Петром Долгоруковым.

Лондон, 1863. 6 июля

¹ Донос Майбороды и сообщение Витта Александру I были сделаны в разное время: Витт сообщил о заговоре 18 окт. 1825 г., а Майборода отправил свой донос в Таганрог 25 нояб., не зная еще о смерти императора.

² *Лорер Николай Иванович* (1797 или 1798—1873), майор Вятского пехотного полка. Декабрист, член Северного и Южного обществ. Осужден по IV разряду и приговорен к 12 годам каторжной работы, срок сокращен до 8 лет. С 1832 г. на поселении в г. Кургане. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ в Тенгинский полк, дослужился до прапорщика. В 1842 г. уволен от службы. Жил в имении брата в Херсонской губ. Умер в Полтаве.

³ Правильно альгвасил (*исп.*) — стражник.

⁴ *Толпыго*, подполковник Украинского пехотного полка, назначенный вместо Пестеля командиром Вятского пехотного полка.

⁵ Последовательность передвижения в эти дни (13—14 дек.) Чернышева и Киселева более точно изложена в их рапорте Витгенштейну от 20 дек. 1825 г. В нем они сообщают, что 13 дек., послав за Майбородой, они отправились из Тульчина в Линцы. Посланец, отыскав Майбороду в г. Махновке, привез его также в Линцы. Окружив дом Пестеля «секретным надзором так, чтобы никто не мог ничего вынести», допросив Майбороду, «приступили к сторожайшему осмотру для отыскания бумаг, касающихся до цели и плана тайного общества» (*ВД. Т. 4. С. 34*). Что касается ареста Лорера, то Волконский допустил здесь неточность: Лорер был арестован в Тульчине 23 дек. *Давыденков*, майор, старший адъютант при штабе 2-й армии.

⁶ *Паскевич (Паскевич-Эриванский) Иван Федорович* (1782—1856), ген.-фельдмаршал. В 1827—1830-х гг. наместник на Кавказе.

⁷ *Слепцов Николай Сергеевич* (1798—1831), ротмистр л.-гв. Гусарского полка, адъютант гр. А. И. Чернышева. Участвовал в подав-

лении польского восстания. Умер от ран, полученных под Варшавой. Жена — кн. Е. П. Шаховская, сестра декабриста.

⁸ См. примеч. 606.

⁹ Жена А. Л. Давыдова (с 1804 г.) — *Азляя Антоновна* (урожд. де Грамон, 1787—1842), дочь *Антуана Луи Мари де Грамона* (1755—1836), герцога, французского генерала, участника Великой Французской революции, пара Франции.

¹⁰ *Аврамов Иван Борисович* (1802—1840), поручик квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду, приговорен в каторжную работу в Сибирь. По окончании срока в 1828 г. обращен на поселение в Туруханск. Занимался торговлей. Умер в д. Осиново, следуя из Туруханска в Енисейск на судне с товарами.

¹¹ Здесь в публикации ошибка: третья жена Н. В. Басаргина с 1847 г. — *Ольга Ивановна Медведева* (урожд. Менделеева, р. 1814), сестра Д. И. Менделеева.

¹² М. П. Бестужев-Рюмин погиб 25 лет от роду.

¹³ *Арсеньев Александр Николаевич*, тульский губернский предводитель дворянства — дополнительных сведений не найдено.

¹⁴ *Булгари Николай Яковлевич* (1805—1841), гр. Поручик Кирасирского полка. Декабрист, член Южного общества (с 1825 г.). Осужден по VII разряду в крепостную работу. Отбывал наказание в Динабургской крепости. После отбытия наказания поступил на военную службу рядовым. Дослужился до чина поручика. В 1835 г. переводчик в таможне в Керчи. С 1839 г. жил в Ревеле.

¹⁵ *Враницкий Василий Иванович* (1785 или 1786—1832), полковник квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. Осужден по VIII разряду и приговорен к ссылке на поселение навечно. Был поселен в г. Пелыме, откуда 16 авг. 1830 г. переведен в Ялуторовск, где и скончался.

¹⁶ В. Л. Давыдов состоял в браке с *Александрой Ивановной Потаповой* (1802—1895), дочерью губернского секретаря.

¹⁷ *Загорецкий Николай Александрович* (1797—1885), поручик квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на два года, срок сокращен до одного года. В апр. 1828 г. обращен на поселение в слободу Витим Иркутской губ., затем в с. Буреть. С янв. 1838 г. — на военной службе, с которой был уволен в 1845 г. С 1847 г. служил по ведомству Министерства государственных имуществ, затем уполномоченным казны по размежеванию земель в Тульской губ.

¹⁸ *Ивашева Камилла Петровна* (урожд. Ле-Дантю, 1808—1839), приехала к В. П. Ивашеву не в Читу, а в Петровский завод в 1831 г., где 16 сент. состоялась их свадьба. Умерла на поселении в Туринске во время родов.

¹⁹ *Корнилович Александр Осипович* (1800—1834), штабс-капитан Гвардейского генерального штаба, историк, литератор. Декабрист, член Южного общества (с 1825 г.). Участвовал в подготовке восстания 14 дек. 1825 г. Осужден по IV разряду, приговорен к каторжным работам на 12 лет. 9 марта 1827 г. доставлен в Читинский острог, но через год — в февр. 1828 г. возвращен в Петербург. Причиной этого явилась записка Ф. В. Булгарина, поданная им в III отделение, на запрос, имеют ли иностранные державы влияние на политический образ мыслей в России. В этой записке

было названо имя Корниловича, как человека, состоявшего в близких отношениях с австрийским послом бароном Лебцельтерном. Привезенный в Петербург Корнилович был заключен в Петропавловскую (а не в Шлиссельбургскую) крепость, в которой находился до 1832 г., когда в связи с общим сокращением срока заключения для декабристов был отправлен рядовым на Кавказ, в Ширванский пехотный полк. Умер на Кавказе.

²⁰ Жена Н. А. Крюкова (гражд. брак с 1842 г., обвенчаны в 1853 г.)—*Марфа Дмитриевна Сайлотова* (урожд. Чотушкина, ок. 1811—1868), дочь хакаса и русской крестьянки, до этого была кухаркой у декабристов братьев Беляевых.

²¹ Жена А. А. Крюкова (гражд. брак с 1841 г., обвенчаны в 1853 г.)—*Анна Николаевна Якубова* (урожд. Киве, р. ок. 1817), крестьянка, сосланная на поселение в Сибирь.

²² Жена В. Н. Лихарева (с 1825 г.)—*Екатерина Андреевна Бороздина*, дочь сенатора А. М. Бороздина, вторично вышла замуж в 1836 г. за Льва Шостака.

²³ М. И. Муравьев-Апостол был поселен в Вилюйске Якутской губ., по просьбе сестры переведен в Бухтарминскую крепость Омской губ. (1829). В 1836 г. переведен в Ялуторовск (в Семипалатинске не жил). Его жена (с 1832 г.)—*Мария Константиновна Константинова* (1810—1883), дочь священника.

²⁴ *Муравьев-Апостол Ипполит Иванович* (1806—1826), прапорщик квартирмейстерской части. Младший брат Сергея и Матвея Муравьевых-Апостолов. Декабрист, член Северного общества. Участник восстания Черниговского полка. Раненный в руку, он, не желая сдаваться в плен, застрелился.

²⁵ *Муравьев Артамон Захарович* (1793—1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка. Декабрист, член Союза спасения, Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по I разряду и приговорен в каторжные работы навечно, затем срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен на поселение в с. Елань Иркутской губ., потом переведен в с. Малая Разводная, где и умер. Был женат на *Горяиновой Вере Алексеевне* (1790—1867).

²⁶ *Норов Василий Сергеевич* (1793—1853), отставной подполковник. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 15 лет, затем срок сокращен до 10 лет. 12 окт. 1827 г. отправлен из Шлиссельбургской крепости в Бобруйск. В февр. 1835 г. определен рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон. Уволен от службы 1 янв. 1838 г., поселился в имении отца в Московской губ. В 1841 г. переехал в Ревель.

²⁷ Жена А. В. Поджио (с 1852 г.)—*Лариса Андреевна Смирнова* (1823—1892), классная дама Иркутского девичьего института.

²⁸ Жена И. В. Поджио (вторая, с 1825 г.)—*Марья Андреевна Бороздина*, дочь сенатора А. М. Бороздина, который не разрешил ей разделить участь мужа. Во втором браке за кн. *Александром Ивановичем Гагариным* (1801—1857), подпоручиком л.-гв. Конной роты, адъютантом новороссийского ген.-губернатора М. С. Воронцова, вместе с ним переехала на Кавказ. В конце 1840-х гг. А. И. Гагарин был назначен кутаисским военным губернатором, с 1857 г.—ген.-губернатор. Во время столкновения в Сванетии владетельных князей Дадешкилиани с русской администрацией из-за власти был

смертельно ранен кн. Константином Дадешкилиани, за что последний был расстрелян.

²⁹ *Поливанов Иван Юрьевич* (1798 или 1799—1826), отставной полковник л.-гв. Кавалергардского полка. Декабрист, член петербургской ячейки Южного общества. Осужден по VII разряду и приговорен к каторжным работам на два года, срок сокращен до одного года. Умер в Военно-сухопутном госпитале, куда был доставлен из Петропавловской крепости.

³⁰ *В. К. Тизенгаузен* был возвращен из Сибири не в 1855, а в 1853 г. *Суворов Александр Аркадьевич* (1804—1882), корнет л.-гв. Конного полка. Внук полководца А. В. Суворова. Был арестован по подозрению в участии в тайном обществе. Освобожден по высочайшему повелению и отправлен на Кавказ. Участник подавления польского восстания. С 1846 г. ген.-адъютант, с 1848 г. ген.-губернатор Прибалтийского края; член Гос. совета с 1861 г., с этого же года санкт-петербургский военный ген.-губернатор. С 1866 г. генерал-инспектор всей пехоты.

³¹ *Фаленберг Петр Иванович* (1791—1873), подполковник квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду и приговорен к каторжным работам на 12 лет, срок сокращен до 8 лет. В 1832 г., после окончания срока, поселен в с. Шушенском. После освобождения выехал в Ригу (9 февр. 1859 г.), а затем поселился в с. Иванковцы Подольской губ. Умер в Белгороде. Первая жена Фаленберга — *Евдокия Васильевна Раевская* (1803—1857), после его осуждения вышла замуж за П. М. Налбухина.

³² *Фохт Иван Федорович* (1794—1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка. Декабрист, член Южного общества (с 1824 г.). Осужден по VIII разряду и приговорен в ссылку в Сибирь на вечное поселение. Срок сокращен до 20 лет. Отправлен в г. Березов Тобольской губ., оттуда в 1829 г. переведен в Курган, где и умер.

³³ *Черкасов Алексей Иванович* (1799—1855), бар., поручик квартирмейстерской части. Декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на два года. Срок сокращен до одного года. После окончания срока в апр. 1828 г. поселен в г. Березове Тобольской губ., затем переведен в Ялуторовск. В 1837 г. определен рядовым на Кавказ. Уволен со службы прапорщиком в 1843 г.

³⁴ *Юшневская Мария Казимировна* (урожд. Круликовская, 1790—1863), жена А. П. Юшневского, приехала в Петровский завод в авг. 1830 г. После смерти мужа, последовавшей в 1844 г., еще более 10 лет не получала разрешения на возвращение в Европейскую Россию. Только в июле 1855 г. ей дозволено было вернуться в принадлежавшее ей имение в Киевской губ. Умерла в Киеве.

³⁵ *Борисов Андрей Иванович* (1798—1854), отставной подпоручик. Вместе с братом был основателем Общества соединенных славян. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно. 22 авг. 1826 г. срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен на поселение сперва в с. Подлопатки Иркутской губ., а затем — в д. Малую Разводную.

Брат его, *Петр Иванович* (1800—1854), подпоручик 8-й артиллерийской бригады, разделил судьбу брата. Их трагический конец описан в данной публикации верно.

³⁶ А. И. Якубович был на поселении в д. Большой Разводной, затем переведен в с. Назимово Анцыферовской волости Енисейской губ. Умер в г. Енисейске в больнице.

³⁷ *Панов Николай Алексеевич* (1803—1850), поручик л.-гв. Гренадерского полка. Декабрист, член Северного общества, участник восстания на Сенатской площади. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно. Срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен на поселение в с. Михайловское Иркутской губ., в 1844 г. разрешено переехать в с. Урик. Умер в Иркутске.

³⁸ *Сутгоф Александр Николаевич* (1801—1872), поручик л.-гв. Гренадерского полка. Декабрист, член Северного общества (с 1825 г.), участник восстания на Сенатской площади. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно, затем срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен на поселение в слободу Введенщину Иркутской губ., оттуда переселен в с. Куда той же губ., а в 1842 г. в д. Малую Разводную. В 1848 г. определен рядовым в Кавказский военный корпус. Дослужился до чина капитана. Умер в Боржоми.

³⁹ *Быстрицкий Андрей Андреевич* (ок. 1799—1872), подпоручик Черниговского пехотного полка. Участник восстания Черниговского полка. Военным судом при Главной квартире 1-й армии в Могилеве приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь в каторжные работы без указания срока. Каторгу отбывал в Чите и Петровском заводе. В 1839 г. обращен на поселение в с. Хомутово Иркутской губ. После амнистии поселился в Могилеве.

⁴⁰ Здесь Долгоруков излагает имевшую распространение в те годы версию о том, что ряд антиправительственных произведений Лунина, написанных в Сибири, уже при его жизни был опубликован за границей (в Париже, Лондоне и даже в Нью-Йорке), и именно эти заграничные издания, попавшие в руки царского правительства, послужили причиной «изгнания в изгнание» Лунина. Однако факты противоречат этой версии. На самом деле причиной ссылки Лунина в Акатуй явилось то, что в распоряжении правительства оказалась подлинная рукопись лунинского «Взгляда на русское Тайное общество с 1816 до 1826 года», которая свидетельствовала об активной антиправительственной деятельности сосланного декабриста (*Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л., 1985. С. 228—252*). Действиям Н. М. Муравьева после ареста Лунина документального подтверждения не найдено.

⁴¹ *Муханов Петр Александрович* (1800—1854), штабс-капитан л.-гв. Измайловского полка. Декабрист, член Союза благоденствия, знал о существовании Южного и Северного обществ, но сведений о его принадлежности к ним не имеется. Осужден по IV разряду и приговорен к 12 годам каторги, срок сокращен до 8 лет. В 1832 г. обращен на поселение в Братский острог Нижнеудинского округа Иркутской губ., откуда в 1842 г. переведен по ходатайству матери в Усть-Куду. Умер в Иркутске.

⁴² *Одовский Александр Иванович* (1802—1839), кн., корнет л.-гв. Конного полка. Поэт. Декабрист, член Северного общества (с 1825 г.), участник восстания на Сенатской площади. Осужден по IV разряду и приговорен к 12 годам каторги. Срок сокращен до 8 лет. В 1832 г. обращен на поселение в Тельминскую казенную фабрику, затем переведен в с. Елань Иркутской губ. В 1836 г. переселился в Ишим Тобольской губ. В 1837 г. определен рядовым в

Кавказский отдельный корпус. Умер во время экспедиции на восточное побережье Черного моря.

⁴³ *Трубецкая Екатерина Ивановна* (урожд. Лаваль, 1800—1854), гр., последовала за мужем в Сибирь, первая из жен декабристов прибыла в Благодатский рудник (в нояб. 1826 г.). Умерла в Иркутске, похоронена, так же как П. А. Муханов и Н. А. Панов, в Знаменском монастыре. Могила И. В. Поджио находится на б. Иерусалимском кладбище в Иркутске.

⁴⁴ *Пестов Александр Семенович* (1802—1833), подпоручик 9-й артиллерийской бригады. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по I разряду и приговорен к каторжным работам навечно. Затем срок сокращен до 20 лет. Умер в Петровском заводе.

⁴⁵ *Муравьева Александра Григорьевна* (урожд. Чернышева, 1804—1832), последовала за мужем в Сибирь, прибыла в Читу в февр. 1827 г. Умерла и похоронена в Петровском заводе.

⁴⁶ *Спиридов Михаил Матвеевич* (1796—1854), майор Пензенского пехотного полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно; срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен на поселение в Красноярск, умер в д. Дрокино близ Красноярска. Похоронен в с. Емельянове.

⁴⁷ *Краснокутский Семен Григорьевич* (1787 или 1788—1840), действ. ст. сов., обер-прокурор в I отделении 5-го департамента Сената. Декабрист, член Союза благоденствия и Южного общества, участник подготовки восстания на Сенатской площади. Осужден по VIII разряду и приговорен к ссылке на поселение на 20 лет. Отправлен в Якутск, затем переведен сперва в Витим, Минусинск, позднее в Тобольск, где и умер.

⁴⁸ *Бриген Александр Федорович фон дер* (1792—1859), отставной полковник. Декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на два года. Срок сокращен до одного года. Поселен в г. Пельме Тобольской губ., в 1836 г. переведен в Курган. Умер в Петербурге.

⁴⁹ *Нарышкин Михаил Михайлович* (1798—1863), полковник Тарутинского пехотного полка. Декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества. Осужден по IV разряду и приговорен в каторжную работу на 12 лет, срок сокращен до 8 лет. В 1833 г. обращен на поселение в г. Курган. В 1837 г. определен рядовым в Кавказский корпус. Умер в Москве.

⁵⁰ *Свистунов Петр Николаевич* (1803—1889), корнет л.-гв. Кавалергардского полка. Декабрист, член Петербургской ячейки Южного общества, участвовал в деятельности Северного общества. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. Обращен на поселение в с. Идинское Иркутской губ. В 1837 г. переведен в Курган. Умер в Москве.

⁵¹ *Кюхельбекер Вильгельм Карлович* (1797—1846), отставной коллежский асессор, литератор, лицейский товарищ Пушкина. Декабрист, член преддекабристской организации «Священная артель» и Северного общества. Активный участник восстания на Сенатской площади. Осужден по I разряду и по конфирмации 10 июля 1826 г. приговорен в каторжную работу на 20 лет. До 1836 г. содержался в крепостях: Кексгольмской, Шлиссельбургской, Динабургской, Свеа-

боргской. В 1836 г. обращен на поселение в г. Баргузин Иркутской губ., затем переведен в Акшинскую крепость, далее в Курган. В 1846 г. отправился для лечения в Тобольск, где скончался.

⁵² *Оболенский Евгений Петрович* (1796—1865), кн., поручик л.-гв. Финляндского полка. Декабрист, член Союза благоденствия и Северного общества, участник восстания на Сенатской площади. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно. Срок сокращен до 20 лет. После отбытия каторги в 1839 г. обращен на поселение в с. Итанцы Иркутской губ. (а не в Ятангу, как пишет издатель «Листка»), затем переведен в Туринск, оттуда в Ялуторовск. С 1856 г. жил в Калуге.

⁵³ *И. И. Пущин* был на поселении в г. Туринске и лишь с 1843 г.— в Ялуторовске.

⁵⁴ *Лисовский Николай Федорович* (1802—1844), поручик Пензенского пехотного полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по VII разряду и приговорен в каторжную работу на два года. Затем срок сокращен до одного года. В 1828 г. обращен на поселение в г. Туруханск. Вместе с И. Б. Аврамовым занимался торговыми делами. Умер скоропостижно, будучи по торговым делам на Толстом Носу на Енисее. Подтверждения версии об отравлении не найдено.

⁵⁵ *Бестужев Николай Александрович* (1791—1855), капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа. Литератор и художник. Декабрист, член Северного общества, активный участник восстания на Сенатской площади. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу навечно. Срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. обращен (вместе с братом Михаилом) на поселение в г. Селенгинск, где и умер. Создал портретную галерею декабристов.

⁵⁶ *Торсон Константин Петрович* (1793—1851), капитан-лейтенант, адъютант начальника Морского штаба. Декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. В 1835 г. обращен на поселение в Акшинскую крепость Иркутской губ., в 1837 г. переведен в Селенгинск.

⁵⁷ *Мозгалецкий Николай Осипович* (1801—1844), младший офицер 3-й мушкетерской роты Саратовского полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по VIII разряду и приговорен к ссылке на поселение навечно. С 1839 г. проживал в Минусинске.

⁵⁸ *Тютчев Алексей Иванович* (1801 или 1802—1856), капитан Пензенского пехотного полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. В 1835 г. обращен на поселение в с. Курагино Енисейской губ., где и умер.

⁵⁹ *Кюхельбекер Михаил Карлович* (1798—1859), лейтенант Гвардейского экипажа. Членом тайного общества не был, но участвовал в восстании на Сенатской площади. Осужден по V разряду и приговорен в каторжную работу на 8 лет, срок сокращен до 5 лет. В 1831 г. обращен на поселение в г. Баргузин Иркутской губ., здесь и похоронен.

⁶⁰ *Громнитский (Громницкий) Петр Федорович* (1803—1851), поручик Пензенского пехотного полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. В 1835 г. об-

ращен на поселение в с. Бельское Иркутской губ. Читал и переписывал сочинения М. С. Лунина, за что был отдан под особый надзор местной полиции. Умер в госпитале Иркутского солеваренного завода в с. Усолье, где и был похоронен.

⁶¹ *Сухинов Иван Иванович* (1795 или 1797—1828), поручик Александрийского полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Участник восстания Черниговского полка. Военным судом при Главной квартире 1-й армии в Могилеве приговорен к смертной казни четвертованием, замененной ссылкой в каторжные работы навечно. За попытку организовать восстание каторжников в Зерентуйском руднике приговорен к наказанию 300 ударами кнутом, клеймению и смертной казни. Не дожидаясь исполнения приговора, покончил жизнь самоубийством.

⁶² *Глебов Михаил Николаевич* (1804—1851), коллежский секретарь, помощник письмоводителя при управляющем Гос. комиссией погашения долгов. Членом тайного общества не был, но участвовал в восстании на Сенатской площади. Осужден по V разряду и приговорен в каторжную работу на 10 лет, срок сокращен до 6 лет. В 1832 г. обращен на поселение в с. Кабанское Иркутской губ. Умер там же. По официальным сведениям, был избит и отравлен унтер-офицером Кабанской этапной команды Ильей Жуковым и крестьянкой Натальей Юрьевой.

⁶³ *Рылеев Кондратий Фдорович* (1795—1826), правитель дел канцелярии Российско-Американской компании. Поэт. Декабрист, член Северного общества, с конца 1824 г.—его фактический руководитель. Возглавил подготовку восстания 14 дек. 1825 г. Осужден вне разрядов. Казнен 13 июля 1826 г.

⁶⁴ *Репин Николай Петрович* (1796—1831), штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка. Декабрист, член Северного общества. Осужден по V разряду и приговорен в каторжную работу на 8 лет, срок сокращен до 5 лет. В 1831 г. обращен на поселение в с. Верхоленское Иркутской губ.,

Андреев Андрей Николаевич (1803 или 1804—1831), подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Декабрист, член Северного общества (с 1825 г.). Осужден по VIII разряду и приговорен к ссылке навечно, срок сокращен до 20 лет. При переезде из г. Олекминска, где он отбывал ссылку, на новое место поселения, в г. Верхнеудинск, остановился в с. Верхоленском у Н. П. Репина. Оба погибли во время пожара в ночь на 28 сент. 1831 г.

⁶⁵ *Бечаснов (Бечасный) Владимир Александрович* (1802—1859), прапорщик 8-й артиллерийской бригады. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно. Срок сокращен до 20 лет. После амнистии остался в Сибири, умер в Иркутске.

⁶⁶ *Завалишин Дмитрий Иринархович* (1804—1892), лейтенант 8-го флотского экипажа. Участие его в тайном обществе не доказано. Осужден по I разряду и приговорен в каторжную работу навечно, срок сокращен до 20 лет. Был на поселении в Чите. Здесь остался и после амнистии. Выступал в сибирских журналах против ген.-губернатора Вост. Сибири Н. Н. Муравьева, за что в 1863 г. был выслан в Казань; затем получил разрешение переехать в Москву, где и умер.

⁶⁷ Здесь ошибка. Фаленберг в 1859 г. выехал в Ригу, затем поселился в с. Иванковцах Подольской губ.

⁶⁸ *Фролов Александр Филиппович* (1804—1885), подпоручик Пензенского пехотного полка. Декабрист, член Общества соединенных славян. Осужден по II разряду и приговорен в каторжную работу на 20 лет, срок сокращен до 15 лет. После амнистии поселился в 1858 г. в Керчи, а в 1879 г. переехал в Москву.

⁶⁹ *Ентальцева Александра Васильевна* (урожд. Лисовская, 1790—1858), приехала к мужу в Читинский острог в мае 1827 г. Вернулась из Сибири после манифеста об амнистии, умерла в Москве.

⁷⁰ *Самойлов Александр Николаевич* (1751—1814), гр., генерал-прокурор, действ. тайный сов., брат Е. Н. Давыдовой, дядя Н. Н. Раевского (старшего).

⁷¹ *Давыдов Лев Денисович* (1743—1801), второй муж Е. Н. Давыдовой (урожд. Самойловой), отец братьев Давыдовых.

⁷² *Давыдов Петр Львович* (1782—1842), ген.-майор, тайный сов. (с 1818 г.), камергер, сводный брат Н. Н. Раевского (старшего), брат А. Л. и В. Л. Давыдовых.

⁷³ *Вадковский Александр Федорович* (р. ок. 1801), подпоручик 17-го егерского полка. Декабрист, член Южного общества (с 1823 г.). Привлекался по делу декабристов, но после четырехмесячного пребывания в Петропавловской крепости был переведен в Моздокский гарнизон. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

⁷⁴ Здесь неточность: Ф. Ф. Вадковский был арестован в Курске 11 дек. 1825 г., в то время как Александр I умер 19 нояб. 1825 г. Предписание об аресте Вадковского и его заключении в Шлиссельбургскую, а затем Петропавловскую крепость подписано начальником Главного штаба И. И. Дибичем 9 дек. 1825 г.

⁷⁵ *Ярошинский, помещик Подольской губ.*, поступил в Шлиссельбургскую крепость 1 янв. 1836 г. «за буйство против местного начальства, правительства и верховной власти в выражениях и поступках». Умер 6 дек. 1836 г. в крепости (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 2. 1825—1870. С. 401).

⁷⁶ *Бок Тимофей Эбергард* (Егорович) (1787—1834), полковник, флигель-адъютант, ливонский конституционалист. В 1818 г. представил Александру I записку о создании представительного дворянского органа при русском монархе, за что и был заточен в Шлиссельбургскую крепость. Там он лишился рассудка и в 1828 г. был освобожден.

⁷⁷ О доносе на И. Б. Пестеля, отца декабриста, сведений не найдено.

⁷⁸ О деле братьев Баташовых, И. А. Баташове, ген.-адъютанте А. Д. Балашове и Шервуде подробно см.: *Троцкий И.* III отделение при Николае I: Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. С. 186—193.

И. В. Шервуд (см. примеч. 606 к «Запискам») за ложный донос был заключен не в Петропавловскую, а в Шлиссельбургскую крепость. После освобождения он с 1851 г. состоял под секретным надзором и жил в собственной деревне в Смоленском уезде. Освобожден от надзора 30 июля 1856 г., умер в Петербурге, похоронен в Москве. Публикация в «Листке» появилась еще при жизни Шервуда.

¹ Вступительное слово, предваряющее некролог, в «Колоколе» не подписано. Однако его автора, А. И. Герцена, установить не сложно. Строки вступления — это фрагмент одного из его «Писем к будущему другу», опубликованных в 1864 г.

² Здесь Герцен имеет в виду время от казни декабристов на Кронверкской куртине в Петропавловской крепости в 1826 г. до жестокого подавления царским правительством польского восстания 1863 г.

³ Действительно, Волконский принят в Союз благоденствия М. А. Фонвизиним. Однако то, что это происходило в доме Киселева, никак документально не подтверждается. Знакомство же Волконского с «Русской правдой» произошло значительно позднее его вступления в тайное общество.

⁴ Сведения о советах С. С. Киселевой Волконскому, так же, как и далее Н. Н. Раевского о побеге за границу, не находят подтверждения в документальных материалах.

⁵ *Лилиенанкер* — смотритель Алексеевского рavelина Петропавловской крепости.

⁶ *Тараканова Елизавета* (ок. 1745—1775) выдавала себя за дочь имп. Елизаветы и объявила себя претенденткой на русский престол. В 1775 г. была заключена в Петропавловскую крепость, где умерла от туберкулеза.

⁷ *Севенис* и *Зоя Павлович* — сведения не найдены.

⁸ *Щепин-Ростовский Дмитрий Александрович* (1798—1858), кн., штабс-капитан л.-гв. Московского полка. В тайном обществе не состоял, однако принимал активное участие в восстании 14 дек. 1825 г. Осужден по I разряду на каторжные работы в Сибирь навечно, срок сокращен до 20 лет. На поселении был в с. Тасевском Енисейской губ., затем в г. Кургане. После амнистии жил в с. Ивановка Ярославской губ.

⁹ *Бестужев Михаил Александрович* (1800—1871), штабс-капитан л.-гв. Московского полка. Декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду на каторжные работы навечно, срок сокращен до 20 лет. Вместе с братом Н. А. Бестужевым отправлен на поселение в Селенгинск. После амнистии остался в Сибири и только после смерти жены в 1867 г. переехал в Москву.

¹⁰ *Арбузов Антон Петрович* (1797 или 1798—1843), лейтенант Гвардейского экипажа. Один из основателей тайного Общества Гвардейского экипажа (1824). Член Северного общества (дек. 1825 г.), активно действовал во время восстания на Сенатской площади. Осужден по I разряду на вечную каторгу, срок сокращен до 20 лет. В 1839 г. вышел на поселение в с. Назаровское Енисейской губ.

¹¹ Возможно, Долгоруков получил эти сведения от Волконского, однако никакими документами они не подтверждаются.

¹² *Мордвинов Николай Семенович* (1754—1845), гр., адмирал, сенатор. В 1802 г. морской министр. В 1823—1840 гг. президент Вольного экономического общества. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

¹³ *Толстой Петр Александрович* (1761—1844), гр., ген. от ин-

фантерии. Участник войны с Наполеоном 1806—1807 гг. В 1807—1808 гг. посланник в Париже. Член Верховного уголовного суда над декабристами, возглавлял разрядную комиссию. В 1830—1831 гг. участвовал в подавлении польского восстания.

¹⁴ *Кушников Сергей Сергеевич* (1765—1839), член Гос. совета, сенатор, адъютант А. В. Суворова. Участник Отечественной войны 1812 г. Член Верховного уголовного суда над декабристами.

¹⁵ М. М. Сперанский участия в заговоре не принимал, но он был, как пишет М. В. Нечкина, «декабристский кандидат в революционное Временное правительство», и поэтому «своим энергичным участием в подготовке и проведении суда он призван был «искупить» как этот «грех», так и подозрительные связи с Батеньковым, смутные слухи о своем согласии на участие во Временном правительстве в случае революционной победы» (*Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. С. 400*).

¹⁶ *Молчанов Дмитрий Васильевич* (ум. в 1857), чиновник Главного управления Восточной Сибири. Был женат на Е. С. Волконской. Умер от прогрессивного паралича.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Белоголовый — *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка // *Знаменский М. С.* Исчезнувшие люди. *Белоголовый Н. А.* Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988

ВД — Восстание декабристов. Материалы. Документы. М.; Л., 1925—1985. Т. 1—18

Волконская — Записки жены декабриста *М. Н. Волконской* // Своей судьбой гордимся мы. Иркутск, 1973

Волконский — Записки *С. Г. Волконского*. Спб., 1901

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР имени В. И. Ленина

Декабристы. Летописи Кн. 3 — Письма *С. Г. Волконского* // *Декабристы. Летописи* Гос. Литературного музея. М., 1938. Кн. 3

Записки ОР ГБЛ. Вып. 24 — Письма декабриста *С. Г. Волконского* / Публ. *М. П. Волконского* // *Записки ОР ГБЛ. М., 1961. Вып. 24*

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома)

ЛН — Литературное наследство

Попова — *Попова О.* История жизни *М. Н. Волконской* // *Звенья. М.; Л., 1934. Кн. 3—4*

ЦГАДА — Центр. Гос. архив древних актов СССР

ЦГАОР — Центр. Гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР

ЦГВИА — Центр. Гос. военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центр. Гос. исторический архив СССР

Якушкин — *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- М. С. Волконский, сын декабриста, первый издатель сего «Записок». Фотография Бергамаско с гравюры Шюблера.—86.
- Г. С. Волконский, отец декабриста. Худ. В. Л. Боровниковский.—96.
- А. Н. Волконская, мать декабриста. Неизвестный художник.—97.
- Н. Н. Раевский (старший), отец М. Н. Волконской. Акварель П. Ф. Соколова, 1826 г.—116.
- С. А. Раевская, мать М. Н. Волконской. Худ. В. Л. Боровниковский.—117.
- Н. Г. Репнин-Волконский, брат декабриста.—128.
- Дом в Петербурге на Мойке, 12, где жил декабрист. Фотография 1899 г.—179.
- С. Г. Волконский. Гравюра В. Унгера с миниатюры Ж.-Б. Изабе, 1814 г.—310.
- С. Г. Волконская, сестра декабриста. Акварель де Брандес с миниатюры Ж.-Б. Изабе, 1814 г.—313.
- С. Г. Волконский. Рис. Николо Серракаприоли, 1823 г.—357.
- Дом П. И. Пестеля в Тульчине, где собирались члены Южного общества.—362.
- М. Н. Волконская (урожд. Раевская), жена декабриста. Рис. Э. А. Волконской, 1826 г.—369.
- М. Н. Волконская с сыном. Гравюра В. Унгера с акварели П. Ф. Соколова, 1826 г.—387.
- Петропавловская крепость. Акварель неизвестного художника I половины XIX в., 1845 г.—389.
- Последний лист рукописи «Записок» С. Г. Волконского.—390.
- С. Г. Волконский на допросе. Рис. В. Ф. Адлерберга, 1826 г.—392.
- С. Г. Волконский. Фотография 1860-х гг.—412.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов, см. Аврамов П. В.
 Аврамов И. Б. 401, 408, 482, 487
 Аврамов П. В. 16, 361, 364, 384, 399, 401, 469
 Адлерберг В. Ф. 392
 Адлеркрейц К. И. 265, 455
 Азадовский М. К. 471
 Александр I, имп. 9, 11, 14, 21, 27, 36, 99—101, 104, 109, 114—117, 124—126, 133, 137—140, 168, 174, 176—178, 180—182, 184—186, 188—199, 202, 208, 209, 211—217, 221, 223, 225, 232, 233, 237, 240, 242, 245, 246, 249, 252—256, 263, 270, 273—277, 279, 288, 291, 301, 304—312, 324, 326, 335, 338—343, 345, 346, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 362, 363, 375, 378—380, 382—384, 397, 399, 402, 408—410, 413, 414, 420—422, 427, 429, 432, 433, 435, 436, 437, 439, 441—444, 446, 447, 451, 453, 454, 457, 459—462, 466, 468, 471, 478, 481, 489
 Александр II, имп. 65, 72, 77, 79, 299, 471
 Александра Павловна, вел. кн. 253, 453
 Али-паша Янинский 169, 439
 Алтуфьев В. И. 421
 Альбедиль П. Р. 178, 440
 Ангулемская, герцогиня, см. Мария Тереза Шарлотта Ангулемский, герцог, см. Бурбон Луи Антуан
 Андреев А. Н. 409, 488
 Анна Ивановна, имп. 463
 Анна Федоровна, вел. кн. 132, 431
 Анреп Р. К. 106, 424
 Ансельм де Жибори Я. И. д' 158, 437
 Анштетт (Анстетт) И. О. (И. П.) фон 307, 461
 Апраксин В. С. 432
 Апт И. Ф. 114, 115, 427
 Аракчеев А. А. 139, 180, 190, 192, 194, 195, 198, 209, 215—217, 277, 375, 378, 382, 395—397, 433, 447, 478
 Араужо 101, 421
 Арбузов А. П. 416, 490
 Арендт Н. Ф. 333, 466
 Армфельд Г. М. 184, 185, 190, 442
 Арнольди И. К. 270, 456
 Арсеньев А. Н. 402, 482
 Арсеньев Д. В. 107, 132, 133, 424, 425
 Арторно, книгопродавец 309, 462
 Артуа К. Ф. д', см. Карл X Ахмед-паша Рашид 436
 Багратион П. И. 108, 113, 115, 116, 118, 123, 141, 145, 146, 193, 198—202, 425, 434, 436—438, 445, 446
 Байков И. И. 39, 45, 385, 386, 399, 414, 479
 Балабин П. И. 130, 430, 431

- Балашов А. Д. 177, 178, 182, 183, 198, 214, 411, 439, 442, 489
- Барклай де Толли М. Б. 103, 109, 139, 175, 190, 192, 196, 197, 202, 204, 211, 254, 255, 337, 340, 422, 423, 428, 431, 432, 435, 438, 443—445, 448, 449, 458, 468
- Барк-Петровский (Б.-П.) И. В. 377, 378, 400, 477
- Барнек, ротмистр 258, 259
- Барташевич В. В. 93
- Бартенев П. И. 438
- Барятинский А. П. 361, 364, 384, 402, 469
- Басаргин Н. В. 15, 53, 57, 73, 393, 402, 408, 480, 482
- Басаргина О. И. (Медведева, урожд. Менделеева) 402, 482
- Баташев, капитан 265, 455
- Баташов (Баташев), отец, заводчик 410
- Баташов (Баташев) И. А., сын 410, 411, 489
- Баташовы (Баташевы), братья, 410, 489
- Батеньков Г. С. 8, 491
- Батюшков К. Н. 445
- Бауери, см. Бауэр
- Бауэр, ген. 101, 421
- Бахарат 136
- Башмаков Д. Е. 435
- Башмаков Е. М. 143, 435
- Башмакова (урожд. Суворова) В. А. 435
- Безак П. X. 146, 436
- Белоголовый Н. А. 61, 69
- Белосельская-Белозерская А. Г. 462
- Белосельская-Белозерская З. А., см. Волконская З. А.
- Белосельский 224
- Беляев А. П. 87
- Беляевы, братья 483
- Бенкендорф А. X. 5, 59, 60, 62, 179, 201, 203, 206, 209, 210, 224, 225, 279, 281—284, 417, 440, 464, 478
- Бенкендорф К. X. 5, 225, 231, 232, 281, 448, 457
- Беннигсен Л. Л. 98, 102—105, 107, 108, 112, 114, 117—124, 127, 138, 183, 190, 192, 272, 278, 421, 422, 424, 427, 428
- Берг Г. М. 231, 449
- Бергамаско, фотограф 86
- Бернадот (Бернадотт) Ж. Б. Ж. 255, 256, 258, 260, 262—267, 269—271, 274, 443, 454—456, 467
- Бернадоты, династия 454
- Беррийский, герцог, см. Бурбон Ш. Ф.
- Бертран А. Г. 330, 466
- Бертье Л. А. 268, 340, 429, 456, 467
- Бертэн, братья Луи-Франсуа и де Во 316, 463
- Бескровный Л. Г. 420, 424, 426, 428, 433, 436, 444
- Бессьер Ж. Б. 244, 245, 452
- Бестужев А. А. 49
- Бестужев М. А. 53—55, 87, 409, 415, 416, 487, 490
- Бестужев Н. А. 68, 409, 415, 416, 487, 490
- Бестужевы 54, 55
- Бестужев-Рюмин М. П. 23—25, 27—29, 49, 364, 386, 402, 426, 473, 479, 482
- Бечаснов (Бечасный) В. А. 409, 488
- Бибииков А. А. 78
- Бибииков И. Г. 364, 473
- Бибиикова (урожд. Муравьева) С. Н. 73
- Бирон П., герцог Курляндский 463
- Бирон П. А. (П. К.) 136, 432
- Бирон Э. И. 432, 463
- Блудов Д. Н. 363, 471
- Блюхер Г. Л., фон 263, 267, 289, 290, 292—297, 299—301, 304, 338, 339, 453, 455, 458, 467
- Бобрисшевы-Пушкины Н. С. и П. С., братья 361, 391, 402, 470
- Богарне А. 462
- Богарне Г. Е. 314—317, 327, 330, 333, 462—464
- Богарне Ж. 445, 467

- Богарне Э. (Е.) 203, 226,
 246, 249, 307, 309, 312,
 445
 Богданова М. М. 55
 Богданович М. И. 448
 Бок Т. Э. (Е.) 410, 489
 Бонапарт, см. Наполеон I
 Бонапарт И. (Ж.) 275, 456
 Бонапарт Л. (Л. Н.) 464
 Бонапарт Ш. Л. Н., см. Напо-
 леон III
 Бонапарт Ф. Ш. 312, 462
 Борисов 1-й А. И. 50, 70, 406,
 475, 485
 Борисов 2-й П. И. 50, 70, 406,
 475, 485
 Боровиковский В. Л. 96, 117
 Боровков А. Д. 47, 48
 Боровой С. Я. 471
 Бороздин А. М. 483
 Бороздин Н. М. 184, 442
 Бороздина (в 1-м браке Лиха-
 рева) Е. А. 404, 477,
 483
 Бороздина (в 1-м браке Под-
 жио) М. А. 405, 483
 Бороздина С. Л. 470, 477
 Бошняк А. К. 36, 37, 85,
 375—377, 380, 395—
 397, 414, 472, 477
 Бошняк-ага 436
 Брандес де, художница 311
 Бриген А. Ф., фон дер 408,
 486
 Броневский С. Б. 60
 Брюс 344, 467
 Будберг, ген. 14
 Будницкий, поручик 333, 466
 Буксгевден Ф. Ф. 104, 105,
 138, 139, 422—424, 433,
 447
 Булатов М. Л. 140, 433, 434
 Булгаков К. Я. 307, 425, 461
 Булгаков Я. И. 425
 Булгари Н. Я. 402, 408, 478,
 482
 Булгари Я. Н. 378, 407—408,
 478
 Булгарин Ф. Ф. 482, 483
 Бурбон Л. А. де, герцог Ан-
 гуглемский 316, 463, 464
 Бурбон Ш. Ф. де, герцог Бер-
 рийский 316, 464
 Бурбоны, династия, 10, 327,
 340, 342, 343, 454, 456,
 459—465, 467
 Бурнашев Т. С. 52—54, 416
 Бурцов (Бурцев) И. Г. 15, 16,
 18, 19, 361, 365, 366,
 399, 402, 469
 Буташевич-Петрашевский М. В.
 72
 Бутурлин Д. П. 102, 139, 201,
 300, 423, 433
 Бутягин П. С. 330, 332, 466
 Бухновский, офицер 16, 365,
 474
 Быстрицкий А. А. 406, 485
 Бычков А. Ф. 442
 Бюлов Ф. В., фон 260, 262,
 264, 270, 290, 292, 293,
 455
 Бюджетт Ф. 322, 465
 Вадковский А. Ф. 408, 489
 Вадковский Ф. Ф. 61, 62, 378,
 402, 406—409, 417, 478
 Валуев П. П. 99, 137, 144,
 145, 165, 174, 421
 Вандаль А. 429
 Вандамм Д. Ж. 455
 Ван-Эден, садовник 336, 467
 Василич, слуга М. С. Лунина
 70
 Васильев В. Ф. 130, 431
 Васильчиков И. В. 14, 289,
 298, 363, 457, 475, 478
 Вейротер (Вейротер, Вайн-
 рот) Ф. фон, ген. 212,
 447
 Вели-паша 169, 439
 Веллингтон А. У. 338, 339,
 346, 467
 Веселовский С. С. 244, 452
 Виктор К. П. 231, 449
 Викторов, поручик 265, 455
 Виалье Я. В. 382, 478
 Виальгельм I 457
 Виальгельм IV (Генрих) 321,
 465
 Виальгельм V Оранский 457
 Виальсон Р. Т. 126, 321,
 323—325, 335, 344, 430
 Винценгероде Ф. Ф. 9, 201—
 223, 233—236, 238—
 241, 243—252, 255—
 261, 266—275, 277—
 281, 283, 284, 286—

- 289, 291—297, 299—304, 337, 437, 440, 445—448, 450—452, 454, 455, 458
- Виртембергский (Вюртембергский) Е., герцог 235, 450
- Витгенштейн П. Х. 39, 42, 168, 169, 222, 230—232, 240, 242, 243, 245—249, 252, 254, 358, 364, 385, 398, 399, 402, 413, 414, 437, 438, 445, 447, 449, 451, 454—456, 469, 470, 481
- Витт И. О. 36, 37, 234, 236, 375—378, 380, 381, 388, 395—398, 450, 477, 480, 481
- Вице-король, см. Богарне Э. (Е.)
- Войнов А. Л. 156—158, 437
- Волконская А. М. 444
- Волконская А. Н. (урожд. Репнина) 3, 33, 46, 54, 58, 63, 64, 83, 94, 97, 131, 134, 141—144, 174, 175, 177, 205, 252, 352, 413, 417, 419, 435, 446
- Волконская Е. Г. 4
- Волконская Е. С. 65, 67, 72, 77, 79, 80, 356, 418, 468
- Волконская З. А. 5, 58, 309, 314, 343, 355, 364, 369, 435, 462
- Волконская (урожд. Раевская) М. Н. 20, 31—34, 39, 43, 46, 47, 51, 52, 54, 56—60, 63, 65—70, 72, 77, 80, 83, 84, 116, 117, 367, 369, 376, 384—389, 391, 402, 414—418, 428, 475, 476
- Волконская С. Г. 10, 63, 71, 83, 142, 237, 311, 314, 315, 343, 355, 364, 426, 435
- Волконские 4, 34, 62, 66, 68—70, 83, 419
- Волконский А. Н. 5
- Волконский Г. С. 4, 18—20, 22, 27, 94, 96, 103, 104, 141—143, 275, 413, 419, 434, 435
- Волконский Д. М. 115, 427, 428, 444
- Волконский М. П. 22
- Волконский М. С. 49, 56, 61, 65—67, 72, 79, 80, 82, 84, 86—92, 94, 431
- Волконский Н. Г. 63, 142, 178, 201, 435, 462
- Волконский Н. (Николаино) 42, 43, 55, 63, 67, 387, 415, 417, 479
- Волконский П. М. 14, 19, 43, 84, 114, 115, 138, 180, 183, 237, 245, 292, 302, 306, 307, 333, 338, 343, 362, 393, 398, 426—428, 444, 446, 459
- Волконский С. М. 73, 83, 84, 87
- Вольтер (Аруэ Ф. М.) 115, 427
- Вольф Ф. (Х.) Б. 61, 361, 364, 402, 407, 470
- Вольфген Л. И. 195, 196, 444
- Воронин, адъютант 196, 444
- Воронихин А. Н. 432
- Воронов, ген.-майор 195, 444
- Воронцов И. И., см. Воронцов-Дашков И. И.
- Воронцов М. С. 5, 132, 133, 240, 263, 274, 275, 279, 280, 290, 291, 295, 296, 298, 301—304, 356, 363, 431, 451, 458, 483
- Воронцов-Дашков И. И. 307, 461
- Враницкий В. И. 403, 482
- Врублевский, сотник 228—230, 448
- Вуич Н. В. 116, 428
- Вюртембергская (Виртембергская) Фредерика 441
- Вяземский П. А. 432, 434
- Габленц, саксонский ген. 235, 236, 450
- Гагарин А. И. 405, 483, 484
- Гагарин В. Ф. 141, 434
- Гагарин Г. И. 185, 186, 442
- Гагарин П. Г. 308, 461
- Гагарин Ф. Ф. 8, 141, 283, 434

- Гагарина (в замужестве Вяземская) В. Ф. 141, 142, 434
- Гагарина (в замужестве Полуэктова) Л. Ф. 141, 142, 434
- Гагарина (в замужестве Святополк - Четвертинская) Н. Ф. 141, 142, 434
- Гагарина (в замужестве Ладомирская) С. Ф. 141, 142, 434
- Гагарины, кн. 434
- Гарденберг К. А. 451
- Гарибальди Д. 92
- Гартинг И. М. 160, 438
- Гвидо, см. Рени Гвидо
- Гейсмар Ф. К. 336, 467
- Георг III 321, 465
- Георг IV, см. Уэльский, принц
- Гернет М. Н. 489
- Герцдорф (Герсдорф, Герздорф) К. М. 107, 424
- Герцен А. И. 3, 78—80, 85, 87, 92, 411, 446, 447, 481, 490
- Гершензон М. О. 45, 54
- Гессен С. Я. 3
- Гижицкий В. К. 348—354, 468
- Гизо Ф. 58
- Глебов М. Н. 409, 488
- Глинка Ф. Н. 364, 366, 473, 475
- Гнейзенау А. В. А. 294, 301, 458
- Гогель Ф. Г. 116, 428
- Голенищев-Кутузов М. И., см. Кутузов М. И.
- Голенищев-Кутузов П. В. 181, 225, 307, 416, 441, 448
- Голицын А. А. 446
- Голицын А. Н. 180, 441
- Голицын Д. В. 101, 120, 422
- Голицын М. С. 107, 425
- Голицын С. Ф. 425
- Голицына А. П. (Princesse Alexis) 205, 206, 446
- Голицына Н. П. 432
- Гольденвейзер А. Б. 78
- Гончаров И. А. 68
- Горголи (Горголий) И. С. 178, 181, 440
- Гордин Я. А. 476
- Горский О. Ю. В. 244, 245, 287, 288, 452
- Горчаков А. М. 427
- Горяинова (в замужестве Муравьева) В. А. 404
- Готрен, ген. 448
- Граббе П. X. 233, 364, 366, 425, 449, 450, 475
- Грабя-Горский, см. Горский О. Ю. В.
- Грамон, см. Давыдова А. А.
- Грамон А. Л. М., де 401, 432, 482
- Гревс А. 377, 400, 401, 478
- Грей Ч. 324, 335, 465
- Грессер А. И. 199, 200, 444, 445
- Греч Н. И. 421, 429
- Грибовский М. К. 478
- Грибоедов А. С. 8, 434, 440, 476
- Григорий XVI 464
- Григорьев Н. П. 72
- Гродецкий А. С. 27, 29, 30, 35, 476, 479
- Громнитский (Громницкий) П. Ф. 409, 487, 488
- Грузинов Е. 428
- Грузинов П. 428
- Грунер Ю. 13, 280, 457
- Губтон, англ. полк. 322, 465
- Гунтерштуббе, командир эскадрона 108
- Густав-Адольф II 247, 452
- Густав-Адольф IV 139, 140, 434
- Гутчинсон Д. Г. 121, 122, 428, 429
- Гюго В. 92
- Давид Ж. Л. 461
- Давидовский Я. Я. 102, 422
- Давиньон А. 68
- Даву Л. Н. 346, 445, 467
- Давыденков, майор 399, 481
- Давыдов А. Л. 137, 377, 401, 407, 432, 470, 482, 489
- Давыдов В. Л. 22—27, 29, 30, 35, 36, 39, 44, 45, 48, 50, 65, 361, 364, 367, 372, 375—377, 385, 401, 403, 407, 408, 432, 470, 477, 482, 489

Зверев В. 104, 193
Зильберштейн И. С. 68
Зия-паша Юсуф 147, 151, 154,
160, 436
Знаменский М. С. 61
Зубов П. А. 183, 184, 190,
320, 442, 464, 465
Зубова В. Д. 442

Ивашев В. П. 16, 361, 365,
403, 408, 417, 470, 482
Ивашева (урожд. Ле-Дантю)
К. П. 403, 408, 482
Изабе Ж. Б. 308—311, 461
Измаил-бей Сересский 436
Иловайский 12-й В. Д. 208,
210—212, 218, 446
Иловайский 4-й И. Д. 218,
219, 224—226, 447
Иловайский 11-й П. Д. 166,
438
Иорк фон Виртенбург Г. Д. Л.
240, 451
Иосиф, эрцгерцог австр. 253,
453
Ипсианты А. 8, 20, 478
Ипсианты К. 145, 436
Иылык-оглу Сулейман 148—
150, 436

Каблуков 2-й В. И. 135, 432
Каблуков 1-й П. И. 135, 432
Кадудаль Ж. 256, 454
Казимирский Я. Д. 440, 441
Каленберг А. К. 5, 142, 434,
435

Каленберг (урожд. Репнина)
Д. Н. 142, 434

Кальм Ф. Г. 361, 364, 470
Каменский М. Ф. 6, 98, 101—
105, 144, 420, 421, 424,
426

Каменский 2-й Н. М. 112,
139, 143—147, 150—
152, 154—156, 158—
161, 163—169, 171, 173,
174, 426, 433

Каменский 1-й С. М. 147, 148,
151, 154, 166, 170, 436

Канчиялов Г. А. 37

Капелюш Б. Н. 93

Каподистрия И. (И. А.) 307,
460, 461

Каракозов Д. В. 474

Карамзин Н. М. 468

Караш Н. Ф. 3, 93

Карл X 316, 429, 463, 464

Карл XIII 454

Карл XIV Юхан, см. Бернадот

Карл Людвиг Иоганн 308, 461

Карно Л. Н. М. 345, 467

Картац Д. 358, 469

Каховский П. Г. 49, 449, 480

Квадри В. В. 421

Кестльри Р. С. 306, 459

Кикин П. А. 178, 440

Киселев П. Д. 14, 19, 42, 44,
62, 233, 306, 376, 377,
381, 383, 384, 386, 393,
398, 399, 413, 449, 469,
480, 481, 490

Киселева С. С. 376, 414, 469,
477, 490

Клавоне С. К. 477

Кларенский, принц, см. Виль-
гельм IV

Клемерт, майор 283, 457

Кнорринг Б. Ф. 139, 433

Кнорринг К. Б. 243, 452

Коваль С. Ф. 68

Коган М. С. 3

Кожин С. А. 103, 111, 118,
119, 423, 426, 428

Кожина (урожд. Волконская)
Е. М. 426

Козлов, кварт. надзиратель 51

Козловский П. Б. 190, 443

Кокошкин Н. А. 307, 461

Коленкур А. О. Л. 131, 178,
429, 431

Кологринова П. Ю. 141, 434

Колошин Павел И. 365, 366,
474, 475

Колошин Петр И. 365, 366,
474, 475

Колычев С. Ф. 135, 432

Комаров Н. И. 16, 18, 19,
365, 366, 474, 475

Комбурлей М. И. 348, 468

Констан де Ребек Б. А. 314,
315, 463

Константин Павлович, всл. кн.
29, 35, 42, 100, 101,
180, 211, 233, 310, 384,
385, 398, 421, 431, 479

- Корин С. И. 27
 Корнилов И. П. 415
 Корнилов П. Я. 42, 156, 384,
 387—389, 391, 415, 437,
 478, 479
 Корнилович А. О. 403, 482,
 483
 Король Римский, см. Бонапарт
 Ф. Ш.
 Корсен, ген. 228, 448, 449
 Корф М. А. 80, 442
 Корф Ф. К. 348, 349, 468
 Коршиков Н. С. 428
 Кочкин Н. В. 143, 435
 Кочубей А. В. 457, 458
 Кочубей В. П. 136, 432
 Кошле Л. 315, 333, 463
 Краснокутский, подполк. 296,
 458
 Краснокутский С. Г. 408, 486
 Красовский А. И. 152, 437
 Кретов Н. В. 200, 349, 445,
 468
 Кривцов Н. И. 328, 465
 Кривцов С. И. 465
 Круликовская, см. Юшневская
 М. К.
 Крюков А. А. 404, 414, 470,
 483
 Крюков Н. А. 399, 409, 470,
 483
 Крюкова (Якубова, урожд.
 Киве) А. Н. 483
 Крюкова (Сайлотова, урожд.
 Чотушкина) 483
 Крюковы 361, 364, 403
 Крюссольд Ф. Э. 155, 156,
 437
 Кубалов Б. Г. 62
 Кудашев Н. Д. 132, 431
 Кудашева (урожд. Кутузова)
 Е. М. 431
 Кувальнев Я. П. 139, 141, 147,
 149, 151, 154, 167—169,
 433, 438
 Куракин А. Б. 429
 Куракина А. И. 446
 Куракины, сестры 429
 Курляндская, герцогиня, см.
 Шарлотта Доротея
 Кутузов М. И. 101, 206, 209,
 213, 221, 233, 237, 241,
 242, 363, 421, 422, 425,
 430, 431, 438, 440, 444,
 446, 447, 449, 451, 461
 Кутузов П. В., см. Голенищев-
 Кутузов П. В.
 Кучкин, капитан 288, 457
 Кушников С. С. 416, 491
 Кюхельбекер В. К. 53, 408,
 415, 486, 487
 Кюхельбекер М. К. 409, 487
 Кюхельбекер, братья 8
 Лабедуайер Ш. А. 13, 330,
 341—343, 466
 Лавалетт А. М. 329, 343, 344,
 465
 Лавалетт Э. Л. 344, 464, 467
 Лаваль А. Г. 314, 462
 Лавров Н. И. 196, 444
 Лагарп Ф. У., де 310, 311,
 462
 Ладомирский В. Н. 434
 Лазарев, солдат 430
 Лаллеман, братья (Ш. Ф. А. и
 А. Д.) 316, 463
 Ламсдорф Я. М. 155, 156,
 437
 Ланда С. С. 28
 Ланжерон А. Ф. 16, 144, 149,
 150, 158, 160, 165, 301,
 356, 357, 365, 423, 436,
 459, 474
 Ланн Ж. 424
 Ланской С. Н. 234—236, 241,
 243—245, 248, 251, 298,
 450, 458
 Латур-Мобур Ж. П. Ф. де Фай
 327, 465
 Лаудердаль Д. М. 324, 335,
 465
 Лачинов Е. Е. 361, 470
 Лебцельтерн Л. А. 483
 Левашов В. В. 96, 130, 393,
 394
 Левенвольде К. К. 95, 96, 129,
 420
 Левенштерн В. И. 258—260,
 293, 294, 454, 458
 Левиз оф Менар Ф. Ф. 154—
 157, 437
 Левицкий М. И. 107, 424
 Левшин 55
 Ле-Дантю К. П., см. Ивашева
 К. П.
 Лескок, сакс. ген. 235, 450

- Леман П. М. 393, 480
 Лемке М. К. 440
 Ленсдаун, лорд, см. Петти Г.
 Леонтьев И. С. 352, 468
 Леопольд II, имп. 461
 Лепарский С. Р. 52, 53, 59
 Лесток, прусский ген. 259,
 260, 455
 Лешерн, витебский губернатор
 198, 199, 444
 Ливен Д. X. 320, 325, 464
 Ливен X. A. 99, 320, 324—
 326, 421, 464
 Лилиенанкер, смотритель Алек-
 сеевского равелина 415,
 490
 Линден А. М. 68
 Линь К. И. де 308, 309, 461,
 462
 Липранди И. П. 297—299, 458,
 459
 Лисовская А. В., см. Енталь-
 цева
 Лисовский Н. Ф. 408, 487
 Лихарев В. Н. 27, 37, 39, 40,
 44, 364, 375, 376, 395,
 396, 400, 404, 471, 472,
 477, 483
 Лобанов А. Я., см. Лобанов-
 Ростовский А. Я.
 Лобанов-Ростовский А. Я. 132,
 309, 431
 Лобанов-Ростовский Д. И. 124,
 125, 429, 442
 Лобанова-Ростовская М. Я.
 132, 431
 Ломоносов М. В. 476
 Лопухин П. П. 121, 126, 135,
 181, 189, 190, 429
 Лопухина А. П. 461
 Лорер Н. И. 11, 55, 398—400,
 404, 481
 Лотман Ю. М. 11, 32, 44, 61,
 62
 Лувель Л. П. 464
 Луи Наполеон, см. Наполе-
 он III
 Луи Филипп 125, 429, 430,
 447, 463
 Лукашевич В. Л. 30, 31
 Лунин М. С. 3, 55, 60, 61, 66,
 69—71, 83, 97, 136, 364,
 407, 415, 417, 420, 430,
 485, 488
 Лунина 136, 432
 Львов Л. Н. 225, 448
 Львов Л. Ф. 32
 Львов Н. А. 448
 Львов Ф. Н. 71
 Люблинский Ю. К. 475
 Людовик XV 328, 465
 Людовик XVI 24, 318, 459,
 464
 Людовик XVIII 10, 24, 304,
 316, 318, 327—329, 343,
 453, 459, 463, 464, 468
 Людовик-Филипп, см. Луи Фи-
 липп
 Люксембург, гр. 270, 456
 Мадатов В. Г. 235, 236, 450
 Мазараки С. С. 287, 288, 457
 Мазер К. П. 68
 Майборода А. И. 37, 38, 41,
 43, 85, 377—381, 385,
 396—398, 400, 402, 414,
 477, 478, 481
 Майков Л. Н. 56
 Майков П. М. 423
 Макдональд А. 451
 Макк К. 217, 477
 Максимилиан, бав. король 445
 Мале К. Ф. 223, 448
 Мантейфель И. В. 269, 456
 Манфред А. Э. 438
 Марголис Ю. Д. 93
 Мардуэль, священник 317,
 464
 Мария Луиза, фр. имп. 462
 Мария Тереза Шарлотта, гер-
 цогиня Ангулемская 316,
 343, 464
 Мария Федоровна, имп. 5, 43,
 174, 181, 439, 441, 450,
 453
 Мартенс К. 293, 458
 Марченко В. Р. 307, 461
 Матханова Е. И. 57, 92
 Меер (Мейер) А. М. 16, 365,
 474
 Мейерович И. 99, 421
 Менделеев Д. И. 482
 Мерсье, аббат 206, 446
 Меттерних К. В. Л. 306, 309,
 312, 459, 460
 Милорадович М. А. 233, 234,
 250, 251, 366, 449, 473

- Минкина Н. Ф. 382, 397, 478
 Митьков М. Ф. 58, 365, 408, 474, 475
 Михаил Павлович, вел. кн. 174, 439, 457, 473, 474
 Михайловский-Данилевский А. И. 208, 300, 306, 307, 420, 424, 428, 430, 433, 434, 438, 446, 460
 Михельсон И. И. 158, 435, 438
 Мицкевич А. 28, 462
 Мицкий (Мицкой) И. Г. 199, 444
 Моден Г. К. 133, 431
 Моденский, герцог, см. Франциск IV
 Модзалевский Б. Л. 3, 52, 83, 84, 87
 Мозгалевский Н. О. 409, 487
 Мокар, аббат 290, 457, 458
 Мокар, братья 457, 458
 Молитор Г. Ж. Ж. 457
 Молчанов Д. В. 67, 72, 417
 Момбелли Н. А. 72
 Мордвинов Н. С. 416, 490
 Моро, ген. 292, 458
 Моро Ж. В. 256, 292, 454
 Мортье Э. Л. 220, 447
 Мошинский Г. С. В. И. 42
 Муллин В. 34
 Муравьев А. Э. 50, 51, 404, 406, 483
 Муравьев А. М. 364, 408, 472
 Муравьев А. Н. 364, 472
 Муравьев М. Н. 365, 474
 Муравьев Н. М. 8, 23, 26, 43, 49, 55, 61, 65, 73, 364, 365, 372, 373, 399, 407, 408, 417, 420, 472, 485
 Муравьев Н. Н. 67, 70, 488
 Муравьев С. И., см. Муравьев-Апостол С. И.
 Муравьева (урожд. Чернышева) А. Г. 52, 408, 486
 Муравьева (урожд. Горяинова) В. А. 483
 Муравьев-Апостол И. И. 404, 483
 Муравьев-Апостол М. И. 8, 49, 73, 78, 364, 404, 415, 472, 479, 483
 Муравьев-Апостол С. И. 8, 23—27, 29, 31, 37, 49, 364, 388, 404, 415, 426, 472, 473, 483
 Муравьева-Апостол (урожд. Константинова) М. К. 483
 Муханов П. А. 63, 66, 70, 407, 485, 486
 Мухтар-паша 169, 439
 Мюрат И. Н. 107, 424
 Налбухин П. М. 484
 Наполеон I 10, 13, 108, 119, 121, 122, 124—126, 131, 134, 136, 154, 158, 178, 183, 185—187, 191, 192, 204, 212, 213, 220—223, 227, 231, 237, 243, 246, 248—250, 253, 256, 258, 267, 271, 273, 274, 295, 296, 298, 300, 301, 304—306, 308, 311—316, 323—327, 329—336, 338, 340—345, 420, 423, 424, 426, 427, 429—432, 435, 440, 441, 443—458, 460—468, 490, 491
 Наполеон III (Ш. Л. Бонапарт) 125, 316, 317, 430, 462, 464, 467
 Наполеон Луи 316, 464
 Нарезный В. Т. 442
 Нарышкин А. Л. 447
 Нарышкин Д. Л. 439
 Нарышкин И. А. 177, 439
 Нарышкин К. А. 132, 431
 Нарышкин Л. А. 209, 215—223, 321, 446
 Нарышкин М. М. 408, 486
 Нарышкина Е. А. 177, 178, 439
 Нарышкина М. Ал. 216, 447
 Нарышкина М. Ант. 178, 181, 216, 432, 439
 Небольсин, адъютант 145, 155, 436
 Ней М. 252, 265, 327, 343—345, 453, 455, 456, 467
 Неккер Ж. 314, 463
 Непенин А. Г. 364, 473
 Нессельроде К. В. 190, 276, 307, 443, 460
 Нехлюдов, офицер 106, 424
 Нечкина М. В. 3, 56, 475, 491

Никитин А. П. 236, 450
Николай I, имп. 42, 43, 45,
46, 48, 49, 51, 58, 59,
65, 71, 72, 80, 89, 146,
174, 179, 241, 299,
386—388, 391, 393, 394,
398—400, 403, 409, 410,
415, 417, 427, 436, 446,
449, 460, 475, 478, 480
Николь Ш. Д. 5, 15, 95, 206,
290, 358, 362, 419, 431,
440, 449, 457
Новиков Н. И. 7
Новосильцев, адъютант 169,
438
Норов В. С. 404, 483
Ностиц Г. И. 84
Ностиц, сакс. ген. 235, 450

Оболенский Е. П. 50, 51, 53,
69, 73, 408, 415, 416,
480, 487

Обресков А. М. 167, 438
Огарев Н. П. 79, 80
Оде де Сион К. 210, 211, 446
Одоевский А. И. 407, 408,
415, 485, 486
Ожаровский А. П. 196—198
306, 342, 444

Озеров В. А. 187, 443
Оксман Ю. Г. 79
Окунь С. Б. 3, 17, 468, 485
Оленин А. Н. 142, 435
Оленин Е. И. 202, 445
Оленин Н. Я. 435
Оленина (урожд. Волконская)
А. С. 142, 435

Олизар Г. Ф. 360, 469
Олов, офицер 349—351, 468
Ольденбургский А. П. Ф.,
принц 182, 441
Ольденбургский П. Ф. Г.,
принц 181, 196, 197,
252, 439, 441

Ольденбургский П. Ф. Л.,
принц 181, 182, 441
Ольшанский П. Н. 3, 28, 29
Орауж, см. Араужо
Орлов А. П. 386, 479
Орлов А. Ф. 5, 66, 67, 233,
303, 420, 449
Орлов Г. Ф. 130, 431

Орлов М. Ф. 5, 15, 31, 34, 36,
96, 97, 130, 358, 359,
361—368, 420, 448, 449,
459, 471, 475
Орлова Е. Н. 33, 45, 67, 365,
475
Орлов-Денисов, поручик 208,
209, 446
Орлов-Денисов В. В. 446
Остен-Сакен Ф. (Г.) В. 118,
307, 428, 450, 460
Остерман-Толстой А. И. 6,
101—104, 107, 110, 111,
421, 422
Охотников К. А. 361, 471,
475
Очкин, см. Кочкин Н. В.

Павел I, имп. 103, 118, 146,
310, 321, 421, 422, 428,
429, 437, 439, 442, 445,
446, 453, 461

Павлович Зоя 415, 490
Паглиновский Д. М. 99, 421
Пален К. М. (М. И.) 264, 303,
455

Панин А. Н. 457
Панин В. Н. 458
Панин Н. П. 205, 445, 446
Панкратев Н. П. 306, 312,
460

Панов Н. А. 406, 407, 416,
485, 486
Пантелеев С. И. 223, 448
Парис, ординарец 204, 445
Парр, гр., полк. 471
Партено Л. 231, 449
Паскевич И. Ф. 399, 481
Паулуччи Ф. О. 196, 197,
410, 444

Пегливан, см. Пехливан-паша
Перовский Л. А. 299, 339, 459
Перфильев С. В. 74, 226
Пестель И. Б. 410, 489
Пестель П. И. 4, 8, 15—19,
21—26, 28—32, 34—36,
38, 39, 41—45, 48, 49,
78, 81, 360, 362, 364,
367, 370—372, 375, 376,
379, 380, 384—386,
396—400, 404, 406, 410,
413—416, 440, 449, 469,
470, 479, 481

- Пестов А. С. 408, 486
 Пети де Вейрвер (в замужестве Полиньяк) Е. К. 286, 457
 Пети де Вейрвер К. 285, 457
 Петр I, имп. 336, 430
 Петрашевский, см. Буташевич-Петрашевский М. В.
 Петрулин, адъютант 119
 Петти Генри, маркиз Ленсдаун 324, 325, 465
 Пехливан-паша Ибрагим 148, 154, 436
 Пишегрю Ш. 256, 454
 Платов М. И. 112, 119, 126, 192, 193, 226, 227, 426, 431
 Победнов, полк. 210, 446
 Повало-Швейковский И. С. 364, 405, 408, 472, 473
 Поджио А. В. 27, 37, 39—41, 66, 364, 405, 407, 473, 483
 Поджио И. В. 39, 364, 405, 407, 408, 473, 483, 486
 Поджио (урожд. Смирнова) Л. А. 405, 483
 Поливанов И. Ю. 405, 484
 Полиньяк И. И. 109, 286, 425, 426, 457
 Полуектов Б. В. 434
 Понсет М. И. 295, 458
 Понятовский Ю. 191, 273, 444
 Попова Н. И. 93
 Попова О. И. 3, 32—34, 47, 52
 Порох И. В. 3
 Потапов А. Н. 392, 399, 480
 Потапова А. И., см. Давыдова А. И.
 Потемкин Г. А. 462
 Потоцкая С. С., см. Киселева С. С.
 Потоцкая Д. (Э) 360, 469
 Потоцкий А. 352, 468
 Потоцкий М. С. 469
 Потоцкий С. С. 177, 352, 398, 439
 Поццо ди Борго Ш. А. (К. О.) 338, 467
 Прожогин Н. П. 93
 Прозоровский А. А. 146, 436
 Пугачев Е. И. 143, 435, 438
 Путятин Е. В. 68
 Пушкин А. С. 56, 58, 62, 63, 73, 427, 432, 439, 443, 458, 462, 466, 477
 Пушкин-Бобрищев Н. С., см. Бобрищев-Пушкин Н. С.
 Пушкин-Бобрищев П. С., см. Бобрищев-Пушкин П. С.
 Пушин И. И. 22, 58, 62—64, 69—74, 78, 374, 408, 415, 470, 477, 480, 487
 Пыпин А. Н. 8
 Раевская (в первом браке Фаленберг, во втором Налбухина) Е. В. 405, 484
 Раевская Е. Н., см. Орлова Е. Н.
 Раевская М. Н., см. Волконская М. Н.
 Раевская С. А. 47, 117, 476
 Раевский А. Н. 33, 47, 65, 200, 366, 445, 475
 Раевский В. Ф. 299, 361, 364, 438, 458, 459, 471, 473
 Раевский Н. Н. (старший) 31, 45, 46, 116, 139, 141, 154, 155, 160, 200, 365, 386, 391, 402, 407, 415, 428, 432, 445, 470, 475, 476, 489, 490
 Раевский Н. Н. (младший) 60, 200, 445, 475
 Раевский Н. С. 407, 470
 Раевские 32, 33
 Разумовский А. К. 307, 308, 460
 Разумовский К. Г. 460
 Разумовский Л. К. 206, 446
 Рапп Ж. 266, 455
 Резвый (Резвой) Д. П. 173, 439
 Рени Гвидо 132
 Ренни К. М. фон 132, 133, 431
 Ренни К. А. 431
 Ренни Р. Е. 261, 455
 Ренье (Рейнье) Ж. Л. Э. 234—236, 450
 Репин Н. П. 409, 488
 Репнин Н. В. 4, 5, 46, 94, 413, 419, 429, 430, 434, 435
 Репнин-Волконский В. Н. 434
 Репнин-Волконский Н. Г. 13, 30, 34, 46, 63, 127, 128,

- 141—145, 183, 232, 324,
335, 430, 434, 466
- Репнина-Волконская (в заму-
жестве Кушелева-Безбо-
родко) А. Н. 434
- Репнина-Волконская (урожд.
Разумовская) В. А. 434
- Репнина-Волконская В. Н. 434
- Репнина-Волконская (в заму-
жестве Кривцова) Е. Н.
434
- Репнины 419, 431
- Риго Р. де 17
- Рик, шихтмейстер 53
- Ришелье А. Ж. дю Плесси
357, 468
- Родофиникин К. К. 171, 172,
439
- Розен А. Е. 53, 476
- Розенберг, подполк. 214, 215,
447
- Рокур Ф. М. А. 10, 317, 318,
464
- Роллети, молд. боярин 145,
436
- Романовы, династия 481
- Ромм Ж. 438
- Ронов А. Н. 478
- Ростовцев Я. И. 363, 471
- Рудзевич А. Я. 299, 459
- Румянцев Н. П. 190, 443, 444
- Румянцев П. А., см. Румян-
цев-Задунайский П. А.
- Румянцев-Задунайский П. А.
150, 419
- Рупеот В. Я. 65, 66
- Руско, ген. 287, 288, 457
- Рылеев К. Ф. 8, 49, 409, 415,
480, 488
- Рюрик 4
- Сабанеев И. В. 167, 169, 384,
438
- Савченко, денщик Пестеля 38,
384, 399, 479
- Сакен, см. Остен-Сакен
- Салаандр, аббат 206, 446
- Самойлов А. Н. 407, 489
- Санглен Я. И. 182, 183, 441,
442
- Свербеев Н. Д. 75
- Свечин, ген.-майор 222, 447
- Свиньин П. П. 256, 454
- Свистунов П. Н. 36, 408, 417,
486
- Святополк-Четвертинский Б. А.
434
- Себастьян де ла Порта О. 154,
437
- Севенис, грек 415, 490
- Селим III 148, 436
- Семевский В. И. 3, 86, 471
- Сен-Ле, см. Богарне Г. Е.
- Сен-При Э. Ф. 167, 236, 295,
438
- Сен-Сир Л. Г. 268, 456
- Серракаприола Н. 357
- Сиверс А. А. 74, 427
- Сиверс К. К. 200, 240, 445,
452
- Сиверс Ф. Ф. 348, 467
- Сиверс Я. К. 123, 163—165,
429, 437
- Симоновский Г. 442
- Скарятин, офицер 138, 432
- Слепцов Н. С. 400, 414, 481
- Смирнов (Линицкий) Я. И.
320, 464
- Смит (Шмидт) С. В. 308, 461
- Соколов П. Ф. 116, 387
- Соколовская Т. К. 9
- Соколовский М. К. 82, 425
- Солтык Р. 268, 456
- Сперанский М. М. 182—186,
416, 441, 442, 491
- Спешнев Н. А. 72
- Спиридов М. М. 408, 486
- Сталь А. Л. Ж. де 314, 315,
463
- Сталь К. Г. 103, 423
- Стединг (Штединг) Б. Л. X.
263, 455
- Стендаль (А. М. Бейль) 467
- Степанов, чиновник 99, 100,
421
- Стерн Л. 442
- Строганов А. Г. 356, 357, 468
- Строганов А. П. 298, 458
- Строганов А. С. 432
- Строганов Г. Г., см. Строга-
нов А. Г.
- Строганов П. А. 165, 173,
279, 290, 296, 298, 438,
458
- Струве Б. В. 67
- Струков Г. Н. 143, 435
- Суворов Ал. А. 405, 484

- Суворов А. В. 4, 5, 116, 121, 146, 162, 419, 421, 424—426, 428, 434, 443, 445, 446, 451, 479, 484, 491
- Суворов Арк. А. 238, 451
- Сукин А. Х. 43, 47
- Сулистровский, виленский губернатор 232, 449
- Султан-Шах М. П. 58
- Сутгоф А. Н. 406, 485
- Сухинов И. И. 409, 488
- Сухозанет И. О. (А.) 255, 453
- Сухтелен П. П. 184, 287, 442
- Сьейс (Сийес) Э. Ж. 371, 476
- Сыроечковский Б. Е. 36, 45
- Сысов 3-й В. А. 157, 158, 437
- Талейран де Перигор Ш. М. 306, 429, 460, 462
- Талызин А. И. 246, 247, 452
- Тараканова Е. 415, 490
- Тартаковский А. Г. 448, 460
- Татищев А. И. 42, 43, 50
- Тауенцин фон Виттенберг Б. Ф. Э. 263, 455
- Таше де ла Пажери Ж. 462
- Тетенборн (Теттенборн) Ф. К. 217, 225, 232, 278, 447
- Тизенгаузен В. К. 364, 405, 408, 473, 484
- Тимашев Н. И. 143, 435
- Тихантовская А. Э. 64, 93
- Тихонов, фельдъегерь 391, 479
- Тишин, полк. 195, 444
- Толпыга, подполк. 398, 481
- Толстая С. П. 431, 432
- Толстой Д. А. 199, 200, 444
- Толстой Л. Н. 78, 422
- Толстой П. А. 416, 432, 490, 491
- Толь К. Ф. 191, 338, 443, 444
- Тормасов А. П. 455, 479
- Торсон К. П. 409, 487
- Трипье Н. Ж. Б. 317, 464
- Троцкий И. М. 36, 37, 489
- Трубецкая Е. И. 52, 66, 68, 408, 462, 486
- Трубецкие 61
- Трубецкой В. С. 154, 165, 173, 235, 437
- Трубецкой П. И. 392, 480
- Трубецкой С. П. 8, 41, 42, 50, 51, 53, 55, 65, 68, 72, 73, 81, 365, 407, 415—417, 474, 480
- Тургенев И. С. 78
- Тургенев Н. И. 91, 372—375, 475—477
- Тутолмин П. В. 144, 435
- Тучков, ген. 422
- Тьерри О. 58
- Тюрненже Ж. 11, 64
- Тютчев А. И. 409, 487
- Уваров А. С. 206, 446
- Уваров С. С. 129, 430, 446
- Уваров Ф. А. 130, 430
- Уваров Ф. П. 119, 134, 135, 164, 176, 177, 180, 420, 428
- Уваров Ф. С. 129, 430
- Углицкий (Углецкий) В. А. 143, 435
- Удино Ш. Н. 231, 263, 449, 455
- Унгер В. 310, 387
- Ушаков С. Н. 298, 458
- Уэльский (Валлийский) принц 321, 325, 334, 465
- Фавье, полк. 471
- Файерштейн С. М. 3
- Фаленберг П. И. 55, 405, 409, 484, 488
- Фейн, колонист 356, 468
- Фердинанд VII 17
- Фердинанд, австр. эрцгерцог 217, 447
- Фигнер А. С. 255, 266—268, 453
- Флери де Шабулон П. А. Э. 332, 466
- Фок А. Б. 114, 423, 427
- Фонвизин Д. И. 69
- Фонвизин И. А. 18
- Фонвизин М. А. 16, 18, 67, 361, 364, 366, 413, 417, 469, 490
- Фонвизина Н. Д. 470
- Фохт И. Ф. 38, 40, 405, 408, 416, 484
- Франц I, австр. имп. 461

- Франциск-Фридрих Саксен-
Заольфельд Кобургский,
эригерцог 431
- Франциск IV (Франц Эсте)
341, 467
- Фридрих II Великий 120, 121,
262, 427, 428
- Фридрих-Август I 241, 273,
452, 456, 466
- Фридрих-Вильгельм III 114,
116, 125, 237, 242, 427,
451
- Фриз, гувернер 5
- Фролов А. Ф. 409, 489
- Фуль К. Л. А. 195, 196, 444
- Хвошинский, поручик 333, 466
- Ходкевич А. 27
- Хотяинцев И. Н. 30
- Хрептович И. М. (И. Е.) 107,
132, 133, 425, 431
- Хрущов И. А. 149, 437
- Хункалов, кн. 219, 447
- Цейдлер И. Б. 50—52
- Цызырев П. А. 151—153, 437
- Чаадаев П. Я. 8, 427, 440
- Чарковский (Черковский) А.
27, 367, 476, 479
- Чарторижский (Чарторийский)
А. Е. (Ю.) А. 307, 461
- Черкасов А. И. 405, 408, 484
- Черниговцев, маркшейдер 51
- Чернов С. Н. 18, 53
- Чернышев А. И. 38, 41, 42,
50, 59, 95, 135, 136,
178, 222, 223, 275, 279,
285—288, 297, 299, 300,
303, 306, 308, 339, 342,
380, 384, 386, 398—400,
414, 419, 420, 427, 432,
447, 467, 481
- Чернышева А. Г., см. Муравь-
ева А. Г.
- Чичагов П. В. 222, 230, 231,
234, 240, 254, 321,
437—439, 448, 450, 456,
458
- Шарлотта Доротея, герцогиня
Курляндская 314, 462,
463
- Шарнгорст (Шарнхорст)
Г. И. Д. 247, 453
- Шатобриан Ф. Р. 314, 315,
463
- Шаховской И. А. 102, 422
- Шаховской Н. В. 89, 90
- Шварценберг К. Ф. 234, 450,
471
- Швейковский, см. Повало-
Швейковский
- Шелехов Ф. П. 421
- Шеппинг О. Д. 115, 339, 427
- Шервуд И. В. 36, 85, 377,
378, 380, 381, 400, 401,
407—411, 414, 477, 478,
489
- Шереметев В. В. 368, 476
- Шиллинг, корнет 284, 457
- Шильдер Н. К. 442, 477
- Шипов И. П. 365, 474
- Шипов С. П. 365, 473
- Шмидт, см. Смит
- Шостак Л. 483
- Шпрингпортен, бар. 127, 430
- Шредер А. А. 307, 461
- Штакельберг Г. О. 307, 460
- Штейн Г. Ф. К. 280, 307, 457
- Штейнгель Ф. Ф. 114, 119,
121, 426
- Штрайх С. Я. 3
- Шубин А. 100, 421
- Шуваев Г. П. 84
- Шувалов П. А. 140, 193, 434
- Шюблер, художник 86
- Щепин-Ростовский Д. А. 415,
490
- Щепкин М. С. 13
- Щербатов А. Г. 163, 391, 438,
480
- Эйдельман Н. Я. 3, 58, 69,
74, 85, 87, 92, 93, 459,
481
- Эксельман Р. Ж. И. 316, 463
- Эммануэль (Емануэль) Г. А.
103, 251, 252, 416, 423
- Энгельгардт Е. А. 58
- Эристов А. С. 82, 425

Эртель Ф. Ф. 234, 238, 246,
450

Эссен 1-й И. Н. 106, 119, 121,
424, 437

Юрьева Н., крестьянка 488

Юшневская (урожд. Крули-
ковская) М. К. 406, 484

Юшневский А. П. 16, 20, 23,
36, 38, 48, 360, 364,
376, 385, 386, 406, 414,
426, 469, 484

Яблоновский А. С. 35, 367,
476

Яковлев И. А. 211—213, 446,
447

Яковлев Л. А. 446

Якубович А. И. 31, 32, 50,
368—370, 406, 476, 485

Якушкин Е. И. 55, 77, 86

Якушкин И. Д. 18, 19, 49, 54,
55, 69, 70, 87, 364, 366,
393, 408, 472, 475

Якушкины 32, 62, 73, 77

Янтальцев А. В., см. Енталь-
цев А. В.

Яхонтов А. А. 269, 456

Ярошинский, помещик 410,
489

Ячменев Е. А. 93

Яшвиаль Л. М. 255, 454

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ф. Караш, А. Э. Тихантовская. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки»	3
Записки	94
Приложения	395
Три предателя	395
Князь Сергей Григорьевич Волконский	411
Комментарий	419
Список сокращений	492
Список иллюстраций	493
Указатель имен	494

Волконский С. Г.

В67 Записки / Издание подготовлено А. Э. Тихан-
товской, Н. Ф. Караш, Б. Н. Капелюш.—
Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство,
1991.—512 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).

«Записки» декабриста С. Г. Волконского занимают особое место в ряду декабристских мемуаров. На фоне широкой панорамы жизни русского общества первой трети XIX в. автор прослеживает путь, который привел его, представителя одного из самых древних и знатных родов России, к осознанию необходимости борьбы с самодержавием и крепостничеством. Текст «Записок» восстановлен по хранящемуся в архиве оригиналу.

В $\frac{0503020200-24}{M141(03)-91}$ 44—91

9(C)15

ISBN 5—7424—0326—7

© Восточно-Сибирское
книжное издательство, 1991

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ. Записки

Художник серии А. М. Муравьев

На обложке портрет С. Г. Волконского

работы Д. Доу, 1822 г.

На фронтиспise портрет С. Г. Волконского

работы Н. А. Бестужева, 1835 г.

На форзаце акварель М. Н. Воробьева

«Зимний дворец», 1817 г.

Редактор А. В. Г л ю к

Художественный редактор А. Г. Маклыгин

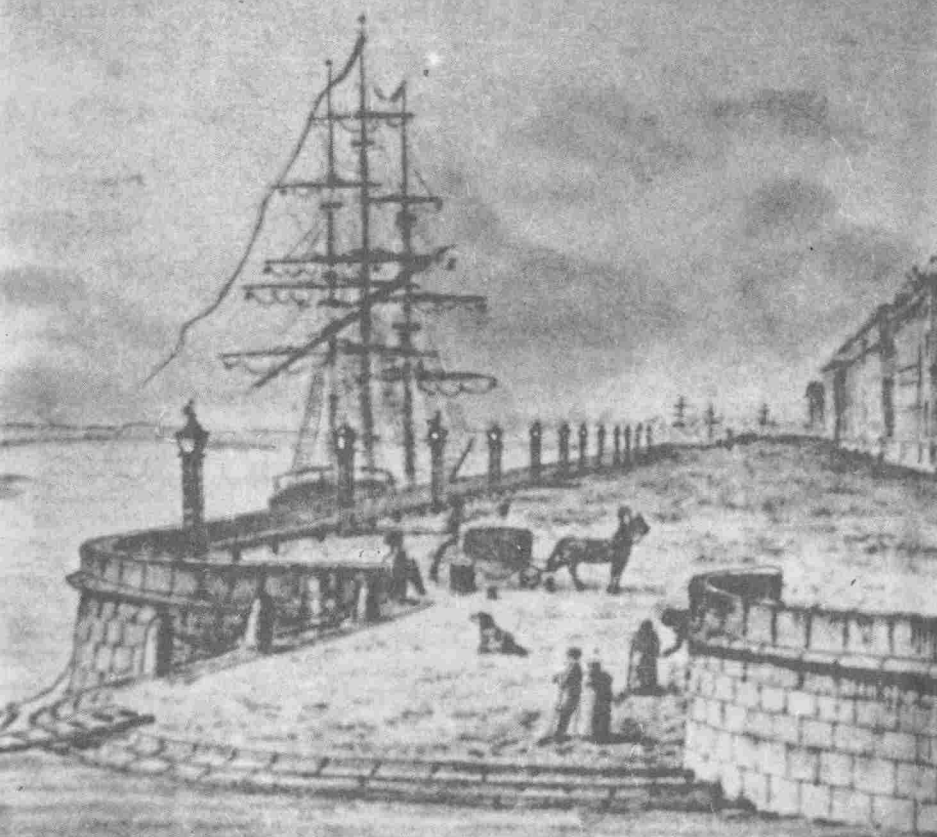
Технический редактор А. В. Пономарева

Корректоры А. С. Лысенко, В. М. Ермакова

ИБ № 1673

Сдано в набор 08.05.90. Подписано в печать 31.05.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бум. тип. № 1. Гарнитура академическая. Офсетная печать. Усл. печ.
л. 26,19 (с фронт.). Уч.-изд. л. 30,95 (с фронт.). Усл. кр.-отг. 26,82.
Тираж 50 000 экз. Заказ 1679. Изд. № 6427. Цена 3 р. 40 к.

Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и
массовой информации РСФСР, 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, Ир-
кутск, ул. Советская, 109.

20172.

1724069

1724069